

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Византийское общество: история, право, культура»

Byzantine Society: History, Law and Culture

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number ПИ № ФС77-78162 of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova*

Editor of English texts is *D.A. Novak*

Making up by *M.Yu. Merkulova*

Technical editing by *M.Yu. Merkulova, E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on Dec. 10, 2024.

Date of publication: Dec. 28, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 28.2. Published pages 30.3.

Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies). Order 124. «С» 39.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования

«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № ФС77-78162 от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова*

Редактор английских текстов *Д.А. Новак*

Верстка *М.Ю. Меркуловой*

Техническое редактирование *М.Ю. Меркуловой,*

Е.С. Реушниковой

Подписано в печать 10.12 2024 г.

Дата выхода в свет: 28.12 2024 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 28,2. Уч.-изд. л. 30,3.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.). Заказ 124. «С» 39.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного

университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024

Том 29. № 6

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2024

Volume 29. No. 6

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2024. Vol. 29. No. 6

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue: Byzantine Society: History, Law and Culture

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Asst. *A.S. Smirnov* – Assistant Editor (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor of the
Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Cand. Sc. *V.A. Zolotovskiy* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Stelnik* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu.Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Giryva* (Saint
Petersburg);

Dr. Sc., Prof. SDU University *S.V. Golunov* (Kaskelen,
Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Truong Anh Thuan*
(Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* (Volgograd);
Cand. Sc. *Yu.Ya. Vin* (Moscow)
take the position of the Executive Editors
of the present issue

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024. Т. 29. № 6

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Византийское общество: история, право, культура»

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ассист. *А.С. Смирнов* – технический секретарь (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысиков* – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *В.А. Золотовский* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Стельник* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.В. Цюрюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);

канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. СДУ Университета *С.В. Голунов* (г. Каскелен, Казахстан);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD (история), ассоциир. проф. *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

Выпускающими редакторами номера являются

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Ю.Я. Вин* (г. Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

О юбилейном X тематическом номере
«Византийское общество: история, право, культура»
(Благодарный ученик Н.Д. Барабанова, кандидат
исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
сервиса и туризма ВолГУ В.А. Золотовский) 6

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА

Алексеевко Н.А., Аржанов А.Ю. Новый штрих
к биографии Калокира из Херсона 7

Майко В.В. Восточное стекло
в византийской материальной культуре Сугден
второй половины XIII века 15

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Патрин В.Г. Практика счисляемых молитв
в раннем монашестве
как форма непрерывного синаксиса 26

Лурье В.М. Пять Анастасий и две Февронии:
экскурсия по лабиринту легенд об Анастасии.
Часть вторая. Римское досье. П. Анастасия
между Вассиллой и Петрониллой
(заключительная часть) [На англ. яз.] 36

Сенина Т.А. Посейдон и Плутон
как творцы человеческой души
в пантеоне Георгия Гемиста Плифона 59

ПЕРИФЕРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Ендольцева Е.Ю., Быстрицкий Н.И., Дрыга Д.О.,
Казеннова Л.К., Карнаушенко А.Д., Карнаушенко Э.Н.
Верхняя и Нижняя церкви на горе Анакопия:
опыт виртуальной реконструкции
архитектурного убранства 71

Еманов А.Г. Корабельные сообщества Кафы
в ситуации кризиса XIV века 99

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Мехамадиев Е.А. Вождь вестготов Аларих
и захват Рима вестготами в 410 г.
в «Хронике» Иоанна Никиуского:
сюжеты катастрофы
или религиозно-политической борьбы? 119

Виноградов А.Ю. «Слово о законе и благодати»
в контексте русско-византийского конфликта
середины XI века 128

Золотовский В.А. Сражение при Димитриаде
в фессалийской кампании Иоанна Палеолога:
военно-историческая реконструкция 142

Стельник Е.В. Пешая прогулка
у Георгия Пахимера как проблема 155

Куц Т.В. Антигерой своего времени:
византийский император Иоанн VII Палеолог 162

Павлович Б.Д. «Прогнило что-то
в Датском королевстве» – болезни
императоров и выдающихся лиц
в византийских исторических трудах как выражение
беспорядка в империи [На англ. яз.] 172

Вин Ю.Я. Концепт «улучшение»
(«βελτίωσις» – «βελτίωμα») византийских документов:
предварительные изыскания 192

ВИЗАНТИЙСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ПАЛЕОГРАФИЯ И ЭПИГРАФИКА

Грацианский М.В. Два императорских письма
из «Фессалоникского собрания»:
проблемы подлинности и содержания 215

Щавелев А.С. К прочтению греческой
новгородской берестяной грамоты № 552 231

Курьшева М.А. Кодекс-конволют ВnF
Supplément grec 607: палеография,
кодицилогия и время создания 236

Евдокимова А.А. Системы акцентуации
в византийских греческих надписях
и граффити Каппадокии 246

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВО

Илич Т.М. Три новеллы Алексея I Комнина
в Номоканоне Св. Саввы [На англ. яз.] 264

ПУБЛИКАЦИИ И КАТАЛОГИ

Войтенко А.А. Рассказы о Данииле Скитском.
I. Даниил Скитский (ВНГ 2100)
и юродивый Марк (ВНГ 2255)
(Введение, перевод с греческого
и комментарии А.А. Войтенко) 276

Памяти Николая Дмитриевича Барабанова
(02.03.1956–27.05.2024)
(Главный редактор, выпускающий редактор
тематического номера,
доктор исторических наук, профессор
И.О. Тюменцев) 291

Игорь Павлович Медведев (01.11.1935–31.08.2024)
(Редколлегия) 295

Рецензенты журнала в 2024 г. 297

CONTENTS

On the jubilee 10th thematic issue “Byzantine Society: History, Law, and Culture” (*Grateful student of N.D. Barabanov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Service and Tourism of VolsU V.A. Zolotovskiy*) 6

BYZANTINE TAURICA

Alekseienko N.A., Arzhanov A.Yu. A New Trait in the Biography of Kalokyros from Cherson 7

Maiko V.V. Eastern Glass in the Byzantine Material Culture of Sugdeja of the Second Half of the 13th Century 15

BYZANTINE ORTHODOXY

Patrin V.G. The Practice of Counted Prayers in Early Monasticism as a Form of Unceasing Synaxis 26

Lourié B. Five Anastasiae and Two Febroniae: A Guided Tour in the Maze of Anastasia Legends. Part Two: The Roman Dossier. II. Anastasia Between Bassilla and Petronilla (Concluding Part) 36

Senina T.A. Poseidon and Pluto as Creators of the Human Soul in George Gemistos Plethon’s Pantheon 59

PERIPHERY OF THE BYZANTINE WORLD. ISSUES OF HISTORY AND CULTURE

Endoltseva E.Yu., Bystritskiy N.I., Dryga D.O., Kazennova L.K., Karnaushenko A.D., Karnaushenko E.N. Upper and Lower Churches on Mount Anakopia: Experience of Virtual Reconstruction of Architectural Decoration 71

Emanov A.G. Caffa’s Shipboard Societies in a Crisis Situation in the 14th Century 99

POLITICAL HISTORY

OF THE BYZANTINE EMPIRE

Mekhamadiev E.A. A Visigoth Chief Alaric and the Sack of Rome by the Visigoths in 410 AD as Viewed in the “Chronicle” of John of Nikiu: Narratives of a Catastrophe or Religion-Political Clashes? 119

Vinogradov A.Yu. The “Sermon on Law and Grace” in the Context of the Russian-Byzantine Conflict in the Mid-11th Century 128

Zolotovskiy V.A. The Battle at Demetrias in the Thessalian Campaign of John Palaiologos: A Military Historical Reconstruction 142

Stelnik E.V. George Pachymeres’ Walking as a Problem 155

Kushch T.V. Antihero of His Time: The Byzantine Emperor John VII Palaiologos 162

Pavlović B.D. “Something Is Rotten in the State of Denmark” – Diseases of Emperors and Prominent Persons in Byzantine Historical Narratives as an Expression of Turmoil in the Empire 172

Vin Yu.Ya. The Concept “Improvement” («βελτίωσις» – «βελτίωμα») of Byzantine Documents: The Preliminary Survey 192

BYZANTINE SOURCE STUDIES, PALEOGRAPHY, AND EPIGRAPHY

Gratsianskiy M.V. Two Pieces of Imperial Correspondence from the *Collectio Thessalonicensis*: Issues of Their Authenticity and Contents 215

Shchhavelev A.S. To the Reading of the Greek Novgorod Birchbark Letter No. 552 231

Kurysheva M.A. Codex-Convolutae BnF *Supplément Grec* 607: Paleography, Codicology and Time of Making 236

Evdokimova A.A. Accentuation Systems in Byzantine Greek Inscriptions and Graffiti in Cappadocia 246

BYZANTINE LAW

Ilić T.M. Three Novellae of Alexius I Comnenus in the Nomocanon of Saint Sava 264

PUBLICATIONS AND CATALOGS

Voytenko A.A. Voytenko A.A. Abba Daniel of Scetis. I. Abba Daniel from Scetis (BHG 2100) and the Abba Mark the Fool (BHG 2255) (Introduction, Translation from Greek and Commentary by Anton A. Voytenko) 276

In Memory of Nikolay D. Barabanov (March 2, 1956 – May 27, 2024) (*Chief Editor, Executive Editor of the Thematic Issue, Doctor of Sciences (History), Professor I.O. Tyumentsev*) 291

Igor P. Medvedev (November 1, 1935 – August 31, 2024) (*Editorial Staff*) 295

Reviewers of the Journal in 2024 297

О юбилейном X тематическом номере «Византийское общество: история, право, культура»

Представляя Вашему вниманию наш сборник, хочу выразить надежду на то, что уровень публикаций и достигнутые авторами результаты не вызовут разочарования, напротив, оставят заметный след в бесконечном континууме исследовательских усилий, направленных на постижение феномена Византии.

Н.Д. Барабанов, октябрь 2015 г.

Этими словами завершил первое и единственное «Слово выпускающего редактора» первого тематического номера Вестника ВолГУ несменный редактор византийского выпуска журнала наш друг, коллега и учитель Николай Дмитриевич Барабанов, ушедший из жизни 27 мая 2024 года.

Десятый (юбилейный) выпуск византийского номера Вестника Волгоградского государственного университета под общим названием «Византийское общество: история, право, культура» в последний раз подготовлен выпускающим редактором Н.Д. Барабановым. Почти десять лет назад, по итогам организованной в мае 2015 года первой в Волгограде международной конференции «Мир Православия. Византийская цивилизация и ее наследие», вышел первый тематический византийский номер Вестника ВолГУ. Успех выпуска был настолько очевидным, что сразу после выхода Николай Дмитриевич убедил редакционную коллегию в необходимости издания ежегодного тематического номера, посвященного византиноведению. В течение десяти лет, благодаря подвижническому отношению Н.Д. Барабанова к своему детищу, тематический сборник выходил в свет. Кропотливая и вдумчивая работа с текстом, а также чуткое отношение к творческим порывам авторов со стороны Николая Дмитриевича, терпение, сосредоточенность и выдержка его ученика Павла Ивановича Лысикова позволили не только создать высокий научный авторитет к византийскому выпуску, но и серьезно помочь Вестнику Волгоградского государственного университета в продвижении на международный уровень.

В тематические номера «Византийское общество: история, право, культура» Вестника ВолГУ поступают статьи исследователей из различных городов России и зарубежных стран. Нескончаемая энергия, энтузиазм и дружелюбие Николая Дмитриевича привлекли более сотни исследователей, треть из которых представляют школы византистики Армении, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Италии, Китая, Норвегии, Сербии, Словакии, Турции, Франции, Хорватии и др. Весомый вклад во взаимодействие с иностранными коллегами внес старший научный сотрудник ИВИ РАН Юрий Яковлевич Вин, который с первого выпуска оказывал помощь редколлегии журнала, а с 2022 года стал соредактором номера.

Разнообразие тем научных изысканий авторов выпуска, понимаемое Николаем Дмитриевичем как естественный и единственно возможный принцип формирования византийского номера, влияло на изменения в рубриках. Вместе с тем с годами сложились и постоянные рубрики, отражающие широкий спектр научных интересов авторов в вопросах исследования византийской цивилизации.

Уважаемые коллеги, мы продолжаем начинание Николая Дмитриевича Барабанова по выпуску византийского тематического номера. Редколлегия Вестника ВолГУ, как и все последние десять лет, ждет от авторов новых интересных статей по византиноведению.

*Благодарный ученик Н.Д. Барабанова, кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой сервиса и туризма ВолГУ В.А. Золотовский*

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.1>

UDC 94“4/14”:929

LBC 63.3(0)4-91

Submitted: 15.06.2024

Accepted: 24.10.2024

A NEW TRAIT IN THE BIOGRAPHY OF KALOKYROS FROM CHERSON

Nikolay A. Alekseienco

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Aleksey Yu. Arzhanov

State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Tauric Chersonesos”, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The limited range of written sources, studied to a certain extent that provided various interpretations of the Byzantine prosopography, makes every new monument of sigillography capable of replenishing and enlarging our notion of this or that historical figure (by clarifying their careers or biographies) a very valuable source, sometimes allowing the one to enlarge the earlier known account. This is certainly the case of the seals of the famous Kalokyros, a member of the elite of Cherson. *Methods.* The comparative analysis of the written sources account and the earlier-known *molybdoboulla* of this member of the administration of Cherson uncovers some of the pages (still rather disputably) of his biography and career. All the rest is still a matter of discussion. *Analysis and results.* In this connection, one of the new sigillographic finds in Cherson is of particular interest, as it reveals a previously unknown episode from the life of this representative of the local elite. The seal legend states that its owner, Kalokyros by name, possessed the rank of *protospatharios* and held the position of the *proteuon* of Cherson. There is no doubt that the new seal reflects the earliest stage of his career, before he got the title of *patrikios* and took part in the well-known Byzantine embassy to Prince Sviatoslav of Rus’ (in 967 AD), and, accordingly, clarifies the Byzantine written sources’ account on the status of this representative of Cherson. *Contribution of authors:* Historical, sigillographic and epigraphic analysis – N.A. Alekseienco; historical and archaeological survey – A. Yu. Arzhanov.

Key words: history of Byzantium, sigillography, *molybdoboulla*, seals, Taurica, Cherson, Kalokyros, *proteuontes*.

Citation. Alekseienco N.A., Arzhanov A. Yu. A New Trait in the Biography of Kalokyros from Cherson. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 7-14. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.1>

УДК 94“4/14”:929

ББК 63.3(0)4-91

Дата поступления статьи: 15.06.2024

Дата принятия статьи: 24.10.2024

НОВЫЙ ШТРИХ К БИОГРАФИИ КАЛОКИРА ИЗ ХЕРСОНА

Николай Александрович Алексеенко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Алексей Юрьевич Аржанов

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Ограниченность круга письменных источников на фоне их определенной изученности и различных интерпретаций в изучении византийской просопографии каждый новый сфрагистический

памятник, способный дополнить и обогатить наши представления о тех или иных исторических личностях (уточнить их карьеры или биографии), ставит в разряд наиболее ценных источников, порой позволяющих существенно расширить известные ранее данные. К таковым, безусловно, относятся и печати известного херсонского аристократа Калокира. *Методы.* Сравнительный анализ данных письменных источников и известных ранее моливдовулов этого представителя херсонских властей позволяют открыть лишь отдельные страницы (да и то, достаточно туманно) его биографии и карьеры. Отдельные сведения до сих пор остаются дискуссионными. *Анализ и результаты.* В этой связи одна из новых сфрагистических находок в Херсоне вызывает повышенный интерес, поскольку открывает ранее неизвестный эпизод из жизни этого представителя местной элиты. Согласно легенде моливдовула, владелец рассматриваемой печати по имени Калокир имеет ранг протоспафария и занимает должность протевонта Херсона. Не вызывает сомнения, что новая печать отражает наиболее ранний этап его карьеры, до получения титула патрикия и участия в известном византийском посольстве на Русь (967 г.) к Святославу и, соответственно, уточняет известия византийских письменных источников о статусе херсонского представителя. *Вклад авторов.* Н.А. Алексеенко – исторический, сфрагистический, эпиграфический и библиографический анализы исходя из данных рассматриваемого моливдовула; А.Ю. Аржанов – археологическое исследование, анализ библиографии и данных исторической топографии, связанной с участком находки печати.

Ключевые слова: история Византии, сфрагистика, моливдовулы, печати, Таврика, Херсон, Калокир, протевонты.

Цитирование. Алексеенко Н. А., Аржанов А. Ю. Новый штрих к биографии Калокира из Херсона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 7–14. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.1>

Памяти Н.Д. Барабанова

Введение. Изучение биографий отдельных лиц – далеко не новый метод в исторических исследованиях. К жизнеописанию тех или иных деятелей прошлого историки обращались еще со времен античности. В эпоху Средневековья к сагам и семейным хроникам добавились жития многочисленных святых и произведения религиозно-философского содержания. Как правило, это были истории героев, деяния правителей или описания духовных подвигов столпов веры. Не стали исключением в этом смысле и византийские писатели. Однако в их поле зрения значительно реже попадали «обычные» люди. Если известных государственных деятелей, важных придворных, высокопоставленных гражданских и военных функционеров на страницах хроник еще можно встретить достаточно часто, то сведения о представителях других классов византийского общества лишь отрывочны и мало информативны, не говоря уже о провинциальных чиновниках, о которых зачастую мало что известно. Нередко служебная карьера отдельных личностей становится доступной лишь благодаря памятникам сфрагистики.

Особое значение это приобретает тогда, когда круг письменных источников существенно ограничен, достаточно изучен и не-

однократно интерпретирован. В таких случаях вновь выявленные страницы биографии или этапы служебной карьеры отдельных личностей порой способны значительно дополнить и обогатить наши представления о том или ином историческом персонаже. Тем более если речь идет о представителях провинциальной аристократии, которые зачастую обделены вниманием византийских хронистов и авторов нарративных произведений.

Все вышесказанное в полной мере относится к истории византийского Херсона. По письменным источникам, памятникам эпиграфики и сфрагистики известно несколько знатных семейств, представители которых в X–XI вв. имели непосредственное отношение к городским властям и фемной администрации византийского Херсона. К примеру, письменные источники называют нам Петрону Каматира [22, р. 182–184 (42_{25–55})], Иоанна Вогу (Вогаса) [24, п. 9, line 99–100] и Георгия Цулу [20, р. 464; 26, р. 354], а памятники эпиграфики – Льва Алиата [11]. Существенно дополняют сведения о представителях херсонского нобилитета данные памятников сфрагистики. В то же время случаи, когда находки печатей позволяют открывать отдельные страницы биографии некоторых упомянутых в письменных источниках лиц, непосредственно связанных с историей Херсона, достаточно

редки. В X в. к таковым можно отнести лишь двух местных фигурантов. Во-первых, это упоминаемый кремонским епископом Лиутпрандом стратиг Керкиры патрикий Михаил Херсонит [13, с. 147, 148], три печати которого уже в статусе стратига Херсона [2, с. 257, 258, 264, № 2–3; 5, с. 343, 344, III.1.59.1–3] теперь известны не только в Херсоне, но и на Тамани [15, с. 90, 91, № 49; 16, с. 73]. Ну и, конечно же, патрикий Калокир, участник посольства Никифора II Фоки к русскому князю Святославу в 967 г., которого Скилица и Зонара называют сыном херсонского протевонта (...ἐκ Χερσῶνος πρωτεύοντος υἱὸν...) [26, р. 277_{27–31}; 27, р. 87₅]. Благодаря моливдовулам стали известны некоторые дополнительные сведения из его жизнедеятельности [4].

Методы. Основным методом нашего исследования является сравнительный анализ данных письменных источников и известных ранее данных памятников сфрагистики, имеющих отношение к этому представителю херсонских властей, которые в известной степени позволяют приоткрыть завесу таинственности с отдельных страниц его биографии, а также введение в научный оборот новой сфрагистической находки, уточняющей по крайней мере один из эпизодов его карьеры.

Анализ. Находка новой ранее неизвестной печати Калокира (раскопки 2021 г.) вновь возвращает нас к его жизненному пути, достаточно противоречивому, по свидетельствам византийских авторов, и до сих пор сохраняющему множество белых пятен и тумана. Напомним, что первоначально к рассматриваемому персонажу был отнесен лишь один из моливдовулов, происходящих с территории херсонесского городища, на котором владелец имел статус протевонта Херсона («первенствующего» из городских магистратов), неожиданно соседствовавший с переданным, к сожалению, в сокращении рангом византийского военачальника (*стратилата*) или наместника-администратора (*стратига*). Неполная сохранность буллы в то время не позволяла уверенно реконструировать имя ее владельца (Калокир!), да и первый статусный термин вызывал много вопросов [1, с. 166, 167, № 15; 3, с. 158; 5, с. 418, III.8.4.1; 18, р. 85; 19, р. 220, 221, nr. 137.1]. Впоследствии дублетный экземпляр той же пары матриц

снял вопрос об имени собственника буллы и дал возможность сделать практически полную реконструкцию легенды: Θεοτόκε βοήθει τῷ σῶ δουλῷ Καλοκύρῳ πατρικίῳ καὶ στρατ(ηγῶ) καὶ πρωτεύοντι Χερσόνος [4, с. 296–300, № 1; 5, с. 419, III.8.4.2]. В отношении указанного на печати первым сокращенного термина (СТРАТ) отметим, что первоначально была выбрана точка зрения о возможности присутствия здесь ранга – *стратилата* [1, с. 166]. Однако в дальнейшем, с учетом специфически местной административной системы, которую наглядно иллюстрируют херсонские моливдовулы, наиболее очевидное решение было отдано в пользу *стратига*, хотя совмещение функций византийского наместника и муниципального протевонта в одном чиновнике – достаточно неожиданное явление [19, р. 220, 221, nr. 137.1; 4, с. 299]. В то же время отметим, что предложенный вариант реконструкции сокращения СТРА как должность стратига поддержал В.А. Сидоренко [14, с. 39]. Более того, здесь, очевидно, следует обратить внимание на замечание исследователя по поводу указанного в источниках статуса Калокира. По мнению ученого, «текст Скилицы был дополнен конъюнктурой “сын”», и «следовавший логике переписчик принял выступавший в значении местоимения член в генетиве, поставленный перед предлогом, за несвязанный в падеже ни с одним существительным, что и побудило согласовать с ним должность протевонта, логически дополнив фразу и восстановив аккузативный член перед именем», и «в оригинале у Скилицы могло быть вполне связное сообщение: τὸν τοῦ ἐκ Χερσῶνος πρωτεύοντος υἱὸν τὸν Καλοκυρὸν – протевонта Калокира, самого из Херсона» (см.: [14, с. 39]). Следовательно, в хронике может повествоваться, собственно, не о сыне «первенствующего», а самом протевонте из Херсона, отправленном посланником на Русь. В этой связи, очевидно, можно вспомнить и высказанное в свое время предположение А.Л. Якобсона о том, что патрикий Калокир, «получивший важное дипломатическое поручение, был вместе с тем назначен на должность херсонского стратига» [17, с. 53]. Действительно, упомянутые выше печати, если наши реконструкции легенды верны, в какой-то мере могли бы свидетельствовать в пользу такого вывода, и остается только

надеяться, что со временем появятся сведения, способные снять все дискуссионные вопросы.

Учитывая повышенный интерес к персоне Калокира, особое значение приобретает новая находка его моливдовула в Херсоне, дающего дополнительную информацию о его служебной карьере.

В ходе недавних раскопок в Южном пригороде Херсонеса, проводимых под руководством ИИМК РАН, была найдена печать с оригинальной легендой¹, которая в известной степени может подтверждать наблюдение В.А. Сидоренко. Археологический контекст находки – участок № 10, слой перемещенного грунта, содержащего как современные предметы, так и археологический материал, возможно, происходящий из отвалов ранних раскопок городища.

Н-24306. ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (см. рисунок).

Диаметр – 23 мм; толщина заготовки – 3 мм; вес – 8,2 г.

Сохранность удовлетворительная; оттиск слегка смещен и частично выходит за край заготовки.

Аверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин греческая надпись в четыре строки, украшенная внизу четырьмя (?) точками в ряд:

.ΘΚΕ	Θ(εοτό)κε
.ΟΗΘΕΙ	[β]οήθει
.ΤΟΣΟ	τὸ σὸ
ΔΟΥΛ	δοῦλ(ω)
....	

Реверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин греческая надпись в четыре строки, начинающаяся небольшим крестиком:

+ΚΑΛΟΚ	Καλοκ
ΥΡΑΣΠΑ.	ύρ(ω) (πρωτο)
ΤΟΠΡΟΤΧΕ	спа[θ(αρίω)]
ΡΣΟΝΟΣ	τὸ προτ(ευόντι) Χε
	ρσόνοϛ

Как видим, по категории изображений новая булла также, как и известные ранее печати Калокира, относится к печатям билатериального (археографического) типа, то есть несет двухстороннюю надпись, однако указывает иной статус владельца. В эпиграфике данный экземпляр также имеет сокращения, но на этот раз достаточно традиционные, относительно уверенно поддающиеся реконструкции. В то же время легенда имеет весьма специфическую орфографию. Как видно из текста, мастер повторил одну и ту же подмену букв (*омикрон* вместо *омеги*) в трех последовательных словах. Однако нет оснований сомневаться, что присутствие *омикрона* в легенде печати – это либо обычная ошибка резчика матриц, либо традиционное, широко применяемое на практике в разных регионах империи замещение литер, отражающее классические вариации, которые возникли в результате процесса итацизма, сокращения долгих гласных, монофтонгизации дифтонгов, ассимиляции согласных и упрощения групп согласных [9, с. 98, 100]. Графемы

Печать Калокира из Херсона
Seal of Kalokyros from Cherson

омикрона и омеги, йоты и эты достаточно часто фиксируются и на моливдовулах (см., например, [6, с. 251; 7, с. 103, № 6] и др.), и в памятниках эпиграфики [8, с. 87–97].

Также думается, что нет оснований видеть и в сокращении ГОПРОТ указание на родовое имя владельца. А тем более связывать его с клерикальной должностью протоса. Хотя в подобной орфографии и известен моливдовул из собрания *Dumbarton Oaks* (BZS.1958.106.212), владельцем которого являлся протос монастыря Папикиона². Присутствующее в конце легенды рассматриваемой печати имя Херсона вместе с наличием у владельца ранга протоспафария абсолютно исключает возможность ее отнесения к церковным буллам.

Таким образом, судя по всему, здесь мы имеем дело с наиболее ранней печатью Калокира, датировка которой должна предшествовать тем буллам, где он уже был удостоен высокого звания патрикия. Ее легенда в правильной орфографии, очевидно, должна была выглядеть следующим образом: Θεοτόκε βοήθει τῷ σῶ δουλῷ Καλοκύρῳ протосπαфарίῳ τῷ πρωτεύοντι Херσῶνος³ – Богородица, помоги своему рабу Калокиру, протоспафарию и протевонту из Херсона.

Следует отметить, что именно статус протоспафария достаточно традиционен для херсонских чиновников, в том числе и первенствующих (протевонтов) X столетия. Об этом красноречиво свидетельствуют их моливдовулы (см.: [5, с. 414–423, № III.8.1–7]). И как мы помним, по сообщению источников, до дипломатической миссии к Святославу Калокир еще не имел высокого звания патрикия. Таким образом, новый экземпляр его буллы следует относить к периоду до 967 года. Датировку печати началом второй половины X в. подтверждает один из датированных моливдовулов, принадлежавший Василию, проедру синклита и паракимомену «христолюбивого деспота» [25, р. 73, 74, пг. 69], которого Н. Икономидис отождествляет с одноименным евнухом и побочным сыном Романа I Лакапина, впервые возведенным Никифором II Фокой в ранг проедра сената, и которому в источниках того периода неизменно сопутствует прилагательное ἐνδοξότατος (славнейший, величайший) [23, р. 49, 94; 26, р. 284; 21, р. 440–443 (Сар. 97)]. Его булла датирована 963–976 годами.

Примечательно, что на этом моливдовуле присутствует характерный декоративный элемент в оформлении изображений (ободок вокруг легенды в виде ряда крупных жемчужин между двух ободков из мелкой зерни), который присутствует не только на двух экземплярах печати патрикия Калокира, где он представлен как стра(тиг) и протевонт Херсона [5, с. 418, 419, № III.8.4.1–2], но и на некоторых печатях херсонских стратигов [5, с. 317, № III.1.37] и местных аристократов второй половины X – рубежа X/XI вв. [19, р. 236, 237, пг. 157–158]. В пользу датировки новой печати Калокира началом второй половины X в. свидетельствует и использованный шрифт легенды, который также очень близок шрифту памятников сфрагистики этого времени.

Выводы. Таким образом, сопоставляя свидетельства византийских хронистов о Калокире из Херсона и данные новой херсонесской находки, нам представляется возможность достаточно уверенно обозначить отрезок его карьеры, предшествовавший его дипломатической миссии на Русь.

Напомним лишь отдельные, имеющие к нашей истории непосредственное отношение, сведения. К примеру, Лев Дьякон в четвертой книге своей «Истории», сообщая о Калокире, не называет Калокира сыном протевонта и даже не указывает его херсонское происхождение ([23, р. 68]; пер.: [12, с. 36, 37]). Здесь мы не будем вдаваться в подробности соответствий и противоречий в сведениях Льва Дьякона, Скилицы или других авторов, это прекрасно показал в свое время П.О. Карышковский [10]. Заметим лишь то, что в комментариях важных для нас событий, описанных Львом Дьяконом, М.Я. Сюзюмов и С.А. Иванов отмечают, что «Лев в своем повествовании объединил два похода Святослава в один, так что, помимо прочих недоразумений, произошло смешение целей начальной и последующей деятельности Калокира» [12, с. 188, примеч. 8].

Из пятой главы Истории Льва Дьякона следует, что Калокир не только завязал дружбу и «соединился узами побратимства» с русским князем, но и склонял его выступить против ромеев ([23, р. 77–79]; пер.: [12, с. 43–45]).

Как известно, первый поход Святослава на болгар Скилица относит к концу лета 968 г.

(август 11 индикта), а второй – состоялся годом позже ([26, p. 277, 288]; ср.: [10, с. 138]), но еще при жизни Никифора II Фоки.

Мнение исследователей относительно Калокира далеко не однозначно, чему в первую очередь способствовал факт отсутствия сведений в источниках о его судьбе после походов Святослава. Очевидно, нет необходимости вдаваться в подробности придворных интриг, связанных с кончиной Никифора II Фоки и воцарением Иоанна I Цимисхия, а также говорить о той роли, которую мог играть патрикий Калокир в ходе этих событий. Библиография на эту тему достаточна обширна.

В нашем случае здесь наиболее важны главные, и что особо ценно, беспристрастные источники – памятники сфрагистики, фиксирующие реальное положение вещей современной им эпохи без каких-либо прикрас и фальши. Благодаря одному из них, введенному в научный оборот сегодня, не приходится сомневаться, что херсонский аристократ по имени Калокир, прибывший в столицу ко двору императора, согласно данным новой печати в ранге протоспафария, и занимавший в то время пост местного протевонта, а отнюдь не бывший сыном городского «первенствующего» магистрата, осенью 967 или ранней весной 968 г. удостоивается высокого придворного титула – патрикия, получает важное поручение василевса и отправляется с посольством на Русь. При этом не исключено, что вместе с рангом патрикия он мог получить и должность стратига Херсона. Или, по крайней мере, обрести ее в результате успешной дипломатической миссии после первого похода Святослава на болгар летом 968 года. Для ставленника и приверженца Никифора II Фоки, успешно выполнившего ответственное поручение императора, такое назначение вполне логично и, наверное, даже оправдано. Более того, известный по другой печати еще один высокий ранг Калокира – анфипат [4, с. 300, 301, № 2] так же мог быть связан с очередными наградами и почестями, последовавшими после увенчавшегося успехом посольства к Святославу. Вряд ли отложившийся от империи мятежник мог быть удостоен подобной привилегии. Комментаторы «Истории» Льва Дьякона справедливо отмечают, что известие византийского исто-

рика о действиях Калокира против империи при поддержке войска Святослава могли произойти лишь после известия о смерти Никифора, поскольку при Иоанне Цимисхии он вряд ли мог рассчитывать на успехи в своей карьере [12, с. 188, примеч. 8]. Скорее, при новом василевсе его ожидала опала и соответствующее наказание за попытку при помощи русов поднять мятеж и захватить власть. Как представляется, своеобразной иллюстрацией этому как раз-таки и может служить моливдовул с титулом анфипата, на котором весьма вероятно отражен и соответствующий результат попавшего в немилость несостоявшегося мятежника – монашеский сан владельца. Если предполагаемая реконструкция легенды моливдовула верна (возможно, со временем будет открыта печать более лучшей сохранности, что позволит точно реконструировать текст надписи), то, не исключено, что после провала своих амбициозных планов и попыток захвата власти Калокир был вынужден принять постриг и так или иначе доживать свои дни в монашеской обители. Хотя память о своих высоких достижениях (анфипат и патрикий) он и предпочел сохранить на своих моливдовулах. В истории империи известно достаточное количество примеров, когда высокопоставленные особы, попав в опалу, если не попадали на эшафот, то подвергались жесточайшим пыткам и увечьям или же заканчивали свои дни в монастырях. Возможно, одним из таких примеров и оказалась судьба родовитого херсонита, патрикия Калокира. И кто знает, какие еще открытия и сюрпризы уготовлены нам в дальнейшем...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы выражают искреннюю признательность руководителю раскопок С.Л. Соловьеву за предоставленную возможность изучения и введения в научный оборот моливдовула.

² См. онлайн-базу печатей DO: <https://www.doaks.org/resources/seals/byzantine-seals/BZS.1958.106.212/view>. Благодарим А.А. Евдокимову (Институт языкознания РАН, г. Москва) за помощь и консультации при подготовке данной работы.

³ Авторы благодарят Др. Пантелиса Харалампакиса из Института археологии Болгарской академии наук (г. София) за помощь по реконструкции легенды моливдовула.

REFERENCES

1. Алексеенко Н.А. Novye nakhodki pechatyey predstaviteley gorodskogo upravleniya Khersona [New Finds of Seals of Representatives of the City Administration of Cherson]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1996, vol. V, pp. 155-170, 539-540.
2. Алексеенко Н.А. Khersonskaya rodovaya znat X–XI vv. v pamyatnikakh sfragistiki [Cherson Patrimonial Nobility in the 10th – 11th Centuries in Monuments of Sigillography]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2000, vol. VII, pp. 256-266.
3. Алексеенко Н.А. Protevony Khersona X v. po dannym pamyatnikov sfragistiki [*Proteventes* of Cherson in the 10th Century According to the Data of Monuments of Sigillography]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2001, vol. 32, pp. 154-162.
4. Алексеенко Н.А. Patrikiy Kalokir: etapy karery khersonskogo aristokrata [Patrice Kalokyros: The Career Stages of Cherson Aristocrat According to Sigillography]. *Chersōnos themata. Sbornik nauchnykh trudov* [Chersonos themata. Collection of Scientific Works], vol. 01. Sevastopol, Arefev, 2013, pp. 293-312.
5. Алексеенко Н.А. *Vizantiyskiy Kherson VI–XIII stoletiy v pamyatnikakh sfragistiki. 1. Chinovniki Khersona VIII–XI vv.* [Byzantine Cherson of the 6th – 13th cc. in the Monuments of Sigillography. 1. Officials of Cherson of the 8th – 11th cc.]. Sevastopol, Kolorit, 2017. 474 p. (Krym v istorii, kulture i ekonomike Rossii [Crimea in the History, Culture and Economy of Russia]).
6. Алексеенко Н.А. Molidovul kommerkiariya Amisa iz vizantiyskogo Khersona [The Molybdoboullous of the *kommerkiarios* of Amisos in Byzantine Cherson]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], 2018, vol. 36, pp. 248-257.
7. Алексеенко Н.А. Rannevizantiyskoe chinovnichestvo v Yugo-Zapadnoy Tavrike v svete sfragisticheskikh dannykh iz Khersona i ego okrugy [Early Byzantine Officials in the Southwestern Taurica According to the Seals from Cherson and Its Environ]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History, Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 95-110. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.8>
8. Evdokimova A.A. *Yazykovye osobennosti grecheskikh graffiti Sofii Kievskoy: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Features of Greek Graffiti of Saint Sophia Cathedral in Kyiv. Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2008. URL: <https://cloud.mail.ru/public/yQda/5CESZixUR>
9. Evdokimova A.A. Lingvisticheskie i paleograficheskie osobennosti vizantiyskikh monet s grecheskoy legendoy iz kolleksii Dumbarton Oaks [Linguistic and Palaeographic Features of the Byzantine Coins with Greek Legends from the Dumbarton Oaks Collection]. Алексеенко Н.А., ed. *PriPON-Tiyskii menyala: dengi mestnogo rynka: materialy VIII Mezhdunar. numizmat. simp.* [Pontic Money-Changer: Money of the Local Market. Proceedings of the 8th International Numismatic Symposium]. Simferopol, Arial Publ., 2021, pp. 97-102.
10. Karyshkovskiy P.O. O khronologii russko-vizantiyskoy voyny pri Svyatoslave [On the Chronology of the Russian-Byzantine War Under Svyatoslav]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1952, vol. 5, pp. 127-138.
11. Latyshev V.V. Etyudy po vizantiyskoy epigrafike [Studies on Byzantine Epigraphy]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1895, vol. 2, pp. 184-188.
12. Lev Diakon. *Istoriya* [History]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 239 p.
13. Dyakonov I.V., ed. Liutprand Kremonskiy. *Antapodosis. Kniga ob Ottone. Otchet o posolstve v Konstantinopol* [Antapodosis. The Book of Otto. Report on the Embassy to Constantinople]. Moscow, “SPSL” – “Russkaya Panorama”, 2006. 192 p.
14. Sidorenko V.A. Litey Khersono-vizantiiskie monety IX–XII vv. [Cast Chersono-Byzantine Coins of the 9th – 12th Centuries]. *Chersōnos themata: Imperiya i polis. IV Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy Seminar. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [Chersonos themata: Empire and Polis. The 4th International Byzantine Seminar. Abstracts]. Sevastopol, s.n., 2012, pp. 37-43.
15. Chkhaidze V.N. *Vizantiyskie pechati iz Tamani* [Byzantine Seals from Taman]. Moscow, IA RAN, 2015. 201 p.
16. Chkhaidze V.N. Kontakty Khersona i Tamartarkhi po dannym sfragistiki i numizmatiki [Contacts of Cherson and Tamartarkha According to Sigillography and Numismatics]. *VII Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy Seminar «Chersōnos themata: Imperiya i polis»: materialy nauch. konf.* [The 7th International Byzantine Seminar “Chersonos themata: Empire and Polis”. Proceedings of the Scientific Conference]. Sevastopol, s.n., 2015, pp. 73-75.
17. Yakobson A.L. Rannesrednevekovyy Khersones [Early Medieval Chersonesos]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archaeology of the USSR]. Moscow, Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1959, vol. 63. 364 p., 17 il.

18. Alekséenko N. Les prôteuontés de Kherson au Xe siècle. *Studies in Byzantine Sigillography*, 2002, vol. 7, pp. 79-86.

19. Alekseyenko N. *L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux*. Paris, АСНСВyz, 2012. 268 p.

20. Bekkerus I., ed. Cedrenus Georgius. *Historiarum Compendium*. Bonnae, Weber, 1839, vol. II. 638 p.

21. Reiskius I.I., ed. Constantini Porphyrogeniti. *De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine*. Bonnae, Weber, 1829, vol. I. LXII, 807 p.

22. Moravcsik Gy., Jenkins J., eds. Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio*. Washington, Dumbarton Oaks, 1967. 341 p.

23. Hasius C.B., ed. Leonis Diaconi Caloensis *Historiae*. Bonnae, Weber, 1828. XXXVI, 624 p.

24. Jenkins R., Westerink L., eds. Nicholas I, Patriarch of Constantinople. *Letters*. Washington, Dumbarton Oaks, 1973. xxxvii, 631 p.

25. Oikonomides N. *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals*. Washington, Dumbarton Oaks, 1986. 175 p.

26. Thurn I., ed. Scylitzes Ioannis. *Synopsis Historiarum*. Berolini; Novi Eboraci, De Gruyter, 1973. LVI, 3, 580 p.

27. Dindorfius L., ed. Zonaras Ioannes. *Epitome Historiarum*. Lipsiae, Teubner, 1871, vol. IV. VII, 388 p.

Information About the Authors

Nikolay A. Alekseienco, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika V.I. Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, alekseyenkonikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>

Aleksey Yu. Arzhanov, Head of the Department of Interdisciplinary Research, State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Tauric Chersonesos", Drevnyaya St, 1, 299045 Sevastopol, Russian Federation, aleksar71@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-8899-8789>

Информация об авторах

Николай Александрович Алексеенко, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика В.И. Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, alekseyenkonikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>

Алексей Юрьевич Аржанов, заведующий отделом междисциплинарных исследований, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», ул. Древняя, 1, 299045 г. Севастополь, Российская Федерация, aleksar71@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-8899-8789>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.2>

UDC 904(470)“12/13”
LBC 63.4(2)

Submitted: 30.05.2024
Accepted: 05.11.2024

EASTERN GLASS IN THE BYZANTINE MATERIAL CULTURE OF SUGDEJA OF THE SECOND HALF OF THE 13th CENTURY

Vadim V. Maiko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences,
Simferopol, Russian Federation

Abstract. Introduction. One of the important components of the material culture of Sugdeja in the second half of the 13th – beginning of the 14th century is glassware, the production center of which is localized in the cities of the Middle East, Transcaucasia, and Byzantium. It is one of those components of the complex of finds that unite the material culture of Sugdeja and other provincial Byzantine cities of the second half of the 13th century. Small amounts of glassware were also found during excavations of other large urban centers of Taurica. The source base of the work is all glass vessels recorded during ground and underwater excavations in Sugdeja and the village Novy Svet, occurring, including from closed complexes. This is important for finding out the frequency of finds. However, in this case, only reliably definable fragments are used. Despite individual publications, they were not analyzed in the complex. *Methods and materials.* Standard methods of comparative morphological and stylistic analysis were used. *Analysis.* The use of the most complete source base allows for the first time to estimate the approximate volume of imports of glass products into the medieval city of the eastern part of the Crimean Peninsula during the third quarter of the 13th – the first quarter of the 14th century. *Results.* The obtained data make it possible to confidently compare all the findings used in the work with well-known groups of glass products. At the same time, we can reasonably talk about the predominance of certain types. This serves as a reliable argument in favor of the assumption that most of the glass products were not personal property but the subject of trade imports, along with glazed ceramics and other goods.

Key words: medieval Sugdeja, glass vessels, second half of 13th century, morphological groups, ways of penetration.

Citation. Maiko V.V. Eastern Glass in the Byzantine Material Culture of Sugdeja of the Second Half of the 13th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 15-25. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.2>

УДК 904(470)“12/13”
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 30.05.2024
Дата принятия статьи: 05.11.2024

ВОСТОЧНОЕ СТЕКЛО В ВИЗАНТИЙСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СУГДЕИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА

Вадим Владиславович Майко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Одной из важных составляющих материальной культуры Сугдеи второй половины XIII – начала XIV в. является стеклянная посуда, центр производства которой локализуется в городах ближнего Востока, Закавказья и Византии. Она является одной из тех составляющих комплекса находок, которые объединяют материальную культуру Сугдеи и других провинциально-византийских городов второй половины XIII века. В небольшом количестве стеклянная посуда встречается при раскопках и других крупных городских центров Таврики. Источниковую базу работы составляют все стеклянные сосуды, зафиксированные в ходе проведения наземных и подводных раскопок в Сугдее и пос. Новый Свет, происходящие в том числе из закрытых комплексов. Это важно для выяснения частоты встречаемости находок. Однако в данном случае использованы только надежно определяемые фрагменты. Несмотря на отдельные публикации,

в комплексе они не анализировались. *Методы и материалы.* Используются стандартные методы сравнительного морфологического и стилистического анализа. *Анализ.* Использование максимально полной источниковой базы позволяет впервые оценить примерный объем импорта стеклянных изделий в средневековый город восточной части крымского полуострова в период третьей четверти XIII – первой четверти XIV века. *Результаты.* Полученные данные позволяют уверенно сопоставить все использованные в работе находки с хорошо известными группами стеклянных изделий. При этом можно обоснованно говорить о преобладании тех или иных типов. Сказанное служит надежным аргументом в пользу предположения о том, что большая часть стеклянных изделий являлась не личной собственностью, а предметом торгового импорта, наряду с поливной керамикой и другими товарами.

Ключевые слова: средневековая Сугдея, стеклянные сосуды, вторая половина XIII в., морфологические группы, пути проникновения.

Цитирование. Майко В. В. Восточное стекло в византийской материальной культуре Сугдеи второй половины XIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 15–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.2>

Посвящается ТМ

Введение. Во второй половине XIII в., после наступления политической стабильности в связи с вхождением восточной Таврики в состав улуса Золотой Орды, средневековая Сугдея становится одним из крупных торговых центров в этой части полуострова. Находясь на пересечении налаженных важных черноморских и средиземноморских морских маршрутов, материальная культура города продолжает оставаться провинциально-византийской. Важной ее составляющей, наряду с поливной византийской керамикой, являются стеклянные сосуды, центр производства которых локализуется в городах ближнего Востока, Закавказья и Византии.

Опубликована эта категория находок неравномерно. Небольшая часть стеклянных сосудов, имеющих археологический контекст и происходящих из наземных раскопок, упоминалась в литературе, но чаще всего без какого-либо анализа, а иногда и с неверной атрибуцией [4, с. 556, рис. 28, 17; 20, с. 384, рис. 11, 1, с. 390, рис. 14, 1; 21, с. 192, рис. 3, 8]. Только совсем недавно они были обобщены, но чрезвычайно кратко в тезисном плане проанализированы [22].

Уникальная по разнообразию и количеству коллекция стеклянной посуды происходит из подводных исследований в бухте пос. Новый Свет. Эта коллекция, за исключением краткого анализа и таблицы некоторых находок из подводных раскопок 1999 г. [11, с. 229, рис. 12], общей фотографии находок из этих же раскопок [13, с. 135], характера их обнару-

жения совместно с поливной посудой [13, с. 137], отдельных фрагментов [13, с. 162; 14, с. 130, рис. 34, НС.14.48], пока не опубликована, что делает ее введение в научный оборот чрезвычайно актуальным. Автор исследований считает ее единым комплексом, датирует в рамках второй половины XIII в., но, тем не менее, гипотетически связывает с производством стеклоделательных мастерских Италии [11, с. 229].

Источниковая база. Как и в других городах полуострова периода окончательного оформления в составе крымского улуса фрагменты стеклянных сосудов в Сугдее в небольших количествах встречаются во всех исследованных культурных горизонтах и заполнении построек последней трети XIII – первой половины XIV века. Однако их крайне небольшие размеры не позволяют провести надежное типологическое определение. В данном же случае использованы только хорошо сохранившиеся сосуды, которые есть возможность сразу и надежно атрибутировать. Полностью реконструируемый сирийский пиршественный кубок, нижняя часть горла с нитями цветного стекла и два фрагмента кольцевых поддонов происходят из раскопок 1997, 2000 и 2001 гг. из слоя третьей четверти XIII – первой половины XIV в. на участке так называемого квартала I к юго-западу от привратной башни Якобо Торселло. Слой датируется на основании и археологического, и нумизматического материала. В синхронном слое на участке куртины XI Судакской крепости между башнями Полукруглой и Безымянной № 3, который образовался над дневной поверхностью времени

разборки хазарской крепостной стены в 1990 г., найдена верхняя часть бутылки. Три крупных фрагмента происходят из заполнения помещения Б ремесленной мастерской третьей четверти XIII – первой половины XIV в. между башнями Безымянной № 3 и Лукини ди Фиески ди Лаванья; нижняя часть кубка зафиксирована в 2009 г. в закрытом комплексе третьей четверти XIII в. в портовой части Сугдеи.

Что касается коллекции из подводных раскопок в пос. Новый Свет, она, несмотря на отсутствие археологического контекста, представляет наибольший интерес. Фрагменты стеклянных изделий были обнаружены практически во все годы проведения исследований. Наиболее представительные артефакты были подняты на поверхность в 1992, 1997, 1999, 2002 гг. [10; 12]. Именно они и использованы в этой работе.

Методы. Для решения поставленных задач в работе используются методы, привлекаемые при сравнительном анализе археологических материалов, а именно: метод группирования материала в соответствии с его морфологическими и стилистическими признаками, сравнительный метод для определения круга аналогий и культурной принадлежности.

Анализ. Начнем рассмотрение стеклянных изделий Сугдеи с сирийских пиршественных кубков. От одного из них сохранилось только дно и придонная часть без следов какой-либо росписи (рис. 1, 3), а от другого – три фрагмента, позволяющие полностью восстановить сосуд в виде стакана цилиндрической формы со значительно расширяющимся венчиком (рис. 1, 2). Под несколькими горизонтальными полосами, нанесенными красной краской, расположен орнаментальный пояс в виде соединенных друг с другом арок, выполненный золотой росписью. Аналогичный орнаментальный пояс расположен в придонной части. Совершенно очевидно, что это изделие относится к так называемым стакановидным кубкам группы «дамаск» 1250–1310 гг., где на разных частях сосуда чаще всего встречаются изображения рыбок, находящихся в движении, реже – орнаментального пояса с псевдокуфической или реальной надписью. Какой рисунок присутствовал в центральной части нашего стакана, предположить невозможно.

Исследователями установлено, что традиция росписи стеклянных сосудов сформировалась в Сирии еще во второй половине XII века. В ней соединился опыт византийских и египетских мастеров, наложившийся на местную сирийскую традицию. Высшего расцвета эта художественная школа достигла во второй половине XIII – XIV в. при дворе мамлюкских правителей, куда активно приглашалось большое количество мастеров из Ирака и Сирии [19, с. 154–155]. Именно в это время упрощенные варианты рассматриваемых стаканов и других категорий стеклянных сосудов стали вполне доступным товаром. Ими начали пользоваться в повседневной жизни, что стимулировало мастерские увеличивать объем их производства [7, с. 114].

Аналогичный нашему кубок происходит из ямы 11 на раскопе XIII 2019 г. Увекского городища (рис. 1, 1) [18, с. 120, № 9.1]. Полностью реконструируемый сюжет позволяет утверждать, что под арочным орнаментом, расположенным под венчиком, присутствовал эпиграфический пояс, под которым находились чередующиеся сложные узелковые элементы. Археологический контекст предоставляет возможность датировать увекский пиршественный кубок концом XIII – первой четвертью XIV века.

Несколько другими, но все же типологически близкими являются изделия из могильника близ Геленджика [9, с. 98, рис. 58, 1] с чередующимися завитками под венчиком и у дна. Похож и орнамент на стакане, происходящем из собрания Кунстпалас музея в Дюссельдорфе¹. Характерен и кубок из экспозиции Эрмитажа, на котором центральная полоса обрамлена двумя с орнаментом в виде перекрещенных волн, образующих соединяющиеся овалы [16, с. 150, № 58]. Обратим внимание и на кубок, выставленный на аукционе Кристи с орнаментальным поясом в нижней части кубка, состоящим из соединяющихся арок с отростками на месте смыкания². Значительное соответствие демонстрирует кубок, полученный в ходе раскопок крестонской крепости Арсуф в 30 км к югу от Кейсарии [30, р. 92, fig. 6]. Его тулово так же украшено двумя рядами орнаментальной растительной композиции, характерной, прежде всего, для керамики Сирийской Хамы.

Таким образом, интересующие нас пиршественные кубки характеризуются обязательным присутствием под параллельными линиями, нанесенными красной краской, чередующегося орнамента, одинакового и для верхней, и для нижней части изделия. В центральной части тулова могли быть изображены и рыбки, и повторяющиеся узелковые фигуры, и орнаментальный эпиграфический пояс.

Находки сирийских пиршественных кубков в Крыму до сего дня единичны. Наибольшее их количество обнаружено в слоях пожаров конца XIII в. при раскопках помещения 1 к юго-западу от главной базилики городища Эски-Кермен [26, с. 89, рис. 59, 1] в синхронных слоях и заполнениях помещений Херсонеса [15, с. 252, рис. 2; 7, с. 129, рис. 2]. Интересная их коллекция происходит из Солхата³.

Из материалов подводных исследований в пос. Новый Свет происходит фрагмент венчика широкогорлого кубка с орнаментом в виде параллельных тонких рельефных полос (рис. 1, 4). Аналогичный венчик происходит из раскопок уже упоминавшейся крепости Арсуф [30, р. 98, fig. 12, 8]. Обратим внимание и на фрагмент венчика кубка, который гипотетически можно сопоставить с коническими кубками с округлым дном, служившими в качестве лампад (рис. 1, 5). Наибольшая в Крыму их коллекция, в том числе и аналогичные нашим венчики [8, с. 291, рис. 3, 1], зафиксирована в Херсонесе.

Отдельную категорию находок составляют стеклянные кубки с налестками, имеющими сплошной кольцевой поддон, сформованный из стекляннного жгута, напаянного на сильно вогнутое дно сосуда. Из подводных раскопок в Новом Свете происходит пока четыре хорошо определимых нижних части (рис. 1, 6, 8–10). Два кубка с цилиндрической нижней частью имели только кольцевой поддон, расположенный выше линии дна (рис. 1, 6, 8), у двух кубков с коническими очертаниями нижней части поддон украшен каплями стекла в виде отростков (рис. 1, 9, 10). Наиболее миниатюрная нижняя часть такого кубка дополнительно украшена полоской темно-синего стекла (рис. 1, 10). Количество рядов налесток разной морфологии во всех случаях установить невозможно. Отдельного внимания заслуживает крупный поддон в виде 12-лепест-

ковой розетки с подчеркнутыми лепестками (рис. 1, 7). Точные аналогии изделию пока найти не удалось, но его связь с кубками с налестками вполне вероятна.

В Крыму кубки с налестками представлены лишь единичными фрагментами, происходящими из раскопок Эски-Кермена [1, с. 427, рис. 21, 1] и Херсонеса [15, с. 254, рис. 3; 7, с. 130, рис. 3, 1, 2]. Вероятнее всего, из Крыма происходит хранящийся в Британском музее стакан с расширяющимся кверху туловом с поясом налесток между двумя горизонтальными нитями стекла того же цвета, что и весь сосуд [7, с. 130, рис. 3, 3]. Установить место производства кубков с налестками не просто. Традиционно наличие не менее пяти рядов налесток считается одним из признаков греческой, в частности, Коринфской продукции [7, с. 123].

Значительное количество фрагментов относится к декантерам разной морфологии. Среди них можно выделить наиболее часто встречаемые крупные сосуды с высоким слегка расширяющимся у венчика прямым горлом с упором для пальцев в виде кольца на середине высоты (рис. 2, 1–3, 5). Три фрагмента скорее относятся к бутылкам меньших размеров. Один из них представляет собой высокое тонкое горло от небольшого сосуда с упором для пальцев в виде кольца под венчиком (рис. 2, 7), второй является цилиндрическим прямым горлом с налестком из стекла синего цвета (рис. 2, 6). Заметим, что морфологически близкие бутылки с очень высоким полностью цилиндрическим горлом и небольшим шаровидным туловом с рельефным орнаментом известны среди ассортимента стеклянной посуды Ирана XII–XIII вв. [29, р. 94, № 20]. Фрагмент цилиндрического горла графина-бутылки, только слегка сужающегося в области венчика, но с налесточным валиком по венчику, происходит из раскопок среднеазиатского города Отрар в Южном Казахстане [27, с. 15, рис. 2, 2]. На основании горла четвертой бутылки имеются налестки в виде нитей стекла синего цвета (рис. 2, 4). К декантерам и крупным бутылкам относится целый ряд кольцевых поддонов (рис. 2, 8–12). Несмотря на то что сохранились они полностью, произвести их соотношение с конкретным морфологическим вариантом затруднительно.

Третью, четко выделяемую группу стеклянных изделий, составляют графины самых разных морфологических типов. Исходя из фрагментарности изделий, говорить о конкретных вариантах затруднительно. Выделяются верхние части сосудов, имеющих, в отличие от декантеров, отогнутый уплощенный венчик, придающий верхней части горла воронковидные очертания (рис. 3, 1, 3–5).

Сосуды подобной формы получили наибольшее распространение в середине – второй половине XIII в. на территории Западной Азии, скорее всего, Ирана. Именно тут известны экземпляры с круглым, в основном украшенным рельефным орнаментом, туловом, но есть сосуды и с гладким туловом [29, р. 75, № 5]. Исходя из морфологии, прежде всего, отогнутого воронковидного венчика, эти сосуды наиболее близки иранским бутылкам, так же имеющим глобулярное тулово, украшенное рельефным орнаментом [29, р. 98 № 24]. Особо отметим экземпляры с короткой, как и в нашем случае, шейкой [29, р. 96, № 22]. В уже упоминавшейся крепости Арсуф такие сосуды [30, р. 97, fig. 10, 2], большая часть которых датируется 60-ми гг. XIII в., составляют значительный процент находок. Среди стеклянных изделий городища Отрар в Южном Казахстане подобные формы традиционно относятся к графинам [27, с. 21, рис. 7, 1]. Отметим и горло графинообразного сосуда из городища Шемаха в Азербайджане [27, с. 159, XXVII], типологически близкое изделию из раскопок на участке куртины XI (рис. 3, 3).

В этой категории сосудов выделяется и группа миниатюрных бутылей со слегка сужающимся в нижней части цилиндрическим туловом, высоким цилиндрическим горлом, равным по высоте тулову, и отогнутым плоским венчиком. Помимо фрагментов (рис. 3, 6), из раскопок в Новом Свете 2002 г. происходит и целый экземпляр (рис. 3, 7). Морфологически этому изделию близок и флакон из раскопок городища Сандыгтепе в Азербайджане [27, с. 151, VIII].

До сих пор уникальной для Восточного Крыма, а, возможно, и для всего полуострова, является четвертая группа, а именно туалетные флаконы вытянутой цилиндрической закрытой формы с расширением в верхней части тулова, маленьким горлом и закругленным

дном (рис. 3, 9, 10). Они, обнаруженные при проведении работ в Новом Свете 1992 г., изготовлены из синекобальтового стекла с орнаментом в виде математических скобок, выполненным «расчесанными» горизонтальными белыми нитями глухого светлого стекла по всей поверхности. Эта группа стеклянных сосудов подробно проанализирована Л.А. Голофаств [7, с. 107], что избавляет от повторений. Вероятнее всего, они предназначались для перевозки душистых масел, лекарств и благовоний, или использовались в качестве эвлогий и размещались при транспортировке в специальных подставках.

По мнению большинства специалистов, производились они во второй половине XIII в. в Сирии или Египте, где использовались соответственно марганцевая и синяя основы. В Палестине одним из центров, выпускавших сосуды, выполненные в такой технике, был Иерусалим [28, р. 910, fig. 1, 47; р. 915, fig. 5, 24], а в Византии – греческий Фасос.

В Крыму до сего дня флаконы известны в единичных экземплярах. Изделия с орнаментом в виде овалов в сочетании с крестами обнаружены в Эски-Кермене [26, с. 89, рис. 59, 5] и Херсонесе [15, с. 250, рис. 1]. В Херсонесе же найден развал приземистого флакона и единственный фрагмент аналогичного нашему флакона с прокатанным орнаментом в виде математических скобок [7, с. 128, рис. 1]. Мелкие фрагменты стеклянных сосудов с аналогичным орнаментом зафиксированы в 1984 г. и в Солхате при раскопках комплекса мечети Узбека и медресе [24, с. 227, рис. 1, 5]. В небольших количествах подобная керамика известна и в материалах раскопок крупных золотоордынских торговых центров Поволжья. Наиболее представительная коллекция подобных туалетных флаконов, в том числе почти археологически целые формы начала XIV в., изготовленные из стекла марганцевого цвета, происходят из раскопок Болгара [6, с. 51, рис. 12, 8, 9]. Так, нижняя часть флакона с орнаментом в виде математических скобок происходит из ямы 10 раскопа IV 2012 г. Увекского городища, датируемого рубежом XIII–XIV вв. [17, с. 150, рис. 2, 3; 18, с. 125, № 9.6]. Совсем недавно стеклянные сосуды с подобным орнаментом, происходящие с территории Древней Руси, были про-

анализированы А.В. Плоховым. На основании датировки и химического анализа изделий автор предположил их производство в византийских мастерских [23].

Остается упомянуть два высоких кольцевых поддона (рис. 3, 2, 8), которые, вероятнее всего, принадлежали бокалам разной морфологии. Однако сопоставить эти фрагменты с конкретным типом рискованно.

В Восточной Европе наибольшая коллекция сирийского и египетского стекла мамлюкского периода, насчитывающая не менее 36 археологически целых форм второй половины XIII – XIV в., происходит из плитовых курганных некрополей Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья [9, с. 248; 2, с. 26, рис. 12; с. 28, рис. 13]. Обнаружены они как в воинских погребениях, так и в захоронениях без сопровождающих конских погребений и конской упряжи [2, с. 26, рис. 12; с. 28, рис. 13; 3, с. 269, табл. 102, 6, 7; 9, с. 248–252]. Большая коллекция подобной керамики известна и на Руси, куда она, как и в Крым, наиболее активно стала поступать со второй половины XIII в. [25, с. 267–268].

Результаты. В результате проведенного анализа можно говорить, что в средневековой Сугдее представлены практически все известные типы стеклянной посуды второй половины XIII – первой половины XIV века. При проведении наземных раскопок количество фрагментов невелико, но ненамного ниже, чем количество синхронной импортной поливной византийской керамики.

В настоящий момент можно говорить о двух основных точках зрения по поводу механизма появления стеклянной посуды на полуострове. Согласно одной из них стеклянные сосуды в крымские города вряд ли поступали в качестве предметов торговли [7], являясь собственностью возвращавшихся на родину черкесских рекрутов-мамлюков, выслуживших свои сроки в Египте [16, с. 160]. Вместе с тем существует традиционная точка зрения о том, что с середины XIII в. и до XV в. базовым регионом, через который ближневосточное художественное стекло поступало в Восточную Европу, становится Таврика [5, с. 256].

Учитывая минимальный процент раскопанной площади средневековой Сугдеи, где удалось изучить горизонты второй половины XIII – первой половины XIV в., единичность атрибутируемых находок стеклянных сосудов кажущаяся. Это подтверждает богатейшая коллекция стеклянных изделий из подводных раскопок в Новом Свете, именно там, где находился торговый городской порт. Таким образом, большую часть стеклянных сосудов Сугдеи рассматриваемого хронологического периода можно считать составным элементом ближневосточного, закавказского и византийского импорта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/b3/Goblet_Syrie.jpg

² <https://ru.pinterest.com/pin/665406913664353693/>

³ Материалы готовятся к публикации Э.И. Сейдалиевым.

ПРИЛОЖЕНИЕ

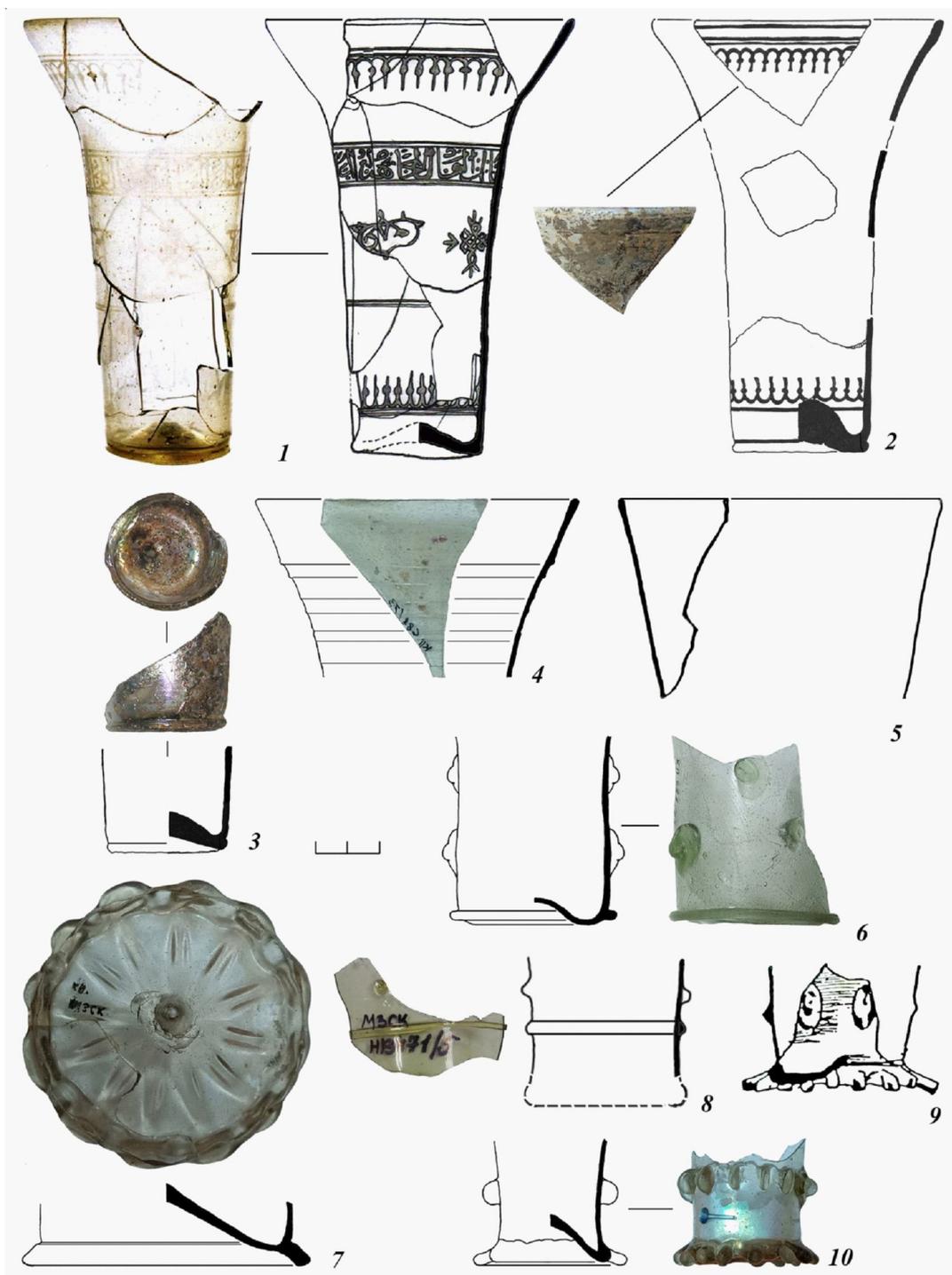

Рис. 1. Пиршественные кубки, стаканы с налечами и лампы средневековой Сугдеи последней четверти XIII века:

1 – Увекское городище 2019 г.; 2 – Сугдея 1997 г., квартал I; 3 – Сугдея 2009 г., порт; 4, 6, 7, 10 – Новый Свет 1997 г.; 5 – Новый Свет 1999 г.; 8 – Новый Свет 1992 г.; 9 – Новый Свет 1999 г.

Fig. 1. Feasting cups, glasses with bursts, and lamps of medieval Sugdeja of the last quarter of the 13th century:

1 – Uvek settlement of 2019; 2 – Sugdeja of 1997, quarter I; 3 – Sugdeja of 2009, port; 4, 6, 7, 10 – Novy Svet of 1997; 5 – Novy Svet of 1999; 8 – Novy Svet of 1992; 9 – Novy Svet of 1999

Рис. 2. Декантеры средневековой Сугдеи последней четверти XIII века:

1–5 – Сугдея 1998, 2001 г., квартал I; 6 – Новый Свет 2002 г.; 7 – Сугдея 1987 г. помещение Б мастерской;
9, 10 – Сугдея 1997 г., квартал I; 8, 11, 12 – Новый Свет 1997, 1999 гг.

Fig. 2. Decanters of medieval Sugdeja of the last quarter of the 13th century:

1–5 – Sugdeja of 1998, 2001, quarter I; 6 – Novy Svet of 2002; 7 – Sugdeja of 1987, premises B of the workshop;
9, 10 – Sugdeja of 1997, quarter I; 8, 11, 12 – Novy Svet of 1997, 1999

Рис. 3. Графины, бутылки, стаканы и флаконы средневековой Сугдеи последней четверти XIII века:
 1, 4–8 – Новый Свет 1997, 1999 и 2002 гг.; 2 – Сугдея 1987 г., помещение Б мастерской; 3 – Сугдея 1990 г.,
 куртина XI; 9, 10 – Новый Свет 1992 г.

Fig. 3. Carafes, glass balloons, glasses, and bottles of medieval Sugdeja of the last quarter of the 13th century:
 1, 4–8 – Novy Svet of 1997, 1999, and 2002; 2 – Sugdeja of 1987, premises B of the workshop;
 3 – Sugdeja of 1990, curtain XI; 9, 10 – Novy Svet of 1992

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Pozdne-srednevekovaya chasovnya na plato Eski-Kermen [Late Medieval Chapel on the Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 422-457.
2. Armarchuk E.A. Severo-vostochnoe Prichernomorie XI–XIV vekov: traditsionnye cherty i privnesennyye «stepnye» elementy kultury [Northeastern Black Sea Region of the 11th – 14th Centuries: Traditional Features and Introduced “Steppe” Elements of Culture]. *Ot Rusi do Kitaya: iz novykh arkheologicheskikh issledovaniy* [From Russia to China: From New Archaeological Research]. Moscow, IA RAS Publ., 2017, pp. 14-34.
3. Armarchuk E.A., Dmitriev A.V. Pamyatniki severo-vostochnogo Prichernomor'ya X–XIII vekov [Monuments of the Northeastern Black Sea Region of the 10th – 13th Centuries]. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomorie i Zakavkaze v epokhu srednevekovyaya: IV–XIII veka* [Crimea, Northeast Black Sea Region, and Transcaucasia in the Middle Ages: The 4th – 13th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 207-269.
4. Baranov I.A. Kompleks tretei chetverti XIV veka v Sudakskoy kreposti [Complex of the Third Quarter of the 14th Century in the Sudak Fortress]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeja Collection], 2004, vol. 1, pp. 524-559.
5. Valiulina S.I. Srednevekovoe islamskoe steklo v Vostochnoy Evrope [Medieval Islamic Glass in Eastern Europe]. *Steklo Vostochnoy Evropy s drevnosti do nachala XX veka* [Glass of Eastern Europe from Antiquity to the Beginning of the Twentieth Century]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 236-261.
6. Valiulina S.I. *Srednevekovoe islamskoe steklo v Vostochnoy Evrope: ucheb. posobie* [Medieval Islamic Glass in Eastern Europe. Textbook]. Kazan, Kazan University Publ., 2018. 87 p.
7. Golofast L.A. Neskolko grupp steklyannykh sosudov iz sloya pozhara vtoroy poloviny XIII v. v Khersonese [Several Groups of Glass Vessels from the Fire Layer of the Second Half of the 13th Century in Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2021, vol. 26, pp. 107-142.
8. Golofast L.A. Steklyannyye lampady iz raskopok srednevekovykh sloev Khersonesa [Glass Lamps from Excavations of Medieval Layers of Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2022, vol. 27, pp. 263-309.
9. Druzhinina I.A. *Pogrebalnye pamyatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya i Severnogo Kavkaza XIII–XVIII vv. kak istochnik po istorii adygskiykh narodov: dis. ... kand. ist. nauk* [Funerary Monuments of the North-Eastern Black Sea Region and the North Caucasus of the 13th – 18th Centuries as a Source on the History of the Adyge Peoples. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2018. 479, 143 p.
10. Zelenko S.M. Otchet o rabote podvodnoy arkheologicheskoy ekspeditsii v bukhte pgt. Novyi Svet v 1999 godu. Kiev, 1999 [Report on the Work of an Underwater Archaeological Expedition in the Bay of Novy Svet in 1999. Kiev, 1999]. *Scientific Archive of Institute of Archeology of the Crimea of RAS*, no. 1999/73. 108 l.
11. Zelenko S.M. Itogi issledovaniy podvodno-arkheologicheskoy ekspeditsii Kievskogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko na Chernom more v 1997–1999 gg. [Results of Research on the Underwater Archaeological Expedition of Taras Shevchenko University of Kyiv on the Black Sea in 1997–1999]. *Vita antiqua*, 1999, vol. 2, pp. 223-234.
12. Zelenko S.M. Otchet o rabote podvodnoy arkheologicheskoy ekspeditsii na shelfe bukhty pgt. Novyi Svet (Sudakskii r-n, Krym) v 2002 godu. Kiev, 2002 [Report on the Work of an Underwater Archaeological Expedition on the Shelf of the Novy Svet Settlement (Sudak District, Crimea) in 2002. Kyiv, 2002]. *Scientific Archive of Institute of Archeology of the Crimea of RAS*, no. 2002/90. 102 l.
13. Zelenko S.M. *Podvodnaya arkheologiya Kryma* [Underwater Archeology of Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2008. 272 p.
14. Zelenko S.M., Lebedinskiy V.V., Kuzminov V.V., Novitskaya R.S., Tsarenko S.A., Morozova Ya.I., Pronina Yu.A. *Podvodno-arkheologicheskie issledovaniia v Iugo-Vostochnom Krymu v 2014 g.* [Underwater and Archaeological Research in Southeast Crimea in 2014]. Feodosia, Art Laif Publ., 2016. 172 p.
15. Kolesnikova L.G. Vostochnoe steklo iz sobraniya Khersonesskogo muzeya [Oriental Glass from the Collection of the Chersonesos Museum]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1973, vol. 34 (59), pp. 249-256.
16. Kramarovskiy M.G. *Butyl. «Podarok sozertsayushchim»*. *Stranstviya Ibn Battuty: katalog vystavki* [Bottle. “Gift to the Contemplative”. Ibn Battuta’s Wanderings: Exhibition Catalogue]. Saint Petersburg, Gosudarstvennyy Ermitazh Publ., 2015. 512 p.
17. Kubankin D.A. Arkheologicheskie raskopki na Uvekskom gorodishche v 2012–2013 gg. (predvaritelnoe soobshchenie) [Archaeological Excavations at the Uvek Settlement in 2012–2013 (Preliminary Report)]. *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja* [Archaeological Heritage of the Saratov Region], 2014, vol. 12, pp. 144-154.
18. Kubankin D.A., Sitdikov A.G. *Goroda ne ischezayut... Istoriya Ukeka v nakhodkakh (katalog*

vystavki) [Cities Do Not Disappear... The History of Ukek in Finds (Exhibition Catalog)]. Kazan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2024. 252 p.

19. Kuzina I.N. Importnye stekliannye sosudy iz raskopok vo Vladimire v 2007 g. [Imported Glass Vessels from Excavations in Vladimir in 2007]. *Rossijskaja arheologija* [Russian Archaeology], 2015, vol. 4, pp. 149-157.

20. Maiko V.V. Stratigraficheskie issledovaniya na t.n. uchastke kvartala I Sudakskoy kreposti v 1997 g. [Stratigraphic Studies on the Section of So-called Quarter I of the Sudak Fortress in 1997]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeja Collection], 2012, vol. 5, pp. 363-393.

21. Maiko V.V. Zakrytyy kompleks sereдины XIII v. iz raskopok v portovoy chasti srednevekovoy Sugdei [Closed Complex of the Middle of the 13th Century from Excavations in the Port Part of Medieval Sugdeja]. *Aktualnye voprosy istorii, kultury i etnografii Yugo-Vostochnogo Kryma* [Actual Issues of History, Culture and Ethnography of the South-Eastern Crimea]. Simferopol; Novy Svet, 2013, pp. 185-194.

22. Maiko V.V. Vostochnoe steklo vtoroy poloviny XIII v. srednevekovoy Sugdei. K voprosu ob ekonomicheskikh svyazyakh goroda [Eastern Glass of Medieval Sugdeja in the Second Half of the 13th Century. On the Issue of Economic Ties of the City]. *Istoricheskie, kulturnye, mezhnatsionalnye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf.* [Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Ties of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East: Materials of the 8th International Scientific Conference], vol. 2. Moscow, IARAS Publ., 2024, pp. 42-47.

23. Plokhov A.V. Steklyannye sosudy s «peristym» dekorom na territorii Drevney Rusi (k voprosu o datirovke i proiskhozhdenii) [Glass Vessels with “Feathery” Decor on the Territory of

Ancient Russia (On the Issue of Dating and Origin)]. *Etnokulturnye protsessy na severnykh granitsakh Vostochnoy Rimskoy imperii* [Ethnocultural Processes on the Northern Borders of the Eastern Roman Empire]. Simferopol, Antikva Publ., 2024, pp. 168-174.

24. Seidaliev E.I. Bytovye steklyannye izdeliya zolotoordynskogo vremeni iz raskopok gorodishcha Solkhat [Household Glass Products of the Golden Horde Time from the Excavations of the Solkhat Settlement]. *XVI Mezhdunarodnyy vizantiyskiy seminar «Chersonos themata: imperiya i polis»* [The 16th International Byzantine Workshop “Chersonos Themata: The Empire and the Polis”]. Simferopol, IA Kryma RAN Publ., 2024, pp. 223-228.

25. Strikalov I.Yu., Kuzina I.N. Novaya nakhodka importnogo steklyannogo sosuda iz Pereyaslavlya Ryazanskogo [New Find of an Imported Glass Vessel from Pereyaslavl Ryazansky]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2015, vol. 240, pp. 263-270, 360.

26. Khairedinova E.A. Raskopki tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-kermen v 2018–2020 gg. [Excavations of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018-2020]. *Materialy Eski-Kermenskoy ekspeditsii* [Materials of the Eski-Kermen Expedition], 2021, vol. I, pp. 26-143.

27. *Khudozhestvennaya kultura Tsentralnoy Azii i Azerbaydzhana IX–XV vv. Vol. II. Steklo* [Art Culture of Central Asia and Azerbaijan of the 9th – 15th Centuries. Vol. 2. Glass]. Samarkand, MITsAI Publ., 2011. 182 p.

28. Brosh N. Mamluk Glass Workshops in Jerusalem – Marvered Glass. *Proceedings, of the 9th ICAANE: June 9–13, 2014, University of Basel. Vol. 2.* Wiesbaden, O. Harrassowitz, 2016, pp. 909-920.

29. Carboni S. et al. *Glass of the Sultans*. New York, The Metropolitan Museum of Art, 2001. 330 p.

30. Jackson-Tal R.E., Tal O. Crusader Glass in Context: The Destruction of Arsur (Apollonia-Arsuf, Israel), April 1265. *Journal of Glass Studies*, 2013, vol. 55, pp. 85-100.

Information About the Author

Vadim V. Maiko, Doctor of Sciences (History), Director, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika V.I. Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

Информация об авторе

Вадим Владиславович Майко, доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.3>

UDC 248.3(271)(281.4)
LBC 86.37-3

Submitted: 15.06.2024
Accepted: 26.11.2024

THE PRACTICE OF COUNTED PRAYERS IN EARLY MONASTICISM AS A FORM OF UNCEASING SYNAXIS

Viacheslav G. Patrin

Center for Training Church Specialists of the Volgograd Eparchy, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The texts of early Egyptian monasticism contain information about the practice of counted prayers. In some cases, these counted prayers are presented as a form of incessant prayer. However, it is difficult to understand today what is meant in the Lausiac History by fifty, one hundred, three hundred, or seven hundred prayers. In the scientific literature, three respected scholars of the early monastic tradition – Adalbert Voguet, Gabriel Bunge, and Armand Veilleux – have formed the position that those counted prayers weren't psalms and signify prayer moments or pauses during monastic manual labor. In our work we will present a critique of this position. *Methods and analysis.* On the basis of terminological and typological analysis of the prayer practice of Egyptian monks, we will give arguments that the counted prayers should be understood as exactly the psalms that were said in combination with prayers and that the counted prayers were the form of monastic synaxis performed separately from other activities. *Results.* Our study has shown that the counted prayers were an alternative way of realizing the idea of unceasing prayer in relation to the practice of the unceasing short prayer in the form of unceasing synaxis. In the period of early monasticism, the unceasing synaxis was practiced not only by the Euchite monks but also by the respected Egyptian ascetics. In the future, unceasing synaxis became the basis of the ascetic practice of the Acoemetae monks of Constantinople; therefore, our work in general may be useful for research on forms of unceasing prayer in Eastern monasticism.

Key words: early monasticism, counted prayers, unceasing prayer, psalms, synaxis, Euchites, Acoemetae.

Citation. Patrin V.G. The Practice of Counted Prayers in Early Monasticism as a Form of Unceasing Synaxis. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 26-35. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.3>

УДК 248.3(271)(281.4)
ББК 86.37-3

Дата поступления статьи: 15.06.2024
Дата принятия статьи: 26.11.2024

ПРАКТИКА СЧИСЛЯЕМЫХ МОЛИТВ В РАННЕМ МОНАШЕСТВЕ КАК ФОРМА НЕПРЕСТАННОГО СИНАКСИСА

Вячеслав Геннадьевич Патрин

Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В текстах раннего египетского монашества содержится информация о практике счисляемых молитв. В ряде случаев эти счисляемые молитвы представлены как форма непрестанной молитвы. Однако сегодня трудно понять, что имеется в виду, когда в «Лавсаике» говорится об аскетах, совершавших пятьдесят, сто, триста или семьсот молитв. В научной литературе была сформирована позиция, что молит-

вы, о которых здесь идет речь, не были псалмами и произносились в течение суток, перемежаясь с другой деятельностью. В данной статье мы изложим критику данной позиции. На основе терминологического и типологического анализа молитвенной практики египетских монахов мы приведем аргументы в пользу того, что под счисляемыми молитвами следует понимать именно псалмы, которые произносились в сочетании с молитвами, а также аргументы, обосновывающие, что данная комбинация псалмов и молитв совершалась отдельно от других видов деятельности и относилась к монашескому синаксису. В результате исследования мы пришли к выводу, что в случае счисляемых молитв мы имеем дело с альтернативным путем реализации идеи непрерывной молитвы по отношению к практике непрерывной краткословной молитвы в виде «непрерывного синаксиса», который в период раннего монашества встречается не только у монахов евхитов, но также среди признанных египетских аскетов. К данной ветви поиска непрерывной молитвы относится также молитвенная практика константинопольских монахов акимитов, поэтому наша работа в целом может быть полезной для исследований форм непрерывной молитвы в восточном монашестве.

Ключевые слова: раннее монашество, счисляемые молитвы, непрерывная молитва, псалмы, синаксис, евхиты, акимиты.

Цитирование. Патрин В. Г. Практика счисляемых молитв в раннем монашестве как форма непрерывного синаксиса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, №6. – С. 26–35. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.3>

Введение. Идея непрерывной молитвы, которую выразил апостол Павел в качестве совета христианам: «Непрестанно молитесь» (1 Фес. 5, 17), имела свой исторический путь развития. Наиболее известной стала форма непрерывной молитвы, реализованная в исихастской практике «молитвы Иисусовой». При этом более ранние формы достижения непрерывной молитвы остаются в тени и не столь хорошо изучены. В текстах раннего египетского монашества, таких как «Лавсаик», «История египетских монахов» и Житие прп. Пахомия Великого, имеется информация о практике счисляемых молитв у египетских аскетов. В ряде случаев эти счисляемые молитвы представлены как форма непрерывной молитвы. Практика «молитвы Иисусовой» зародилась в той же среде египетских монахов. Таким образом, изучение монашеской практики счисляемых молитв важно для понимания того, в каком контексте развивалась практика непрерывной молитвы в раннем монашестве. То, что молитвы исчислялись, предполагало некую систему подсчета, которая должна была быть более или менее понятна авторам текстов. Но сегодня нам трудно понять, что имеется в виду, когда в «Лавсаике» говорится об аскетах, совершавших пятьдесят, сто, триста или семьсот молитв. В указанных текстах не объясняется, что это была за система подсчета. В целом рассмотрение вопроса счисляемых молитв в раннем монашестве касается двух аспектов:

молитвенной терминологии и молитвенной типологии. В конце прошлого века в научной литературе три авторитетных исследователя ранней монашеской традиции: Адальберт Воге, Габриель Бунге и Арман Вейе сформировали позицию, что счисляемые молитвы не были псалмами, а были молитвенными моментами или паузами во время дневных монашеских занятий. Уважаемые ученые, на наш взгляд, неправы в обоих случаях. Прежде всего для египетских монахов некорректно категоричное противопоставление молитвы и псалмопения. Также счисляемые молитвы нужно отнести не к молитвам, которые перемежались с другими видами деятельности, а к молитвам, которые совершались в определенное время, отдельно от другой деятельности. Такой тип молитв в ранней монашеской литературе назывался синаксисом.

Примеры счисляемых молитв. Больше всего информации об интересующих нас счисляемых молитвах содержится в «Лавсаике» свт. Палладия Еленопольского. Наиболее содержательным при этом является рассказ, посвященный Павлу Фермейскому. Данный подвижник не занимался никаким трудом, его аскетическим подвигом была непрерывная молитва, которая состояла в совершении трехсот молитв в сутки. Однажды он услышал, что некая дева совершает семьсот молитв, и эта информация его очень смутила, и он обратился за советом к прп. Макарию Городскому (или Александрийскому). Тот на

его смущение ответил, что он совершает сто молитв, а также занимается рукоделием, и его не смущает помысел, что он недостаточно молится [10, с. 92–94; 29, р. 102, 104]. Также в «Лавсаике» говорится о практике пятидесяти молитв у Моисея Ефиоплянина [10, с. 89; 29, р. 100] и, скорее всего, о практике ста молитв у Евагрия Понтийского [10, с. 251; 29, р. 200]¹. Информация об счисляемых молитвах встречается и в других ранних монашеских текстах. Так, в «Истории египетских монахов» приводится свидетельство о практике молитв подвижника Аполлона, который так же, как и Павел Фермейский, не занимался ручным трудом, а подвиг его состоял в совершении ста молитв с земными поклонами днем и столько же ночью [6, с. 32; 22, р. 48], то есть всего двухсот молитв с поклонами в сутки. В бохайрском Житии прп. Пахомия Великого описывается молитвенная практика аскетической общины Паламона, учителя прп. Пахомия Великого. Его монахи совершали шестьдесят молитв днем и пятьдесят ночью [27, р. 85; 32, р. 287–288]. Также в рамках нашего исследования нужно учитывать монашеские практики счисляемых молитв, которые строились не на десятиричном счислении. Прежде всего это практика «двенадцати молитв» или «двенадцати псалмов», сведения о которой мы находим в значительном количестве источников ранней монашеской литературы. Помимо практик двенадцати молитв, существовали практики шести и двадцати четырех молитв, о которых мы будем говорить ниже.

Терминологическая проблема различения молитвы и псалмопения. Традиционно псалмопение сейчас рассматривается, как одна из форм молитвы, поэтому мнение, что под счисляемыми молитвами подразумеваются псалмы, можно назвать также традиционным. Бунге [16, р. 13–28], Воуге [33] и Вейе [32, р. 288, 328], изучая раннюю египетскую монашескую традицию, пришли к выводу, что египетские монахи различали псалмопение и молитву как две разные практики. Нужно отметить, что исследования данных ученых бесспорно имеют важное значение, и их акцент на необходимости различения псалмопения и молитвы играет важную роль в изучении монашеской практики. Однако это не означает автоматического переноса такого понимания

на случаи, где говорится об счисляемых молитвах. Поэтому мы категорически не согласны со словами Вейе относительно счисляемых молитв у аввы Паламона из Жития прп. Пахомия Великого, что: «Ничто не позволяет нам утверждать, что эти шестьдесят дневных молитв и пятьдесят ночных молитв были либо псалмами, либо молитвами, сопровождаемыми псалмами» [32, р. 288]. Именно на псалмы, сопровождаемые молитвами, как счисляемый элемент в этой практике, указывают данные монашеской литературы, как на наиболее правдоподобный вариант.

Псалмопение как молитва. «Псалмопение – это не молитва» – под таким провокационным названием вышла статья Воуге в журнале «Ecclesia Orans» в 1989 г. [33]. В данной статье Воуге основывает свои рассуждения на работе Бунге, посвященной учению о молитве Евагрия Потийского [16, р. 13–28]. В качестве наиболее очевидного подтверждения различия псалмопения и молитвы приводится 85 глава из трактата «О молитве»: «Псалмопение относится к многообразной премудрости, молитва же есть введение в нематериальное и немногоразличное ведение» [4, с. 86; 21, col. 1185]. Нужно отметить, что изначально нельзя признать корректным перенос идей из трактата Евагрия на практику египетских монахов в целом. Евагрий был египетским монахом, но его учение о молитве занимало в египетской монашеской традиции достаточно обособленное место и не было общепринятым учением [24; 25]. При этом в самих монашеских текстах встречаются места, где под понятие молитва попадает и псалмопение. Так, в апофтегме Сист. 12,6 (= Епифаний Кипрский 3) святитель обличает палестинских монахов, что они не молятся (ἔστε ἀρροῦντες ἀπὸ εὐχῆς) вне положенных часов молитвы, прибавляя, что «у истинного монаха в сердце всегда должна быть молитва и псалмопение (ἀδιαλείπτως τὴν εὐχὴν καὶ τὴν ψαλμωδίαν)» [3, с. 271; 14, р. 210–213]. В данной апофтегме, с одной стороны, молитва и псалмопение различаются, как два вида занятия, которыми должно быть непрестанно занято сердце монахов, но с другой стороны, псалмопение также подпадает под понятие «молитва», которой небрегут собеседники по переписке свт. Епифания. Такое словоу-

потребление не является исключительным в корпусе «Апофтегм». Так, в апофтегме Сист. 14, 29 (30)² повествуется о монахе, который нарушил послушание, полученное от своего старца, и самовольно совершил молитвенное правило (εὐχὰς... ποιῆν), которое состояло из множества псалмов (ἔψαλλε πλείονας ψαλμοῦς) [3, с. 306–307; 14, р. 280]. Таким образом, хотя в ранней монашеской литературе псалмопение и молитва чаще всего различались, в этой традиции псалмопение все же попадало под понятие «молитва» в широком смысле этого слова, и произнесение псалмов могло называться молитвой.

«Правило Ангела». «Правилом Ангела» называется молитвенное правило, которое, согласно «Лавсаику», получил от ангела прп. Пахомий Великий³. В данном источнике эта практика представлена, как практика «двенадцати молитв» [10, с. 132; 29, р. 154, 156]. В то же время о практике «двенадцати псалмов», которой научил ангел египетских монахов, пишет прп. Иоанна Кассиан в «Постановлениях киновитян» [5, с. 15–18; 26, р. 68–78], также о практике «двенадцати псалмов» упоминается в «Апофтегмах» (Сист. 10, 106 (110) = авва Римлянин 1 [3, с. 214, 216; 14, р. 88, 90], Syst. 10, 150⁴ = N 229 [14, р. 112–115]). Вейе в своем анализе египетской молитвенной традиции различает практику «двенадцати молитв» из «Лавсаика» и практику «двенадцать псалмов» из «Постановлений киновитян» и «Апофтегм». Практику «двенадцати молитв» из «Лавсаика» он считает свидетельством существования у египетских монахов практики молитв в каждый час дня (и ночи) [32, р. 328]. Данное мнение мы рассмотрим ниже.

Исходя из вышесказанного нами, вполне логично следует, что под «двенадцатью молитвами» и «двенадцатью псалмами» подразумевалась одна и та же практика (с какими-то незначительными модуляциями). В подтверждение этого укажем, что в тексте прп. Иоанна Кассиана наименование «двенадцать псалмов» означает не просто псалмы, а псалмы с молитвами, что ясно из описания данной практики, при этом называет такую комбинацию прп. Иоанн Кассиан молитвой («Совершая эти молитвословия (orationes), они не тотчас, по окончании псалма прекло-

няют колена... но прежде коленопреклонений немного молятся (orant)» [5, с. 16; 26, р. 70]). Также и в «Лавсаике» наименование «двенадцать молитв» означает не просто молитвы, но молитвы в сочетании с псалмами. Это не столь очевидно в отрывке из рассказа о прп. Пахомии⁵, но в главе, посвященной Павлу Простому, сочетание двенадцати псалмов и двенадцати молитв называется свт. Палладием в конечном счете просто двенадцатью молитвами («потом начал петь псалом, какой знал, и, пропев его двенадцать раз, столько же раз молился (βάλλει ψαλμὸν ὁ Ἀντώνιος ὄν ψάλας... после двенадцати молитв (Μετὰ δὲ τὰς δώδεκα προσευχὰς) Антоний сказал ему...») [10, с. 106–107; 29, р. 122]. Другими словами, речь в данном случае идет не о двух различных практиках, а о различных ее наименованиях, в которых отразились личные предпочтения авторов в выборе терминов «молитва» или «псалом» при обозначении практики. Поэтому у нас нет оснований принимать позицию Вейе ни для Правила Ангела в «Лавсаике», ни для свидетельства о счисляемых молитвах в Житии прп. Пахомия.

Молитвенная типология. Наиболее противоречивой идеей Вейе и Бунге с нашей точки зрения является то, что число счисляемых молитв указывает на количество молитвенных моментов, которые перемежались с другой деятельностью. Такой тип молитв действительно существовал в раннем египетском монашестве. Его ярким примером является апофтегма Антоний 1 (Сист. 7, 1) [3, с. 125–126; 13, р. 336]. Занимая первое место в алфавитном собрании, данная апофтегма, в которой ангел научил прп. Антония чередовать рукоделие с молитвой, действительно может расцениваться как программный текст, что в целом подтверждается очевидным акцентом в «Апофтегмах» на идее сочетания молитвы и труда (ora et labora). Однако молитвенная практика монахов не сводилась только к таким молитвам, которые чередовались с рукоделием. Основной формой молитвенной практики египетских монахов был синаксис [31, р. 75–80], который совершался отдельно от другой деятельности и занимал достаточно продолжительное время (как правило, с окончания рукоделия в 9 (15) часу и до утра с перерывом на ужин и на сон).

Мысль о том, что интересующие нас счисляемые молитвы обозначают моменты молитв, которые чередовались с работой, не столь четко выражена у Вейе. Его рассуждения в данном случае касаются прежде всего практики «двенадцати молитв» из «правила Ангела», данного прп. Пахомию. Здесь нужно признать, что, действительно, существует несколько источников, хронологически и географически близких к рассматриваемым нами текстам, в которых говорится о совершении молитв в соответствии с суточными часовыми интервалами. Прежде всего о таких молитвах сообщается в уникальном памятнике христианской литературы – Александрийском кодексе (V в.), где находятся указания на канон из двенадцати псалмов на каждый час дня и двенадцати псалмов на каждый час ночи [23, р. 209]. Практически идентичный этому канон содержится в тексте, приписываемом Евсевию Кесарийскому [20]. Также в египетском папирусе VI в., найденном в лавре Наклун (ныне Дейр-эль-Наклун), Фаюм [23, р. 209], упоминается практика двенадцати псалмов для каждого часа дня, которые также почти идентичны тем, что содержатся в Codex Alexandrinus. Таким образом, мы имеем достаточное количество свидетельств, подтверждающих существование данной практики в Египте, однако ее отношение к практике «двенадцати псалмов» из монашеского синаксиса остается все же неясной, поэтому, признавая важность исследований Вейе и Фройхова, посвященных практике молитв в каждый час дня и ночи, мы считаем более корректным рассматривать «правило Ангела» из «Лавсаика» прежде всего в контексте египетской монашеской литературы.

В анализе практики молитв Вейе в соответствии с часовыми интервалами мы считаем весьма спорным утверждение, что «нет ничего более естественного, чем молиться в каждый час дня и ночи» [32, р. 339]. В раннехристианской литературе соотношение между текстами, которые учат нас молиться два, три или семь раз в день, и теми, которые говорят о молитве в каждый час (дня и ночи), показывает, что мнение Вейе противоречит реальному положению вещей [23, р. 209; 31, р. 26–41]. Для практики молитв на каждый час дня и ночи совсем не подходит эпитет «наиболее

естественной». Свидетельства о такой модели молитвенного правила есть, но они достаточно разрозненны и очень слабо подкреплены историческими примерами. Так, помимо приведенных выше свидетельств, в ранних монашеских источниках мы нашли только один отрывок, в котором представлена практика молитв на каждый час дня. Это аскетическая практика рабыни Александры, описанная в «Лавсаике»: «С утра и до девятого часа я молюсь каждый час (εὐχομαι καθ' ὥραν)»⁶ [29, р. 30]. Выражение «εὐχομαι καθ' ὥραν» можно понимать в смысле «молюсь каждый час», но даже в этом отрывке молитва «καθ' ὥραν» ограничена хронологически: «с утра и до девятого часа».

Мы находим объяснение высказыванию Вейе, что «нет ничего более естественного, чем молиться в каждый час дня и ночи» в том, что Вейе считал пятьдесят, сто, триста молитв в «Лавсаике» также количеством отдельных моментов молитвы. В этом случае, действительно, связывать количество «моментов молитвы» с количеством часов в сутках более естественно, чем делить день и ночь на пятьдесят, сто, триста или семьсот моментов молитвы.

Более четко идея о том, что интересующие нас счисляемые молитвы отражают количество молитвенных моментов в течение суток, выражена у Бунге [16, р. 31–32], при этом данное мнение в целом находит поддержку и у других авторов (мы пока ни у кого не встречали критики данного мнения⁷). Бунге, в частности, пишет, что практика ста молитв Евагрия означала, что примерно каждые десять минут в течение дня он произносил короткие молитвы, которые завершали псалмы или прерывали какой-то длинный псалом, читаемый во время рукоделия. В качестве возможного примера таких молитв Бунге приводит формулу «молитвы Иисусовой» из эфиопского собрания Arophthegmata Patrum: «Иисус, помилуй меня! Иисус, помоги мне! Я благословляю тебя, мой Бог!». Отметим, что исследователи XX в. уделяли большое внимание практике коротких молитв египетских монахов, которая в конечном счете развилась в практику «молитвы Иисусовой». Поэтому, неудивительно, что они стали рассматривать счисляемые молитвы в контексте данной практики.

Одним из основных текстов, на который опирается Бунге в своей интерпретации, является Письмо 143 из Переписки прп. Иоанна Газского [15, р. 520–524] (в русском издании Вопрос 74 [1, с. 97–99]). Действительно, в вопросе, адресованном прп. Иоанну, брат интересуется относительно практики счисляемых молитв: «В житиях святых повествуется, что один из них творил сто молитв, другой столько-то: должны ли и мы иметь меру в молитве, или нет?» Однако прп. Иоанн в своем ответе ничего не пишет в подтверждение того, что счисляемые молитвы – это молитвенные паузы во время рукоделия. Счисляемые элементы в его ответе – это ряды сетей («Когда ты сплетишь три ряда сети (Ὡς οὖν ἐρύξῃ τρεῖς στίχους εἰς τὸ δίκτυδιον), встань на молитву»), а также псалмы синаксиса в практике «двенадцати псалмов». Ответ прп. Иоанна в целом можно интерпретировать как то, что он не рекомендует молодому монаху ориентироваться на практику ста молитв, но предлагает ему более подходящее для него правило. Из ответа также можно вывести, что счисляемые молитвы у скитских монахов не совершались в виде литургических часов (то есть молитвенных правил, совершаемых в 3, 6, 9 часы), как в палестинском монашестве, и что молитвы не были песнями (ᾠδαί), то есть сочиненными молитвенно-литургическими текстами.

В целом важно отметить, что в монашеской литературе нет ни одного свидетельства подсчета монахами молитвенных «пауз» во время рукоделия. Более того, такая интерпретация счисляемых молитв противоречит смыслу, если учесть, что практика трехсот молитв или двухсот молитв с коленопреклонением были практиками выдающихся монахов, которые ради этого больше ничем не занимались. Триста раз прервать свое рукоделие на молитву – это вполне посильная задача даже для новонаначального аскета⁸. Даже семьсот раз подняться на молитву – это вполне осуществимо, особенно если больше ничего не делать. Поэтому удивление Павла Фермейского по поводу семисот молитв одной девственницы в этом случае выглядит крайне странно. Здесь также можно привести слова аввы Арсения, который советует молодому монаху, что если он не может петь псалмы во время синаксиса,

то пусть «благодарит Бога и говорит: “Слава Тебе, Боже”, и повторяет эти слово много раз, а если может, то и тысячу раз...» [28, р. 108]. В бохайрском Житии прп. Пахомия также пишется, что, помимо шестидесяти дневных и пятидесяти ночных молитв, они совершали бесчисленное количество краткословных (jaculatoires) молитв [27, р. 85]. То есть короткие молитвы, которые уважаемые ученые принимают за счисляемые молитвы, у египетских монахов измерялись тысячами, а не сотнями, даже для молодого монаха, поэтому триста молитв в практике Павла Фермейского никак не могли быть короткими молитвами или молитвенными «паузами».

Счисляемые молитвы – это комбинация псалма с молитвой. Как мы указали выше, в ранней монашеской литературе псалмы попадали под понятие «молитва в широком смысле слова», а правило «двенадцати молитв» в «Лавсаике» было тем же правилом «двенадцати псалмов» (скорее всего, с некоторыми модуляциями), о которых пишет прп. Иоанн Кассиан и «Апофтегмы». Таким образом, можно заключить, что и в случае других счисляемых молитв автор «Лавсаика» следовал тому же самому принципу и называл молитвой сочетание псалма с одной или несколькими молитвами, как это было характерно для правила «двенадцати молитв». В таком случае правило трехсот молитв Павла Фермейского означало, что за день он ориентировочно дважды прочитывал Псалтырь, что является очень внушительным правилом, и при этом вполне реальным. В данном случае можно понять его удивление относительно семисот молитв. Прочитать Псалтырь более чем четыре с половиной раза за день теоретически возможно (в современной практике чтения Псалтыри по усопшим полное прочтение Псалтыри занимает около пяти часов), но будет на грани человеческих возможностей. Также в таком случае сто сочетаний псалмов с молитвами у прп. Макария Александрийского является довольно приличным правилом по сравнению с рядовой практикой «двенадцати псалмов», совершаемой дважды в сутки (что дает в общей сложности двадцать четыре псалма / молитвы). Здесь также можно вспомнить и повествование о получении правила «двенадцати псалмов» в «Постановлениях

киновитян» прп. Иоанна Кассиана. Прежде чем получить правило двенадцати псалмов, у монахов был спор, «одни требовали, чтобы было прочитываемо 50; другие – 60 псалмов, а иные более» [5, с. 15; 26, р. 68], что свидетельствует в пользу того, что у египетских монахов были молитвенные правила, состоящие из чтения пятидесяти, шестидесяти и более псалмов.

Также можно отметить, что хотя анализируемая нами практика счисляемых молитв явным образом не отражена в «Апофтегах», близкой ей можно считать правило чтения целой Псалтыри, описанное в апофтегме Серапион 1: «И старец начал свое молитвословие (συνάξεως). Читал он Псалтирь; после каждого псалма молился Богу» [2, с. 236–237; 12, col. 416], переводя на язык счисляемых молитв это означало совершение ста пятидесяти псалмов / молитв. При этом сразу можно понять разницу: при чтении целой Псалтыри все псалмы читались подряд, а в практике счисляемых молитв псалмы читались выборочно.

Приведенная нами система счисления молитв дает нам также ключ к пониманию практики двадцати четырех молитв прп. Макария Египетского, описанной в «Лавсаике», совершаемой во время перемещения к тайной пещере [10, с. 61; 29, р. 76]. По всей видимости, перемещаясь около ста метров («пол стади») на коленях в прорытом тоннеле (σβύρρα) к своей пещере и обратно, прп. Макарий совершал не двадцать четыре коротких молитв⁹, как считает Л. Ренье [30, р. 479–480], но каждый раз правило, равное двум правилам «двенадцати псалмов» (в общей сложности сорок восемь псалмов / молитв, что близко по числу к правилу Моисея Ефиопянина, совершавшему в день пятьдесят молитв).

Говоря о других возможных вариантах того, что могло счисляться во время молитв, нужно отметить, что египетские монахи заучивали наизусть не только Псалтирь, но и другие отрывки из Священного Писания (прежде всего Ветхого Завета). В пахомианской практике шести молитв / чтений, которая была основной формой общественного синаксиса, молитвы произносились в сочетании с разными отрывками из Священного Писания [32, р. 306–312]. Таким образом, гипотетически, в счисляемых молитвах могли использоваться и

другие отрывки Священного Писания. Однако, учитывая общий контекст свидетельств, для рассматриваемой нами практики счисляемых молитв сочетание одного псалма с одной или несколькими молитвами является все же наиболее подходящим вариантом.

Непрестанный синаксис как альтернативная ветвь практики непрестанной молитвы. Практика непрестанной молитвы ассоциируется у нас прежде всего с краткословной «молитвой Иисусовой», которая могла сопровождать аскета во время любой его деятельности. Такой тип молитвы можно назвать молитвой сопровождения. О реализации идеи непрестанной молитвы в этом направлении мы находим свидетельства уже в III в. в литературе александрийской христианской традиции, в частности у Климента Александрийского [18, р. 142, 144, 166] и у Оригена, при этом такая практика у Оригена рассматривается все же как дополнение к молитве, совершаемой отдельно от других дел [9, с. 43].

Реализация идеи непрестанной молитвы как не совмещаемого с другой деятельностью молитвенного правила (на такую форму можно в целом распространить понятие «непрестанный синаксис») ассоциируется у нас главным образом с монахами евхитами (или мессалианами), которые были осуждены как еретики за свои богословские идеи. На основании имеющихся источников можно заключить, что молитвенная практика монахов евхитов выражала достаточно древнюю традицию непрестанной молитвы, которая развивалась главным образом в Сирии и Малой Азии [7; 17]. В целом их способ воплощения идеи непрестанной молитвы является вполне естественным, логичным и соответствующим основной форме христианской молитвенной практики, как древней, так и современной. В период раннего монашества IV–V вв. это направление реализации идеи непрестанной молитвы, как это мы видим на примере анализируемых нами свидетельств, не было еще полностью дискредитировано в ортодоксальном монашестве. Ряд примеров негативного отношения к данной практике содержат «Апофтегмы». Прежде всего здесь можно вспомнить апофтегму аввы Лукия (Сист. 12, 10), который спорит с монахами евхитами по поводу практики непрестанной молитвы,

противопоставляя их практике непрерывного синаксиса свою практику сочетания молитвы с рукоделием [3, с. 272–273; 11; 14, р. 214]. Однако в тех же «Апофтегмах» встречаются свидетельства о продолжительном синаксисе как значимой и непорицаемой форме аскезы. Так, в «Апофтегмах» пресвитер Исидор говорит: «Я, когда был юн, и сидел в келии моей, не знал меры богослужению (μέτρον συνάξεως οὐκ εἶχον), ибо ночь и день проводились в богослужении (σύναξις)» (Сист. 11, 44 (46) = Isidore 4¹⁰) [3, с. 247; 14, р. 158]. Более того, в дальнейшем это направление продолжило свое историческое существование в практике константинопольских монахов акимитов, которые не занимались ручным трудом, а совершали непрерывное богослужение поделившись на группы [8, с. 76–78]. При этом их практика также критиковалась из-за пренебрежения ручным трудом [8, с. 78].

Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что два направления реализации идеи непрерывной молитвы: непрерывного синаксиса и непрерывной короткой молитвы вступили в конфронтацию в период раннего монашества. Основная претензия к последователям непрерывного синаксиса состояла в их отказе от рукоделия. Ручной труд воспринимался египетскими подвижниками как важная составляющая духовной практики монаха и его социальной роли [11]. Можно сказать, что требование ручного труда было одной из основных причин, по которым монахи отошли от практики непрерывного синаксиса и стали практиковать непрерывную короткую молитву. Слова прп. Макария Александрийского в рассматриваемом нами рассказе о Павле Фермейском могут быть поняты именно в этом свете: монах, занимающийся рукоделием и в меру молящийся, не ощущает, что он недостаточно молится. В этом же ключе можно понимать и ответ прп. Иоанна Пророка, который не рекомендует молодому подвижнику совершать продолжительный синаксис.

Таким образом, в случае счисляемых молитв речь идет об ином пути реализации идеи непрерывной молитвы, чем это было осуществлено в практике «молитвы Иисусовой». Практика счисляемых молитв была основана на привычной для монахов комбинации псалма с молитвой и какое-то время была достаточно

распространенной формой реализации идеи непрерывной молитвы, только со временем уступившей свое место практике непрерывной молитвы, развивавшейся в виде повторения краткословных молитв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ряд исследователей [35, р. 38] предпочитают переводить «ἐλοίει δὲ εὐχὰς ἑκατόν» в рассказе о Евагрии как «сочинил сто молитв» (такой вариант также содержится и в русском переводе «Лавсаика» [10, с. 251]), однако, в силу того, что египетские монахи в целом негативно относились к сочинению молитв (см. апофтегма Макарий Египетский 19 = Сист. 12, 11 [3, с. 273; 14, р. 214, 216]), данный вариант перевода вызывает еще больше вопросов. В критическом издании «Лавсаика» Бартелинк переводит это место как «произносил (recitava) сто молитв» [29, р. 201].

² Далее в скобках будет указываться нумерация из критического издания систематического собрания апофтегм Жана-Клода Ги [13; 14], если она не совпадает с нумерацией в русском издании апофтегм.

³ Данное свидетельство Палладия Елеопольского вызывает множество вопросов, так как, согласно пахомианским источникам, в монастырях прп. Пахомия основным молитвенным правилом была служба шести, а не двенадцати молитв [32, р. 138–146, 306–312, 324–339].

⁴ Отсутствует в русском переводе.

⁵ В данном рассказе пояснение, что молитве предшествует псалом, стоит в конце предложения после слов о времени общей трапезы: «ὅτε δὲ μέλλει τὸ πλῆθος ἐσθίειν ἑκάστη εὐχῆ ψαλμὸν προᾶδεσθαι τυλώσας», и переводится это пояснение обычно в контексте молитв перед трапезой [10, с. 132; 29, р. 157; 34, р. 594]. Однако более логичным будет читать выражение «ὅτε δὲ μέλλει τὸ πλῆθος ἐσθίειν...») как пояснение к предыдущим словам, где говорится о молитвах в девятый час («καὶ ἐνάτην ὥραν τρεῖς· ὅτε δὲ μέλλει τὸ πλῆθος ἐσθίειν...»), так как девятый час был общепринятым временем для трапезы в египетском монашестве. Тогда слова «ἑκάστη εὐχῆ ψαλμὸν προᾶδεσθαι τυλώσας» становятся пояснением ко всей практике, а не только к молитвам перед едой. Данный вариант перевода лучше вписывается в общий контекст свидетельств о молитвенной практике египетских монахов.

⁶ Русский перевод данного места («С самого утра, часа до девятого, я молюсь и с час пряду лен» [10, с. 22]) не точен.

⁷ Гипотезу Бунге без всякой критики приводит Дайсингер [19, р. 51]. Веллингтон, критикуя Бунге

за приписывание Евагрию практики ста молитв, ничего не пишет против того, как Бунге понимает форму совершения данных молитв [35, p. 38].

⁸ Во время великопостных служб рядовые православные христиане выстаивают пятичасовые службы, во время которых они делают до двухсот различных поклонов; если им позволить во время службы сидеть и вставать на молитву каждые три минуты, это будет воспринято как послабление.

⁹ Произнести двадцать четыре коротких молитв на дистанции ста метров можно, если идти прогулочным шагом в нестесненном пространстве. Крайне сомнительно, что прп. Макарий занимался рытьем просторного тоннеля, чтобы потом иметь возможность в нем прогуливаться, произнося короткую молитву, а его ученик потом говорил об этом, как о чем-то выдающемся.

¹⁰ Апофтегма отсутствует в русских переводах алфавитного собрания, включая дополненный перевод 2021 г., хотя она присутствует в издании Котелье [12, col. 220].

REFERENCES

1. Barsanuphius the Great, John the Prophet. *Rukovodstvo k dukhovnoy zhizni v otvetakh na voprosy uchenikov* [Spiritual Direction Through Response to Disciples' Questions]. Moscow, Blagovest Publ., 2001. 783 p.
2. *Dostopamyatnye skazaniya o podvizhnichestve svyatykh i blazhennykh ottsov* [Sayings of the Desert Fathers: Alphabetical Collection]. Kiyv, Izd-vo im. sviatitelia Lva papy Rimskogo, 2001. 292 p.
3. *Drevniy Paterik, izlozhenyy po glavam* [Book of the Elders: Systematic Collection]. Moscow, Pravilo very Publ., 2003. 496 p.
4. Evagrius Ponticus. *Asketicheskie i bogoslovskie tvoreniia* [Ascetic and Theological Works]. Moscow, Martis Publ., 1994. 364 p.
5. Jean Cassien. *Pisaniya* [Writings]. Sergiyev Posad, RFM Publ., 1993. 654 p.
6. *Istoriya egipetskikh monakhov* [Historia Monachorum in Aegypto]. Moscow, Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy Bogoslovskiy in-t, 2001. 128 p.
7. Muraviev A. Mšalyānūthā. The Syriac Dossier of the Origins of Messalianism. The Beginning of the Praying Monks Movement in the Syriac Asceticism. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Series 3: Philology], 2010, vol. 22, no. 4, pp. 44-53.
8. Muraviev A. Mšalyānūthā 3. John Chrysostom in Antioch, the Acoemetae Movement and the 'Messalian Heresy' Doctrine. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 2015, no. 1, pp. 66-86.
9. Origen. *O molitve* [On Prayer]. Yaroslavl, Tip. Gub. zem. upravu, 1884. 178 p.
10. Palladius of Helenopolis. *Lavsaiik, ili povestvovanie o zhizni sviatykh i blazhennykh ottsov* [Lausiac History]. Moscow, Moskovskoe Podvoro Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry, 2003. 350 p.
11. Patrin V.G. The Polemic with the Messalians in the Saying of Abba Lucius: The Social Role of the Ascetic-Prayer. *Mir Pravoslaviya* [World of Orthodoxy], 2019, no. 10, pp. 19-31.
12. *Apophtegmata Patrum*. Parisius, Migne, 1864, cols. 71-440. (Patrologia cursus completus. Series graeca; vol. 65).
13. *Les Apophtegmes des Pères: collection systématique, chapitres I-X*. Paris, Les Éditions du Cerf, 1993. 452 p.
14. *Les Apophtegmes des Pères: collection systématique, chapitres X-XVI*. Paris, Les Éditions du Cerf, 2003. 417 p.
15. Barsanuphe et Jean de Gaza. *Correspondance I, 2: Aux solitaires. Lettres 72-223*. Paris, Les Éditions du Cerf, 1998, pp. 346-716.
16. Bunge G. *Das Geistesbet. Studien zum Traktat "De Oratione" des Evagrius Pontikos*. Cologne, Luther-Verlag Publ., 1987. 136 p.
17. Caner D. *Wandering, Begging Monks: Spiritual Authority and the Promotion of Monasticism in Late Antiquity*. Berkeley, University of California Press, 2002. 325 p.
18. Clement d'Alexandrie. *Les Stromates. Stromate VII*. Paris, Les Éditions du Cerf, 1997. 360 p.
19. Dysinger L. *Psalmody and Prayer in the Writings of Evagrius Ponticus*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 245 p.
20. Eusebius Pamphilus. *Canones diurni ac nocturni psalmodum*. Parisius, Migne, 1857, col. 1395. (Patrologia cursus completus. Series graeca; vol. 23).
21. Evagrius Ponticus (Nilus Abbas). *De oratione*. Parisius, Migne, 1865, cols. 1165-1200. (Patrologia cursus completus. Series graeca; vol. 79).
22. Festugière J. *Enquête sur les moines d'Égypte*. Paris, Les Éditions du Cerf, 1964. 142 p.
23. Frøyskov S. The Cathedral-Monastic Distinction Revisited. Part I, Was Egyptian Desert Liturgy a Pure Monastic Office? *Studia Liturgica*, 2007, vol. 37, pp. 198-216.
24. Guillaumont A. *Les "Kephalai Gnostica" d'Evagre le Pontique et l'histoire de l'Origenisme chez les Grecs et chez les Syriens*. Paris, Éditions du Seuil, 1962. 366 p.
25. Guillaumont A. *Un philosophe au désert: Evagre le Pontique*. Paris, Librairie philosophique J. Vrin Publ., 2004. 430 p.
26. Jean Cassien. *Institutions cénobitiques*. Paris, Les Éditions du Cerf, 1965. 531 p.
27. Lefort L. *Les vies coptes de Saint Pachôme et de ses premiers successeurs*. Louvain, Bureaux du Muséon Publ., 1943. 431 p.

28. *Lettres des Pères du désert Ammonas, Macaire, Arsène Sérapion de Thmuis*. Bégrolles-en-Mauge, Édition abbaye de Bellefontaine, 1985. 159 p.

29. Pallade d'Helenopolis. *La storia Lausiaca*. Verona, Fondazione Lorenzo Valla Publ., 1974. 415 p.

30. Regnault L. La prière continue "monologistos" dans la littérature apophtegmatique. *Irénikon*, 1975, vol. 47, pp. 467-493.

31. Taft R. *La liturgie des heures en Orient et en Occident. Origine et sens de l'Office divin*. Turnhout, Brepols, 1991. 389 p.

32. Veilleux A. *La liturgie dans le cénobitisme pachômien au quatrième siècle*. Romae, "I. B. C." Libreria Herder Publ., 1968. 393 p.

33. Vogüé A. Psalmodier n'est pas prier. *Ecclesia Orans*, 1989, vol. 6, pp. 7-32.

34. Wellhausen J. *Die Lateinische Übersetzung der Historia Lausaica*. Berlin; New York, Walter de Gruyter Publ., 2003. 758 p.

35. Wellington J. *Christe Eleison! The Invocation of Christ in Eastern Monastic Psalmody c. 350–450*. Berne, Peter Lang Edition, 2014. 241 p.

Information About the Author

Viacheslav G. Patrin, Candidate of Sciences (Theology), PhD (Greek History and Culture), Director, Center for Training Church Specialists of the Volgograd Eparchy, Chapaeva St, 26, 400012 Volgograd, Russian Federation; Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, patrin.viacheslav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6376-5076>

Информация об авторе

Вячеслав Геннадьевич Патрин, кандидат богословия, PhD (греческая история и культура), директор, Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии, ул. Чапаева, 26, 400012 г. Волгоград, Российская Федерация; доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, patrin.viacheslav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6376-5076>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.4>

UDC 25(37)

LBC 86.313.3-574

Submitted: 13.03.2024

Accepted: 13.05.2024

FIVE ANASTASIAE AND TWO FEBRONIAE: A GUIDED TOUR IN THE MAZE OF ANASTASIA LEGENDS

Part Two: The Roman Dossier. II. Anastasia Between Bassilla and Petronilla (Concluding Part) *

Basil Lourié

HSE University,
Moscow, Russian Federation

Abstract. In this concluding part of the study of the western hagiographical dossier of St Anastasia, the attention is focused on two main problems: the earliest cult of St Anastasia in Sirmium (replacing the cult of St Bassilla with the cult of St Anastasia) and the cult of Anastasia and Petronilla in the St Andrew church created by Pope Symmachus near St Peter's cathedral. The development of the cult of St Petronilla (the legendary daughter of Apostle Peter) is related to a specific commemoration of St Peter established by Pope Leo the Great.

Key words: St Anastasia, St Bassilla, St Petronilla, Old St Peter's cathedral, Pope Leo the Great, Pope Symmachus, Sirmium.

Citation. Lourié B. Five Anastasiae and Two Febroniae: A Guided Tour in the Maze of Anastasia Legends. Part Two: The Roman Dossier. II. Anastasia Between Bassilla and Petronilla (Concluding Part). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 36-58. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.4>

УДК 25(37)

ББК 86.313.3-574

Дата поступления статьи: 13.03.2024

Дата принятия статьи: 13.05.2024

ПЯТЬ АНАСТАСИЙ И ДВЕ ФЕВРОНИИ: ЭКСКУРСИЯ ПО ЛАБИРИНТУ ЛЕГЕНД ОБ АНАСТАСИИ

Часть вторая. Римское досье. II. Анастасия между Вассиллой и Петрониллой (заключительная часть) *

Вадим Миронович Лурье

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей заключительной части исследования западного агиографического досье св. Анастасии основное внимание уделяется двум проблемам: древнейшей форме культа св. Анастасии в Сирмии (процессу замещения культом Анастасии культа св. Вассиллы) и культу свв. Анастасии и Петрониллы в устроенной папой Римским Симмахом церкви Св. Апостола Андрея, примыкавшей к собору Св. Петра в Ватикане. Развитие культа св. Петрониллы (легендарной дочери апостола Петра) оказывается связанным с особым днем памяти апостола Петра, учрежденным папой Львом Великим.

Ключевые слова: св. Анастасия, св. Вассилла, св. Петронилла, собор Св. Петра в Риме, папа Римский Лев Великий, папа Римский Симмах, Сирмий.

Цитирование. Лурье В. М. Пять Анастасий и две Февронии: экскурсия по лабиринту легенд об Анастасии. Часть вторая. Римское досье. II. Анастасия между Вассиллой и Петрониллой (заключительная часть) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 36–58. – (На англ. яз.) – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.4>

Introduction

The present concluding part of the study will focus on two parts of the western dossier of St Anastasia: its earliest part related to Sirmium and its latest part related to Rome, where the cult of St Anastasia became entangled with the cult of St Petronilla. In Sirmium, the image of St Anastasia emerged gradually from the image of the historical saint Bassilla. In Rome, the new form of the cult of St Anastasia together with the legendary daughter of Apostle Peter, St Petronilla, developed in the church of St Andrew, created by Pope Symmachus in a rotunda adjacent to Old St Peter's cathedral in the Vatican.

8. Anastasia's Relics: From Rome to Sirmium

In the present section, we summarize the available data related to St Anastasia's relics in both Rome and Sirmium.

8.1. What Was Said in the Latin Legend

After having explored the hagiographical coordinates of time in the common cult of Bassilla and Anastasia, we have now to explore its coordinates of place. For this purpose, we have to revisit, for the third time, the question of the burial of Anastasia (see above, section 2.3.4, for the relevant quotation from LLA, and 4.5, for the discussion of the date).

The "anti-Roman" Aquileian editor removed any explicit geographical markers but left some implicit ones. Among the latter, the most important is the fact that Apollonia received permission to take the body of Anastasia thanks to the wife of the prefect (*per matronam praefecti*). The wife of a Roman prefect lived certainly in Rome; there was no prefect in the Pontine islands. If Apollonia was acquainted with her sufficiently to make this request, it is implied that she too lived in Rome. A rich Roman matron would hardly have lived in remote islands, especially those known as a place of exile for women from the nobility; were she exiled herself, she would have never been rich enough to build a basilica.

These considerations prove Lapidge's hypothesis that LLA implies Anastasia to be buried in Rome. To Lapidge's considerations based on the requirement of geographical coherence in the plot, we can add even more striking observations

related to the implied local proximity of the two matrons, Apollonia and the wife of the prefect. The two groups of arguments together – from geography and from the two matrons – point to Rome as the burial place of Anastasia.

The most important argument against the burial of Anastasia in Rome is the fact that the church of St Anastasia on the Palatine has never claimed to have the relics of her patron saint¹. The same argument prevents Lapidge from insisting on his own hypothesis concerning the burial in Rome. He considers the location of the basilica built by Apollonia to be "unclear" and adds that, in Rome, there was no *titulus*-church in the name of Apollonia. "What is odd," he said, "is that the author makes no attempt to link the martyred Anastasia with the *titulus*-church of S. Anastasia on the Palatine"².

For us, this argument has no force, because we have demonstrated that the connection of the cult of St Anastasia with her *titulus* church and Christmas is a secondary phenomenon. Therefore, we can insist that the Anastasia who was commemorated on September 7 was buried in Rome.

8.2. Where in Rome?

The text preserved for us in LLA contains a vague but somewhat consistent description of Anastasia's burial place. It was located within the private garden of a Roman matron (*viridarium domus suae*), in a basilica constructed by its owner, who was the same matron. This matron was somewhat connected to the *praefectus urbi* (perhaps through his wife). Such descriptions need not be directly applicable to any historical landscape, but they must be recognisable in the landscape of the "imaginary Rome" of the hagiographer and only then in the sacred topography of the real material Rome. This description can become "readable" only against the background of other Roman legends.

Unfortunately, the original name of the matron known to us from LLA as Apollonia seems to be concealed. We have seen that the name Apollonia was borrowed from another legend, *BHL* 643 (see above, section 5.1.1), unrelated to the deposition of the relics of Anastasia. The name Apollonia was, among the Roman Christians, exceptionally rare³. Therefore, it hardly has another meaning than a link to *BHL* 643, perhaps deliberately concealing the matron's name in the earlier legend.

The phrase *viridarium domus* is ambiguous, depending on whether we read it in the Latin of Late Antiquity or in the Latin of the Christian Middle Ages. In the former case, it would mean a garden in an internal yard of a Roman villa (within or outside the city), whereas, in the latter, “a field sown with forage”⁴ (in a suburb) or even a cemetery near a monastery⁵. This is not to exclude that our hagiographer played on this variety of meanings.

Looking for the historical prototype of Apollonia as the owner of the *viridarium* and the basilica, we have to verify, first of all, the female companions of Anastasia (other than those she acquired in Constantinople, that is, not Theodota and Irene, Agape, and Chionia). In the presently accessible legends, she has only two companions, Bassilla and Petronilla (the legends of Petronilla we will examine below, section 9). Moreover, Anastasia was, at the least, closely connected to the legends related to Flavia Domitilla. Let us translate this data into the language of sacred topography.

Topographically, Flavia Domitilla and Petronilla (if we consider the early period, before Pope Symmachus *ca* 500) mean the same, the Catacombs of Domitilla, where Petronilla was said to be deposed, while Flavia Domitilla was considered to be the founder⁶. Bassilla, of course, thus would refer to the Catacombs of Bassilla. It is of course possible that the daughter of Gallus and Constantina was buried in one of these cemeteries.

Therefore, it is tempting to check the Roman Christian funeral inscriptions in search of the burial of an Anastasia who “fits.” The total number of such inscriptions (datable from the very late fourth to the early fifth century but without those dedicated to the children when their age is indicated) is not especially big, only seven or six⁷. Among them, the most interesting to us are those related to the catacombs mentioned in the hagiographical cycles related to either Bassilla or Domitilla⁸. They are the following:

ICUR 6552.a (*Anastasia / in pace*) datable to the second half of the fourth century, from the Catacombs of Domitilla (*in situ*; Via Ardeatina);

ICUR 12267 ([--si]ve *Anastasia-* / [---] *m(ensibus) V d(e)p(osita) IIII id(us) iun(ias)*) datable to the last quarter of the fourth century, from the anonymous cemetery on the Via Ardeatina (thus, not so far from the Catacombs of Domitilla);

ICUR 26692, undated, from the Catacombs of Bassilla.

The text of *ICUR* 26692 is restored by the publishers (D. Mazzoleni and C. Carletti in 1992) as pertaining to some Anastasius: *Anastas[io? qui vixit ann---] / et mens[---] / Anastas[ius? fecit?]*. One can see that a restoration with the name Anastasia is no less possible, and the second mention of the name is not necessarily connected with *fecit*. This inscription was relatively long, thus revealing some importance of the defunct.

These indications are too weak for proving anything, but they are, nevertheless, not negligible. At least, they demonstrate that, in the period we are interested in, a historical prototype of St Anastasia might have been buried in Roman cemeteries, including those of Bassilla and Domitilla. The possibility of her burial in the Catacombs of Domitilla would be fitting with the mutual connection between the legendary Anastasia and her major hagiographical prototype. The alternative possibility of her burial in the Catacombs of Bassilla would provide a very natural explanation for the origin of the legend where the two saints, Bassilla and Anastasia, act together.

Both catacombs, of Domitilla and of Bassilla, included subterranean basilicas. The relics of Bassilla, however, were deposed in an open-air basilica near the catacombs, which is now destroyed without any trace⁹. This basilica could have a good chance of being the prototype for the basilica erected by Apollonia for the relics of Anastasia, especially because the most venerated saint of the adjacent catacombs, Hermes, was, according to his legend, a Roman prefect. In historical Rome, there was no such *praefectus urbi*, but he actually (I would insist on this word) existed in the imaginary Rome of hagiography. In this way, Bassilla must have approached this Roman prefect to obtain permission for an additional burial within or near her own *domus* (the basilica of St Bassilla).

The *Passio* of St Hermes is not preserved as a self-standing text, whereas there could be hardly any doubt that such text(s) existed, given that St Hermes was one of the most venerated Roman martyrs (especially after the sixth century). The available recension is preserved “encapsulated” within the *Passio* of Sts Alexander, Eventius, and Theodulus (all of them being deposed in other

cemeteries), the earliest recension of which is *BHL* 266; its date is now defined variously by various scholars¹⁰. The date of *BHL* 266 is not the date of the legend of St Hermes but its *terminus ante quem*. The *terminus post quem*, according to the widely accepted hypothesis, could be defined with a Damasian epigram (Nr 48), two marble fragments of which were found in the catacombs of Hermes/Bassilla (*ICUR* 26669). This epigram, however, does not mention the name of the saint to whom it is dedicated. It is dedicated to a martyr who arrived in Rome from Greece and, therefore, must have had a low social status, perhaps even that of a slave¹¹. Be this as it may, the legendary biography of St Hermes as an urban prefect is datable to the fifth century. According to P.A.B. Llewellyn, Hermes's titulature provided by the hagiographer is datable to a period after 438 [45, pp. 292-293]. Probably, it belongs to the "encapsulated" original legend of Hermes.

According to this legend, the prefect Hermes was martyred for the conversion of his whole family (spouse, sister, and sons) and his 1,250 slaves, not to mention the families of each of them¹². This is a story compressed into one sentence. The spouse of Hermes might have played a more active role in the original account.

We can cautiously suppose, without insisting on this conclusion, that the burial of Anastasia took place in the basilica of St Bassilla or nearby. The episode with the wife of the Roman prefect – which is certainly not a negligible detail – would have been, in LLA, an echo of the topographical connection of St Bassilla and St Hermes.

8.3. The Fate of the Relics of Anastasia

Regardless of the exact place of her burial, the historical Anastasia, who was buried somewhere in Rome, was the daughter of Gallus and Constantina. In the fifth century, but not immediately after her passing, her biography started to change; she became a companion – or rather the principal companion – of the martyr Bassilla/Basilissa, then highly venerated in Rome¹³.

The Roman legend of Bassilla/Basilissa and Anastasia then acquired a higher status, thus becoming a legend of female companions of the apostles. The alternative path of development led to the establishment of a link between Anastasia and Sirmium. The mutual connections between the respective legends are represented at Stem 3.

The marginalisation of the pair of Bassilla and Anastasia was a natural consequence of the reshaping of the Roman stationary liturgy under Leo the Great, when the *titulus* church of Anastasia became one of the most important churches of the city and, therefore, the main site of Anastasia's cult. This site lacked any relics, and this fact must have contributed to Anastasia's tomb falling into oblivion. The legend of Bassilla and Anastasia was replaced by the prototype of *BHL* 401, the Latin *Passio ipsius Anastasiae*, where the burial scene with Apollonia was introduced. Thus Apollonia replaced Bassilla.

The same period (roughly, the pontificate of Leo the Great) was especially favourable for creating a cult of Anastasia in Sirmium, given that she was no longer venerated in relics in Rome, although she was still connected with Bassilla, the common martyr of Rome and Sirmium. If some relics, previously venerated in Sirmium as those of Bassilla, were still preserved in this city, the appearance of relics attributed to Anastasia would have been logical to expect somewhere nearby. I would not exclude an even more radical scenario, when the relics of Bassilla would have been reattributed to Anastasia. If so, the relics translated to Constantinople from Sirmium under the name of Anastasia would have been those of Bassilla.

8.4. St Anastasia's Cult in Sirmium

Unfortunately, very little can be said about the cult of St Anastasia in Sirmium.

The fragment of a Latin inscription from Sirmium that was published in 2013 and interpreted by its publishers as mentioning a basilica of St Anastasia (I. Popović, S. Ferjančić [57]) has now been read more carefully. It turned out to be unrelated to a basilica of Anastasia and, very probably, it does not mention Anastasia at all (it contains letters ANAST that could be restored to the name Anastasius as well). Mirković [50, pp. 121, 206].

Nevertheless, the existence of a great church of Anastasia in Sirmium is evidenced by the so-called *Vita altera* of St Demetrius of Thessalonica (*BHG* 497)¹⁴. Prefect Leontius, known as the builder of the basilica of St Demetrius in Thessalonica according to the *Vita prima* (*BHG* 496)¹⁵, is, in the *Vita altera*, the builder of such a basilica as well – but not in Thessalonica.

According to the *Vita altera*, prefect Leontius, having been healed by the saint, wished to transport the latter's relics from Thessalonica to Sirmium but was prevented by a miraculous intervention from the saint himself. Therefore, he took into Thessalonica only a cloth of the saint called ἡ τιμία σορός (funeral chiton?) and deposited it in Sirmium, as the *Vita altera* specifies (§ 17) (PG 116 [49, col. 1184 BC, quoted 1184 C]),

<p>ἐν τῷ παρ’ αὐτοῦ κτισθέντι ἐκεῖσε πανσέπτῳ ναῷ τοῦ ἁγίου μάρτυρος Δημητρίου πλησίον τοῦ σεβασμίου οἴκου τῆς καλλινίκου μάρτυρος Αναστασίας.</p>	<p>in the most esteemed temple of the holy martyr Demetrius built by himself [<i>sc.</i>, Leontius] near to the venerable house of the victorious martyr Anastasia.</p>
--	---

According to Hippolite Delehaye, the historical situation was exactly opposite: Leontius built the temple in Thessalonica and deposited there some “secondary relics”, whereas the body of the saint remained in Sirmium. Serbian and Macedonian archaeologists prefer to consider this legend as an adaptation of an earlier Sirmian legend¹⁶ and attribute to prefect Leontius the Demetrius church in Sirmium built, according to them, before 441¹⁷. Our interest, however, is not in these facts but in the attitude of the hagiographer. He shared the Thessalonician version of the story that claimed to place the relics of St Demetrius in Thessalonica, although buried and inaccessible. However, he placed the two cults, those of St Demetrius and St Anastasia, “near” to each other and almost on the same level but with a slight preponderance of the cult of Anastasia: it is the church of Demetrius that is “near” her church but not vice versa.

Important considerations on the *Sitz im Leben* of the *Vita secunda* have been put forward by Peter Tóth, who paid attention to several mentions of Sirmium there; such mentions are unexplainable if the author himself did not belong to a Sirmian or rather ex-Sirmian milieu. According to Tóth, the author belonged to the former population of Sirmium that left the city in 582¹⁸. These people were going in different directions, and this one was among those who found their home in Thessalonica. “...the *Passio*

altera seems but a reconciliation of two distinct Demetrius traditions, the Sirmian and the local Thessalonician, but <...> strictly from the point of view of the ‘receiving party’, the Thessalonicians,” wrote Tóth [66, p. 168].

The author of the *Vita altera* of St Demetrius, although having become a Thessalonician author, did not completely leave his Sirmian predilections – including expressing very high esteem for St Anastasia. His attempt to reshape the Thessalonician cult of St Demetrius would have found there a grateful audience, even though it ultimately was unsuccessful. However, he wrote around the year 600¹⁹; such an author would be hardly imaginable in mid-seventh-century Thessalonica.

Thus, the evidence for a great church of St Anastasia in Sirmium already in the time of the prefect Leontius (*praefectus Illyrici* in 412–413) belongs to a later author. This author knew Sirmium very well, but his Sirmium was that of the sixth century. We have no way to decide whether he anachronistically placed a sixth-century church into the realm of the early fifth century or whether he was faithfully following his sources.

To sum up, we know nothing certain about the cult of St Anastasia in Sirmium before the translation of her relics from there to Constantinople.

9. Pope Symmachus: Making the Apostle's Family Open to the Goths

The name of Anastasia appeared in a certain legend related to Apostle Peter and his (legendary) daughter Petronilla²⁰. For the *Passions épiques*, the time of action of the legend depends on the importance of the respective cult (the more important, the closer to the apostles). It is no wonder that the cult of Anastasia, as its importance increased, pushed Anastasia into apostolic times, thus resulting in the multiplication of her avatars. This development was unconnected to the martyr of Sirmium; it took place in Rome.

Unlike the pair of Basilissa and Anastasia, the pair of Anastasia and Petronilla is ordered in the opposite direction: Anastasia is the first, whereas her companion is the second. This fact reveals a fundamental feature of the respective cult: the cult of Petronilla was grafted onto the cult of Anastasia, and not vice versa.

9.1. A Byzantine Commemoration: Anastasia and Petronia/Petronilla

Anastasia and Petronilla are commemorated in the Synaxarium of Constantinople on September 29, where the text of the Synaxarium quotes almost verbatim the text of the *Typikon* of the Great Church for the same day: μνήμη τῆς ἁγίας ὀσιομάρτυρος Ἀναστασίας τῆς ἀσκητρίας καὶ Πετρωνίας μάρτυρος (Delehaye [17, p. 90]) (“commemoration of Saint nun and martyr Anastasia the ascetic and martyr Petronia”), whereas, in the *Typikon*, these saints were at the end of a rather long list of commemorated saints: ...καὶ τῶν ἁγίων μαρτύρων Ἀναστασίας τῆς ἀσκητρίας καὶ Πετρωνίας τῆς μάρτυρος (J. Mateos [47, p. 50]) (“...and of saint martyrs Anastasia the ascetic and martyr Petronia”). This commemoration is absent from some translations of the Synaxarium (Armenian, Slavonic, and Arabic), but it is preserved in the Georgian: და წმინდისა ანასტასიას მარტვისა, და პეტრონიას მარტვისა (დოდო სვინაძესარი [72, p. 31]) (“...and Saint Anastasia the martyr and Petronia the martyr”). Apparently, there is no such commemoration in the Latin liturgical documents (but we will see that the situation is more complicated). The legend itself became even less lucky than the legend of Basilissa and Anastasia: it is not preserved in even a short entry of the Synaxarium. We know the commemorative note only.

The name Petronia is an almost exact equivalent of the Latin name Petronilla, because both are derived from the masculine name Petronius and not Peter. Transformation of the Roman martyr Petronilla into the daughter of the Apostle Peter is a secondary phenomenon, if certainly prompted by the false etymology of “Petronilla” from “Peter.” “Petronia” and “Petronilla” were interchangeable in Greek (see below, section 9.3).

We are in the presence of a legend where a certain Anastasia is acting together with Petronia/Petronilla while being the leading figure in the pair.

In the *Passio* of Nereus and Achilleus, we have seen a similar situation: the leading figure was Domitilla, whereas Petronilla was an auxiliary character, despite her status as the daughter of Apostle Peter. This legend, as is known quite well, evolved from the sacred topography of the

Catacomb (cemetery) of Domitilla, which became the place of the cult of a certain historical martyr Petronilla, and this martyr, in turn, was eventually transformed into the daughter of the Apostle Peter. Domitilla, however, remained the main character in the legend, as she was the “owner” (actually, the founder) of the respective catacombs²¹.

The commemoration of Anastasia and Petronilla (not of Petronilla and Anastasia) fits with the pattern of the *Passio* of Nereus and Achilleus (Domitilla and Petronilla), but the name of Anastasia replaced that of Domitilla. In LLA and its Byzantine and Roman predecessors, we have seen the same situation: Anastasia’s exile to the Pontine islands is patterned after that of Domitilla, whereas the name of Domitilla disappeared.

The date of this commemoration, September 29, is certainly remarkable, and we will have to return to it after having reviewed the other dates related to Petronilla.

9.2. The Uniquely Western Date: May 31 (or 29)

At present the main piece of the hagiographical dossier of Petronilla is the respective part of the *Passio* of Nereus and Achilleus (*BHL* 6061); there is no mention of Anastasia there. The Petronilla of this legend, whose commemoration date is connected with that of Felicula (who died *bis septem diebus* later, that is, on the fourteenth day after Petronilla counting inclusively), is commemorated on May 31 (in some manuscripts, on May 29) with the commemoration on Felicula on June 13 (corresponding to May 31 as the day of Petronilla)²².

It is generally accepted, after Duchesne, that this commemoration day of Petronilla is related to the annual *statio* “in St Petronilla’s cemetery” (*in cimiterio beatae Petronille*) established by Pope Gregory III (731–741), even though the *Liber Pontificalis* does not provide the exact date of this annual commemoration²³. The cemetery meant is that of Domitilla, which previously had never been called after Petronilla. This fact does not contradict the possibility that the commemoration date itself existed earlier. Indeed, it is unknown to the eastern sources, and the manuscripts of the *Martyrologium Hieronymianum*, which contain it, are not earlier than Pope Gregory III. Nevertheless, even though these manuscripts do not allow us to know which of the two dates,

May 29 or May 31, is the earlier one, scholars consider that one of these dates goes back to the fifth-century archetype of the *Martyrologium* ²⁴.

This commemoration is relatively early, but it is unknown to the eastern sources. This means, with a high likelihood, that, by the Byzantine period, there was, in Rome, no important celebration on this day.

9.3. The Common Western and Eastern Date: October 8

9.3.1. Eastern Dossier

In the Synaxarium of Constantinople, there is a commemoration of Petronilla on October 8: Καὶ τῆς ἁγίας Πετρωνίας τῆς θυγατρὸς τοῦ ἁγίου Πέτρου τοῦ ἀποστόλου (Deleheyae [17, p. 122]) “And (commemoration) of St Petronia, the daughter of Saint Apostle Peter”. In the twelfth-century manuscript *Vaticanus gr.* 2046, which is the closest one to the Greek original of the Slavonic translation (made in the eleventh century), the wording is slightly different: ...καὶ τῆς ἁγίας Πετρονίλλας θυγατρὸς τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Πέτρου τοῦ κορυφαίου ²⁵ (“...and Saint Petronilla, the daughter of Saint Apostle Peter the koryphaios (of apostles)”). Here, the spelling of the name Petronilla is preserved with minimal distortion (Πετρονίλλα instead of Πετρωνίλλα). In the Greek translation of the *Passio* of Nereus and Achilleus, *BHG* 1327, the name of Petronilla is spelled correctly as Πετρωνίλλα, but quite often, in Byzantium, this name was transformed to Petronia.

The commemoration of October 8 is absent from the ancient documents in Greek, including the *Typikon* of the Great Church. Moreover, one can see that, in the recension published by Delehayae, it was inserted in the text received by the Synaxarium from the *Typikon*. In the *Typikon*, the entry for October 8 was concluded by the phrase καὶ ἄθλησις γυναικῶν τινῶν ἁγίων (Mateos [47, p. 64]) (“...and the contest of some saint women”), whereas, in the recension of Delehayae, the cited passage about St Petronilla is followed with the phrase Καὶ ἄθλησις ἐτέρων γυναικῶν τινῶν ἁγίων (“And the contest of some other saint women”) (Delehayae [17, p. 122]), taken from the *Typikon* but with an addition of “other”.

The easiest way to interpret these data is to accept that the commemoration of Petronilla in Constantinople was established in the first half

of the tenth century (before the completion of the Synaxarium but after the formation of the *Typikon* of the Great Church) ²⁶. However, our knowledge of the pre-900 liturgical calendar of Constantinople is too fragmentary to allow us to draw any definitive conclusions. At the present stage, we can take the mid-tenth century only as the *terminus ante quem* for the appearance of the commemoration of Petronilla on October 8.

9.3.2. Western Dossier

The western documents that mention Petronilla on either the 8th or 9th of October are rare, and their data have never been presented systematically in the scholarly literature ²⁷. Apparently, they contradict each other in the date, the 8th or the 9th, but they certainly confirm each other in stating that this commemoration was established in connection with the new church of St Petronilla where her relics were deposited by Pope Paul I in 757 ²⁸. This church was established in the west rotunda adjacent to the transept of Saint Peter’s in the Vatican at the north side. On the east side, this rotunda was connected to the east rotunda, the church of the Apostle Andrew (see the reconstruction of the two rotundas near Saint Peters’s in Figure ²⁹). The west rotunda was demolished between 1513 and 1532–1535 ³⁰, and the east rotunda, in 1777.

All presently known documents containing the commemoration at issue on either October 8 or 9 are the following:

1. The abbreviated martyrologium in the *Ottobonianus latinus* 38, the ninth-century Italian manuscript where the recension of the martyrologium is datable to the pontificate of Gregory IV (827–844) ³¹: VIII. Id. Octob. [= October 8] *Roma, translatio sanctae Petronillae* ³².

2. The *capitularium evangeliorum* (calendar of the gospel readings attached to the liturgical gospel) from Lucca, 9th/10th cent. ³³: *Die VIII. mensis suprascripti [Octobris]. Translatio Corporis Sanctae Petronillae*. F. A. Zaccaria [70, p. 211].

3. Two ninth-century *capitularia evangeliorum* from the Frankish kingdom (Paris, Bibliothèque Nationale *lat.* 93 and 13171) ³⁴: *Die VIII mensis supra scripti [Octobris] dedicatio ecclesiae scae Petronellae*. Th. Klauser [39, p. 181, Nr 259].

The 9th of October had a special meaning for the Carolingians and, therefore, for the Popes Stephanus II and Paul I, because it was the commemoration day of St Dionysius of Paris³⁵. It is certainly not accidental that the Vatican commemoration of Petronilla was indicated as October 9 only in the documents from Francia, the state of the Carolingians, whereas, in the Italian documents, the date is October 8. These dates, however, mark different events: the documents having October 8 commemorate *translatio* (the translation of the alleged relics of Petronilla from the Catacombs of Domitilla to the Vatican rotunda), whereas those having October 9 commemorate *dedicatio* (the dedication of the church of St Petronilla in this rotunda).

With recourse to the calendar, we can clarify the matter definitively. In 757, October 8 was Saturday, and October 9 was Sunday. The dedication of a church was normally performed on Sunday. Thus, we have a sequence of the two events resulting in the two commemorations: the translation of the relics on October 8, Saturday, and the dedication of the church on October 9, Sunday. Given the coincidence of the dedication day with the day of St Dionysius, one can understand why, for the Franks, the date of the dedication became more important. In Rome, however, the most notable event (described in the interpolation to the *Liber Pontificalis* already in the eighth century) was the translation itself.

Therefore, de Rossi was right when he considered October 8 to be the genuine date of the feast. One can only add that, probably, in eighth-century Rome, the original commemoration was established as a two-day cycle on October 8 and 9 with the focus on the first day. Only the most important date, October 8, passed from Rome to Constantinople at some time before the mid-tenth century.

We have just confirmed the common scholarly opinion that the date of October 8 (and its Frankish alternative October 9) does not predate the eighth century. Nevertheless, a church in the west rotunda existed already in the 640s. We have to review these earlier data.

9.4. Saint Anastasia between the Imperial Mausoleum and Saint Petronilla

In 757, the west rotunda was dedicated as the church of St Petronilla. A roughly contemporaneous

description of the liturgical organization of this church is preserved in the eighth-century addition to the *Notitia ecclesiarum urbis Romae*. Glorie [32, p. 310]. The author of this guide described the church of the Apostle Andrew in the east rotunda and then passed to the east rotunda that he called “Saint Petronilla”, in accordance with the 757 dedication (I add in the translation below numbers referring to Figure).

<p>Egrediente uero accipiet sanctus te Martinus, et deducet ad sanctam Petronellam; ibi te primo accipiet Saluator mundi, adsignatque sanctae Anastasiae, et illa sanctissimae Genetrici Dei, quae te commendat sanctae Petronellae, ut te deducat, ad filium suum Saluatorem mundi, qui te per beatum Theodorum mittit ad sanctum Michaellem archangelum.</p>	<p>When you come out, Saint Martinus will accept you [<i>perhaps</i> A8] and will guide you to Saint Petronilla. There, the Saviour of the World will accept you first [B4] and, then, will recommend you to Saint Anastasia [B3], and she to the most saint Theotokos [B2], who you will send to Saint Petronella [B1], for guiding you to her son Saviour of the World [B5], who will transmit you, through Blessed Theodore [B6], to Saint Archangel Michael [B7].</p>
--	---

This arrangement of the altars in the exedrae blatantly contradicts the dedication of the church to St Petronilla. St Petronilla’s altar occupied the second-ranked place, whereas the first-ranked one belonged to St Anastasia. It is the altar of St Anastasia that was coaxial to the main altars of both Saint Peter’s and the church of Apostle Andrew (A1) in the east rotunda, being in mirror symmetry with the latter. Eventually, in 1470, the altar of St Anastasia was rededicated to the Virgin Mary, but, up to this date, the ancient dedication of this altar was preserved.

This fact suggests the idea that, before the church of St Petronilla was established in the west rotunda in 757, another church had already been there, where the main venerated saint was St Anastasia, and perhaps the second one St Petronilla. We know, however, that, in 483, the west rotunda still did not contain any church, being a mausoleum of the Western imperial family (see below, section 9.7.2). Therefore, a church dedicated primarily to St Anastasia

and perhaps secondarily to St Petronilla was established there some time between 483 and 757. The relics of St Petronilla were deposed there because an altar of this saint had previously existed in the church, and, after the deposition, the church was rededicated.

The preeminent place of the altar of Anastasia in the west rotunda is striking but only seldom has this fact has been dealt with in the literature. One of the rare exceptions was Walter Schumacher who supposed that this rotunda served as the mausoleum of Anastasia, a sister of Constantine the Great ³⁶. This hypothesis of Schumacher's, while immediately supported by Francesco Tolotti [65, pp. 308-309] has been criticised and rejected ³⁷.

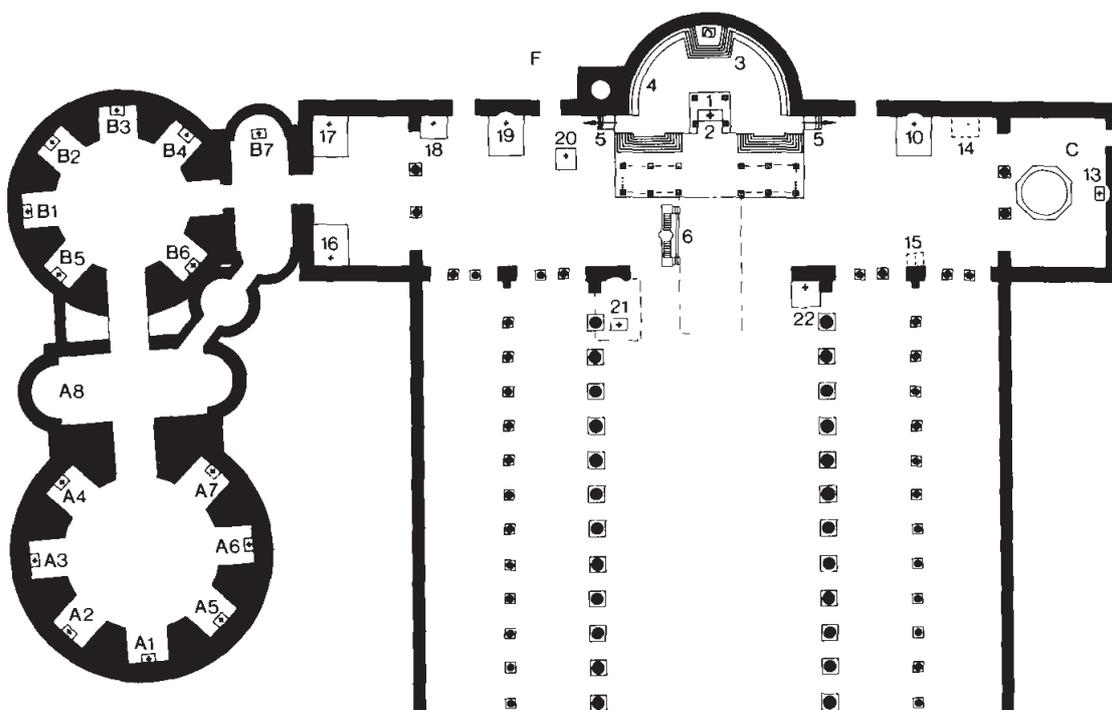
Our present conclusion on the existence, at the west rotunda before 757, of a church dedicated to St Anastasia and (perhaps) St Petronilla follows from the arrangement of the altars that was preserved even after 757. It does not fit with the dedication of a newly constructed church to St Petronilla. The church of St Petronilla dedicated in 757 was not the first church established in the west rotunda. We have to posit, instead, a previously overlooked period of the history of the west rotunda, when a church of St Anastasia was established there.

If the above conclusion is right, some traces of this church would have been preserved in liturgical and/or hagiographical documents. Such traces are, indeed, preserved. We will turn to them now, before returning to the history of the two rotundas near Saint Peter's.

9.5. Establishment of the Feast on the 29th of September by Leo the Great

The commemoration of Saints Anastasia and Petronilla on September 29 is worthy of our attention, even though it is preserved in no document in Latin. This pairing is a unique phenomenon, distinct from the usual cults of Anastasia or Petronilla. Moreover, the order in this pair, where the daughter of the Apostle Peter is the second and not the first, is quite remarkable. Therefore, it is unlikely that this pair of saints in the calendar of Constantinople and the arrangement of the altars in Saint Petronilla in Rome would have been mutually independent.

In Latin, however, is preserved a corpus of five sermons on September 29 by the Pope Leo the Great commemorating his election that took place on this day. They were delivered at Saint Peter's, according to a supposition by Salzman ³⁸, which I hope to further substantiate in this section. Leo celebrated a mass on the day of his election

Two rotundae adjacent to Old St Peter's

every year, but the sermons are preserved only from 440 (the very day of his consecration), 441, 443, 444, and some year after 445.

It has often been noticed that the motif of the primacy of Peter becomes more and more decisive from the second sermon (441) to the fourth (444); the latter became a theological treatise on this subject prompted by the conflict between Leo and Caesarius of Arles³⁹. The liturgical side of these sermons has, however, so far been overlooked.

In the liturgical respect, two sermons are important, the fourth and the fifth. Leo's wording in the fourth sermon (444) points directly to the establishment of a new feast. After having proclaimed the primacy of Peter over the whole Church, he continues:

<p>Si autem hanc pietatis suae curam omni populo Dei, sicut credendum est, ubique praetendit, quanto magis nobis alumnis suis opem suam dignatur impendere, apud quos in sacro beatae dormitionis thoro eadem qua praesedit carne requiescit? Illi ergo hunc seruitutis nostrae natalicum diem, illi ascribamus hoc festum, cuius patrocinio sedis ipsius meruimus esse consortes... Leonis Magni [11, p. 21 (Tractatus IV, 4)].</p>	<p>If, moreover, he extends this devoted concern to all the people of God everywhere – as indeed it has to be believed – how much more is he willing to lavish his assistance upon us, his adopted children? Among us does he rest on the sacred bed of blessed sleep, with the same flesh in which he presided [over the Church]. Let us, then, attribute this day on which our service was born, let us attribute this feast to him. It is under his patronage that we have merited to have a part in his see... St Leo the Great [43, p. 29].</p>
--	--

The phrase *illi ascribamus hoc festum* could be understood as a performative speech act, the establishment of a new feast of the Apostle Peter. The fifth sermon delivered some years later is precise about the nature of this new feast, thus confirming that, indeed, a new feast of St Peter had already been established:

<p>Subiunget autem se ad rationem solemnitate nostrae, non solum apostolica sed etiam episcopalis beatissimi dignitas Petri, qui sedi suae praeesse non desinit et indeficiens obtinet cum aeterno Sacerdote consortium. Soliditas enim illa quam de petra Christo etiam ipse <i>petra</i> factus accepit, in suos quoque se transfundit haeredes... Leonis Magni [11, p. 24 (Tractatus V, 4)].</p>	<p>Giving further reason to our solemnity is not merely the apostolic but also the episcopal dignity of most blessed Peter. He does not cease to preside over his see but unflinchingly maintains that fellowship which he has with the eternal Priest. That stability which he received from Christ the rock (by having himself been made “rock”) has poured over onto his heirs as well... St Leo the Great [43, p. 32].</p>
---	--

Leo thus explained the difference between the two feasts of Peter, this one and that of June 29. Unlike the June feast of Peter and Paul, the feast of September is dedicated not only to the apostolic dignity of Peter but also to his episcopal dignity (*non solum apostolica sed etiam episcopalis... dignitas Petri*). In other words, the commemoration of Leo's own election was transformed into a specific commemoration of the Apostle Peter as a bishop or, more exactly, the first bishop. Given that the feast became dedicated to Peter, it is certain that the respective pontifical mass was celebrated at Saint Peter's, as Salzman supposes.

9.6. From the Episcopal Dignity of Peter to Anastasia and Petronilla

The cult established in Saint Peter's on September 29 by Leo the Great might have hardly been abrogated immediately after his death. It is therefore *a priori* likely that the Byzantine commemoration of Anastasia and the daughter of Apostle Peter on the same day, September 29, was a trace of the respective transformations of this cult. If this cult existed in Rome during the Byzantine period and was, for Rome, sufficiently important, then it must have been at least mentioned in the calendar of Constantinople.

A posteriori, we see, in the west rotunda, within a single church complex in Saint Peter's,

a church where the liturgical arrangement fits perfectly with the dedication to the pair of St Anastasia and St Petronilla, where St Anastasia is the first, and St Petronilla, the second.

The only possible conclusion is the following. At some point, the cult of the Apostle Peter as the first bishop, which was established by Leo the Great on September 29 having Saint Peter's as its *statio*, was transformed into the cult of Anastasia and Petronilla, on the same day and with a new *statio* at the church of Anastasia and Petronilla adjacent to Saint Peter's.

There are serious reasons to attribute this transformation to Pope Symmachus.

9.7. Pope Symmachus and the Two Rotundae

The history of the two rotundae near Saint Peter's was, in the late twentieth century, a hotly debated question. Richard Gem's 2005 reconstruction of this history could be considered as so far decisive. According to Gem, the east rotunda was constructed in the early third century, perhaps as an imperial mausoleum (if so, it was most likely never used), and was converted into the church of St Andrew's by Pope Symmachus (r. 498–514), as it is claimed in the biography of Symmachus in the *Liber Pontificalis*. The west rotunda was constructed "with a direct physical and functional relationship to St Peter's" as an imperial mausoleum for the burial of the Empress Maria (between 404 and 407). Access to the east rotunda (which was from the west, Fig) thus was obstructed. Then, a structure connecting the east rotunda with Saint Peter's was created, although it is impossible to define its original shape. The bi-apsidal narthex between the two rotundae "...is likely to have replaced an earlier entrance arrangement with steps, and it may be attributed to the conversion of the (east. – B. L.) rotunda into a church by Pope Symmachus."⁴⁰

9.7.1. The St Andrew Church of Pope Symmachus

Even before Gem's architectural reconstruction, Joseph Alchermes provided a highly convincing reconstruction of the liturgical arrangement of Symmachus's St Andrew church [3]. Alchermes considered this church within the context of Symmachus's situation during the schism between two Popes, Symmachus and Laurentius (r. 498–506; the schism lasted after Laurentius's abdication in 506 until the death of Symmachus

in 514 and perhaps later⁴¹). Between 498 and 506, Symmachus had no access to the churches in Rome or to the St Paul basilica outside the walls. The Lateran cathedral was occupied by Laurentius. It is in this situation that Symmachus transformed Saint Peter's into the new pontifical cathedral replacing the Lateran basilica. Symmachus thus followed in the steps of Leo the Great (see above, section 6.2.6), but apparently having removed any high theology and eschatology. Instead, he tried to erect a church complex minimally sufficient for the pontifical stationary liturgy. Nevertheless, this complex was overloaded with contemporary ideology expressed in symbols related to ecclesiastical politics. The building campaign was "begun probably in 501 and largely completed by 506". Alchermes [3, p. 12].

The Seven Altars of the Symmachan St Andrew Church

The altars in the church of St Andrew in the east rotunda are identified in different sources with contradictions due in particular to the later rededications of some altars⁴². Alchermes's attempt to identify the dedications under Symmachus resulted in the list that I place in the respective column of Table 8.

Alchermes opted for Sossus instead of Sixtus (A4) not only because the sixth-century biography in the *Liber Pontificalis* is closer to the lifetime of Symmachus than the eighth-century guide, but also because Pope Sixtus was the pope of deacon Laurentius, whereas Laurentius's cult was unimaginable in the Symmachan rotunda while the "Laurentian schism" was in full swing⁴³. Laurentius's commemoration in altar A7 ca 800 "...is better understood as the post-Symmachan (and ironical) transformation of the original dedication". Thus, under Symmachus, there was no Laurentius and no Sixtus, but altar A4 was dedicated to Sossus. Alchermes [3, p. 30]. Alchermes's other achievement is the demonstration (using epigraphical material) that Protus and Hyacinthus were commemorated at this new place, as was usual starting in the fourth century, as a pair, and, therefore, they shared a single altar (A7) [3, pp. 21-25]. The most problematic remained, for Alchermes, altar A6. The only available name that remained was that of Vitus. However, as Alchermes has acknowledged

himself, there are no data for Vitus's veneration in Rome before the mid-eighth century. Therefore, his supposition that altar A6 was dedicated to Vitus is highly conjectural [3, p. 29]. I would simply consider it unlikely.

Anyway, for six altars out of seven, Alchermes managed to provide a highly convincing attribution. He also provided several helpful explanations of the martyrological programme established by Symmachus. As for Protus and Hyacinthus, the relative proximity of their burial in the Catacomb of Bassilla must have played a role⁴⁴. However, their relics remained intact in the original places in the catacomb, despite the inscription *ICUR* 4106 (originally located in their exedra of the rotunda), which claimed the presence of their *pia corpora* ("blessed bodies"). These relics must have been, according to Alchermes, secondary, "apparently contact relics" [3, p. 25].

The same reason of the proximity of the respective catacomb would have contributed for selecting, for the nearby altar A6, the dedication to Bassilla. Such a possibility must be considered closely. The original dedication of this altar was already forgotten by the biographer of Symmachus in the *Liber Pontificalis*, who worked under Pope Hormisdas (514–523). This fact is a forceful argument for identifying this "lost" saint as Bassilla. During the sixth century, the importance of the cult of Hermes increased, and this cult displaced to less visible positions the previously most important cult of Bassilla (see above, sections 8.2 and 8.3). Under Symmachus, Bassilla was still one of the most venerated martyrs of Rome. Shortly after, she became overshadowed by

Hermes. Therefore, a hypothesis that altar A6 was originally dedicated to Bassilla is, even though not proven, at least, well-founded.

The Meaning of the Symmachan Dedications

For the altars other than A6 and A7, Alchermes proposed an ingenious solution: they were dedicated to the patron saints of the dioceses that were hostile to Symmachus. It seems to me that this principle works, at least, in three cases related to the "Laurentian schism": Ravenna (St Apollinaris, A3), Misenum (St Sossus, A4), and Imola, or *Forum Cornelii* (St Cassianus, A5). The respective sees did not acknowledge Symmachus by 499 but acknowledged him by 502. However, there were other Italian sees that did not acknowledge Symmachus by 499 (e.g., Milan and Aquileia). Perhaps Alchermes's explanation is not perfect but, for these three altars, it is very plausible.

Most problematic remain the two major altars, those of Apostle Andrew (A1) – and the dedication of the church as a whole – and of Apostle Thomas (A2).

Alchermes expanded his approach (recognising the holy patrons of Symmachus's adversaries) to the schism that then separated the patriarchate of Rome from the four patriarchates of the Orient (484–519). For him, the Apostle Thomas was a symbol of Edessa, where his tomb was located, and, therefore, his cult was a weapon of Monophysitism, whereas the Apostle Andrew was a symbol of Constantinople, the main rival of the Old Rome [3, pp. 35-36]. I would prefer to provide other explanations.

Table 8. The Altars of the Symmachan East Rotunda according to Different Sources and Reconstructions

Altar Nr	Liber Pontificalis	8 th -Century Guide	Correspondence between the Two Sources	Reconstructions	
				Alchermes	Lourié
A1	<i>Enumerated without precise locations:</i> Andrew, Apostle Thomas, Cassianus, Protus and Hyacinthus, Apollinaris, Sossus	Andrew	Andrew	Andrew	Andrew
A2		Apostle Thomas	Apostle Thomas	Apostle Thomas	Apostle Thomas
A3		Apollinaris	Apollinaris	Apollinaris	Apollinaris
A4		Sixtus	Sossus vs Sixtus	Sossus	Sossus
A5		Cassianus	Cassianus	Cassianus	Cassianus
A6		Vitus	Protus vs Vitus	Vitus?	Bassilla
A7		Laurentius	Hyacinthus vs Laurentius	Protus and Hyacinthus	Protus and Hyacinthus

Dedication to Apostle Andrew

Alchermeres was aware of Francis Dvornik's study of the St Andrew cult in Constantinople but has argued against Dvornik's thesis that the Apostle Andrew became the holy patron of the City *par excellence* only in the seventh century⁴⁵. His argumentation is, however, based on a misunderstanding. Instead of refuting Dvornik's arguments related to the idea of apostolicity and, therefore, the uniqueness of St Andrew in such a role, he argues that the relics of *three* apostles, which were translated to Constantinople in the fourth century (Andrew, Luke, and Timotheus), were considered *together* as defenders of the City. Indeed, this is true, but it is far from becoming the single holy patron of Constantinople – as Apostle Andrew became in the seventh century, when the idea of the apostolicity of the see of the New Rome was eventually accepted in Constantinople. Before the mid-seventh century, starting in the sixth century but nevertheless after Symmachus, the single patron of Constantinople *par excellence* was the Theotokos⁴⁶, and, before her (including Symmachus's time), the holy martyr Mocius, whose commemoration day is May 11, the day of the dedication of Constantinople itself⁴⁷.

Instead of Alchermeres's explanation, I would prefer to return to that of Dvornik who mentioned the Symmachan rotunda in the context of St Andrew's cult in the west, noticing that "[t]he cult of St Andrew grew in Rome particularly during the Acacian schism" (that is, during the separation of Rome from the other patriarchates in 484–519), and that "[t]he Goths seem to have had a particular veneration for St Andrew"⁴⁸. The cult of St Andrew was considered to be a support for the cult of Apostle Peter, already interpreted in the sense of Roman primacy, and perhaps also as a sign of solidarity with the Gothic rulers. Let us recall that Symmachus won his war against Laurentius exclusively because he managed to gain the support of the Gothic – and Arian – king Theoderic.

Dedication to Apostle Thomas

The dedication to the Apostle Thomas (altar A2) seems hard to understand. The tomb of the Apostle in Edessa was visited by western pilgrims, but nothing specific is known about Thomas as a symbol of "monophysism" in either west or east.

In Rome and in the west in general, there was no particular interest toward the Apostle Thomas before Symmachus.

In Constantinople, however, under Emperor Anastasius (r. 491–518) the church of St Thomas was rebuilt (in place of the earlier one that was destroyed by a fire in 461). The tenth-century *Patria* (III, 96) (T. Preger [58]) provides the date (under Emperor Anastasius), which is corroborated by Byzantine historians, but these sources say nothing about the importance of this church⁴⁹. In 610, this church became the place of the coronation of emperor Heraclius, but not due to the importance of the church itself. At that moment, Saint Sophia was occupied by adversaries, whereas the port of Julian (also known as the port of Sophia, being located at the foot of the respective hill) was the jumping-off place of Heraclius's army that arrived in Constantinople by ship. The St Thomas church was one of about five churches in this port and served Heraclius as headquarters⁵⁰. A miracle allegedly took place in this church in 674⁵¹. In sum, we know nothing about the importance of this church in the time of Emperor Anastasius and Pope Symmachus.

Perhaps the two dedications to St Thomas, those in Constantinople and Rome, marked the same or similar changes in the cult of the apostle. But perhaps not.

The Meaning of the Symmachan Church of St Andrew

The general meaning of the new church was understood by scholars long ago: enforcing the cult of St Peter in the Vatican along with the cult of his brother. We can add that this fit with the growing popularity of the St Andrew cult in the west, among both Romans and Goths.

Regardless of other details, especially interesting to us is a connection between the new church and the Catacomb of Bassilla. Even if our hypothesis about the existence of Bassilla's altar in exedra A6 fails, the link with this catacomb through Protus and Hyacinthus is beyond doubt.

9.7.2. St Andrew Church of Pope Symmachus

The church in the west rotunda was created, in the former imperial mausoleum, as a church dedicated to St Anastasia, perhaps together with St Petronilla. A dedication to St Petronilla would have been fitting with Symmachus's programme

of gathering the Apostle Peter's family around his tomb in the Vatican, but this might certainly not have been the main *raison d'être* of the church where St Petronilla had only the second place.

By 483, there was no church in the rotunda. Then, a synod or simply a meeting of senators and clergy gathered by Caecina Basilius, chief minister of King Odoacer, took place in this rotunda called "the mausoleum which is next to blessed Peter the apostle" (*In mausoleo quod est apud beatissimum Petrum apostolum*)⁵². By the late fifth century, there were at least three imperial burials in the mausoleum. These burials in the crypt of the rotunda were discovered in the fifteenth and sixteenth centuries⁵³. The existence of other imperial burials cannot be formally excluded but is not very likely (a situation when they would not have been discovered during reconstructions or demolishing of the rotunda is entirely impossible, while we have to reckon with the possible incompleteness of the available Italian chronicles).

The church must be dated according to the place of the cult of St Anastasia in it. This cult became important for Rome already under Leo the Great but, then, could hardly have overshadowed the cult of the daughter of the Apostle Peter. The situation must have been different under Gothic rule, when St Anastasia became the patron of the Goths and one of the most venerated saints in both the east and west of the Roman Empire (under Theoderic, the Roman Empire continued to be united *de jure*). St Anastasia's cult lost this importance by the beginning of the Gothic war (536) at the latest⁵⁴. The preeminent place of Anastasia's altar (B3) in the rotunda is certainly a hallmark of the Gothic period.

Another remarkable feature of the church is the dedication of one altar (B6) to a certain martyr Theodore. To my knowledge, this dedication has never been explained by scholars. The author of the liturgical arrangement of the new church placed this St Theodore at the third position after St Anastasia and St Petronilla, thus elevating his cult to a very high degree. Given that we are in Gothic Rome, there could hardly be a doubt that such a veneration of St Theodore alluded to his namesake, King Theoderic. Theoderic was an Arian, but Symmachus was indebted to him for his papacy. Such a combination of the cult of Anastasia with the cult of Theodore could point

only to Symmachus as the founder of the church in the west rotunda. Therefore, this church must be dated, most probably, to the period from 501 to 506 (Symmachus's building campaign) and certainly to the period from 501 to 514.

The silence of the *Liber Pontificalis* on Symmachus's role in establishing a "Gothic-friendly" church is easily explainable as avoiding a rather delicate matter – Symmachus's gratitude to the Arians for gaining support against his own coreligionaries. What looked good in the lifetime of Symmachus would not have looked not so good starting under Hormisdas, when the schism between the followers of the two popes, Symmachus and Laurentius, eventually was healed.

As it appears, Symmachus continued, in the west rotunda, the "Petrine" programme of the church of St Andrew, thus dedicated the second altar to Petronilla, but now within a "Gothic-friendly" programme, establishing a church of the patron of the Goths Anastasia with an altar to St Theodore alluding to Theoderic personally.

The three remaining altars of the west rotunda would have been somewhat connected with three imperial graves in the mausoleum. At least, the altar of the Theotokos (B2) marked the burial place of Empress Maria discovered in 1544. In the sixth century, the respective exedra had to be occupied by some funeral monument at the floor level. The other two imperial burials found, respectively, in 1458 (an adult and an infant together⁵⁵) and 1519 (an adult⁵⁶), remain unlocated and identified only conjecturally. It is natural to suppose that the two altars of the Saviour (B4 and B5) mark the places of these burials. It is most likely that, under Symmachus, the funeral monuments at the floor level of the three imperial burials were still in place and, therefore, the respective exedrae were unavailable for erecting altars. Symmachus thus used the three exedrae that remained free.

9.8. The Date of the Cult of Anastasia with Petronilla

Symmachus's St Anastasia was still Gothic, that is, the same as was then venerated in Constantinople, but not a character of the Anastasia and Petronilla legend who allegedly lived in apostolic times. The legend of Anastasia and Petronilla must have been a secondary phenomenon with respect to the Symmachan

Anastasia church: it was inspired by the liturgical arrangement when, near St Peter, the place of St Anastasia was the first and that of Peter's own daughter, the second.

This legend must be dated to the Byzantine period (given that it was accepted in the calendar of Constantinople) and, more precisely, to the beginning of it: the cult of St Anastasia was still very important but her role as the patron of the Goths was forgotten. This points to the middle of the sixth century.

9.9. The Feast of the 29th of September

The cult of Anastasia with Petronilla appeared as a modification of the cult of both saints in the Symmachan church. It is rather obvious that the commemoration date of St Anastasia with St Petronilla must have been that of the patronal feast of this church. There was hardly a reason to change the date of the patronal feast before 757, the reconstruction and rededication of the church to St Petronilla alone.

The commemoration date of September 29 must have been earlier than the secondary legend of the apostolic companions Anastasia and Petronilla. It must be the original date of the patronal feast of the Symmachan church. Then, the question arises: why did Symmachus choose this date if it was never connected to either Anastasia or Petronilla?

The Symmachan church was created as an epiphenomenon of Symmachus's Petrine politics. In the time of Symmachus, the Petrine feast established by Leo the Great could not have been forgotten. If Symmachus took its date for his new church – that was, in a way, Petrine – he did so deliberately. Thus, Symmachus made the feast of the 29th of September more visible providing

it with a separate *statio* adjacent to its former *statio*, Saint Peter's. At the same time, however, Symmachus changed the meaning of the feast. The former commemoration of the Apostle Peter as the first bishop was thus transformed into something new: a kind of adoption of the Gothic patrons, St Anastasia and St Theodore (as the personal patron of the king) into Peter's family, near Peter's own daughter Petronilla.

In the historical circumstances of the sixth century such a programme had no chance for longevity. Nevertheless, Symmachus made the attempt.

9.10. Recapitulation: Sts Anastasia and Petronilla on September 29

The evolution of the feast of September 29 is summarised in Table 9.

As it appears, in Rome, the feast of September 29 fell into oblivion after 757. Nevertheless, a note on this feast was preserved in the liturgical calendar of Constantinople.

A short note in the Synaxarium of Constantinople works as a hyperlink to Leo the Great's programme of establishing the primacy of Rome and Symmachus's programme of the integration of the papacy into the state ruled by the Arian Goths. As might be expected, the Gothic background of St Anastasia's cult in the fifth century in Rome was no less important than in Constantinople.

10. Conclusion

In Part Two of the present study, we have considered the development of St Anastasia's and related cults from the very beginning (in the early Christian legends) up to about the eleventh century. The main results are summarised in Table 10.

Table 9. The History of the Feast on September 29 in Rome

Date	Event	Statio
440	Consecration of Leo the Great on September 29; establishment of its annual commemoration.	Saint Peter's
444	Transformation of this commemoration into the feast of Apostle Peter as the first bishop.	Saint Peter's
501–506 (501–514?)	Creation of St Anastasia church in the west rotunda with its patronal feast on September 29.	West rotunda
Mid-sixth century	Creation of the legend of Anastasia and Petronilla with their commemoration on September 29.	West rotunda
757	Rebuilding of the earlier church into the church of St Petronilla; the feast of September 29 is replaced with the two-day feast on October 8 (Translation of St Petronilla's relics) and 9 (Dedication of St Petronilla's church).	West rotunda

Table 10. Development of St Anastasia's and Related Cults in the West

Historical Date	Cult	Place	Liturgical Date
Early fifth century	Sts Bassilla and Anastasia: Early Roman cult related to the historical Anastasia (daughter of Gallus and Constantia) and based on earlier Roman legends (especially those related to Bassilla of Sirmium and Domitilla). Anastasia subordinated to Bassilla.	Rome, Catacomb of Bassilla (?)	September 7
Second quarter of the fifth century	The Anastasia church (originally dedicated to the Resurrection of Christ, being the Roman equivalent of the Jerusalem Martyrium basilica) is reconsidered as dedicated to St Anastasia. Cult of St Anastasia alone as one of the principal Roman saints.	Rome, Anastasia church	December 25 (Christmas) and January 6 (Epiphany)
Middle of the fifth century	Marginalisation of St Bassilla among both Romans and Goths. Anastasia becomes the main saint of Sirmium and the patron of the Goths.	Rome and Sirmium	
From the mid-sixth century to the seventh century	Proliferation of the marginalised Bassilla/Basilissa cults within the cults of St Eugenia and St Julian.	Rome, Catacombs of Apronianus and of Bassilla (with St Eugenia) and unknown location (with St Julian)	December 25 (with St Eugenia) and January 6 (with St Julian)
468–470	Creation of the Byzantine legend of St Anastasia and its immediate reception in Rome.	Constantinople, church of St Anastasia	December 22 (Constantinople), December 25 (Rome)
501–506/514	Symmachus's church of St Anastasia.		
Mid-sixth century	Cult of Sts Anastasia and Petronilla.	Rome, west rotunda near Saint Peter's	September 29
Seventh century	The Aquileian edition of the Byzantine Anastasia legend and its remaniement in Grado (creation of LLA).	Aquileia (and Grado)	December 25
Since the seventh century up to ca 1000	Transformation of Sts Anastasia and Chrysogonus into local saints of Grado.	Grado	November 23

These transformations of St Anastasia's cult would have been untraceable without taking into account the Oriental dossier of St Anastasia.

The most important results of this study of the Western hagiographical dossier allow us to shed light on several fields. Namely,

- in the history of liturgy: (1) the earliest stages of the Roman stationary liturgies of Christmas and Epiphany, including the role of the Anastasia church as that of the Roman equivalent of the Jerusalem Martyrium and the original role of Santa Maria Maggiore as the Roman equivalent of the Jerusalem Sion basilica with its feast of the Theotokos on the fourth day of the Epiphany;
- (2) the liturgical arrangement of the earliest church in the west rotunda of Saint Peter's;

- in the history of theology: the formulation (and liturgical expression) of Leo the Great's understanding of Apostle Peter as the first among the bishops;

- in ecclesiastical history: the pro-Gothic ecclesiastical policy of Pope Symmachus.

Some additional observations have been made in relation to either early Roman cults of martyrs or to the later hagiography in the patriarchate(s) of Aquileia.

I would like to finish with the words of Hippolyte Delehaye: "Qu'on ne nous demande pas encore la solution définitive de toutes les questions qui s'agitent. Nous voulons simplement marquer le point où elles sont arrivées, et d'où on pourra repartir à la recherche de lumières nouvelles" [19, p. 6].

ACKNOWLEDGEMENTS

This work was accomplished with financial support of RFBR grant No. 21-012-41005 "Jerusalem and Understudied Apocrypha in Slavonic Translations: Textology, History, and Doctrines."

The author expresses his gratitude to André Binggeli, Elizabeth Castelli, Megan Dixon, Alexandra

Elbakyan, Habib Ibrahim, Kai Juntunen, Maria Lidova, Fiodar Litvinau, Nicolai Markovich, Ugo Mondini, Oscar Santillino, Peter Shuvalov, Alexander Simonov, Pavel Turkin, Antonello Vilella, Andrey Vinogradov, and Nataliya Yanchevskaya.

NOTES

* See the previous part: Lourié B. Five Anastasiae and Two Febroniae: A Guided Tour in the Maze of Anastasia Legends. Part Two. The Roman Dossier. II. Anastasia Between Bassilla and Petronilla. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 104-150. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.10>

¹ This observation was an important part of Delehaye's argumentation against burial in Rome: [19, p. 162].

² Lapidge [41, p. 87, fn. 113]. Nevertheless, elsewhere Lapidge put forward a hypothesis that could explain this oddity – namely, that "...the body of St Anastasia would have been taken by the matron Apollonia back to Rome, and buried in her garden (on the Palatine?), over which a basilica – the basilica subsequently known as S. Anastasia? – was subsequently constructed" [41, p. 61].

³ Preserved in a unique inscription (*ICUR* 20014, dated to the second or third quarter of the fourth century but with the suspicion that it is a fake), which is the burial plate of a baby.

⁴ Cf. J.F. Niermeyer [52, p. 1111].

⁵ W.-H. Maigne d'Arnis [46, col. 2307]; A. Blaise [8, p. 961].

⁶ U.M. Fasola [27]. Cf. Pergola [56, pp. 211-215].

⁷ The exact number depends of whether we take into account *ICUR* 544 (*Anastasia et Laurentia puellas dei* <...>) datable to the fourth century. The Anastasia of this inscription was a consecrated virgin and a companion of another consecrated virgin Laurentia. Obviously, this inscription is irrelevant to us, and the number of the inscriptions in consideration should be restricted to six.

⁸ Other inscriptions are the following (according to their *ICUR* numbers): 14010, 17691.d, and 17496.a.

⁹ Ph. Pergola [56, p. 118]. On this basilica, see especially the *Notitia ecclesiarum urbis Romae: Deinde uadis ad australem uia Salaria donec uenies ad sanctum Ermetem; ibi primum pausat Bassilissa uirgo et martir; in altera et martir Maximus, et sanctus Ermes martir longe sub terra* (ed. Glorie [32, p. 305]); tr.: "Then you go south on the Via Salaria (Vecchia), until you come to St Hermes, where

first of all St Bassilla, virgin and martyr, rests in a basilica; in another (basilica) is the martyr Maximus, and St Hermes the martyr lies there deep beneath the ground (in the catacomb)" (Lapidge [41, p. 660]).

¹⁰ Lapidge [41, p. 557] opts for the first half of the seventh century (without any detailed argumentation), whereas many others allow an earlier date; Lanéry proposes the date of the fifth or sixth century as the current consensus [40, pp. 301-302]; for a more detailed bibliography representing this consensus, see V. Fiocchi Nicolai [28, p. 219, note 1142].

¹¹ Cf. Lapidge [41, pp. 560-561], with former bibliography.

¹² ...& *Præfectum Urbis quoque, Hermen cum uxore & sorore & filiis baptizaret, cum mille ducentis quinquaginta servis suis, uxoribus quoque & filiis eorum...*; ed. by G. Henschenius [34, col. 371 C].

¹³ Before the sixth century, the most venerated saint in the cemetery of Bassilla was Bassilla herself; the cult of St Hermes overshadowed her in the sixth century: H. Leclercq [42, cols. 2303–2304]; Lanéry [40, p. 302].

¹⁴ The terms *Vita prima* (for *BHG* 496) and *Vita altera* were coined by the Bollandist editor of St Demetrius's hagiographical dossier Cornelius De Bye (Byaeus). The *Vita altera* was first published in the *Acta Sanctorum, Octobris*, IV (1780) by De Bye [63] and conveniently reprinted in *PG* 116 [49, col. 1173–1184]. The *Vita prima*, after De Bye's 1780 *editio princeps*, was republished critically by Delehaye [9, pp. 259-263].

¹⁵ For Leontius, see esp. ch. 8 Delehaye [18, pp. 262-263].

¹⁶ The existence of an early Sirmian legend of the martyrdom of a Sirmian deacon Demetrius during the Great Persecution (*ca* 304) is now proven thanks to the critical edition of the *Passio* of Pullio of *Cibalae* (ch. I, § 4; Tamas [64, p. 27]), where Demetrius's *Passio* is summarised in a short passage in the introduction dealing with those martyred in the same persecutions as St Pullio (this passage has been damaged in the manuscripts available in the earlier non-critical editions). This passage allowed Efthymios Rizos to write "...that Demetrius [of Sirmium] was not as obscure as has so far been assumed, but rather that he was one of the most prominent martyrs of the Pannonian capital, with a fully developed cult and hagiography by *c.* AD 400" [60, p. 199]; nevertheless, Rizos argues for the plausibility of the hypothesis (shared mostly by Greek and Balkanic scholars) of "two Demetrios" – that there were two different homonymous martyrs in Sirmium and Thessalonica, whereas later their cults mingled with each other [60, pp. 198-204].

¹⁷ Cf. esp. Panov [54] (a discussion of possible political considerations for removing the cult of

St Demetrius from Sirmium to Thessalonica), (Jeremić [36, pp. 188-196]) (on the excavations of a church built on the ruins of a pagan temple near another building, most likely a church; these two objects are identified as the churches of St Demetrius and St Anastasia, but without pretending to decide which is which). The identification of the St Demetrius church in Sirmium is quite hypothetical (Милошевић [2, p. 176]).

¹⁸ Tóth [66, pp. 166-170]. Cf., for the early cult of St Demetrius in Thessalonica and Sirmium, also B. A. Bauer [5, pp. 29-39], who follows Tóth [66] in many respects.

¹⁹ This dating has been proposed by Tóth on the presumption that the hagiographer's words about the location of the St Demetrius church are exact; cf. Tóth [66, p. 167]: "Such topographic awareness requires a forensic knowledge of the location, which would have only been possible during Byzantine rule of the city, or immediately afterwards, among exiles fleeing from their home". Indeed, the hagiographer's topography is exact, but it is another matter whether it is imaginary or not. Tóth excludes such a possibility, supposing that "[t]he *Passio altera* then obviously attempts to explain the origin of the St Demetrius church in Sirmium, which for some reason regained importance at the time of its composition" (Tóth [66, p. 167]). If a church in an abandoned and devastated city "regained importance" among those who had lost an access to it, when it was abandoned and perhaps demolished, this means that their interest was not in the church building but in the respective cult. However, such an interest would have been able to produce an imaginary church within a more or less imaginary topography of Sirmium. Even in this case, however, the date of the *Vita altera* proposed by Tóth would be relatively exact, because its Sirmium background would have been relevant for barely more than two or three generations after the emigration of 582.

²⁰ The most exhaustive study of Petronilla's hagiographical dossier is provided by Caroline Goodson [33]. This study, however, does not take into account the calendar and liturgy, and does not mention the legend of Anastasia and Petronilla.

²¹ See, for the details, C. Goodson [33]; R. Giordani [31]; U.M. Fasola [27]; Ph. Pergola [56, pp. 211-216].

²² Delehaye, Quentin [20, pp. 280-286, 317]. See esp. Th. Klauser [39, S. 185]; cf. R. Davis [12, pp. 25-26, note 41].

²³ Duchesne [22, pp. 420, 424]. Cf. reserves by Pierre Jounel [37, p. 242].

²⁴ J. P. Kirsch [38, S. 75-78] followed by Quentin and Delehaye [20, pp. 280, 283-286]. The former opted for May 29 as the genuine date, whereas the latter were inclined to May 31.

²⁵ *Славяно-русский Пролог* [1, p. 187]; cf., for the Slavonic [1, p. 186]. This commemoration is absent from the versions of the Synaxarium other than Slavonic.

²⁶ See, for the interaction between the popes and the Byzantine authorities when Byzantium reconquered some parts of southern Italy, V. Ramseyer [59, pp. 127-130].

²⁷ The seminal article is G. B. de Rossi [15, anno 3, pp. 125-146; anno 4, pp. 5-20, at pp. 6-7]. Cf. Davis [12, p. 80, note 6]: "Some later calendars record the date of Petronilla's translation as 8 October, presumably in 757..." (with no reference at all). It seems that such references go ultimately to Louis Duchesne [23, p. 34], who provided no reference to the sources, but certainly kept in mind de Rossi. Cf. also R. Giordani [31, p. 422]: "l'8 o il 9 ottobre 757". Cf., for a discussion of this date, A. Angenendt [4, p. 49]; A.M. Voci [68, p. 10]; Jounel [37, p. 242].

²⁸ The year is not explicit in the account of the *Liber Pontificalis* (contained in the late eighth-century interpolation: Duchesne [22, p. 464]; Davis [12, p. 80]) but follows from the internal logic of the events: Paul I, who became pope on May 29, 757, after the death of his brother Pope Stephanus II, continued Stephanus's politics in relation to the Franks. The cult of St Petronilla, as the accomplishment of a project of Pope Stephanus, was then reshaped to a cult of the heavenly patron of the Carolingians. It is therefore reasonable, as the present scholarly consensus does, to date the translation of Petronilla's relics and the dedication of her church to the first year of the pontificate of Paul. Cf. esp. Angenendt [4].

²⁹ Sible de Blaauw provides this reconstruction for the eighth and ninth centuries; his reconstruction for the time of Pope Symmachus is different, because he thought that, under Symmachus, the west rotunda still did not contain a church.

³⁰ The west rotunda was already absent in the drawing by Marten van Heemskerck, ca 1532-1535; see esp. Richard Gem's detailed study [29, p. 2, fig. 1].

³¹ On this manuscript, de Rossi in de Rossi, Duchesne [16, pp. XXXII-XXXIII].

³² There is a single publication by Domenico Georgio as an addition to the Martyrologium of Adon: *Martyrologium Adonis archiepiscopi Viennensis ab Heriberto Rosweido Societatis Jesu theologo jam pridem ad mss. exemplaria recensitum, Nunc ope Codicum Bibliothecae Vaticanae recognitum & Annotationibus illustratum* [30, p. 686].

³³ On this manuscript: Klauser [39, S. LI].

³⁴ On these manuscripts: Klauser [39, S. LIX and LXII]. Manuscript BN 93: early ninth century, Saint-Riquier (north of France); BN 13171: ninth century, St-Germain-des-Prés.

³⁵ As it was pointed out by U. Nonn [53, S. 386–387].

³⁶ Schumacher refers to the inscription of Gallus “son of Anastasia” *ICUR* 4122 (see above, section 5.1.2) supposing, in a purely speculative way, that this Anastasia might have been the homonymous sister of Constantine the Great [62, p. 226].

³⁷ Scholars reject Schumacher’s thesis that the imperial mausoleum was built in the fourth century and accept, instead, an early fifth-century date, near to that of the death of Empress Maria (between 404 and 407), the spouse of Emperor Honorius. See esp. Gem [29, p. 45, note 130]; cf. S. Diefenbach [21, S. 161, Anm. 309].

³⁸ Salzman [61, p. 216 and 219, Table I (among the locations “proposed by Salzman based on allusions in the text and/or external evidence”).

³⁹ Cf., e.g., Léon le Grand [44, p. 18–21].

⁴⁰ Gem [29, *passim*; cit. p. 13 and 45, note 137]; with previous bibliography and a discussion of alternative views.

⁴¹ See esp. E. Wirbelauer [69].

⁴² The sources are the *Liber Pontificalis* (Duchesne [22, p. 261]) and the eighth-century addition to the *Notitia ecclesiarum urbis Romae* already quoted above (section 9.4) (Glorie [32, p. 310]). Cf., in Alchermes [3, pp. 20–21], a discussion of the earlier reconstructions of the dedications of these seven altars, namely, those of Duchesne [22] (cf. [24]), Rohault de Fleury [14], Schumacher [62], and de Blaauw [13]. The scholarly consensus is limited to the identification of the altars of Andrew, Thomas, and Cassianus.

⁴³ On this conflict, see esp. E. Wirbelauer [69].

⁴⁴ To Protus and Hyacinthus, Symmachus “...was drawn... mainly for reasons of personal devotions and convenience: their tombs were in a Roman catacomb just across the Tiber from the Vatican, and it would have been an easy matter to secure [*i.e. to achieve in American English*] their relics”; Alchermes [3, p. 31].

⁴⁵ F. Dvornik [25, pp. 138–146]; cf. Alchermes [3, pp. 36–40].

⁴⁶ See A. Cameron [10].

⁴⁷ See A. Berger [7].

⁴⁸ Dvornik [25, pp. 150–154, esp. p. 153 and 151, note 47d, respectively].

⁴⁹ Janin [35, pp. 249–251]; Berger [6, S. 596–597].

⁵⁰ The relevant events were described in chs. 109 and 110 of the *Chronicle* by John of Nikiu, a highly reliable Coptic historian who worked with otherwise unknown Constantinopolitan documents of this epoch. His work is preserved in the Ethiopic translation from Coptic: H. Zotenberg [71, pp. 195–197/431–433 (txt/tr.)]. A critical edition is in preparation by Daria Elagina; cf. D. Elagina [26]. At the moment of Heraclius’s arrival to Constantinople, he was supported by “the Greens”, whereas “the Blues” escaped to Saint

Sophia. The captive usurper Phocas was put before Heraclius in the church of St Thomas; from this fact I conclude that there was, there, a kind of headquarters. The same church was used for the coronation of Heraclius.

⁵¹ *BHG* 1835m (unpublished), preserved in Paris. gr. 1596, pp. 425–426 (available online at <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b107240765/f195.item>) and its copy Marc. II. 70, f. 153^v–154. F. Nau erroneously attributed this story to the two collections of the *Narrationes animae utiles* by Anastasius the Sinaite (repeated by Janin [35, p. 249, note 10]); André Bingelli, who is preparing a critical edition of these collections, explained the situation to me and provided the references. The miracle is dated to the seventh year of Emperor Constantine, then, to either 674 (if the name of Constantine IV is spelled correctly) or, less likely, 647 (if “Constantine” is spelled instead “Constans”, as sometimes occurred). A thief called simply “the Egyptian”, without a proper name, stole a golden cross that decorated the icon of St Thomas and, after having given a false oath to the Apostle, became paralysed. To bring this story to a happy end, the emperor ordered an all-night vigil and fast. Such a direct involvement of the emperor, even if imaginary, would point to a relatively high status for the church. The nickname “Egyptian” would point, in the usage of the epoch of the Monothelite union, to a non-united monophysite; cf. use of the the verb *αἰγυπτιάζω* (that had in antiquity the meaning “to be sly and crafty” enforced by Exodus allusions in Christian usage) in the phrase *αἰγυπτιάζοντες τὸν νοῦν* (“those who *egyptianise* with their mind”) by Anastasius the Sinaite (*Viae dux*, 15) [67, p. 266].

⁵² *Acta Synodi a. CCCXCXVIII* [51, S. 445].

⁵³ Cf. the most detailed study of these graves by Fabrizio Paolucci [55], partially summarised in Meaghan McEvoy’s chapter [48]; cf. also Gem [29, pp. 36–37 and notes, pp. 44–45].

⁵⁴ We can recall the dynamics of St Anastasia’s veneration as it was traced in Part One of the present study as well as the decreasing role of the St Anastasia church in the Roman stationary liturgy in the sixth century (see above, section 6).

⁵⁵ Possibly the one-year-old prince Theodosius (414–415), whose body was translated to Rome in 450, and his mother Empress Galla Pacidia who died in 450.

⁵⁶ Paolucci [55, pp. 240–241] proposes an identification with either Honorius (died in 423) or Valentinian III (murdered in 455).

ABBREVIATIONS

ICUR – Inscriptiones Christianae Urbis Romae.
CCSL – Corpus Christianorum. Series Latina.

REFERENCES

1. Prokopenko L.V., Zhelyazkova V., Krysko V.B., Shevchuk O.P., Ladyzhenskiy I.M., eds. *Slavyano-russkiy prolog po drevneyshim spiskam. Sinaksar (zhitiynaya chast Prologa kratkoy redaktsii)* [The Russian Slavonic Prologos According to the Earliest Manuscripts. Synaxarium (Hagiographical Part of the Short Recension of the Prologos). In 2 Vols.]. Moscow, Izd. tsentr «Azbukovnik» Publ., 2010, vol. 1. LXXIX, 824 p.
2. Milošević P. *Arheologija i istorija Sirmijuma* [Archaeology and History of Sirmium]. Novi Sad, Matica srpska Publ., 2001. 218 p.
3. Alchermes J.D. Petrine Politics: Pope Symmachus and the Rotunda of St Andrew at Old St Peter's. *The Catholic Historical Review*, 1995, 81, pp. 1-40.
4. Angenendt A. Das geistliche Bündnis der Päpste mit den Karolingern (754–796). *Historisches Jahrbuch*, 1980, Bd. 100, S. 1-94.
5. Bauer B.A. *Eine Stadt und ihr Patron: Thessaloniki und der Heilige Demetrios*. Regensburg, Schnell und Steiner, 2013. 488 S.
6. Berger A. *Untersuchungen zu den Patria Konstantinupoleos*. Bonn, Dr. R. Habelt GmbH, 1988. 791 S. (Poikila byzantina; 8).
7. Berger A. Mokios und Konstantin der Große. Zu den Anfängen des Märtyrerkults in Konstantinopel. Leontaritou V., Bourdara K.A., Papagianni E.Sp., eds. *Antikēnsōr. Timētikos tomos S.N. Trōianou gia ta ogdoēkosta genethlia tou*. Athens, Ant.N. Sakkoula Publ., 2013, pp. 165-185.
8. Blaise A. *Lexicon latinitatis Medii Aevi praesertim ad res ecclesiasticas investigandas pertinens*. Turnhout, Brepols, 1975. LXVIII, 970 p. (Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis).
9. Bollandus I., Henschenius G., eds. *Acta Sanctorum Februarii. T. II. Antverpiae, Iacobus Meursius, 1658. xvi, [20], 901, [39] p.*; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database, Februarii II*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 1999.
10. Cameron A. The Theotokos in the Sixth-Century Constantinople. *Journal of Theological Studies*, 1978, N.S., vol. 29, pp. 79-108.
11. Chavasse A., ed. *Leonis Magni. Tractatus septem et nonaginta. In 2 vols*. Turnhout, Brepols, 1973. Vol. 1, pp. I-CCXVIII, 1-208 (CCSL; 138).
12. Davis R. *The Lives of the Eighth-Century Popes (Liber Pontificalis). The Ancient Biographies of Nine Popes from AD 715 to AD 817. Translated with and Introduction and Commentary*. 2nd ed. Liverpool, Liverpool University Press, 2007. 261 p. (Translated Texts for Historians; 13).
13. De Blaauw S. *Cultus et decor. Liturgia e architettura nella Roma tardoantica e medievale. Basilica Salvatoris, Sanctae Mariae, Sancti Petri. In 2 Vols*. Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1994. 921 p. (continuing pagination), 16 figs. (Studi e testi; 355–356).
14. De Fleury (Rohault de Fleury) G. Saint-André au Vatican. *Nuovo Bulletino de Archeologia Cristiana*, 1896, vol. 2, pp. 33-39.
15. De Rossi G.B. Sepolcro di S. Petronilla nella Basilica in Via Ardeatina e sua translazione in Vaticano. *Bullettino di archeologia Cristiana*, 1878, ser. III, anno 3, pp. 125-146; 1879, anno 4, pp. 5-20.
16. De Rossi G.B., Duchesne L. *Martyrologium Hieronymianum*. de Smedt C., de Backer J., van Otroy F., van den Gheyn J., Delehay H., Poncelet A., eds. *Acta Sanctorum Novembris. Tomi II pars prior*. Bruxellis, Socii Bollandiani, 1894, pp. II-LXXXII, 1–195; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database. Nov. II. Pars I*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 2002.
17. Delehay H. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae, e codice Sirmondiano, nunc Berolinensi, adiectis synaxariis selectis. Acta Sanctorum, Propylaeum Novembris*. Bruxellis, Socii Bollandiani, 1902, [3], LXXVI, 1181 p.; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database, Nov. Propylaeum*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 2002.
18. Delehay H. *Les légendes grecques des saints militaires*. Paris, A. Picard et fils, 1909. IX, 271 p.
19. Delehay H. *Étude sur le légendier romain: les Saints de novembre et de décembre*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1936. 273 p. (Subsidia hagiographica; 23).
20. Delehay H., Quentin H. *Commentarius Perpetuus in Martyrologium Hieronymianum. Acta Sanctorum, Novembris. Tomi II pars posterior*. Bruxellis, Société des Bollandistes, 1931, [3], IX–XXIII, 721 p; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database. Nov. II. Pars II*. Cambridge, Chadwyck-Healey, 2002.
21. Diefenbach S. *Römische Erinnerungsräume. Heiligenmemoria und kollektive Identitäten im Rom des 3. bis 5. Jahrhunderts n. Chr*. Berlin, New York, W. de Gruyter, 2007. XI, 635 S. (Millennium Studies; 11).
22. Duchesne L. *Le Liber Pontificalis. Texte, introduction et commentaire. T. I*. Paris, E. Thorin, 1886. CCLXII, [2], 536 p. (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome; 2e série).
23. Duchesne L. *Les premiers temps de l'état pontifical (754–1073)*. Paris, A. Fontemoing, 1898. 224 p.
24. Duchesne L. Vaticana (suite). Notes sur la topographie de Rome au Moyen Âge. XI. *Mélanges de l'École française de Rome*, 1902, vol. 22, pp. 385-428.
25. Dvornik F. *The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1958. X, 242 p. (Dumbarton Oaks Studies; 4).

26. Elagina D. *The Textual Tradition of the Chronicle of John of Nikiu: Towards the Critical Edition of the Ethiopic Version. PhD Thesis.* Hamburg, University of Hamburg, 2018. CV, 125 p. (Unpublished).

27. Fasola U.M. *La basilica dei SS. Nereo ed Achilleo e la catacomba di Domitilla. IIa edizione aggiornata.* Roma, Arte della Stampa, s.a. 1960. 91 p., 1 map (Le chiese di Roma illustrate; 44).

28. Flocchi Nicolai V. *I cimiteri paleocristiani del Lazio. II. Sabina.* Città del Vaticano, Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 2009. 512 p., 6 tavv. (Monumenti di antichità cristiana; serie II, 20).

29. Gem R. The Vatican Rotunda: A Severan Monument and its Early History, c. 200 to 500. *Journal of the British Archaeological Association*, 2005, vol. 158, pp. 1-45.

30. Georgio D. *Martyrologium Adonis, archiep. Viennensis, ab Heriberto Rosweido.* Pars prima. Rome, Ex Typographia Palladis, 1745. L, 746 p.

31. Giordani R. AVR(ELIAE) PETRONILLAE FILIAE DVLCISSIMAE. Qualche considerazione sulla legenda di Petronilla presunta figlia dell'apostolo Pietro. *Studi Romani*, 2005, vol. 53, pp. 411-430.

32. Glorie F., ed. *Itineraria et alia geographica.* Turnhout, Brepols, 1965. XIII, [5], 495 p. (CCSL; 175).

33. Goodson C. To Be the Daughter of Saint Peter: S. Petronilla and Forging the Franco-Papal Alliance. West-Harling V., ed. *Three Empires, Three Cities: Identity, Material Culture and Legitimacy in Venice, Ravenna and Rome, 750–1000.* Turnhout, Brepols, 2015, pp. 159-188. (Seminari internazionali del Centro interuniversitario per la storia e l'archeologia dell'alto medioevo; 6).

34. Henschenius G., ed. *Acta Sanctorum Maii.* T. I. Antwerp, M. Cnobarus, 1680. [11], lxxxii, 796, [32] p.; digital edition: *Acta Sanctorum: The Full Text Database. Maii I.* Cambridge, Chadwyck-Healey, 2000.

35. Janin R. *La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantine. Première partie: Le siège de Constantinople et le patriarcat œcuménique. T. III. Les églises et les monastères.* 2me éd. Paris, Institut français d'études byzantines, 1969. XXIII, 605 p.

36. Jeremić M. Les temples païens de Sirmium. *Starinar*, 2006, vol. 56, pp. 167-200.

37. Jounel P. *Le culte des saints dans les basiliques du Latran et du Vatican au douzième siècle.* Rome, École française de Rome, 1977. 470 p. (Collection de l'École française du Rome; 26).

38. Kirsch J.P. Die hl. Petronilla in Martyrologium Hieronymianum. *Römische Quartalschrift*, 1916–1922, Bd. 30, S. 75–78.

39. Klauser Th. *Das römische capitulare evangeliorum.* I. Typen. Münster/Westf., Verlag der

Aschendorffschen Buchhandlung, 1935 [2. Aufl., 1972]. CXX, 199 S. (Liturgiewissenschaftliche Quellen und Forschungen; 28).

40. Lanéry C. *Hagiographie d'Italie (300–550).* I. Les Passions latines composées en Italie. Philippart G., ed. *Hagiographies. Histoire internationale de la littérature hagiographique latine et vernaculaire en Occident des origines à 1550. Vol. 5.* Turnhout, Brepols, 2010, pp. 15-369. (Corpus Christianorum).

41. Lapidge M. *The Roman Martyrs. Introduction, Translation, and Commentary.* Oxford, Oxford University Press, 2018. XVII, 733 p. (Oxford Early Christian Studies).

42. Leclercq H. Hermès (Catacombe de Saint-). Leclercq H., Cabrol F., eds. *Dictionnaire d'Archéologie Chrétienne et de Liturgie.* T. 6, Partie 2. Paris, Letouzey et Ané, 1925, cols. 2301-2349.

43. Freeland J.P., Conway A.J., eds. *Leo the Great. Sermons.* Washington, D.C., The Catholic University of America Press, 1996. XII, 435 p. (The Fathers of the Church. A New Translation; 93).

44. Dolle R., ed. *Léon le Grand. Sermons.* Paris, Cerf, 1973. T. IV. 458 p. (Sources chrétiennes; 200).

45. Llewellyn P.A.B. The Passions of S. Alexander and His Companions, of S. Hermes and S. Quirinus: A Suggested Date and Author. *Vetera Christianorum*, 1976, vol. 13, pp. 289-296.

46. Maigne d'Arnis W.-H. *Lexicon manuale ad scriptores mediae et infimae latinitatis.* Paris, J.-P. Migne, 1858. 2336 cols.

47. Mateos J. *Le Typicon de la Grande Église. Ms. Saint-Croix no 40, Xe siècle. Introduction, texte critique, traduction et notes.* T. I. *Le cycle des douze mois.* Roma, PIO, 1962. XXVI, 389 p. (Orientalia Christiana Analecta; 165).

48. McEvoy M. The Mausoleum of Honorius: Late Roman Imperial Christianity and the City of Rome in the Fifth Century. McKitterick R., Osborne J., Richardson C.M., Story J., eds. *Old Saint Peter's, Rome.* Cambridge, Cambridge University Press, 2013, pp. 119-136.

49. Migne J.-P., ed. *Symeonis Logothete, cognomeno Metaphrastae, Opera Omnia.* T. III. Parisiis, J.-P. Migne, 1864. 1430 cols. (Migne J.-P., ed. Patrologiae cursus completus. Series graeca; t. 116).

50. Mirković M. *Sirmium. Its History from the First Century AD to 582 AD.* Sremska Mitrovica, Novi Sad, Faculty of Philosophy, Novi Sad; Historical Archive "Srem", 2017. 316 p. (University of Novi Sad. Faculty of Philosophy. Department of History. Center for Historical Research. Monographs, 1; Historical Archive "Srem". Sremska Mitrovica. Monographs, 13).

51. Mommsen Th., ed. *Acta Synhodorum habitarum Romae a. CCCCXCVIII. DI. DII.* Berlin, apud Weidmannos. CLXXXIV, 597 S. (Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi; XII.2).

52. Niermeyer J.F. *Mediae Latinitatis Lexicon Minus*. Leiden, Brill, 1954–1964. XIX, 1139 p.
53. Nonn U. Zur Königserhebung Karls und Karlmanns. *Rheinische Vierteljahrsblätter*, 1975, Bd. 39, S. 386-387.
54. Panov M.B. The Creation of the Cult of St Demetrius in Thessalonica: Byzantine Invention? *Glasnik na Institutot za nacionalna istorija*, 2008, vol. 52, pp. 75-86.
55. Paolucci F. La tomba dell'imperatrice Maria e altre sepolture di rango di età tardoantica a San Pietro. *Temporis signa. Archeologia della tarda antichità e del medioevo*, 2008, vol. 3, pp. 225-252.
56. Pergola Ph. *Le catacombi Romane. Storia e topografia. Catalogo a cura di P.M. Barbini*. Roma, Carocci, 1997. 263 p.
57. Popović I., Ferjančić S. A New Inscription from Sirmium and the Basilica of St Anastasia. *Starinar*, 2013, vol. 63, pp. 101-114.
58. Preger T. *Scriptores originum Constantinopolitanarum. Fasc. II*. Lipsiae, Teubner, 1907. XXVI, 135-376 p. (Bibliotheca auctorum graecorum et romanorum Teubneriana).
59. Ramseyer V. *The Transformation of a Religious Landscape: Medieval Southern Italy, 850–1150*. Ithaca; London, Cornell University Press, 2006. XVII, 222 p. (Conjunctions of Religion and Power in the Medieval Past).
60. Rizos E. Martyrs from North-Western Balkans in the Byzantine Ecclesiastical Tradition: Patterns and Mechanisms of Cult Transfer. Bugarski I., Heinrich-Tamáska O., Ivanišević V., Syrbe D., eds. *GrenzÜbergänge: Spätromisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau. Akten des 27. Internationalen Symposiums der Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donaauraum, Ruma, 4.–7.11.2015*. Remshalden, BAG Verlag, 2016, S. 195-214. (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter; 4).
61. Salzman M.R. Leo's Liturgical Topography: Contestations for Space in Fifth-Century Rome. *The Journal of Roman Studies*, 2013, 103, pp. 208-232.
62. Schumacher W.N. Das Baptisterium von Alt-St Peter und seine Probleme. Mit einem Beitrag von Thomas Bart. Feld O., Peschlow U., eds. *Studien zur spätantiken und byzantinischen Kunst Friedrich Wilhelm Deichmann gewidmet. 3 Bde. Bd. I*. Bonn, R. Habelt, 1986, pp. 215-233. (Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Mainz, Forschungsinstitut für Vor- und Frühgeschichte; 10, 1).
63. Suyskenus C., Byeus C., Bueus J., Ghesquierus J., Hubenus I., eds. *Acta Sanctorum Octobris. T. IV. Bruxellis, Typis Regiis*, 1780. [32], 1100, [58] p.
64. Tamas H. Passio Polionis (BHL 6869). Introduction, Critical Text and Notes. *Sacris Erudiri*, 2012, vol. 51, pp. 9-34.
65. Tolotti F. I due mausolei rotondi esistiti sul lato meridionale del Vecchio S. Pietro. *Rivista di archeologia cristiana*, 1988, vol. 64, pp. 287-315.
66. Tóth P. Sarmian Martyrs in Exile: Pannonian Case-Studies and a Re-Evaluation of the St Demetrius Problem. *Byzantinische Zeitschrift*, 2010, Bd. 103, S. 145-170.
67. Uthemann K.-H., ed. *Anastasii Sinaitae Opera. Viae Dux*. Turnhout, Brepols, 1981. CCXLVII, 455 p. (Corpus Christianorum. Series graeca; 8).
68. Voci A.M. Petronilla auxiliatrix regis Francorum anno 757: sulla memoria del re dei Franchi presso San Pietro. *Bullettino dell' Istituto storico italiano per il medio evo e Archivio muratoriano*, 1993, vol. 99, pp. 1-28.
69. Wirbelauer E. *Zwei Päpste in Rom: der Konflikt zwischen Laurentius und Symmachus (498–514)*. *Studien und Texte*. München, tuduv-Verl. Ges., 1993. 377 p. (Quellen und Forschungen zur antiken Welt; 16).
70. Zaccaria F.A. *Bibliotheca ritualis. 2 tomi. T. 1*. Rome, Sumptibus Venantii Monaldini Bibliopolae, 1776–1781. LXXXVIII, 364 p.
71. Zotenberg H. *Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte éthiopien publié et traduit*. Paris, Imprimerie Nationale, 1883. 488 p. (Extrait des Notices des manuscrits; t. 24, partie 1).
72. Dolakidze M., Chitunashvili D., eds. *didi svnaksari giorgi mtats 'mindeli. t'ekst'i gamosatsemad da sametsniro ap'arat'i daurtes manana dolakidzem da dali chit'unashvili* [Great Synaxarion by George the Hagiorite]. Tbilisi, s.n., 2017. 045, 635 p.

Information About the Author

Basil Lourié, Doctor of Sciences (Philosophy), Visiting Lecturer, Faculty of Humanities/Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Pokrovsky Bvd, 11, 109028 Moscow, Russian Federation, hieromonk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6618-2829>

Информация об авторе

Вадим Миронович Лурье, доктор философских наук, приглашенный преподаватель, факультет гуманитарных наук / Институт классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Покровский бульвар, 11, 109028 г. Москва, Российская Федерация, hieromonk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6618-2829>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.5>

UDC 94“04/14”:2

LBC 63.3(0)4-9

Submitted: 19.05.2024

Accepted: 15.10.2024

POSEIDON AND PLUTO AS CREATORS OF THE HUMAN SOUL IN GEORGE GEMISTOS PLETHON'S PANTHEON

Tatyana A. Senina

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation; Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the place of the creators of the human soul in the theological system of George Gemistos Plethon. In his interpretations of the Chaldean Oracles, Plethon calls the “second god” the “direct creator of the soul”; in the Plethon’s “Book of Laws,” this god is Poseidon, second after the supreme god Zeus, called the “immediate head” of humans. At the same time, in the “Book of Laws,” the gods-children of Zeus are called “creators” and “co-creators,” assistants of Poseidon in the creation of the universe; in particular, Pluto is the “head” and “ruler” of souls, the “leader” of humans. Why, then, is Pluto not the direct creator of the soul, if Poseidon uses him as an intermediary? *Methods.* Methods employed in this article are source research, information analysis, and comparative research. Sources on the subject include Plethon’s “Book of Laws,” commentaries on the Chaldean Oracles, and “On the differences of Aristotle from Plato.” *Analysis.* A consideration of the hierarchy of gods and their functions in the pantheon of Plethon shows that Gemistos calls Poseidon “the immediate creator” of the soul and “the immediate head” of humans, meaning that Poseidon is such as the immediate, in contrast to Zeus, creator of the world as a whole. Thus, Poseidon, like his father Zeus, whose only possible accurate image he is, is called δημιουργός and παραγωγός not in the same sense in which the other gods, whose assistance he uses in the creation of separate parts of the universe, can be so called. *Results.* Poseidon, as the totality of all forms of beings, is the immediate creator of the entire world as a whole, including the human soul. Other gods, including the “chief of human nature” and the “head of our immortal part,” Pluto, are responsible only for separate parts of the universe, and for them, “creation” and “production” of the corresponding parts of the universe turn out to be closer to “ordering,” “decoration,” and “guidance.” *Appendix.* The article is accompanied by a Russian translation of Plethon’s “Summary of the doctrines of Zoroaster and Plato.” *Funding.* The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01028 “George Gemistos Plethon and the Role of Platonism in the Philosophical and Theological Tradition of Byzantium in the mid-11th – 15th centuries” (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01028/>.

Key words: George Gemistos Plethon, Byzantine philosophy, theology, Hellenism, creation of the human soul, Poseidon, Pluto, translations of sources.

Citation. Senina T.A. Poseidon and Pluto as Creators of the Human Soul in George Gemistos Plethon’s Pantheon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 59-70. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.5>

УДК 94“04/14”:2

ББК 63.3(0)4-9

Дата поступления статьи: 19.05.2024

Дата принятия статьи: 15.10.2024

ПОСЕЙДОН И ПЛУТОН КАК ТВОРЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ В ПАНТЕОНЕ ГЕОРГИЯ ГЕМИСТА ПЛИФОНА

Татьяна Анатольевна Сенина

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается место богов-создателей человеческой души в богословской системе Георгия Гемиста Плифона. В толкованиях на Халдейские оракулы Плифон «непосредственным создателем души» называет «второго бога»; в «Законах» этот бог – Посейдон, второй после верховного бога Зевса, названный там «непосредственным главой» людей. В то же время в «Законах» боги-дети Зевса называются «создателями» и «со-создателями», помощниками Посейдона при сотворении вселенной; в частности, «главой» и «правителем» душ, «руководителем» людей является Плутон. Почему в таком случае не Плутон – непосредственный создатель души, если Посейдон пользуется его посредством? Рассмотрение иерархии богов и их функций в пантеоне Плифона показывает, что Гемист называет Посейдона «непосредственным создателем» души и «непосредственным главой» людей, имея в виду то, что Посейдон является таковым в качестве непосредственного, в отличие от Зевса, творца всего видимого мира в целом. Таким образом, Посейдон, подобно своему отцу Зевсу, чьим единственным, насколько возможно точным образом он является, называется $\delta\eta\mu\omicron\upsilon\rho\upsilon\beta\acute{o}\varsigma$ и $\pi\alpha\rho\alpha\upsilon\omega\upsilon\beta\acute{o}\varsigma$ не в том же смысле, в каком так могут называться остальные боги, содействием которых он пользуется при сотворении отдельных частей мироздания. Если Посейдон, как совокупность всех идей сущего, является создателем всего, в частности и человека, то прочие боги, в том числе «начальник человеческой природы» и «глава нашей бессмертной части» Плутон, отвечают лишь за отдельные части мироздания в процессе развертывания истекающего от Зевса бытия, и с их стороны «создание» и «произведение» соответствующей части вселенной оказываются ближе к «упорядочению», «украшению» и «руководству». В приложении к статье публикуется русский перевод сочинения Плифона «Сводка Зороастровых и Платоновых учений». *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01028 «Георгий Гемист Плифон и место платонизма в философско-богословской традиции Византии середины XI–XV веков» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-28-01028/>.

Ключевые слова: Георгий Гемист Плифон, византийская философия, богословие, эллинизм, сотворение человеческой души, Посейдон, Плутон, переводы источников.

Цитирование. Сенина Т. А. Посейдон и Плутон как творцы человеческой души в пантеоне Георгия Гемиста Плифона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 59–70. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.5>

Введение. В мировоззрении Георгия Гемиста Плифона человек играет важную роль своего рода *скрепы мира*: он – «связь, скрепа» ($\sigma\upsilon\nu\delta\epsilon\sigma\mu\omicron\nu$) или «граница» ($\mu\epsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\iota\omicron\nu$) между бессмертной и смертной частью мироздания [12, р. 142, 184; 16, р. 228–240]. Но, хотя исследователи философии и религии Плифона посвятили много страниц как его учению о человеке, так и его пантеону, в их работах уделено немного внимания богам, которые у Гемиста отвечают за создание человеческих души и тела. До сих пор не обращалось внимания на то, что толкованиях Плифона на Халдейские оракулы существует, как может показаться, противоречие с описанным в его «Законах» пантеоном относительно того, какой из богов является создателем человеческой души – Плутон или Посейдон. Данная статья имеет цель восполнить этот пробел, а также прояснить связь этой проблемы с общим устройством пантеона Гемиста.

Методы. В работе используется метод аналитического исследования источников, проясняющий их логику и содержание путем их сопоставления.

Источники по теме включают сочинения Плифона: «Законы» (= *Зак.* [12, р. 1–260] (рус. пер.: [1, с. 221–290]) (я буду цитировать их в собственном переводе. – Т. С.), «Магические изречения магов – последователей Зороастра, толкование на эти изречения»^{*1} (= *Толков.* [11, р. 1–19]), «О том, чем различаются Аристотель и Платон» (= *О различ.* [8, р. 321–343]). Исследователи неоднократно брались описывать плифоновский пантеон: в частности, его изучали Ш. Александр [12, р. LVII–LXV], Ф. Мазэ [9, р. 220–224], И.П. Медведев [1, с. 99–106], Х. Сигнес Кодоньер [14], Н. Синиосоглу [15, р. 278–292], Б. Тамбрун [16, р. 145–172^{*2}], но их выводы оказываются не всегда одинаковы; кроме того, они не рассматривают роль каждого из богов подробно. Наиболее детально исследовал эту систему богов В. Гладки, посвятив ей несколько глав своей книги [7, р. 49–135], но вышеупомянутое противоречие, связанное с творцом души, осталось незамеченным и им. Поэтому необходимо еще раз проанализировать учение Плифона о происхождении души и ее создателях.

Анализ. В процессе толкования «Халдейских оракулов» Плифон составил собственную их коллекцию и переатрибутировал их авторство, вместо халдеев, «магам – последователям Зороастра», поскольку, в духе античной традиции, считал Платона идейным наследником Зороастра и Пифагора [11, р. 37–41]. Зороастр, как древнейший законодатель, занял в религиозной системе Плифона то место, которое в христианстве занимал Моисей. Изучение арабского перевода плифоновского собрания Халдейских оракулов показало, что книга Гемиста, сожженная Геннадием Схоларием после смерти философа, включала в себя не только «Законы», но и «Сводку Зороастровых и Платоновых учений»^{*3} – своего рода Символ веры Плифона, а также собрание оракулов, которое стало, по сути, священным писанием религии Гемиста, подобно Библии в христианстве [11, р. хiii], и которое Плифон взялся истолковать, подобно тому как христианские отцы толковали изречения Христа. В «Законах» Плифон в мифологизированной форме изложил свою философию, основанную на учении Платона и стоиков, описав в форме пантеона богов принципы и схему мироустройства, и вопрос о сотворении души у него непосредственно связан с устройством божественной реальности в целом.

Описывая порядок рождения богов и их функции, а также устройство вселенной, Плифон часто употребляет термины *δίакομος* («устройство, организация; устройство») и *σύστημα* («устройство, организация; система»). Его пантеон действительно представляет логичную систему, однако простым его не назовешь, и чтобы исследовать и описать его во всех подробностях понадобилась бы целая книга; но, к сожалению, на русском языке до сих пор нет работ, посвященных этой теме. И.П. Медведев отказался от детального описания теогонии «Законов», сочтя, что достаточно будет опубликованного в приложении к его книге перевода самого трактата [1, р. 99]^{*4}. Однако сам по себе этот перевод, не снабженный комментарием, может вызвать у читателя растерянность, поскольку быстро составить на его основе целостное представление об описанной там системе богов довольно сложно^{*5}.

Исследователи согласны, что мироздание у Плифона является саморазвертыванием

верховного Бога – самого Бытия и Блага, именуемого Зевсом, и разделением бытия как такового на разные категории и уровни реальности, от вечных нематериальных идей до земных смертных существ и неодушевленных сущих. Как заметил Н. Синиоссоглу, Плифон – скорее энотеист, чем чистый политеист, поскольку его боги не обладают властью, равной могуществу верховного Бога, все, будучи в той или иной степени ниже него, и зависимы от него; политеист и платоник он в том смысле, что признает множественность причин-творцов – идей, отождествляемых с богами [15, р. 278, 295–297]. Ф. Мазэ отметил, что политеизм Плифона состоит в признании многих творцов-причин, однако в некотором смысле Гемиста можно назвать бóльшим монотеистом, чем христиане, поскольку верховный Бог у него выше всех, и сын (Посейдон) по божественности не равен отцу (Зевсу); именно поэтому монах Ювеналий, последователь Плифона, казненный на Пелопоннесе около 1450 г. за проповедь политеизма, считал свою веру не многобожием, а «монархией» [9, р. 209–210] (ср.: [10, р. 477⁷⁻⁹]), – это важное наблюдение для понимания того, как именно религия Гемиста могла восприниматься выходцами из христианской среды^{*6}.

В. Гладки, основываясь на свидетельствах подобного рода и на некоторых текстах самого Плифона, в противоположность предыдущими исследователям, которые в целом видят в Гемисте платоника, критика христианства и неоязычника, решил, так сказать, примирить философа с церковью (от которой его, впрочем, официально никогда не отлучали) и доказать, что религия его «Законов» является всего лишь своего рода литературной игрой и следствием сильного увлечения платонизмом, а не сознательным отступлением от православия. Гладки посвятил этой теме много страниц в своей книге [7, р. 205–285], но его аргументация весьма своеобразна: по его мнению, основные отличия религии Плифона от христианства состоят в отсутствии догмата о Троице, учении о вечности мира и о перевоплощении, что же до иерархии богов как таковой, то ее якобы «можно легко примирить с современным христианским богословием, которое предполагает схожие иерархии ангелов и божественных существ» [7, р. 273–274]. Странно, что В. Гладки,

довольно подробно описав систему и функции плифоновских богов, так и не заметил, что христианские ангелы и «божественные существа» (кого тут имеет в виду Гладки, не очень понятно), будучи творениями Бога, сами при этом ни в каком смысле не являются ни творцами чего бы то ни было, ни сотрудниками Бога при творении мира^{*7}.

Обратившись к сочинениям Плифона, мы едва ли сможем примирить его религию с христианством, даже если на поверку она оказывается далека и от «классического» древнего язычества. В. Гладки отметил, что Плифон не был политеистом в том смысле, в каком им мог быть античный язычник, поскольку его боги только называются привычными для древних греков именами, которые Гемист использовал для символического описания метафизических принципов [7, р. 46]. В предисловии к «Законам» Плифон действительно пишет, что предмет его богословия – «боги, познаваемые через философию», называемые «унаследованными от отцов именами эллинских богов, причем каждое из них от несовершенного соответствия философии, из-за [сделанных] поэтами искажений, приводится, насколько возможно, к согласию с философией» (Зак., р. 2). Как заметил Ф. Мазз, плифоновская система богов и их связи через рождения и браки, совершенно своеобразны, и античные греки никогда не признали бы такой пантеон: Гемист не был просто «увлечен» эллинизмом, но именно сознательно конструировал новую религию, свободно пользуясь элементами античной традиции [9, р. 270–271]. Н. Синиоссоглу как раз поэтому все имена Гемистовых богов в своей книге заключает в кавычки, как условные обозначения соответствующих идей. Но символическое понимание богов было распространено еще у Платона и неоплатоников, у которых Плифон и позаимствовал ряд идей для своего пантеона (о чем, кстати, пишет и Гладки [7, р. 113–122]) и которые уж точно монотеистами в христианском понимании не были.

Общий принцип организации пантеона «Законов» состоит в том, что верховный Бог Зевс – «отец и старший создатель (δημιουργὸν πρεσβύτατον)» всех богов (Зак., р. 46) – непосредственно порождает, то есть наделяет бытием (будучи сам Бытием как таковым)

могущественнейшего и наиболее сходного с собой из своих детей – Посейдона, в котором, как в некоей Идее идей, заключены все формы реальности и через которого Зевс порождает все прочее: он «разделяет рожденную идею (τὸ γεγονὸς εἶδος) и, разворачивая (ἀναπτύσσοντα) собранные в ней вместе воедино [составляющие] и одно отделяя, а другое оставляя, таким образом осуществляет, в свою очередь, порождение прочих идей» (Зак., р. 94); остальные боги «стоят по божественности на втором и третьем месте, будучи одни – детьми и созданиями (ἔργα) самого Зевса, а другие – детьми детей и созданиями созданий (παίδων τε παῖδας καὶ ἔργα ἔργων), через которых царь Зевс устраивает все прочие дела, в том числе человеческие, каждого назначив правителем (ὑπαρχον) какой-либо большей или меньшей части этой вселенной, а главой (ἡγεμόνα) над всеми – великого Посейдона» (Зак., р. 46). Боги второго уровня – «наднебесные», дети Зевса – отвечают за бытие вечных существ; боги третьего уровня – «внутринебесные», дети Посейдона – отвечают за существ, пребывающих во времени. Кроме того, на обоих уровнях божественные дети делятся на так называемых «законных» (γνήσιοι) и «побочных, незаконнорожденных» (νόθοι): «законные» дети Зевса (Олимпийцы) являются идеями того, что пребывает вне времени, «побочные» (Титаны) – того, что связано с бытием во времени; «законные» дети Посейдона управляют небесными светилами, а «побочные» – демоны – заняты земными вещами, в частности вразумлением людей; при этом все женские божества отвечают за то, что так или иначе связано с материей.

Вся эта сложная система нужна для того, «чтобы сущности соответствовали рождением, а рождения – сущностям»: Зевс «поручает» рождение тех или иных существ соответствующим вышестоящим, «так чтобы каждая сущность получила подходящее ей рождение и каждая производилась именно оттуда, откуда она и должна производиться, – от [сущности,] расположенной непосредственно (προσέχῳς) выше нее самой»; ведь «если бы все идеи соответствовали одной и той же сущности и были равны между собой, то среди них не было бы ни обладающей каким-либо превосходством, ни уступающей одна другой, и вся эта сущ-

ность была бы единственно от Зевса; поэтому подобное было не нужно и не произошло» (Зак., р. 96). Плифон повторяет эту мысль неоднократно, но уже процитированного достаточно, чтобы понять, что подобная система, где верховный Бог-Единое является творцом вечных сущих, «производителем производителей и создателем создателей (παράγωγον τὸ παράγωγον καὶ δημιουργὸν δημιουργῶν)» (О различ., р. 342²⁸⁻³⁴), православному взгляду на сотворение мира не соответствует.

Теперь обратимся к вопросу о создании души. Издатель «Законов» Ш. Александр отметил, что у Плифона душа человека – «творение Зевса, но при посредстве Нептуна в сотрудничестве с Плутоном» [12, р. LXIII–LXIV], что отражает общие принципы организации Гемистова пантеона. Сходную интерпретацию видим у И.П. Медведева: тогда как Зевс – персонафицированная «категория причины всего сущего», Посейдон – «единство, идея идей, начало, дающее форму», а «носителем идеи человеческой бессмертной души у Плифона является Плутон» [1, с. 80–81]; но что означает в данном контексте бог как «носитель идеи», остается не слишком понятным. Н. Синиосоглу упоминает Плутона лишь однажды: «“Плутон” управляет (rules over) бессмертной частью человеческих существ» [15, р. 286]; как он рассматривает роль этого бога в сотворении души, остается неясным.

В. Гладки гораздо подробнее других исследователей описывает роль Плутона в системе мира Плифона [7, р. 106–107, 113–114, 119–120]. Плутон «является создателем (the originator) бессмертной, главной части нашей природы, то есть человеческой души», он – «правитель места, куда все души возвращаются после смерти», «производитель (the producer) человеческой души, низшей вечной сущности»; Плутон «дает (provides) душу» человеку [7, р. 106, 107, 113, 166]. В то же время Гладки дважды цитирует толкование Плифона на 6-й (по нумерации Гемиста) оракул и указывает, что упомянутый там второй бог, «непосредственный создатель (the immediate creator) души» является Посейдоном «Законов», «отцом этого неба» [7, р. 60, 97–99, 142]; образуясь при этом противоречие он, как и предыдущие авторы, никак не комментирует, хотя, казалось бы, если Посейдон использует

для создания души низшего себя по иерархии Плутона, именно последний должен считаться непосредственным ее создателем.

Обратимся к сочинениям самого Гемиста. О создателе души он говорит в толкованиях на два Халдейских оракула:

«*Отеческий Ум* ⁸, то есть второй бог и непосредственный создатель души (ὁ δεύτερος... θεός, καὶ τῆς ψυχῆς προσεχῆς δημιουργός), не приемлет ее пожелания, до тех пор, пока она не выйдет из забвения, которое претерпела из-за сплетения с этим телом...» (Толков., р. 7, № 6).

«*Душа человеческая некоторым образом сожмет в себе Бога*, то есть тесно соединится со своим, разумеется, непосредственным главой (τὸν ἐαυτῆς δηλαδὴ προσεχῆς πρῶτότην), через уподобление ему, насколько возможно: *ничего не имея в себе смертного, она всецело упиалась Богом*, то есть исполнилась божественных наслаждений...» (Толков., р. 9, № 11).

Б. Тамбрун, издавшая критический текст толкований, в комментарии на толкование к № 6 пишет: «Плифон... настойчиво утверждает, что человеческая душа напрямую зависит от второго начала» [11, р. 71]. И по поводу № 11: «Душа, говорит он, соединяется со своим непосредственным главой. Можно было бы подумать, на первый взгляд, что философ воспроизводит теорию из *Федра* (252cd), согласно которой каждая душа следует за каким-нибудь богом... Однако в *Законах* мы ясно видим, что “непосредственный глава” (ἡγεμόνι προσεχῆ) – это Посейдон, то есть второй бог: “сам порядок нашего сотворения ставит нас под твое непосредственное руководство, поскольку твоя природа напрямую связывает нас с главной частью нашего существа, той, которая бессмертна”. Итак, “непосредственный глава” идентичен “непосредственному создателю души” из оракула 6» [11, р. 82]. В книге о Плифоне Б. Тамбрун к этому вопросу не возвращается и о Плуtone упоминает очень кратко: он «бог, отвечающий за человеческие души», «господин человеческих душ» [16, р. 150–151]. По-видимому, собственно создателем душ она считает Посейдона, а Плутона – кем-то вроде распорядителя их земной и посмертной участию.

Следует отметить проблему французского перевода. Цитируя отрывок из «Законов» Плифона, Б. Тамбрун приводит без изменений пере-

вод А. Пеллисье: «l'ordre même de notre creation nous a places sous ta direction immediate, ta nature te mettant en rapport direct avec la partie principale de notre être, celle qui est immortelle» (12, p. 161). И.П. Медведев это же место «Законов» перевел так: «будучи сотворенными тобой, вождем, мы вправе считать, [что твоя природа] участвует в основной и бессмертной нашей части» (1, с. 262). Однако в оригинале мы читаем:

«Ἐπὶ σὲ καὶ ἡμεῖς πρῶτον ἐπιστρεφόμεθα, ἅτε καὶ ὑπὸ σοὶ ἡγεμόνι προσεχῆ τῇ κυριωτέρᾳ ἡμῶν καὶ ἄθανάτῳ δεδημιουργημένοι μοίρα» (Зак., р. 160). – «К тебе и мы в первую очередь обращаемся, как в нашей более важной и бессмертной части созданные также и тобой, непосредственным главой».

Во-первых, ни о какой «твоей природе» тут и речи нет, так что А. Пеллисье добавил ее произвольно, а И.П. Медведев напрасно оставил вставку о ней в качестве уточнения в скобках. Ш. Александр в примечании заметил, что тут «что-то не так» и после ἡγεμόνι может быть лакуна. Однако В. Гладки, издавший некоторые отсутствующие в издании Александра отрывки «Законов», никакого расхождения здесь не отметил. К сожалению, на настоящий момент невозможно сверить данное место по рукописи Британской библиотеки Add MS 5424, поскольку сайт библиотеки не функционирует в полном объеме по причине кибератаки.

Во-вторых, обратившись к контексту, мы увидим, что эти слова обращены к Посейдону не самому по себе: он прославляется как «отец и создатель (πάτηρ τε καὶ δημιουργός) третьих богов и этого внутреннего неба, старший после великого Зевса» (Зак., р. 158), после чего Плифон рассуждает о прочих Олимпийских богах, которые суть «законные дети царя Зевса» и братья Посейдона, но природой уступают ему и различаются друг от друга. Каждый из них, говорит Гемист, обращаясь к Посейдону «получил в удел от тебя, главы (ὑπὸ σοὶ ἡγεμόνι), управлять (προστατεῖν) подобающей ему части в этой вселенной» (Зак., р. 158). Плифон перечисляет этих богов и области их управления; среди них – «[управляющий] бессмертным в нас, главнейшей частью нашей природы – Плутон» (Зак., р. 160). Бог-идея, ответственный за бытие человеческих душ, получил имя Плутон, очевидно, потому, что, согласно мифологии, он

был владыкой загробного мира и имел власть над душами умерших; для Плифона, при вечной чреде перевоплощений в его религии, это обретало особое значение. Указав, кто из Олимпийцев чем управляет по полученной от Посейдона власти, Гемист заключает:

«Все эти законные и рожденные сильнейшими дети царя Зевса, получившие высшую [часть] наднебесного пространства и наисвятейшую во Вселенной – Олимп, обрели от тебя, главы, в удел управление (προστατεῖν) всей движущейся природой... каждый получив свою, отличную от других область. Ведь именно ты, став для всех них верховным вождем (κυριωτάτος ἡγεμόν) после царя Зевса, для каждого полагаешь пределы [их] деятельности и упорядочиваешь эту вселенную. К тебе и мы в первую очередь обращаемся, как созданные в нашей более важной и бессмертной части тобой, непосредственным главой. И мы почитаем тебя и выражаем благодарность за те блага, которыми ты нас одарил и одариваешь. <...> О владыка Посейдон, о Плутон, наш руководитель, и все остальные Олимпийские боги, без вас мы, пожалуй, неспособны получить какое бы то ни было из благ» (Зак., р. 160–162 [III, 34]).

По этому отрывку из «Первого из послеполуденных обращений к богам» как будто бы можно заключить, что Плутон не является создателем души, что все боги второго уровня лишь получили те или иные сферы от Посейдона в управление, под свое руководство, но творцами или родителями их не являются. Но в гимне 20-м, собственно к Плутону, мы читаем:

«О, владыка Плутон, человечей природы
начальник
И глава *9, власть такую от самого Зевса
привывший,
Все, присущее нам по-отдельности, вместе
содержишь
Ты, в себе заключая, и правишь ты нами
прекрасно,
Совершенно – и здесь, и когда всякий раз нас
уводишь отсюда *10;
<...>
А с тобою – и славная Кора супруга, богиня
Тартара,
Тело смертное нам в свое время дающая.
Даруй же милость!» (Зак., р. 220).

Здесь Плутон оказывается получившим начальство над человеческой природой – очевидно, через душу как главную часть в человеке – от

самого верховного Зевса (а не от Посейдона). Он содержит в себе все идеи человеческой деятельности, осуществляемой отдельными людьми, о чем Плифон говорит и в другом месте: каждая идея человека, создающего какую-либо вещь, «существует не сама по себе отдельно, но в боге Плуtone, который предстает всей человеческой форме, имея в себе самом заключенными все человеческие дела, объединенные в некоей совокупности, причем одним и тем же образом, а создающие принимают в ум каждую [идею] уже по отдельности и одну так, а другую иначе» (Зак., р. 114; ср.: *О различ.*, р. 338⁶⁻¹⁰). Чуть ранее Гемист указывает, что причина и творец всей иерархии богов – Зевс, который для создания каждого из следующих богов второго порядка пользуется предыдущим в качестве образца и поручает каждому из них «украшение свойствами уже других, причем высшие всегда будут упорядочивать (κοσμησόντων)^{*11} низших» (Зак., р. 102 [III, 15]).

В то же время Плифон называет «законных» детей Зевса помощниками Посейдона, «со-создателями» (συνδημιουργοί), а «побочных» детей – «со-создателями» вместе с Кроносом (Зак., р. 134), а также говорит, что Зевс, «будучи сам в высшей степени благим, пожелал сделаться причиной и производителем (αἴτιος τε καὶ παραγωγός) и других – насколько возможно наилучших и наиболее подобных ему самому, и действительно стал [производителем] вас, второстепенных (δευτέρων) богов; сильнейшим из них, в свою очередь, он подал силу для произведения (δύναμιν παραγωγῆς) и других богов, уже третьестепенных» (Зак., р. 142). В обращении к Зевсу Плифон говорит, что тот создал Посейдона собственным «образом» (εἰκό), а для большего сходства вверил ему «начальство и руководство (ἀρχὴν τε καὶ ἡγεμονίαν) всеми и, сверх того, еще порождение и создание (γένεσίν τε καὶ δημιουργίαν) этого неба, при использовании в качестве помощников того или иного из остальных братьев и сестер – богов» (Зак., р. 174). Они тоже называются «создателями», как, например, Афина в 10-м гимне – «создательница (δημιουργός) формы «после широковластного Посейдона» (Зак., р. 210): если Посейдон содержит в себе все формы вообще, то Афина управляет «формой, никак не отделимой от материи», то есть формой сущих видимого мира.

При этом порождение внутринебесных богов, осуществляемое Посейдоном с помощью «со-создателей», «мы приписываем Посейдону, как и архитектору – созданию дома, а победу войска – командующему» (Зак., р. 116).

Наконец, в послесловии к «Законам» (III, 43) Плифон, перечисляя три аксиомы, на которых он строил свои рассуждения, говорит: «вторая [аксиома] – что сущности должны соответствовать своим рождениям (ταῖς γεννήσεσι), а рождения – сущностям»; из этой аксиомы «нам становится видно устройство божественных дел», а именно – что каждому виду сущности нужно свое рождение: «вечную и всегда неизменяющую» сущность (то есть наднебесных богов – Олимпийцев и Титанов) рождает Зевс, «движущуюся во времени, но вечную» (внутринебесных богов – небесные светила и демонов) – Посейдон с помощью своих братьев и сестер, а рождение смертной сущности (людей, животных, неодушевленной природы) принадлежит титану Кроносу и старшему из внутринебесных богов Гелиосу, которые тоже пользуются помощью своих божественных братьев и сестер (Зак., р. 242, 244–246).

В этом мироздании человек как целое, рожденное в земную жизнь, оказывается во власти Кроноса (времени) и небесных светил во главе с Гелиосом («судьбы, зависящей от планет»^{*12}), поскольку человеческое тело – от титаниды Кору, одной из младших сестер Кроноса, а плотским рождением и размножением заведует другая его сестра, титанида Афродита. В то же время душа человека, его главная и бессмертная часть – от Посейдона через Плутона, из сферы богов-олимпийцев; именно потому что в человеке две части – «звериная и смертная» и «бессмертная и родственная богам», – он способен на дела, «сходные с делами богов, и притом с важнейшими из них», а именно к «созерцанию сущих (τῆς τῶν ὄντων θεωρίας)», высшая степень которого состоит в «представлении о Зевсе (ἡ Διὸς ἔννοια)», «до которого как до наивысшего доходят и сами боги» (Зак., р. 246).

Какие выводы можно сделать? Очевидно, что термины «создатель», «со-создатель», «производитель», «предводитель», «глава» и подобные нуждаются в осмыслении, исходя из самой философии Плифона. В каком смысле каждый из богов у Гемиста является создателем

или со-создателем? Зевс не является создателем и производителем в том же смысле, в каком любой другой из богов, хотя все они могут называться словами *δημιουργός* и *παράγωγός*; он – Единое, Создатель создателей и Производитель производителей, Творец творцов. Как саморазвертываемое Бытие, он разделяет реальность на различные уровни, все их наделяя бытием, но в разной степени, так что возникающие боги-идеи, умопостигаемые сущие, различаются могуществом, а также причастностью к бессмертию и вечности. Ближайший к Зевсу бог и его образ – Посейдон, Идея идей, заключающий в себе все идеи реальности; посредством Посейдона Зевс производит / создает / рождает все остальное, причем все сущие, божественные и небожественные, бессмертные и смертные, оказываются связаны в единую систему причинными цепочками и единым бытием. Следуя неоплатоникам и отрицая догмат авраамических религий о единственном Творце, Плифон признает невозможность для одной причины, даже божественной, производить действия, существенно различающиеся одно от другого: каждое такое действие должно иметь свою отдельную причину, поэтому верховное Единое и не творит мир разделенных и различных сущих, но делегирует его создание творцу следующего уровня [9, р. 209–210; 11, р. 135–136]. Дело высшего Единого – наделить вселенную собственно бытием; разделение этого бытия, появление и упорядочивание всего разнообразия форм материального мира – дело богов-идей следующих уровней реальности; Единое дает бытие всему через них, а не само непосредственно. Именно поэтому Плифон пользуется термином «рождение» в качестве эквивалента «сотворению»: существо, рождающее другое, дарует ему бытие, производя его из самого себя, а не из ничего; точно так же и Единое (Зевс), развертываясь, порождает все *из себя, а не из ничего*, – в чем еще одно существенное отличие религии Плифона от христианства, которое В. Гладки предпочел не заметить. Родитель (первый бог), порождая сына (второго бога), в нем порождает и тех, которые от него рождаются впоследствии и заключены в нем изначально, потенциально, однако непосредственным родителем последних является именно второй бог, а не первый. Но, подчеркивает Плифон, высшим Богом и Отцом всего является первый бог, а не второй:

«Все ведь Отец завершил и Уму передал / второму, коего роды людские первым зовут.

Ведь Отец завершил все – разумеется, умопостигаемые идеи^{*13}, ибо они завершены и совершенны – *и передал их второму* после себя богу – конечно, управлять и властвовать ими, так что, если что-либо и через этого бога производится по образцу его самого и других умопостигаемых сущностей, оно тоже имеет происхождение от высочайшего Отца. [Изречение] говорит, что этого второго бога *первым* считают *роды людские* – очевидно, то множество [людей], которые признают, с одной стороны, что есть некий непосредственный творец этого мироздания, а с другой стороны – что нет никого выше него» (Толков., р. 4, 17, № 32).

Плифон указывает, что тот, кого большинство (очевидно, он имеет в виду своих современников, в массе принадлежавших к авраамическим религиям) считает первым и единственным Богом и Творцом мира, на самом деле является *вторым после верховного Единого*. Таким образом Гемист недвусмысленно указывает, что христианское богословие ошибочно, в отличие от платонизма.

Выводы. В системе мира Плифона непосредственным творцом мироздания является «второй бог» Посейдон – очевидно, именно это Гемист имеет в виду, называя Посейдона «непосредственным создателем» души и «непосредственным главой» людей: Посейдон является таковым в качестве непосредственного (в отличие от Зевса), творца этого мира *в целом*, хотя в процессе создания отдельных его частей пользуется содействием других богов. Отсюда, по-видимому, надо сделать вывод, что и Посейдон, подобно своему отцу Зевсу, чьим единственным насколько возможно точным образом он является, называется *δημιουργός* и *παράγωγός* *не в том же смысле*, в каком так могут называться остальные боги. Если Зевс – «создатель создателей», дающий им всем бытие, а Посейдон, как совокупность всех идей сущего, – создатель мироздания в целом, то прочие боги, в том числе «начальник человеческой природы» и «глава нашей бессмертной части» Плутон, отвечают лишь за отдельные части мироздания в процессе развертывания истекающего от Зевса бытия, и с их стороны «создание» и «произведение» оказываются ближе к «упорядочению», «украшению» и «руководству».

ПРИЛОЖЕНИЕ

«СИМВОЛ ВЕРЫ» ПЛИФОНА

Георгий Гемист Плифон

Сводка Зороастровых и Платоновых учений^{*14}

Вот основные положения, которые преимущественно следует знать тому, кто хочет быть благоразумным^{*15}. (I) Во-первых, касательно богов – что они существуют. Первый из них – царь Зевс, величайший и насколько возможно превосходнейший, главенствующий над всем этим [миром], исключительный по божеству, сам повсюду сущий и совершенно нерожденный, отец всех прочих [богов] и самый старший создатель (δημιουργός). Старшее же дитя его, рожденное без матери, – второй бог, Посейдон, которому от отца вверена вторая степень владычества над всеми [сущими], а также порождение и сотворение этого неба^{*16}, использующий [для этого] и других подчиненных богов, из которых одни – его братья, все рожденные без матери, наднебесные [боги] Олимпа^{*17} и Тартара^{*18}, а других он уже сам породил от Геры, богини происходящей [от нее] материи: внутринебесных [богов] – небесный род светил^{*19} и земной род демонов, приносящий уже к нашей природе^{*20}. Он и Гелиосу, старшему из его детей, вверил управление этим небом, а также порождение сущих в нем смертных – [поручив осуществлять] это [последнее], конечно, совместно с Кроносом, своим братом, правителем Титанов, богов Тартара. [Вот] чем боги Олимпа отличаются от богов Тартара: Олимпийцы суть производители и правители бессмертных этого неба^{*21}, а боги Тартара управляют здешними смертными [сущими]. Поэтому Кронос, один из [богов] Тартара, сам является главой Титанов и правителем всякого смертного вида. Гера же, поставленная второй после Посейдона среди Олимпийцев, производит для одного Посейдона старейшую и непреходящую материю, которой она управляет. А сам Посейдон управляет всяким видом бессмертных и смертных, поставленный главой над всем, будучи, однако, и сам соединен со всеми, – ведь, несомненно, только один Зевс выделяется из всех по исключительности своего божества.

Итак, прежде всего [следует] принимать это [учение о богах], излагаемое здесь наиболее точным образом. (II) Затем – что эти боги пекутся (προνοοῦσιν) и о наших [делах]: одни – действуя сами непосредственно, а другие – через нижестоящих [богов], но все – согласно законам управляющего всем Зевса^{*22}. (III) Далее [следует знать], что они [не причиняют] никакого зла ни чему-либо иному из всех [сущих], ни нам, но являются первопричиной благ^{*23}. (IV) Вдобавок к этому [надо знать], что каждое [действие] они совершают согласно непреложной и непреклонной судьбе (εἰσαρτένῃ), исходящей от Зевса, единственным наилучшим образом^{*24}. Это то, что касается богов.

Что же касается вселенной (τοῦ παντός), то (V) прежде всего [надо знать], что также вечна и эта вселенная, где [действуют] эти второстепенные и третьестепенные боги, она произошла от Зевса, не имеет начала во времени, а также никогда не будет иметь конца. (VI) Затем – что и из всего множества [сущих] она составлена в некое единое [целое]. (VII) Далее – что она устроена Творцом наилучшим из возможных образом, потому что Он является в высшей степени наилучшим и не оставил ничего, что можно было бы дополнить. (IX) Вдобавок же к этому [надо знать], что она неизменна, сохраняясь вечно в точно таком виде, как была устроена. Итак, это то, что касается вселенной.

Что же до нас самих, то (X) прежде всего [надо знать], что наша душа, будучи сродной с богами, во все времена пребывает бессмертной и вечной внутри этого неба. (XI) Затем – что она каждый раз посылается богами сочетаться с этим смертным телом, то с одним, то с другим, ради гармонии вселенной, чтобы, через сообщение смертных [природ] с бессмертными в нас и в нашем образе, во вселенной таким образом соединилось одно с другим. (XII) Далее – что нам, как следует по родству с богами, прекрасное подобает в качестве жизненной цели. В придачу ко всему [этому следует знать], что произведшие наш род боги определили для нас счастье, относящееся к бессмертному в нас, как наиглавнейшее для человеческого бытия.

Итак, таковы 12 основных положений о богах, об этой вселенной и о нашей природе, которые нужно знать и признавать всякому, кто намерен наилучшим образом мыслить должное и быть поистине благоразумным.

ПРИМЕЧАНИЯ

*¹ μαγικά в заглавии означает не «магические» в смысле обладания магической силой, а принадлежащие к традиции магов, под которыми Плифон подразумевал учеников Зороастра.

*² Еще одна глава в ее книге посвящена возможному политическому смыслу плифоновской системы богов [16, р. 197–219].

*³ Ее перевод публикуется в приложении к данной статье.

*⁴ Ученый посвятил собственно пантеону «Законов» лишь несколько страниц книги [1, с. 75–81, 99–109].

*⁵ Даже те исследователи, которые взяли на себя труд изучить пантеон «Законов» в подробностях, порой путаются в изложении. Например, Н. Синиоссоглу приписал напрямую Посейдону создание четырех основных элементов материи – огня, воздуха, воды и земли [15, р. 258], не упомянув, что у Плифона «главами» этих стихий и, стало быть, со-причинами вместе с Посейдоном являются богини Лето, Геката, Тефия и Гестия (*Зак.*, р. 160), которые у самого же Синиоссоглу указаны в таблице богов как идеи упомянутых элементов [15, р. 287].

*⁶ Другой ученик Плифона, тоже монах, Григорий в «Монодии на мудрого учителя Георгия Гемиста» хвалил Плифона за то, что он очистил религию от заблуждений, свойственных некоторым христианам (очевидно, последователям Григория Паламы), считающим, что для богопознания и духовного совершенства не нужны занятия науками и приобретение познаний о тварном мире [12, р. 390–393] (см. подробнее: [3]).

*⁷ Что касается списка расхождений религии Плифона с христианством, его можно продолжить: здесь и отсутствие учения о воскресении мертвых, и утверждение о благодати демонов и о том, что человек не может не грешить, и учение о неотвратимой судьбе, и многое другое (см., например: [4; 5; 13]).

*⁸ Курсивом обозначаются цитаты из оракулов.

*⁹ Или: «руководитель, вождь; предстатель» (простάτα). Ср.: «Ты, о владыка Плутон, глава (простάτα) нашей бессмертной [части]» (*Зак.*, р. 134 [III, 34]).

*¹⁰ Указание на перевоплощение.

*¹¹ Или: «устраивать, управлять; украшать».

*¹² О влиянии этой судьбы на земную жизнь человека Плифон в толкованиях на оракулы пишет, что она особенно сильно властвует над человеком тогда, когда он «склоняется к смертному телу» и его желаниям, пренебрегая душой (*Толков.*, р. 5–6, № 2).

*¹³ То есть богов – детей собственно Зевса: Олимпийцев и Титанов.

*¹⁴ Ζωροαστρείων τε καὶ Πλατωνικῶν δογμάτων συγκεφαλαίωσις. Перевод выполнен по изданию [12, р. 262–268]. Гемист очевидным образом строит это сочинение как Символ веры своей религии, состоящий из 12 положений, как и христианский Символ. Представленные здесь положения (для удобства они отмечены в переводе римскими цифрами в скобках) нашли в развернутом виде отражение в «Законах».

*¹⁵ Или: «рассудительным» (φρόνιμον). Согласно Плифону, рассудительность (φρόνησις) является высшей из добродетелей, это состояние души, занятой рассмотрением / созерцанием сущих; подразделяется на три добродетели: богопочитание (в отношении божественного), естествознание (в отношении природы), здравомыслие (в отношении человеческих дел) [6, р. 3²²–4⁵, 5^{7–10}]. Эта схема соблюдена и в «Сводке»: положения I–IV относятся к богам, V–IX – к вселенной, X–XII – к человеку.

*¹⁶ Под «этим небом» имеется в виду все видимое мироздание.

*¹⁷ Это боги-идеи и правители материи (Гера), тождества (Аполлон), родового различия (Артемиды), неподвижности и покоя (Гефест), самопроизвольного движения и притяжения (Дионис), движения, вызванного другими (Афина), всех небесных светил в целом (Атлант), отдельно планет (Тифон) и неподвижных звезд (Диона), земных демонов и служебных божественных существ (Гермес), «бессмертной части нашей природы» – души (Плутон), первичных тел и прочих элементов в целом (Рея), а отдельно – эфира (Лето), воздуха (Геката), воды (Тефия) и земли (Гестия) (см.: *Зак.*, р. 158–160).

*¹⁸ Это боги-правители времени и всей смертной природы в целом (Кронос), вечной смены поколений (Афродита), смертного человеческого тела (Кора), неразумных животных (Пан), растений (Деметра) (см.: *Зак.*, р. 164).

*¹⁹ Дети Посейдона и Геры, внутринебесные боги: Гелиос (Солнце), Селена (Луна), Эосфор (Венера), Стилбон (Меркурий), Фенон (Сатурн), Фазтон (Юпитер), Пирознт (Марс), осуществляющие руководство людьми (см.: *Зак.*, р. 166). Они бессмертны, но, в отличие от полностью нематериальных умов – богов-детей Зевса, имеют душу и тело (см.: *Зак.*, р. 136).

*²⁰ Демоны – «последняя часть богов, служащая остальным богам, уже примыкающая к нашей жизни и природе, но сама еще непогрешимая и не подверженная бедствиям» (*Зак.*, р. 138).

*²¹ То есть небесных светил.

*²² Божественный промысел в философии Плифона неразрывно связан с учением о непреклонной судьбе, εἰσαρμένῃ, о которой упоминается отдельно

ниже; неверие в промысел и судьбу Гемист считал одним из самых тяжких грехов, за который византийцы лишились помощи Бога в борьбе с турками (см.: [2; 4, с. 447–452]).

^{*23} Плифон считал, что зло, как не имеющее причины (поскольку причины всего боги благи), как таковое не существует и является неким отклонением от сущего, поэтому человек терпит зло не по воле богов, но по причине собственного уклонения от их благого плана, как бы уходя от сущего к не-сущему; чтобы этого не случилось, люди должны упражнять свой разум для понимания должного, а государства – принимать хорошие законы для воспитания граждан (см.: [4, с. 452–459]).

^{*24} Судьбе в «Законах» посвящена отдельная глава (Зак., р. 64–78).

REFERENCES

1. Medvedev I.P. *Vizantiiskiy gumanizm XIV–XV vv.* [Byzantine Humanism in the 14th – 15th Centuries]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1997. 341 p. (Vizantiyskaya biblioteka [Byzantine Library]).
2. Senina T.A. Vozzreniya Georgiya Gemista Plifona na islam v kontekste turetskoy ugrozy sushchestvovaniyu Vizantii [George Gemistos Plethon's Views on Islam in the Context of the Turkish Threat to the Existence of Byzantium]. *Vestnik Russkoi khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Herald of the Russian Christian Academy for Humanities], 2024, vol. 25, no. 1, pp. 159-171. DOI: <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2024.1.1.011>.
3. Senina T.A. "Monodiya na mudrogo uchitelya Georgiya Gemista" sostavlenaya monakhom Grigoriem: obraz Plifona, bogoslovie, kontekst (s prilozheniem perevoda monodii) ["Monody on the Wise Teacher George Gemistos" by the Monk Gregory: the Image of Plethon, Theology, Context (With a Translation of the Monody)]. *Bibliya i khristianskaya drevnost* [Bible and Christian Antiquity], 2024, vol. 4, no. 24. (in print)
4. Senina T.A. Neobkhodimost i svoboda v filosofii Georgiya Gemista Plifona v kontekste ego politicheskoy teologii [Necessity and Freedom in the Philosophy of George Gemistos Plethon in the Context of His Political Theology]. Nogoicin O.N., ed. *Vizantiya, Evropa, Rossiya: sotsialnye praktiki i vzaimosvyaz duhovnykh traditsiy. Vol. 3*. Saint Petersburg, 2023, pp. 445-470. DOI: <https://doi.org/10.31119/berst.2023.3.33>
5. Senina T.A. Tema bessmertiya dushi v filosofii Plifona (s prilozheniem perevoda ego nadgrobnnykh slov Kleope Malateste i Elene Paleologine) [The Theme of the Immortality of the Soul in Plethon's Philosophy (With the Translation of His Funerary Orations on Cleopa Malatesta and Helena Palaiologina)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 161-176. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.12>
6. Tambrun-Krasker B., ed. Georges Gémiste Pléthon. *Traité des vertus*. Athenes, Leiden, Academy of Athens, 1987. XCII, 127 p. (Corpus Philosophorum Medii Aevi; 3).
7. Hladký V. *The Philosophy of Gemistos Plethon. Platonism in Late Byzantium, Between Hellenism and Orthodoxy*. Farnham, Burlington, Ashgate, 2014. 402 p.
8. Lagarde B. Le "De Differentiis" de Pléthon d'après l'autographe de la Marcienne. *Byzantion*, 1973, vol. 43, pp. 312-343.
9. Masai F. *Pléthon et le Platonism de Mistra*. Paris, Les Belles Lettres, 1956. 423 p. (Les classiques de l'humanisme).
10. Petit L., Sideridès X.A., Jugie M., eds. *Œuvres complètes de Gennade Scholarios. T. IV*. Paris, Maison de la bonne presse, 1935. XXX, 524 p.
11. Tambrun-Krasker B., ed. *Oracles Chaldaïques. Recension de Georges Gémiste Pléthon*. Athens, The Academy of Athens; Paris, Librairie J. Vrin; Bruxelles, Ousia, 1995. LXXX, 187 p. (Corpus philosophorum medii aevi. Philosophi byzantini; 7).
12. Alexandre C., Pellissier A., eds. *Pléthon. Traité de Lois, ou Recueil des fragments, en partie inédits, de cet ouvrage*. Paris, Firmin Didot Frères, 1858. C, 578 p.
13. Sénina T.A. Les conceptions anthropologiques de Saint Gregoire Palamas et de George Gemiste Pléthon: un debat sur le rôle de l'homme dans l'univers. *The Journal of Eastern Christian Studies*, 2021, vol. 73, iss. 3–4, pp. 139-158. DOI: <https://doi.org/10.2143/JECS.73.3.3289995>
14. Signes Codoñer J. Die plethonische „Religion“. Blum W., Seitter W., eds. *Georgios Gemistos Plethon (1355–1452): Reformpolitiker, Philosoph, Verehrer der alten Götter*. Zürich, Diaphanes Verlag, 2007, S. 91-100. (Tumult. Schriften zur Verkehrswissenschaft).
15. Siniosoglou N. *Radical Platonism in Byzantium: Illumination and Utopia in Gemistos Plethon*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. 472 p. (Cambridge Classical Studies).
16. Tambrun B. *Pléthon. Le retour de Platon*. Paris, Vrin, 2006. 302 p. (Philologie et Mercure).

Information About the Author

Tatyana A. Senina, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation; Lead Editor, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Bolshaya Morskaya St, 67, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation, tatiana.kassia.s@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8120-3499>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Сенина, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий редактор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, 67, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tatiana.kassia.s@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8120-3499>

www.volsu.ru

ПЕРИФЕРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.6>

UDC 902(479.224):726

LBC 63.444(5Абх)-427

Submitted: 15.04.2024

Accepted: 04.10.2024

UPPER AND LOWER CHURCHES ON MOUNT ANAKOPIA: EXPERIENCE OF VIRTUAL RECONSTRUCTION OF ARCHITECTURAL DECORATION

Ekaterina Yu. Endoltseva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Nikolay I. Bystritskiy

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Daniil O. Dryga

RUDN Engineering Academy, Moscow, Russian Federation

Liubov K. Kazennova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Alexander D. Karnaushenko

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Ella N. Karnaushenko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the virtual reconstruction of two churches on Mount Anakopia in the Republic of Abkhazia. The project to create three-dimensional models of two churches was preceded by a long period of study of sources of various kinds (archaeological, ethnographic, historical, iconographic, etc.) using complex research methods (iconographic and stylistic analysis, etc.). *Methods and materials.* In the summer of 2023, additional field research was carried out (ground-based photogrammetric survey, aerial photography, terrestrial laser scanning, etc.). As a result of photogrammetric processing, a surface triangulation model of the Upper and Lower Church, as well as orthophotomaps and digital models of their surfaces, were obtained. *Analysis.* The data obtained made it possible to create three-dimensional models of the Upper and Lower Churches, as well as, separately, fragments of their architectural decoration. *Results.* The appearance of these churches was typical of small temple buildings in mountainous regions or fortresses in the Caucasus, starting from the second half of the 10th century. It combined the features of the “severe” style characteristic of western and central Georgia, South Ossetia, etc. (for example, two churches in Akhalsopeli (near the Trialeti range, Kvemo Kartli) and others, Ubisi (Imereti), Armaz, in fragments – Nadarbazev, Kasagina, Kvaisa, etc.) and decorative motifs

© Ендольцева Е.Ю., Быстрицкий Н.И., Дрыга Д.О., Казеннова Л.К., Карнаушенко А.Д., Карнаушенко Э.Н., 2024

that were spreading throughout the territories of the Byzantine Empire from the Greek provinces (workshops of Thebes, Skripou, Peloponnese) and Asia Minor (woven ribbon ornaments, as, for example, on the altar barriers from Hosios Loukas), starting from the 9th century. *Funding*. The research was carried out with funds from the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00648.

Key words: architectural plasticity, reliefs, three-dimensional model, orthophotomap, photogrammetry.

Citation. Endoltseva E.Yu., Bystritskiy N.I., Dryga D.O., Kazennova L.K., Karнаushenko A.D., Karнаushenko E.N. Upper and Lower Churches on Mount Anakopia: Experience of Virtual Reconstruction of Architectural Decoration. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 71-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.6>

УДК 902(479.224):726

ББК 63.444(5Абх)-427

Дата поступления статьи: 15.04.2024

Дата принятия статьи: 04.10.2024

ВЕРХНЯЯ И НИЖНЯЯ ЦЕРКВИ НА ГОРЕ АНАКОПИЯ: ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО УБРАНСТВА

Екатерина Юрьевна Ендольцева

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Николай Игоревич Быстрицкий

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Даниил Олегович Дрыга

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Любовь Константиновна Казеннова

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Александр Дмитриевич Карнаушенко

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Элла Николаевна Карнаушенко

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена виртуальной реконструкции двух церквей на горе Анакопия в Республике Абхазия. *Вклад авторов.* Проекту по созданию трехмерных моделей двух церквей предшествовал длительный период изучения (ответственная Е.Ю. Ендольцева) источников разного рода (археологические, этнографические, исторические, иконографические и др.) с применением комплексных методов исследования (иконографический и стилистический анализ и др.). Летом 2023 г. были проведены дополнительные полевые исследования (Е.Ю. Ендольцева, Д.О. Дрыга) (наземная фотограмметрическая съемка, аэрофотосъемка и наземное лазерное сканирование и др.). В результате фотограмметрической обработки были получены поверхностная триангуляционная модель Верхней и Нижней церквей, а также ортофотопланы и цифровые модели их поверхностей. Полученные данные позволили создать трехмерные модели Верхней и Нижней церквей, а также, отдельно, фрагментов их архитектурной декорации (Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова). Исследования были выполнены на базе лаборатории комплексных цифровых технологий ИВ РАН (Н.И. Быстрицкий). *Финансирование.* Исследования выполнены на средства гранта РФ № 23-28-00648.

Ключевые слова: архитектурная пластика, рельефы, трехмерная модель, ортофотоплан, фотограмметрия.

Цитирование. Ендольцева Е. Ю., Быстрицкий Н. И., Дрыга Д. О., Казеннова Л. К., Карнаушенко А. Д., Карнаушенко Э. Н. Верхняя и Нижняя церкви на горе Анакопия: опыт виртуальной реконструкции архитектурного убранства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 71–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.6>

Введение. В церкви, находящейся в цитадели крепости на горе Анакопия (г. Новый Афон, Республика Абхазия), хранилась одна из самых богатых и загадочных лапидарных коллекций (около 90 фрагментов каменной резьбы) на территории Абхазии. Когда мы приступили к работе с ней (2007 г.), датировка рельефов, происхождение орнаментальных схем, украшавших их, этапы истории, которые они могли бы отражать, и другое были неясны и не складывались в общую картину. С тех пор многое удалось объяснить, а главное – буквально по небольшим фрагментам реконструировать цельный образ.

Помимо фрагментов архитектурной декорации, которые с 2016 г. хранятся в так называемом Музее Абхазского царства [5, с. 32], на горе Анакопия из культовых зданий (то есть христианских церквей) сохранились руины так называемой церкви св. Феодора и фундамент Нижней церкви.

История исследования христианских памятников на горе Анакопия, а также основные выводы по датировке рельефов и соображения по поводу общекультурного контекста, к которому они могли бы принадлежать, подробно изложены в трех монографиях [4, с. 103–104, 110–124; 5, с. 32–187; 9]. Напомним основные вехи и тезисы.

Город-крепость на горе Анакопия и две христианские церкви в нем не раз привлекали внимание исследователей. Помимо упоминаний в записках графини П.С. Уваровой [13, с. 7–34] и описаний, сделанных архимандритом Леонидом [2], нужно упомянуть о В.В. Латышеве, который впервые прочитал надписи, сделанные на рельефах с горы Анакопия [10].

Важным этапом в изучении истории Анакопии, ее крепостных сооружений и Нижней церкви стали археологические раскопки полевых сезонов 1957–1958 гг. под руководством известного абхазского археолога М.М. Трапша [12, с. 88–149]. Л.Г. Хрушкова [14, с. 26–32] впервые опубликовала и проанализировала изображения на некоторых рельефах с горы Анакопия, однако, предложенные ею датиров-

ки подверглись существенной корректировке впоследствии. В коллективной монографии 2011 г. подробным образом рассматриваются различные аспекты истории христианских памятников на горе Анакопия [9], отдельные главы посвящены храмовой архитектуре Анакопийской крепости (Д.В. Белецкий, А.Ю. Виноградов), каменным рельефам (Е.Ю. Ендольцева), эпиграфике надписей (А.Ю. Виноградов) и иконографическим материалам древностей (старые фотографии и открытки) (А.С. Агумаа). В этом исследовании впервые был проведен комплексный анализ художественных особенностей рельефных изображений с использованием данных археологии, эпиграфики, выявлен исторический контекст. Опубликован каталог, в который вошли все 89 рельефов, обнаруженные на тот момент в алтаре церкви, которая считалась посвященной св. Феодору.

В результате удалось показать, что каменные рельефы были выполнены, скорее всего, в период правления Константина IX Мономаха (который упомянут в надписи на одном из рельефов [9, с. 115]), когда в крепости находились византийцы. Относительно Нижнего или Малого крепостного храма Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов согласились с мнением М.М. Трапша, который отнес его к X–XI вв. [9, с. 23]. Однако позже, в монографии, посвященной церковной архитектуре Абхазии в эпоху Абхазского царства, Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов скорректировали эту гипотезу в пользу X в. [4, с. 104]. В строительных работах в так называемой церкви св. Феодора, строительстве Нижней церкви и изготовлении рельефов они увидели следы активной строительной кампании царя Георгия II [4, с. 165]. На наш взгляд, аргументов для столь точной датировки недостаточно, однако стилистические и иконографические особенности рельефов ей не противоречат. Более убедительны все же, как кажется, свидетельства благоустройства, которое проводилось в крепости при византийцах (40-е гг. XI в.), поэтому будем считать, что рельефы и Нижняя церковь были

выполнены между серединой X и серединой XI в. [5, с. 38].

Напомним, что основные вехи истории крепости Анакопия можно реконструировать благодаря археологическим и эпиграфическим данным, которые дополняют летописные свидетельства [5, с. 47–53].

По результатам анализа эпиграфических данных [5, с. 212–221] был сделан вывод, что церковь в цитадели вместе с другими постройками комплекса внутри цитадели, возможно, была украшена при Константине IX Мономахе и освящена в честь св. Феодора в 1049 году. Основание для таких выводов давали четыре камня с надписями [5, с. 212–220]¹.

Наиболее серьезные археологические изыскания проводились на территории Анакопии под руководством М.М. Трапша в полевых сезонах 1957–1958 годов. Целью экспедиции было изучение оборонительных линий крепости. Исходя из особенностей кладки ученый сделал вывод, что сооружение стен цитадели следует относить «ко времени не ранее рубежа V–VI вв.». Исследователь отметил, что башни цитадели могли быть построены позднее, в VII–VIII веках. Это утверждение не уточняет датировку ее стен. При осмотре церкви в цитадели М.М. Трапш обнаружил ее неоднократные перестройки. Ученый согласился с мнением А.С. Башкирова, который считал, что основной объем храма был возведен до VIII в., а перестройку храма датировал XI–XII веками. При исследовании культурного слоя внутри башен второй линии обороны экспедицией были найдены, помимо прочего, остатки керамики и монеты, по которым М.М. Трапш установил следующую хронологию развития поселения на Анакопийской горе: IV–II вв. до н. э. – эллинистическое поселение на склонах горы; VII–XI вв. н. э. – период функционирования Анакопийской крепости; VIII–IX вв. – первый период интенсивного строительства оборонительных сооружений; XI в. – второй период интенсивного строительства и обновления оборонительных сооружений [12, с. 147]. С последним периодом связано не только обновление и восстановление башен и стен второй линии обороны, но и строительство гражданских зданий и других объектов. В их числе печь для

обжига извести, обнаруженная на одной из террас крепости [12, с. 128, рис. 145], и небольшая одноапсидная церковь (Нижняя церковь), найденная в 1957 г. неподалеку от южной стены внешнего кольца оборонительных сооружений [12, с. 101].

Следующие по времени археологические исследования имели место внутри цитадели в 2004 г. в связи с подготовкой к реставрации восточной башни. Работами руководил Ю.Б. Бирюков. Исследуя культурный слой внутри сооружения, археолог пришел к выводу, что, судя по характеру керамики и фрагментам резных плит с плетенкой, найденным в верхнем слое, его можно датировать XI веком². При этом Ю.Б. Бирюков отметил, что толщина культурного слоя не дает возможности говорить об активной строительной деятельности здесь ранее VIII–IX веков³. Никаких следов существования более древних построек на территории цитадели до сих пор не обнаружено. А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий, переосмыслив некоторые свои наблюдения, предложили более подробную хронологию работ в храме в цитадели и в Нижней церкви. Они предположили, что перестройка этого здания была произведена при Георгии II, между 928 и 955 годами [4, с. 123]. Сопоставляя эпиграфические и археологические свидетельства, которые как нельзя лучше согласуются друг с другом, можно заключить, что храм внутри Анакопийской крепости был построен не ранее VI и не позже начала X века. Функционировал же он вплоть до XI–XII веков [3, с. 89–90; 15, с. 62–67]. В XI в. при византийском императоре Константине IX Мономахе, согласно надписи на утерянном рельефе, опубликованном В.В. Латышевым [9, с. 115] (дата – 1046 г.), и данным археологических раскопок М.М. Трапша, в крепости были проведены крупномасштабные строительные работы по укреплению южной стены и башен второй линии обороны. Тогда же внутри крепости была построена небольшая одноапсидная церковь, а главная церковь цитадели, возможно, украшена (облицована). Найденная в крепости известковая печь свидетельствует о том, что строительные материалы изготавливались на территории Анакопии. Из сообщений «Картлис Цховерба» ясно, что решающую роль в судьбе крепости сыграла

битва с арабским полководцем Мерваном ибн Мухаммедом. В 737 г. он подошел к стенам города, но вынужден был покинуть пределы Абхазии [1, с. 93]. С этого момента начинается новая страница в истории Анакопии как главного центра независимого Абхазского царства. В 80-е гг. VIII в. правитель абхазов Леон II отложился от власти византийского императора и провозгласил себя царем. Начинается процесс присоединения соседних земель, в результате которого восточная граница Абхазского царства в первой половине X в. «простиралась до Сурамского хребта, а на юге – до реки Чорох, то есть до границ Тао, Кларджети и Картли» [1, с. 117]. К началу XI в. возникло новое государственное образование – «царство абхазов и картлийцев» во главе с царем Багратам III, который по материнской линии был внуком абхазского царя Георгия II (929–957 гг.), а по отцу происходил из рода Багратидов [4, с. 17–89].

Из «Летописи Картли» известно, что вторая жена царя Георгия I, осетинская царевна Альда, вместе с сыном Дмитрием с 1027 г. жила в Анакопии и пыталась организовать заговор с целью свержения старшего брата Дмитрия царя Баграта IV (1027–1072 гг.). После неудачной попытки переворота Дмитрий сдал Анакопию византийцам, которые владели городом до середины 1070-х годов [1, с. 79; 17]. Именно в это время здесь и были произведены крупномасштабные строительные работы, отраженные археологическими и эпиграфическими свидетельствами. По всей вероятности, рельефы анакопийской коллекции были изготовлены как раз в это время. Не исключено, что при византийцах в Анакопии работали местные или приехавшие из Анатолии мастера [9, с. 97–98], которые в своем творчестве воспроизводили художественные формы, бытовавшие на территории Абхазского царства, Тао и Кларджети или Каппадокии примерно на полвека ранее. Р. Шмерлинг объясняет подобное культурное явление принадлежностью мастеров «не к младшему, а к старшему поколению художников этого времени» [16, с. 115].

Приблизительно с XV в. крепость приходит в запустение. После присоединения к Российской империи Абхазского княжества (1866 г.) территория Анакопийской горы с древними сооружениями была передана «русской

части греко-русской братии Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря (1875 г.) [9, с. 227]. При благоустройстве территории монахи собрали по склонам горы Анакопия древние рельефы (89 фрагментов) и вмонтировали вместе в стену внутри апсиды церкви, которая, как считалось, была освящена во имя св. Феодора.

В октябре 2016 г. по распоряжению А.В. Аргуна, директора Национального Новоафонского историко-культурного заповедника «Анакопия», без санкции Министерства культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия все рельефы были выпилены и перенесены к подножию горы Анакопия, в недавно открытый Музей Абхазского царства, где и пребывают сейчас.

Результаты стилистического и иконографического анализа рельефов, происходящих из алтарной части церкви в цитадели на горе Анакопия, согласуются с эпиграфическими и археологическими свидетельствами. Их можно отнести к середине X – первой половине XI века [9, с. 101–207]. Исходя из характера представленных изображений, их можно разделить на три группы: зооморфные образы, кресты, плетеные геометрические орнаменты разного типа.

Методы и материалы. Задача финальной фазы исследований лапидарной коллекции, происходящей с горы Анакопия, заключалась в том, чтобы создать виртуальную реконструкцию архитектурного убранства (включая малые формы) каждой из двух церквей максимально, где это возможно, используя перенесенные в музей Абхазского царства рельефы.

Описываемый в настоящей работе проект по виртуальной реконструкции Верхней и Нижней церквей на горе Анакопия синтетически использует предшествующий опыт отечественных и международных проектов по виртуальной реконструкции памятников культурно-исторического наследия [8]. Состав научных работ по реконструкции изучаемого памятника состоял из основных этапов:

- исследование и оцифровка сохранившихся участков и фрагментов;
- создание 3D-моделей, анализ и атрибуция фрагментов (камней);
- создание и верификация 3D-модели алтарной преграды и здания.

На первом этапе для получения трехмерной метрической модели храмов на объекте была выполнена наземная фотограмметрическая съемка. С целью точного сохранения масштаба были получены контрольные промеры основных элементов конструкции, длина, ширина сооружения, дополнительно были произведены замеры дверных проемов и высоты отдельных участков сохранившейся кладки. В процессе съемки использовались маркированные планшеты, которые позволяли автоматизировать процесс масштабирования трехмерной модели. Для ориентации модели в пространстве использовался встроенный в фотокамеру ГНСС приемник.

При работе с церковью в цитадели была также проведена аэрофотосъемка и наземное лазерное сканирование.

В результате фотограмметрической обработки были получены поверхностная триангуляционная модель Верхней и Нижней церквей, а также ортофотопланы и цифровые модели их поверхностей (см. рис. 1 и 2). Комбинация ортофотоплана и матрицы высот позволили достаточно точно выделить основные контуры стен на объекте. Трехмерная модель в дальнейшем использовалась для создания виртуальной реконструкции.

Помимо этого, были получены трехмерные модели некоторых сохранившихся фрагментов, которые были расположены в Музее Абхазского царства. Так как съемка производилась в помещении, был использован искусственный источник освещения, для достижения оптимального разрешения изображений.

На втором этапе работы над проектом полученные группы фотограмметрических 3D-моделей были разделены на отдельные фрагменты. Каждый фрагмент был проанализирован и классифицирован по своему назначению: облицовка стен, украшения фасадов, фрагменты алтарной преграды, наличники окон и дверей и другие архитектурные детали. Таким образом, был составлен полный каталог всех декорированных камней и выдвинут ряд гипотез об их местоположении в ансамбле здания.

На третьем этапе были созданы реконструкции Верхнего и Нижнего храмов в виде полигональных 3D-моделей. В качестве источников использовались исторические и ар-

хитектурные материалы, замеры фотограмметрических 3D-моделей зданий, а также результаты сопоставления полученных результатов с аналогичными памятниками эпохи. Фрагменты размещены на предполагаемых местах восстановленных зданий, учитывая их форму, размер и особенности декора, физические свойства и архитектурную целесообразность. Таким образом, удалось визуализировать как современное состояние зданий, так и их условные реконструкции, которые показывают, как могли выглядеть храмы в момент, когда они были действующими. Первоначальный облик самих сооружений представлен в виде низкополигональной модели, с крышей, оконными и дверными проемами.

Для демонстрации результатов создана специальная виртуальная среда, которая позволяет рассматривать реконструкцию с размещенными в ней фрагментами с любого ракурса. Дополнительно для каждого отдельного фрагмента созданы изображения (рендеры) с указанием их габаритов, а также видео, чтобы показать детали и особенности каждого каменного элемента ⁴.

Анализ. При выработке принципов реконструкции для обоих храмов учитывались в первую очередь результаты визуального анализа некоторых наиболее характерных рельефов. Так, среди исследуемых фрагментов внешней облицовки церквей можно выделить группу из пяти рельефов, которые, судя по их форме, можно идентифицировать как верхние наличники щелевидных окон. Однако по стилистическим признакам и по изображенным сюжетам они явно распадаются на две группы: рельефы с изображениями животных (бык и лев у креста, бык, рыба) и рельефы с изображениями крестов («голгофские кресты» и одиночный крест, в обоих случаях – под арочками) (см. рис. 3–5). Таким образом, логично было бы предположить, что они происходят из двух разных храмов (см. рис. 6 и 7).

Принципы реконструкции Верхнего храма (так называемый храм св. Феодора). В ходе полевых исследований был выполнен ортофотоплан цитадели и храма в нем (см. рис. 1). В построении 3D-модели Верхнего храма отталкивались от фотограмметрической съемки с последующим построением модели, а также планов и чертежей

А.С. Агумаа, Д.В. Белецкого, А.Ю. Виноградова [9, рис. 3–14].

Исходя из изложенных данных, храм перестраивался в средневековый период. Самые яркие свидетельства этого – пятигранная апсида вместо первоначальной полукруглой, заложение боковых окон (юго-восточное и северо-восточное) в апсиде храма, значительное утолщение стен [9, рис. 4].

Реконструкция воспроизводит предполагаемый облик храма после средневековой перестройки: пятигранная апсида с одним центральным окном, толстые стены, цилиндрические своды с арками, опирающимися на пилястры, дверь посередине южного фасада наоса храма, два притвора – это основные элементы храма после перестройки. Поскольку в настоящий момент стены храма имеют значительную высоту, то можно даже определить, где начинался свод апсиды, а по одной из пилястр определить начало подпружных арок свода. «В настоящее время на юго-западной угловой пилястре имеется импост, на который опиралась подпружная арка, перекинутая на симметричную пилястру в северо-западном углу: обе, они несколько “утоплены” в толщу западной стены. Несомненно, подпружные арки имелись на всех пилястрах храма: их семь пар – соответственно существовало семь подпружных арок. При этом самая восточная из них частично закрывала часть восточной стены, расположенную над триумфальной аркой» [9, с. 48]. Необходимо подчеркнуть, что пилястры располагались не четко друг против друга на противоположной стене, а с некоторым смещением, отчего подпружные арки расположены не под 90 градусов к оси, а под разными углами. Вероятно, это было связано с тем, что существующие окна, ниши и двери корректировали расположение пилястр, то есть их пристроили позже там, где было возможно.

В южной стене наоса имеются две ниши по бокам от двери. Возможно, в них помещались какие-то чтимые святые: можно предположить, что в одной нише находился храмовый образ св. Феодора, а в другой – икона Богородицы, считавшаяся в конце XI в. хранительницей города» [9, с. 53]. Один из камней с полукруглым ковчегом помещен в нишу, так как напоминает часть иконы.

Южный проем – арочной формы, на фасаде имеет порталное обрамление, сохранившееся почти полностью и представляющее собой два жгута-полуваля, обходящих проем с трех сторон: по бокам и сверху.

В южной стене определенно должны быть окна с арочным завершением. В сохранившейся части стены у нас есть только 1 вариант, где могло быть только 2 окна. Одно окно – над южной дверью, второе – немного западнее его, так как в этом месте стена обрушена. Размещение окна между 4-ми и 5-ми пилястрами, примыкающими к южному входу – логично. Второе окно находится на такой же высоте, но располагается между 3-ми и 4-ми пилястрами, если считать от запада на восток. Верхние части окна, скорее всего, были не выше импостов, на которые опирались арки свода. У нас имеются 2 камня верхних наличников окна, похожие по сюжету и исполнению: это камни со львом и с рыбой. Мы расположили эти камни над окнами южной стены наоса. Исходя из параметров этих рельефов камни обрамляли щелевидные окна шириной не более 0,2 м.

В северной стене были окна, предположительно три, следы оконных проемов в стенах можно проследить и сейчас. У нас имеются камни с рельефами, являющиеся, возможно, частью арочного наличника над окном. Оконный проем в северной стене дает возможность заключить, что ширина окна была не более 0,6 м, а высота около 1 м. Диаметр арки предполагаемого наличника тоже в пределах 0,6 м. Окна северной стены вписываются между 2-й и 3-й, 3-й и 4-й, 5-й и 6-й пилястрами. Внутри храма нами смоделированы помосты, вероятно, служившие сидением во время длительных служб. «Вдоль северной стены идет невысокий (немногим более полуметра) уступ. Он мог использоваться для сидения во время длительных служб (что может быть указанием на вероятный монастырский характер храма). У противоположной стены такой уступ сохранился только между третьей и четвертой с запада пилястрами» [9, с. 51].

Значительное своеобразие всей постройки придает ландшафт, на котором построен храм. Перепад высот с востока на запад и с севера на юг приводит к тому, что все поме-

щения имеют значительный перепад уровня пола. Алтарное пространство приподнято над полом нартекса почти на 0,7 м, пол наоса на 0,6 м выше нартекса, а пол нартекса отстоит от пола экзонартекса на 0,9 м. Поэтому в каждое следующее помещение и в алтарь ведут несколько ступеней.

При построении нартекса и экзонартекса есть данные, от которых отталкивались. У нартекса, согласно чертежам, максимальная высота стен – 9,41 м. У экзонартекса – 8,1 м. Вероятно, перекрытия были цилиндрическими, и начинаться они могли только выше этих высот. Добавляя высоту свода (толщина камня свода + раствор + черепица), можно вычислить высоту крыши. У нартекса ширина более, чем у храма. Так, стены нартекса по внешней стороне совпадают со стенами храма, но они намного тоньше. Поэтому расстояние от южной до северной стены больше, чем в храме. И поскольку своды были каменными, цилиндрическими или коробовыми, то свод притвора начинался не выше 9,3 м. Так как его свод не мог подниматься выше свода храма, то в северной и южной стене, скорее всего, не было окон, иначе они располагались бы низко от пола, что лишало здание неприступности. Зато на западной стене, над крышей экзонартекса, могло размещаться не одно, а три окна. Эти три окна логично вписываются под аркой свода нартекса и располагаются как раз над двускатной крышей экзонартекса.

Следовательно, реконструкция восточного фасада, вероятно, может выглядеть следующим образом (см. рис. 8), с отдельными камнями из анализируемой коллекции. Южный фасад в этом случае вмещает два из трех рельефов со зверями в качестве верхних наличников окон (см. рис. 9). Западный имеет сложную структуру (см. рис. 10) с изображениями отдельных камней, а северный мог бы выглядеть следующим образом (см. рис. 11).

Возвращаясь к алтарной части, напомним, что в храме существовал синтрон, который можно видеть и поныне, он смоделирован в алтаре.

Рассуждая о принципах построения алтарной преграды и престола, нужно иметь в виду следующие соображения. Исходя из имеющейся ширины алтарной апсиды около 5 м, вероятнее всего предположить, что ал-

тарная преграда храма опиралась на 6 столбов-колон, имела центральный вход шириной около метра, боковые проемы, преграждаемые плитами, имели ширину около 0,7 м. Ширина столбов алтарной преграды была около 0,17 м. Эту ширину мы определили благодаря имеющимся каменным рельефам, которые подходят в качестве столбов алтарной преграды по своим пропорциям и из-за того, что имеют по бокам пазы, которые могли бы быть пазами для крепления алтарных плит преграды. Для большого храма можно выделить несколько столбиков в соответствии с этими параметрами. Иногда у столбиков есть некий отступ от земли, то есть орнамент начинается не от начала столбика, а на некотором расстоянии. Допускаем, что орнамент столбиков мог повторяться, а мог и варьироваться. У нас есть два столбика с перекрещивающимися кругами и ромбами, у обоих имеется отступ от края плиты, одинаковые размеры в сечении, однако орнамент в небольших деталях варьируется. Это «Рельеф с изображением переплетающихся окружностей и ромбов» [9, с. 179] и «Рельеф с изображением орнамента из переплетающихся окружностей и ромбов» [9, с. 173].

Есть столбик «Рельеф с орнаментом из петелек “в сеточку”» [9, с. 168], который отличается своим орнаментом, но в сечении имеет такие же размеры. Он тоже имеет пазы по бокам. На основании того, что орнамент мог отличаться, включаем его как часть столбика в алтарную преграду большого храма.

Если допустимо, что плиты всей алтарной преграды имели разные орнаменты, то цельная деталь должна была иметь единообразный орнамент. Исходя из этого распределили имеющиеся фрагменты по группам. Каждая группа условно представляет один цельный фрагмент алтарной преграды.

Первая группа: «Рельеф с изображением кругов небольшого диаметра и петелек [9, с. 156, № 24], «Рельеф с изображением плетеного геометрического орнамента, составленного из кругов небольшого диаметра и кругов небольшого диаметра с высверленным центром» [9, с. 158, № 26], «Фрагмент плиты с геометрическим орнаментом, составленным из кругов небольшого радиуса и окружностей небольшого диаметра с высверленным центром» [9, с. 160, № 28].

Вторую группу составят камни с пересекающимися кругами и ромбами, такие как «Рельеф с изображением орнамента, составленного из ромбов и окружностей» [9, с. 176, № 44]. Похожий орнамент есть на алтарных столбиках.

Третья группа – это «Рельеф с орнаментом из петелек» [9, с. 170, № 38].

Четвертая группа – из одного фрагмента «Рельеф с орнаментом из сплетенных кругов одинакового размера» [9, с. 181, № 50].

Имеется также один фрагмент «Рельеф с плетеным орнаментом и фрагментом процветшего креста» [9, с. 128, № 4], который, судя по форме и орнаменту, скорее всего, был частью архитрава. На это указывает как расположение рельефов на плоскостях, находящихся относительно друг друга под тупым углом, так и их орнамент. Таким образом, алтарная преграда, исходя из вышеизложенных соображений, могла бы выглядеть следующим образом (см. рис. 12).

«Рельеф с изображением арочек и пилястры» [9, с. 189, № 60]. «Определить функциональное назначение плиты трудно. Возможно, она использовалась во внутренней или внешней облицовке здания, или, как предполагают Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов, она была основанием для ножки престола или его крышки» [9, с. 190]. В музее в настоящее время эта плита повернута к зрителю своей гладкой стороной, а не стороной с рельефом. Гладкая сторона хорошо обработана и выстраивается в одну плоскость. В то же время сторона с рельефом имеет небольшое скругление. Если этот камень является фрагментом крышки престола, то это объясняет гладкость и ровность его одной стороны и наличие паза для ножки престола с другой стороны. Квадратный паз: ширина – 0,07 м, высота – 0,10 м, глубина – 0,05 м, диаметр круглого паза – 0,02 м.

Вокруг углубления (паза) есть выступающая рельефная часть, та, что названа пилястрой. Думаем, что этот прямоугольный выступ, размерами 0,26 × 0,19 м, совпадал с ножкой престола. Выступ ножки с размерами чуть менее 0,10 × 0,07 × 0,05 входил в паз крышки. Возможно, единственный ровный край этого фрагмента является краем столешницы, и тогда гипотетически можно предположить ширину верхней части престола. Если измерить расстояние от середины паза до ровного

края фрагмента, то получим 0,54 м, следовательно, можно предположить, что ширина столешницы 1,08 м. Возможно, дуги, выходящие из углов рельефного выступа вокруг паза, не были арками, а вели к углам престола. В таком свете понятна легкая закругленность нижней части столешницы. Место ее соединения с ножкой – самое глубокое – 0,15 м. К углам глубина уменьшается – 0,10. Если попытаться мысленно достроить столешницу, то ее ширина, как было сказано, будет 1,08 м, а длина не менее 0,85 м. Выстроив ножку престола, строим его опору, исходя из пропорций столешницы. И оказалось, что опора по размерам совпала с другим фрагментом № 61.

«Плита с пазом» [9, с. 190, № 61]. «Известняк. Размеры: ширина 0,54 м, высота 0,62 м. Выступающий паз: ширина 0,23 м, высота 0,28 м, глубина 7,5 см. Внутренний паз: ширина 0,12 м, высота 0,14 м, глубина 4 см. По предположению Д.В. Белецкого и А.Ю. Виноградова, она была основанием для ножки престола или его крышки» [9, с. 191].

В качестве ножки престола по размерам и форме подходит плита с изображением процветшего креста [9, с. 130–132, № 5].

По размеру этот камень подходит для ножки престола. Таким образом, престол Верхней церкви мог бы выглядеть следующим образом (см. рис. 12 и 13).

Нет возможности говорить о расположении всех рельефов в тех или иных местах, но таковые основания имеются, хоть и являются гипотетическими.

Принципы реконструкции Нижней церкви [7]. Нижний храм Анакопийской крепости по своей архитектуре был одноапсидным, зальным и имел скромные размеры. Сохранились только основания стен. Основание апсиды сохранилось частично. Хорошо виден порог западного входа. По нему достаточно достоверно можно определить ширину дверного проема, которая равна 0,85 м. В результате полевых исследований был сделан ортофотоплан Нижней церкви (см. рис. 2).

3D-модель Нижнего храма построена по фотограмметрической модели в программе Blender. По модели длина храма – 6,65 м, ширина – 4,63 м, ширина дверного проема – 0,85 м, внешний диаметр апсиды – 3 м, внутренний диаметр апсиды – 1,84 м (см. рис. 14).

М.М. Трапш датирует храм X–XI вв., в чем с ним полностью согласны Д.В. Белецкий, А.Ю. Виноградов [9, с. 23].

В книге «Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в.» есть такое замечание: «из архитектуры Абхазии конца IX – X в. полностью исчезает балочно-стропильное перекрытие: все зальные храмы и базилики, не говоря о купольных церквях, перекрыты сводами» [4, с. 268]. Опираясь на это утверждение, можно предположить, что церковь могла быть перекрыта полуциркульным сводом. Кроме того, «...все известные нам крыши над сводами храмов Абхазии конца IX – X в. двускатные» [4, с. 269]. В этом случае, вероятно, крыша была двускатной.

Пол «в нижнем храме Анакопийской крепости – керамическими плитками» [4, с. 269]. При дальнейшей работе над моделью возможно вымостить пол керамической плиткой.

Окна в храме нами помещены только в самых вероятных местах. Одно окно в центре апсиды, второе – на западной стене над дверью и третье – на южной стене, чуть ближе к алтарю. На северной стене окон мы не поместили по двум причинам: во-первых, в храмах Абхазии старались не делать окон на северной стене, во-вторых, северная стена обращена к склону холма (см. рис. 15). Комплект из двух плит с крестами под арочками помещен над окнами на южном и восточном фасаде (см. рис. 17 и 18). Появление трех голгофских крестов над окном восточной апсиды обусловлено иконографической традицией, фиксируемой в некоторых христианских храмах на Кавказе в эпоху Средневековья [11].

При реконструкции алтарного пространства учитывались следующие соображения: «пространство алтаря почти во всех храмах Абхазии, не только зальных (кроме Леснянской I базилики и *croix libre* у Крион Нерона), выделено подъемом пола (до 0,5 м, в Монастыре и Аба-Анте), согласно обычной практике византийского Востока. <...> Судя по храмам в Ачануа и Монастыре, алтарная преграда в зальных церквях проходила прямо по линии примыкания апсиды» [4, с. 268]. Исходя из этого, – в алтаре небольшое возвышение. Алтарная преграда – по линии примыкания апсиды.

При реконструкции алтарной преграды и престола необходимо учитывать несколько ключевых деталей (см. рис. 16). Из Нижнего храма происходит каменная плита с рельефом в виде плетенки с переплетающимися ромбами и кругами [9, с. 207] и плита с переплетающимися квадратами [9, с. 208, № 88, 89]. По сведениям М.М. Трапша, оба рельефа из этой церкви можно датировать XI веком. Остальные фрагменты для реконструкции алтарной преграды подбирались по аналогии к двум вышеназванным.

Форма и размер полукруглой плиты с надписью на торце [9, с. 218–219, № 4] позволяет предположить, что она могла быть использована как крышка престола.

«Рельеф с мальтийским крестом и кружочками на углах перекладин [9, с. 132, № 6]: «Известняк. Размеры: ширина 0,27 м, высота 0,48 м, диагональ (левый нижний – правый верхний) – 0,41 м, диагональ (правый нижний – левый верхний) – 0,39 м. Глубина рельефа от 0,4 до 1,2 см. Размеры паза: ширина 3 см, высота 6,5 см, глубина 2,2 см». Эта деталь может быть ножкой престола, по той причине, что ее нижняя часть, вероятно, вставлялась в паз опоры престола. Плита имеет довольно искусный рельеф с изображением креста, в основании которого есть рельефный элемент в виде домика или храма, посередине которого сделана небольшая ниша. Эта ниша похожа на отверстие для вложения мощей. Ее обрамление может отсылать как к изображению храма, так и Голгофы, тем более что располагается в основании креста.

Результаты. Здесь важно отметить, что надпись на торце плиты, которую можно считать крышкой престола, и есть та единственная надпись, где упоминается факт освещения некоего храма во имя св. Феодора. Таким образом, если предлагаемая реконструкция верна, то можно говорить о том, что посвящение во имя св. Феодора имел не Верхний храм в цитадели, как это предполагалось ранее, а именно Нижний храм. В этом случае Верхний храм, возможно, был освящен во имя Богоматери (поскольку, по легенде, именно в нем хранилась чудотворная икона Богоматери). Сочетание в одном месте двух небольших храмов с освящением во имя Богоматери и святого воина (например, св. Георгия)

имеет аналогии в некоторых районах Грузии. Например, в деревне Ахалсопели (Бза) также есть два храма того же времени и схожие по конструкции и оформлению архитектурной декорации, что и храмы из Анакопии. Один из них освящен во имя Богородицы, а второй, поменьше, – во имя св. Георгия.

Таким образом, в ходе проведенных исследований с использованием методов виртуальной реконструкции удастся сформулировать обоснованную гипотезу о том, как могла выглядеть архитектурная декорация Верхней и Нижней церквей на горе Анакопия. Судя по имеющимся данным, облик этих церквей был типичен для небольших храмовых построек в горных районах или крепостях на Кавказе начиная со второй половины X века. Парадоксальным образом он объединял в себе черты «сурового» стиля, характерного для западной и центральной Грузии, Южной Осетии и т. д. (к примеру, две церкви в Ахалсопели (около Тriaлетского хребта, Квемо-Картли) и др., Убиси (Имерети), Армаз, во фрагментах – Надарбазев, Касагина, Квайса и др.) и декоративные мотивы, распространявшиеся в то время по всей территории Византийской империи из греческих провинций (мастерские Фивы, Скрипу, Пелопоннес) и Малой Азии (плетеные ленточные орнаменты, как, к примеру, на алтарных преградах из Хосиос Лукас) начиная с IX века [6].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Четыре камня с надписями: несохранившийся рельеф с изображением протом быка и льва и надписью: «Построена промыслом Бога и Богородицы и великим счастьем Константина Мономаха, великого императора и самодержца ромеев, содействием протоспафария Евгения деспота и таксиарха Касы Феодора Валанта, эта дивная (цистерна ?), в месяце феврале, 14 индикт»; плита с фрагментом креста «...самодержцев при содействии протоспафария Евгения Деспота, Альды (?) и таксиарха Касы Феодора Валанта, в марте, 14 индикт, в 6544 (1046)»; крест или стела «...святого... епископии (?) Анакуфийской, в марте месяце, ...числа, в 6437 году (929), во 2 индикт. Ты, Боже Небесный, Крепкий и Бессмертный, упокой его, аминь. Троица Единосущная, Христе Боже, спаси недостойного раба своего Евстафия пресвитера, написавшего это, аминь»; полукруг, который В.В. Латышев считал престоломмензой: «Во 2 индикт интронизирован храм св. Феодора при архиепископе Михаиле 16 апреля», по версии Виноградова – 1049 г.

² Автор благодарит сотрудников Управления по охране памятников Республики Абхазия за возможность ознакомиться (в 2008 г.) с неопубликованным отчетом Ю.Б. Бирюкова, а также самого Ю.Б. Бирюкова за разъяснения и соображения, высказанные в личной беседе.

³ Данное предположение было высказано в личной беседе.

⁴ Сайт: arch.ivran.ru.

Рис. 1. Ортофотоплан Верхней церкви на горе Анакопия. Д.О. Дрыга
Fig. 1. Orthophotomap of the Upper Church on Mount Anakopia. D.O. Dryga

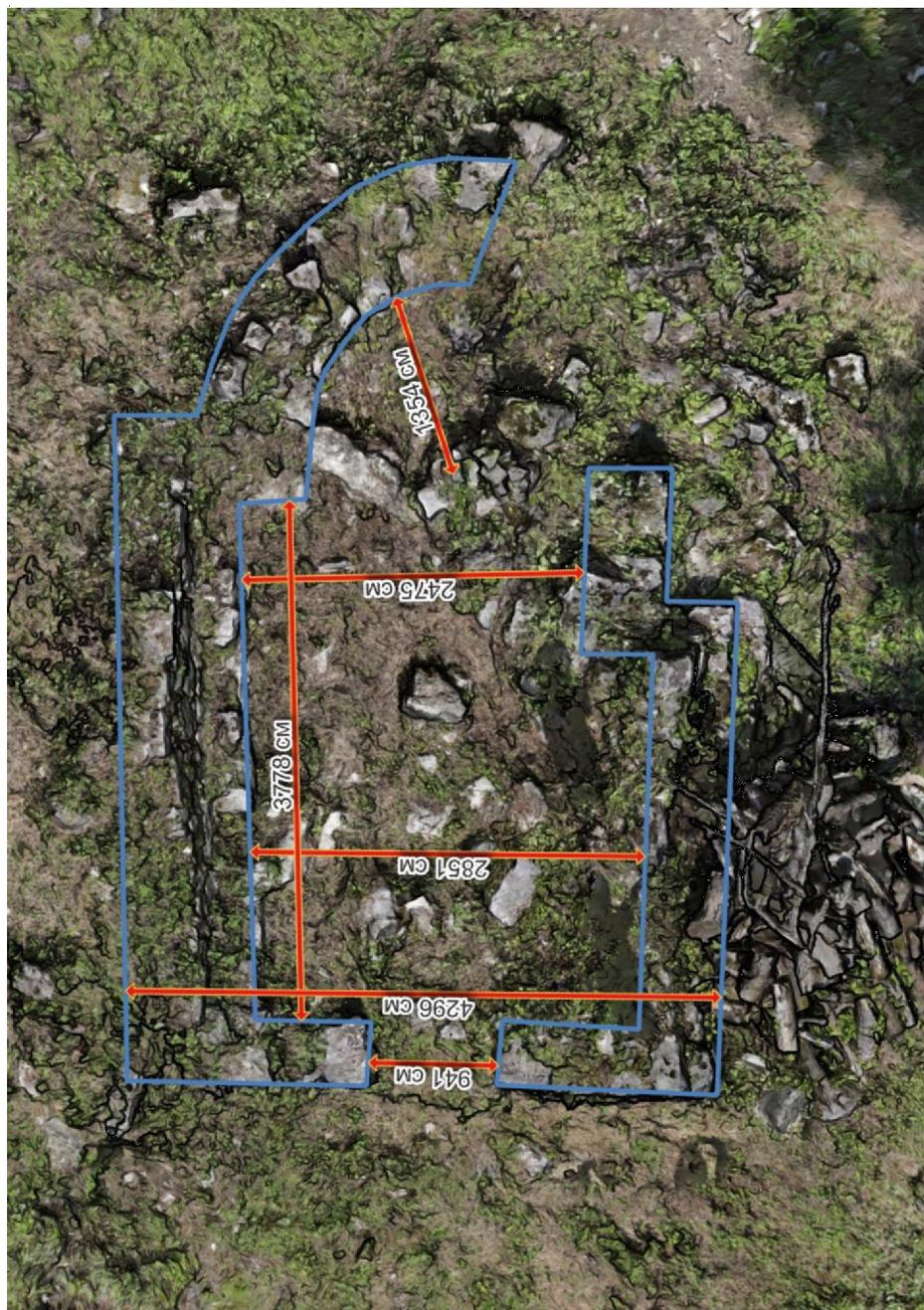

Рис. 2. Ортофотоплан Нижней церкви на горе Анакопия. Д.О. Дрыга
Fig. 2. Orthophotomap of the Lower Church on Mount Anaporia. D.O. Dryga

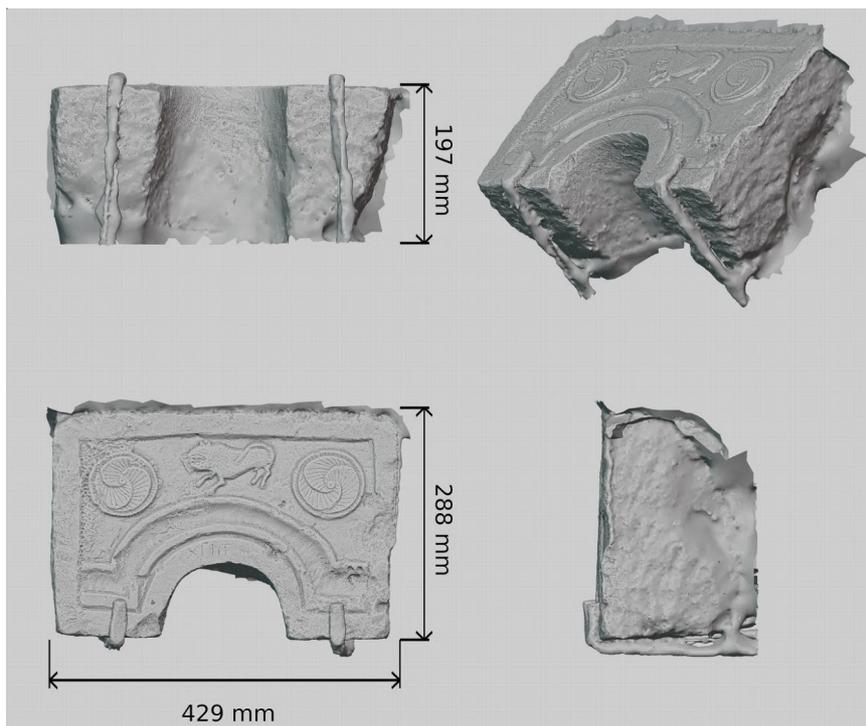

Рис. 3. Модель верхнего наличника окна с изображением льва.
 Д.О. Дрыга, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
 Fig. 3. Model of the upper window frame with an image of a lion.
 D.O. Dryga, A.D. Karnaushenko, L.K. Kazennova

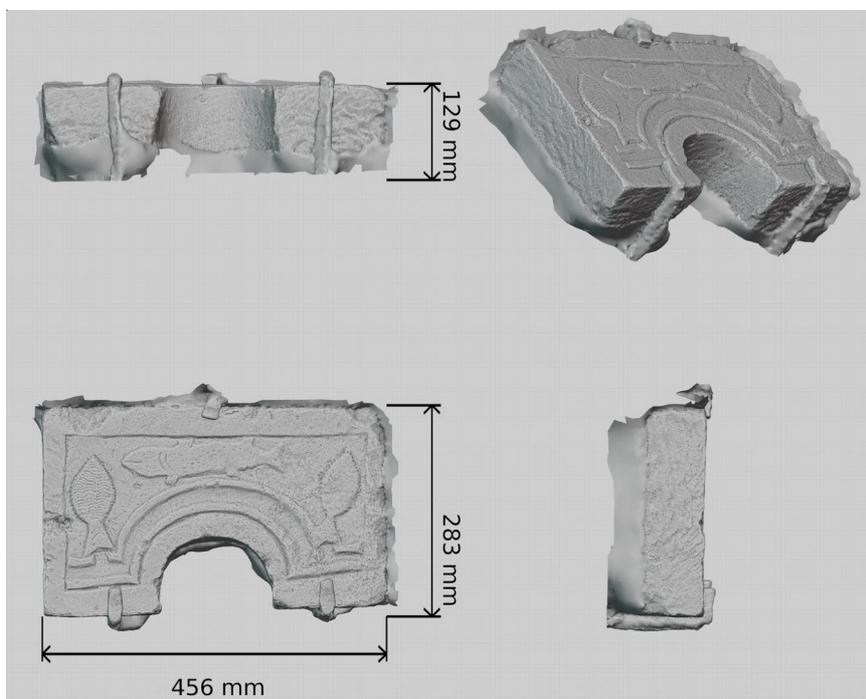

Рис. 4. Модель верхнего наличника окна с изображением рыбы.
 Д.О. Дрыга, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
 Fig. 4. Model of the upper window frame with an image of a fish.
 D.O. Dryga, A.D. Karnaushenko, L.K. Kazennova

Рис. 5. Утерянный верхний наличник окна с быком и львом у креста и надписью [5, с. 80–83]
Fig. 5. Lost upper window frame with a bull and a lion near a cross and an inscription [5, p. 80–83]

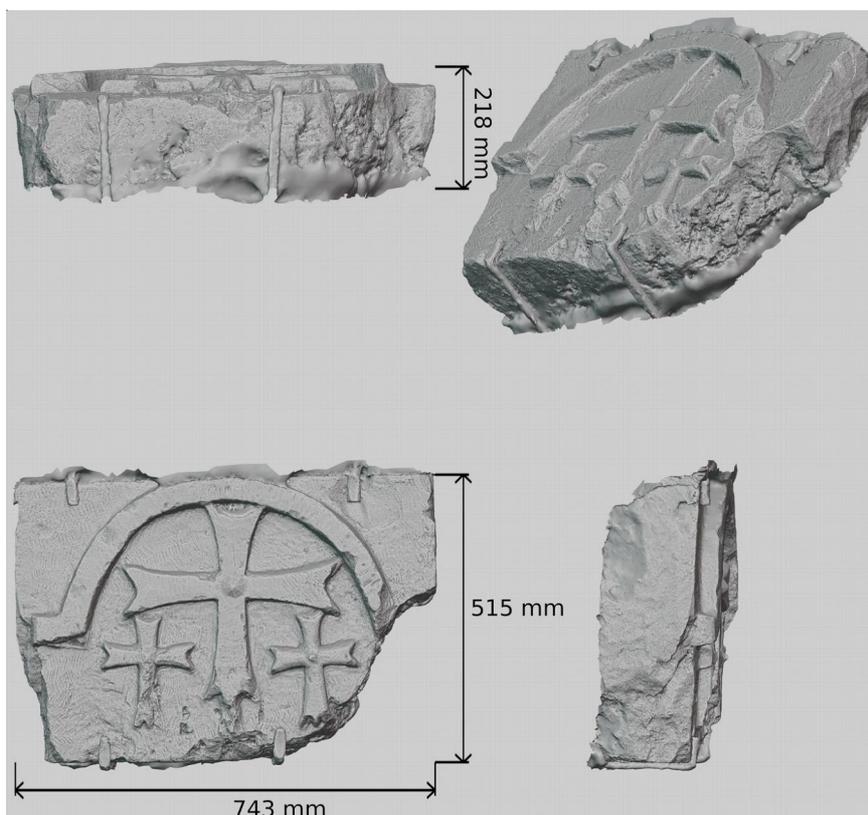

Рис. 6. Модель верхнего наличника окна с изображением трех крестов.
Д.О. Дрыга, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
Fig. 6. Model of the upper window frame with an image of three crosses.
D.O. Dryga, A.D. Karnaushenko, L.K. Kazennova

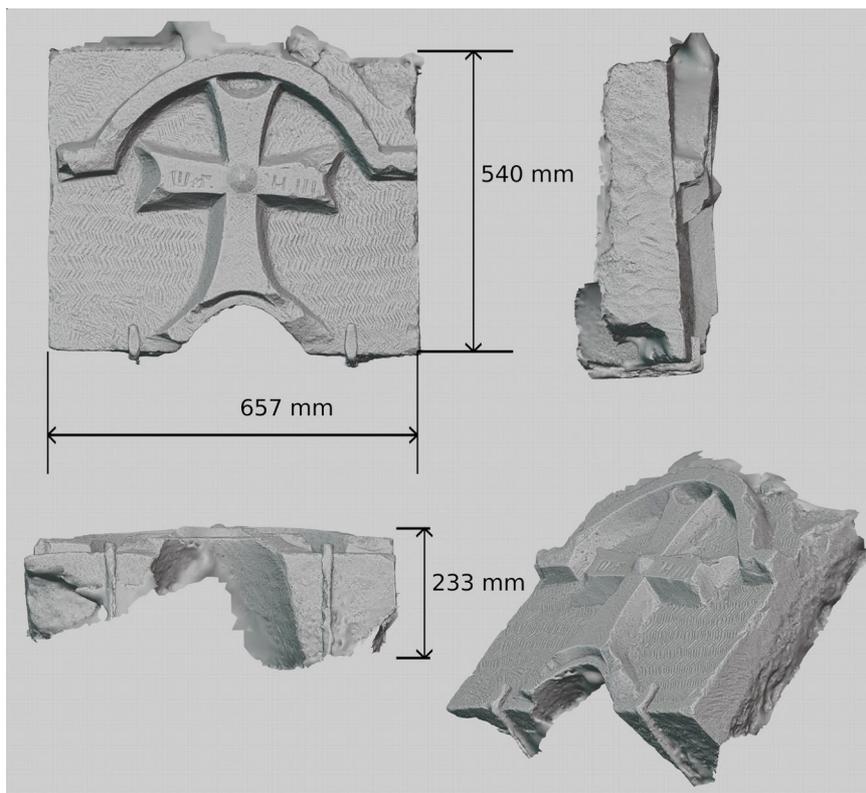

Рис. 7. Модель верхнего наличника окна с изображением креста.

Д.О. Дрыга, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова

Fig. 7. Model of the upper window frame with a cross.

D.O. Dryga, A.D. Karnaushenko, L.K. Kazennova

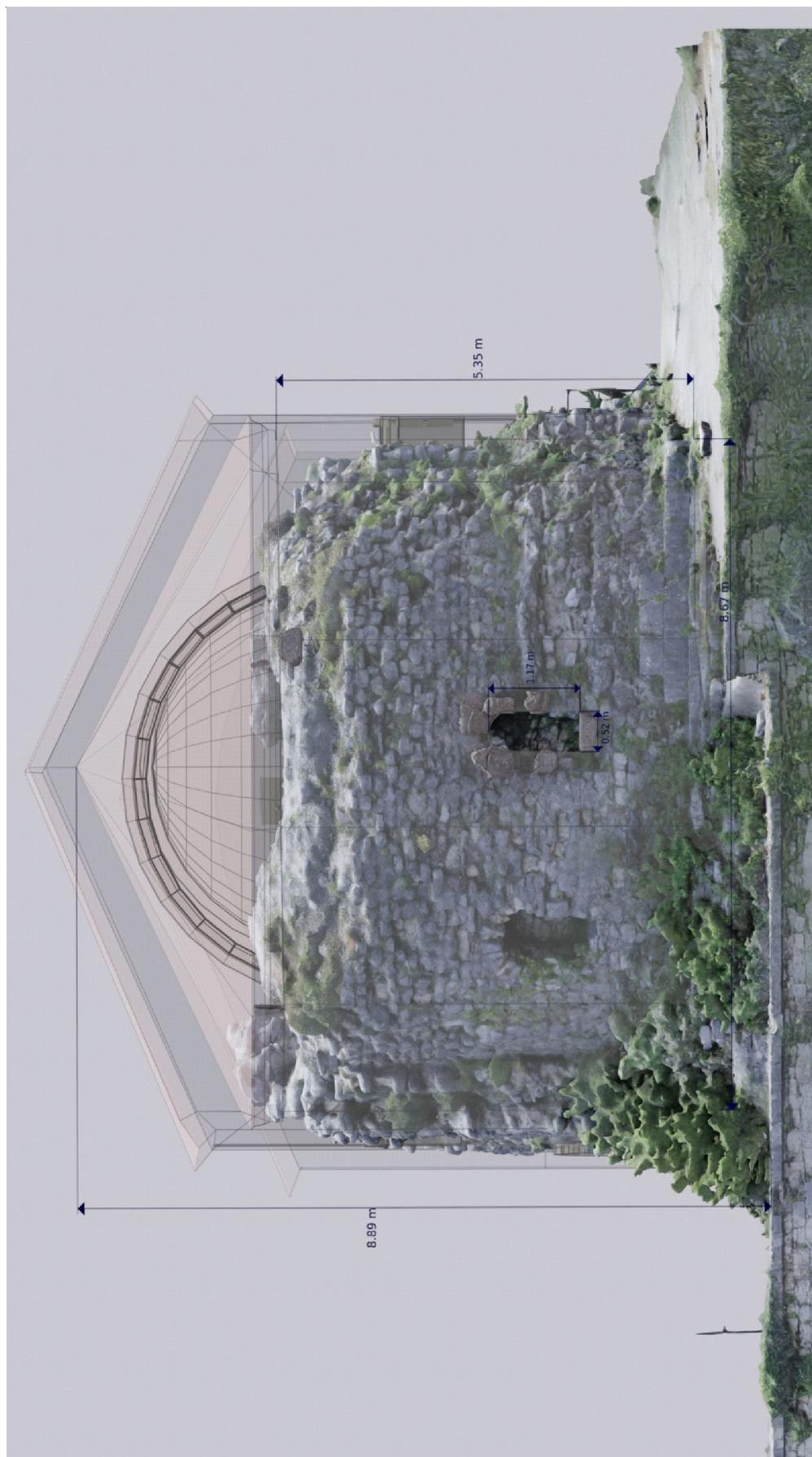

Рис. 8. Восточный фасад Верхней церкви. Реконструкция. Д.О. Дрыга, Е.Ю. Ендольцева, Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
Fig. 8. The eastern facade of the Upper Church. Reconstruction. D.O. Dryga, E.Yu. Endoltseva, E.N. Karnauschenko, A.D. Karnauschenko, L.K. Kazennova

Рис. 9. Южный фасад Верхней церкви. Реконструкция. Д.О. Дрыга, Е.Ю. Ендольцева, Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
 Fig. 9. The southern facade of the Upper Church. Reconstruction. D.O. Dryga, E.Yu. Endoltseva, E.N. Karnauschenko, A.D. Karnauschenko, L.K. Kazennova

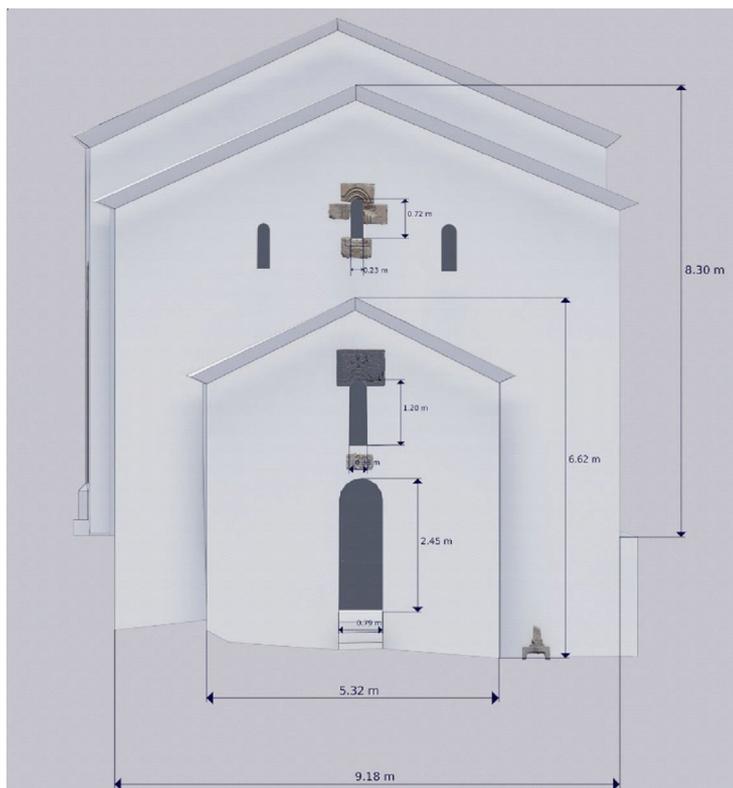

Рис. 10. Западный фасад Верхней церкви. Реконструкция.

Д.О. Дрыга, Е.Ю. Ендольцева, Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова

Fig. 10. The western facade of the Upper Church. Reconstruction.

D.O. Dryga, E.Yu. Endoltseva, E.N. Karnaushenko, A.D. Karnaushenko, L.K. Kazennova

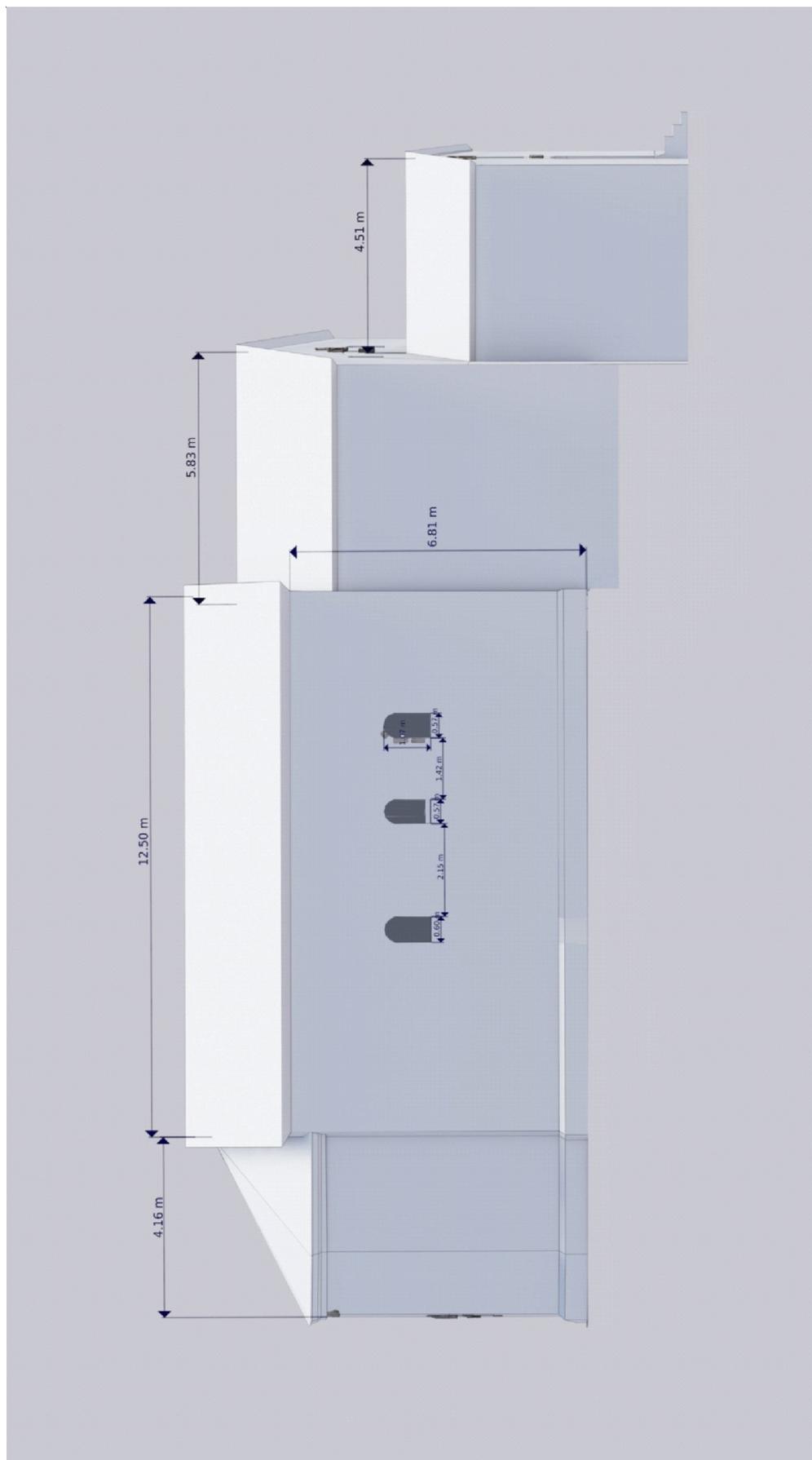

Рис. 11. Северный фасад Верхней церкви. Реконструкция. Д.О. Дрыга, Е.Ю. Ендольцева, Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
 Fig. 11. Northern facade of the Upper Church. Reconstruction. D.O. Dryga, E.Yu. Endoltseva, E.N. Karnaushenko, A.D. Karnaushenko, L.K. Kazennova

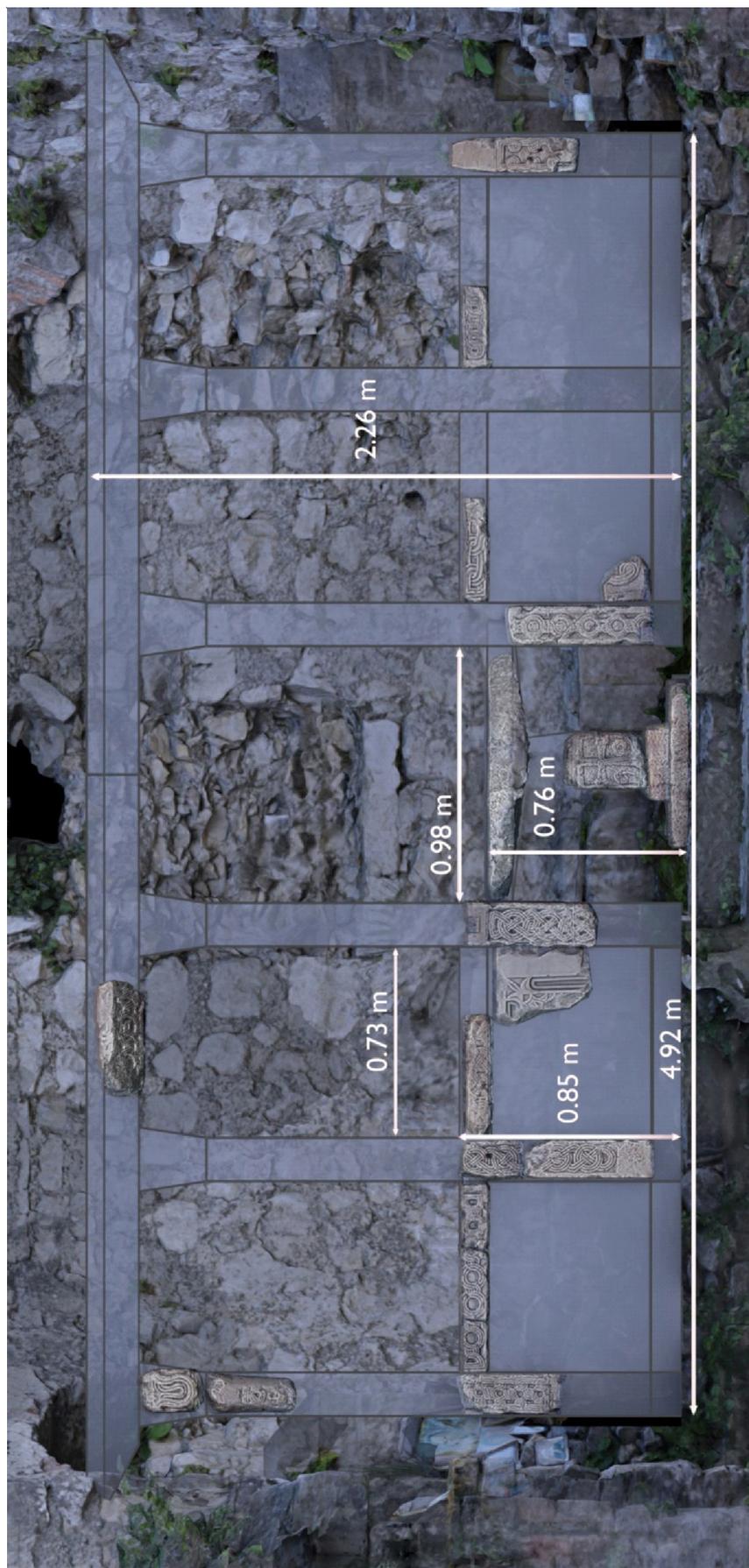

Рис. 12. Алтарная преграда и престол Верхней церкви. Реконструкция. Д.О. Дрыга, Е.Ю. Ендольцева, Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
Fig. 12. Altar barrier and throne of the Upper Church. Reconstruction. D.O. Dryga, E.Yu. Endoltseva, E.N. Karnauschenko, A.D. Karnauschenko, L.K. Kazennova

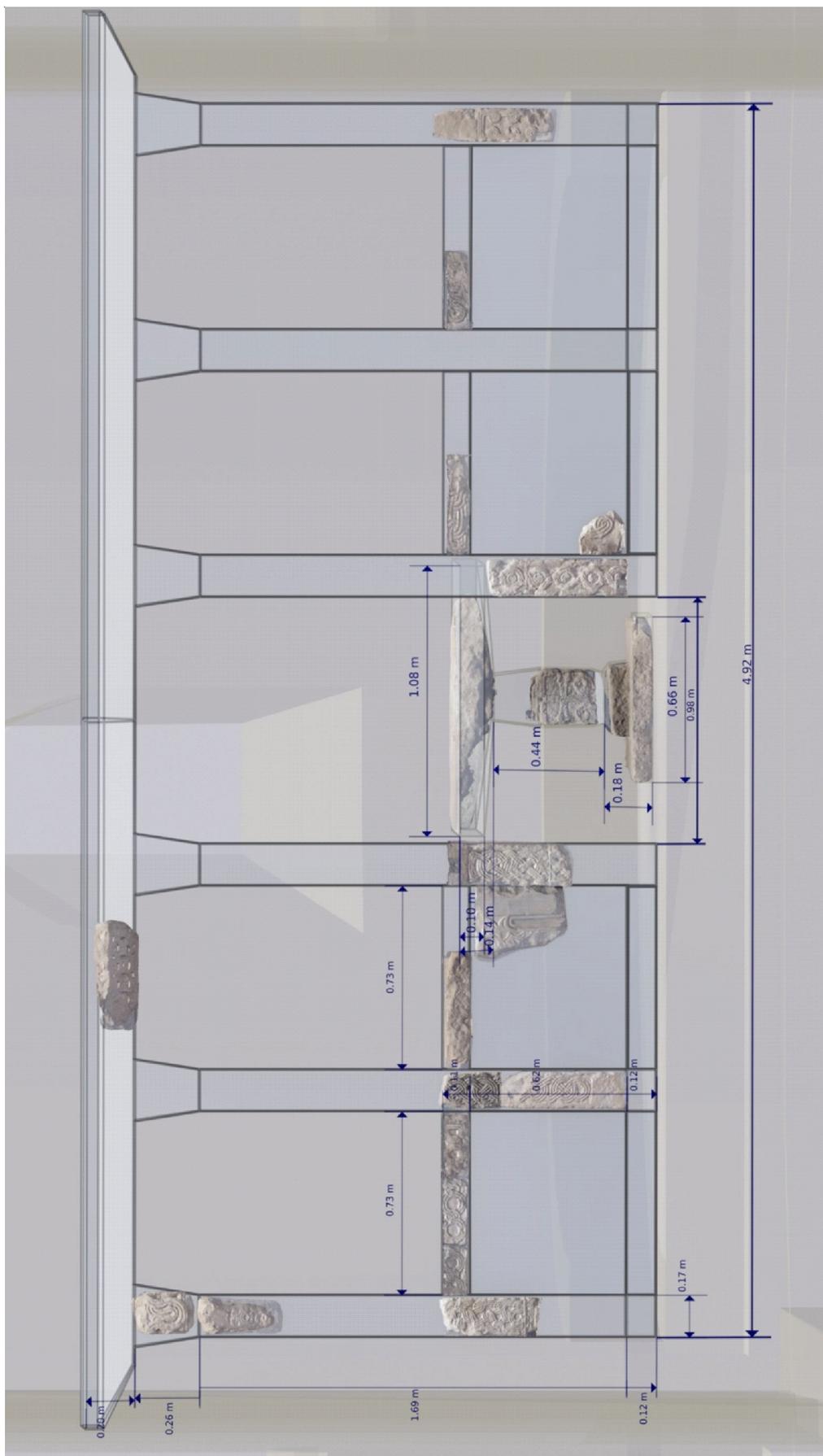

Рис. 13. Алтарная преграда и престол Верхней церкви. Реконструкция. Д.О. Дрыга, Е.Ю. Ендольцева, Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
 Fig. 13. Altar barrier and throne of the Upper Church. Reconstruction. D.O. Dryga, E.Yu. Endoltseva, E.N. Karnauschenko, A.D. Karnauschenko, L.K. Kazennova

Рис. 14. Трехмерная модель Нижнего храма. Вид с юго-востока. Реконструкция.
Д.О. Дрыга, Е.Ю. Ендольцева, Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
Fig. 14. Three-dimensional model of the Lower Church. View from the southeast. Reconstruction.
D.O. Dryga, E.Yu. Endoltseva, E.N. Karnaushenko, A.D. Karnaushenko, L.K. Kazennova

Рис. 15. Трехмерная модель Нижнего храма. Вид с северо-запада. Реконструкция.
Д.О. Дрыга, Е.Ю. Ендольцева, Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
Fig. 15. Three-dimensional model of the Lower Church. View from the northwest. Reconstruction.
D.O. Dryga, E.Yu. Endoltseva, E.N. Karnaushenko, A.D. Karnaushenko, L.K. Kazennova

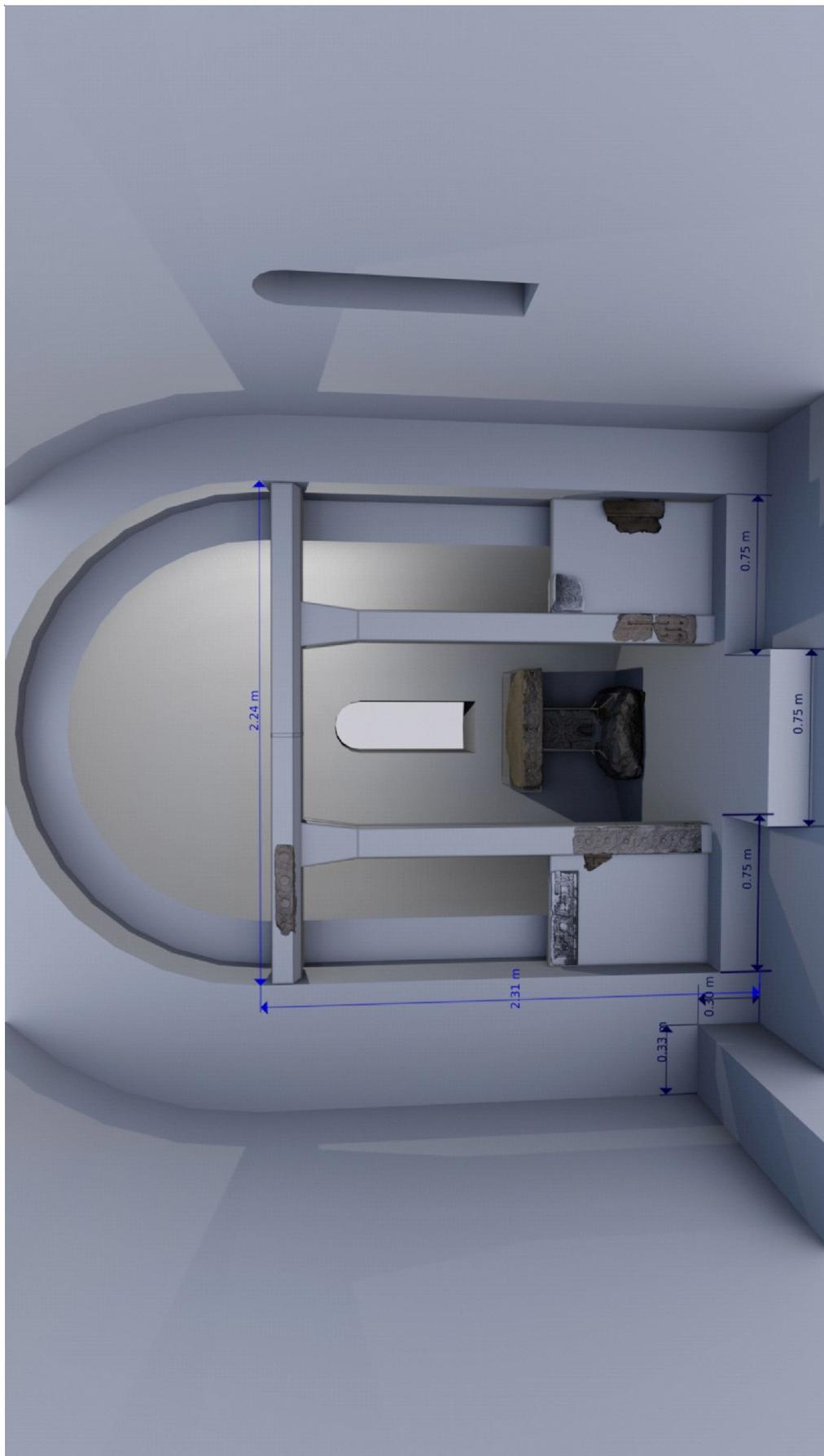

Рис. 16. Алтарное пространство Нижней церкви. Реконструкция. Д.О. Дрыга, Е.Ю. Ендольцева, Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
 Fig. 16. Altar space of the Lower Church. Reconstruction. D.O. Dryga, E. Yu. Endoltseva, E.N. Karnauschenko, A.D. Karnauschenko, L.K. Kazennova

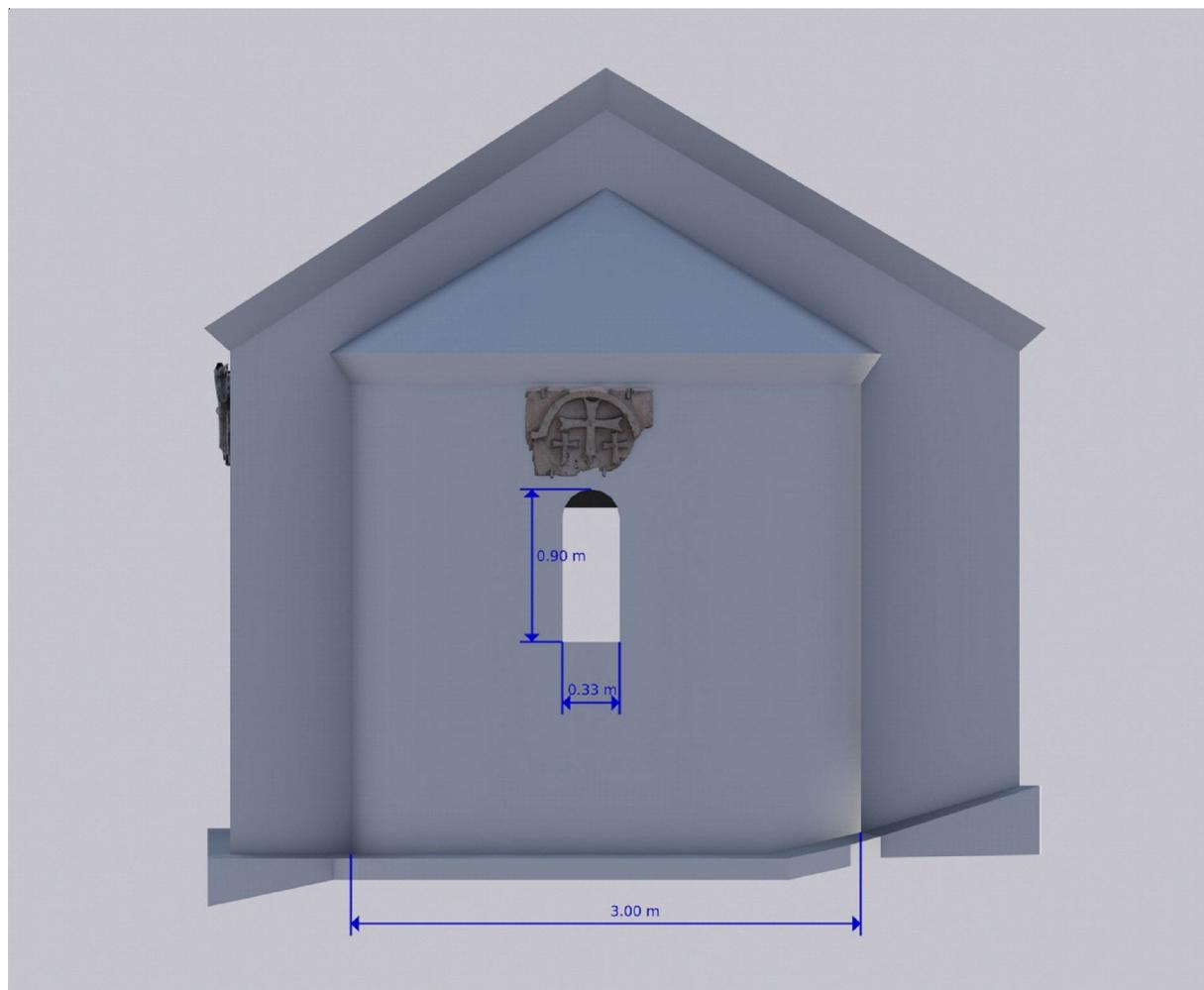

Рис. 17. Восточный фасад Нижней церкви. Реконструкция.
Д.О. Дрыга, Е.Ю. Ендольцева, Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
Fig. 17. Eastern facade of the Lower Church. Reconstruction.
D.O. Dryga, E.Yu. Endoltseva, E.N. Karnaushenko, A.D. Karnaushenko, L.K. Kazennova

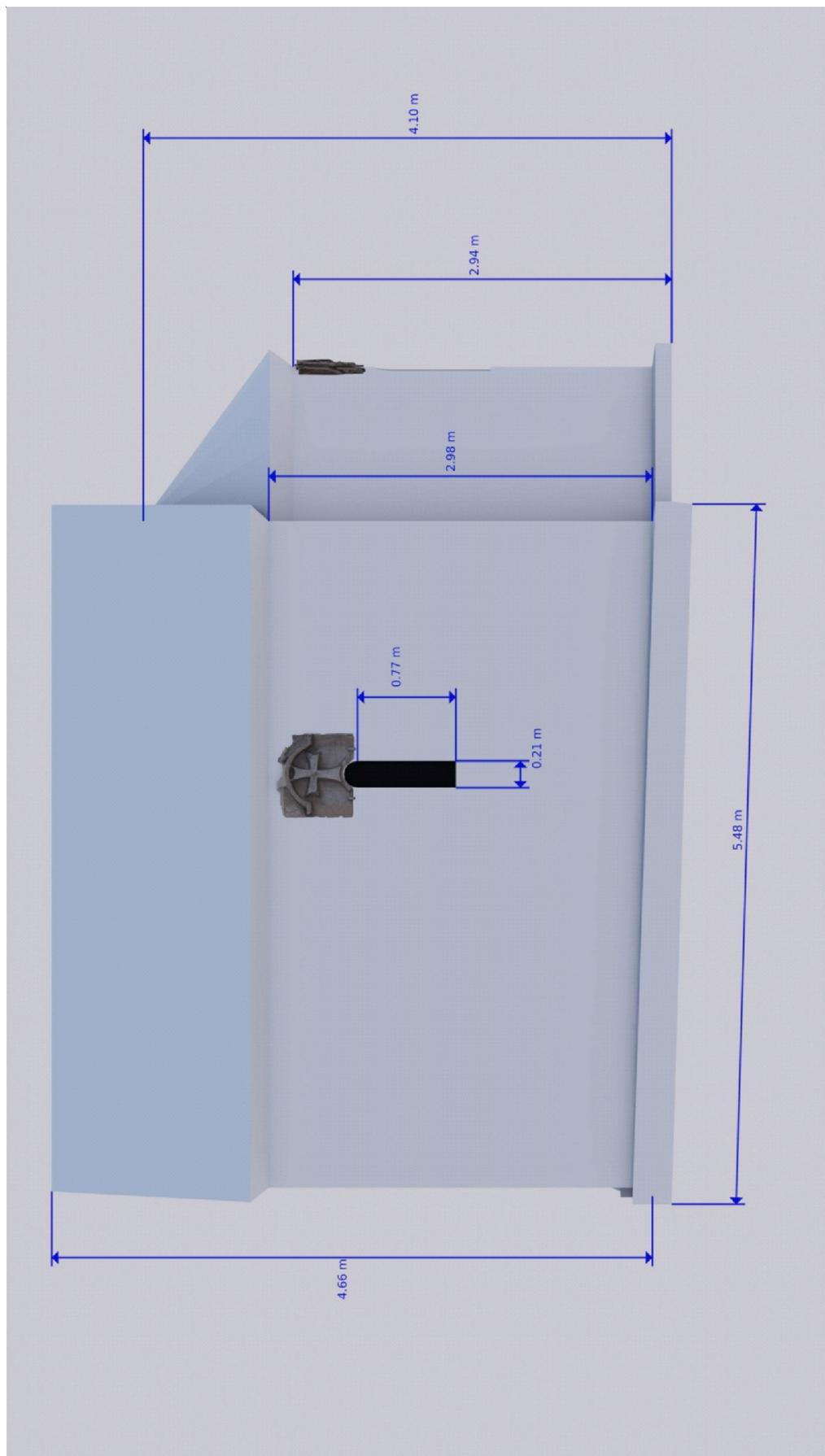

Рис. 18. Южный фасад Нижней церкви. Реконструкция. Д.О. Дрыга, Е.Ю. Ендольцева, Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко, Л.К. Казеннова
 Fig. 18. Southern facade of the Lower Church. Reconstruction. D.O. Dryga, E.Yu. Endoltseva, E.N. Karnauшенко, A.D. Karnauшенко, L.K. Kazennova

REFERENCES

1. Anchabadze Z.V. *Iz istorii srednevekovoy Abkhazii (VI–XVIII vv.)* [From the History of Medieval Abkhazia (6th – 17th Centuries)]. Sukhumi, Abgiz, 1959. 303 p.
2. Arkhimandrit Leonid (Kavelin L.A.). *Abkhaziya i ee khristianskie drevnosti* [Abkhazia and Its Christian Antiquities]. Moscow, Printing House of I. Efimov, 1887. 104 p.
3. Bgazhba O.Kh., Lakoba S.Z. *Istoriya Abkhazii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Abkhazia from Ancient Times to the Present Day]. Moscow, Abkhazia Publ., 2007. 392 p.
4. Vinogradov A.Yu., Beletskiy D.V. *Tserkovnaya arkhitektura Abkhazii v epokhu Abkhazskogo tsarstva. Konets VIII – X v.* [Church Architecture of Abkhazia in the Era of the Abkhazian Kingdom. End of the 8th – 10th Centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2015. 372 p.
5. Endoltseva E.Yu. *Arkhitekturnaya plastika Abkhazii v period Abkhazskogo tsarstva (VIII–XI vv.)* [Architectural Plasticity of Abkhazia during the Period of the Abkhazian Kingdom (8th – 11th Centuries)]. Moscow, IV RAS, 2020. 432 p.
6. Endoltseva E.Yu. Pletenny lentochnyy ornament na Kavkaze v period Makedonskoy dinastii: istoki i znachenie motiva [Braided Ribbon Ornament in the Caucasus during the Macedonian Dynasty: Origins and Significance of the Motif (Using the Example of Architectural Plasticity)]. *ByzantinoCaucasica*, 2022, vol. 2, pp. 131–158.
7. Endoltseva E.Yu. et al. Nizhnaya tserkov na gore Anakopiya (Novyy Afon, Respublika Abkhazia): opyt virtualnoy rekonstruktsii arkhitekturnogo ubranstva [Lower Church on Mount Anakopia (New Athos, Republic of Abkhazia): Experience of Virtual Reconstruction of Architectural Decoration]. *ByzantinoCaucasica*, 2023, vol. 3, pp. 65–89.
8. Endoltseva E.Yu., Bystritskiy N.I. Arkhitekturnaya plastika khristianskikh tserkvey v vostochnom Prichernomorie v X–XI vv.: vozmozhnaya popytka rekonstruktsii dekorativnoy sistemy [Architectural Plasticity of Christian Churches of the Eastern Black Sea Region of the 10th – 11th Centuries: A Possible Attempt to Reconstruct the Decorative System]. *Orientalistica*, 2022, no. 5 (3), pp. 614–631. DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-3-614-631>
9. Endoltseva E.Yu., ed. *Iskusstvo Abkhazskogo tsartstva VIII–XI vv. Khristianskie pamyatniki Anakopiyskoy kreposti* [Art of the Abkhazian Kingdom of the 8th – 11th Centuries. Christian Monuments of the Anakopia Fortress]. Saint Petersburg, Publishing House of RKhGA, 2011. 272 p.
10. Latyshev V.V. K istorii khristianstva na Kavkaze. Grecheskie nadpisi Novoafonskogo monastyrya [On the History of Christianity in the Caucasus. Greek Inscriptions from the New Athos Monastery]. *Kollektsiya arheologicheskikh statej, podnesennih grafu A.A. Bobrinsky* [Collection of Archaeological Articles Presented to Count A. A. Bobrinsky]. Saint Petersburg, V.F. Kirshbaum printing house, 1911, pp. 169–198.
11. Rcheulishvili L. Kompozitsiya iz trekh krestov v arkhitekturnom dekore gruzinskikh khamov srednevekovya [Composition of Three Crosses in the Architectural Decoration of Georgian Churches of the Middle Ages]. *4 Mezhdunarodnij symposium po gruzinskomu iskusstvu* [The 4th International Symposium on Georgian Art]. Tbilisi, Metsniereba, 1983, pp. 1–14.
12. Trapsh M.M. *Trudy. T. IV: Materialy po arheologii srednevekovoj Gruzii* [Proceedings. Vol. 4. Materials in Archaeology of Medieval Abkhazia]. Sukhumi, Alashara Publ., 1975. 227 p.
13. Uvarova P.S. *Khristianskie pamyatniki Kavkaza* [Christian Monuments of the Caucasus]. Moscow, A.I. Mamontov Printing House Partnership, 1894. 197 p. (Materialy po arheologii Kavkaza [Materials in Archaeology of the Caucasus]; vol. IV).
14. Khrushkova L.G. *Skulptura rannesrednevekovoy Abkhazii 5–10 vekov* [Sculpture of Early Medieval Abkhazia. 5th – 10th Centuries]. Tbilisi, Metsniereba, 1980. 127 p.
15. Khrushkova L.G. *Vostochnoe Prichernomorie v Vizantiyakuyu epokhu. Istoriya. Arkhitektura. Arkheologiya* [Eastern Black Sea Region in the Byzantine Era. Story. Architecture. Archaeology]. Kaliningrad; Moscow, Publishing House “ROS-DOAFK”, 2018. 480 p.
16. Shmerling R. *Malye formy v arkhitekture srednevekovoy Gruzii* [Small Forms in the Architecture of Medieval Georgia]. Tbilisi, Publishing House of the Acad. of Sciences of the Georg. SSR, 1962. 293 p.
17. Seibt W., Jordanov I. Stratigòs Sotiriou póleos kav Anakoúpis. Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abchasien (11. Jahrhundert). *Studies in Byzantine Sigillography*, 2006, vol. 9, pp. 231–239.

Information About the Authors

Ekaterina Yu. Endoltseva, Doctor of Sciences (History of Art), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozdestvenka St, 12, 107031 Moscow, Russian Federation, kat345@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1558-2819>

Nikolay I. Bystritskiy, Head of the Laboratory of Complex Digital Technologies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka St, 12, 107031 Moscow, Russian Federation, nbystritskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9002-4804>

Daniil O. Dryga, Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Department of Mechanics and Control Processes, RUDN Engineering Academy, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, hopkuh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0557-2481>

Liubov K. Kazennova, Research Assistant, Center for Historical and Archaeological Research of the Crimea and the Mediterranean of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozdestvenka St, 12, 107031 Moscow, Russian Federation; Specialist, Research Laboratory "Digital Technologies in Historical and Archaeological Research", Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, kazennova.lyubov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9982-8620>

Alexander D. Karнаushenko, Research Assistant, Center for Historical and Archaeological Research of the Crimea and the Mediterranean, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozdestvenka St, 12, 107031 Moscow, Russian Federation; Specialist of the 1st Category, Research Laboratory "Digital Technologies in Historical and Archaeological Research", Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, scad.luncher@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-6592-6276>

Ella N. Karнаushenko, Specialist, Research Laboratory "Digital Technologies in Historical and Archaeological Research", Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, yellika@gmail.com, <https://orcid.org/09-0005-3634-5865>

Информация об авторах

Екатерина Юрьевна Ендольцева, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация, kat345@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1558-2819>

Николай Игоревич Быстрицкий, заведующий лабораторией комплексных цифровых технологий, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация, nbystritskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9002-4804>

Даниил Олегович Дрыга, кандидат технических наук, доцент кафедры механики и процессов управления Инженерной академии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, hopkuh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0557-2481>

Любовь Константиновна Казеннова, лаборант-исследователь, Центр историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация; специалист научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, kazennova.lyubov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9982-8620>

Александр Дмитриевич Карнаушенко, лаборант-исследователь, Центр историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация; специалист 1-й категории научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, scad.luncher@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-6592-6276>

Элла Николаевна Карнаушенко, специалист научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, yellika@gmail.com, <https://orcid.org/09-0005-3634-5865>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.7>

UDC 94(495)“12/14”
LBC 63.3(0)4

Submitted: 31.05.2024
Accepted: 09.09.2024

CAFFA'S SHIPBOARD SOCIETIES IN A CRISIS SITUATION IN THE 14th CENTURY ¹

Alexander G. Emanov

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Abstract. The article deals for the first times with the shipboard societies in the outermost periphery of the Latin Romania in global crisis of 14th century, is analyzed the collection of Caffa's notarial acts from 1343–1344, 1371, 1381–1382 and 1394–1395, are involved Roman civil law of Justinian, Greek names and toponyms databases, “Digital Tabula Imperii Byzantini”, Greek sailors graffiti, are very significant changes in the activities of the shipping communities – increase the role of Greeks as vessels patrons; appearance of women among ship owners, that it was impossible in the preceding centuries; sailing without owner; possibility of implementing life of Greek fisherman and other. The method of case study was used for the research; the cases were “ship under a women”, “women's ship”, “Pontic ship”, “ship without owner”, “fisherman's property”. *Funding.* The research is part of the project “The Phenomenon of maritime Navigation in Cultures of Premodern: the Contract with Sea, Models and Practices”, funded by the Russian Science Foundation (grant RSF N 23-28-01592).

Key words: shipboard societies, Pontic Greeks, “ship under a women”, “women's ship”, “Pontic ship”, “ship without owner”, “fisherman's property”.

Citation. Emanov A.G. Caffa's Shipboard Societies in a Crisis Situation in the 14th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 99–118. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.7>

УДК 94(495)“12/14”
ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 31.05.2024
Дата принятия статьи: 09.09.2024

КОРАБЕЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА КАФЫ В СИТУАЦИИ КРИЗИСА XIV ВЕКА ¹

Александр Георгиевич Еманов

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые рассматриваются корабельные сообщества самой отдаленной периферии Латинской Романии в условиях глобального кризиса XIV в., анализируются массивы нотариальных актов Кафы 1343–1344, 1371, 1381–1382 и 1394–1395 гг., привлекаются свод римского гражданского права Юстиниана, базы данных греческих имен и топонимов, ЭБД Tabula Imperii Byzantini, граффити греческих моряков, выявляются весьма существенные изменения в деятельности корабельных сообществ – увеличение роли греков в качестве патронов судов; появление женщин среди судовладельцев, что было невозможно в предшествующие столетия; плавание судов без владельцев; возможности реализации жизненной судьбы греческого рыбака и др. В качестве метода исследования используется кейс-стади; рассмотрены кейсы – «корабль под женским попечительством», «женский корабль», «понтийский корабль», «корабль без владельца», «достояние рыбака». *Финансирование.* Исследование выполнено в рамках проекта «Феномен морских плаваний в культурах преמודерна: контракт с морем, модели и практики», финансируемого Российским научным фондом (грант РНФ № 23-28-01592).

Ключевые слова: корабельные сообщества, понтийские греки, «корабль под женским попечительством», «женский корабль», «понтийский корабль», «корабль без владельца», «достояние рыбака».

Цитирование. Еманов А. Г. Корабельные сообщества Кафы в ситуации кризиса XIV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 99–118. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.7>

Введение. Проблема корабельных сообществ в Средние века только в самое последнее время стала привлекать внимание исследователей [46, р. 43–44]. Таковые складывались на борту морских судов, непрерывно курсировавших от одного порта к другому, лишь на короткое зимнее время замиравших в своем неостановимом борении с морской стихией. Они включали в себя не только судовые команды (*sciurme*), уже рассмотренные в медиевистике [48, р. 95–112], но и всех тех людей, кто оказался на борту, – торговых агентов, экспедиторов, курьеров, паломников и просто пассажиров, поскольку объединявшим их началом был общий ритм жизни судна, вовлеченность в общие усилия по спасению морского транспорта в критической ситуации. Изучение таких сообществ принципиально важно для понимания особой природы групповой солидарности людей морской стихии, их естественной предрасположенности, с одной стороны, к демократическим принципам, а с другой – к предводительству яркого лидера, капитана, ведающего тайны движения морских вод, воздушных потоков и небесных светил, их привязанности к традиции, многовековому опыту и наследию предшествовавших поколений мореходов и одновременно редкой открытости новому. Люди морской стихии слишком отличались от обитателей земной тверди. Уже самой походкой вразвалку, выработанной для уравнивания постоянной качки судна, брюками из непромокаемой парусины² они сразу выделялись среди обычных людей. Море налагало неизгладимую печать на облик моряка. Ему были ведомы невыразимые красоты, крепкие напитки и острые яства, самобытные бани и публичные дома крупнейших портовых городов трех континентов Старого Света; он не раз оказывался на грани жизни и смерти и посему обладал уникальной способностью принимать нетривиальные решения, спасительные для всей команды.

Корабельные сообщества в силу своей космополитичности оказались наиболее динамичными не только в пространственном плане, но и социальном. Они легко изменялись в ситуации глобальных катаклизмов, которые поразили Старый свет с середины XIV века. Среди них надлежит выделить и тектоничес-

кий разлом между плитами, на которых размещались континенты Европа, Азия и Африка, сопровождавшийся землетрясениями и извержениями вулканов [41]; и начавшееся похолодание, напоминавшее Ледниковый период [73]; и деградацию теплолюбивой флоры и фауны [24]; и демографическую катастрофу, вызванную Великой пандемией, «черной смертью», чумной бактерией “*Yersinia pestis*” [59]; и ухудшение экономической конъюнктуры в международном обмене, особенно между Западом и Востоком [6]; и нарастание социальных антагонизмов между богатыми и бедными; и развертывание политических конфликтов, самыми заметными из каковых стали войны между Византией и Генуэзской республикой, между новыми талассократиями Венеции и Генуи [13]; между республиками Сан-Джорджо и Сан-Марко, с одной стороны, и Золотой Ордой – с другой [8, р. 89–172]. Проблема кризиса вызывает острые дискуссии. Тенденции демографического спада наметились на Западе еще в первые десятилетия XIV в., но торговля в 1320–1330-е гг. в Восточном Средиземноморье еще сохраняла поступательные тренды; по убедительным доводам С.П. Карпова, академика РАН, заведующего кафедрой истории Средних веков МГУ, в Причерноморье не было признаков спада еще в начале 1340-х годов. Волна депрессии шла с Востока на Запад, но в 1360-е гг. стала идти с Запада на Восток [6].

Как раз активная реакция корабельных сообществ на внешние кризисные вызовы и приобретает особую актуальность в предпринимаемом исследовании. Невыявленность таковых в предшествующей историографии и не позволяла выйти на новый уровень решения глубоких проблем не только выживаемости, но и поступательного развития общества в условиях глобального кризиса. Поэтому даже в самых лучших работах предшественников, в частности, Герассимоса Пагратиса [52], профессора департамента итальянского языка и литературы Афинского университета им. Иоанниса Каподистрия, развивались идеи абсолютной монополии итальянских судовладельцев на дальние плавания в Средиземноморье и ограниченности греческого судовладельческого предпринимательства региональными и локальными рамками, где греки лучше

знали местные особенности, языки и традиции; или в публикациях Невры Неджиполлу [50], профессора департамента истории Босфорского университета, высказывалась мысль о частичном возрождении греческой морской торговли в XIV веке. На деле изменения носили гораздо более радикальный характер.

Корабельные сообщества Кафы в XIV в. в отражении источников. В ситуации масштабного кризиса XIV в. массив частных правовых документов Кафы сократился едва ли не в 10 раз по сравнению с концом XIII в., когда в городе работал нотариус Ламберто ди Самбучето [15]. Историки располагают коллекциями нотариальных актов Николо Бельтраме, сcribes кафской курии 1343–1344 гг., совмещавшего частную нотариальную практику с обязанностями протоколирования судебных казусов (86 актов). Они были опубликованы в основном Джованни Бальби [17] и с единичными дополнениями Лаурой Баллетто [7, р. 177–256; 21], профессорами медицины Генуэзского университета. В распоряжении исследователей имеются также акты и опись продававшегося с аукциона имущества, составленные Рикобоно де Боццоло, писцом курии Кафы 1371 г. (3 акта) и опубликованные той же Баллетто [7, р. 229–246; 18, р. 200–235]; акты Николо де Беллиньяно, работавшего в Кафе в той же должности в 1381–1382 гг. (59 актов), изданные в значительной степени Габриэлой Айральди [14, р. 45–104], профессором средневековой истории Генуэзского университета, и с небольшими обновлениями Лаурой Баллетто [7, р. 246–256; 19]; акты Бартоломео ди Паверио, владевшего нотариальной конторой в Кафе в 1394–1395 гг. (19 актов), один из которых был представлен еще в конце XX в. Джан-Джакомо Муссо [49, р. 249–250], профессором кафедры истории педагогики Генуэзского университета, и Марией Якопино, остальные же Лаурой Баллетто [7, р. 257–303; 20] уже в XXI веке.

Первой естественной формой идентификации корабельных сообществ выступал, конечно же, тип судна: гребное или парусное, большого водоизмещения или малого. От этого напрямую зависели количество моряков на борту корабля, число агентов, сопровождавших грузы компаний, торговых обществ, характер труда и отдыха корабельных команд,

организации вахт, трапез и др. В указанных актах фигурировали передовые типы судов, вызванные к жизни революцией в навигации той эпохи [72] – круглые парусные кокки [17, р. 40, 79–80], которым суждено будет открыть Новый Свет [51], леньо (*lignum*) [17, р. 31, 52–54, 56–58, 60–63, 68–69, 112–114, 129–133; 22, р. 137–138], те же леньо с леерными ограждениями по бортам (*lignum de orlo*) [17, р. 112–114; 30, р. 932–933], длинные гребные галей [17, р. 33–35; 40, р. 174–177]. Совершенно не упоминались малые суда, начисто пропали тариды [26, р. 162], довольно часто использовавшиеся в предшествовавшее столетие. Отсутствие барок, сандалов, бусов [40, р. 175–176] можно еще как-то объяснить изменившимся характером документов: они связаны не столько с оформлением торговых сделок, сколько с судебными претензиями и разбирательствами, когда споры владельцев малых судов просто не доходили до судебной курии Кафы, разрешались в изустной форме администраторами порта. Разумеется, реальная жизнь без маломерного морского транспорта не обходилась.

Образ судна, выполненный графически, и выступал наиболее ранним знаком идентичности корабельных сообществ. Таковые встречаются в граффити моряков из Чембало (Балаклава) [1, р. 189], уже с 1341 г. попавшего в орбиту влияния Кафы, где начала работать верфь, строились суда на средства кафской коммуны [5, р. 10], в Каламите (Инкерман) [10, р. 592], также оказавшейся в сфере интересов кафских мореходов, в Солдае, подчинившейся Кафе в 1365 г. [11] и др. [12, р. 335]. Сами граффити отражали сакральную коммуникацию моряков с Богом [61]. Совмещенность рисунков с грецизмами определенно говорит об их причастности к греческой культуре. Среди них приведены почти два десятка средств плавания: от совсем небольших рыбацких лодок – до нав (рис. 1). В каламитском монументальном «корабельном каталоге» на самом верху представлена бусонава [40, р. 176], гибридный тип судна, ориентированный на эталонные качества навы. Ниже приведена как раз сама нава со всеми ее характерными признаками – высокими баком на носу и ютом на корме, поднятым вверх бушпритом, мачтой, реями, где устанавливался

квадратный «норманнский» парус поперек корабельного корпуса, гафолью вдоль корабля, где разворачивался треугольный «латинский» парус, вантами, канатными лестницами, штагами, канатами, и марсом, корзиной для вперёдсмотрящего матроса. Ещё ниже уверенной рукой корабельного мастера вычерчен галеас [40, р. 174], приметам которого являлись клюзы, отверстия в борту для весел. По другим признакам он сблизился с навой – высокий бак с высоко поднятым бушпритом, двухпалубный ют со стационарным рулем, которым управляли с помощью тросов, две мачты для квадратных парусов, на грот-мачте прикреплялась и гафоль для треугольного паруса (рис. 1–2). Последний рисунок выразительно показывал, что гребной тип судна трансформировался в сторону круглого парусного корабля.

Уже акты Николо Бельтраме 1343–1344 гг. [17] отражали последние инновации в использовании морского транспорта. В Кафе появились кокки [17, р. 40, 79–80], самые крупные круглые суда той эпохи, способные вмещать груз до 1000 т. На гребных судах прежняя система «дзеньдзинь», когда один гребец управлял одним веслом, сменилась более прогрессивной системой «скалоччо», когда одним веслом управляли несколько гребцов [26, р. 161]. Весла удлиннились до 12–14 м, потяжелели до 130–160 кг, скорость увеличилась до 10 узлов (почти 18 км / час), правда на относительно короткое время, на треть часа, после чего требовалась не меньшая пауза для восстановления дыхания и сил. Кафская галера «Санта Мария» включала в состав команды 174 гребца [17, р. 33–35], по три гребца на одной скамье и на одном весле, по 29 скамей с каждого борта. Помимо гребцов, были еще палубные и вантовые матросы (30 чел.), балистарии для защиты судна (12 чел.), командный состав (комит, командир корабля, субкомит, его помощник, патрон, судовладелец, владевший основной долей судна, присяжные патроны, советники патрона, сенешалк, распорядившийся корабельным имуществом, навклеры, штурманы, всего до 20 чел.), специалисты (скриба, писец, субскриба, его помощник, священник, врач, лоцман, два повара, два – три музыканта, плотник, конопатчик, еще 12 чел.). Вся корабельная команда такой

галери составляла до 250 человек. Команды круглых судов были существенно меньше, на внушительных кокках порядка 70–80 моряков, а на леньо – в пределах 40 [48, р. 95–112]. К ним нужно добавить примерно столько же попутчиков. Таков масштаб корабельных сообществ.

Количество судов также уменьшилось почти в 10 раз в сравнении с данными минутария Ламберто ди Самбучето 1289–1290 гг. [15]. В актах Кафы 1343–1344 гг. Николо Бельтраме упоминались 10 леньо [17, р. 23, 25, 28, 31, 52–54, 61, 68, 69, 89, 112, 129–132], 2 кокки [17, р. 40, 79–80], 1 галера [17, р. 33–34] и 1 леньо с леерными бортами [17, р. 62] (рис. 3). По данным книги казначейства Кафы, массария 1374 г., на содержании коммуны находились 7 вооруженных судов – 2 галеры, галеота, памфила, барка и моносила [43, fol. 7r, 9r, 15v, 35v, 54v, 56v, 185r]. Однако в эти счета не попадали частные торговые суда.

Несмотря на осаду Кафы армией хана Джанибека в 1343–1347 гг. [29; 75], морская жизнь этого крупнейшего порта Черноморья отнюдь не прервалась. Кафские суда продолжали ходить в крымские гавани Воспоро и Солдайю, Чембало и Салины, кипчакские бухты Провато и Сан-Джорджо, к морскому терминалу Азакского улуса Тане и морским вратам Мегрельского мтаварства Савастополю, до столичного талассополиса империи Великих Комнинов Трапезунда и морских пристанищ Румского султаната Синопа и Симиссо, в ромейский мегаполис Константинополь и его латинский двойник на другом берегу залива Золотой Рог Перу³ (рис. 4). Не прекращалась и дальняя морская коммуникация за проливом Босфором и Дарданеллами – с латинской синьорией Негропонтом на острове Эвбее и ромейской Монеувасией на Пелопоннесе, королевством Лузиньянов на Кипре и мамлюкской Сирией, анжуйским Неаполем и окситанской Аква Морта, с тосканской Пизой и лигурийской Савоной, с крупнейшими талассократиями той эпохи Генуей и Венецией⁴ (рис. 5).

Другой формой идентификации корабельных сообществ было отождествление команды по имени владельца, которому принадлежала решающая доля собственности корабля. Отсюда получили широкое распространение формулировки наподобие «леньо Конра-

дино Аккурсо» [17, р. 68] или просто «леньо Аккурсо». Среди судовладельцев в Кафе 1343–1344 гг., что вполне предполагаемо, были лигурийцы и генуэзцы [17, р. 23–26, 31, 33–35, 40–41, 52–54, 56–58, 60–63, 67–69, 79–80, 88–89, 112–114, 129–133], однако вопреки ожиданиям встречались окситанцы и валенсийцы⁵. Собственниками являлись и сирийцы [17, р. 23–26], и сарацины [17, р. 60–63], и на редкость значительная доля греков [17, р. 23–26, 28, 112–114, 129–133] (рис. 6). Если итальянцы удостаивались весьма пристального внимания медиевистов [16; 33], то греки до сих пор оказывались в неоправданном забвении.

Кейс «Корабль под женским попечительством». Максима «женщина на корабле – к несчастью» прожила вплоть до XX века. Нормы «Свода римского гражданского права» Юстиниана, активная рецепция которого на Западе началась с XII в., четко фиксировали: «...обычаем отнято у женщин выполнение гражданских обязанностей...»; «...было запрещено вступление женщин в обязательства своих мужей...»; «...не является справедливым выполнение ими мужских обязанностей и подчинение их обязательствам этого рода...»; «...женщине не разрешается быть представителем ни мужа, ни сына, ни отца...» (CIC, DI, l. XVI, t. I, 1–3) [36, р. 376–378; 47, р. 205]. Однако бурная и стремительно менявшаяся жизнь Кафы XIV в. вносила в эти незыблемые нормы свои коррективы.

Никколо Бельтраме зафиксировал примечательный акт от 4 июля 1344 г. [17, р. 112–114]. Он отразил перипетии половины леньо с леерными бортами «Св. Георгий», каковой принадлежал покойному Анджелино Колумбу из Рапалло, женатому на Янине⁶, определенно гречанке, и имевшему от нее сына Янина. Последнего вполне можно считать гасмулом [42], потомком смешанного латинско-греческого брака. Янина, должно быть, происходила из Чембало, поскольку там от ее имени и имени сына была выдана доверенность генуэзскому гражданину Паоло де Подио на ведение различных дел; соответствующий акт был оформлен действовавшим в Чембало генуэзским нотариусом Ролландино Саличето в церкви Св. Марии на острове еще тремя годами раньше (2 июня 1341 г.); ссылка на него приводилась в рассматриваемом документе;

таковая делалась на основе предъявления подлинника, или аутентичной копии акта от 2 июня 1341 года. После смерти мужа, каковая произошла, вероятнее всего, в том же 1341 г., что и потребовало от Янины отъезда из Кафы в Чембало к родственникам, возможно, еще живым родителям, вдова совместно с сыном Янином вступила по прошествии года в наследство половиной корабля и еще в течение двух лет получала доходы от его использования. Другой половиной владел Коста Зальма⁷, в греческом происхождении которого нет сомнений. Хотя его доля формально равна доле Янины, именно Зальма, вероятнее всего, реально управлял леньо, находясь на его борту, который, по обычаю, должен был обозначаться «леньо Зальмы». Янина же управляла кораблем, не покидая родительского дома в Чембало. Сын Янин вполне мог и непосредственно участвовать в плаваниях на данном леньо, проходя необходимую школу мореходства. По-видимому, он еще не достиг 25 лет, не обрел полной самостоятельности, поэтому его сделки по отчуждению собственности требовали присутствия и согласия попечителя (CIC, DI, l. IV, t. IV, 1) [35, р. 452–453; 47, р. 56], то есть матери. Жизненные обстоятельства побудили мать и сына продать свою половину судна через посредничество Паоло де Подио. Продажа состоялась 4 июля 1344 г. в Кафе, покупателем стал Василий из Порты⁷, тоже, очевидно, грек. Цена продажи составила 12 соммо 22 саджо и 1 кварту серебра, взвешенного по весовым стандартам Кафы. За такую сумму можно было в течение шести лет арендовать дом с участком земли в самом центре Кафы, в каструме [17, р. 54–56]. Доверенное лицо Янины и Янина в день сделки получили в кафском банке Оливерьо де Кастильоне большую часть оговоренной стоимости леньо – 11 соммо, переведенные Георгием из Порты, братом Василия, покупателем судна.

Относительно остатка суммы картулярий кафской курии не сохранил никаких данных. Но и доступный историкам фрагмент позволяет сделать весьма значимые наблюдения: на протяжении двух-трех лет женщина-гречанка выступала в качестве попечителя при своем сыне, гасмуле, не достигшем полной самостоятельности, в управлении леньо

с леерными бортами «Агиос Георгиос», совершавшем рейсы в черноморском регионе.

Кейс «Женский корабль». Еще более выразительный пример женского судовладения дает нотариальный акт от 19 июля 1344 г. [17, р. 129–133]. Он касался распоряжения половиной леньо «Агиос Николаос». По-видимому, в соответствии с последней волей завещателя (документ не сохранился, но его условия относительно половины корабля могут легко реконструироваться), первоначального собственника полсудна Рикардо Кастанья, она была поделена после его смерти между наследниками в следующих долях: 1 карат был определен супруге-вдове, матери, опекуну и попечителю совместных детей – Смеральде⁹, надо думать, гречанке; 1,5 карата достались сыновьям – Венедикту, Персивалю и Туману, по 0,5 карата на каждого, гасмулам, двое из которых носили латинские имена, а один – левантийское; 9 каратов переданы дочерям – Каталине, Элиане и Харментизии¹⁰, носившим греческие имена и сохранившим, надо полагать, связь с греческой церковью, по 3 карата на сестру. Меньшие доли сыновьям объяснялись тем, что они были взрослыми, способными уже зарабатывать, и наследство было для них дополнительным бонусом. И наоборот, большие доли дочерям мотивировались их еще малым возрастом, неготовностью зарабатывать самим, потребностями в воспитании, образовании и, самое существенное, в приданном для устройства будущего замужества. Через год после смерти владельца наследники вступили в права на свои доли в корабельной собственности. Сыновья почти сразу же продали свою совокупную долю с согласия матери, что говорит о том, что им еще не было 25 лет. Покупателем выступил генуэзец Бернабове Империаале. Две дочери, Каталина и Элиана, еще не достигли половой зрелости, каковая определялась, согласно «Дигестам» Юстиниана, порогом в 12 лет. Они, стало быть, находились под опекой матери, и сделки от их имени могла совершать только мать, Смеральда. Третья дочь, Харментизия, уже преодолела это ограничение, как провозглашалось в «Дигестах»: «...если девушке исполнилось 12 лет, то опека прекращается...» (CIC, DI, I. XXVI, t. V, 13) [37, р. 417; 47, р. 338]. Опека перехо-

дила в попечительство. Находившаяся под таким могла уже от своего имени совершать сделки, но с согласия попечителя. Доли дочерей тоже были проданы, причем тому же Бернабове Империаале за 61 соммо и 3 караты серебра по весовым стандартам Кафы, за весьма высокую цену. На вырученные деньги можно было купить 8 домов с участками земли в Кафе [17, р. 87–88], каждому из детей по дому и еще два дома для матери.

Известны совладельцы остальной половины судна – Арманино Фатинанти (6 каратов) и Даньяно Пелегрини (3,5 карата), суммарно 9,5 каратов. В действительности, совокупная доля под управлением Смеральды была выше – 10,5 каратов. А это означало, что ее голос определял, какие грузы, в каком объеме, в каких направлениях и по какому фрахту могли перевозиться на названном судне. По сути, в бытовом обиходе оно должно было называться «леньо Смеральды». Ее доля не попала в предмет отчуждения, вообще не упоминалась в акте, что первоначально рождает мысль об ошибке нотариуса в расчетах, потерявшего одну долю корабля в 1 карат. На деле, эта доля по умолчанию оставалась за Смеральдой. Она сохранила статус патронессы после отчуждения долей детей, а значит, осталась причастной к управлению судном и навигационному бизнесу.

К уникальному сюжету судовладелицы прекрасной иллюстрацией может послужить образ женщины с морскими песочными часами, отмерявшими корабельные вахты, знаком реального управления судном, на фреске Амброджо Лоренцетти из дворца республики Сиены того же времени (рис. 7), флорентийского художника, увлеченного восточной тематикой, изображавшего татар и монголов на своих полотнах [54].

В условиях, когда кризис набирал обороты и в первую очередь выбивал мужчин, женщины, особенно наделенные острым умом и решительностью, заступали на их место. Подобный стереотип поведения женщин должен был стать жизненно спасительным в ситуации, вспыхнувшей двумя-тремя годами позднее чумы, более беспощадной к мужчинам.

Кейс «Понтийский корабль». Встречаются случаи, когда корабельные сообщества словно бы вообще обходились без латинян.

Вот примечательный акт Николо Бельтраме от 3 декабря 1343 г. [17, р. 28]. Несмотря на начало зимы, когда нормы генуэзского морского права запрещали какие-либо плавания [55, р. 762], два партнера понтийского происхождения заключили договор о коменде, связанной с навигацией по Черному морю. Михаил из Негропонта, несомненно, грек, ведший дела в Кафе, выступил в роли кредитора, который предоставил какое-то количество товаров и какую-то сумму денег (таковые сознательно не назывались, дабы не спровоцировать обвинений со стороны церкви в ростовщичестве, озвучивалась лишь сумма, каковую надлежало вернуть), а Андриолос из Симиссо, сын Саркиса, возможно, из смешанной греко-армянской семьи, взял на себя обязательства зафрахтовать судно, отправиться на нем из Кафы с порученными товарами за море, реализовать их там с обещанием возместить Михаилу в Симиссо в течение восьми дней после прибытия в тамошний порт леньо Филиппоса Магана¹¹, еще одного грека, шесть с половиной соммо серебра, взвешенного по весовым стандартам Симиссо. Судовладелец, дабы по максимуму использовать возможности своего леньо, должен был заключить еще около сотни подобных контрактов, о каковых не сохранилось известий.

Сделанные наблюдения подтверждают записи в книгах казначейства Кафы, в массах XIV в., доступных благодаря усилиям С.П. Карпова и А.Л. Пономарева в цифровом формате на сайте Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии при историческом факультете МГУ. В записи от 14 ноября 1374 г. назывался Коста из Чембалло, со всей очевидностью, грек, как патрон моноксилы, доставивший нескольких преступников из Чембалло в Кафу на суд кафского консула [43, fol. 6v]. Согласно записи от 26 июня 1381 г. другой грек, Антониос Стефаникиос, был патроном вооруженной барки, отправленной в Воспоро для реализации запрета плаваний через проливы в Тану [44, fol. 7r].

К этому же кейсу может быть отнесен пример с коккой Никиты Кохома из Синопа¹², в греческом происхождении которого не приходится сомневаться. Речь идет об акте кафского нотариуса Бартоломео де Паверио от 4 июня 1395 г. [7, с. 298–302, 307; 49, р. 249–

250]. Кохома был владельцем кокки, самого крупного судна, которое использовалось для транспортировки массовых грузов в акватории всего Средиземноморья. Обычно считается, что местные предприниматели способны были владеть только малыми судами, занимавшимися перевозкой небольших партий груза по мелководью, каботажной навигацией между ближайшими портами. Однако Кохома перевозил не просто продукцию местных промыслов, как, скажем, соль или рыбу, он занимался транспортировкой очень дорогого, имевшего стратегическое значение товара – меди [60]. По-видимому, еще в 1393 г. он загрузил в Синопе медную руду малоазийского происхождения, доставил ее в Кафу, где меднолитейщики кафской коммуны произвели ее очистку, плавку, отливку в листы, а потом, уже в 1394 г., листовую медь он повез дальше. Она могла пойти для покрытия кровель и врат фортификационных сооружений крепостей на побережье Черного моря, подчиненных Кафе [3, с. 100–102], для обивки бортов боевых кораблей, что делало их более защищенными и неуязвимыми в условиях усилившейся конфронтации на море с османами. Поводом для составления акта послужили претензии одного из фрахтователей относительно 10 кантариев уже готовой листовой меди.

Нет нужды вдаваться в суть этих претензий. Гораздо существеннее, что это – всего лишь полтонны груза. Дабы 500-тонную кокку не вести пустой, а нагрузить ее полностью, Кохома пришлось заключить тысячу таких контрактов, которые, очевидно, все были добросовестно выполнены и не дали повода для споров в суде. Это – тот редчайший случай, когда умолчание источника гораздо красноречивей сообщенной информации.

В ситуации, когда усугубившийся политический кризис опутал итальянские талассократии множеством взаимных деветумов, а также сетью санкций со стороны Золотой Орды, самой болезненной из каковых стал запрет на поставки зерна из земледельческих районов Причерноморья, морские суда под управлением понтийских владельцев и капитанов получали серьезные преимущества в плаваниях в черноморском регионе и даже за его пределами. Неудивительно, что Кафа,

прежде активно реэкспортировавшая зерно всех видов в Италию, вынуждена была искать альтернативные источники продовольствия и даже импортировать зерно из далматинской Рагузы [38, no. 357] для удовлетворения запросов собственного городского населения.

Кейс «Корабль без владельца». Еще один удивительный эпизод отыскивается в кафском акте от 30 сентября 1343 г. [17, p. 23–26]. Он касался тяжбы из-за долга в 8 100 комниновских аспров, указывавших на Трапезунд, где имела хождение подобная денежная единица, как начало сделки. Должник – Иаков из Сирии, состоявший в родстве с греками – уже пропустил все установленные сроки возвращения долга, и кредитор стал требовать с него 16 соммо серебра по весу Кафы, в два с половиной раза завысив курс: 506 аспров-комнинатов за 1 кафский соммо, и стал предъявлять претензии на принадлежавший сирийцу леньо с леерными бортами «Св. Георгий», стоявший в порту Кафы и который, по словам моряков, принадлежал Иакову. Поручители Иакова, его родственник, определенно грек Гаура из Трапезунда, и Иоанн из Сирии¹³ постарались смягчить долговое бремя, поспешили перевести на имя кредитора через кафский банк Николо де Колоннато 12 соммо серебра, взвешенного по весовым стандартам Кафы. Иоанн даже заявил, что кредитор может взять в порту названный леньо. При этом ни Иоанн, ни Гаура, ни Иаков ни разу не отмечены нотариум как хозяева и владельцы леньо, поскольку для удостоверения владельческих прав никем из них не были предъявлены юридические документы собственности. Только в отношении Иакова существовала общая молва, что этот корабль – его. Иаков, судя по всему, отсутствовал не только на борту своего судна, но и в Кафе. Хозяином корабля, согласно «Дигестам», признавался тот, кто получал все доходы и прибыль от его использования, владения и распоряжения; это мог быть как собственник, так и арендатор на ограниченное или неограниченное время; чаще всего таковыми выступала группа сособственников или соарендаторов (CIC, DI, l. XIV, t. I, 15, 25) [36, p. 239; 47, p. 186]. Иаков, судя по словам людей, был одним из них, возможно, с наибольшей долей собственности. Его родственник трапезундец Гаура и сириец Иоанн, вероятно,

также имели отношение к владению названным леньо, поэтому за отсутствием основного собственника требование о погашении долга было переадресовано кредитором им. Реальное же управление навигацией леньо осуществлял оставшийся неизвестным комит, или капитан судна, назначенный судовладельцем. Он был правомочен, по тем же «Дигестам», заключать договоры фрахтования с грузовладельцами для перевозки товаров, пассажиров, для закупки снастей; именно ему поручалась забота обо всем корабле и его команде (CIC, DI, l. XIV, t. I, 1–3, 7) [36, p. 238; 47, p. 186].

Здесь историк сталкивается с ситуацией, когда собственнику было выгодно уклоняться от декларирования своей собственности. Это вполне объяснимо тем хаосом, который переживали моряки в середине XIV века. При этом названный леньо продолжал совершать рейсы под управлением капитана, или даже одного из наиболее способных корабельщиков, выдвинутых из среды корабельного сообщества, обеспечивал сотни людей работой, помогал им просто выживать.

Кейс «Достояние рыбака». Невозможно пройти мимо еще одного случая, зафиксированного в акте писца кафской курии Николо де Беллиньяно от 30 мая 1381 г. [7, с. 248–249]. Некто Ликон, без сомнения грек, аттестовывавшийся в нотариальном акте как «грипарий», то есть владелец грипария, небольшого рыболовецкого судна, добился статуса «бургенса Кафы», причастного к принятию решений в жизни города. По завершении своего жизненного пути он оставил супруге Эминосте, гречанке, достаточное имущество. Два дома с беседкой, расположенные в бурге Кафы, в приходе, определенно греческой церкви Агия Теотокос, где попом был Михаил, по прозвищу Богослов, вдова решила возможным продать. Она нашла покупателя, гречанку Эмину, жену Пипера, розничного торговца на кафском базаре, договорилась о цене, 270 аспров, весьма скромной. И тут в дело вмешалась некая Ростатон¹⁴, заявившая, что она является дочерью и, стало быть, наследницей Ликона.

Не важно, чем завершился спор. Много важнее, что простой рыбак тяжелым и не самым прибыльным трудом смог занять достойное положение в обществе, получить статус бургенса, открывавший доступ в городские

советы, мог отдыхать с женой в беседке на берегу моря, наслаждаться дарами любви, посещать добрую церковь Богородицы, общаться там с настоящим интеллектуалом, которого прихожане прозвали «Богословом».

Кейс «Рундук корабельного арбалетчика». Вещный мир моряка всегда ускользает от взора исследователя. Но счастливый случай дает один акт того же Белиньяно 24 июля 1381 г. [7, р. 253–256], где говорится о наследстве стрелка из арбалета, корабельного воина, несшего охрану судна. В каждой судовой команде, согласно морскому регламенту начала XIV в., надлежало иметь 12 арбалетчиков [57, col. 320]. Они набирались из молодых людей 20 лет, происходивших из знатных семей, поскольку их служба считалась весьма престижной. Символом их особого статуса, помимо арбалета, было рыцарское вооружение – шлем, кираса, нашейник, меч и клинок. Однако еще до кризисной середины XIV в. стала ощущаться возрастающая нехватка арбалетчиков из числа знати на судах. Уже в 1330 г. Ведомство Газарии, регулировавшее навигацию в Черном море, разрешило патронам и капитанам судов набирать восемь арбалетчиков из матросов и гребцов и только четыре стрелка из знатных семей [57, col. 324–325]. В дальнейшем, когда кризис начал набирать обороты и на морях стали чаще возникать вооруженные столкновения с пиратами, корсарам и судами недружественных стран, возникла необходимость увеличить численность арбалетчиков до 16 человек [4, р. 97]. Названный документ относился как раз к этим изменившимся условиям морской службы стрелков из арбалета, когда они набирались из простых матросов. Документ представляет собой опись имущества покойного арбалетчика. В ней называлось довольно много вещей, зачастую они были очень ветхими, равными, ничтожной стоимости. Но некоторые предметы там очень выразительны:

«...gona una medielane, fracta seu lacerate vilissima et quasi nullius valorosi... comanesca una bocassini tincti sene maspilis... coratiam unam marcidam, debilem et laceratum... collarium ferreum ville, cum manicis, pro armando, vilibus et devastates... spata una Latina... cassonum unum pro armis... tabula vetera pro navigandi...»

Здесь – и «миланская гонна», грубая рубаха моряка с полами ниже колен, рваная и изношенная, дешевейшая, почти нулевой стоимости. Именно она служит выразительным свидетельством предшествующей службы арбалетчика в качестве простого матроса. Здесь – и «команеска», команский плащ, льняной, окрашенный, без пуговиц. Это – и кираса, испорченная, с изъянами и очень старая; это – и железное нашейное ожерелье с перчатками, старыми и с утраченными креплениями; это – и латинский меч, короб для оружия. Как раз эти последние вещи обозначали возвысившийся статус моряка в качестве воина-стрелка.

Особо впечатляет «старая морская карта». На первый взгляд, ее присутствие выглядит делом нелогично, лежало за пределами прямых компетенций воина. Но на этой карте могли отмечаться опасные для плавания места, где находились пиратские гнезда, где собирались суда враждебных стран, то есть помещалась весьма значимая информация для лица, возглавившего охрану судна, отвечавшего за его безопасность, организацию вахт, усиленных нарядов и других мер.

Возможно, это была единственная вещь, которая могла еще принести пользу новому поколению моряков, вынужденных действовать в условиях войны всех против всех.

Выводы. В целом в условиях глобального кризиса XIV в. корабельные сообщества Кафы, узлового центра в коммуникации между континентами Старого Света, претерпели весьма существенные изменения. Задолго до торжества феминизма нашего времени, впервые в дела управления морской навигацией, прежде сугубо мужские, включились женщины. Сменился доминантный профиль корабельных сообществ, они перестали быть исключительно латинскими, находившимися под управлением латинян, идентифицировавшимися по латинским именам судовладельцев. Появились новые корабельные сообщества, охватывавшие самые крупные суда того времени и широкий радиус действия во всем Средиземноморье, которые находились под управлением греков и понтийцев, то есть выходцев из понтийского региона. Возникли принципиально новые типы корабельных сообществ, обходившиеся без собственников,

находившиеся, по существу, в общем управлении. Как раз эти изменения сделали их более стрессоустойчивыми, способными не только к простой выживаемости, но и содействовавшими поступательному развитию локальных сообществ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Результаты исследования были представлены в докладе на пленарном заседании Всероссийской научной конференции «Byzantinotaurica – I: Византия и Византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе», организованной Национальным комитетом византинистов РФ в Севастопольском государственном университете (25–28 сентября 2023, Севастополь).

² Название «джинсы» произошло от лигурийского слова «janes», как обозначалась прочная, непромокаемая ткань из конопли, которая шла на изготовление парусов, брезента для укрытия товаров в трюме и на палубе от морской воды, волн, дождя; само же это слово этимологически производно от названия знаменитого портового города Лигурии «Janua», Генуя, где ранее всего, уже на рубеже XIII–XIV вв., началось производство подобной ткани; именно из нее генуэзские моряки стали шить особые брюки, которые с помощью индиго окрашивали в синий цвет; они назывались также «janes»; в позднесредневековой Франции этот тип морских брюк называли «jane», а в Англии XVI в. – «jeans» [25].

³ По частоте упоминаний первое место в качестве цели плаваний кафиотов занимала Пера (Peura) [17, p. 30, 31, 33, 34, 40, 42, 47, 68, 69, 74, 76–79, 88, 89, 91, 111, 117, 118, 133, 144]; второе место разделяли Трапезунд (Trapezunda) [17, p. 25, 30, 97, 98, 106, 107, 109] и Тана (Tana) [17, p. 40, 97–99, 118, 119, 141]; на третьем месте оказывался Симиссо (Semisso) [17, p. 28, 82, 85, 89, 91]; четвертую позицию делили Константинополь (Constantinopolis) [17, p. 34, 68, 69, 111] и Сан-Джорджо (Sanctus Georgius) [17, p. 70, 94, 96, 123]; единичные упоминания находили Воспоро [17, p. 29], Солдайя (Soldata vetera) [17, p. 61], Чембало (Cimbalo) [17, p. 112], Салины (Salline) [17, p. 89], Провато (Provato) [17, p. 124] и Синоп (Sinopi) [17, p. 20]. Названные места стоянки морских судов достаточно надежно локализуются: Пера (Галата, квартал Стамбула), Трапезунд (Трабзон, Турция), Тана (Азов), Симиссо (Самсун, Турция), Константинополь (Стамбул, Турция), Сан-Джорджо (устье реки Молочной на западном побережье Азовского моря), Воспоро (Керчь), Солдайя (Судак), Чембало (Балаклава), Салины (Евпа-

торийский залив), Провато (бухта Двухъякорная, Феодосийский район) и Синоп (Синуб, Турция) [2, p. 197–204, 211–212].

⁴ В сообщениях Кафы в пределах Средиземноморья наибольшей частотой упоминаний выделялась Генуя (Janua) [17, p. 40, 45, 64, 71, 74, 79, 87, 97, 117, 121, 127, 143]; вторая роль доставалась Сирии (Syria) [17, p. 23–27]; третий статус обретал Кипр (Ciprus) [17, p. 41, 79]; в единичных случаях упоминались Негропонт (Nigroponte) [17, p. 28]; Монемвасия (Marvasia) [17, p. 101]; Неаполь (Neapolis) [17, p. 74]; Аква Морта (Aqua Morta) [17, p. 40]; Пиза (Pissa) [17, p. 74]; Савона (Saona) [16, p. 74] и Венеция (Venetia) [16, p. 74]. С точки зрения историко-географической локализации здесь требуются некоторые уточнения: портовый город Генуя в эти годы стал дожеской республикой, охватывавшей почти всю Лигурию; Сирия той поры, Билад ал-Шам, входила в состав Мамлюкского султаната, делилась на 6 провинций (мамлака), имела несколько портов – Тортоза (Тартус), Триполи, Берит (Бейрут), Лаодикея (Латакия), Хайфа и др., но самым заметным из них в коммуникации с Кафой был Джибелетто (Gibeletto) (Джебла) [17, p. 118–119] в мамлаке Хамы; остров Кипр тогда составлял владения латинского королевства с династией Лузиньянов, где главным портом была Фамагуста; Негропонт – латинское название острова Эвбея в Эгейском море, он представлял собою в 1340-е гг. владения каталанской компании, где основным портом был Каристос; Монемвасия являлась в те годы морской крепостью на одноименном острове вулканического происхождения, соединенном искусственной дамбой с полуостровом Пелопоннес; она составляла достояние Византийской империи; Неаполь был тогда столицей Неаполитанского королевства во главе с Анжуйской династией; Аква-Морта (Эг-Морт) – первый порт королевства Франции, тогда уже укрепленный мощной каменной стеной с двумя десятками башен и десятью воротами; Пиза к тому времени утратила статус талассократии, цепи ее порта стали трофеем Флоренции, хотя формально в ней еще сохранялась республика; Савона еще соперничала с Генуей, обладала статусом коммуны, вступившей в союз с Республикой Сан-Джорджо; Венеция в условиях гонения на итальянцев в Золотой Орде на короткое время стала союзницей Генуи [27; 34, p. 40–42, 118–125; 39; 62, p. 109–115].

⁵ Упомянут Симон из Гаскони (Symon de Guaschono), горожанин и обитатель Кафы, совладелец леньо «Сан-Николо» [17, p. 31, 60–63]; он выходец из области Гасконь на берегу Бискайского залива Атлантического океана, принадлежавшей в 1340-е гг. Англии [26]; его родным языком был гасконский диалект окситанского языка; в Кафе он, скорее всего, перешел на лигурийский диалект ста-

роитальянского языка. Известен Доменико де Коста (Domenicus de Costa), владелец кафской галей «Санта Мария» [17, р. 33–35]; «Costa» – побережье, типичное обозначение регионов средиземноморского побережья Пиренейского полуострова; это название может быть соотнесено либо с «Costa Brava», «Дикий берег», на средиземноморском побережье Северо-Восточной Каталании в провинции Жирона, либо, что более вероятно, с «Costa Blanca», «Белый берег», с береговой зоной Валенсии в провинции Аликанте [26]; его первым средством общения был, вероятнее всего, валенсийский диалект каталанского языка; в Кафе же он должен был пользоваться разговорным лигурийским и письменным латинским.

⁶ Янина, в латинской передаче нотариально-го акта «Iohanina» [17, р. 112–114], – греческое женское имя «Ἰωάννινα»; считается, что оно произошло от древнееврейского имени «יְהוֹנָדָב», со значением «облагодетельствованная Богом», «милость бога»; с IX в. возник город Янина (Ἰωάννινα), главный город Эпира, столица Эпирского деспотата (1204–1318), потом подчиненный Византии [27; 53; 65, n 1440, 16053, etc.].

⁷ Коста Зальма, в латинской записи нотариия Бельтраме «Costa Zalma» [17, р. 112–114], греческое имя «Κόστας», «Κόστω» представляло собой провинциальную упрощенную форму от «Κωνσταντίνος», то есть «постоянный», «стойкий» [53; 67, n 13301]. Фамилия «Zalma», в греческой записи «Ζάλμας», производна от названия соляных промыслов «Salma» либо Крыма, что более вероятно (отождествляется с поселком Новофедоровка Сакского района), либо нижнего Приднестровья (локализуются около города Геничеськ, поселка Каланчак Херсонской области) [28, р. 332–336].

⁸ Василий из Порты, в латинской транскрипции «Vassilius de Portu» [17, р. 112–114], – распространенное греческое имя «Βασίλειος», по-русски «царственный». Его происхождение, равно как и брата Георгия, оплатившего большую часть стоимости судна, «de Portu», может быть усечением топонима «Portus Zorzuqui», то есть из порта вайнахского княжества Дзурдзукети; его местоположение отождествляется с нынешним портом Туапсе [28, р. 223–225].

⁹ Смеральда, латинизированная форма «Smeralda» [17, р. 129–133] производна от греческого женского имени «Σμαράγδα» [70, n 26258–26259], иначе «изумрудная», как называли девочек за редкую красоту зеленых глаз.

¹⁰ Примечательны имена детей Смеральды и Рикардо Кастанья [17, р. 129–133]: Венедикт, латинское имя «Benedictus», что означало «благословенный», адаптировалось в греческой языковой среде как «Μπενεδίττος» [68, n 2595]; дано в память

о Св. Бенедикте Нурсийском [45, col. 351–383], который почитался и в греческой церкви, но, может быть, и в память о готском Св. Бенедикте Анианском IX в., который чтится за спасение тонущих, устройство жизни на основе общего равного труда [44, col. 351–383], чем задавал идеальный ориентир для будущего моряка; Персиваль (Percival), это имя дано в честь популярного на Западе в XIII–XIV вв. романического героя, отправившегося на Восток, на поиски Грааля, чудесной чаши с кровью Иисуса Христа ради причащения к вечной жизни; само имя истолковывалось «сделавший сам себя» [23]; Туман, тюркское имя в латинской транслитерации «Thomaunus», производно от средневекового тюркского слова «tuman», обозначающего мглу, мрак [9, с. 585], войско в 10 000 всадников, достижение огромного богатства [56, col. 1518]; по-видимому, отец дал такое имя в честь татарского покровителя в Крыму; Каталина, в латинской транслитерации «Cathalina», это – распространенное женское греческое имя «Κατελίνα», «Κατερίνα» [53; 66, n 11471–11473, 11478–11482], имевшее символическое значение «чистая»; Элиана, в латинской транскрипции «Eliana», это – достаточно популярное женское греческое имя «Ἐλένη», «Ἠλίς» [31; 53; 64, n 6438, 6690–6706, etc.], получавшее аллегорическое осмысление как «солнечная»; Харментизия, в латинском написании «Harmentisia», очень редкое имя, производное от греческого «Ἄρμενος» [63, n 91334], то есть «наполняющая паруса», что призвано было сформировать совершенную мореплавательницу.

¹¹ Михаил из Негропонта, на латинице «Michael de Nigroponte» [17, р. 28], это – весьма распространенное греческое имя «Μιχαήλ» [31; 53; 68, n 12116–12119, etc.], происходившее от древнееврейского מִיכָאֵל, «кто как Бог»; он – выходец с острова Эвбеи; Андриолос из Симиссо, сын Саркиса, в латинской орфографии «Andreolus de Semisso filius Sarchis», это – провинциальное греческое имя «Ἀνδριόλος» [63, n 19753], сохранявшее значение «мужественный»; Филиппос Маган, в латинской графике «Philippus Magan», это – довольно характерное греческое имя «Φίλιππος» [31; 71, n 91595, etc.], то есть «любящий лошадей»; относительно моряка такая страсть превращалась в любовь к кораблям, заменившим лошадей; фамилия Маган производна от топонима «Mangana», по-гречески «Μαγγάνης», как обозначался район Константинополя между акрополем и морскими стенами вдоль Босфора [32, р. 1283–1284], населенный моряками, где строились суда.

¹² Никита Кохома из Синопа, в латинской номинации «Nichita Cochoma de Synopi» [7, р. 298–299, 301–302, 307; 49, р. 249–250]; это – типично греческое имя «Νικήτας» [68, n 93539, etc.], имеет зна-

чение «победитель»; прозвищная фамилия производна, должно быть, от греческого «κοκκόνοι», плоды маслины [58, col. 893], которой он был одарен за черноту глаз.

¹³ Иаков из Сирии, в латинской передаче «Iacobus de Syria» [17, p. 23–26], распространенное в греко-сирийской среде имя «Ἰάκωβος» [65, n 7839–7941, etc.], производное от еврейского יַעֲקֹב, «следующий по пятам»; Гаура из Трапезунда, родственник сирийца Иакова, в латинской аттестации нотариуса «Gaura de Trapezunda gener Iacobi» [17, p. 23–26]; Гаура – греческое имя «Γαύρης», что значило «скромный» [58, col. 338].

¹⁴ Ликон, грипарий, прежде бургенс Кафы, в латинской записи судебного писца «Licona griparius olim burgensis de Caffa»; это – древнее греческое имя «Λύκων» [58, col. 998], значившее «в волчьей шкуре»; Эминоста, гречанка, вдова Ликона, грипария, в латиноязычной передаче

«Eminosti greca uxor quondam Licona griparii»; ее имя, вероятнее всего, происходит от греческого «Ἐμινέως» [58, col. 518], то есть «предусмотрительная»; Эмина, гречанка, жена Пипера, розничного торговца на базаре, в латинской фиксации писца кафской курии «Emina greca uxor Piperi bazarioti»; ее имя производно от греческого «Ἐμίν[α]» [58, col. 518], что значит «примерная»; Пипер, розничный торговец на базаре, в латинской транскрипции нотариуса «Piper bazariotus»; его имя связано с греческим прозвищем «Πιπέρις» [69, n 23222–23223; 74], указывавшем, возможно, на местность в Халкидике; Ростатон, также, по умолчанию, гречанка, дочь и наследница грипария Ликона, в латинской орфографии судебного сcribes «Rostatón filia et heredes Licone griparii» [7, p. 248–249]; ее довольно редкое имя, возможно, сопряжено с греческим «Ῥωστήριον» [58, col. 1330], указывавшим на подвижность.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. «Корабельный каталог», Каламита, XIV в. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Fig. 1. “Ship’s Catalogue”, Calamita, 14th Century. State Historical and Archeological Museum Reserve “Chersonese Tauride”, Sevastopol

Примечание. Источник: [10, р. 592].

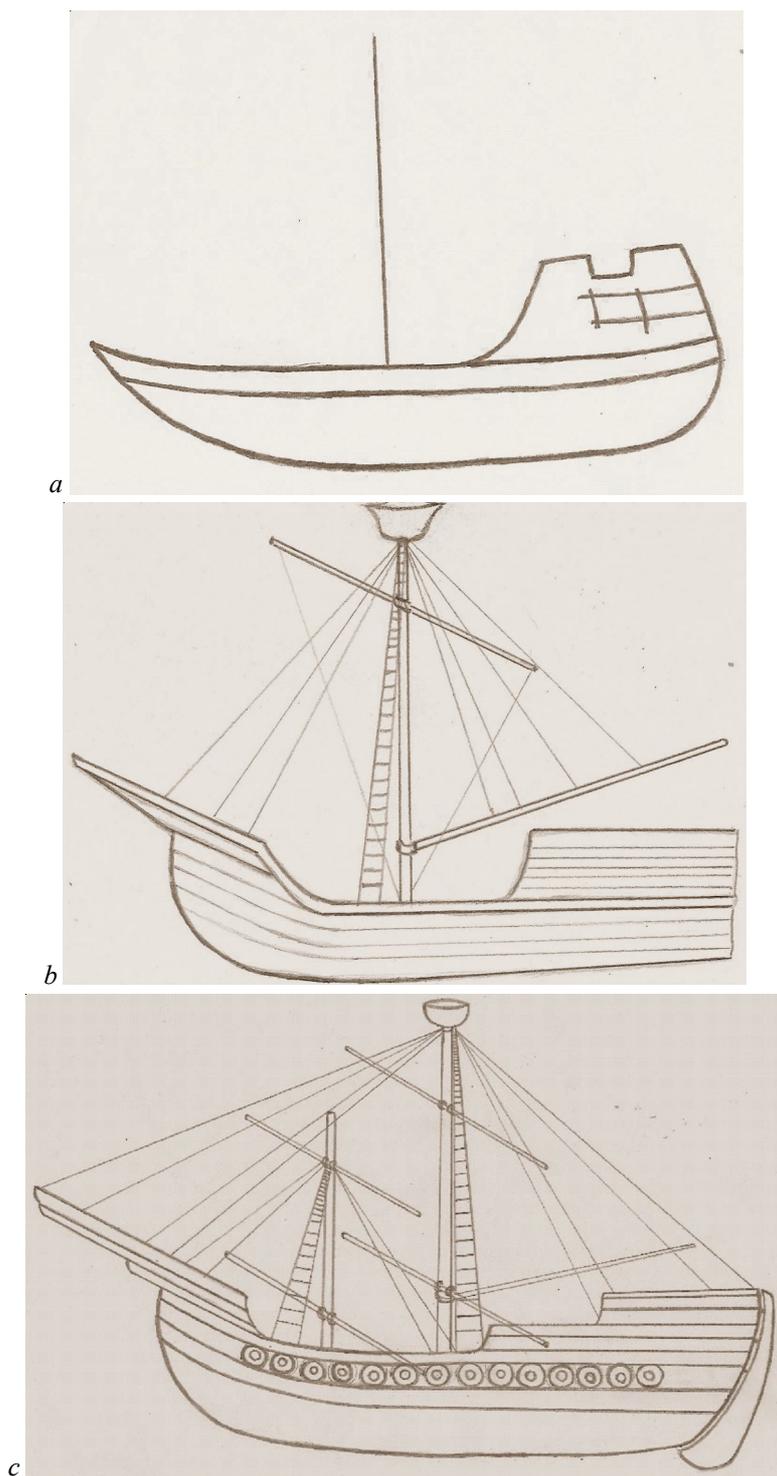

Рис. 2. Типы судов:
a – бусонава; b – нава; c – галеас

Fig. 2. Ship types:
a – busonava; b – nava; c – galeas

Примечание. Прорисовка автора.
Note. Drawing by the author.

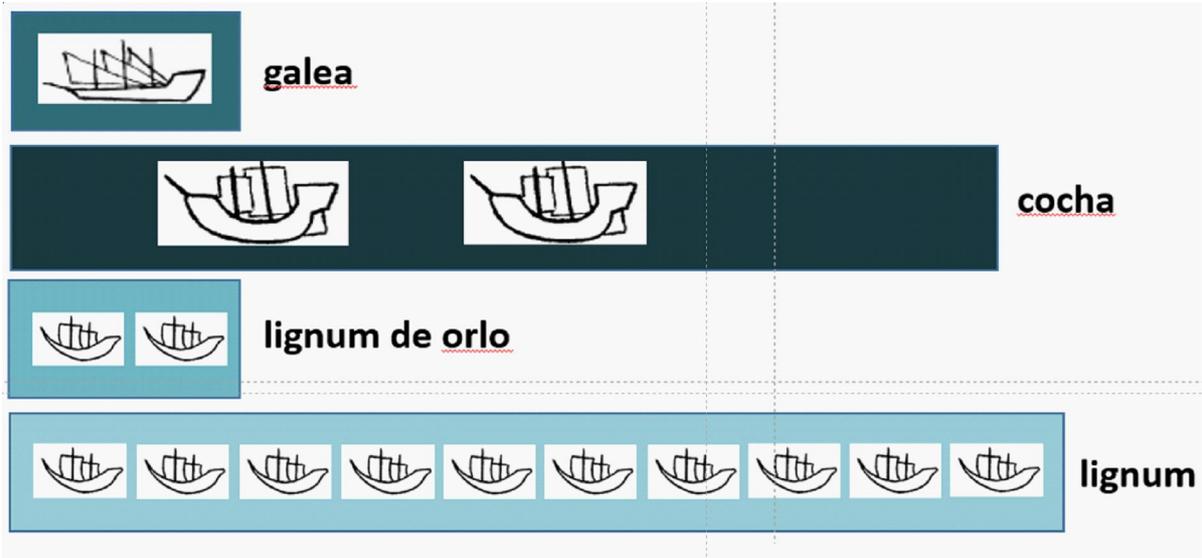

Рис. 3. Типы судов в порту Кафы по актам Николо Бельтраме 1343–1344 годов
Fig. 3. Ship types in the Port of Caffa on Nicolo Beltrame's notary deeds from 1343–1344

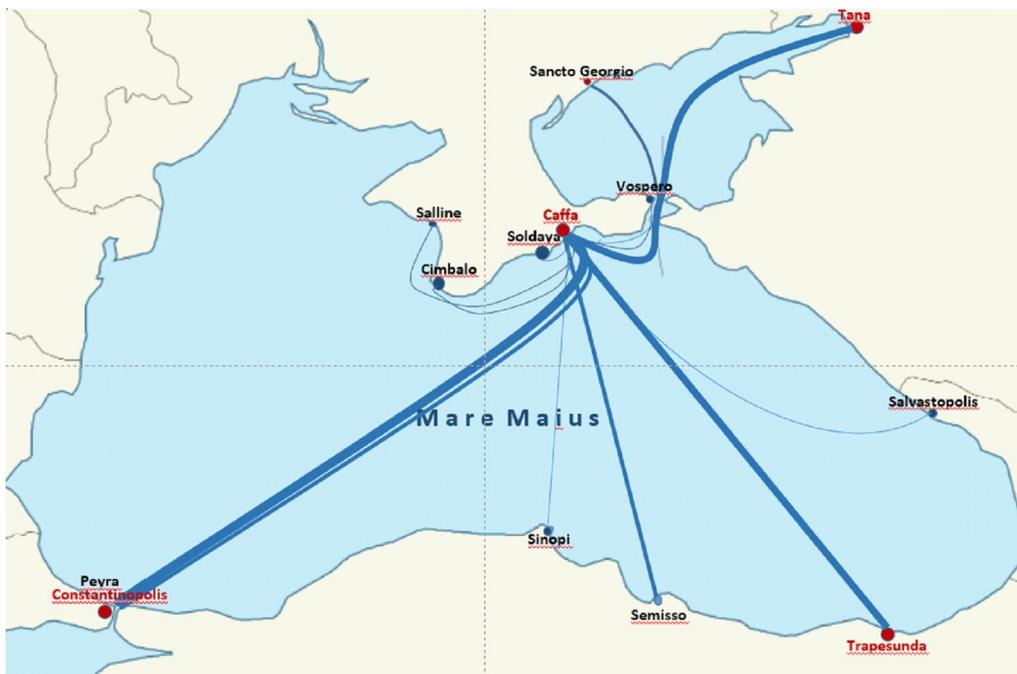

Рис. 4. Логистическая сеть Кафы на Черном море по актам Николо Бельтраме 1343–1344 годов
Fig. 4. Logistic network of Caffa on the Black Sea on Nicolo Beltrame's notary deeds from 1343–1344

Примечание. Реконструкция автора.
Note. Reconstruction by the author.

Рис. 5. Навигационная логистика Кафы в бассейне Средиземного моря по актам Николо Бельтраме 1343–1344 годов

Fig. 5. Nautical logistic of Caffa in the Mediterranean Basin on Nicolo Beltrame's notary deeds from 1343–1344

Примечание. Реконструкция автора.
Note. Reconstruction by the author.

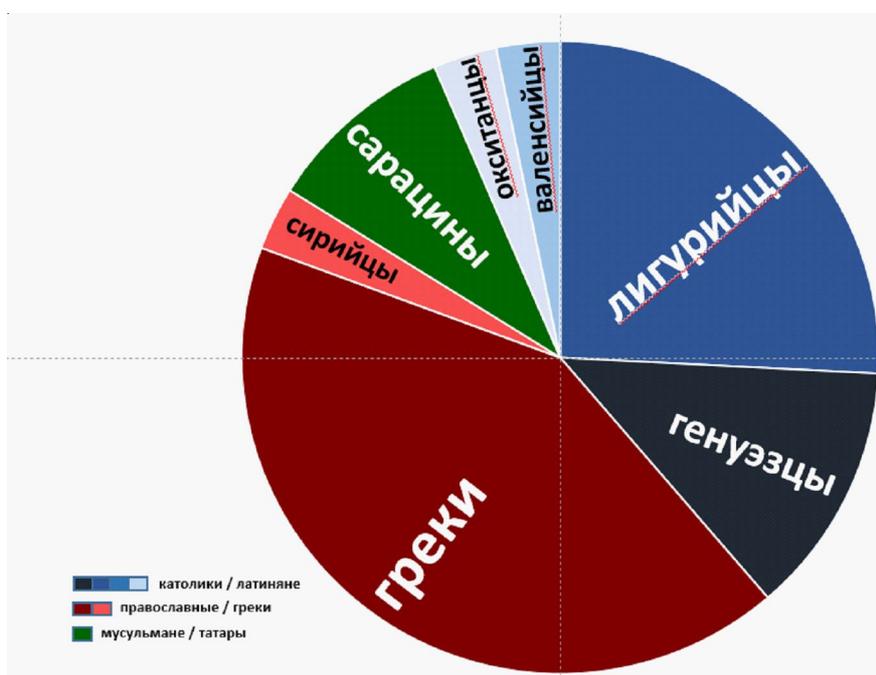

Рис. 6. Этноконфессиональная принадлежность судовладельцев Кафы по актам Николо Бельтраме 1343–1344 годов

Fig. 6. Ethno-religious affiliation of Caffa's Shipowners on Nicolo Beltrame's notary deeds from 1343–1344

Рис. 7. Амброджо Лоренцетти. Аллегория доброго правления: фрагмент фрески. Сиена, Дворец республики, ок. 1339

Fig. 7. Ambrogio Lorenzetti. Good Government Allegory: fresco fragment. Siena, Palazzo Pubblico, ca. 1339

Примечание. Источник: Wikimedia Common.

REFERENCES

1. Adaksina S.B., Kirilko V.P., Myts V.L. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2003 g.* [Report of Archaeological Research of the Medieval Fortress of Cembalo (Balaclava) in 2003]. Saint Petersburg, Ermitazh, 2004. 253 p.
2. Emanov A.G. *Mezhdru Polyarnoy zvezdoy i Poludennym Solntsem: Kapha v mirovoy trgovle XIII–XV vv.* [Between Polar Star and Midday Sun: Caffa in World Trade in 13th– 15th Centuries]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2018. 362 p.
3. Emanov A. Kafa kak talassopolitiya: genezis grazhdanskoj «morskoy identichnosti» pozdne-srednevekovogo goroda [Caffa as Thalassopoliteia: Genesis of the Civic “Maritime Identity” in a Late Medieval City]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2023, vol. 25, no. 3, pp. 92-111.
4. Karpov S.P. *Putyami srednevekovykh morekhodov. Chernomorskaya navigatsiya Venetsianskoy Respubliki v XIII–XV vv.* [Black Sea Navigation of the Venetian Republic in the 13th– 15th Centuries]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1994. 158 p.
5. Karpov S.P. Regesty dokumentalnogo fonda Diversorum filze Sekretnogo arkhiva Genui, odnosyashchiesya k istorii Prichernomor'ya [Regesten of Documentary Fund's Diversorum filze from Genoa's Secret Archive Pertaining to the History of Black Sea Region]. *Prichernomor'ye v srednie veka*, 1998, vol. III, pp. 9-81.
6. Karpov S.P. Krisis serediny XIV v.: nedootsenenny povorot? [Crisis of the Mid 14th Century: Underestimated Turning-Point?]. Litavrin G.G., ed. *Vizantiya mezhdru Zapadom i Vostokom. Opyt istoricheskoy kharakteristiki* [Byzantium between West and East. Essay in Historical Landmarks]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1999, pp. 220-238.
7. Karpov S.P. *Akty genuezskikh notariev, sostavlennye v Kaffe i v drugikh gorodakh Prichernomor'ya v XIV–XV vv.* [Acts of Genoese Notaries Drawn up in Caffa and Other Cities of the Black Sea Region in the 14th– 15th Centuries]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2018. 760 p.
8. Karpov S.P. *Istoriya Tany (Azova) v XIII–XV vv.* [History of Tana (Azov) in the 13th– 15th Centuries], vol. I. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2022. 378 p.
9. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M. *Drevnyeturkskiy slovar* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 677 p.
10. Romanchuk A.I. *Issledovaniya Khersonesa – Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy* [Investigations of Chersonesos – Cherson. Excavations. Hypothesis. Problems], vol. II. Tyumen, Tyumen. gos. un-t, 2008. 623 p.
11. Tur V.G. K voprosu o chernomorskom sudokhodstve XV–XVI vv. [To the Question of Black Sea Shipping in 15th– 16th Centuries]. *Morska torgivlya v Pivnichnomu Prichernomor'ye*. Kyiv, Kyiv National Taras Shevchenko University, 2001, pp. 216-221.
12. Tur V.G. Arkheologicheskie razvedki v Yugo-Vostochnom Krymu [Archaeological Surveys in Southeast Crimea]. *Materialy po arkhеologii, istorii i etnografii v Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, no. 10, pp. 322-341.
13. Abulafia D. Thalassocracies. Horden P., Kinoshita Sh., eds. *A Companion to Mediterranean History*. Hoboken, Wiley-Blackwell, 2014, pp. 139-153.
14. Airaldi G. *Studi e documenti su Genova e l'Oltremare*. Bordighera, Istituto Internazionale di studi Liguri, 1974. 360 p.
15. Balard M. *Gènes et l'Outre Mer. T. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290*. Paris, La Haye, Mouton, 1973. 420 p.
16. Balard M. *Les Latins en Orient (XIIe–XVIe siècle)*. Paris, Presses Universitaires de France, 2006. 452 p.
17. Balbi G. Atti rogati a Caffa da Nicolò Beltrame (1343–1344). Balbi G., Raiteri S., eds. *Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV)*. Bordighera, Istituto Internazionale di studi Liguri, 1973, pp. 7-184.
18. Balletto L. *Genova. Mediterraneo. Mar Nero (secc. XIII–XV)*. Genova, Civico Istituto Colombiano, 1976. 293 p.
19. Balletto L. Caffa Genovese alla fine del Trecento. *Il Mar Nero. Annali di archeologia e di storia*, 1995/1996, vol. I, pp. 223-224.
20. Balletto L. Fonti notarili inedite su Caffa e sul Mar Nero tra XIV e XV secolo. *Il Mar Nero. Annali di archeologia e di storia*, 2003, vol. IV, pp. 161-177.
21. Balletto L. Caffa 1344: una carta inedita del notaio Nicolò Beltrame. *Bulgaria medievalis*, 2014, no. 1, pp. 173-194.
22. Blatt F. *Novum glossarium mediae latinitatis ab anno DCCC usque ad annum MCC. Vol. I*. Hafniae, Ejnar Munksgaard, 1957. 232 p.
23. Bordier J.-P. Perceval, presence et mystère. *Presses universitaires de Paris Nanterre*, 2013, no. 1, pp. 233-246.
24. Degroot D. et al. The History of Climate and Society: A Review of the Influence of Climate Change on the Human Past. *Environmental Research Letters*, 2022, vol. XVII, no. 103001, pp. 1-35.
25. Gallo M.C. Jeans per caso. *Jeans! Le origini, il mito Americano, il made in Italy: catalogo della mostra (Prato, Museo del tessuto)*. Firenze, Maschietto Editore, 2005, pp. 15-25.

26. Gertwagen R. Nautical Technology. Horden P., Kinoshita Sh., eds. *A Companion to Mediterranean History*. Hoboken, Wiley-Blackwell, 2014, pp. 154-169.
27. Getty J.P., ed. *Thesaurus of Geographic Names*. Los Angeles, California, Getty Center, 2004. URL: getty.edu/vow
28. Gordyeyev A., Tereshchenko A. *Place Names of the Black Sea and Sea of Azov Coasts from Portolan Charts XIV–XVII Centuries. Vol. I*. Kiyev, Academia.edu, 2017. 425 p.
29. Grinberg M. Janibeg's Last Siege of Caffa (1346–1347) and the Black Death: The Evidence and Chronology Revisited. *Turcological Studies*, 2018, vol. I, no. 2, pp. 19-31.
30. Jal A. *Glossaire nautique. Répertoire poliglote de terms de marine anciens et modernes. Vol. II*. Paris, Firmin Didot, 1848. 1590 p.
31. Jeffreys M., ed. *Prosopography of the Byzantine World*. London, King's College of London, 2016. URL: pbw2016.kdl.kcl.ac.uk
32. Kazhdan A. *Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. II*. Oxford, Oxford University Press, 1991. 1478 p.
33. Khvalkov I.A. *The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation*. New York, London, Routledge, 2018. 458 p.
34. Koder J. *Tabula Imperii Byzantini. Vol. I (Negroponte)*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. 191 p.
35. Kofanov L.L., ed. *Digesta Iustiniani. Vol. I*. Moscovia, Statut, 2002. 584 p.
36. Kofanov L.L., ed. *Digesta Iustiniani. Vol. III*. Moscovia, Statut, 2008. 780 p.
37. Kofanov L.L., ed. *Digesta Iustiniani. Vol. IV*. Moscovia, Statut, 2002. 780 p.
38. Krekić B. *Dubrovnik (Raguse) et le Levant au Moyen Âge*. Paris, La Haye, Mouton & C°, 1961. 440 p.
39. Külzer A., Popović M., eds. *Digital Tabula Imperii Byzantini*. Wien, Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2024. URL: tib.oeaw.ac.at/digitib
40. Lilian Ray M. *The Art and Archaeology of Venetian Ships and Boats*. London, Chathan Publishing, 2001. 248 p.
41. Liritzis J., Westra A., Miao C. Disaster Geoarchaeology and Natural Cataclysm in World Cultural Evolution. *Journal of Coastal Research*, 2019, vol. XXXV, no. 6, pp. 1307-1330.
42. Makris G. Die Gasmulen. *Thesaurismata*, 1992, vol. XXII, pp. 43-96.
43. *Massaria Caffae 1374*. URL: <http://hist.msu.ru/departments/8823/projects/MC1374>
44. *Massaria Caffae 1381*. URL: <http://hist.msu.ru/departments/8823/projects/MC1381>
45. Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Serie Latina. T. CIII*. Lutetiae Parisiorum, 1851. 1475 col.
46. Mitsiou E., Preiser-Kapeller J. Moving Hands: Types and Scales of Labour Mobility in the Late Medieval Eastern Mediterranean (1200–1500). De Vito C.G., Gerritsen A., eds. *Micro-spatial Histories of Global Labour*. London, Palgrave MacMillan, 2018, pp. 29-68.
47. Mommsen Th., Krüger P., Schöll R., Kroll G., eds. *Corpus iuris civilis. Vol. I*. Berolini, Apud Weidmannos, 1872. 873 p.
48. Musarra A. *Medioevo marinaro. Prender il mare nell'Italia medievale*. Bologna, Il Mulino, 2021. 304 p.
49. Jacopino M.S., ed. Musso G.G. *Navigazione e commercio Genovese con il Levante nei documenti dell'Archivio di Stato di Genova (secc. XIV–XV)*. Roma, Ministero per i Beni culturali, 1974. 291 p.
50. Necipoğlu N. The Byzantine Economy and the Sea: The Maritime Trade of Byzantium, 10th – 15th Centuries. Balard M., ed. *The Sea in History. The Medieval World*. Woodbridge, The Boydell Press, 2017, pp. 437-448.
51. Ortega Villoslada A. La coca en el intercambio mercante Atlántico-Mediterráneo. *Anuario de estudios medievales*, 2008, vol. XXXVIII, no. 1, pp. 429-444.
52. Pagratis G. The Byzantine and Greek Merchant Maritime Enterprises in the Medieval Mediterranean. Balard M., ed. *The Sea in History. The Medieval World*. Woodbridge, The Boydell Press, 2017, pp. 425-436.
53. Parker R., Luraghi N., eds. *Lexicon of Greek Personal Names: Database*. Oxford, University of Oxford, 2023. URL: lgpn.ox.ac.uk
54. Prazniak R. Siena and the Silk Roads: Ambrogio Lorenzetti and the Mongol Global Century, 1250–1350. *Journal of World History*, 2010, vol. XXI, no. II, pp. 177-217.
55. Promis V. Statuti della colonia Genovese di Pera. *Miscellanea di storia italiana*. Torino, 1870, vol. XI, pp. 513-780.
56. Radloff W. *Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. Vol. III, pt. II*. Sanct-Petersbourg, Académie Impériale des Sciences, 1905. 2204 col.
57. Sauli L. Imposicio Officii Gazariae. *Monumenta historiae patriae. Vol. II*. Augustae Taurinorum, E Regio Typographeo, 1838, cols. 306-430.
58. Schmidt M., ed. *Hesychie Alexandrini Lexicon*. Jenae, Sumptibus Hermanni Duftii, 1867, 1612 col.
59. Spyrou M. et al. The Source of Black Death in Fourteenth-Century Central Eurasia. *Nature*, 2022, vol. DCVI, no. 6, pp. 718-742.
60. Thomas N., Dandridge P., eds. *Medieval Copper, Bronze and Brass*. Namur, Agence Wallone du Patroine, 2018. 420 p.
61. Thomov Th. Maritime ex-voto Graffiti from the Church of Hagia Sophia, Constantinople. *Byzantinoslavica*, vol. LXXIII, n 1-2, pp. 57-74.
62. Todt K.-P., Vest A., eds. *Tabula Imperii Byzantini. Vol. XV (Syria)*. Wien, Verlag der

Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2014. 801 S.

63. Trapp E., ed. *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Fasz. 1.* Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976. 164 S.

64. Trapp E., ed. *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Fasz. 3.* Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978. 176 S.

65. Trapp E., ed. *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Fasz. 4.* Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. 214 S.

66. Trapp E., ed. *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Fasz. 5.* Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. 240 S.

67. Trapp E., ed. *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Fasz. 6.* Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. 242 S.

68. Trapp E., ed. *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Fasz. 8.* Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1995. 220 S.

69. Trapp E., ed. *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Fasz. 10.* Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. 248 S.

70. Trapp E., ed. *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Fasz. 11.* Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1991. 258 S.

71. Trapp E., ed. *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Fasz. 12.* Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1995. 267 S.

72. Villain-Gandossi Ch. La révolution nautique médiévale (XIII–XV siècles). Balard M., Ed. *The Sea in History. The Medieval World.* Woodbridge, The Boydell Press, 2017, pp. 70-89.

73. Ward D. *Weather, Climate, and Society.* Tucson, The University of Arizona, 2023. 156 p.

74. Whitehead D., ed. *Suda On Line: Byzantine Lexicography.* London, Institute of Classical Studies, 2014. URL: cs.uky.edu/

75. Zanders J.P. De Mussi and the Siege of Caffa. Origin of a Biological Warfare Allegation. *Working Paper Series on the History of Chemical and Biological Warfare*, 2021, no. 1, pp. 1-18.

Information About the Author

Alexander G. Emanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Centre for Urban Studies, Professor, Department of History, Tyumen State University, Volodarskogo St, 6, 625003 Tyumen, Russian Federation, a.g.emanov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2352-4363>

Информация об авторе

Александр Георгиевич Еманов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник центра урбанистики, профессор кафедры истории, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003 г. Тюмень, Российская Федерация, a.g.emanov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2352-4363>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.8>

UDC 94(495).01
LBC 63.3

Submitted: 23.05.2024
Accepted: 11.10.2024

**A VISIGOTH CHIEF ALARIC AND THE SACK OF ROME BY THE VISIGOTHS
IN 410 AD AS VIEWED IN THE “CHRONICLE” OF JOHN OF NIKIU:
NARRATIVES OF A CATASTROPHE
OR RELIGION-POLITICAL CLASHES?**

Evgeniy A. Mekhamadiev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. A Coptic bishop of the city of Nikiu in the Nile Delta John of Nikiu (the second half of the 7th c. AD) is famous for his only text – “Chronicle”, which is narrating about events from the Creation to the 640s, but it’s hard to treat the genre peculiarities of this work. Anyway, John intensively used the works of Greek-speaking church historians of the first half of the 5th c., that of Socrates Scholasticus and Hermias Sozomenos, in this way, a comparison of their evidence will enable not only to scan genre features of John’s “Chronicle”, but also to represent special points of his world-view. To make this comparison, the author of present paper chose an event prominent for the Late Roman Empire – a sack and capture of Rome by Visigoth chief Alaric in 410 AD. Describing Alaric’s deeds, John paid main attention not to plunders and destructions made by Goths in Rome, but to plots of the Senators against West Roman Emperor Honorius (395–423), while Greek church historians (including even Arian Philostorgius) depicted in depth strictly a siege and plundering of Rome. In this way, the author of the paper attempts to clear, why John neglected a meaning of destructions made by Alaric in Rome. In contrast to Greek historians, John doesn’t label Alaric as barbarian, he even doesn’t think on capture of Rome as on turning-point and tragic event, to John’s view it’s a routing event happened in the frameworks of *political* clashes and strife within West Roman Empire. What is most essential is that John doesn’t see in Rome’s capture a sign of God’s Providence, Alaric for him is a tool only of *political* clash between the Senators and the Emperor. To sum up, John actively combined traditions of two genres – secular and church history-writing, his work may be assessed not as chronicle as such, but rather as a mixture of church and secular (pagan) histories. *Funding.* The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00493, carried out on the basis of the St. Petersburg State University.

Key words: John of Nikiu, Alaric, Visigoths, city of Rome, church history-writing.

Citation. Mekhamadiev E.A. A Visigoth Chief Alaric and the Sack of Rome by the Visigoths in 410 AD as Viewed in the “Chronicle” of John of Nikiu: Narratives of a Catastrophe or Religion-Political Clashes? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 119-127. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.8>

**ВОЖДЬ ВЕСТГОТОВ АЛАРИХ И ЗАХВАТ РИМА ВЕСТГОТАМИ
В 410 г. В «ХРОНИКЕ» ИОАННА НИКИУСКОГО:
СЮЖЕТЫ КАТАСТРОФЫ
ИЛИ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ?****Евгений Александрович Мехамадиев**

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Коптский епископ города Никиу в дельте Нила Иоанн Никиуский (вторая половина VII в.) известен единственным текстом – «Хроникой», повествующей о событиях от сотворения мира до 640-х гг., но жанровая специфика этого труда не поддается однозначной идентификации. Тем не менее Иоанн активно и много использовал труды грекоязычных церковных историков первой половины V в. Сократа Схоластика и Эрмия Созомена, и сопоставление его сведений с их сведениями позволит не только более детально рассмотреть жанровую структуру «Хроники» Иоанна, но и показать особенности его собственного мировоззрения. В качестве сюжета для сравнения автор выбрал событие, знаковое для поздней Римской империи, – захват и разграбление Рима вождем вестготов Аларихом в 410 году. Рассказывая об Аларихе, Иоанн уделил особое внимание не грабежам и разрушениям, учиненным готами в Риме, а заговорам сенаторов против западно-римского императора Гонория (395–423 гг.), тогда как грекоязычные церковные историки (включая даже арианина Филосторгия) подробно рассказывали именно об осаде и разграблении Рима. Соответственно, автор статьи стремится выяснить, почему Иоанн не придал особого значения грабежам, произведенным Аларихом в Риме. В отличие от грекоязычных историков, Иоанн не называет Алариха варваром и даже не считает захват Рима варварами важным и трагическим фактом, для Иоанна это – рядовое событие в рамках *политических* интриг и междоусобиц в западной половине империи. Самое важное – Иоанн не видит во взятии Рима никакого Божественного промысла, Аларих для хрониста – орудие в *политической* борьбе между сенаторами и императором. Иоанн активно сочетал традиции двух жанров – светского и церковного историописания, его труд можно признать не хроникой как таковой, а смесью церковной и светской (языческой) истории. *Финансирование.* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00493, выполняемый на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

Ключевые слова: Иоанн Никиуский, Аларих, вестготы, город Рим, церковная историография.

Цитирование. Мехамадиев Е. А. Вождь вестготов Аларих и захват Рима вестготами в 410 г. в «Хронике» Иоанна Никиуского: сюжеты катастрофы или религиозно-политической борьбы? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 119–127. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.8>

Введение. Иоанн Никиуский – коптский епископ города Никиу на юго-западе дельты Нила в Египте [3], живший во второй половине VII в. [6, р. 555–556; 7, р. 356; 10, р. 43–44; 14, р. XXVI, XXVIII–XXIX; 15, р. 209–210; 17, р. 182; 29, р. 128–129; 38, р. 288], – известен исследователям как автор исторического труда под названием «Хроника», охватывающего период от сотворения мира до завоевания Египта арабами в 640–643 годах. На рубеже XII–XIII вв. или позже, в начале XIV в., эта «Хроника» была переведена с коптского или греческого оригинала на арабский, а с арабского – на классический эфиопский (геэз), перевод же на геэз был выполнен в 1601 г. при дворе императора Эфиопии Иакова I (1597–1603 гг.)

[4, с. 79–80; 39, р. 14–15]. До наших дней «Хроника» Иоанна Никиуского сохранилась только в эфиопском переводе [17, р. 184–185]¹, который был издан в 1883 г. французским востоковедом А. Зотенбером. Через несколько лет, в 1916 г., ирландско-британский библиист Р. Чарльз подготовил по изданию А. Зотенбера английский перевод «Хроники», который мы и будем цитировать в данной статье [9; 31].

В современной исследовательской литературе хорошо изучены источники Иоанна, и в частности – весьма подробно раскрыты сюжетные связи «Хроники» с грекоязычной церковной историографией V века. Как показали Д. Елагина и Дж. Фьяккадори, коптский хронист позаимствовал много сведений

о епископах и крупных богословских спорах IV – начала V в. из трудов Сократа Схоластика и Эрмия Созомена, влиятельных церковных историков первой половины V в. [14, р. XXXV; 15, р. 211, 213]. Соглашаясь с позицией исследователей, отметим, что, на наш взгляд, влияние традиций грекоязычных «Церковных историй» на Иоанна Никиуского можно проследить не только на примере собственно церковных, но и военно-политических сюжетов, тоже в большом количестве содержащихся в его «Хронике». В данной статье мы хотели бы рассмотреть сведения Иоанна Никиуского о знаменитом вожде германского племени вестготов Аларихе (правил ими в 391–410 гг.), захватившем и разграбившем Рим в августе 410 года. Поскольку Аларих активно упоминается и в трудах грекоязычных церковных историков, сопоставление их сведений со сведениями Иоанна, в свою очередь, позволит не только выявить методы его работы с жанром церковного историописания, но и уточнить, к какому жанру епископ из Никиу причислял свой собственный труд и как он понимал задачи своего жанра.

Методы и материалы. Согласно Иоанну, «И когда Феодосий-младший стал императором (император Восточной Римской империи Феодосий II, взошедший на престол в 408 г., правил до 450 г. – *Е. М.*), серьезный мятеж вспыхнул в городе Риме. Поскольку император Гонорий (дядя Феодосия II, правил в Западной Римской империи с 395 по 423 г. – *Е. М.*) покинул столицу своей империи и в негодовании удалился в город Равенна; ведь многие сенаторы ненавидели императора Гонория, Божьего святого, из-за его благочестивой жизни, так как он почитал Бога и выполнял все его заповеди. И как раз тогда вождь провинции Галлия по имени Аларих выступил вместе с многочисленной армией, чтобы захватить город Рим. И когда он прибыл, он вступил в переговоры с врагами императора, и они предложили ему [взять] дань с города; но он отказался получить ее, направился ко дворцу и захватил все императорские сокровища. И он увел [с собой] сестру императора Гонория, по имени Платидия, которая была девственницей. Затем этот завоеватель вернулся в Галлию. И у него (Алариха. – *Е. М.*) был некий чиновник по имени Констанций, и тот

привел молодую девушку [обратно] к ее брату, императору Гонорию, втайне от похитителя. И император почтил его и сделал визирем², а позже возвысил его до императорского трона, отдав ему в жены свою сестру-девственницу. И впоследствии они оба, император Гонорий и Констанций, выступили из Равенны, овладели Римом и предали смерти людей, поднявших мятеж против их господина, императора Гонория, и их было четыре человека»³.

Прежде всего отметим, что Иоанн, живший во второй половине VII в. в арабском Египте, то есть много веков спустя после падения Западной Римской империи (476 г.) и на значительном удалении от латиноязычных регионов Западной Европы, то есть бывших провинций западной половины империи, естественно, плохо знал последовательность и содержание событий начала V в. в Италии и Галлии. Епископ из Никиу называет Алариха «вождем провинции Галлия», но из сведений греко-латинских источников, созданных непосредственно в V в., мы четко знаем, что к 410 г. практически вся Галлия, за исключением некоторых ее приальпийских регионов, контролировалась узурпатором Константином III, прибывшим в Галлию из Британии весной 407 года. Как проследили Й. Вайнendale, К. Делаплас и К. Элинг, с весны 407 г. по весну 408 г. Константин III захватил обширную территорию от города Бонония (Булонь-Сюр-Мер) на северо-западном побережье Галлии до городов Лугдун (Лион), Арелат (Арль) и Валентия (Валанс) на юго-востоке Галлии. Соответственно, как заключают указанные исследователи, сам Аларих, находившийся к весне – лету 408 г. в Норике (современная Австрия) вместе со своим племенем и на тот момент еще поддерживавший союзнические отношения с западноримской администрацией, как раз и должен был выступить против Константина III, чтобы сдержать его продвижение в Италию [11, р. 138–139; 13, S. 3–5; 36, р. 262–263, 265–266]⁴.

Значительные фактические ошибки Иоанн допускает и в отношении Галлы Платидии, сестры императора Гонория: по словам Иоанна, Галлу похитил и увез из Рима в Галлию Аларих, тогда как в реальности в 412 г., то есть уже после смерти Алариха (конец 410 г.), ее перевез в Галлию новый

король вестготов Атаульф, а вернул обратно в Италию король Валия (правил вестготами в 415–418 гг.), заключивший в 416 г. очередной мирный договор с Гонорием (прежний договор был расторгнут Аларихом, начавшим осенью 409 г. осаду Рима) ⁵.

Вместе с тем рассказ Иоанна серьезно отличается от сообщений грекоязычных церковных историков как в смысловом, так и в идеологическом плане: коптский хронист по-иному расставляет акценты в этом сюжете, уделяя основное внимание религиозно-политической борьбе, развернувшейся в Риме во время осады, и, наоборот, очень кратко упоминая о разрушениях, учиненных готами в Риме, и в целом об их пребывании в городе. Соответственно, рассмотрим более подробно сведения грекоязычных церковных историков, чтобы выяснить, почему Иоанн, читавший их труды, выдвинул на первый план проблемы внутренних религиозно-политических споров, а не взятия и разграбления города Рима.

Анализ. Из грекоязычных церковных историков об осаде Рима Аларихом рассказывают Сократ Схоластик, Эрмий Созомен и Филосторгий (историк-еретик арианского толка из Каппадокии, ок. 368 – после 430-х гг., живший по большей части в Константинополе [19, р. 111–112]), соответственно, мы начнем со сведений Сократа Схоластика, написавшего свой труд вскоре после 439 г. [32, р. 1399, sv. Socrates]. Согласно Сократу, Аларих «...прибыл в Иллирик ⁶ и тотчас же все разграбил... После этого, когда его люди разграбили все, что попало [им] под руку, они наконец захватили и Рим. И они (готы. – *Е. М.*) разорили его (Рим. – *Е. М.*), сожгли многие его замечательные здания, а деньги – похитили... И, учинив такое, он (Аларих. – *Е. М.*) обратился в бегство, испугавшись слухов о том, что царь Феодосий (Феодосий II. – *Е. М.*) отправил войско для войны с ним» (γενόμενος δὲ ἐπὶ τὰ Ἰλλυριῶν εὐθὺς πάντα ἀνέτρεπε... Μετὰ δὲ ταῦτα πᾶν τὸ παραπεσὸν ἀφανίζοντες οἱ σὺν αὐτῷ, τέλος καὶ τὴν Ῥώμην κατέλαβον· καὶ πορθήσαντες αὐτήν, τὰ μὲν πολλὰ τῶν θαυμαστῶν ἐκείνων θεαμάτων κατέκαυσαν· τὰ δὲ χρήματα δι' ἀρπαγῆς ἔλαβον... Καὶ ταῦτα καταπραξάμενος εἰς φυγὴν ἐτρέπη, φήμης αὐτὸν ἐν φόβῳ καταστησάσης, ὡς εἶη ὁ βασιλεὺς Θεοδόσιος δύναμιν ἀποστείλας τὴν αὐτῷ πολεμήσουσαν – Socr. HE. VII. 10).

В современной литературе, посвященной Сократу Схоластику (исследования Т. Урбейчик, М. Валльрафа, Т. Хидбера, У. Роберто), его труд оценивается прежде всего как рассказ о многочисленных конфликтах внутри христианской церкви: главными сюжетами труда Сократа исследователи считают борьбу ересей с ортодоксальным учением, епископов друг с другом и, наконец, различные богословские споры. Вместе с тем, как справедливо заметили М. Валльраф и У. Роберто, Сократ не обходит стороной и проблему варваров, причем и в ее широком, этнографическом смысле: с одной стороны, он призывает императоров и рядовое население усилить сопротивление готам, а с другой – полагает, что церковь должна расширить свою миссионерскую деятельность среди соседних с империей народов [16, S. 45, 51–52; 28, р. 482–491; 34, р. 70–71, 73–76, 99; 35, S. 33–34, 36, 39–40, 129–130].

Исходя из цитированного выше фрагмента, мы можем признать, что Сократ использовал сюжет со взятием Рима вестготами скорее как дополнительный повод выразить свое недовольство общим характером действий варваров в империи – их грабежами, бесконтрольными передвижениями по территории западных провинций и постоянным ростом их количества в пределах империи. Иоанн же Никиуский, наоборот, не воспринимает Алариха как варвара-грабителя, убийцу и разрушителя, для коптского хрониста не принципиален даже сам факт победы варвара над римлянами и захвата варварами древней и прославленной столицы империи ⁷. Примечательно, но Иоанн даже не называет Алариха варваром: епископ из Никиу именуется Алариха либо вождем Галлии, либо завоевателем, используя тем самым этнически нейтральные термины. Главным объектом критики для Иоанна выступает не вождь вестготов, а сенаторы города Рима, согласно сведениям Иоанна, интриговавшие против императора Гонория, сами вступившие в сговор с Аларихом и сдавшие ему город. Причину же этих интриг Иоанн видит в религиозном конфликте: Гонорий был христианином, а сенаторы – язычниками.

В этом смысле Эрмий Созомен более близок Иоанну: по словам Созомена, «И, достигнув Рима, он (Аларих. – *Е. М.*) подверг его осаде, разместив на реке Тибр многочисленных

варваров, чтобы продовольствие не доставлялось в город из Порта (так римляне называют гавань). Во время проводившейся осады, когда город мучили голод и эпидемия... сенаторы, придерживающиеся языческих верований, посчитали необходимым провести обряды на Капитолии и в других храмах... Но результат показал, что никакой пользы от них (языческих обрядов. – Е. М.) городу не будет: ведь здравомыслящим людям было ясно, что это произошло с Римлянами из-за гнева Божьего [и было ниспослано им] в качестве наказания за их постоянную беспечность и распущенность, и за то, что они несправедливо и недостойно вели себя по отношению к гражданам и чужеземцам» (καὶ καταλαβὼν τὴν Ῥώμην ἐπολιόρκει πολλοὺς βαρβάρους ἐπιστήσας Θύβριδι τῷ ποταμῷ, ὥστε μὴ εἰσκομίζεσθαι τὰ ἐπιτήδεια τοῖς ἐν τῇ πόλει ἀπὸ τοῦ Πόρτου (ὧδε γὰρ ὀνομάζουσι τὸ Ῥωμαίων ἐπίνειον). χρονίας δὲ γενομένης τῆς πολιορκίας λιμοῦ τε καὶ λοιμοῦ τὴν πόλιν πιέζοντος... ἀναγκαῖον ἐδόκει τοῖς ἐλληνίζουσι τῆς συγκλήτου θύειν ἐν τῷ Καπιτωλίῳ καὶ τοῖς ἄλλοις ναοῖς... ἀλλὰ τούτων μὲν οὐδὲν ὄφελος ἔσεσθαι τῇ πόλει ἢ ἀπόβασις ἔδειξεν. τοῖς γὰρ εὖ φρονοῦσιν ὑπὸ θεομηνίας κατεφαίνετο ταῦτα συμβαίνειν Ῥωμαίοις κατὰ ποινήν ὧν πρὸ τοῦ ὑπὸ πολλῆς ῥαστώνης καὶ ἀκολασίας εἰς ἀστοὺς καὶ ξένους ἀδίκως καὶ ἀσεβῶς ἤμαρτον – Soz. HE. IX. 6. 2–3, 5).

Исследователи, изучавшие жанровые, идеологические и структурно-композиционные особенности труда Эрмия Созомена, полагают, что главная цель Созомена заключалась в том, чтобы показать процесс триумфального распространения ортодоксального (никейского) христианства по всему миру (точнее – в пределах известной тогда ойкумены): по мнению исследователей, на страницах своего труда церковный историк последовательно доказывал читателю, что ортодоксальное христианство уже победило язычество и все существовавшие к тому времени ереси и неизбежно победит любые будущие еретические учения. Именно поэтому, как подчеркивают исследователи, Созомен уделял много внимания христианизации германцев и других соседних с империей народов, в силу этой же причины труд Созомена содержит много этнографических экскурсов об обычаях и нравах различных племен [2, с. 162–164; 20,

S. 30–31; 23, p. 498, 500–501, 503–504, 506, 511–512, 518–519; 24, S. 83; 25, p. 279–280; 30, p. 52, 59–62, 66].

В целом, как мы полагаем, слова Созомена о сенаторах, проводивших языческие обряды, вполне соответствуют указанной тенденции: сенаторам не помогли их языческие верования, их молитвы оказались бесполезными, а готы не только разграбили Рим, но и лишили его жителей продовольствия, подвергнув их угрозе голода. Вместе с тем, как видим, Созомен, в отличие от Иоанна Никиуского, не обвиняет сенаторов в заговоре против Гонория и в участии в какой-либо политической деятельности – Созомен вообще ничего не говорит о политических взглядах сенаторов и не стремится представить их как некую *политическую* оппозицию Гонорию. Наоборот, деятельность сенаторов интересует церковного историка исключительно и только в религиозном аспекте: они придерживались ложного вероисповедания и именно поэтому ничем не смогли помочь городу.

И наконец, рассмотрим сведения Филосторгия, труд которого дошел до нас только во фрагментах – в выписках, сделанных знаменитым византийским патриархом Фотием (вторая половина IX в.): как пишет Филосторгий, «он (Аларих. – Е. М.) быстро захватывает Порт. Это самая большая гавань Рима... в ней, согласно древнему обычаю, хранились и все государственные [запасы] хлеба. Легко захватив Порт и осадив Рим нехваткой продовольствия и другими кознями, он берет [его] силой» (Ὁ δὲ θᾶττον καταλαμβάνει τὸν Πόρτον. μέγιστον δὲ οὗτος νεώριον Ῥώμης... ἐν τούτῳ δὲ καὶ ὁ δημόσιος ἅπας σῖτος κατὰ παλαιὸν ἔθος ἐταμιεύετο. ἐλὼν δὲ ῥᾶον τὸν Πόρτον, καὶ τῇ σιτοδείᾳ ἢ ταῖς ἄλλαις μηχαναῖς πολιορκήσας τὴν Ῥώμην κατὰ κράτος αἰρεῖ – Philostorg. HE. XII, fr. 3, l. 8–13). Далее, со слов Филосторгия, разгневавшись из-за неудачных переговоров с Гонорием, Аларих «через год после первого нападения на Порт [вновь] устремляется на Рим в качестве врага. В результате чего [Римом], величием такой славы и везде известной силы, завладели чужеземный огонь, вражеский меч и варварский грабеж» (μετὰ ἐνιαυτὸν τῆς προτέρας ἐπὶ τὸν Πόρτον ἐφόδου ὡς πολέμιος ἐπελαύνει τῇ Ῥώμῃ. καὶ τὸ ἐντεῦθεν τῆς τοσαύτης δόξης τὸ μέγεθος καὶ τὸ τῆς δυνάμεως

περίωνυμον ἀλλόφυλον πῦρ καὶ ξίφος πολέμιον καὶ αἰχμαλωσία κατεμερίζετο βάρβαρος – Philostorg. HE. XII, fr. 3, l. 33–37).

Б. Блекманн и Г. Мараско, неоднократно обращавшиеся в своих исследованиях к сведениям Филосторгия, пришли к выводу, что его рассуждения об Аларихе больше соответствуют традициям языческой, а не христианской историографии, при этом как в мировоззренческом, так и в содержательном плане: в отличие от Сократа Схоластика и Эрмия Созомена, Филосторгий считал разграбление Рима варварами трагическим и эпохальным, а не рядовым событием, в захвате Рима он видел признак упадка былой мощи и славы империи, а самих вестготов не рассматривал как орудие Божьего гнева, ниспосланное жителям Рима в наказание за их грехи [5, S. 100–101, 103–104; 22, p. 281].

Мы же, сопоставляя сведения Филосторгия со сведениями Иоанна Никиуского, можем отметить, что, скорее, наоборот, в сюжетно-событийном плане Филосторгий весьма близок другим грекоязычным церковным историкам: как и Сократ с Созоменом, Филосторгий довольно подробно рассказывает о разрушениях, учиненных готами Алариха в Риме, упоминает о голоде и эпидемиях, вспыхнувших в городе из-за набегов Алариха, и в целом высказывает негативное отношение к варварскому вождю, считая, что его действия несут разорение и смерть жителям Вечного города⁸. Иоанн же Никиуский, в отличие от Филосторгия и других его грекоязычных «коллег», во-первых, не считал захват и разграбление Рима сколько-нибудь значимым событием, а во-вторых, возлагал всю вину за бедствия Рима не на Алариха и не на простых горожан, а на сенаторов-язычников, поскольку они, согласно Иоанну, ненавидели христианина Гонория и предательски сдали город врагу.

Результаты. Итак, сопоставив сведения грекоязычных церковных историков и Иоанна Никиуского об Аларихе, мы можем выделить некоторые важные особенности мировоззрения коптского хрониста. Совершенно четко видно, что Иоанн, хорошо знакомый с грекоязычной церковной историографией, знающий ее методы, идеологию и понимающий ее жанровую структуру, тем не менее пытался выйти за тематические рамки этой историографии – он не

желал ограничиваться стандартным набором сюжетов и логикой повествования церковных историков, а наоборот, весьма активно сочетал традиции церковного историописания со светским (языческим, риторическим), таким как у византийских историков VI века. Прокония Кесарийского и Агафия Миринейского. В самом деле, Иоанн не только не рассказывает о бедствиях, перенесенных жителями Рима из-за нашествия Алариха, но и не считает эти события частью церковной истории, то есть отражением некоего Божественного замысла: коптский хронист пишет о взятии Рима как о событии *политической* истории, считает разграбление города результатом борьбы двух политических группировок – императора и его приближенных, с одной стороны, и сенаторов – с другой. Конечно же, в определенной мере Иоанн окрашивает конфликт между императором и сенаторами в религиозные тона, тем не менее он называет действия сенаторов мятежом, то есть воспринимает противоречия между сенаторами и императором как борьбу за власть, а не религиозные убеждения, самого же Алариха считает всего лишь орудием (во многом случайным) борьбы влиятельных людей (повторим – людей, а не сверхъестественных, метафизических сил!) друг с другом. Иоанн действительно ничего не говорит о Божьем гневе и каком-либо вмешательстве Бога в эти события, Иоанн даже никак не оценивает сам факт разграбления Рима варваром и, повторим, не называет варваром самого Алариха.

Отметим, что еще в 2003 г. Ж.-М. Карри высказал позицию, примерно схожую с нашей, – «Хроника» епископа из Никиу представляла собой смесь двух жанров, церковной истории и светской истории (хроники), тесно переплетенных друг с другом [8, p. 167], – но на примере сведений об Аларихе мы хотели бы подчеркнуть, что Иоанн Никиуский сочетал эти жанры осмысленно и творчески, а не как переписчик-компилятор. В самом деле, как показывает пример с Аларихом, Иоанн Никиуский вполне свободно отказывался от трактовки истории церкви и государств как результата Божественного промысла и вместо этого объяснял историю как результат действий людей, часто весьма хаотичных и движимых корыстными мотивами. Другими словами, там, где Иоанн Никиуский считал

нужным, он заменял богословскую (провиденциальную) трактовку исторического процесса на светскую – поведенческо-событийную, рассматривая, к примеру, историю Западной Римской империи как борьбу людей друг с другом за свои корыстные интересы и различные ресурсы. Следовательно, Иоанн понимал исторический процесс не только как результат Божественного предопределения, но и как совокупность случайных («человеческих») событий и факторов – тем самым Иоанн, хорошо знавший и читавший ранневизантийскую грекоязычную церковную историографию, часто вступал в прямое противоречие с ее идеями, предполагавшими, что отдельные люди и их сообщества – всего лишь орудия Божественного замысла. Но, судя по всему, подобные противоречия не вызывали у Иоанна особых затруднений – епископ из Никиу работал с сюжетами грекоязычных «Церковных историй» в соответствии со своими жанровыми и мировоззренческими предпочтениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В современной исследовательской литературе до сих пор не решен вопрос, на каком языке Иоанн Никиуский написал свой труд: к примеру, Дж. Ховард-Джонстон полагает, что в оригинале «Хроника» была написана на коптском (этой позиции придерживается и Р. Хойланд [18, р. 152]), С.А. Французов же считает, что оригинальным языком текста был греческий (см.: [4, р. 79]).

² Это арабское слово, перешедшее в эфиопский перевод «Хроники» Иоанна из ее более раннего арабского перевода, судя по всему, подразумевало в тексте «Хроники» любого крупного придворного чиновника, близкого к императору. В реальности же с 411 по 421 г. Констанций занимал должность начальника обеих войск (*magister utriusque militiae*) – главнокомандующего всеми экспедиционными войсками западной половины империи, как конными, так и пешими (см.: [33, р. 322, sv. Constantius 17]).

³ [31, р. 92–93 (84. 15–20)]: And when Theodosius the Younger became emperor, a serious sedition took place in the city of Rome. For the emperor Honorius had abandoned (the seat) of his empire and withdrawn in indignation to the city of Ravenna, for many of the senators hated the emperor Honorius, the saint of God, because of his good life, for he feared God and fulfilled all His commandments. And just then a chief of the province of Gaul, named Alaric, set out with a numerous force to seize the city of Rome.

And when he arrived, he came to terms with the enemies of the emperor, and they offered him tribute from the city, but he refused to receive it and marched to the palace and seized all the imperial possessions. And he carried off the sister of the emperor Honorius, named Placidia, who was a virgin. Then this conqueror returned to Gaul. And he had a certain official with him, named Constantius, and he carried off the younger girl to her brother, the emperor Honorius, without the knowledge of the conqueror. And the emperor honoured him, made him a vizier, and later raised him to the imperial throne and gave him his virgin sister in marriage. And subsequently, the two, the emperor Honorius and Constantius, set out from the city of Ravenna and made themselves masters of Rome and put to death the men who had originated the sedition against their lord, the emperor Honorius, and these were four in number.

⁴ Сведения нумизматики позволили исследователям уточнить, что вплоть до весны 408 г. Арль и некоторые близлежащие области на юге Галлии все же находились под контролем Гонория и только в мае 408 г. Константин III захватил Арль и начал чеканить там монеты от своего имени (см.: [21, S. 38; 12, р. 275–279; 1, р. 8]).

⁵ Хронологию событий и обзор сведений источников см.: [33, р. 177 (sv. Athaulfus), 888–889 (sv. Aelia Galla Placidia 4), 1148 (sv. Vallia)].

⁶ Земли по среднему течению Дуная; судя по всему, речь в этой строке идет о первом вторжении Алариха в Италию в 402 г., куда он двигался как раз через Иллирик. Потерпев поражение от римских войск, Аларих вернулся в Иллирик и в 402–405 гг. заключил соглашение с западноримской администрацией, по условиям которого он со своим племенем расселился в провинции Паннония II (находилась к югу от реки Драва, примерно соответствовала северо-западу современной Сербии); в 406–407 гг. Аларих переместился в Эпир (в основном юг современной Албании), а в 408 г. прибыл оттуда в Норик. См.: [11, р. 123–125; 26, р. 194–195].

⁷ Об общих особенностях отношения Сократа к варварам и их положению в поздней Римской империи см.: [27, р. 110].

⁸ Об отношении Филосторгия к городу Риму и западным провинциям империи в целом в период IV – начала V в. см.: [37, S. 242–243].

REFERENCES

1. Gratsianskiy M.V., Norkin K.V. Na sluzhbe imperii: papa Zosim i Rimskii sobor 417 goda [In the Service of the Empire: Pope Zosimus and the Roman Synod of 417]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*

[Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 6-23.

2. Krivushin I.V. *Rannevizantiyskaya tserkovnaya istoriografiya* [Early Byzantine Church History Writing]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1998. 255 p.

3. Saveleva D.I. Egiptetskiy gorod Nikiu v efiopskom sinaksare [Egyptian City of Nikiu in the Ethiopian Synaxarium]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Investigations and Publications of the History of the Ancient World], 2022, no. 22 (1–2), pp. 268-273.

4. Frantsuzov S.A. Khronika Ioanna Nikiuskogo: nekotorye osobennosti yazyka i sodержaniya [Chronicle of John of Nikiu: Some Peculiarities of Its Languages and Contents]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Philologiya* [Herald of St. Tikhon's Orthodox Humanity University. Series 3: Philology], 2010, no. 4 (22), pp. 77-86.

5. Bleckmann B. Krisen und Krisenbewältigung. Die Eroberung Roms durch Alarich in der Darstellung Philostorgs. *Die Wahrnehmung von Krisenphänomenen: Fallbeispiele von der Antike bis in Neuzeit*. Köln, Böhlau Verlag, 2007, pp. 97-109.

6. Booth Ph. Shades of Blues and Greens in the Chronicle of John of Nikiou. *Byzantinische Zeitschrift*, 2011, vol. 104, no. 2, pp. 555-601.

7. Carile A. Giovanni di Nikius, cronista bizantino-copto del VII secolo. *Byzantium: Tribute to Andreas N. Stratos. Vol. II. Theology and Philology*. Athen, Nia A. Stratos, 1986, pp. 353-398.

8. Carrié J.-M. Jean de Nikiou et sa Chronique: une écriture "égyptienne" de l'histoire. *Événement, récit, histoire officielle: L'écriture de l'histoire dans les monarchies antiques: Actes du Colloque du Collège de France 24–25 juin 2002*. Paris, Cybèle, 2003, pp. 155-172.

9. *Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg*. Paris, Imprimerie nationale, 1883. 488 p.

10. Colin G. L'Égypte pharaonique dans la Chronique de Jean, évêque de Nikiou. *Revue d'Égyptologie*, 1995, vol. 46, pp. 43-54.

11. Delaplace Chr. *La fin de l'Empire romain d'Occident. Rome et les Wisigoths de 382 à 531*. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2015. 373 p.

12. Drinkwater J.F. The Usurpers Constantine III (407–411) and Jovinus (411–413). *Britannia*, 1998, vol. 29, pp. 269-298.

13. Ehling K. Zur Geschichte Constantins III. *Francia*, 1997, vol. 23, pp. 1-11.

14. Elagina D. *The Textual Tradition of the Chronicle of John of Nikiu: Towards the Critical Edition of the Ethiopic Version. PhD Diss.* Hamburg, 2018. 125 p.

15. Fiaccadori G. John of Nikiou. *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol. I*. Leiden; Boston, Brill, 2009, pp. 209-218.

16. Hidber Th. Eine Geschichte von Aufruhr und Streit: Sokrates' Kirchengeschichte und die Tradition der Zeitgeschichtsschreibung. *Die Welt des Sokrates von Konstantinopel. Studien zu Politik, Religion und Kultur im späten 4 und frühen 5. Jh. n. Chr.* München, Saur, 2001, pp. 44-59.

17. Howard-Johnston J. *Witnesses to a World Crisis. Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century*. Oxford, Oxford University Press, 2010. 573 p.

18. Hoyland R. *Seeing Islam as Others Saw It: A Survey and Evaluation of Christian, Jewish and Zoroastrian Writings on Early Islam*. Princeton, Darwin Press, 1997. 872 p.

19. Leppin H. Heretical Historiography: Philostorgius. *Studia Patristica*, 2001, vol. 34, pp. 111-124.

20. Leppin H. *Von Constantin dem Großen zu Theodosius II. Das christliche Kaisertum bei den Kirchenhistorikern Socrates, Sozomenus und Theodoret*. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1996. 350 p.

21. Lütkenhaus W. *Constantius III. Studien zu seiner Tätigkeit und Stellung im Westreich, 411–421*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt, 1998. 232 p.

22. Marasco G. The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasius of Cyzicus. *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*. Leiden, Brill, 2003, pp. 257-288.

23. Motta D. La rappresentazione dei barbari in Sozomeno. *Mediterraneo antico*, 2005. vol. 8, no. 2, pp. 495-521.

24. Nuffelen P., van. Sozomenos und Olympiodoros von Theben oder wie man Profangeschichte lesen soll. *Jahrbuch für Antike und Christentum*, 2004, vol. 47, pp. 81-97.

25. Nuffelen P., van. *Un héritage de paix et de piété. Étude sur les Histoires ecclésiastiques de Socrate et de Sozomène*. Leuven, Brepols, 2004. 583 p.

26. Palazzi M. Alarico e i foedera fra IV e V secolo. Aspetti delle relazioni internazionali fra Impero romano e barbari in epoca tardoantica. *Romani e barbari. Incontro e scontro di culture*. Torino, CELID, 2004, pp. 187-208.

27. Roberto U. Alarico e il sacco di Roma nelle fonti dell'Oriente romano. *Der Fall Roms und seine Wiederauferstehungen in Antike und Mittelalter*. Berlin, De Gruyter, 2013, pp. 109-130.

28. Roberto U. Socrate e la barbarizzazione dell'impero romano. *Mediterraneo antico*, 2005, vol. 8, no. 2, pp. 475-493.

29. Rodinson M. Notes sur le texte de Jean de Nikiou. *IV Congresso Internazionale di Studi Etiopici (Roma, 10–15 aprile 1972). T. II. Sezione Linguistica*. Roma, Accademia Nazionale dei Lincei, 1974, pp. 127-137.

30. Stevenson W. Sozomen, Barbarians, and Early Byzantine Historiography. *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 2002–2003, vol. 43, pp. 51-75.
31. Charles R.H., ed. *The Chronicle of John Bishop of Nikiu. Translated from Zotenberg's Ethiopic*. London; Oxford, Williams and Nordgate, 1916. 216 p.
32. Nicholson O., ed. *The Oxford Dictionary of Late Antiquity. Vol. II. J–Z*. Oxford, Oxford University Press, 2019, pp. 801-1637.
33. Martindale J.R., ed. *The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2*. Cambridge, Cambridge University Press, 1980. 1342 p.
34. Urbainczyk Th. *Socrates of Constantinople. Historian of Church and State*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1997. 215 p.
35. Wallraff M. *Der Kirchenhistoriker Sokrates. Untersuchungen zu Geschichtsdarstellung, Methode und Person*. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1997. 379 p.
36. Wijnendaele J. 'Dagli altari alla polvere'. Alaric, Constantine III, and the downfall of Stilicho. *Journal of Ancient History*, 2018, vol. 6 (2), pp. 260-277.
37. Wirbelauer E. Die Eroberung Roms in der Darstellung Philostorgos. *Philostorge et l'historiographie de l'Antiquité tardive / Philostorg im Kontext der spätantiken Geschichtsschreibung*. Stuttgart, Steiner Verlag, 2011, pp. 229-245.
38. Witakowski W. Ethiopic Universal Chronography. *Julius Africanus und die christliche Weltchronistik*. Berlin; New York, De Gruyter, 2006, pp. 285-301.
39. Yirga F.-S. *The Chronicle of John of Nikiu: Historical Writing in Post-Roman Egypt. PhD Diss.* Columbus, 2020. 209 p.

Information About the Author

Evgeniy A. Mekhamadiev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Medieval History, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, e.mehamadiev@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-4588>

Информация об авторе

Евгений Александрович Мехамадиев, доктор исторических наук, доцент кафедры истории средних веков, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e.mehamadiev@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-4588>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.9>

UDC 94“04/14”:929.651

LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 15.06.2024

Accepted: 14.09.2024

THE “SERMON ON LAW AND GRACE” IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN-BYZANTINE CONFLICT IN THE MID-11th CENTURY

Andrey Yu. Vinogradov

HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article offers a new interpretation of the ideological content of the *Sermon on Law and Grace* in the context of the Russian–Byzantine conflict in the mid-11th century. Presented, apparently, in the Tithe Church on March 26, 1049, it contains Yaroslav’s program to strengthen the prestige and independence of the Russian Church. The compilation of the *Sermon* was entrusted to one of the most educated Eastern Slavs of his time, the princely presbyter Ilarion: on the one hand, he did not directly subordinate to the metropolitan, and on the other, the prince did not directly reveal the origin of his initiative. By showing that the era of Jewish law was replaced by the era of Christian grace, Ilarion demonstrates that Russia took an equal place among Christian nations thanks to its baptism by Prince Vladimir, who himself was baptized miraculously. Without directly calling Vladimir a saint, the author raises his status by likening him to the apostles and saints. To Constantine the Great, which also sanctifies his descendants and, first of all, Yaroslav, represented as the successor of his father’s work. In addition to this, Ilarion introduces for the first time in Russian literature the idea of the divine establishment of the prince’s power, likening him implicitly to the Byzantine emperor, whom Yaroslav guided in his construction of churches and their decoration. Thus, Yaroslav, like the Emperor, also gets the right to interfere in the affairs of the Church, which happened very soon, in 1051.

Key words: Prince Yaroslav, Metropolitan Ilarion of Kiev, Sermon on Law and Grace, Russian Church, Byzantine Empire.

Citation. Vinogradov A.Yu. The “Sermon on Law and Grace” in the Context of the Russian-Byzantine Conflict in the Mid-11th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 128-141. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.9>

УДК 94“04/14”:929.651

ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 15.06.2024

Дата принятия статьи: 14.09.2024

«СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКОГО КОНФЛИКТА СЕРЕДИНЫ XI ВЕКА

Андрей Юрьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье предлагается новое прочтение идейного содержания «Слова о законе и благодати» в контексте русско-византийского конфликта середины XI века. Произнесенное, по всей видимости, в Десятинной церкви 26 марта 1049 г., оно содержит в себе программу Ярослава по усилению престижа и самостоятельности Русской Церкви. Составление «Слова» было поручено одному из самых образованных русских людей своего времени – княжескому пресвитеру Илариону: с одной стороны, он не подчинялся напрямую митрополиту и не мог быть им наказан, а с другой, князь прямо не открывал происхождение своей инициативы. Показав, как эпоху иудейского закона сменила эра христианской благодати, Иларион демонстрирует, что Русь заняла равное место среди христианских народов благодаря своему крещению князем Владимиром, который сам крестился чудесным образом. Не называя Владимира напрямую святым, автор повышает его статус через уподобление апостолам и св. Константину Великому, что освящает также его потомков и в первую очередь Ярослава, представленного продолжателем дела отца. Вдобавок к этому Иларион впервые в русской литературе вводит идею богоустановленности власти князя, уподобляя его под-

спудно византийскому императору, на которого Ярослав ориентировался и в своем строительстве храмов и их украшении. Таким образом, Ярослав, подобно василевсу, получает и право вмешиваться в дела Церкви, что и произошло весьма вскоре, в 1051 году.

Ключевые слова: Ярослав Владимирович, Иларион Русин, «Слово о законе и благодати», Русская Церковь, Византийская империя.

Цитирование. Виноградов А. Ю. «Слово о законе и благодати» в контексте русско-византийского конфликта середины XI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 128–141. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.9>

Введение. «Слово о законе и благодати», один из самых необычных литературных памятников Древней Руси, неоднократно привлекало внимание исследователей. Однако им и по сей день нелегко вписать его в исторический контекст, без которого затруднительно понять адекватно идеи текста. Причиной этому во многом неясность с обстоятельствами создания памятника.

Методы. Исследователи применяли различные методы и выдвигали разные гипотезы относительно времени и места изначального произнесения «Слова». Наиболее сильным аргументом касательно последнего представляется обращение Илариона к гробнице Владимира, которая находилась в Десятинной церкви¹, прямо призываемой здесь во свидетели и заново освященной митрополитом Феопемптом после полной росписи в 1039/40 г. [13]. В последнее время активно обсуждается предположение, что с этими торжествами связан первый вариант «Слова на обновление Десятинной церкви», прославляющего освящение Руси мощами св. Климента [22, с. 35–43, 63, 136–142, 184; 15].

Сложнее вопрос о времени создания «Слова». Оно было составлено после освящения упомянутой в нем церкви Благовещения на Золотых воротах Киева в конце 1030-х гг. [6] и до смерти супруги Ярослава Ирины-Ингигерды 10 февраля 1051 г., прославляемой здесь как живая. Значит, оно возникло до поставления Илариона в митрополиты (вскоре после 1 марта 1051 г.), то есть тогда, когда он еще был пресвитером храма свв. Апостолов в резиденции Ярослава на Берестове (ПСРЛ, т. 1, стб. 155–156; т. 2, стб. 144).

Н.Н. Розовым «Слово» было определено как пасхально-благовещенская проповедь (на основании использования в нем служб этим праздникам): ее произнесение

может быть датировано 26 марта 1049 г., в день Пасхи и сразу после Благовещения [23, р. 147–148]². Это объяснило бы и произнесение пасхальной проповеди не в кафедральном соборе Св. Софии (или благовещенской – не в храме на Золотых воротах): на 1049 г. приходилось десятилетие переосвящения Десятинной церкви – династической усыпальницы Рюриковичей. В таком случае составление «Слова» непосредственно предшествует русско-византийскому церковному конфликту, который начался с избрания Илариона в митрополиты Киевские в 1051 г. собором русских епископов по инициативе Ярослава, вопреки существовавшей практике присылки первоиерарха Руси из Константинополя [7], и закончился согласием князя принять митрополита-грека Ефрема, прибывшего на Русь, как выяснилось недавно, не позднее ноября 1052 г. [14]. Это обстоятельство заставляет нас заново посмотреть на текст «Слова» как непосредственного предшественника данного конфликта.

Анализ. Текст. Текстуальное единство и стратификация «Слова о законе и благодати» (критическое издание – [19, с. 78–108]) и даже его авторство, в том числе для различных частей, становилось предметом научной дискуссии [18; 34]. Однако даже возможное добавление отдельных слов и фраз не меняет общей структуры и смысла текста, а его «многослойность» может частично объясняться превращением проповеди в письменное произведение. Формально оно делится на 3 части: собственно «Слово», «Похвалу Владимиру» и «Молитву». Для нас существенно, что «Похвала», в отличие от «Молитвы», почти единодушно считается оригинальной частью памятника³: она не могла существовать отдельно от предшествующего текста, дающего ей теоретическое обоснование, а тот, в свою

очередь, не имеет собственного финала. Этот факт позволяет нам анализировать «Слово» (без «Молитвы») как единую структуру. Анализ его содержания производился исследователями неоднократно (лучший разбор – [21, с. 100–114]), и мы не претендуем здесь на особую новизну – для нас важнее проследить, как идеи Илариона вписываются в церковную политику Ярослава.

«Слово», судя по упоминанию присутствующих свидетелей, предназначалось для произнесения, хотя фраза «ни къ невѣдущимъ бо пишемъ» указывает на его письменную подготовку [27, с. 48] или, скорее, редактирование. Оно представляет собой типичную для Византии гомилию на богословскую тему, основанную на иллюстрациях и цитатах из Библии и христианской истории, которые перемежаются авторскими ремарками. Набор exempla во многом определяет структуру текста: пролог, ветхозаветная часть (дети Авраама, благословение сыновей Исаака и Гедеон), новозаветная часть (беседа с самарянкой, жизнь Христа от воплощения до Воскресения, Его чудеса, пророчества об Иерусалиме и их исполнение, отослание учеников на проповедь), торжество христианства и «Похвала Владимиру» (история князя, собственно похвала, перечисление свидетелей его благочестия, обращение к Владимиру во гробе), завершающаяся «Молитвой».

Текст «Слова», особенно в первых 3 разделах, построен преимущественно на антитезах или, точнее, парах ветхо- и новозаветных параллелей. В прологе противопоставляются «Богъ Израилевъ – Богъ христианскъ», оправдание «прежде... скрижалъми и закономъ» – спасение «послѣжде... Евангелиемъ и крещениемъ», «законъ... прѣдътечя... и слуга благодѣти и истинѣ – истина... и благодѣть, слуга будущему вѣку», «прѣжде стѣнь – потомъ истина» (здесь и далее текст «Слова» цитируется по: [4, с. 26–56]). Это задает основную тему «Слова» – переход от закона, ассоциирующегося с прошлым и иудеями, к благодати, связанной с будущим и христианами.

В истории детей Авраама, кроме этого, противопоставляются «Агарь раба съ сыномъ еѣ Измаиломъ – и Исаакъ, сынъ свободныя, наслѣдникъ», которые в конце толкуются как

прообразы иудеев и христиан. К этой паре добавляется параллель между историей детей Авраама и действиями Бога:

Авраамъ убо от уности своєї Сарру имѣ жену си, свободную, а не рабу – Богъ убо прѣжде вѣкъ изволи и умысли сына своего въ миръ послати и тѣмъ благодѣти явитися.

Сарра же не раждаше... заключена бѣ Божиимъ промысломъ на старость родити – Безвѣстная же и таинаа прѣмудрости Божии утаена бяху ангель и человекъ.

Сарра же глагола къ Аврааму: ...вѣлѣзи убо къ рабѣ моеи Агарѣ и родиши от неѣ – Благодѣть же глагола къ Богу: ...съниди на гору Синаи и законъ положи.

Послуша Авраамъ рѣчи Саррины и вѣлѣзе къ рабѣ еѣ Агарѣ – Послуша же и Богъ яже от благодѣти словесъ и съниде на Синаи.

Роди же Агарь раба от Авраама – Изнесе же и Моисѣи от Синаискыя горы законъ.

По сихъ же уже стару сущу Аврааму и Саррѣ, явися Богъ Аврааму – Вѣку же сему къ коньцу приближающуся посѣтитъ Господь человекъскаго рода и съниде съ небесе, въ утробу Дѣвици вѣходя.

Тогда убо отключи Богъ ложесна Саррина – И присѣтившу Богу человекъска естества, явишася уже безвѣстнаа и утаенаа и родися благодѣть.

И ако отдоися отрочя Исаакъ и укрѣпѣ, сътвори Авраамъ гоститву велику – Егда же уже отдоися и укрѣпѣ и явися благодѣть Божиа вѣмъ человекомъ въ Иорданѣстѣи рѣцѣ, сътвори Богъ гоститву и пиръ великъ.

По сихъ же... Сарра... рече къ Аврааму: Отжени рабу и съ сыномъ еѣ, не имать бо наслѣдовати сынъ рабынинь сына свободныя – Видивши же свободныаа благодѣть чада своа христианыи обидимы от иудѣи, сыновъ работнааго закона, възъпи къ Богу: Отжени иудѣйство и съ закономъ расточи по странамъ...

И отгнана бысть Агарь раба съ сыномъ еѣ Измаиломъ, и Исаакъ, сынъ свободныя, наслѣдникъ бысгъ Аврааму, отцу своему – И отгнани быша иудѣи и расточени по странамъ, и чяда благодѣтнаа христианни наслѣдници быша Богу и Отцу.

Несмотря на несколько странный образ Благодати, тождественной Христу («Благодѣть же глагола къ Богу: Аще нѣсть вѣрмене сънити ми на землю и спасти миръ...») и подающей советы Богу (причем даже не Богу-Отцу), основная мысль этой части «Слова» ясна: эпоха господства «рабов»-иудеев, обижавших «свободных» христиан, закончилась: «И уже не гърздится въ законъ человекъство, нѣ въ

благодѣти пространо ходитъ». Противопоставление иудеев христианам и закона благодати продолжается примером благословения Иаковом своих сыновей: «Събытсѣя благословение Манасиино на иудеихъ – Ефремово же на христѣяныхъ. Манасиино бо старѣишинство лѣвицею Иаковлею благословлено бысть – Ефремово же мнишество десницею».

В последнем ветхозаветном ехемплум, истории Гедеона, вводится новая тема – смена места поклонения Богу: «Прѣжде бо бѣ въ Иеросалимѣ единомъ кланятися – нынѣ же по всеи земли». Эта тема продолжает развиваться в новозаветной части «Слова», начинающейся с беседы с самарянкой: «ни во горѣ сеи, ни въ Иеросалимѣхъ поклонятя Отцу – но будутъ истиннии поклонници, иже поклонятя Отцу духомъ и истиною». Дополнительно подчеркнута здесь Божье откровение не мудрым (= иудеям), но младенцам (= язычникам): «утаилъ еси от прѣмудрыхъ и разумныхъ – и открылъ еси младенцемъ».

Далее, после небольшого догматического введения, следуют 17 оппозиций «яко человекъ – яко Богъ» из Нового Завета: от воплощения до Воскресения, где в конце автор возвращается к теме не принимающих Христа иудеев, которая продолжается перечислением не оцененных ими благодеяний («Христось слѣпыа ихъ просвѣти... – Они яко злодѣа мучивше...»), «Приде бо Спасъ – и не приать бысть от Израиля») и притчей о винограднике. Затем две эти темы, смены места поклонения Богу и противления Ему иудеев, соединяются воедино в перечислении пророчеств об Иерусалиме и Израиле. Заканчивается новозаветная часть рассказом об отослании учеников на проповедь народам (то есть язычникам) вместо неблагодарных иудеев: «Нѣ ново учение – новы мѣхы, новы языки!»

И здесь происходит логичный переход к рассказу о распространении христианства в мире. Но одновременно Иларион вводит тему христианской Руси:

Вѣра бо благодѣтнаа по всеи земли прострѣся и до нашего языка рускааго доиде.

И законное езеро прѣсьше – евангельскыи же источникъ наводнився и всю землю покрывъ, и до насъ разлиася.

Се бо уже и мы съ всѣми христианами славимъ Святую Троицу – и Иудеа молчить.

Противопоставление Руси иудеям имеет здесь, однако, не конкретный смысл, но, как и выше, общий, всехристианский: «Христос славимъ бываетъ – а иудеи кленоми», «языци приведени – а иудеи отринувени». Следующая же тема противопоставления язычества и христианства звучит уже более актуально для Руси:

И уже не идолослужителе зовемся – нѣ христианини, не еще безнадежници – нѣ уповающе въ жизнь вѣчную.

И уже не капище сътонино съграждаемъ – нѣ Христовы церкви зиждемъ.

...уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга – нѣ Христос за ны закалаемъ бываетъ и дробимъ въ жертву Богу и Отцю.

И уже не жертьвенна крове въкушающе, погыбаемъ – нѣ Христовы пречистыа крове въкушающе, съпасаемся.

Пусть бо и прѣсьхлѣ земли нашей суци, идольскому зноу исушивъши ю – вънезаапу потече источникъ евангельскыи, напаая всю землю нашу.

И потыкающемся намъ въ путехъ погыбели... моляше идолы... – посѣти насъ человекѣколюбие Божие.

И уже не послѣдуемъ бѣсомъ – нѣ ясно славимъ Христа Бога нашего.

Далее следуют еще 8 подобных оппозиций и 15 пророчеств о прославлении Бога всеми народами.

Введя Русь в контекст распространения христианства по всей земле, автор предлагает новую параллель:

Хвалить же похвалными гласы Римскаа страна Петра и Паула, имаже вѣроваша въ Иуса Христа, Сына Божиа; Асиа и Ефесь, и Патмъ Иоанна Богословца, Индиа Фому, Египеть Марка – Похвалимъ же и мы, по силѣ нашеи, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворышааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера.

Это уже не противопоставление, но сопоставление Владимира, как просветителя Руси, с апостолами, которые были просветителями христианских стран (и в посвященной которым церкви Иларион служил). Параллели и антитезы служат теперь для начала похвалы Владимиру-Василию:

Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычестваша – нѣ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли.

Тогда начать мракъ идольскыи от нас отходить – и зорѣ благовѣрїа явишася.

Тогда тма бѣсослуганїа погыбе – и слово евангельское землю нашу ося.

Капища разрушаахуся – и церкви поставляахуся.

Идолии съкрушаахуся – и иконы святыхъ являахуся.

Бѣси пробѣгааху – крестъ грады свящаше.

Ини, видѣвше его, не вѣроваша – ты же, не видѣвъ, вѣрова.

Вѣдущей бо законъ и пророкы распяша и – ты же, ни закона, ни пророкъ почитавъ, Распятому поклонися.

От общихъ антитез автор переходит к конкретному сравнению Владимира с Константином Великим (а Ольги – с Еленой):

Подобниче великаго Коньстантина, равноумне, равнохристоролюбче, равночестителю служителемъ его!

Онъ съ святыими отци Никеискаго Събора законъ чловѣкомъ полагааше – ты же съ новыими нашими отци епископы сънимаяся чясто, съ многымъ съмѣрениемъ съвѣщаваашеся, како въ чловѣцѣхъ сихъ ново познавшихъ Господа законъ уставити.

Онъ въ елинѣхъ и римлянѣхъ царство Богу покори – ты же в Руси: уже бо и въ онѣхъ и въ насъ Христос царемъ зовется.

Онъ съ матерію своею Еленою крестъ от Иерусалима принесѣша и по всему миру своему раславьша, вѣру утвердиста, – ты же съ бабою твоею Ольгою принесѣша крестъ от новаго Иерусалима, Константина града, и сего по всеи земли своей поставивша, утвердиста вѣру.

Понимая, что столь смелое сравнение может вызвать сомнения у слушателей, Иларион старается подкрепить его перечнем свидетелей благоверия Владимира. Среди них автор называет как воздвигнутую тем Десятинную церковь Богородицы, так и продолжающего его дело и строительство сына Ярослава-Георгия, «не рушаща твоихъ уставъ – нъ утвержающа», «ни умаляюща твоему благовѣрїю положенїа – но паче прилагающа, не казяща – нъ учиняюща». Здесь проповедник незаметно переходит к похвале Ярославу, перечисляя уже его постройки: Св. Софию, другие церкви и сам город Киев, Золотые ворота и храм Благовещения на них, упоминание которого позволяет Илариону закончить этот раздел херетизмами.

Полностью раскрыв тему своей проповеди, Иларион продолжает свое обращение к Владимиру, но усиливает его эффект призывом встать из гроба – стоявшего, очевидно, рядом с проповедником – и увидеть Ярослава, Ирину-Ингигерду, внуков, правнуков и город Киев с его храмами и священным убранством. Затем автор возвращается к похвале Владимиру, опять в виде двух херетизмов с рядом антитез:

Не мертвыа тѣлеса въскрѣшав – нъ душею ны мертвы, умерьшаа недугомъ идолослуженїа въскрѣсивъ.

Съкорчени бѣхомъ от бѣсовьскыа лъсти – и тобою прострохомся и на путь животныи наступихомъ.

Слѣпи бѣхомъ сердечными очима, ослѣплени невидѣниемъ, – и тобою прозрѣхомъ на свѣтъ трисолнечнаго Божьства.

Нѣми бѣхомъ – и тобою проглаголахомъ.

Наконец, Иларион призывает Владимира, «въ владыкахъ апостола», помолиться о своей земле, народе и особенно о сыне Ярославе, завершая «Слово» текстом такой молитвы, чья принадлежность оригинальному тексту памятника вызывает дискуссии (см. выше). Поэтому мы не будем ее анализировать – она почти не содержит древнерусской специфики, кроме общих прошений типа «ратныя прогоня, миръ утверди, страны укроти, глады угобзи, владыкѣ наши огрози странамъ, боляры умудри, грады расили, Церковь твою възрасти» и указания на опасность ересей и, вероятно, ислама – «ни послѣдовахом лъжууму коему пророку, ни учения еретичьскаа держимъ».

Контекст. Анализ структуры «Слова» ясно выделяет две базовые его идеи. Первая часть текста, посвященная переходу от иудейского закона к благодати, которой обладают христианские народы, имеет скорее теоретический, чем практический характер: никакой актуальной опасности иудейство для Руси середины XI в. не представляло [21, с. 112–113]. Она, однако, важна для актуализации второго тезиса Илариона – о вхождении Руси в число христианских народов благодаря просвещению через князя Владимира, который представлен здесь единственным ее крестителем. Данное утверждение подкрепляется сравнением Владимира с апосто-

лами – просветителями христианских стран: Петром и Павлом (Рим), Иоанном Богословом (Асия, Эфес и Патмос), Фомой (Индия) и Марком (Египет). Важно отметить, что Рим и Александрия были в XI в. полностью самостоятельными Церквами-патриархатами, для авторитета которых апостольское основание играло ключевую роль.

В этом смысле примечательно отсутствие в данном списке апостола Андрея, хотя предание об основании им Церкви Византия-Константинополя ко времени произнесения «Слова» уже окончательно утвердилось [21, с. 118, прим. 33]. А ведь проблема апостольского основания кафедры в полемике о праве самостоятельного поставления на нее архиерея поднималась и в середине XI в. [24], и позднее, в 1147 г., при поставлении Климента Смолятича главой св. Климента (ПСРЛ, т. 2, стб. 340–341). Возможно, Иларион сознательно избегал обсуждения этого важного для Константинополя и щекотливого для Руси вопроса, напирая на уподобление Владимира всем апостолам вообще.

Антивизантийские тенденции текста не раз становились предметом дискуссии: в них даже видели указание на его составление накануне русско-византийской войны 1043–1046 гг. [27, с. 11–12]. Действительно, «Слово» упорно молчит о византийских василевсах, в том числе родственниках Владимира, и даже об Анне Багрянородной, зато подчеркивает славу воевавших с империей Игоря и Святослава: «...внучка старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже въ своа лѣта владычествующе, мужьствомъ же и храборьствомъ прослуша въ странахъ многах, и побѣдами и крѣпостию поминаются нынѣ и словуть. Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычествоваша, нѣ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли». Впрочем, такое молчание может быть вызвано просто тем, что Ярослав происходил не от Анны. Нигде у Илариона христианские народы не приравниваются и к современному ему «Византийскому содружеству наций» – напротив, среди апостольских «оснований» фигурируют Индия и Египет, а первое место занимает Рим, чья юрисдикция простиралась на всю Западную Европу.

С другой стороны, не просто позитивные, а даже восторженные упоминания

«новааго Иерусалима, Константина града» и «благовѣрнии земли Гречьскѣ, христороубиви же и сильнѣ вѣрою», откуда Владимир принял христианство [21, с. 108–109] (хотя и без конкретных деталей) никак не указывают на прямой конфликт Киева и Константинополя в момент создания «Слова». Напротив, здесь подчеркнута христианское совершенство Византии, которое постиг Владимир: «како единого Бога въ Троици чтуть и кланяются, како въ них дѣются силы и чудеса и знамена, како церкви людии исполнены, како веси и гради благовѣрнии вси въ молитвахъ предстоять, вси Богови прѣстоять». Это утверждение не очень подходит для периода русско-византийского конфликта 1043–1046 годов.

Подтекст. Итак, согласно Илариону, Русь не просто приобщилась к христианской ойкумене, как это показано уже в «Слове на обновление Десятинной церкви» (1039 г.?), но и обладает теми же правами, что и остальные христианские страны. А поскольку Русь Иларион понимает и как народ («Вѣра... и до нашего языка рускааго доиде»), и как государство («Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычествоваша, нѣ въ Руськѣ»), то речь идет о ее правах на свою Церковь, созданную по этнополитическому признаку (как в Первом Болгарском царстве). Эти права дает Руси Божья благодать, которая отменяет все остатки мешающего ей закона: «крещение благодатьное обидимо бяше от обрѣзания законнааго, и не приимаше въ Иеросалимѣ христианьскаа церкви епискупа необрѣзана». Риторический стиль Илариона не позволяет уточнить, что именно он под этим равноправием подразумевал: полную автономию или хотя бы право самостоятельного выбора первоиерарха и создания новых кафедр. Впрочем, такая идея не выражена *expressis verbis*, очевидно, чтобы не вступать пока в прямой конфликт с Царьградом. В этом смысле выбор Илариона как ее глашатая был вполне расчетлив: с одной стороны, он, как княжеский пресвитер, был, видимо, не подвластен напрямую митрополиту [10], а с другой, в случае отпора греков Ярослав всегда мог сделать вид, что это была частная инициатива: использование сторонних клириков для проповеди «революционных» идей было хорошо известно в Византии ⁴.

Но кто же был адресатом «Слова»? Из числа живых Иларион упоминает только Ярослава-Георгия, его жену, детей и внуков. Не исключая возможности недовольства славянского клира своим подчинением греческим иерархам, воспринимать «Слово» как побуждение Ярослава к более решительным действиям по приданию самостоятельности Русской Церкви все же сложно: усилением ее позиций и престижа он занимался уже с конца 1020-х гг. (масштабное каменное строительство и фресковые росписи в разных городах, введение славянского богослужения, переписывание славянских книг, учреждение школ, попытки создания местных культов, «христианизация» династии) – за идеями «Слова» стоял, очевидно, сам князь. Торжественная проповедь в Десятинной церкви, тем паче пасхальная, должна была произноситься в присутствии митрополита, но неизвестно, знали ли русский язык митрополиты Феопемпт и Иоанн (занимал Киевскую кафедру до 1051 г.) и могли ли они что-то понять из текста Илариона даже в переводе. Однако слова пролога: «Ни къ невѣдущимъ бо пишемъ, нъ прѣзлѣиха насыштышемъ сладости книжныа», подразумевают обращение автора к знаатокам, способным оценить его богословские и церковно-политические аргументы, то есть к клирикам Киевской митрополии, которых он пытается убедить в равночестности Русской Церкви всем остальным.

В литературе уже был выделен ряд цитат и аллюзий Илариона на памятники греческой христианской письменности [2; 20; 32]. Он был, по всей видимости, и автором проложного сказания об освящении храма св. Георгия в Киеве, центральный сюжет которого построен на знакомстве с византийским «Сказанием о Великой церкви» [12]. Но и в «Слове» мы можем отыскать аллюзию на знаменитый светский текст – литературную эпитафию императора Никифора II Фоки (963–969), написанную митрополитом Иоанном Милитинским ок. 971 г. в связи с русско-византийской войной⁵ (косвенно упомянутой и у Илариона). Эта аллюзия содержится в уникальном обращении Илариона к лежащему во гробе Владимиру (подчеркнуты прямые параллели, а курсивом выделены косвенные).

<p><u>Восстань</u> же ныне, царь! Пехоту собери, стрелков и всадников И войско все свое фаланги и полки, Ибо идет оружие русское на нас, К убийству жадно рвутся скифов племена Твой град – добыча всех племен, которых в страх Когда-то повергал один лишь образ твой, Что был начертан у ворот Византия. Нет! Не останься равнодушным. Камень сбрось, Тебя гнетущий. Ты камнями всех зверей Разноплеменных прогони и на скале Нам основание незыблемое дай. Когда ж не хочешь из гробницы ты <u>вос-</u> <u>стать</u>, Подай хоть голос племенам из-под зем- ли, Быть может, он один их в бегство об- ратит Когда ж и это не- возможно, то прими Нас всех в свой гроб, ведь, кроме соб- ственной жены, Всех победил ты, и у мертвого тебя Довольно сил, чтоб толпы христиан спасти.</p>	<p>И славный градъ твой Киевъ величье- ствомъ, яко вѣнцемъ, об- ложилъ, прѣдалъ люди твоя и градъ святыи, всеславнии, скорѣи на помощь христианомъ Святѣи Богородици, еи же и церковь на Великы- ихъ вратѣхъ сзда... <u>Въстани</u>, о честнаа главо, <u>от гроба твоего!</u> <u>Въстани</u>, <i>оттряси</i> <i>сонъ!</i> Нѣси бо умерль, нъ спиши до общааго всѣмъ въстаниа. <u>Въстани</u>, нѣси умерль!.. Виждь же и градъ, величествомъ сияющъ, виждь церкви цветущи, виждь христианство растуще, виждь град, иконами святыихъ освѣщаемъ и блиста- ющесея, и тимианомъ обухаемъ, и хвалами божественными и пѣнии святыими оглашаемъ... Ра дуи ся, въ владыкахъ апостоле, не мертвыа тѣлесеы въскръшав, нъ душею ны мертвы, умершаа недугомъ идолослуже- ниа въскръсивъ!.. Помолися о зем- ли своей и о людехъ, въ нихже благовѣрно владычествова, да съхранить а въ мирѣ и благовѣрии прѣданѣмъ тобою, и да славится въ нем правовѣрие, и да кленется всяко еретичь- ство, и да съблюдетъ я Господь Богъ <i>от всякоа рати и плѣнения</i></p>
---	---

Смысл обращения к погребенному правителю в «Слове», конечно, иной: не скорбь об умершем монархе-герое, без которого подданные не могут спастись от бед, но радость о деле усопшего государя, которое продол-

жают его потомки. В результате у Илариона получилась своеобразная инвектива против василевса и похвала собственным правителям в духе Лиудпранда Кремонского. Неизвестно, поняли ли такой намек греки, даже киевские, но для русских слушателей и читателей это обращение ко Владимиру представляло ясное обоснование программы Ярослава по усилению независимости Руси.

«Слово» имеет еще одно важное церковно-политическое измерение. Здесь впервые на Руси проявилась идея освящения Церковью княжеской власти, которая в ее собственной репрезентации проявляется сравнительно редко. Иларион также не вносит сюда религиозный элемент напрямую (кроме именованного Ярослава «благоверным»). Однако у него, опять же в обращении к Владимиру, появляется важная идея назначения Богом князя для справедливого правления: «...сынъ твои Георгии, егоже сътвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоих уставъ, нъ утвержающа, ни умаляюща твоему благовѣрнью положенна, но паче прилагающа, не казяща, нъ учиняюща». К этому добавляется идея вручения Богом князю управления подданными: «Паче же помолися о сынѣ твоемъ, благовѣрнѣмъ каганѣ нашемъ Георгии, въ мирѣ и въ съдравии пучину житиа прѣплути и въ пристанищи небеснааго завѣтрива пристиати, невѣрѣдно корабль душевны и вѣру съхраняшу, и съ богатствомъ добрыми дѣлы, безъ блазна же Богомъ даныа ему люди управивышу». Конечно, тут еще далеко до византийской идеи сакральности монаршей власти, но уже близко к общеевропейской идее христианского правителя, который поставлен Богом управлять подданными и должен укреплять собственную Церковь [29].

Прославление Владимира как крестителя Руси в «Слове» имеет важное значение и для конструирования самого образа князя. Проповедник не называет его напрямую святым, но именует блаженным, причем неоднократно, и подобным св. Константину («Подобниче великааго Коньстантина») и даже апостолом («въ владыкахъ апостоле»). Не мы молимся за Владимира, но он молится за нас: «помолися о земли своей и о людех, въ нихъже благовѣрно владычествова... помолися о сынѣ твоемъ...» Так, не претендуя

прямо на «канонизацию» Владимира и создание его культа⁶, Иларион конструирует образ равноапостольного предка правящей династии. Подобные попытки характерны и для других славянских стран: в Чехии это был культ свв. Людмилы и Вячеслава, уже известный на Руси в то время (и актуальный также для младшего сына Ярослава с этим именем) [17, с. 84–86], а позднее в Сербии – образ св. Стефана Неманьи, основателя «светородной» династии [1]. Равноапостольность отца «освящала» Ярослава и его семью. В такую программу «освящения» династии вписывается и предпринятое в 1044/5 г. открытие и загадочное крещение костей дядьев Ярослава: Ярополка и Олега Святославичей, с целью их захоронения в Десятинной церкви Владимира, игравшей роль династической усыпальницы [28]. В этом смысле показательно молчание «Слова» о Борисе и Глебе [21, с. 74–75], чей культ Ярослав начал формировать лишь в 1050–1051 гг. [8], что позволяет предположить произнесение слова до этого момента. Нельзя исключать, что до конца 1040-х гг. князь еще делал ставку на «беатификацию» своего отца Владимира, чей образ, однако, оказался слишком противоречив для канона святости, а его обращение к «канонизации» Бориса и Глеба было спровоцировано во многом усилением их местного культа в Вышгороде. В пользу попыток прославления Владимира-Василия как святого в середине XI в. говорит и упоминание святых «Василья и Бориса и Глеба» в новгородской берестяной грамоте № 906 третьей четверти XI в. [30, с. 6]), и слова «Памяти и похвалы князю русскому Владимиру» Иакова Мниха (после 1051 г.): «Не дивимся, възлюбленей, аще чудес не творить по смерти, мнози бо святии праведней не створиша чудес, но святи суть» [4, с. 320, 322], отражающие сомнения части людей в святости князя. Иларион и Иаков объединяет и образ Владимира как единственного крестителя Руси, на чем первый строит свою идею ее равночестности другим христианским народам. Однако для этого пришлось создать и особый рассказ о крещении самого Владимира.

Недавно нами была предложена иная реконструкция этапов формирования нарративов об этом событии [11], которую вкратце можно

описать следующим образом. На самой ранней стадии (рубеж X–XI вв.) крещение киевского князя представлялось условием для заключения его брака с Анной Багрянородной (и даже требованием со стороны императоров) в связи с договором о помощи русского войска против Варды Фоки – эту традицию отражают независимые друг от друга Асохик и Яхъя Антиохийский, а также отчасти Титмар Мерзебургский и русская летопись. На следующей стадии в русской традиции, вероятно, под влиянием корсунских клириков, игравших важную роль до бегства Анастаса Десятинного с Болеславом в 1018 г. (после чего они более вообще не упоминаются), место похода в Малую Азию в нарративе о браке (и отчасти крещении) Владимира занял поход на Корсунь – эта связка событий отразилась в «Своде 1072 г.» («Свод 1060-х гг.» по А.А. Гиппиусу) и (без крещения князя) у Иакова Мниха, однако древняя связь крещения Владимира с его браком в летописи показывает, что традиция эта старше середины XI столетия. Параллельно этому не позднее середины XI в. развилась другая традиция, где крещение Владимира «патриотически» отрывалось от брака с византийской принцессой и похода на Корсунь и появился нарратив о поисках им истинной веры еще до крещения и даже о божественном обращении (у Иакова Мниха и в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора), который отразился у Иакова и в «Слове о законе и благодати», и – в развернутом виде – в последующем летописании, где появляется история испытания вер (ср. вероятный намек Илариона на опасность ислама). Составитель «Свода 1072 г.» («Свода 1060-х гг.»), дополнив эту историю «испытания вер» новыми «христианскими» сюжетами (вставками в рассказ о посольствах и беседой с Философом), соединил ее со старой корсунской версией крещения Владимира, добавив повествование о крещении киевлян (возможно, также более раннего происхождения). «Начальный свод» 1090-х гг. еще сильнее «христианизировал» этот нарратив 1060-х – начала 1070-х гг., дополнив «церковными» вставками, а редактор «Повести временных лет» маргинализировал альтернативные предания о крещении Владимира в Киеве и Василеве.

Получается, что из первоначального нарратива о крещении Владимира два его

ключевых элемента – отправление русского войска в Византию (вначале в виде похода в Анатолию, а затем – на Корсунь) и женитьба князя на византийской принцессе – были элиминированы между 1018 г. и 1060-ми гг., то есть как раз при Ярославе. Вместо них были введены мотивы самостоятельного обращения Владимира и собственного поиска им истинной веры, которую он находит в Византии. Впервые они фиксируются именно у Илариона, который, вероятно, и сформировал эту концепцию:

Въсия разумъ въ сердци его, яко разумѣти суету идольскыи лъсти и възыскати единого Бога... Паче же слышано ему бѣ всегда о благовѣрнии земли Гречьскѣ, христороубиви же и сильнѣ вѣрою... И си слышавъ, въздела сердцемъ, възгорѣ духомъ, яко быти ему христиану и земли его. Еже и бысть.

Уже отсюда, видимо, эти идеи (ср. также сравнение Владимира и Ольги с Константином и Еленой) попали к Иакову Мниху, а уже после смерти Ярослава – в «Свод 1072 г.» («Свод 1060-х гг.»). Но у Иакова, писавшего после 1051 г. (возможно, в рамках той же церковной программы Ярослава), образцом для князя становится не столькая далекая Византия, сколько его родная бабка Ольга, а также усилен момент чудесного:

Взиска спасения и прия о бабѣ своей Олзѣ, како шедши къ Царюграду, и прияла бяше святое крещение, и пожи добрѣ предъ Богомъ, всеми добрыми дѣлы украсившия, и почи с миромъ о Христѣ Исусѣ и въ вѣрѣ блазѣ. То все слышавъ князь Володимеръ о бабѣ своей Олзѣ, нареченѣй въ святомъ крещении Елене, тоя и житие подража, такоже и святыя царици Елены, матере великаго царя Коньстантина житию ревнуя въ всемъ. И разгоряшеса Святымъ Духомъ сердце его, хотя святого крещения. Видя же Богъ хотѣние сердца его... просвѣти сердце князю Рускыя земля Володимеру прияти святое крещение.

Причины такой «патриотической» замены очевидны: это желание оторвать крещение Руси и начало Русской Церкви от политической конъюнктуры русско-византийских отношений и стремление заменить старый, «византийско-династический» нарратив новым, прославляющим Владимира Святославича и его наследников как инициаторов христианизации Руси и создателей ее Церкви.

Заключение. Мы не знаем в восточно-христианской средневековой письменности текстов, которые столь упорно подчеркивали бы равные права своей Церкви просто так, вне полемического контекста. Напротив, хорошо известны произведения, где подобные аргументы приводятся в конфликте относительно прав местной Церкви. Прежде всего, это многочисленные произведения, доказывающие как равночестность Константинопольской Церкви Римской, так и древность и апостольское происхождение других кафедр [31]. Новация Илариона в сравнении с ними – это упор не на доказательства древности или канонического равенства местной Церкви (их у него быть просто не могло), а на богословско-экклезиологические аргументы.

С.Ю. Темчин [25] обратил внимание на чуть более поздний грузино-антиохийский конфликт 1057 г., где Георгий Святогорец вынужден был защищать перед антиохийским патриархом право Мцхетского католикосата на самостоятельное избрание и поставление первоиерарха следующими аргументами:

И кто неразумные те умышленники твои или что так неразумным почислил ты род грузинский, правый и невинный? Вот, я, негоднейший и смиреннейший из всех братьев моих, я дам тебе за всех их ответ, дай достать книгу Хождения апостола Андрея и оттуда известишься о искомом вами... Святыи владыко, ты говоришь, что-де на престоле главы апостолов Петра сижу, мы же первозванного и брата своего призвавшего – часть и паства, и им обращенные и просвещенные, и один из святых двенадцати апостолов – о Симоне говорю Кананите – в нашей стране похоронен в Абхазии, которая Никопси называется. Этими святыми апостолами мы просвещены. А как Единого познали мы Бога, уже не отрекались, и никогда в ересь не уклонялся род наш, и всех отступников и еретиков мы анафематствуем и проклинаяем. На этом основании православия и на заповедях и проповедях святых тех апостолов мы тверды... Святыи владыко, <вы>, которые нас незнающими и легкими видите, а себе мудрыми и тяжкими сделали, было время, что во всей Греции не сыскать было православия, и Иоанн, готский епископ, в Мцхете был рукоположен в епископа, как написано в Великом Синаксаре.

Здесь не только древность местной Церкви, но и, как у Илариона, вся христианская история страны, включая ее свободу

от ересей, становится аргументом в пользу церковной самостоятельности. В начале XII в. составитель «Повести временных лет» также введет в текст летописи легенду о посещении апостолом Андреем Руси и благословением места будущего Киева [5].

Еще одну важную параллель идеям Илариона о равночестности восточных славян грекам мы находим в основанном на гомилиях Златоуста «Учительном евангелии» Константина Пресвитера (893/4 г.), которое было составлено в период утверждения самостоятельной Болгарской Церкви: «не гръци бо тѣчья обогатиша ся отцьмь симь. нѣ и словѣньскыи родъ. мѣнимыи и погранѣ бысть всѣми» [26, с. 421] ⁷.

Итак, «Слово о законе и благодати» содержит в себе программу Ярослава по усилению престижа и самостоятельности Русской Церкви. Судя по сумме данных, оно было произнесено в Десятинной церкви между 1046 и 1051 гг., вероятнее всего, 26 марта 1049 года. Составление «Слова» было поручено одному из самых образованных русских людей своего времени – княжескому пресвитеру Илариону: с одной стороны, он не подчинялся напрямую митрополиту и потому, видимо, не мог быть им наказан, а с другой – князь прямо не открывал происхождения своей инициативы. Описав, как эпоху иудейского закона сменила эра христианской благодати, Иларион показывает равное место Руси среди христианских народов благодаря ее просвещению князем Владимиром, который сам пришел к идее креститься. Не называя Владимира напрямую святым, автор повышает его статус через уподобление апостолам и св. Константину Великому, что освящает также его потомков и в первую очередь Ярослава, представленного продолжателем дела отца. Иларион впервые в русской литературе проводит и идею богоустановленности власти князя, уподобляя его подспудно византийскому императору, на которого Ярослав ориентировался в своем строительстве храмов [9] и их украшении (ср. фрески со сценами константинопольских праздников в Св. Софии Киевской). Таким образом, Ярослав, подобно василевсу, получает право вмешиваться и в дела Церкви, что произошло весьма вскоре, в 1051 г., после смерти митрополита Иоанна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот факт опровергает предположение А.Н. Ужанкова [25] о произнесении «Слова» в связи с освящением храма Благовещения на Золотых воротах в Киеве. Д.С. Лихачев [16, с. 50–51] считал, что «Слово» было произнесено на хорах Св. Софии Киевской, где имеются фресковые сцены, упомянутые у Илариона, однако сюжетными росписями была покрыта и Десятинная церковь [13].

² Гипотеза А.А. Алексева [3] о произнесении «Слова» на праздник Рождества Богородицы построена всего лишь на одной цитате.

³ Редкое исключение – Л. Мюллер [21, с. 98], который, однако, не привел существенных аргументов в пользу их отдельного создания.

⁴ Ср., например, «Житие Иоанна Готского» (гл. 3), где приехавший по приглашению императрицы Ирины из хазарской Таврики епископ, не имеющий канонического рукоположения, проповедует почитание икон в иконоборческом Константинополе еще до VII Вселенского Собора.

⁵ Далее цитируется текст, приводимый Иоанном Скилицей (Обозрение истории 14, 23).

⁶ Гипотеза А. Поппа [33] о желании Илариона ввести в церковный календарь память князя Владимира под 15 июля не находит подтверждения в тексте.

⁷ Любезно указано Р.Н. Кривко.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адашинская А. А. Функции парного культа Симеона и Савы сербских: от афонского монашества до национальных святых // Европа святых. Социальные, политические и культурные стороны святости в Средние века. СПб.: Алетей, 2018. С. 177–207.

2. Актентьев К. К. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси: сб. ст. к 70-летию чл.-кор. РАН И.П. Медведева. СПб.: Византиновросика, 2005. С. 116–151. (Византиновросика; 3).

3. Алексеев А. А. О времени произнесения «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона // Труды Отдела древнерусской литературы. 1999. Т. 51. С. 289–291.

4. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. 542 с.

5. Виноградов А. Ю. Апостольский авторитет, власть над телом и Рим как арбитр: спор о бане

на востоке и западе Европы // Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2021. С. 281–296.

6. Виноградов А. Ю. О дате строительства, украшения и освящения Св. Софии Киевской // Лазаревские чтения 2021. М.: КДУ, 2024. С. 28–43.

7. Виноградов А. Ю. О праве избрания митрополита Киевского // Polystoria: Митрополиты, мудрецы, переводчики в средневековой Европе. М.: Издат. дом НИУ ВШЭ, 2024. С. 48–67.

8. Виноградов А. Ю. Особенности борисоглебских торжеств в свете византийской традиции // Slovĕne. 2012. Т. 1. № 2. С. 117–134.

9. Виноградов А. Ю. Происхождение и судьба византийских строителей Владимира Святославича и его сыновей: «константинопольское» и «неконстантинопольское» в зодчестве Руси конца X – середины XI века // Искусство византийского мира 2: сб. ст. памяти О. С. Поповой. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2023. С. 38–69.

10. Виноградов А. Ю. Роль архиепископа Нифонта в новгородских событиях 1136 г. // Slovĕne. 2022. Т. 11. С. 472–486.

11. Виноградов А. Ю. Роль брака в формировании преданий о крещении Владимира Святославича // Восточная Европа в древности и средневековье. 2024. № 36. С. 30–35.

12. Виноградов А. Ю., Гиппиус А. А., Кизюкевич Н. А. Надпись на плинфе из Гродно (Ps 45: 6) в контексте византийско-русских эпиграфических связей // Slovĕne. 2020. Т. 9. № 1. С. 412–422.

13. Виноградова Е. А. О датировке фресок Десятинной церкви в Киеве // Искусство византийского мира 2. Сборник статей памяти О. С. Поповой. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2023. С. 70–90.

14. Гиппиус А. А. К прочтению надписи № 1541 Софии Киевской // Восточная Европа в древности и средневековье. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 20–22 апреля 2016. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2016. С. 79–81.

15. Гиппиус А. А. Несколько конъектур к «Слову на обновление Десятинной церкви» (к реконструкции древнейшей русской гомилии) // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.: Ин-т рос. истории РАН; Центр гуманист. инициатив, 2018. С. 90–102.

16. Лихачев Д. С. «Слово о законе и благодати» Илариона // Альманах библиофила. 1989. Вып. 26. С. 45–55.

17. Лосева О. В. Русские месящесловы XI–XIV вв. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 420 с.

18. Молдован А. М. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона // *Slovĕne*. 2018. Т. 7. С. 8–26.

19. Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев: Наукова думка, 1984. 238 с.

20. Молдован А. М., Юрченко А. И. «Слово о законе и благодати» Илариона и «Большой Апологетик» патриарха Никифора // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сборник 1: XI–XVI вв. М.: Тип. М-ва культуры СССР, 1981. С. 5–19.

21. Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 432 с.

22. Назаренко А. В. «Слово на обновление Десятиной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель: Ассоциация Святой Троицы Московского Патриархата, Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2013. 223 с.

23. Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // *Slavia*. 1963. Т. 32. Р. 141–175.

24. Темчин С. Ю. О реакции Константинополя на поставление Киевского митрополита Илариона // *Именослов. История языка. История культуры*. СПб.: Алетейя, 2010. С. 180–192. (Труды Центра славяно-германских исследований; 1).

25. Темчин С. Ю. Поставление киевского митрополита Илариона в свете грузинского Жития Георгия Святогорца // *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina: Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag*. München; Berlin: Peter Lang, 2009. S. 345–358. (Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe; 3).

26. Тихова М. Старобългарското учително евангелие на Константин Преславски. Freiburg: Weiher, 2012. XCVII, 474, [10] с. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; 58).

27. Ужанков А. Н. «Слово о законе и благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М.: Академика, 2013. 350 с.

28. Успенский Ф. Б. Крещение костей Олега и Ярополка в свете русско-скандинавских культурных взаимосвязей // *Норна у источника Судьбы: сб. ст. в честь Елены Александровны Мельниковой*. М.: Индрик, 2001. С. 407–414.

29. Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М.: Наука, 1991. 176 с.

30. Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из раскопок 1999 года // *Вопросы языкознания*. 2000. № 2. С. 3–14.

31. Brandes W. Apostel Andreas vs. Apostel Petrus? Rechtsräume und Apostolizität // *Zeitschrift des Max-Planck-Instituts für europäische Rechtsgeschichte*. 2015. Bd. 23. S. 120–150.

32. Müller L. Des Metropolitens Hilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1962. 229 S.

33. Poppe A. [Ch.] VIII. The Sainthood of Vladimir the Great: Veneration in-the-Making // *Christian Russia in the Making*. Aldershot, Ashgate/Variorum, 2007. P. 1–52.

34. Ziffer G. The Shadow and the Truth: On the Textual Tradition of the Sermon on Law and Grace Attributed to Metropolitan Hilarion // *Harvard Ukrainian Studies*. 2007. Vol. 29, No. 1–4. P. 19–30.

REFERENCES

1. Adashinskaya A.A. Funktsii parnogo kulta Simeona i Savy serbskikh: ot afonskogo monashestva do natsionalnykh svyatykh [Functions of the Paired Cult of Simeon and Sava of Serbia: From Athos Monasticism to National Saints]. *Evropa svyatykh. Sotsialnye, politicheskie i kulturnye storony svyatosti v Srednie veka* [Europe of Saints. Social, Political and Cultural Aspects of Holiness in the Middle Ages]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2018, pp. 177–207.

2. Akentev K.K. «Slovo o zakone i blagodati» Ilariona Kievskogo. Drevneyshaya versiya po spisku GIM Sin. 591 [“The Sermon on Law and Grace” by Ilarion of Kyiv. The Oldest Version According to the Ms. of the State Historical Museum Syn. 591]. *Istoki i posledstviya: Vizantiyskoe nasledie na Rusi: sb. st. k 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN I.P. Medvedeva* [Origins and Consequences: Byzantine Heritage in Rus’. Collection of Articles for the 70th Anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences I.P. Medvedev]. Saint Petersburg, Vizantinorossika, 2005, pp. 116–151. (Byzantinorossika; 3).

3. Alekseev A.A. O vremeni proizneseniya «Slova o zakone i blagodati» mitropolita Ilariona [On the Time of the Pronunciation of the “Sermon on Law and Grace” by Metropolitan Ilarion]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature], 1999, vol. 51, pp. 289–291.

4. *Biblioteka literatury Drevney Rusi. T. 1: XI–XII veka* [Library of Literature of Ancient Rus’. Vol. 1: The 11th – 12th Centuries]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1997. 542 p.

5. Vinogradov A.Yu. Apostolskiy avtoritet, vlast nad telom i Rim kak arbit: spor o bane na vostokey zapade Evropy [Apostolic Authority, Power over the Body, and Rome as an Arbiter: The Dispute over the Bath in the East and West of Europe]. *Anatomiya vlasti: gosudari i poddannye v Evrope v Srednie veka i Novoe vremya* [Anatomy of Power: Sovereigns and Subjects in Europe in the Middle Ages and Modern Times]. Moscow, Izd. dom NIU VShE, 2021, pp. 281–296.

6. Vinogradov A.Yu. O date stroitelstva, ukrasheniya i osvvyashcheniya Sv. Sofii Kievskoy [On the Date of Construction, Decoration and Consecration of St. Sophia of Kiev]. *Lazarevskie chteniya 2021* [Lazarev's Readings 2021]. Moscow, KDU Publ., 2024, pp. 28-43.

7. Vinogradov A.Yu. O prave izbraniya mitropolita Kievskogo [On the right to elect the Metropolitan of Kiev]. *Polystoria: Mitropolity, mudretsy, perevodchiki v srednevekovoy Evrope* [Polystoria: Metropolitans, Sages, Translators in Medieval Europe]. Moscow, Izd. dom NIU VShE, 2024, pp. 48-67.

8. Vinogradov A.Yu. Osobennosti borisoglebskikh torzhestv v svete vizantiyskoy traditsii [Features of the Boris and Gleb Celebrations in Light of the Byzantine Tradition]. *Slověne*, 2012, vol. 1, no. 2, pp. 117-134.

9. Vinogradov A.Yu. Proiskhozhdenie i sudba vizantiyskikh stroiteley Vladimira Svyatoslavicha i ego synovey: «konstantinopolskoe» i «nekonstantinopolskoe» v zodchestve Rusi kontsa X – serediny XI veka [The Origin and Fate of the Byzantine Builders Vladimir Svyatoslavich and His Sons: “Constantinople” and “Non-Constantinople” in the Architecture of Rus’ from the End of the 10th – mid-11th Century]. *Iskusstvo vizantiyskogo mira 2: sb. st. pamyati O.S. Popovoy* [Art of the Byzantine World 2: Collection of Articles in Memory of O.S. Popova]. Moscow, Gos. in-t iskusstvovznaniya, 2023, pp. 38-69.

10. Vinogradov A.Yu. Rol' arkhiepiskopa Nifonta v novgorodskikh sobyitiyakh 1136 g. [The Role of Archbishop Nifont in the Novgorod Events of 1136]. *Slověne*, 2022, vol. 11, pp. 472-486.

11. Vinogradov A.Yu. Rol' braka v formirovaniy predaniy o kreshchenii Vladimira Svyatoslavicha [The Role of Marriage in the Formation of Legends About the Baptism of Vladimir Svyatoslavich]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekovye* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages], 2024, vol. 36, pp. 30-35.

12. Vinogradov A.Yu., Gippius A.A., Kizyukovich N.A. Nadpis na plinfe iz Grodno (Ps 45: 6) v kontekste vizantiysko-russkikh epigraficheskikh svyazey [The Inscription on the Plinth from Grodno (Ps 45: 6) in the Context of Byzantine-Russian Epigraphic Connections]. *Slověne*, 2020, vol. 9, no. 1, pp. 412-422.

13. Vinogradova E.A. O datirovke fresok Desyatinnoy tserkvi v Kieve Vinogradova [On the Dating of the Frescoes of the Tithe Church in Kiev]. *Iskusstvo vizantiyskogo mira 2. Sbornik statey pamyati O.S. Popovoy* [Art of the Byzantine World 2. Collection of Articles in Memory of O.S. Popova]. Moscow, Gos. in-t iskusstvovznaniya, 2023, pp. 70-90.

14. Gippius A.A. K prochteniyu nadpisi № 1541 Sofii Kievskoy [On Reading the Inscription No. 1541 of St. Sophia of Kiev]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti*

i srednevekovye [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, In-t vseobshch. istorii RAN, 2016, vol. 28, pp. 79-81.

15. Gippius A.A. Neskolko konektur k «Slovu na obnovlenie Desyatinnoy tserkvi» (k rekonstruktsii drevneyshey russkoy gomilii) [Several Conjectures to the “Sermon on the Renovation of the Tithe Church” (To the Reconstruction of the Oldest Russian Homily)]. *U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh. Yubileynyy sbornik v chest Aleksandra Vasilevicha Nazarenko* [At the Origins and Sources: On International and Interdisciplinary Paths. Jubilee Collection in Honor of Alexander Vasilevich Nazarenko]. Moscow, In-t ros. istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018, pp. 90-102.

16. Likhachev D.S. «Slovo o zakone i blagodati» Ilariona [“Sermon on Law and Grace” by Ilarion]. *Almanakh bibliofila* [Bibliophile's Almanac], 1989, vol. 26, pp. 45-55.

17. Loseva O.V. *Russkie mesyatseslovy XI–XIV vv.* [Russian Menologia of the 11th – 14th Centuries]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli, 2001. 420 p.

18. Moldovan A.M. Molitva v strukture Sinodalnogo spiska sochineniy Ilariona [Prayer in the Structure of the Synodal List of Hilarion's Works]. *Slověne*, 2018, vol. 7, pp. 8-26.

19. Moldovan A.M. «Slovo o zakone i blagodati» Ilariona [“Sermon on Law and Grace” by Hilarion]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984. 238 p.

20. Moldovan A.M., Yurchenko A.I. «Slovo o zakone i blagodati» Ilariona i «Bolshoy Apologetik» patriarkha Nikifora [“Sermon on Law and Grace” by Ilarion and the “Great Apologetic” of Patriarch Nicephorus]. *Germenevtika drevnerusskoy literatury. Sbornik 1: XI–XVI vv.* [Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 1: XI–XVI centuries]. Moscow, Tip. M-va kultury SSSR, 1981, pp. 5-19.

21. Myuller L. *Ponyat Rossiyu: Istoriko-kulturnyye issledovaniya* [Understanding Russia: Historical and Cultural Research]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 432 p.

22. Nazarenko A.V. «Slovo na obnovlenie Desyatinnoy tserkvi», ili k istorii pochitaniya svyatitelya Klimenta Rimskogo v Drevney Rusi [“Sermon on the Renovation of the Tithe Church”, or on the History of the Veneration of St. Clement of Rome in Ancient Rus’]. Moscow; Bruxelles, Assotsiatsiya Svyatoy Troitsy Moskovskogo Patriarkhata, Svyato-Ekaterininskiy muzhskoy monastyr, 2013. 223 p.

23. Rozov N.N. Sinodalnyy spisok sochineniy Ilariona russkogo pisatelya XI v. [Synodal Copy of Works by Hilarion, a Russian Writer of the 11th Century]. *Slavia*, 1963, vol. 32, pp. 141-175.

24. Temchin S.Yu. O reaktsii Konstantinopolya na postavlenie Kievskogo mitropolita Ilariona [On the Reaction of Constantinople to the Appointment of

the Kyiv Metropolitan Hilarion]. *Imenoslov. Istoriya yazyka. Istoriya kultury*. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2018, pp. 180-192.

25. Temchin S.Yu. Postavlenie kievskogo mitropolita Ilariona v svete gruzinskogo Zhitiya Georgiya Svyatogortsa [The Ordination of the Kyiv Metropolitan Hilarion in Light of the Georgian Life of George the Holy Mountaineer]. *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina: Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag*. München; Berlin, Peter Lang, 2009, pp. 345-358. (Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe; 3).

26. Tihova M. *Starobalgarskoto uchitelno evangelie na Konstantin Preslavski* [The Old Bulgarian Instructional Gospel of Constantine of Preslav]. Freiburg, Weiher Publ., 2012. XCVII, 474, [10] p. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; 58).

27. Uzhankov A.N. «Slovo o zakone i blagodati» i drugie tvoreniya mitropolita Ilariona Kievskogo [“Sermon on Law and Grace” and Other Works of Metropolitan Hilarion of Kiev]. Moscow, Akadematika Publ., 2013. 350 p.

28. Uspenskiy F.B. Kreshchenie kostey Olega i Yaropolka v svete russko-skandinavskikh kulturnykh vzaimosvyazey [Baptism of the Bones of Oleg and Yaropolk in Light of Russian-Scandinavian Cultural Relations]. Uspenskiy F.B., ed. *Norna u istochnika*

Sudby: sb. st. v chest Eleny Aleksandrovny Melnikovoy [Norna at the Source of Fate: A Collection of Articles in Honor of Elena Alexandrovna Melnikova]. Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 407-414.

29. Chichurov I.S. *Politicheskaya ideologiya srednevekovya (Vizantiya i Rus')* [Political Ideology of the Middle Ages (Byzantium and Rus')]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 176 p.

30. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Berestyanye gramoty iz raskopok 1999 goda [Birch Bark Documents from Excavations in 1999]. *Voprosy yazykoznaneya* [Questions of Linguistics], 2000, no. 2, pp. 3-14.

31. Brandes W. Apostel Andreas vs. Apostel Petrus? Rechtsräume und Apostolizität. *Zeitschrift des Max-Planck-Instituts für europäische Rechtsgeschichte*, 2015, vol. 23, pp. 120-150.

32. Müller L. *Des Metropoliten Hilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis*. Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1962. 229 S.

33. Poppe A. [Ch.] VIII. The Sainthood of Vladimir the Great: Veneration in-the-Making. Poppe A. *Christian Russia in the Making*. Aldershot, Ashgate/Variorum, 2007, pp. 1-52.

34. Ziffer G. The Shadow and the Truth: On the Textual Tradition of the Sermon on Law and Grace Attributed to Metropolitan Hilarion. *Harvard Ukrainian Studies*, 2007, vol. 29, no. 1-4, pp. 19-30.

Information About the Author

Andrey Yu. Vinogradov, Candidate of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philology), Professor, HSE University, Staraya Basmanaya St, 21/4, Bld. 3, 105066 Moscow, Russian Federation, auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

Информация об авторе

Андрей Юрьевич Виноградов, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3, 105066 г. Москва, Российская Федерация, auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.10>

UDC 94(495).03+355.48+355.233.23

LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 15.06.2024

Accepted: 04.12.2024

**THE BATTLE AT DEMETRIAS
IN THE THESSALIAN CAMPAIGN OF JOHN PALAIOLOGOS:
A MILITARY HISTORICAL RECONSTRUCTION**

Vladimir A. Zolotovskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The author proposes a new reconstruction of the military-political conditions for the organization of the Thessalian campaign of John Palaiologos, as well as the major naval battle in the history of the Late Byzantine Empire that took place during it. The warfare between the Latin and Byzantine fleets at Demetrias is of interest due to the possibility of battle practice analysis in the context of the formation of the early Palaiologian military-strategic concept and the development of late Byzantine military art in general. *Methods.* The methodological basis of the work is the critical use of elements of systemic approaches. It should be noted that the system approach allows us to reveal the role and level of mutual influence of political and socio-economic factors that determined the specifics of military organisation and the development of military science and battle practice. *Analysis and results.* After the renewal of the church union discussion, hoping for the support of Clement IV in the war of the anti-imperial forces, the Byzantines organized a new large-scale campaign in Thessaly. In the spring of 1273, the army of many thousands was sent there. An analysis of the sources that reported detachments about the second stage of the campaign showed that along with the decision to send the French knights to Neopatras, the Lombard barons of Euboea began to form a flotilla. The purpose of the squadron being formed was to inflict a crushing defeat on Byzantium at sea. The reconstruction of the battle at Demetrias showed that the Byzantines were not prepared for the naval battle that had begun. This was due to the fact that the fleet under the command of Philanthropenos, within the framework of the Thessalian campaign, only an auxiliary role was assigned. It could equally act as a cover for the land forces from potential assistance from the Euboean barons and also be used to reshuffle a large land contingent to the area of the main warfare. The analysis of the naval battle showed that the Byzantine army's military successes were based not only on the talent of the commanders who commanded the military troops during the period of the military organization degradation. In such a significant battle, the defeat of which the entire imperial fleet was threatened with destruction, Philanthropenos's squadron won thanks to professional training and combat experience, which was based on knowledge of Byzantine polemology. The outcome of the battle was influenced by the composition and number of the ground forces involved, as well as the use of stratagems.

Key words: history of Byzantium, early Palaiologian period, naval battle at Demetrias, military organization, Byzantine navy.

Citation. Zolotovskiy V.A. The Battle at Demetrias in the Thessalian Campaign of John Palaiologos: A Military Historical Reconstruction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 142-154. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.10>

УДК 94(495).03+355.48+355.233.23

ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 15.06.2024

Дата принятия статьи: 04.12.2024

**СРАЖЕНИЕ ПРИ ДИМИТРИАДЕ В ФЕССАЛИЙСКОЙ КАМПАНИИ
ИОАННА ПАЛЕОЛОГА: ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ**

Владимир Алексеевич Золотовский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Основной задачей статьи является реконструкция военно-политических условий организации фессалийской кампании Иоанна Палеолога и произошедшего в ходе нее крупнейшего в истории палеологовской империи морского сражения. Столкновение латинского и византийского флотов при Ди-

митриаде представляет интерес в связи с возможностью анализа боевой практики в условиях формирования раннепалеологовской военно-стратегической концепции и развития поздневизантийского военного искусства в целом. После возобновления обсуждения церковной унии, надеясь на поддержку Климента IV в сдерживании антивизантийских сил, ромеями была организована новая крупномасштабная кампания в Фессалию, находящуюся фактически под суверенным управлением мятежного севастократора Иоанна II Ангела. Анализ источников показал, что вместе с принятием решения об отправке отряда французских рыцарей к Неопатрам для вступления в борьбу с византийским сухопутным корпусом Иоанна Палеолога, бароны Эвбеи приступили к формированию флотилии. Целью формируемой эскадры было нанесение сокрушительного поражения Византии на море. Анализ хода боевых действий при Димитриаде показал, что византийцы не были готовы к начавшемуся морскому сражению в связи с тем, что в рамках фессалийской кампании флоту под началом Филанфропина отводилась лишь вспомогательная роль. Он мог в равной степени выступать прикрытием сухопутных сил от потенциальной помощи со стороны эвбейских баронов, а также использоваться для передислокации крупного сухопутного контингента в район основных боевых действий. Проведенная реконструкция морского сражения показала, что боевые успехи византийской армии основывались не только на таланте полководцев, командовавших войсковыми соединениями в условиях деградации военной организации. Представляется очевидным, что в столь значительном сражении, поражение в котором грозило гибелью всего имперского флота, эскадра Филафропина одержала победу благодаря профессиональной подготовке и боевому опыту, основанным на знании византийской полемологии. На исход сражения повлияли состав и численность задействованного сухопутного войска, а также применение военных хитростей.

Ключевые слова: история Византии, раннепалеологовский период, сражение при Димитриаде, военная организация, военно-морские силы.

Цитирование. Золотовский В. А. Сражение при Димитриаде в фессалийской кампании Иоанна Палеолога: военно-историческая реконструкция // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 142–154. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.10>

Введение. После возвращения Константинополя важнейшей стратегической задачей, стоявшей перед Михаилом VIII, было обеспечение обороноспособности столицы и защиты западных и юго-западных границ империи. Решение поставленной задачи требовало адекватной стратегической концепции и отлаженной организации военной системы.

Для усиления безопасности Константинополя был проведен комплекс специальных мероприятий: восстановлены стены и крепости со стороны сухопутной части подступов к городу [33, vol. I, p. 219²⁰⁻²¹, 223³⁻⁴]; с моря от Акрополя к южной оконечности стен побережья Мраморного моря была воздвигнута единая оборонительная линия, «состоявшая из протяженной стены, укрепленной частыми башнями, расположенными близко к морю, с целью усложнения продвижения отрядов противников» [25, p. 188].

Фактическое уничтожение Латинской империи и захват Царицы городов, являвшихся главными причинами обострения отношений Византии с латинскими и греческими государствами, преопределили повышение роли

дипломатических акций во внешней политике империи. Первым шагом по пути нейтрализации угрозы организации похода объединенных латинских войск против ромейского государства были усилия, направленные на возобновление диалога с папской курией. На протяжении следующего после освобождения столицы десятилетия в политическом векторе внешней политики основное внимание было также уделено умиротворению латинских сил через Святой Престол в рамках подготовки и реализации проекта церковной унии [22, p. 254–255; 31, p. 47–49; 39, p. 96–100]. Помимо этого, использовалось традиционное средство византийской дипломатии – заключение брачных союзов [31, p. 47]. В результате под впечатлением от контактов императора с Урбаном IV Гийом Виллардуэн выразил согласие на перемирие с Палеологом. Также лишенный поддержки Манфреда Сицилийского, Михаил II Ангел был вынужден не только пойти на заключение мира¹, но и присягнуть на верность Михаилу VIII [33, vol. I, p. 285⁶⁻¹⁴] (также см.: [30, p. 8]).

Одновременно с этим византийские вооруженные силы последовательно увеличивали

глубину обороны западных границ, а также усиливали контроль над бассейнами Эгейского и Мраморного морей. Так, параллельно с достижением договоренностей с Урбаном IV, позволивших временно сдержать ревизионистские намерения латинян, византийский император возобновил военные действия на Западе. При этом созданный Михаилом VIII военный флот обеспечил возможность сосредоточения на этом направлении всех сил империи и организации первых в истории палеологовского периода крупномасштабных кампаний. Отметим, что роль этой формы ведения боевых действий, получившей отражение в полемологии [42, p. 488⁶⁶⁹⁻⁶⁷⁴], в военной истории поздней Византии недооценена, а сами они удостоились лишь косвенного упоминания в литературе, без детального анализа условий их проведения. Событиям одной из таких кампаний, незаслуженно обойденной специальным вниманием исследователей, и посвящена наша статья. Особый интерес для нас представляют вопросы реконструкции военно-политических условий организации фессалийской кампании Иоанна Палеолога, а также раскрытия особенностей тактики ведения морского боя на примере крупнейшего в истории палеологовской империи морского сражения при Димитриаде [18, S. 144–145; 41, vol. 1, p. 603–604].

Методы. Методологической основой работы является критическое использование элементов системного подхода. Отметим, что при анализе событий политической и военной истории как структурных совокупностей взаимосвязанных элементов системный подход позволяет раскрыть роль и степень взаимовлияния политических и социально-экономических факторов, определивших специфику военной организации, развития военного искусства и боевой практики. Системный подход также дает возможность продуктивно изучить военное дело во всей совокупности его элементов, принципов развития и функционирования. Особое значение для исследования вооруженных сил и военного дела приобретает структурализм. Основные положения этого методологического подхода позволяют изучить ряд военных институтов и военно-научных концепций на предмет их специфики в раннепалеологовский период.

Анализ. Обострение стратегической ситуации для Византии произошло после поражения Манфреда Гогенштауфена при Беневенто (26 февраля 1266 г.)². Сокрушивший армию Манфреда Карл Анжуйский возглавил крупнейшую и наиболее продолжительную в истории палеологовского периода коалицию латинских государств, в которую вошли не только балканские соперники Византии, но и главные военно-политические силы Европы, включая папство и Венецию. Целью этого альянса было уничтожение Византии и восстановление Латинской империи со столицей в Константинополе³. Появление на международной политической арене Карла Анжуйского было определяющим внешнеполитическим фактором в нарушении и без того шаткого баланса сил в греко-латинских отношениях. Основная угроза, исходившая от сицилийского противника, находилась в сфере военно-морского противостояния.

Начало военных действий армии Карла Анжуйского с целью сокрушения Византии относится ко времени его вступления во владения Гогенштауфенов. В соответствии с данными византийских источников, Карл начал подготовку первой кампании против Константинополя спустя некоторое время после сражения у Беневенто⁴. Укрепляя свои позиции на Балканах, он установил близкие отношения с принцем Ахайи. Согласно «Морейской хронике», между дочерью Виллардуэна Изабеллой и сыном Карла Филиппом был заключен брак [40, p. 407 line 6265–6284 – p. 408 line 6285–6288]. Несколькими месяцами позднее попытки создания альянсов, а также собственно подготовка конкретного плана военных действий и проекта взаимодействия латинян в предполагаемом восстановлении Латинской империи были закреплены подписанием в апреле – мае 1267 г. в Витербо двух соглашений⁵.

По достигнутым договоренностям, взамен на предоставление Балдуину II в течение двух лет двух тысяч конных воинов, Карл Анжуйский не только наделялся правом владения Мореи, островов архипелага [23, p. 137], но фактически обретал статус сюзерена прежних владений Манфреда Гогенштауфена, территории Эпира, Албании, Сербии и Фессалоники⁶. Таким образом, Карл Анжуйский подготовил

все необходимые условия для создания на Балканах плацдарма для нападения на Константинополь. Предпринятые им меры представляются тем более актуальными в связи со слабостью анжуйского флота, потенциал которого не позволял в тот период организовать прямую морскую экспедицию к Константинополю. Тем не менее в результате успешной политики Карла Анжуйского Византия находилась в крайне сложном стратегическом положении. Однако начало открытого противоборства долгое время сдерживал целый ряд международных военно-политических факторов.

Воспользовавшись этим, в то время, когда Карл был занят тунисским крестовым походом, Михаил VIII возобновил военные действия на Пелопоннесе. По сути целью новой военной кампании был захват территорий всего полуострова. Однако вполне очевидно, что экспансия на западном направлении была вызвана стратегической необходимостью. Установив контроль над прибрежными и внутренними землями Пелопоннеса, император создавал своеобразную буферную зону, обеспечивающую не только сдерживающий эффект, но и препятствовавшую усилению и раскрытию военно-экономического потенциала Сицилии.

Возвращение Михаила VIII к переговорам о церковной унии в 1272 г. [20, р. XV] открыло для противников империи возможность сдерживания Святым Престолом действий латинских сил и повторения событий 1262–1263 гг. [39, р. 110–112; 13, р. 161–180]. В этих условиях, несмотря на занятость в тунисской экспедиции, Карл Анжуйский использовал силы своих союзников для снижения боеспособности византийских вооруженных сил. Учитывая оперативные возможности ромеев, Карл Анжуйский выбрал своей главной стратегической целью ромейский флот и соответственно контроль над бассейном Эгеиды. В свою очередь, осознавая объективную угрозу стратегических интересов империи на море, византийцы стремились всячески ослабить военный потенциал сил главных морских союзников Карла Анжуйского – триархов Эвбеи [41, vol. 2, р. 736–737].

Управляемый триархами и подчиненный своему синьору Гийому Виллардуэну⁷, хорошо укрепленный тремя крепостями – Ореос,

Негропонт и Каристос, в течение долгого времени остров Эвбея служил главным центром сопротивления латинян военным проектам Михаила Палеолога. Сформированный византийский флот именно против Эвбеи еще в 1269–1270 гг. организовал первые самостоятельные морские операции, в результате которых были разграблены прибрежные территории, сокрушены гарнизоны крепостей⁸. Кроме того, захваченные в боях вражеские корабли были включены в состав объединенной морской группировки сил [4, р. 365].

Вследствие дипломатических и военных мероприятий Карла Анжуйского в 1271–1274 гг. центр византийско-латинского противостояния окончательно сместился от Ахайи к Эгейским островам, Центральным Балканам и Албании. Угроза военного вторжения Карла Анжуйского в Византию вновь стала явной после смерти Михаила II Ангела. Территории, принадлежавшие деспоту, были разделены между его сыновьями – Никифором, унаследовавшим Эпир с центром в Арте, и Иоанном Ангелом, получившим Фессалию со столицей в Неопатрах. Предупреждая заключение военно-политического союза между сыновьями Михаила II и Карлом Анжуйским, Михаил VIII установил мирные отношения с Никифором, выдав за него замуж свою племянницу. Усмирение Иоанна Ангела основывалось на брачном союзе его дочери с племянником императора севастократором Андроником Тарханиотом, получившим титул великого коноставла и дуки Адрианополя с прилегающими областями, соседствующими с владениями Иоанна Ангела⁹. Таким образом, эти два брачных союза должны были стать гарантией мирных отношений Михаила VIII и сыновей Михаила Ангела¹⁰.

Главная военная угроза Византии исходила от созданного на Балканах королевства Албании. После смерти Михаила II Ангела в 1271 г. албанская знать подтвердила свое желание установления независимости от правителя Эпира Никифора Ангела. Карл Анжуйский, пользуясь слабостью Никифора, поддержал стремление албанцев, подписав с ними договор 21 февраля 1272 г., по которому в обмен на признание за ним (Карлом Анжуйским) и его наследниками королевской власти¹¹ обещал обеспечивать поддержку в борьбе с Византи-

ей и сохранить определенные привилегии за представителями знати¹². Таким образом, с утверждением этого королевства на Балканах сформировался мощный опорный пункт для анжуйской армии, весь потенциал которой мог быть направлен против Византии¹³.

Взросшие одновременно с усилением присутствия Карла Анжуйского на Балканах амбиции Иоанна Ангела переросли дипломатические мероприятия Михаила VIII. В скором времени после заключения союза¹⁴, приняв на стороне мятежного Тарханиота, Иоанн Ангел не только выступил против императора, но и открыто поддержал действия Карла Анжуйского в Эпире [24, p. 133].

В первый год обсуждения церковной унии по существу [11, p. 69–70], очевидно, надеясь на поддержку Климента IV в сдерживании антивизантийских сил ромеями, была организована крупномасштабная кампания в Фессалию, находящуюся фактически под суверенным управлением мятежного севастократора Иоанна II Ангела. Весной 1273 г. в Фессалию под командованием деспота Иоанна Палеолога и Алексея Каваллария была направлена армия численностью более сорока тысяч ромейских воинов [33, vol. II, p. 421³⁻⁷]. Несмотря на невозможность уточнения достоверности информации о численности, очевиден масштаб кампании и ее значение в стратегических планах Михаила VIII.

Отметим, что на первый взгляд данные источников позволяют предположить, что это была крупномасштабная кампания, осуществленная объединенными вооруженными силами в составе сухопутных войск и флота. Опыт их организации поздняя Византия получила еще в первые годы палеологовской империи¹⁵. В этих кампаниях императорский флот под командованием протостратора Филанфропина¹⁶ захватил Наксос, Парос, Кос, Каристос и Орей, укрепив оборону островов крепостями [33, vol. I, p. 271¹¹⁻¹⁷; 34, p. 480–484].

Подтверждением гипотезы выступают слова Георгия Пахимера, согласно которому сухопутной армии Иоанна Палеолога были приданы морские силы [33, vol. II, p. 421¹²⁻¹³]. Вместе с тем, надо подчеркнуть, что А. Файе в комментариях к изданию текста Пахимера отметил, что упоминание о привлечении флота в кампанию Иоанна Палеолога, вошедшее

в публикуемый вариант текста, очевидно, было дописано в более поздних вариантах рукописи [33, vol. II, p. 420, note 2]. Возможно, это было сделано поздним переписчиком с целью объединения сообщения историка с последующими событиями. Подчеркнем, что и выжидательная позиция Иоанна Палеолога, укрывшегося на севере Фессалии после поражения под Неопатрами, и ход событий битвы при Димитриаде, неожиданно для деспота ставшей продолжением фессалийской экспедиции, подтверждают эту гипотезу.

Действия сухопутных сил экспедиционного корпуса в Фессалии, бегство Иоанна II Ангела из осажденных Неопатр, а также последующий разгром многотысячного ромейского экспедиционного корпуса тремястами [33, vol. II, p. 425¹⁰⁻¹¹] / пятьюстами [14, p. 114²⁰⁻²²] латинских рыцарей, направленными из Фив герцогом Иоанном де ля Рошем, неоднократно попадали в поле зрения исследователей. Несмотря на это считаем необходимым остановиться на двух интересующих нас аспектах.

Во-первых, данные Пахимера о воинах, служивших под началом Иоанна Палеолога, позволяют предположить, что основной контингент войска был укомплектован фемными стратиотскими формированиями и дополнен отрядами наемников [33, vol. II, p. 403¹¹⁻¹⁶]. Хотелось заметить, что численность имперской армии, приведенная историком, ввиду огромных материальных затрат, требуемых для ее содержания, понести которые империя была не в состоянии, представляется не более чем выдумкой, точно отвечавшей общей негативной оценке Пахимером ромейской армии. Кроме того, указанная численность, или близкая к ней, в последующих сообщениях не повторяется даже при описании более опасных для Константинополя и империи событий¹⁷.

Сообщение об участии в операции нескольких (десятков) тысяч стратиотов, бедственное положение которых подчеркнуто Пахимером, дает нам возможность предположить, что решающим фактором поражения византийцев была слабая профессиональная подготовленность, недисциплинированность, недостаток вооружения и общая низкая боеспособность фемных формирований, сразившихся с профессиональными воинами, афинскими рыцарями. Об этом, в частности, свиде-

тельствуют данные Пахимера, указавшего, что в момент нападения ромейский лагерь не был подготовлен к обороне [33, vol. II, p. 425¹²⁻¹⁵]. Высказанное предположение усиливают слова историка, сообщившего о том, что ромеи представляли собой «толпу, сражаясь беспорядочно» [33, vol. II, p. 425¹⁵⁻¹⁷, 425²³⁻²⁵].

Во-вторых, в связи с предметом исследования стоит выделить особую роль в этом событии французской и сицилийской корон. Полагаем, что вместе с принятием решения об отправке отряда французских рыцарей к Неопатрам, ломбардские бароны Эвбеи, по согласованию с Карлом Анжуйским, приступили к формированию флотилии. Морские силы Негропонта были существенно ослаблены успешными экспедициями Филанфропина в 1269–1270 годах¹⁸. Таким образом, для выступления против Византии союзники Карла Анжуйского нуждались в усилении боеспособности собственных вооруженных сил. Единственным доступным источником для этого были венецианские военные суда. Не противоречил этому и мирный договор, заключенный в 1268 году. Кроме того, что к 1273 г. окончился пятилетний период перемирия между Венецией и Византией, сам факт участия морских сил ломбардских баронов в этой экспедиции формально не нарушал мирных договоренностей¹⁹. Отметим, что право воевать с венецианскими кораблями ломбардских баронов Михаил VIII закрепил за собой еще в проекте договора с Венецией от 1265 года²⁰.

Дополнительным стимулом к возобновлению противоборства с империей стало начало ведения Михаилом VIII нового этапа переговоров с папой римским об унии, грозившей запретом ведения войн между братскими христианскими государствами²¹. В этой связи очевидной целью формируемой эскадры было нанесение сокрушительного поражения Византии на море. Время проведения операции было выбрано с учетом известной латинянам занятости основных ромейских сил в фессалийской кампании. Полагаем, что известие о поражении армии Иоанна Палеолога стало сигналом к началу морской экспедиции в Пагасейский залив. Подготовленность эвбеяцев к сражению и его значение подчеркиваются масштабом и качеством привлекаемых сил. Однако в этом конкретном случае важно не количество кора-

блей, а опыт и укомплектованность команд, а также оснащенность кораблей.

В повествовании об окончании сухопутного этапа кампании более информативен Пахимер. По его данным, Иоанну Палеологу сообщили о начале морской битвы, когда он располагался с оставшимся после поражения войском в Дримианисе [33, vol. II, p. 429¹³⁻¹⁴; 18, S. 300]. Нам ничего не известно о том, как долго деспот находился там после битвы при Неопатрах. Однако тот факт, что спустя день и ночь пути его наспех сформированный корпус с маршевого хода вступил в битву при Димитриаде, преодолев пятьдесят стадий [33, vol. II, p. 429¹⁷⁻¹⁸], позволяет предположить, что его войско не стало на лагерный постой.

В связи с тем, что основным объектом нашего исследования является морское сражение при Димитриаде, считаем необходимым подробнее остановиться на характеристике освещения этой темы в науке. В современной историографии это событие получило разную трактовку как в вопросе датировки, так и в понимании причин и хода сражения. Ряд исследователей датируют его 1274 г. [8, p. 127; 21, p. 243]. Так, например, характеризуя действия византийской армии и флота против мятежника Иоанна II Ангела, Д. Никол вписал краткое сообщение о фессалийской кампании и сражении при Димитриаде в события 1274 г. [31, p. 59].

Наиболее распространенной датой сражения, основанной на предпочтительности хронологической последовательности событий, представленной в латинских источниках (Марино Санудо), является 1275 год. В частности, по мнению Дж. Бьюри, в сражении, произошедшем в 1275 г., приняли участие представители высшей ломбардской знати [7, p. 336–337]. Д. Джианакоплос датировал военные действия сухопутного экспедиционного корпуса Иоанна Палеолога и сражение у Димитриады 1275 г. [13, p. 282–285]. Историк обосновал датировку двумя письмами Карла Анжуйского от 1275 г., содержащими указания на действия флота Михаила VIII в море у Эвбеи. Поскольку письма не содержат какой-либо конкретики, считаем возможным усомниться в правильности датировки. Полагаем, что более оправдано предположение о том, что призывы в источниках могли относиться к

действиям Ликаррио, присягнувшего на верность византийскому императору. Кроме того, в 1275 г., на следующий год после заключения Лионской унии, открытые действия латинян против Михаила VIII фактически означали бы начало войны против императора, примирившего христиан.

Опираясь на сообщения Пахимера, Э. Арвейле датирует события концом 1275 – началом 1276 г. [4, р. 368]. По мнению Ж. Лоньона, весной 1275 г. Михаил VIII отправил сильный византийский флот в залив Волос для морской блокады сил Иоанна II Ангела в Неопатрах [22, р. 257].

Как мы уже подчеркивали, датировка событий фессалийской кампании, не имея строгой событийной привязки и установленного объективного хроноиндикатора, должна осуществляться с учетом внешнеполитического положения сторон и хода переговоров о заключении церковной унии. В этой связи, на наш взгляд, наиболее обоснованным является мнение, предложенное А. Файе, датировавшем кампанию Иоанна Палеолога 1273 г. [12, р. 202].

Еще более неопределенно представлены в литературе мнения о причинах битвы. Общим местом стали либо простые упоминания о событии в общей канве военной истории [8, р. 126–127; 21, р. 243–244; 31, р. 58–59], либо акцент на неподготовленность ромеев в связи с неудачами на первом этапе битвы [24, р. 135]. Лишь Э. Арвейле ставит вопрос о том, что к организации сражения эвбейцев побудило чувство отмщения [4, р. 368]. Показательно, что М. Бартусис не только не конкретизирует год проведения фессалийской кампании и самого сражения при Димитриаде, но и лишь кратко вписывает их в общие военно-политические события 70-х гг. XIII в. [6, р. 60–61].

Учитывая стратегическую значимость сражения при Димитриаде, позволим себе предположить, что его следует рассматривать более широко как с военно-политической точки зрения, так и в аспекте оперативного искусства и тактики. Постараемся последовательно раскрыть позиции противоборствующих сторон.

Прежде всего стоит подчеркнуть, что византийцы не были готовы к начавшемуся морскому сражению. И дело здесь не в низкой боеспособности ромейского флота. Как показал боевой опыт нескольких предшествующих

лет, военно-морские силы под командованием Филанфропина могли не только противостоять, но и наносить ощутимый урон эскадрам противника, в том числе ломбардцам Эвбеи. Скорее всего, следует говорить о неподготовленности корабельных команд к конкретной битве. Возможно, это было связано с тем, что в рамках фессалийской кампании флоту под началом Филанфропина отводилась лишь вспомогательная роль. Он мог в равной степени выступать прикрытием сухопутных сил от потенциальной помощи со стороны эвбейских баронов, а также использоваться для передислокации крупного сухопутного контингента в район основных боевых действий. В пользу последнего тезиса свидетельствуют упомянутые византийскими историками места формирования подразделений сорокатысячной армии Иоанна Палеолога. В частности, по данным Пахимера, в составе экспедиционного корпуса деспота наряду с фракийцами и македонцами были «пафлагонцы, месофиты... мисийцы и фригийцы» [33, vol. II, р. 403¹¹⁻¹⁵], а также многолюдные отряды «скифов» и «итальянцев» [33, vol. II, р. 403¹⁵⁻¹⁶]. Кроме того, косвенно об этом свидетельствует и само количество задействованных кораблей. Отметим, что ни до, ни после битвы при Димитриаде в палеологовский период нам не встречались упоминания о византийском флоте такой численности. Очевидно, что в заливе располагались все корабли империи. Силы противников Византии и их оперативно-тактическая позиция были принципиально иными.

Итак, как представляется, во время сражения при Неопатрах, или в скором времени после получения информации о разгроме сухопутного экспедиционного корпуса Иоанна Палеолога, латинский флот зашел в Пагасейский залив и запер в нем линейным построением стоявшую в гавани при Димитриаде византийскую эскадру.

Ход одной из крупнейших в истории Византии битв отражен в источниках с разной степенью детализации. Отличаются сообщения и о численности кораблей флотилий противников. Так, по данным Пахимера, соотношение эскадр ромеев и ломбардцев было примерно два или три к одному [33, vol. II, р. 429⁶⁻⁸]. При этом, описывая начало фессалийской кампании, Пахимер упомянул о семидесяти трех кораблях под командованием

Филанфропина [33, vol. II, p. 423¹⁴⁻¹⁵]. Григора сообщает о пятидесяти византийских кораблях и тридцати латинских с Крита и Эвбеи [14, p. 117¹⁸⁻²⁴]. По Санудо, со стороны ромеев было восемьдесят судов, а со стороны эвбейских баронов – шестьдесят два (*e armarono XII trà Galee e Tarrette e 50 altri Legni da Remo, e andorono presuntuosamente, incontrando l'Armata dell Imperatore ch'era di 80 Gallee*) [43, p. 121]. Уточнить эти данные не представляется возможным. Следует лишь отметить, что для венецианских морских кампаний было традиционным привлечение в экспедиции до 30–40 кораблей [9, p. 118].

Большой интерес представляют данные о типах используемых в сражении судов. Сообщение Георгия Пахимера кажется наименее информативным в этом вопросе. Историк в описании ромейской эскадры использует общее наименование корабля – *ἡ ναῦς*, конкретизируя лишь то, что были собраны корабли длинные и быстроходные [33, vol. II, p. 421¹³⁻¹⁴]. В описании технических характеристик ромейского флота Никифор Григора вторит Пахимеру, подчеркивая, что ромейские суда были настолько же маневренными и быстрыми, насколько и слабо вооруженными [14, p. 118¹⁴⁻¹⁷]). Повторяет Григора Пахимера и в наименовании кораблей, используя в основном лексему *ἡ ναῦς*, а также много реже лексему *ἡ τριήρης* [14, p. 117¹⁷⁻¹⁹], применяемую для обозначения традиционных галей²². Прибывшие на помощь флоту сухопутные отряды Иоанна Палеолога перевозились на корабли на малых рыбацких лодках [33, vol. II, p. 431⁹⁻¹⁰]. Они представляли собой быстроходные высокоманевренные малые суда. Именно их маневренность позволила Иоанну Палеологу оперативно менять раненых моряков свежими боеспособными силами.

Характеристика латинских судов как похожих на города с высокими бортами и башнями [14, p. 117²⁴⁻²⁵–118¹]), явно указывает на наличие в составе ломбардской эскадры военных галер с высокой кормой, известных по историческим реконструкциям флота Карла Анжуйского и каталонских судов типа *galera gruesa*, а также тарид. Указанные большие военные корабли и торговые тариды отличались возможностью строительства на них баков и полубаков, позволявших разместить

арбалетчиков и укрыть их от неприятельских ударов [44, p. 50–54; 27, p. 105–106, 108; 28, p. 62]; увеличенной командой гребцов со ста восьмью до ста пятидесяти / двухсот и общей вместимостью до четырехсот человек [36, p. 82–84]. Наличие тарид (крупных торговых судов) [36, p. 36, 54–56] в эскадре латинян подтверждает Санудо, указавший, что в эвбейском флоте было двенадцать галей и пятьдесят тарид [43, p. 121]. Отметим, что наряду с использованием термина *ἡ ναῦς*, Никифор Григора называет корабли латинян триирами (*ἡ τριήρης*) и тетрирами (*ἡ τετρήρης*)²³. Если первый тип соответствует традиционным для средиземноморских государств галеем, то тетриры вызывают сомнения. Как нам представляется, Никифор Григора перенес в описание битвы у Димитриады тип кораблей с дополнительным рядом гребцов, известный историку по современному ему морскому делу XIV века. Использование на судах дополнительного ряда (из числа запасных гребцов, или арбалетчиков) входит в средиземноморскую практику с конца XIII – начала XIV в., характерную для нового типа корабельной конструкции и соответствующей техники гребли [27, p. 110–112; 36, p. 83–84]. Примечательно, что более ни у Никифора Григоры, ни у других историков палеологовского периода мы не встретили упоминания «тетрир».

Информация о составе и количестве кораблей латинской эскадры с привлечением данных об их технических характеристиках позволяет предположить, что общий численный состав ломбардского флота был представлен одиннадцатью тысячами восьмьюстами гребцов из основных команд, а также двумя тысячами сто семьдесятю арбалетчиками [36, p. 82; 9, p. 113–125, 118]. Отметим, что, несмотря на данные о наличии на кораблях Карла Анжуйского приспособлений для греческого огня [36, p. 78–79], ни один из источников не упоминает о его использовании.

Численность византийских корабельных команд установить крайне сложно в связи с упомянутым уже экстренным характером их сбора и выведением в море. Основываясь на представленных в историографии реконструкциях, а также численности судов, можно лишь предположить, что в идеальных условиях команды кораблей, выдвинувшихся к против-

нику в составе византийской эскадры, должны были насчитывать до четырнадцати тысяч шестисот человек [37, р. 255, 260–262]. Однако к началу сражения ситуация была совсем иной. Полагаем, что именно неукомплектованность и малочисленность корабельных команд стали причиной тяжелых потерь ромейских сил на первом этапе морского сражения.

Описание сражения при Димитриаде, представленное в византийских источниках, позволяет реконструировать некоторые детали. Прежде всего следует отметить, что в сражении отчетливо просматривается возможность выделить два этапа.

Первый этап начинается с момента боевого построения латинских кораблей в заливе. Как только информация о прибытии противников была получена, Филанфропин распорядился о срочном сборе корабельных команд и выходе судов к морю [14, р. 118^{1-4, 8-11}]. Последующие события свидетельствуют о стремлении флотоводца действовать согласно военно-тактическим наставлениям.

Обе стороны придерживались линейного построения боевых порядков. Так, латинская эскадра выстроилась в линию, фактически закрыв византийцам выход из залива. Первый лобовой удар по противнику нанесли ромеи, также использовавшие линейный строй. Как пишет Пахимер, византийские суда выстроились в линии десятками, и первая из них, с флагманским кораблем по середине строя, пошла на фронтальное столкновение²⁴. Такая конфигурация боевого порядка, с учетом технического превосходства латинян, суда которых были не только больше ромейских, но и имели усиленную защиту носовой части корабля [14, р. 118¹⁷⁻²⁰], очевидным образом отразилась на потерях византийцев в ближнем бою. Об этом ярко свидетельствует драматическое описание Пахимера, сообщившего о множестве жертв и залитом кровью море (καὶ θάλασσαν ῥέεν αἵματι: [33, vol. II, р. 429²⁸⁻³⁰, 431¹³⁻¹⁴]. Поддерживая, в том числе личным участием в битве, морально-духовное состояние команд, пострадал в рукопашном бою и командующий эскадрой (Τὸν δὲ γὰρ πρωτοστράτορα καὶ πολλὰ ἔβαλλον ταῖς ἀκίσιν καί, ἐπεὶ καθικέσθαι οὐκ ἦν ὀπλισμένου πεσόντος, τὰς μαχαίρας ἐμβάλλοντες τῶν ὄπλων ἐντός, ἢ κί ζοντο: [33, vol. II, р. 429³⁰, 431¹⁻²]). Переоценив

оперативные возможности, византийский флот перегруппировался. Данные Григоры о действиях левого и правого фланга византийской эскадры в противопоставлении византийских судов порядкам противника позволяют предположить, что эскадра Филанфропина в этот момент была выстроена дугообразно в форме полумесяца²⁵. Именно такой тактический прием был рекомендован Львом VI как наиболее эффективный, позволяющий опрокинуть и потопить корабли, или нанести командам максимальный урон [42, р. 522²⁹²⁻²⁹⁸]²⁶. Очевидно, такое перестроение было рассчитано на уравнивание потенциала технически и материально превосходящих сил латинян с низкой боеспособностью многочисленного ромейского флота. Полагаем, что на этом этапе Иоанн Палеолог и застал битву.

В центре новых порядков, все так же согласно полемологической традиции, располагался флагманский корабль Филанфропина. Детали происходивших далее событий источники не сообщают. Однако, исходя из данных о продолжительности марша сухопутного корпуса Иоанна Палеолога в день и ночь, а также времени, необходимого для информирования деспота о сражении, можно предположить, что с начала битвы и до прибытия войск деспота прошло не менее двух дней²⁷.

Как сообщают источники, к моменту прибытия сил Иоанна Палеолога боеспособность византийского флота была существенно ослаблена. Флагманский корабль с флотоводцем, старшими морскими офицерами (τῶν νηῶν ἑξάρχος) и императорским отрядом из лучших доблестных воинов (τῶν μαχίμων ἀνδρῶν πρόκριτοι) был осажден [33, vol. II, р. 431¹⁸⁻²⁰]. Попытка переломить ход сражения введением в бой резервов на рыбацких лодках из оставшихся моряков не принесла успеха [33, vol. II, р. 431⁹⁻¹¹].

Очевидно, что наспех набранные недоукомплектованные корабельные команды ромеев, несмотря на перевес в численности кораблей, существенно уступали противнику как в силе, так и вооружении. Этот недостаток и был устранен после прибытия сухопутного корпуса.

Второй этап сражения начался с приказа деспота отобрать для переброски на корабли наиболее опытных воинов из тяжелой пехоты, лучников и пращников [14, р. 120⁸⁻¹²]. Доста-

вив свежие силы на суда, ромеи произвели замену уставших и раненых в бою [33, vol. II, p. 431²⁴⁻²⁶; 14, p. 120¹²⁻¹⁴]. С учетом высоких бортов лагинских кораблей, а также наличия на судах противников баков и полубаков наиболее эффективными оказались действия византийских пращников (*χερμαδίοις καὶ τούτων τοὺς πλείστους κατὰ τῶν ἐναντίων χρωμένους* [14, p. 120¹³⁻¹⁴]). Как долго продолжался второй этап битвы, мы не знаем. Основываясь на сообщениях источников, можно предположить, что бой закончился поздним вечером полным разгромом флота латинян: часть кораблей была потоплена, другие захвачены в плен вместе с находившимися на судах командами и представителями знати. Лишь два или три судна смогли уйти²⁸. Существенные потери понесли и ромеи. Наиболее значимым было ранение флотоводца Филанфропина, получившего тяжелое ранение в ближнем бою и скончавшегося вскоре после битвы [35, № 29751].

Выводы. Осуществленная нами реконструкция битвы при Димитриаде, рассмотренная в контексте актуальных военно-политических условий, показала, что нет оснований для понимания фессалийской кампании Иоанна Палеолога как крупномасштабной, осуществленной объединенными сухопутными силами и флотом. Морские силы ромеев не были готовы к ведению военных действий. В то же время экспедиция ломбардцев представляется нам хорошо спланированной, подготовленной заблаговременно к крупному морскому сражению. Время начала морского похода было выбрано латинянами из предположения о том, что понесшие поражение при Неопатрах силы Иоанна Палеолога не смогут своевременно оказать поддержку эскадре Филанфропина. Эвбеицы рассчитывали на неминуемое и быстрое сокрушение ромейских военно-морских сил, запертых в заливе. Однако профессиональные действия византийского флотоводца, полностью соответствующие теории корабельной войны, позволили эскадре Филанфропина выстоять до прихода подкрепления, не только освежившего силы, но и усилившего боеспособность корабельных команд.

Открытые действия ломбардских вассалов Карла Анжуйского не противоречили условиям пятилетнего мирного договора между

Византией и Венецией от 1268 года. Учитывая дату окончания договора, а также открытую вовлеченность в сухопутную и морскую части фессалийской кампании Иоанна Палеолога проанжуйских латинских сил, считаем наиболее обоснованной датировку событий весной – летом 1273 г., до заключения Лионской унии. Важность битвы у Димитриады подчеркивается масштабом привлеченных эвбейских сил и личным участием ломбардских баронов. Спасение ромейского флота стало прологом последующих успешных действий византийского флота в Эгейском море под командованием Ликарио.

Проведенная реконструкция морского сражения показала, что боевые успехи византийской армии основывались не только на таланте полководцев, командовавших войсковыми соединениями в условиях деградации военной организации. Представляется очевидным, что в столь значительном сражении, поражение в котором грозило гибелью всего имперского флота, эскадра Филанфропина одержала победу благодаря профессиональной подготовке и боевому опыту, основанным на знании византийской полемологии. На исход сражения повлияли состав и численность задействованного сухопутного войска, а также применение военных хитростей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мирный договор был не только результатом дипломатической политики Михаила, но и, как указывает А. Файе, успешным окончанием военных действий против Эпира. Заключенный союз на десять лет ограничил угрозу эпирского вторжения в Византию [12, p. 149, 154].

² [22, p. 255]. Подробнее о битве в изложении современников см.: [16].

³ [31, p. 50]. Венецианцы не оставляли этой идеи с 1261 г. [29, p. 188–189].

⁴ О подготовке Карлом атаки Константинополя см.: [33, vol. II, p. 461⁴⁻¹²; 14, p. 123–124].

⁵ [22, p. 256–257; 31, p. 50–53; 6, p. 58]. Датировка дана по: [26, p. 2].

⁶ [32, S. 312]. Угроза начала военных действий латинян против Византии стала более очевидной с декабря 1273 г., когда Карл Анжуйский после смерти Балдуина II фактически становился сеньором всех французских владений на Востоке. Это позволяло ему использовать армию и флот своих вассалов [22, p. 255–256; 31, p. 55; 29, p. 195; 6, p. 58].

⁷ Герцог Гийом незадолго до указанных событий возвратился из Италии, обнадеженный договоренностью с Карлом Анжуйским, основанной на планируемом браке дочери принца Ахайского Изабеллы и второго сына Карла Филиппа Анжу, о военной защите Морей со стороны Карла. Свадьба состоялась в Трапани в мае 1271 г. [40, р. 420].

⁸ Как указывает А. Файе, у крепости Ореос в 1270 г. состоялось морское сражение, в котором ромейский флот «впервые без поддержки наемников» нанес сокрушительное поражение латинскому флоту [12, р. 195–199].

⁹ Иоанн Ангел также был удостоен титула севастократора: [33, vol. II, р. 401⁹⁻¹²; 14, р. 130¹⁷⁻¹⁸].

¹⁰ Об отношениях между императором и сыновьями Михаила II см.: [14, р. 110].

¹¹ [32, S. 479; 13, р. 234; 17, р. 179]. По мнению Д. Якоби, признание вассалитета Никифором Ангелом и последовавшая за ним передача владений Ангелов Карлу Анжуйскому состоялась после заключения договора в Витербо, вероятно, 27 мая 1267 г. [17, р. 175].

¹² По мнению М. Дуру-Элиопулу, преданность ромейского населения Карл Анжуйский заслужил гибкой экономической политикой. Установив минимальные таможенные пошлины на ввоз и вывоз товаров в подвластной ему территории, снизив налоги и уменьшив повинности, Карл тем самым создал необходимые условия для низких цен на местных рынках [10, р. 67]. Одновременно с этим, торговыми льготами он привлек на эту же территорию многочисленных французских и итальянских купцов. Аналогичные меры были приняты Карлом для приближения венецианцев [10, р. 67–68]. Таким образом, Карлу удалось не только получить поддержку со стороны местного ромейского населения, но и обеспечить свои будущие военные начинания необходимыми материальными ресурсами и военно-технической базой – кораблями.

¹³ Уделив значительную долю внимания вопросам дипломатической стороны, в данном случае понимая невоенную сторону внешней политики, Д. Джианакопос отмечает, что после установления в Албании правления Карла Анжуйского Михаил Палеолог предпринял ряд мероприятий по свержению его режима, в том числе и силами самих албанцев. Подробнее об этом см.: [13, р. 234–235].

¹⁴ Д. Джианакопос предположил, что это произошло в начале 1273 г. [13, р. 231].

¹⁵ В частности, речь идет о крупномасштабных кампаниях 1262–1263 гг. с привлечением сухопутных сил и объединенного греко-генуэзского флота против греческих и латинских противников, политических образований Эгеиды и Пелопоннеса. Подробнее см.: [1].

¹⁶ [35, № 29751].

¹⁷ Тем не менее многочисленность войска деспота подтверждается иными данными Пахимера. Так, характеризуя сухопутные отряды, подчиненные Иоанну, историк подчеркнул, что они были столь многочисленны, что «все вместе составляли силу непобедимую» [33, vol. II, р. 403¹⁶⁻¹⁸]. В данном пассаже Пахимер для обозначения состава контингента использует военно-технический термин – мегала аллагия [33, vol. II, р. 403⁹⁻¹⁰]. См. подробнее: [15; 5]. Вопрос численности имперской армии несколько проясняется в сообщении Санудо. Историк указал, что афинские рыцари сражались «с трехтысячной греческой конницей» [43, р. 121].

¹⁸ Помимо византийского флота, существенный урон латинянам наносили пираты. По мнению О.Е. Колотовой, пиратство Эгеиды, процветавшее в XIII–XIV вв., было фактически самостоятельным и не контролировалось Византией [2, с. 311].

¹⁹ Имена представителей эвбейской знати, принявших участие в экспедиции, приводит Марино Санудо: [43, р. 122].

²⁰ См.: [3, с. 238, ст. 4, с. 241–242]. По мнению Дж. Бьюри, текст этого проекта с небольшими изменениями стал основой договора, заключенного между Византией и Венецией в 1268 г. [7, р. 335–336].

²¹ Как пишет Д. Джианакопос, война между Михаилом VIII и Карлом Анжуйским после заключения церковной унии приняла бы характер войны двух католических государей [13, р. 277].

²² [38, р. 254]. О вытеснении в византийской историографии лексемы дромон галейями и триерами см.: [37, р. 407–444].

²³ τὰς τριήρεις καὶ τετρήρεις: [14, р. 117²³⁻²⁴].

²⁴ Ὡς γοῦν κατὰ στίχας ἕστησαν κάκειναι μὲν ὄμα προσέβαλλον, αἱ δὲ τῶν Ῥωμαίων στιχηδὸν κατὰ δεκάδος ἐπῆσαν, αἱ μὲν τῆς πρώτης δεκάδος τὴν πρώτην ἐδέχοντο μάχην, καὶ τῆς δεκάδος ἡ πρώτη προώρμα, ὅπου καὶ ὁ Φιλανθρωπῆνός πρωτοστράτωρ ἦν καὶ τὸ βασιλικὸν ἀνεγέγηρτο σκῆπτρον, ὡς σύνηθες, καὶ δὴ συμπεσοῦσαι μάχην ἤγειραν κρατερὰν: [33, vol. II, р. 429²¹⁻²⁵].

²⁵ τὸ μὲν οὖν εὐάνυμον κέρασ τῶν πολεμίων ἐπόνει πληττόμενον, ἔωθεν τοῦ ἡλίου τὰς ὕψεις συγγέοντος σφῶν· τὸ δὲ δεξιὸν κραταιότερον ταῖς Ῥωμαίκαῖς ναυσὶν ἐγκείμενον ἐνίκα λαμπρῶς καὶ δεινῶς ἐτραυμάτιζε τοὺς Ῥωμαίων ὀπίτας τε καὶ ἐρέτας· ὡς ἀπογινώσκοντας ἦδη τοὺτους διεκπίπτειν καὶ παρὰ τὴν γῆν τρεπομένους ἐξίεναι, κενὰς ἐπὶ τῆς ψάμμου τὰς ναῦς ἀφιέντας: [14, р. 119⁵⁻¹¹].

²⁶ Следует согласиться с С. Кириакидисом, обоснованно подчеркнувшим востребованность полемологических трактатов в тактической подготовке командного состава византийской армии [19, р. 63].

²⁷ Отметим, что имеющиеся на латинских галеях запасы воды, провианта и вооружения были достаточны для автономного плавания на период от трех до семи дней. См.: [9, p. 121].

²⁸ [33, vol. II, p. 431²⁸]; «καὶ οὕτω μέχρι δείλης ὀψίας» [14, p. 120¹⁴⁻¹⁷]. По сообщению Санудо, в ходе битвы был убит триарх Эвбеи Гильельмо II далле Карчери: [43, p. 122].

REFERENCES

- Zolotovskiy V.A. Vizantiyskiy flot perioda pravleniya pervykh Paleologov (1259–1328) [Byzantine Navy During the Rule of the First Palaiologan Emperors (1259–1328)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 238-250. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.22>
- Kolotova O.E. Vizantiyskiy flot i piratstvo pri imperatore Mikhaile VIII Paleologe (1261–1282) [Byzantine Navy and Piracy under Emperor Michaels VIII Paleologus (1261–1282)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2011, vol. 40, pp. 302-312.
- Khvalkov Y.A. Tekst vizantiysko-venetsianskogo dogovora 1265 [Text of an Unapproved Treaty Between Byzantium and the Venice, 1265]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2014, vol. 42, pp. 236-246.
- Ahrweiler H. *Byzance et la mer, la marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XIe siècles*. Paris, Pr. Univ. de France, 1966. 506 p.
- Bartusis M. The Megala Allagia and the Tzaousios: Aspects of Provincial Military Organisation in late Byzantium. *Revue des études byzantines*, 1989, t. 47, pp. 183-205.
- Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 1992. XVII, 438 p.
- Bury J.B. The Lombards and Venetians in Euboia (1205–1303). *The Journal of Hellenic Studies*, 1886, vol. 7, pp. 309-352.
- Chapman C. *Michel Paléologue, restaurateur de l'Empire byzantin (1261–1282)*. Paris, E. Figuière, 1926. 204 p.
- Dotson J.E. Foundations of Venetian Naval Strategy from Pietro II Orseolo to the Battle of Zonchio, 1000–1500. *Viator: Medieval and Renaissance Studies*, 2001, vol. 32, pp. 113-125.
- Dourou-Eliopoulou M. Les «Entrangers latins» en Romanie angevine sous Charles Ier (1266–1285). *Byzantinoslavica*, 1998, t. LIX, fasc. 1, pp. 65-70.
- Evert-Kappesova H. Une page de l'histoire des relations byzantines-latines. *Byzantinoslavica*, 1952–1953, t. 13, pp. 68-92.
- Failler A. Chronologie et composition dans l'histoire de Georges Pachymère. *Revue des études byzantines*, 1981, t. 39, pp. 145-249.
- Geanakoplos D. *Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: A Study in Byzantine-Latin Relations*. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1959. XII, 434 p.
- Schopen L., Bekker I., eds. *Gregoras Nicephorus. Historia Romana. In 3 vols. Vol. 1*. Bonn, Weber, 1829. 568 p.
- Hendrickx B. Allagion, Tzaousios et Protalagatôr dans le context Moréote: quelques remarques. *Revue des études byzantines*, 1992, t. 50, pp. 208-217.
- Iorio G. La battaglia di Benevento (26 Febbraio 1266) nei cronisti coevi. *Schola Salernitana – Annali*, 2016, vol. XXI, pp. 9-34.
- Jacoby D. The Relations of Charles of Anjou with Nikephoros of Epiros. *Studies on the Crusader States and on Venetian Expansion*. Northampton, Variorum Reprints, 1989, pp. 170-194.
- Koder J., Hild F. *Tabula Imperii Byzantini. Bd. 1: Hellas und Thessalia*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976. 316 S.
- Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium, 1204–1453*. Boston, Brill, 2011. 272 p.
- Laurent V., Darrouzès J. *Dossier grec de l'union de Lyon, 1273–1277*. Paris, Institut français d'Etudes Byzantines, 1976. XVII, 612 p.
- Longnon J. *L'empire Latin de Constantinople et la principauté de Morée*. Paris, Payot, 1949. 363 p.
- Longnon J. The Frankish States in Greece, 1204–1311. Setton K.M., Wolff R.L., Hazard H.W., eds. *A History of the Crusades. Vol. II: The Later Crusades. 1189–1311*. Madison, Univ. of Wisconsin Press, 1969, pp. 235-276.
- Longon J. Le rattachement de la principauté de Morée au royaume de Sicile en 1267. *Journal des Savants*, 1942, t. 15, pp. 134-143.
- Miller W. *The Latins in The Levant. A History of Frankish Greece (1204–1566)*. New York, E.P. Dutton and Company, 1908. 678 p.
- Millingen A. van. *Byzantine Constantinople: The Walls of the City and Adjoining Historical Sites*. London, J. Murray, 1899. XI, 361 p.
- Minieri-Riccio C. *Itinerario di Carlo I. di Angiò; ed altre notizie storiche*. Napoli, Stabilimento tipografico partenopeo, 1872. 54 p.
- Mott L.V. Ships of the 13th Century Catalan Navy. *International Journal of Nautical Archaeology*, 1990, vol. 19, no. 2, pp. 101-112.
- Müller R.C. Venetian Ships and Shipbuilders Before the Millennium. *Le technicien dans la cité en Europe occidentale, 1250–1650*. Rome, Ecole française de Rome, 2000, pp. 61-71.

29. Nicol D.M. *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations*. Cambridge, University Press, 1988 (1989). XIV, 465 p.
30. Nicol D.M. *The Despotate of Epiros, 1267–1479: A Contribution to the History of Greece in the Middle Ages*. Cambridge, New York, Camb. Univ. Press, 1984. XIII, 297 p.
31. Nicol D.M. *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453*. London, Hart-Davis, 1972. XII, 482 p.
32. Norden W. *Das Papsttum und Byzanz*. Berlin, B. Behr, 1903. XIX, 764 S.
33. Failler A., Laurent V., eds. *Pachymérès Georges. Relations historiques. Vol. I. Liv. I–III*. Paris, Les belles lettres, 1984. 325 p.; *Vol. II. Liv. IV–VI*. Paris, Les belles lettres, 1984, pp. 328–667; *Vol. III. Liv. VII–IX*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999. 305 p.; *Vol. IV. Liv. X–XIII*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999, pp. 306–727.
34. Polidori-Galvani F.L., ed. La Cronique des Venéciens de maistre Martin da Canal. *Archivio storico Italiano*, 1st ser., 1845, t. VIII, pp. 229–798.
35. Trapp E., Walther R., Beyer H.-V., eds. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. CD-ROM Version*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 2001. 1 CD-ROM.
36. Pryor J.H. The Galleys of Charles I of Anjou King of Sicily: ca. 1269–84. *Studies in Medieval and Renaissance History*, 1993, vol. XIV, pp. 33–103.
37. Pryor J.H., Jeffreys E.M. *The Age of the dromon. The Byzantine Navy ca 500–1204*. Leiden; Boston, Brill, 2006. 758 p.
38. Raybaud L.-P. *Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire Byzantin sous les premiers Paléologues (1258–1354)*. Paris, Sirey, 1968. 293 p.
39. Setton K.M. *The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. I: The Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Philadelphia, American Philosophical Society, 1976. 514 p.
40. Schmitt J., ed. *The Chronicle of Morea. To Chronikon tou Moreōs*. London, Methuen & Co., 1904. XCII, 640 p.
41. *The Oxford Dictionary of Byzantium. In 3 Vols.*, vol. 1. New York, Oxford, Oxford University Press, 1991. 728 p.; vol. 2. New York, Oxford, Oxford University Press, 1991, pp. 729–1474.
42. Dennis G., ed. *The Taktika of Leo VI*. Washington, DC, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2010. 690 p.
43. Hopf Ch., eds. Torsello, Marino Sanudo. *Istoria del regno di Romania. Chroniques gréco-romanes*. Berlin, Librairie de Weidmann, 1873, pp. 99–170.
44. Wiel A. *The Navy of Venice*. New York, E.P. Dutton and Company, 1910. 370 p.

Information About the Author

Vladimir A. Zolotovskiy, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskii, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Информация об авторе

Владимир Алексеевич Золотовский, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.11>

UDC 94“04/14”:316.485.22

LBC 63.3(0)4-9

Submitted: 15.06.2024

Accepted: 02.12.2024

GEORGE PACHYMERES' WALKING AS A PROBLEM

Evgeny V. Stelnik

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In George Pachymeres' historical work, “walking” turns out to be synonymous with a certain political situation. Certainly, the conflict between Michael VIII and Patriarch Arsenius is a peculiar nerve of the Byzantine historian's historical narrative, and the Arsenite controversy is a significant problem for the Byzantine state, society, and church. In this sense, the “insignificant” “walk” seems to be a fairly accurate metaphor for the emerging political conflict, expressing certain power relations. Such a walk is nothing less than “the will to power in a discursive state.” In other words, Pachymeres' walking man resolves issues of power by his very movement. *Methods and materials.* Walking as an act of everyday life has been scrutinized in contemporary cultural studies literature. From a structuralist perspective, to walk is to “speak.” Walk, in this sense, is a whole implicit sign system, with its own signs, structure, rhythm, and context. Walking turns out to be an important social gesture. In this sense, the tired but still walking patriarch of Nicaea, Arsenius the Autorianus (c. 1200–1273), should be properly understood. *Analysis.* This “walking” is an exceptionally vivid gesture (especially vivid in that the patriarch, not a young man at all, does not stop in his persistence even at night). Before us is not just a personal offense of Arsenius, a man who was deceived and betrayed. It is worth noting that Arsenius himself was regent under John Lascaris, and his inert patriarchal administration, actively issuing documents confirming the privileges of the monasteries, was the only legitimate authority. Such a movement of Arsenius was not so much a protest against the removal of the minor John Laskaris and usurpation of power by Michael VIII but also a defense of his authority. *Results.* The walking patriarch in George Pachymeres is certainly a very personal moment in the narrative. In fact, an ancient hero appears before us, challenging Fate (and Michael VIII Palaeologus, according to Pachymeres, is simply the evil Rock of the Empire) without hope of victory, where the very tragedy of the situation only emphasizes its heroism and exclusivity.

Key words: walking, patriarch, emperor, Michael VIII Palaeologus, Arsenius the Autorianus, protest, power.

Citation. Stelnik E. V. George Pachymeres' Walking as a Problem. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 155-161. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.11>

УДК 94“04/14”:316.485.22

ББК 63.3(0)4-9

Дата поступления статьи: 15.06.2024

Дата принятия статьи: 02.12.2024

ПЕШАЯ ПРОГУЛКА У ГЕОРГИЯ ПАХИМЕРА КАК ПРОБЛЕМА

Евгений Викторович Стельник

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. У Георгия Пахимера «пешая прогулка» оказывается синонимом определенной политической ситуации. Безусловно, конфликт между Михаилом VIII и патриархом Арсением является своеобразным нервом исторического повествования византийского историка, а арсенитские споры – существенной проблемой для византийского государства, общества и церкви. В этом смысле «незначительная» «пешая прогулка», как представляется, является достаточно точной метафорой складывающегося политического конфликта, выражающей определенные властные отношения. Такая прогулка не что иное, как «воля к власти в дискурсивном состоянии». Иначе говоря, идущий человек у Пахимера самим своим движением решает вопросы власти.

Ключевые слова: пешая прогулка, патриарх, император, Михаил VIII Палеолог, Арсений Авториан, протест, власть.

Цитирование. Стельник Е. В. Пешая прогулка у Георгия Пахимера как проблема // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 155–161. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.11>

Введение. Кажется, нет ничего более банального, чем идущий пешком человек. Ходить пешком естественно (даже слишком естественно, чтобы на это обращать внимание) и повседневно. Идти пешком у византийского историка и церковного деятеля Георгия Пахимера (1242–1310 гг.) – πεζῆ, но по-гречески это еще и тривиально выражаться «в прозе», в то время как поэзия, поистине «высокое искусство» является одной из сторон души, выраженной языком, и претендует на исключительность. В этом смысле, медленный бустрофедон противостоит ритмичному и музыкальному стиху (στίχος – это поворот, а «нога» – мера ритма), подобно как телесное противостоит душевному.

Такая естественность «пешей прогулки» скрывает ее от исследовательского внимания. Нет ничего необычного, что люди ходят, люди ходили всегда и всюду. Между тем, подобные незначительные повседневные детали, став предметом анализа, могут оказаться знаками, уликами или определенными жестами, обращенными к нам, их не замечающим [1, с. 190].

На наш взгляд, необходимо рассмотреть «пешие прогулки» в тексте «Исторических записок» Георгия Пахимера. Представляется, что за несущественной деталью скрывается нечто важное.

Так, в первых VI книгах «Исторических записок» Пахимера само слово πεζῆ встречается 13 раз. И если 5 раз речь идет об абстрактном «сухом пути», то есть о движении по суши, а не по морю (οὔτε πεζῆ οὔτε κατὰ θάλατταν) [6, vol. II, p. 405, 413, 451], то в остальных случаях речь идет об исторических персонажах повествования византийского историка. И если Михаил VIII Палеолог идет пешком только два раза (в только что случайно захваченном Константинополе [6, vol. I, p. 219] и когда ведет мула патриарха Арсения [6, vol. I, p. 103]), то патриархи (Арсений – 3 упоминания [6, vol. I, p. 159, 213; vol. II, 343], Герман – 1 упоминание [6, vol. II, p. 365], Векк – 1 упоминание [6, vol. II, p. 519]) весьма часто. Один раз Пахимером упоминается военачальник Константин, но абсолютно в обратном контексте: он сломал ногу («его везут

на тележке (ἀμαξίς) он окружен врагами») [6, vol. I, p. 305] и ходить не может, поэтому этот случай мы рассматривать не будем.

Таким образом, если Георгий Пахимер говорит об идущем пешком некоем человеке, как ни удивительно, но этот человек зачастую оказывается возмущенным патриархом. А это что-то значит.

Методы. Ходьба пешком как акт повседневности внимательно рассматривалась в современной культурологической литературе. С точки зрения структурализма, ходить – это значит «говорить». Походка, в этом смысле, целая неявная знаковая система, со своими знаками, структурой, ритмом и контекстом [4, p. 1]. Ходьба оказывается важным социальным жестом. Так как ходьба не эффективный способ передвижения (медленный и утомительный), смысл ее находится в политическом поле значений. Идущий пешком человек, в определенном контексте, может выражать собой политический или моральный протест, когда его невозможно выразить иначе [4, p. 18]. Идущий освобождается от давящих социальных обязательств и принятых правил игры [8, p. 10]. Ходьба – это торжество духа над материальными необходимостями и целесообразностями [9, p. 16].

В этом смысле уставший, но все равно идущий патриарх Никейский Арсений Авториан (ок. 1200–1273 гг.) должен быть правильно понят.

У Георгия Пахимера «пешая прогулка» оказывается синонимом определенной политической ситуации. Безусловно, конфликт между Михаилом VIII и патриархом Арсением является своеобразным нервом исторического повествования византийского историка, а арсенинские споры – существенной проблемой для византийского государства, общества и церкви. В этом смысле «незначительная» «пешая прогулка», как представляется, является достаточно точной метафорой складывающегося политического конфликта, выражающей определенные властные отношения. Такая прогулка – не что иное как «воля к власти в дискурсивном состоянии». Иначе говоря,

идуший у Пахимера человек своим движением решает вопросы власти ¹.

Необходимо сразу оговориться. Говоря о конфликте между Михаилом Палеологом и патриархами, прежде всего Арсением, автор не испытывает иллюзий сказать нечто новое о причинах этого конфликта, о его социальных, политических или идеологических детерминантах и тем более его последствиях. Нас будет интересовать не столько сам конфликт, сколько его тональность, регистр и эмоциональность, выраженная в жестике стороны. Пешая прогулка у Пахимера – жест фактически театральный ².

Анализ. Первое упоминание о «пешей прогулке» у Георгия Пахимера намечает будущий конфликт между Михаилом VIII Палеологом и патриархом Никейским Арсением. Патриарх Арсений, происходивший из знатной константинопольской семьи (род Каматеров), был лично выбран и «назначен» (за семь дней пройдя все церковные должности) на должность императором Феодором II Ласкарисом еще в 1254 году. После убийства регента Георгия Музалона (на девятый день поминаения умершего императора Феодора II) восьмилетнего Иоанна Ласкариса, патриарх Арсений на несколько месяцев превратился в самого могущественного человека в империи, так как только он сохранял еще легитимность [5, р. 87].

Пахимер описывает их первую встречу в контексте определения попечителя малолетнего наследника Иоанна Ласкариса. Совет предварительно назначает на эту «царственную» должность коноставла Михаила Палеолога, но это назначение еще должен утвердить патриарх, который именно для этого и оправляется в Магнезию, где вместе с государственной казной находится и Михаил. Михаил Палеолог узнает о прибытии патриарха «раньше других», немедленно выезжает на встречу и «пешком», под уздцы, до самого дворца ведет мула Арсения (πεζῆν τε βαδίζων καὶ τὰς τῆς ἡμίονου τοῦ ἱερέως χαλινούς κατέχων) [6, vol. I, р. 103].

Пахимер объясняет это необычное событие, естественно, двояко, с выделением видимых и скрытых причин. С одной стороны, Палеолог выражает свое почтение и величайшее уважение (τιμὴν τὴν μεγίστην ἀφοσιούμενος τῷ τε πατριάρχῃ καὶ παντὶ τῷ ἱερῷ πληρώματι) [6,

vol. I, р. 103] и святую обязанность подчиниться духовной власти. Но, с другой стороны, для него это всего лишь «хитрый способ» (Ἦν δὲ ἄρα οἱ τὸ σοφὸν ἐκεῖνῳ μὲν ἐνδιδόναι τῶν ὄλων ἄρχειν, αὐτὸν δ' ὑποποιοῦμενον τὸν ἐξάρχοντα, λαμβάνειν οἶόν τ' εἶναι, ὡς ἐπ' ἀναγκαίαις παρέξοντα) [6, vol. I, р. 105], притворно подчинившись, подчинить себе патриарха.

Разберем теперь саму ситуацию идущего Михаила, ведущего мула Арсения. Конечно, сразу бросается в глаза внешний эффект этого сюжета, когда Арсений оказывается «выше» прислуживающего ему Михаила. На этот эффект, видимо, и рассчитывал сам Палеолог. Но, во-первых, Михаил Палеолог «унижается» сам и по своей воле, и Пахимер считает, что вполне притворно, а во-вторых, ведя за уздцы мула Арсения, Михаил управляет патриархом, а тот оказывается хотя и в приятном антураже, но в роли ведомого.

Михаил, идущий и ведущий мула патриарха, отказывается от своей гордости и тщеславия, которые, как показывают многочисленные страницы «Исторических записок» Пахимера, весьма и весьма у него развиты. В данном сюжете многое настораживает и привлекает внимание, заставляет не торопиться с выводами. Слишком уж много самоунижения, слишком много скромности. Только очень уверенный и даже самоуверенный в себе человек способен так робко «подавать» себя патриарху и всему клиру. Только ценящий исключительно свое мнение Михаил VIII способен притворно «унижаться» и подчиняться.

Такая прогулка Михаила есть не что иное, как претензия на власть. «Подкупив» патриарха своим смирением и заботой (и щедрыми подарками из казны) он ее получит из рук уверенного в своем превосходстве патриарха Арсения.

Дальнейшие неумные претензии на власть Михаила Палеолога приводят к конфликту с патриархом Арсением, соотношение сил незаметно меняется, и теперь ходить пешком придется исключительно патриарху.

Очень яркая точка конфликта – ситуация, когда патриарх, понимая, что начинает уступать властные позиции Михаилу, «вдруг» высказав свою скорбь клиру, «уходит».

Арсений в конце 1259 г. сначала со своей свитой идет пешком (πεζῆν) до ворот Никеи,

а затем уже один доходит до монастыря *Ἀγαλιάτου*, и, отдохнув сидя у монастырской стены, достигает уже ночью уединенной обители Пасхазия [6, vol. I, p. 159].

Клир и церковные архиереи были чрезвычайно удивлены этим необыкновенным событием. И на самом деле есть чему удивиться и нам. Почему Арсений «уходит» именно сейчас практически через год после коронации Михаила VIII Палеолога, которую он сам и провел 1 января 1259 года?

Показательно, что в римской традиции движение тела всегда определенным образом соответствовало движению ума. Быстрая походка свидетельствовала быстрому движению ума, медленная походка стоиков – их рассудительности. Так, пешие прогулки Цицерона имели явный политический контекст [10, p. 47].

Эта «пешая прогулка» исключительно яркий жест (особенно яркий тем, что патриарх, совсем не молодой человек, не останавливается в своем упорстве даже ночью). Перед нами не просто личная обида Арсения, человека которого обманули и предали [12, S. 145]. Стоит обратить внимание, что Арсений сам был регентом при Иоанне Ласкарисе, а его энергичная патриаршая администрация, активно издающая документы, подтверждающие привилегии монастырей, была единственным законным органом власти [5, p. 58]. Такое движение Арсения – не столько протест против отстранения малолетнего Иоанна Ласкариса и узурпации власти Михаилом VIII, но и защита своих властных полномочий. При этом нужно учитывать, что защищать свою власть приходится от человека, которого он сам выбрал, хорошо лично знал [3, с. 12–13] и доверил ключи от государственной казны [5, p. 87].

В этом смысле протест этот яркий и эмоциональный. Фактически речь идет о личном оскорблении Арсения, и его «пешая прогулка» выражает все его возмущение и негодование. Уходя из Nikei, патриарх уходит и от патриарших обязанностей (но не от титула, взяв с собой патриарший посох и светильник), а это вызов уже не только светской власти в лице незаконного императора, но и самой Церкви, которая теперь должна принять чью-то сторону. Таким простым жестом он ставит под сомнение не только власть «незаконного» императора, но и церковную, формально из-

бравшую его. Справятся ли они без него? Последующие события показали, что демарш Арсения не поддержала ни константинопольская аристократия, ни высшее духовенство [5, p. 90, 93]. Возможно, своим скромным и гордым пешим путешествием Арсений апеллировал к социальным низам Nikei [3, с. 103].

Георгий Пахимер озабочен, впрочем, другим: его беспокоит причина ухода патриарха. Он выделит, конечно, видимые и настоящие причины. Но это же будет беспокоить и императора, он будет активно не понимать, так как для него понять причину ухода означает признать обоснованность претензий Арсения.

Хотя цели патриарха Арсения понять не сложно. Не имея возможности высказать свои властные притязания прямо, патриарх выражает их косвенно. Уходя, он игнорирует Михаила, хочет перевести конфликт на свою территорию. Весь вопрос о причине в конце концов сводится к необходимости с покаянием прийти к Арсению. Патриарх просто не считает Михаила Палеолога равным себе. Такой уход вовсе еще не бегство, а вполне рациональная попытка переиграть ситуацию, но на своей территории и на своих условиях. Конфликт набирает силу.

Арсения упрасивают вернуться. Он жалуется, у него так никто и не просит прощения. Патриарху приходится что-то делать, и он, демонстрируя, по словам Пахимера, мягкосердечность, но совсем не кротость, идет пешком в Руфин [6, vol. I, p. 231], то есть вполне осознанно не доходит до столицы.

Арсений идет пешком (*πεζῆ*) – он все еще в конфликте, его борьба продолжается, он все еще не простил Палеолога. Но, «приближаясь» (по версии Пахимера, лучше участвовать в делах церкви, «отсылать ответы»), он делает шаг навстречу Михаилу, при этом ничем не поступаясь.

Интересно, что Пахимер не упоминает, что в этот момент делает Михаил VIII; по всей видимости, по умолчанию, он находится в «покое» в центре государства, обличенный властью и полномочиями. «Идущий», двигающийся, борющийся Арсений – полная противоположность властному (точнее уже достигшему власти) Михаилу. Претензии на власть деятельного патриарха – вызов, оставшийся без ответа.

Но Арсения вернут к Михаилу – он приедет в Константинополь на коне (ἔπειθε γὰρ ἐννοεῖν τοιαῦτ' ἐκεῖνον τό τ' ἐπιβῆναι ἵππου τὸν πατριάρχην καὶ παρὰ τὸ σύνηθες πρᾶξιαι) [6, vol. II, p. 341–343]! Этот конь многое означает, ведь, увидев патриарха на коне, Михаил был уверен, что уже прощен! Конь, привезший ушедшего пешком Арсения – сила необходимости, заставившая вернуться; патриарх принужден, но не согласен. Но теперь он игрушка в чужих руках ³.

Вернувшись, Арсений теряет «основания» своей позиции, победа в конфликте склоняется к Михаилу. Вернувшись, патриарх сразу попадает в ловушку.

Такой ловушкой оказывается «подстроенная» Михаилом VIII Палеологом церковная служба, с помощью которой император получает прощение почти автоматически (когда, входя вместе в церковь заранее наученный диакон запоет «благослови», Михаил окажется прощенным без прощения Арсения). Поняв, в какое положение он попадает, патриарх возмущен. Выразив свое негодование словами, общий смысл которых заключается в том, что Михаил правит не по закону и недостойно (Михаил «крадет» благословение – «Τί, λέγων, οὕτω δολερῶς κλέπτεις τὴν εὐλογίαν καὶ παραλογίζῃ τὸ θεῖον, ἄνθρωπος ὢν, οὐ δέον ὄν οὐδὲ συμφέρον;») Ἐτι δὲ καὶ «Καλά γε ταῦτα, προσονεΐδίζων, καί γε βασιλεῖ καὶ ἐννόμως ἄρχειν προαιρουμένῳ πρέποντα καὶ δὴ φορητὰ τοῖς ἄλλοις ἀκοῦσαι, ὥστε καὶ ἐπαινεῖν») [6, vol. II, p. 343], Арсений орлом (ἀετός) «улетает» со всех ног через железные двери триклиния и опять пешком, но очень быстро, бежит (τάχος πεζῆ διαθέων) к морю, чтобы на корабле отправиться домой. Этот исключительно яркий эпизод также требует пояснения.

То, что орел – это гордая птица, достаточно ясно, но не стоит забывать, что она еще и «царственная» и «священная». Представляется, что перед нами явное выражение, по мнению Пахимера, праведного и законно обоснованного гнева Арсения. Арсений таким образом, уподобляется орлу, «божественной воле», противостоящей слепой Судьбе.

Патриарх двигается исключительно быстро, он «летит», «бежит», что подчеркивает исключительную эмоциональность ситуации. Перед нами – высшая точка конфликта, где

скорость передвижения Арсения выражает его интенсивность. Примирение невозможно. Немного позже Арсений будет обвинен Михаилом Палеологом в заговоре против императорской власти.

Арсению снова приходится бежать, когда ему пытаются зачитать обвинения в заговоре. Патриарх бессилен против козней императора, его негодование выражают силы природы. Вскоре после этого начинается буря. Жесты начинают приобретать угрожающий характер.

Открытое обвинение в заговоре делает ненужными скрытые и многозначительные жесты. Конфликт стал явным – это значит, он уже разрешился.

Бег Арсения (он бежит в «разные стороны», так как он растерян) становится жестом отступления, выходя из конфликтной ситуации, он оставляет «поле боя» за своим противником. Здесь уже нет той строгой решимости πεζῆ. Патриарх Арсений низложен, но не побежден. В этом смысле замечательны последние слова завещания Арсения, то, как они похожи на уверенную твердость человека, идущего пешком, не взирающего ни на что и ни на кого ⁴.

Арсений низложен, но конфликт патриархов с Михаилом VIII Палеологом продолжается. Эстафета «прогулок» переходит через усердного и аскетичного Германа (с нематыми ногами – ἀνιπτόποδες καὶ χαμαιεῦναι καὶ μονοχίτωνες) [6, vol. II, p. 365] к новому патриарху Иоанну Векку, история становления которого очень интересует Пахимера, лично его знавшего [7, S. 296].

Проблема взаимоотношений нового патриарха с императором Палеологом, по мнению Георгия Пахимера, появляется естественно и как бы сама собой. Иоанн Векк, конечно, заступает за слабых и несправедливо униженных, радуется за церковные дела. Интересно, но именно это и становится поводом для нового обострения конфликта между светской и церковной властью, который начинает приобретать черты конфликта Добра со Злом, где «незаконно» захвативший власть Палеолог, естественно, является Злом. Почему-то зло опять побеждает.

Но в отношениях императора и патриарха снова появляется «сопротивление» и «соперничество». И снова речь идет о светской власти, «незаконно» стоящей над властью духов-

ной («Τὶ δέ, φησί, καὶ ἀπὸ τίνων ἀρχιερεῖς εἶναι ἄξιον ἢ μαγεύρους καὶ στρατῶρας, οὓς ὑποκλίνειν ἀνάγκη, κἂν ὃ τι θέλοιτε») [6, vol. II, p. 519]. Иоанн Векк позволяет себе очень яркий и по-своему отчаянный жест – к ногам императора летит патриарший жезл (πατριαρχίας σύμβολον ῥίψαι) [6, vol. II, p. 519]. После этого Векк со всех ног бежит прочь и так же, подобно Арсению, идет пешком (πεζῆ) в удаленную обитель. Конечно, патриарха упрасивают вернуться, и, конечно, он возвращается.

Надо сказать, что эта «прогулка» Векка – последняя у Пахимера, он подводит определенную черту в отношениях патриарха и императора, в отношениях светской и духовной власти. Конфликт с неуступчивым Арсением, видимо, многому его научил. Палеолог якобы идет на уступки – один день (третий) из недели выделяется на решение церковных дел и общение патриарха с императором. Этим решением, выгодным только ему самому, Палеологу удастся включить (и тем самым подчинить патриарха) в свою управленческую систему государственного аппарата. Император желает, чтобы патриарх обращался к нему в письменном бюрократическом виде (то есть не лично [6, vol. II, p. 521]), может, он и соизволит ознакомиться с прошением. Вспомним, как еще не так давно сам Палеолог «шел» смиренно перед мулом Арсения.

Перед нами картина полного поражения Арсения и его приемников. Вызов, брошенный патриархами, организован и подчинен. В этот третий день патриарх будет находиться недалеко (в близлежащем монастыре) от императора, конечно, чтобы «идти» было ближе. Гордые «пешие прогулки» патриархов закончились.

Выводы. Идущий патриарх у Георгия Пахимера – безусловно, очень личностный момент повествования. Фактически перед нами появляется античный герой, бросающий вызов Судьбе (а Михаил VIII Палеолог, по Пахимеру – это просто злой Рок империи) без надежды на победу, где сам трагизм ситуации лишь подчеркивает ее героичность и исключительность. Впрочем, на этом античные аллюзии у Георгия Пахимера заканчиваются. Герой у византийского историка – это не античное тело («царственное тело Агамемнона») как синоним личности, а неукротимый дух, «благочестивая нетерпимость».

Именно в этом контексте замечательны «долгие путешествия» (πεζῆ τε καὶ βάδην αἰρούμενοι διέρχεσθαι τὰς ὁδοὺς, ἀνιπτόποδες καὶ χαμαιεῦναι καὶ μονοχίτωνες) [6, vol. II, p. 365] адрианопольского епископа Германа, будущего патриарха (Арсения сменит Никифор, а вскоре его сменит Герман), как вариант аскезы, способ испытания и подавления плоти. Тело в этой концепции материально, греховно и негативно [11, p. 126–128], дух должен освободиться от его греховной детерминации и, более того, должен властвовать над ним.

Претензии патриархов на светскую власть у Георгия Пахимера сродни этой аскезе. Императорская власть Михаила VIII Палеолога приравнивается автором к материальной греховности.

В этом контексте более чем показательно «возвращение» патриарха Арсения. 14 сентября 1310 г. тело Арсения, умершего 37 лет назад, извлекли из могилы, нарядили в патриаршие облачения, посадили на патриарший трон в Святой Софии, а император Андроник II звучным голосом читал томос унии, прекращающий арсенитский раздор в пользу Арсения и его сторонников [12, S. 160]. Упорный Арсений, все-таки, добрался до своей победы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, захватив Константинополь, император Михаил VIII медленно (συχλαίφ) обходит его пешком (πεζῆ βαδίζων), забыв о царской надменности, несмотря на полдень и сильную жару [6, vol. I, p. 217, 219]. Перед нами не что иное, как акт «присвоения», вступление императора в права над еще недавно чужим городом. Так Михаил приобретает власть над Константинополем и устраивается на ночлег.

² Представление о сценическом достаточно развито у Георгия Пахимера. Так, Палеолог у него – это «сценический император».

³ Кони – достаточно четкое выражение силы. Так, обвиненного в заговоре Михаила Палеолога, еще при живом старом императоре, везут на лошади со связанными ногами. Он – жертва. Еще более негативный характер лошади Пахимер представляет нам в «Сне Векка». В рассказе Иоанна Векка «конь» – это есть смерть, сила, не спрашивая воли своих «наездников», ведущая их и переправляющая через реки Аида. Так и говорит «голос откуда-то» Векку: «Что ты заботишься? (Векк думает сам переправляться на другую сторону) Придет время и переправишься поневоле».

⁴ «Произношу анафему и предаю сатане его (императора Михаила Палеолога), так как он и прежде предал уже себя сатане своим вероломством, а теперь своим гонением на Церковь. Предаю также сатане и архиереев за то, что они сочувствовали нечестию; равным образом и мирских начальников, которые содействовали ему; а также священников и всех его приспешников. Что же касается простого народа, не умеющего отличить правой руки от левой, то как ученик милосердного Господа моего говорю: Господи, не вмени им греха сего» [2, с. 160–161].

REFERENCES

1. Ginzburg K. Primety. Ulikovaya paradigma i ee korni [Evidence Paradigm and Its Roots]. Ginzburg K. *Mify – emblemy – primety: morfologiya i istoriya* [Myths – Emblems – Signs: Morphology and History]. Moscow, Novoe izd-vo, 2004, pp. 189-241.
2. Lebedev A.P. *Istoricheskiye ocherki sostoyaniya Vizantiysko-vostochnoy tserkvi ot kontsa XI-go do poloviny XV-go veka* [Historical Essays on the State of the Byzantine-Eastern Church from the End of the 11th to the Middle of the 15th Century]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1998. 384 p.
3. Troitskiy I.E. *Arseniy, patriarkh Nikeyskiy i Konstantinopolskiy i Arsenity (k istorii Vostochnoy Tserkvi XIII veka)* [Arsenius, Patriarch of Nicaea and Constantinople and the Arsenites (On the History of the

Eastern Church of the 13th Century)]. Saint Petersburg, Tip. Departamenta udelov, 1873. 524 p.

4. Amato J.A. *On Foot: A History of Walking*. New York, New York University, 2004. 333 p.
5. Angold M. *A Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea (1204–1261)*. Oxford, Oxford University Press, 1975. 332 p.
6. Failler A., Laurent V., eds. *Pachymérès Georges. Relations historiques. Vol. I. Liv. I–III*. Paris, Les belles lettres, 1984. 325 p.; *Vol. II. Liv. IV–VI*. Paris, Les belles lettres, 1984, pp. 328-667.
7. Gill J. Notes on the De Michaelae et Andronico Palaeologis of George Pachymeres. *Byzantinische Zeitschrift*, 1975, Bd. 68, S. 295-303.
8. Gros F. *A Philosophy of Walking*. New York, Verso, 2014. 227 p.
9. Horvath A., Szokolczai A. *Walking into the Void. A Historical Sociology and Political Anthropology of Walking*. New York, Routledge, 2018. 232 p.
10. O’Sullivan T.M. *Walking in Roman Culture*. New York, Cambridge University Press, 2011. 188 p.
11. *Photius. Bibliothèque: Vol. 1–9. Vol. 8. (Codices 257–280)*. Paris, Les Belles Lettres, 1977. 446 p.
12. Tinnefeld F. Das Schisma zwischen Anhängern und Gegnern des Patriarchen Arsenios in der orthodoxen Kirche von Byzanz (1265–1310). *Byzantinische Zeitschrift*, 2012, Bd. 105/1, S. 143-166.

Information About the Author

Evgeny V. Stelnik, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

Информация об авторе

Евгений Викторович Стельник, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.12>

UDC 94(495)+94(560)
LBC T3(0)4-93

Submitted: 15.06.2024
Accepted: 26.11.2024

**ANTIHERO OF HIS TIME:
THE BYZANTINE EMPEROR JOHN VII PALAIOLOGOS**

Tatiana V. Kushch

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article reveals the political activities of John VII Palaiologos, who struggled against Manuel II Palaiologos (1391–1425) for the title of heir, and later on for power over the Byzantine Empire. John VII's political portrait, created primarily by his competitor, presents John VII as the main culprit in inciting civil strife and involving the empire's main enemies, the Ottomans, in its internal affairs. The purpose of the work is to raise and answer the question of how well John VII deserved this assessment. *Methods and materials.* The article has analysed the information provided by Byzantine historical and rhetorical works, Russian chronicles, and the accounts of Western writers. The said information has been researched within the context of the political events in Byzantium in the second half of the fourteenth and early-fifteenth centuries. *Analysis.* As a son of Andronikos IV, John VII had every reason for his dynastic claims, as he received the title of co-ruler as early as 1377. Additionally, he could lay claim to the throne by the right of primogeniture. He also won the sympathies of a part of the citizens of the imperial capital, who viewed him as an "Andronikos' son," the legitimate contender for the throne. However, when struggling for power, he relied on the Ottomans, who were interested in maintaining political instability in the empire. John VII and Manuel II tried to resolve the dynastic conflict several times, and only the early death of John VII finally ended the feud. *Results.* The conclusion is that John VII Palaiologos, who had reasons to become a hero of his time, finally became an anti-hero.

Key words: Late Byzantium, John VII Palaiologos, Manuel II Palaiologos, imperial power, intra-dynastic struggle, Ottomans.

Citation. Kushch T.V. Antihero of His Time: The Byzantine Emperor John VII Palaiologos. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 162-171. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.12>

УДК 94(495)+94(560)
ББК Т3(0)4-93

Дата поступления статьи: 15.06.2024
Дата принятия статьи: 26.11.2024

**АНТИГЕРОЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ:
ВИЗАНТИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР ИОАНН VII ПАЛЕОЛОГ**

Татьяна Викторовна Куш

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье освещается политическая деятельность Иоанна VII Палеолога, который вел борьбу с Мануилом II Палеологом (1391–1425) за титул наследника, а в дальнейшем и власть в Византийской империи. Политический портрет Иоанна VII, созданный прежде всего усилиями его конкурента, представлял его главным виновником в разжигании междоусобицы и вовлечении во внутренние дела империи ее главных врагов – османов. В статье ставится вопрос, насколько заслуженно Иоанн VII получил подобную оценку. *Методы и материалы.* В статье анализируются сведения византийских исторических и риторических сочинений, русских летописей, сообщений западноевропейских авторов. Эти данные рассматриваются в контексте политических событий в Византии во второй половине XIV – начале XV века. *Анализ.* Иоанн VII, будучи сыном Андроника IV, имел все основания для своих династических притязаний, поскольку получил титул соправителя еще в 1377 году. Кроме того, он мог претендовать на престол по праву первородства. На его стороне были и симпатии части столичных жителей, которые видели в нем, «Андрониковом сыне», законного претендента на престол. Однако в борьбе за власть он опирался на османов, которые

были заинтересованы в поддержании политической нестабильности в империи. Несколько раз Иоанн VII и Мануил II предпринимали попытки урегулировать династический конфликт. И только ранняя смерть Иоанна VII окончательно прекратила вражду. *Результаты.* Сделан вывод о том, что Иоанн VII Палеолог, имевший основания стать героем своего времени, все же оказался его антигероем.

Ключевые слова: поздняя Византия, Иоанн VII Палеолог, Мануил II Палеолог, императорская власть, внутрдинастическая борьба, османы.

Цитирование. Куц Т. В. Антигерой своего времени: византийский император Иоанн VII Палеолог // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 162–171. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.12>

*Светлой памяти
Николая Дмитриевича Барабанова*

Введение. Историю, как часто говорят, пишут победители, они же создают образы героев и антигероев своего времени. Примеры тому в истории Византийской империи встречаются довольно часто. Так, иконоборческий период в историческом нарративе был представлен сторонниками победивших иконопочитателей, которые создали «правильную» версию событий: сохранившиеся в исторической традиции образы императоров и патриархов, проводивших иконоборческую политику, изобилуют отрицательными чертами «истинных злодеев эпохи» [31, S. 177–188]. Некоторые же правители еще при жизни испытывали на себе переменчивость общественного мнения, превратившись из героя, любимца сограждан, в антигероя, ненавистного тем, кто еще недавно его почитал. В качестве наиболее яркого примера можно вспомнить историю жизни Андроника I Комнина (1183–1185) с ее трагической развязкой. Средневековью известны и более сложные метаморфозы коллективной памяти, как, например, эволюция образа короля Кипра Петра (Пьера) I Лузиньяна (1359–1369) от героя к тирану и обратно [1]. Византийская история знает и такие случаи, когда проигравший политическую борьбу император, не желая мириться с возможным забвением и перспективой предстать в глазах потомков антигероем, позаботился о том, чтобы защититься перед судом истории. Ярким примером тому служит фигура Иоанна VI Кантакузина (1341–1354), который после своего низложения составил исторический труд, носивший ярко выраженный апологетический характер [34]. Этот пример самореабилитации проигравшего политическую схватку императора весьма показателен – он позволяет понять,

сколько важно было для Кантакузина донести до потомков свою версию событий, участником которых он был, и каким образом он создавал собственный исторический портрет. Проверка подобных мифов – удел историков.

К числу византийских правителей, оставшихся в исторической памяти если не злодеями, то антигероями, можно отнести Иоанна VII Палеолога (род. ок. 1370 – ум. 22.09.1408) [28, № 21480], политический портрет которого был сформирован прежде всего усилиями его политического соперника (и по совместительству – дяди) Мануила II Палеолога (1391–1425). В сочинениях последнего его племянник представлен главным врагом ромеев, политика которого угрожала самому существованию империи. Вслед за Мануилом II и византийские историки XV в. осудили политические действия этого представителя дома Палеологов. Как отмечает историк Дж. Деннис, «история не была благосклонна ни к Иоанну VII, ни к его отцу Андронику IV, ни ко времени, в которое они жили» [16, p. 205]. Действительно ли Иоанн VII заслужил подобную оценку современников и потомков или же он просто стал жертвой диффамации со стороны своего конкурента в борьбе за византийский трон? Об этом и пойдет речь в данной статье.

Методы и материалы. Личность Иоанна VII не обойдена вниманием исследователей [9; 12; 17; 35]. В специальных работах и обобщающих трудах не раз отмечалась та важная роль, которую он сыграл в политической жизни империи. Однако, по мнению историков, писавших о нем, его действия заслуживали порицания: Иоанна, как и его отца, обвиняли в коварстве, стремлении к узурпации власти, постоянной оппозиции правящему императору, втягивании турок во внутренние дела империи. А вот Дж. Деннис оценивает эту фигуру не столь критически, подчерки-

вая, что современники не всегда отзывались о нем негативно, и приводит свидетельства византийских авторов, отмечавших управленческие таланты Иоанна в период его правления в Фессалонике [16, р. 216–217]. Опираясь на сведения, почерпнутые из византийских исторических и риторических сочинений, русских летописей, сообщений западноевропейских авторов, а также на анализ политических событий второй половины XIV – начала XV в., мы далее покажем, почему для Византии Иоанн VII Палеолог, имевший основания стать героем своего времени, все же оказался его антигероем.

Анализ. Иоанн родился около 1370 г. в Константинополе в семье наследника престола Андроника и Марии, дочери болгарского царя Ивана Александра Асеня. Андроник, его отец, являлся старшим сыном и с 1355 г. соправителем правящего императора Иоанна V Палеолога (1341–1391). Несмотря на статус, гарантировавший ему в будущем власть в империи, Андроник не раз проявлял неповиновение и бунтовал против отца, стремясь оказаться на троне ранее положенного срока [4]. В эту борьбу между порфирородными родственниками с ранних лет оказался втянут и юный Иоанн.

Первый конфликт между Иоанном V и Андроником разгорелся во время путешествия императора в Италию в 1369–1371 гг. из-за того, что молодой соправитель отказался собирать деньги на покрытие отцовских долгов перед Венецианской республикой [13, р. 12; 22]. А вот Мануил, средний сын императора, пришел на помощь отцу, попавшему в трудную ситуацию, за что в результате и получил в 1373 г. титул соправителя [13, р. 23]. Андроник, лишившись права наследования, попытался захватить власть в империи. Но его попытка потерпела крах: Андроник, как и его малолетний сын Иоанн, был частично ослеплен, лишен прав на наследство и заточен вместе с семьей в башню Анема [10, с. 305–314, 350–354, 387–403; 19; 25]. Как пишет историк Дука, Иоанн тогда «был ребенком, только начинавшим говорить» [20, XII. 2.28, р. 71].

Однако Андронику удалось в августе 1376 г. бежать из заключения. В Галате он нашел поддержку у генуэзцев, недовольных сотрудничеством правящего императора с

их главными соперниками – венецианцами. Помощь мятежнику оказали и турки. При внешней поддержке Андроник осадил Константинополь и после месячной осады 12 августа 1376 г. его сторонники открыли ему ворота города. Заняв столицу и получив власть в империи, Андроник заточил свергнутого отца-императора и двух своих братьев в башню Анема, где еще недавно находился сам [6]. 18 октября 1377 г. состоялась официальная коронация Андроника IV [32, Chr. 7/18]. Как пишет византийский историк Халкокондил, «он (Андроник. – Т. К.) провозгласил также своего сына Иоанна правителем над греками» [23, II. 6, р. 98]. Юный Иоанн, таким образом, получил титул соправителя и законные основания в дальнейшем претендовать на императорскую корону.

Спустя три года ситуация вновь радикально изменилась: Иоанн V Палеолог бежал из тюрьмы и с помощью султана он вернул себе престол (1 июля 1379 г.), вынудив Андроника искать убежища в Галате. Вскоре конфликтующие стороны пришли к компромиссу: Андроник получил в управление Силимврию, Данею, Ираклию, Редест и Панид, ставшие его апанажем [20, XII. 4.26–27, р. 73], и титул соправителя. Несмотря на достигнутое перемирие, Андроник вновь выступил против отца, был разбит и в 1385 г. умер в Силимврии.

Со смертью Андроника внутридинастическая борьба, вносящая сумятицу в политическую жизнь империи, не прекратилась. За право считаться наследником вступили в борьбу Мануил II, носивший титул соправителя, и Иоанн VII, ранее провозглашенный соимператором. В основе их конфликта лежала старая проблема сосуществования двух принципов правопреемства в византийской династической традиции – по праву первородства и последовательного заступления линий по нисходящей (основание для Иоанна VII получить власть в империи) и по старшинству в роду (основание для Мануила II быть главным претендентом на трон) [5, с. 129; 8, с. 51–55]. Несмотря на отсутствие в Византии закона о престолонаследии, что являлось, по выражению Ш. Диля, ее серьезным конституционным пороком [2, с. 61], в правление Палеологов закрепилась практика передачи власти через институт соправительства – с его помощью

действующий император лично определял того, кто будет ему наследовать [7, с. 181–182; 29, р. 58–60]. Однако традиция передачи власти по праву первородства не была забыта византийцами, которые, что показали дальнейшие события, воспринимали Иоанна, сына Андроника, как законного претендента на престол. Иоанн VII, таким образом, не только имел все основания для своих династических притязаний, но и мог рассчитывать на общественную поддержку.

То, что претензии Иоанна VII были не беспочвенны, признавал, по всей видимости, и его главный соперник – Мануил II, ставший императором в 1391 году. В «Нравственном диалоге, или О браке», составленном им между 1394 и 1396 гг., поднимается тема правопреемства – ключевая в оценке автором причин внутрдинастического конфликта. Как признавался сам Мануил, написать это сочинение его заставила постоянная угроза, исходившая от племянника [33, ер. 62.2–4]. В уста своей матери Елены Палеологины он вложил слова, передающие его собственные опасения лишиться престола: «Ты должен быть более осторожным, мой дорогой, чтобы, раз порядок (наследования. – Т. К.) не был установлен, тебя не свергли, а он (Иоанн. – Т. К.) не занял бы твое место прежде времени» [27, р. 112.941–943]. Мануил II вполне отдавал себе отчет, что его племянник никогда не откажется от своих прав и в любой момент может начать действовать. Более того, Мануил знал и о том, что в его окружении немало тех, кто готов поддержать Иоанна VII. Эта мысль выражена в других словах, приписанных императрице-матери: «Множество твоих близких сторонников даже до того, как он (Иоанн. – Т. К.) примет власть, могут стать его друзьями» [27, р. 112.954–955]. Таким образом, Мануил вполне осознавал уязвимость своего положения и обоснованность политических амбиций племянника.

О том, что Иоанн VII, правивший в Силимврии, после смерти отца считал себя обойденным в вопросе престолонаследия, свидетельствует сообщение византийского историка Дуки. Когда новый султан Баязид I (1389–1402) приказал Иоанну сдать крепость, тот отказался, заметив, что это было единственное, чем он владел, хотя вся империя, которая досталась Мануилу, «второму сыну»

императора, должна была принадлежать его отцу и ему [20, XIV. 2.7–13, р. 83]. Другими словами, Иоанн VII не скрывал своих притязаний и считал несправедливостью то, что его отец и он сам были лишены права считаться наследниками.

Султан, которому на руку была политическая нестабильность в империи, использовал ситуацию в своих интересах и выступил в качестве защитника интересов юного Палеолога [13, р. 70]. Как пишет историк Дука, всякий раз, когда Баязид требовал уступить ему Константинополь, он прикрывался именем Иоанна: «Ты, Мануил, уходи из Города [Константинополя]. Пусть Иоанн вступит в него как законный наследник империи, я позабочусь о всеобщем спокойствии и установлю мир с ее гражданами» [20, XIV. 2.15–17, р. 83]. Так, Иоанн VII, не имевший иных возможностей отстоять свои права, сделал ставку на союз с той внешней силой, которая меньше всего была заинтересована в установлении внутреннего мира в империи. Впрочем, в действиях Иоанна не было ничего экстраординарного. Он поступал точно также, как и многие его предшественники. Еще Иоанн VI Кантакузин, его дед, опирался на турок в борьбе с политическими конкурентами [21, р. 57–58]. Иоанн V Палеолог и Андроник IV, соперничавшие друг с другом за власть, также искали поддержки у султана, отводя тому роль третейского судьи в своем династическом споре. Но в конце XIV в., когда в результате османских завоеваний ромеи потеряли все малоазийские земли и большую часть балканских владений, а император признал свою вассальную зависимость от султана, помощь главных врагов империи могла принести лишь «пиррову победу» тому, кто за ней обращался.

Последствия османского вмешательства в междоусобицы Палеологов очень точно описал Димитрий Кидонис в письме деспоту Морей Феодору I Палеологу, составленном в 1391 г.: «Продолжает свирепствовать старое зло, которое принесло общее разорение. Я имею в виду раздоры между императорами из-за призрака власти. Ради этого они вынуждены служить варвару (султану. – Т. К.); это единственный путь, дающий возможность дышать. Всякий понимает, что кому из двоих варвар окажет поддержку, тот и возоблада-

ет. Поэтому императоры по необходимости превращаются в его рабов на глазах у всех граждан и живут в соответствии с его требованиями» [14, ср. 442.42–56]. Понимал ли Иоанн, опиравшийся на османов как на главных союзников в своей борьбе за престол, к чему это приведет и чем ему придется за это заплатить? Видимо, да, поскольку он не раз выражал готовность признать вассальную зависимость от султана. Как заметил Мануил, султан пообещал Иоанну «столицу в качестве дара» взамен на рабскую зависимость от турок [27, с. 98.711]. Подчинение османам, вероятно, не казалось ему слишком высокой платой за власть в Константинополе.

Иоанн перешел к активным действиям в 1390 г., незадолго до смерти правившего тогда императора Иоанна V Палеолога. При поддержке османов он попытался захватить власть в Константинополе. Русский паломник Игнатий Смолянин, находившийся тогда в византийской столице, сделал следующую запись: «В лѣто 6898 (1390) Андроников сын Калоан нача искати в Цариградѣ царства с турскою помощию» [26, с. 101]. После недолгой осады Иоанн вступил в Константинополь и 14 августа 1390 г. провозгласил себя императором. Стоит отметить, что на стороне Иоанна оказались и симпатии части столичных жителей. В Константинополе было достаточно сторонников Иоанна. Когда он занял столицу, часть горожан, как пишет русский очевидец, приветствовала «Андроникова сына Калоана» аккламациями, выкрикивая пожелания долгих ему лет жизни [26, с. 101–103]. «И бѣ чюдно видѣти и слышати кипѣние граду... До вечераже поклонишася вси царю младому Андрониковичу, и утишися град, и преложисъ печаль на радость», – замечает Игнатий [26, с. 103]. Обращает на себя внимание тот факт, что столичные жители воспринимали Иоанна как «Андроникова сына» – в его легитимности у них не было сомнений.

Став императором, Иоанн VII попытался не допустить сближения смещенного василевса Иоанна V и его соправителя Мануила с венецианцами, к помощи которых те не раз прежде прибегали. Узурпатор поторопился заключить с Республикой пятилетний договор, предоставлявший ее подданным торговые преференции в византийской столице [18, № 3192], а также

направил послов с предложением Венеции выступить посредником между ним и его дедом [18, № 3192а], тем самым давая понять, что той следует занять нейтральную позицию в споре Палеологов за власть. Республика, очевидно, последовала его совету, о чем свидетельствует ее ответ, который, правда, пришел уже после смещения Иоанна VII. Светлейшая заверяла в том, что венецианцы не привыкли вмешиваться во внутренние распри других государств [30, № 780], что, конечно, было далеко не так.

Иоанн VII продержался на императорском престоле около полугода. В сентябре 1390 г. Мануил II при поддержке родосских госпитальеров изгнал его, вынудив вернуться в Силимврию [13, с. 76–78], где тот стал править, продолжая грезить о власти в империи.

Мануил II тоже понимал, что Иоанн лишь выжидает удобного момента для новой попытки захватить престол. Не случайно после смерти императора Иоанна V Палеолога 15 февраля 1391 г. Мануил II, находившийся в тот момент при дворе султана в Бурсе, поспешил вернуться в Константинополь, чтобы опередить племянника. Уже 8 марта 1391 г. он прибыл в столицу, где и объявил себя императором; официальная же коронация состоялась 11 февраля 1392 года.

Однако оставить конфликт неразрешенным было не в интересах обеих сторон. Соперники попытались урегулировать вопрос о правопреемстве. Примерно в 1392–1394 гг. между ними было заключено соглашение, по которому Мануил II подтвердил права племянника на престол, а тот, в свою очередь, признавал сына Мануила Иоанна (будущего Иоанна VIII) своим наследником. Мануил воспринимал достигнутую договоренность как династическую уступку ради спокойствия в империи: «Я с радостью позволил ему считать моего первенца за сына, я поставил общий интерес выше интересов моего сына – и правильно» [27, с. 112.927–928].

Примирение оказалось непрочным: Иоанн постоянно пытался за спиной дяди договориться с турками, рассчитывая с их помощью досрочно получить власть в империи. Более того, он присоединился к войску султана, осаждавшего с 1394 г. Константинополь, чем вызвал негодование своих соотечественников.

Софийская летопись сообщает следующее: «В лѣто 6903 (1395) <...> приходилъ Колачанъ царь Турьскій, Андрониковъ сынъ, со многими силами ко Царюграду, и выиде изъ Царяграда царь Мануилъ Греческый, съ Греки и с Фрягы сръти Турковъ и прогони ихъ въ Турьскую землю» [11, с. 246]. Летописец называет Иоанна «царем Турским», что, очевидно, отражало отношение горожан к тому, что молодой Палеолог выступил на стороне врага. Действительно, в осажденном городе многие были настроены против него, считая, что он продался туркам, хотя находились и те, кто полагал, что в случае, если Иоанн с османской помощью займет город, беды жителей прекратятся. По замечанию Дуки, среди населения начались раздоры – одни призывали к сопротивлению, другие же говорили: «Пусть Иоанн вступит в город и положит конец возмущениям» [20, XIV. 3.18–19, р. 83].

И все же Иоанн не до конца доверял туркам и даже пытался вести двойную игру, о чем свидетельствует один сохранившийся документ, составленный в июле 1397 г. на латинском языке. Согласно ему, Иоанн VII уполномочил своего тестя, правителя о. Лесбос Франческо Гаттилузи вести от его (Иоанна) имени переговоры с французским королем Карлом VI Валуа о передаче тому своих прав на византийский престол. В обмен на это Иоанн просил для себя ежегодную плату в 25 тыс. флоринов и замок во Франции [36, с. 248–251]. Очевидно, его расчет состоял в том, чтобы с французской помощью завладеть византийской короной, которую в дальнейшем он обещал уступить королю. Ответа на предложение не последовало. Напротив, Карл VI поддержал законного императора Мануила II, обратившегося к нему за помощью, и отправил в осажденный османами Константинополь отряд французских рыцарей.

Опасность захвата турками византийской столицы, которую те держали в осаде уже несколько лет, заставила Мануила в поисках союзников отправиться в путешествие по европейским дворам. При содействии маршала Франции Жана II Ле Менгра по прозвищу Бусико, который командовал прибывшими в Константинополь в 1399 г. рыцарями, враждовавшие стороны примирились. Биограф Бусико так описал причины раздора, губи-

тельные последствия распри и роль маршала в ее прекращении: «Кроме того, он (Бусико. – Т. К.) принес и другую пользу, так как император Мануил (*Karmanoli*), который еще жив и сегодня, в течение восьми лет находился в большой вражде со своим племянником по имени Иоанн (*Calojany*), и они воевали друг с другом. Причина этого спора заключается в утверждении племянника, что он должен получить в наследство империю, потому что его отец приходился старшим братом императору, который силой захватил империю; а император оспаривал это по другим причинам. Эта война и ссора, которая ее вызвала, лежали в основе разрушения Греции; и так сильно они были настроены друг против друга и тверды в своих требованиях, что мало кто из них был готов заключить мир. Племянник вступил в союз с турками, с помощью которых вел войну со своим дядей. Маршал, полагая, что эта война наносит ущерб христианскому миру и недостойна их обоих, взялся заключить мир между ними. Благодаря его благоразумию они пришли к соглашению; он сам отправился в город Силимврия (*Salubrie*) и привез племянника в Константинополь, где его дядя оказал ему теплый прием. Все греки возрадовались и возблагодарили Господа за то, что он послал им маршала, который заключил священный мир и совершил много других благодеяний» [24, р. 148–149]. По договоренности Иоанн VII становился правителем в Константинополе на время путешествия Мануила II по Западной Европе (1399–1403) [32, Chr. 7/26; 35/4]. Но, судя по тому, что император не решился оставить в столице жену и детей, поручив заботы о них своему брату, деспоту Мореи Феодору, он не до конца доверял племяннику. И тем не менее под давлением обстоятельств ему пришлось передать власть в столице Иоанну VII.

Главным условием их примирения стало признание за Иоанном прав на наследование. Испанский дипломат и путешественник Руи Гонсалес де Клавихо, посетивший Константинополь в 1403 г., описывает достигнутый ранее компромисс следующим образом: «Теперь они порешили, что будут оба называться императорами и что после смерти того, который теперь владеет империей, будет императором другой, а после его кончины будет сын того, который

теперь царствует, а потом сын другого» [3, с. 45]. По сути, эта договоренность повторяла соглашение 1392–1394 гг., но с той лишь разницей, что теперь в число наследников престола включили Андроника, малолетнего сына Иоанна VII, появившегося на свет в 1400 году. Установленный таким образом принцип наследования становился еще более запутанным, что создавало почву для новых конфликтов.

По возвращении из поездки Мануила власть в империи вновь перешла к нему, Иоанн же сохранил статус соправителя и получил во владение возвращенную от турок в 1403 г. Фессалонику. Очевидно, Иоанн VII питал надежды когда-нибудь получить заветную власть в империи и закрепить престол за своей линией. С этой целью он в 1403/1404 г. провозгласил своим соправителем малолетнего сына Андроника [15, р. 180]. Однако его планам не суждено было осуществиться: в 1407 г. умер юный Андроник, а примерно через год не стало и Иоанна VII. Ранняя смерть Иоанна VII и его наследника окончательно прекратила вражду. Византийский престол в дальнейшем наследовали сыновья Мануила II, которые, правда, тоже не избежали внутрдинастической свары.

Результаты. Иоанн VII, имевший все основания претендовать на власть в империи, в течение долгих лет добивался реализации своих прав и не оставлял надежд в какой-то момент занять византийский престол. Однако территория империи, об управлении которой он грезил, к концу XIV в. фактически ограничивалась ее столицей. Именно поэтому его противоборство с Мануилом II сводилось к борьбе за обладание Константинополем. На стороне Иоанна, особенно на начальном этапе междоусобицы, были симпатии части столичных жителей, которые видели в нем, «Андрониковом сыне», законного наследника. Но добиваясь власти, Иоанн VII сделал ставку на помощь османов, которые в тот период представляли главную опасность для самого существования империи. Мануил II, характеризуя его действия, писал: «мой ненавистный племянник – это самый худший жребий для ромеев и наказание для него самого: он делает то, что, как он считает, приведет его к власти, но на самом деле то, что он делает, приведет к рабству» [28, S. 98.698–701]. Избранный Иоан-

ном VII способ достижения своей цели грозил разрушить империю, поскольку она фактически оказалась бы в руках османов, что, кажется, его не смущало – слишком сильным было его желание стать императором. В условиях угрозы захвата турками Константинополя Иоанн, руководствуясь собственными политическими амбициями, действовал вразрез интересам государства и сограждан, что сделало его не только антиподом Мануила II Палеолога, но и подлинным антигероем своего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Близнюк С. В. Король Кипра Пьер I Лузиньян: от героя до тирана и обратно // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 230–242. DOI: <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.055>
2. Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М.: Изд-во иностр. лит., 1947. 183 с.
3. Клавихо Р. Г. де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / пер. со староисп., предисл. и коммент. И. М. Мироковой. М.: Наука, 1990. 211 с.
4. Куш Т. В. Внутрдинастическая борьба в поздней Византии (по «Диалогу о браке» Мануила II Палеолога) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3. С. 35–40.
5. Куш Т. В. Соправительство и проблема престолонаследия в контексте династической борьбы в Византии XIV в. // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXIII Международному конгрессу византинистов. СПб.: Алетей, 2016. С. 121–133.
6. Куш Т. В. Узники башни Анема // Вопросы истории. 2014. № 11. С. 82–95.
7. Лысиков П. И. Двоевластие? Специфика системы соправительства в Византии на рубеже XIII–XIV вв. и ее влияние на ситуацию в государстве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 180–200. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.14>
8. Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетей, 2001. 575 с.
9. Мешановић С. Јован VII Палеолог. Београд: Српске Академије наука и уметности, 1996. 155 с.
10. Радић Р. Време Јована V Палеолога (1332–1391). Београд: Српске Академије наука и уметности, 1993. 511 с.
11. Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1853. С. 119–276.

12. Barker J. W. John VII in Genoa: A Problem in Late Byzantine Source Confusion // *Orientalia Christiana Periodica*. 1962. Vol. 28, Fasc. 2. P. 213–238.
13. Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick; New Jersey: Rutgers University Press, 1969. 614 p.
14. Démétrius Cydonès. Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1960. Vol. 2. 497 p.
15. Dennis G. T. An Unknown Byzantine Emperor, Andronicus V Palaeologus // *Jahrbuch der Österreichischen byzantinistischen Gesellschaft*. 1967. Bd. 16. P. 175–187.
16. Dennis G. T. John VII Palaiologos: “A Holy and just Man” // *Βυζαντιό κράτος και κοινωνία. Μνήμη Νίκου Οικονομίδη* / ed. A. Avramea, A. Laiou, A. Chrysos. Athens: Institute of Byzantine Studies, 2003. P. 205–217.
17. Dölger F. Johannes VII., Kaiser der Rhomäer // *Byzantinische Zeitschrift*. 1931. Bd. 31. S. 21–36.
18. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. München; Berlin: Verl. C.H. Beck, 1965. Bd. 5. 138 S.
19. Dölger F. Zum Aufstand des Andronikos IV. gegen seinen Vater Johannes V. im Mai 1373 // *Revue des études Byzantines*. 1961. T. 19. P. 328–332.
20. Ducas. *Historia Turco-Byzantina* (1341–1462) / ed. V. Grecu. Bucarest: Editio Academiae Reipublicae Popularis Romanicae, 1958. 503 p.
21. Gill J. John VI Cantacuzenus and the Turks // *Βυζαντινά*. 1985. T. 13/1. P. 56–76.
22. Halecki O. Two Paleologi in Venice, 1370–1371 // *Byzantion*. 1944. Vol. 17. P. 331–335.
23. Laonikos Chalkokondyles. *The Histories* / ed. and transl. by A. Kaldellis. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2014. Vol. 1. 537 p.
24. *Le livre des fais du bon messier Jehan le Maingre, dit Bouciquaut, mareschal de France et gouverneur de Jennes* / ed. D. Lalande. Genève: Librairie Droz, 1985. 549 p.
25. Loenertz R. La première insurrection d’Andronic IV Paléologue, 1373 // *Échos d’Orient*. 1939. Vol. 38. P. 342–345.
26. Majeska G. P. *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1984. 462 p.
27. Manuel Palaiologos. *Dialogue with the Empress-Mother on Marriage* / introd., text and transl. by A. Angelou. Wien: Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 1991. 135 p.
28. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* / erstellt von E. Trapp [et alii]. Wien: Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 1989. Fasc. 9. 216 S.
29. Raybaud L.-P. *Le gouvernement et l’administration central de l’empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258–1354)*. Paris: Sirey, 1968. 293 p.
30. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie* / éd. par F. Thiriet. Paris; La Haye: Mouton & Co, 1958. Vol. 1. 247 p.
31. Rochow I. *Kaiser Konstantine V. (741–775): Materialien zu seinem Leben und Nachleben*. Frankfurt am Main: P. Lang, 1994. 274 S.
32. Schreiner P. *Die byzantinischen Kleinchroniken (Chronica Byzantina Breviora)*. Wien: Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 1975. T. 1. 688 S.
33. *The Letters of Manuel II Palaeologus* / ed. G. T. Dennis. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1977. 252 p.
34. Tinnefeld F. *Idealizing Self-Centered Power Politics in the Memoirs of Emperor John VI Kantakouzenos* // *Τὸ ἑλληνικόν: Studies in Honor of Sp. Vryonis* / ed. J. S. Langdon. New Rochelle (N. Y.): Aristide D Caratzas Pub., 1993. Vol. 1. P. 397–415.
35. Wirth P. *Zum Geschichtsbild Kaiser Johannes VII.* // *Byzantion*. 1965. Vol. 35. S. 592–600.
36. Λαμπρός Σπ. *Ἰωάννου Ζ΄ Παλαιολόγου ἐγχώρησις τῶν ἐπὶ τῆς βυζαντιακῆς αὐτοκρατορίας δικαιωμάτων εἰς τὸν βασιλέα τῆς Γαλλίας Κάρολον Σ΄ // Νέος Ἑλληνομνημίων*. 1913. T. 10. Σ. 248–251.

REFERENCES

1. Bliznyuk S.V. Korol Kipra Per I Luzinyan: ot geroya dotirana i obratno [King of Cyprus Peter I Lusignan: From Hero to Tyrant and Back]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], vol. 24, no. 3, pp. 230–242. DOI: <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.055>
2. Diehl Ch. *Osnovnye problemy vizantiyskoy istorii* [Main Problems of Byzantine History]. Moscow, Izd-vo inostr. Lit., 1947. 183 p.
3. Klavikho R.G. de. *Dnevnik puteshestviya v Samarkand ko dvoru Timura (1403–1406)* [Diary of a Journey to Samarkand to the Court of Timur (1403–1406)]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 211 p.
4. Kushch T.V. *Vnutridinasticheskaya borba v pozdney Vizantii (po «Dialogu o brake» Manuila II Paleologa)* [Intradynastic Struggle in Late Byzantium (Based on Manuel II Palaiologos’ “Dialogue on Marriage”)]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2011, no. 3, pp. 35–40.
5. Kushch T.V. *Sopravitelstvo i problema prestolonaslediya v kontekste dinasticheskoy borby v Vizantii XIV v.* [Co-Rulership and the Problem of the Succession to the Throne in the Context of Dynastic Struggle in Fourteenth-Century Byzantium]. *Vizantiyskie ocherki. Trudy rossiyskikh uchenykh k XXIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov* [Byzantine Essays. Proceedings of Russian Scientists for the 23rd International Congress of Byzantinists]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2016, pp. 121–133.

6. Kushch T.V. Uzniki bashni Anema [Prisoners of the Tower of Anemas]. *Voprosy istorii* [History Issues], 2014, no. 11, pp. 82-95.
7. Lysikov P.I. Dvoyevlastiye? Spetsifika sistemy upravleniya v Vizantii na rubezhe XIII–XIV vv. i yeye vliyaniye na situatsiyu v gosudarstve [Diarchy? The System of Co-Rulership in Byzantium at the Turn of the 13th – 14th Centuries and Its Impact on the Situation in the State]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 180-200. DOI: <https://doi.org/10.15688/>
8. Medvedev I.P. *Pravovaya kultura Vizantiyskoy imperii* [Legal Culture of the Byzantine Empire]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2001. 575 p.
9. Meshanovich S. *Jovan VII Paleolog* [John VII Palaiologos]. Beograd, Srpske Akademije nauka i umetnosti, 1996. 155 p.
10. Radich R. *Vreme Jovana V Paleologa (1332–1391)* [Time of John V Palaiologos (1332–1391)]. Beograd, Srpske Akademije nauka i umetnosti, 1993. 511 p.
11. Sofiyskaya vtoraya letopis [Sofia Second Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], Saint Petersburg, Eduard Prats Publ., 1853, pp. 119-276.
12. Barker J.W. John VII in Genoa: A Problem in Late Byzantine Source Confusion. *Orientalia Christiana Periodica*, 1962, vol. 28, no. 2, pp. 213-238.
13. Barker J.W. *Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship*. New Brunswick; New Jersey, Rutgers Univ. Press, 1969. 614 p.
14. Loenertz R.-J., ed. *Démétrius Cydonès. Correspondance*. Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1960, vol. 2. 497 p.
15. Dennis G. T. An Unknown Byzantine Emperor, Andronicus V Palaeologus. *Jahrbuch der Österreichischen byzantinistischen Gesellschaft*, 1967, vol. 16, pp. 175-187.
16. Dennis G.T. John VII Palaiologos: “A Holy and just Man”. *Byzantio kratos kai koinōnia. Mnēmē Nikou Oikonomidē* [Byzantine State and Society. Nikos Oikonomidis Memory]. Athens, National Research Foundation, 2003, pp. 205-217.
17. Dölger F. Johannes VII, Kaiser der Rhomäer. *Byzantinische Zeitschrift*, 1931, vol. 31, pp. 21-36.
18. Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*. München; Berlin, Verl. C.H. Beck, 1965, t. 5. 138 p.
19. Dölger F. Zum Aufstand des Andronikos IV. gegen seinen Vater Johannes V. im Mai 1373. *Revue des études Byzantines*, 1961, t. 19, pp. 328-332.
20. Grecu V., ed. *Ducas. Historia Turco-Byzantina (1341–1462)*. Bucarest, Editio Academiae Reipublicae Popularis Romanicae, 1958. 503 p.
21. Gill J. John VI Cantacuzenus and the Turks. *Byzantina*, 1985, t. 13, no. 1, pp. 56-76.
22. Halecki O. Two Paleologi in Venice, 1370–1371. *Byzantion*, 1944, vol. 17, pp. 331-335.
23. Kaldellis A., ed. *Laonikos Chalkokondyles. The Histories*. Cambridge (Mass.); London, Harvard University Press, 2014, vol. 1. 537 p.
24. Lalande D., ed. *Le livre des faits du bon mes-sier Jehan le Maingre, dit Bouciquaut, mareschal de France et gouverneur de Jennes*. Genève, Librairie Droz, 1985. 549 p.
25. Loenertz R. La première insurrection d’Andronic IV Paléologue, 1373. *Échos d’Orient*, 1939, vol. 38, pp. 342-345.
26. Majeska G.P. *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1984. 462 p.
27. Angelou A., ed. *Manuel Palaiologos. Dialogue with the Empress-Mother on Marriage*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 1991. 135 p.
28. Trapp E. et al., ed. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* [Prosopographic Lexicon of Palaiologan Time]. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 1989, vol. 9. 216 p.
29. Raybaud L.-P. *Le gouvernement et l’administration central de l’empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258–1354)*. Paris, Sirey, 1968. 293 p.
30. Thiriet F., ed. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie*. Paris; La Haye, Mouton & Co, 1958, vol. 1. 247 p.
31. Rochow I. *Kaiser Konstantine V. (741–775): Materialien zu seinem Leben und Nachleben*. Frankfurt am Main, P. Lang, 1994. 274 p.
32. Schreiner P. *Die byzantinischen Kleinchroniken* (Chronica Byzantina Brevoria). Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 1975, vol. 1. 688 p.
33. Dennis G. T., ed. *The Letters of Manuel II Palaeologus*. Washington, Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1977. 252 p.
34. Tinnefeld F. Idealizing Self-Centered Power Politics in the Memoirs of Emperor John VI Kantakouzenos. Langdon J.S., ed. *To ellēnikon: Studies in Honor of Sp. Vryonis*. New Rochelle (New York), Aristide D Caratzas Pub., 1993, vol. 1, pp. 397-415.
35. Wirth P. Zum Geschichtsbild Kaiser Johannes VII. *Byzantion*, 1965, vol. 35, pp. 592-600.
36. Lampros Sp. Iōannou Z Palaiologou eghōrēsīs tōn epi tēs bizantiakēs autokratōrias dikaiōmatōn eis ton basilea tēs Gallias Karolon C [Transfer of Rights to the Byzantine Empire by John VII Palaiologos to the King of France Charles VI]. *Neos Hellinonimon*, 1913, t. 10, pp. 248-251.

Information About the Author

Tatiana V. Kushch, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, tkushch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Куш, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, tkushch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.13>

UDC 94“04/14”:930

LBC 63.3(0)4-9

Submitted: 01.07.2024

Accepted: 25.10.2024

**“SOMETHING IS ROTTEN IN THE STATE OF DENMARK” –
DISEASES OF EMPERORS AND PROMINENT PERSONS
IN BYZANTINE HISTORICAL NARRATIVES
AS AN EXPRESSION OF TURMOIL IN THE EMPIRE ¹**

Bojana D. Pavlović

Institute for Byzantine Studies of Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade, Republic of Serbia

Abstract. The Byzantine emperors and officials suffered from the diseases. Information about them was employed in Byzantine historical texts as a literary motif in order to express corruption of the ruling class in the Empire and criticism of imperial policy. This motif can be dated to the earliest centuries of Christian literature. At that time it was used to illustrate the just punishment of God inflicted upon the persecutors of the Christians. A commonly held belief was that those who did not adhere to the canons established at the first Church councils were also susceptible to illness. The writers of the early Byzantine period exploited this motif to express the criticism of the imperial policy and to assert that certain emperors were undeserving of the Byzantine throne. This trend persisted throughout the Middle Byzantine period. The iconoclastic emperors, Leo III and Constantine V, succumbed to severe illnesses as a consequence of their transgressions against the Church. The development of Byzantine political thought is especially perceived in the historical work of Michael Psellus. In his *Chronographia* the criticism of the imperial policy reached its zenith. Psellus employed the metaphor of illness to illustrate the pervasive decline of the Empire under the rule of unsuitable emperors in the 11th century. On occasion, the affliction was associated with certain individuals. In this manner, Byzantine historians depicted these figures as antiheroes. Such was the case with John II Comnenus in the *Alexiad*, a historical account written by his sister Anna Comnene. Byzantine intellectual Nicetas Choniates also narrates about emperors and prominent political figures who suffered from certain illnesses. The overall condition of these characters would invariably deteriorate concurrently with the occurrence of significant political developments. The literary motif of “diseases” persisted until the 15th century. In the Late Byzantine period, the same literary device was utilised by the Byzantine historians to censure the rulers and to expose the “heretics” at the time of the hesychast controversy. The illnesses that befell the prominent political figures in the Byzantine Empire were not fictionalised. This assertion can be substantiated by other sources pertaining to the narratives in question. In this manner, Byzantine historians ensured the veracity of their accounts. The literary motif was employed as a convenient means to serve the purpose of the authors. Lastly, the research demonstrated that there are few examples of illnesses being used to express the sufferings of the dethroned emperor Romanus IV Diogenus. In the works of Michael Attaleiates and Scylitzes Continuatus, Romanus IV was perceived as righteous Job. Thus the motif of diseases was also employed in a favourable manner, as a metaphor to illustrate fortitude and perseverance in the face of significant adversity. The article consists of the following sections: Introduction; Methodology; Results; and General Remarks; as well as Early Byzantine Period; Middle Byzantine Period; Late Byzantine Period; The Trial of “righteous” Job; and Conclusion.

Key words: diseases, illnesses, Byzantine historiography, literary motif, Byzantine emperors, imperial officials.

Citation. Pavlović B.D. “Something Is Rotten in the State of Denmark” – Diseases of Emperors and Prominent Persons in Byzantine Historical Narratives as an Expression of Turmoil in the Empire. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 172-191. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.13>

**«ПРОГНИЛО ЧТО-ТО В ДАТСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ» –
БОЛЕЗНИ ИМПЕРАТОРОВ И ВЫДАЮЩИХСЯ ЛИЦ
В ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДАХ
КАК ВЫРАЖЕНИЕ БЕСПОРЯДКА В ИМПЕРИИ ¹**

Божана Драган Павлович

Институт византийских исследований Сербской академии наук и искусств, г. Белград, Республика Сербия

Аннотация. Византийские императоры и чиновники страдали от болезней. Сведения о них использованы в византийских исторических текстах как литературный лейтмотив с целью показать общую коррумпированность господствующих слоев Империи и выразить критику имперской политики. Этот мотив можно проследить с первых столетий распространения христианской литературы. Уже тогда он использовался, чтобы показать законное наказание Божие, посланное на гонителей христиан. Обычно считалось, что болезни постигали и еретиков, не следовавших канонам, установленным на первых церковных соборах. Кроме того, писатели ранневизантийского периода использовали этот мотив для того, чтобы выразить критику имперской политики и подчеркивать, что некоторые императоры не заслуживали византийского престола. Эта тенденция получила дальнейшее развитие в средневизантийский период. Императоры-иконоборцы Лев III и Константин V в конце своего правления были наказаны тяжелыми болезнями за грехи против Церкви. Развитие византийской политической мысли особенно ярко выражено в историческом труде Михаила Пселла. В его «Хронографии» критика имперской политики достигла своего зенита. Прибегая к метафоре болезни, Пселл стремился показать общий упадок Империи, управляемой негодными императорами в XI веке. Иногда сама болезнь ассоциировалась с определенными людьми. Их византийские историки склонны изображать как антигероев. Так было с Иоанном II Комнином в «Алексиаде», написанной его сестрой Анной Комниной. Византийский интеллектуал Никита Хониат рассказывает об императорах и выдающихся политических деятелях, которые страдали от определенных болезней. Всеобщая обусловленность исторических персонажей становилась заметно хуже всегда в то время, когда они должны были совершать важные политические шаги. Литературный мотив «болезней» продолжал использоваться так или иначе вплоть до XV века. В поздневизантийский период византийские историки использовали тот же литературный инструмент и для критики правителей, и для изобличения «еретиков» во времена исихастских споров. Болезни, постигшие выдающихся политических деятелей Империи, не были выдуманы. Это может быть подтверждено другими источниками, связанными с рассматриваемыми сюжетами. Поэтому византийские историки добивались правдивости своих свидетельств. Они использовали этот литературный мотив, как удобное средство для достижения своих целей. Наконец, исследование показало, что примеров, когда мотив болезней использовался для выражения страданий свергнутого императора Романа IV Диогена, немного. Он воспринимался как праведный Иов в произведениях Михаила Атталиата и Продолжателя Скилицы. Таким образом, мотив болезней эксплуатировался и в положительном ключе, как метафора, чтобы показать проявленную стойкость и настойчивость перед лицом великой смуты. Статья состоит из следующих разделов: Введение; Методология; Результаты и общие замечания; а также Ранневизантийский период; Средневизантийский период; Поздний византийский период; Суд над «праведным» Иовом; и Заключение.

Ключевые слова: болезни, заболевания, византийская историография, литературный мотив, византийские императоры, имперские чиновники.

Цитирование. Павлович Б. Д. «Прогнило что-то в Датском королевстве» – болезни императоров и выдающихся лиц в византийских исторических трудах как выражение беспорядка в империи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 172–191. – (На англ. яз.) – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.13>

Introduction

“Something is rotten in the state of Denmark” is one of the famous lines from the play Hamlet,

by William Shakespeare. It is pronounced by Marcellus, an officer of the palace guard, commenting on the appearance of a ghost who beckons Hamlet to follow him. The ghost is the

spirit of the late king of Denmark, Hamlet's father, who has been poisoned. Political corruption is a major theme in Hamlet, and we are constantly reminded of the pervading atmosphere of decay. Throughout the text we can trace a path of corruption that leads to death through images of diseases in the characters of Polonius, Claudius and Hamlet himself. This phrase has become an English idiom, serving as a general description of corruption.

The literary game Shakespeare played in 16th-century England was already exploited in Byzantium. Byzantine writers employed a plethora of literary devices to enhance the dramatic quality of their historical texts and imbue their characters with greater vitality. This assertion is particularly pertinent to the texts of the 11th and 12th centuries, as evidenced in the sources [42, pp. 197-230; 50; 48]. One, such extensively utilised literary topic is the motif of diseases. This term served to illustrate instances of political corruption within the society or to evoke the turbulence that pervaded the Empire. Furthermore, in certain cases, it was used to denote internal strife in the Church, as well as external and internal threats to the state. The aforementioned examples illustrate the broader usage of the terms such as disease, pestilence, and illness to portray corruption and decay of the Empire in a more generalised manner. Nonetheless, the motif of illnesses was also deployed in a context where an emperor or other prominent political figure was afflicted by the disease. His sufferings were, thus, directly linked to the turbulence within the Empire, and the illness was perceived as a direct consequence of the corrupt politics pursued by an emperor or an official. In this regard, it is crucial to highlight several key points. Some Byzantine historians demonstrated a profound understanding of medicine and a keen interest in this field. Consequently, the facts they chose to record concerning the illnesses were often shaped by their own perspectives and interests. Secondly, it should be noted that not all authors who presented the sufferings of prominent figures caused by illnesses utilised them as a literary motif. It is common knowledge that the metaphor of the diseases goes back to ancient rhetoric. The metaphors are traced in the works of Demosthenes, Cicero, Quintilian and other classical writers. A common feature of Byzantine

historiography was the practice of passing the final judgement on the rule of a certain emperor at the end of his reign. Also, the historians tended to describe the way in which an emperor left his earthly life. Some of these accounts make no reference to the prevailing political circumstances. Nevertheless, the examples that were used deliberately, as will be discussed subsequently in the text, demonstrate that the stories about these ailments were not the product of their authors' imagination. The illustrated symptoms were widely recognised, as was the condition of the patient. It can therefore be concluded that the intention of the historians in question was not to invent these accounts and, thereby, reduce the credibility of their own works. The writers were more inclined to manipulate the extant facts in order to persuade their audience in the truthfulness of their testimonies [92]. However, the disparate interpretation of the facts enabled the authors to provide a multiplicity of ends to the narrative they were constructing and thus to proffer a plethora of alternatives to the "truth." In this regard, some Byzantine authors employed diseases as a literary device to illustrate the justifiable punishment of the wrongdoers. The severity of the crime was reflected in the degree of the punishment and the intensity of the torments. The portrayal of illnesses was used not only to illustrate the justifiable punishment of the principal characters but also to exemplify the pervasive corruption and deterioration within the Empire.

1. Methodology

The author of this article set the task to offer an overview of historical narratives (both chronicles and histories) pertaining to the subject matter, rather than to present a comprehensive enumeration of instances where this literary motif has been employed in the described manner. Furthermore, the author sought to illustrate the persistence of the literary motif under examination while also identifying instances of divergence. The article presents a series of cases, commencing with the earliest centuries of Byzantine historiography and concluding with the 15th-century historians. What is more, in order to show that the Byzantine historians did not fabricate the information regarding the illnesses, a comparison was conducted with other contemporary sources when they referred to the

same events. In this way, the author demonstrates that the Byzantine historians in question made use of the existing data as a convenient method to achieve their own goals, namely, to express criticism of the imperial policy and reveal the incompetency of certain rulers and officials.

2. Results and General Remarks

The research made plain that the motif of illnesses in Byzantine historical narratives can be traced throughout Byzantine history. The motif was deployed in two distinct ways: firstly, to illustrate the justifiable punishment for the actions deemed contrary to the will of God, and secondly, to highlight the shortcomings of emperors and leading officials. This dual application was evident all the way through Byzantine history. In the early Byzantine period, which saw the establishment of Christian faith and the Church, the motif of diseases served as a displaying punishment for the persecution of Christians and for dealing with various heresies. In the middle Byzantine period, this literary motif was further exploited, potentially reaching its apogee in the historical work of Michael Psellus. As Byzantine political thought, philosophy and society developed [65], this motif was primarily employed to convey the perceived corruption and decay of the Empire. However, during the period of iconoclasm, it was also utilised to elucidate how God punished the iconoclastic emperors for their transgressions. The motif of illnesses continued to be present in Byzantine history when referring to the heretical teachings, such as the disputes over hesychasm, along with the criticism of the imperial policy and the overall corruption in the Empire. This ultimately led to the Fall of Constantinople in 1453. It is noteworthy that the motif of illness was not utilised to describe the disputes between those who advocated for the union and those who opposed it, as evidenced by the historical narratives of the 13th, 14th and 15th centuries.

2.1. Early Byzantine Period

In Byzantine literary tradition, accounts of illnesses befalling the sinners were not uncommon. Even in the earliest centuries of Christian literature we encounter strikingly detailed stories about the Roman emperors who were subjected to divine retribution for their treatment of the nascent Christian community.

These descriptions are found in the works of the late antique writers. Perhaps the most prominent example is Lactantius and his work *De mortibus persecutorum*. In recounting the demise of the detested emperor Gaius Galerius (305–311), Lactantius makes the following observation: "A malign ulcer appeared on the lower part of his genitals and spread more widely. Doctors cut and then treated it; a scar formed, but then the wound split open; a vein burst, and the flow of blood imperilled his life". The physicians tried to help, but "a slight movement of his body reopened the wound, and it bled more profusely than before. ...As the marrow was assailed, the infection was forced inwards and got a hold of his internal organs; worms were born inside him. The smell pervaded not just the palace but the whole city, and this was not surprising, since the channels for his urine and his excrement were now confused with each other. He was consumed by worms, and his body dissolved and rotted amid insupportable pain... This had gone on continually for a year, when at last, subdued by his ills, he was compelled to confess God. In the intervals of the pain as it pressed on him afresh, he cried out that he would restore the temple of God and make satisfaction for his crime" [43, pp. 50-53; 14].

This detailed account of Gaius Galerius's suffering was subsequently elaborated upon by the pioneering Byzantine historian, Eusebius of Caesarea [38, pp. 57-66; 90, pp. 23-46]². In his *Vita Constantini*³ Eusebius sets forth the view that Licinius (308–324) was wholly indifferent to the fate that had befallen Galerius. He reiterates the assertion of Lactantius concerning Gaius Galerius: "...God-sent punishment pursued him, beginning with his very flesh and extending to his mind. A general inflammation arose in the middle of his bodily private parts, then a deeply fistulous ulcer; these spread incurably to his intestines, from which an unspeakable number of maggots bred and a stench of death arose... As he wrestled with so many evils, he did indeed ultimately become aware of his crimes against the Church. He then made confession to God and stopped the persecution of Christians..." (*Eusebius. Vita Constantini*. Book I, Ch. 57 [18, pp. 44-45]; for English translation see *Eusebius. Life of Constantine*. Book I [17, pp. 92-93]).

Following the victory of Constantine I (306–337) over Licinius in 324 and the subsequent

acquisition of comprehensive control over the Empire ⁴, Constantine proceeded to issue a missive to the provincials of Palestine. In this passage, Eusebius provides an overview of the detrimental effects of the civil wars, emphasising the importance of respecting the will of God: “When such and so grave a wickedness oppresses humanity, and when the state is in danger of utter destruction from a sort of pestilential disease and needs much life-saving medical care (καὶ τῶν κοινῶν οἶον ὑπὸ νόσου λοιμῶδους τινὸς ἄρδην διαφθαρῆναι κινδυνευόντων καὶ θεραπείας σωτηρίου πολλῆς χρηζόντων), what relief does the Divinity envisage, what escape from horrors?” (*Eusebius. Vita Constantini*. Book II, Ch. 28 [18, p. 60]; for English translation see *Eusebius. Life of Constantine*. Book II [17, p. 105]). It is evident that Eusebius employs the term “disease” as a metaphor to elucidate the internal challenges confronting the Empire. Furthermore, Eusebius utilised this metaphor to explain the conflicts in the Church. In his commentary on the disputes in Egypt, Eusebius observes that while those in Alexandria were engaged in inconsequential disagreements over matters of great significance, those in other regions were still divided over long-standing issues, resulting in a state of schism. The entire region of Libya was afflicted by these issues, which could be likened to a diseased body (τούτοις δ’ ὡσπερ σώματος κεκακωμένου). This spread to the other provinces, which were also affected by the same disease (συνενόσει δὲ καὶ τὰ λοιπὰ μέρη)” (*Eusebius. Vita Constantini*. Book II, Ch. 62 [18, p. 73]; for English translation see *Eusebius. Life of Constantine*. Book II [17, p. 115]).

The description of Constantine I’s illness, baptism and death in Eusebius’s *Vita Constantini* represents the best example of the literary motif under discussion: “First a bodily indisposition came upon him, then illness supervened (Γίνεται δ’ αὐτῷ πρώτητις ἀνωμαλία τοῦ σώματος, εἶτ’ οὖν κάκωσις ἐπὶ {ταύτην. – B. P.} συμβαίνει...), and thereupon he went out to the hot water baths of his city, and from there to the city named after his mother. But when he became aware that his life was ending, he perceived that this was the time to purify himself from the offences which he had at any time committed, trusting that whatever sins it had been his lot as a mortal to commit, he could wash them from his soul by the power of the

secret words and the saving bath” (*Eusebius. Vita Constantini*. Book IV, Ch. 61–62 [18, pp. 145–146]; for English translation see *Eusebius. Life of Constantine*. Book IV [17, p. 177]) ⁵. After the baptism, Constantine I overcame the illness by peacefully leaving this world. The disease he suffered from may well have been sent to him because of his earlier paganism. Nonetheless, having received the tonsure, the emperor was taken up to his God, as Eusebius informs us (*Eusebius. Vita Constantini*. Book IV, Ch. 63–64 [18, pp. 146–147]; for English translation see *Eusebius. Life of Constantine*. Book IV [17, p. 179]). The first “Byzantine historian”, judging by the quoted examples, used the motif of disease to narrate about civil wars within the Empire. What is more, with this particular motif, Eusebius refers to paganism and the internal conflicts in the Church.

Similar accounts of the persecutions endured by those who espoused the Christian faith can be found in other ecclesiastical histories from the first centuries of Byzantine historical literature. Apart from that, heretics were also afflicted by divinely inspired diseases. This fate has also befallen Arius, who perished suddenly and tragically, as documented by Socrates the Scholasticus (Socrates the Scholasticus. *Kirchengeschichte*. Book I, Ch. 38 [87, p. 89]) ⁶.

The literary motif of illnesses being sent as a form of punishment for the sins was not only brought into relation with the persecution of the Christians in the earliest historical writings of Byzantine literature. This literary motif served as a means of expressing the criticism of the imperial policy in a veiled manner. Furthermore, such literary method was applied for articulating disapproval of imperial policy in a more oblique style. One of the most illustrative examples in this regard is that of the 6th-century historian Procopius of Caesarea ⁷.

In the works of Procopius, namely *De bellis* and *Historia arcana*, we find a detailed account of the catastrophic plague that posed a significant threat to the survival of the inhabitants of 6th-century Constantinople. The description of the plague in Procopius’s work *De bellis* is well known and is based on the account of Greek historian Thucydides. What is of particular interest for our topic is that emperor Justinian (527–565) was afflicted by the disease but

survived ([79, pp. 454-473; for English translation see [77, pp. 179-184]). In relation to the surviving patients, Procopius makes the subsequent observation: "As soon as they had recovered from the disease and were safe and thought that they were now secure, since the disease had gone to other men, they abruptly reverted again and changed for the worse; they displayed the strangeness of their habits even more than before, surpassing themselves completely in wickedness and lawlessness. It would not then be a lie to assert that this disease, whether by chance or by foresight, carefully selected the most wicked and spared them, though this became clear only later" ([79, pp. 470-471]; for English translation see [77, p. 183]). There can hardly be any doubt that Procopius conveyed his disapproval of "the wicked" Justinian, who was among the survivors, in a veiled manner. In his *Historia arcana*, however, Procopius is unambiguous in his criticism. He states that: "When the plague, which I described in a previous book, was cutting down the people of Byzantion, it happened that the emperor Justinian fell so grievously ill that it was even said that he had died. This rumor was spread about by hearsay until it reached the camp of the Romans. Some of the officers there began to declare that if the Romans in Byzantion foisted another emperor like that upon them all, they would never allow it. But shortly afterward it happened that the emperor recovered and the officers of the Roman army began to slander each other" ([76, pp. 24-25]; for English translation see [78, p. 18]). This is undoubtedly an overt reproach of emperor Justinian, which is absent from *De bellis* [8, pp. 40-42]. Furthermore, Procopius writes that Justinian was more detrimental than the plague itself, as some individuals survived the pandemic, yet nobody could evade him: "Like some new calamity sent from heaven to fall upon the whole of mankind, it left no one entirely unscathed" ([76, p. 42]; for English translation see [78, p. 31]). In the time of the great plague that devastated the Empire, Justinian, as recounted by Procopius in *Historia arcana*, demonstrated no leniency towards the people. The wars continued unabated, the populace was compelled to provide military personnel, and taxes were not once remitted ([76, pp. 144-145]; for English translation see [78, p. 104]). Accordingly, based on Procopius's account in both *De bellis* and with

greater clarity in his *Historia arcana*, the historian attributed the disaster to Justinian, viewing the plague as a divine retribution. Moreover, by likening the emperor to a calamity, Procopius articulates his critique of the societal structures that were subjected to the rule of Justinian.

There is no doubt that the Empire was faced with an epic disaster. The testimony of Agathias corroborates this fact. The historian also describes the numerous misfortunes that befell the Empire in the course of the epidemic⁸. Similarly, Agathias acknowledges the perspective that divine wrath was the cause of the devastation, a form of retribution for humanity's transgressions that resulted in the annihilation of entire populations. However, Agathias offers a comparatively lenient assessment of the situation in comparison to Procopius. He concludes his account with the admission that it is not up to him to decide on the veracity of one hypothesis over another. Such an undertaking would be beyond the scope of Agathias's comprehension ([1, pp. 175-176]; for English translation see [2, pp. 145-146])⁹.

The illness of emperor Justin II (565–578) was inextricably linked to the political and social unrest in the Empire. The reign of Justin II witnessed the persecution of the monophysites¹⁰ and significant external threats, particularly from the Avars and Persians. In his work, John of Ephesus¹¹, a monophysite and historian being close to the emperor Justin II, states that Justin II displayed periods of psychotic behavior. The historian holds emperor Justin II responsible for the persecution of monophysites, linking his affliction to divine retribution for his misdeeds: "He (God. – B. P.) sent it by means of an evil angel, who suddenly entered into him, and took his form, and domineered over him cruelly and fearfully, making him an example of the terribleness of their malice. For suddenly it destroyed his reason, and his mind was agitated and darkened, and his body given over both to secret and open tortures and cruel agonies, so that he even uttered the cries of various animals, and barked like a dog, and bleated like a goat; and then he would mew like a cat, and then again crow like a cock: and many such things were done by him, contrary to human reason, being the workings of the prince of darkness" [89, p. 167]. John of Ephesus provides a detailed account of the emperor's erratic behaviour, which included running from

place to place, hiding under the bed, and then proceeding to throw himself down at the windows. He assaulted and severely bit one of the guards who were responsible for his safety and security. This led to the circulation of a rumour that the emperor had eaten two of his chamberlains. Those in his vicinity devised a range of diversions, both to occupy his attention and to facilitate his return to a state of rationality. He was transported in a small waggon with a throne for him to sit upon. An organ was installed and played continuously, which proved an effective method of maintaining the emperor's composure for the majority of time [89, pp. 168-169]. In addition, the account of John of Ephesus indicates that the emperor also suffered from a severe urological illness: "...Hopes were long entertained of his recovery, chiefly because of the recurrence of lucid intervals, during which he could be propped up in his chair, and shown to the people, and even taken to the entertainments of the Hippodrome in the morning: but then he would again relapse into his former imbecility, to which were added other trials, especially the painful disease of strangury: so that upon the whole his health constantly declined... And when afterwards the pain of the strangury increased, and he was tortured by stones which obstructed the bladder... a deep incision was then made in both his groins, and the whole operation so barbarously performed, that he was put to extreme torture: nevertheless, in the midst of his cries, he said, with a loud voice, 'Just are thy judgments, O God; for all the sins and wickednesses which I committed with my body are openly requited in Thy anger upon the members whereby I wrought them'" [89, pp. 177-178]. John of Ephesus, whose monophysites were subjected to persecution during the reign of Justin II, was justified in attributing the emperor's afflictions to divine wrath. It is important to note that Justin II's mental illness and erratic behaviour could have been caused by the emperor's urological problems¹².

Historian Evagrius attributes the madness of emperor Justin II to the fall of Dara, the most important city in the frontier region between the Romans and the Persians. He states: "Upon hearing these events, Justin was unable to engage in rational thought or to process the situation in a manner that was consistent with his previous state of mental health. Instead, he succumbed to a state of mental disorder and madness, which rendered

him incapable of comprehending the events that had transpired" [16, p. 270]¹³. Ultimately, Theophylact Simocatta, the last representative of the early Byzantine historians¹⁴, offers insights into the reign of emperor Justin. In his account, Simocatta states: "In this particular year Justin (Justin II. – *B. P.*), the emperor of the Romans, withered away from disease, after encountering great punishments for his violent deeds" [26, p. 133]. Although Simocatta does not explicitly identify the illness of the emperor, it is evident that he was aware of the prevalent discourse surrounding the emperor's health.

2.2. Middle Byzantine period

The literary motif of diseases is first encountered in the *Short History* of the patriarch Nicephorus I (806–815)¹⁵, at a point when he expresses his criticism of the incestuous marriage contracted by emperor Heraclius (610–641) with his niece Martina. In his account, Nicephorus states: "Sometime later he (Heraclius – *B. P.*) fell ill with the dropsy and realized that his disease was difficult to cure, for it grew to such an extent that when he was about to urinate, he would place a board against his abdomen: {otherwise. – *B. P.*} his private parts turned round and discharged the urine in his face. This was in reproof of his transgression (namely, his marriage to his own niece). Because of this marriage he suffered this ultimate punishment (ἔλεγχος δὲ ἦν τοῦτο τῆς παρανομίας τῆς ἑαυτοῦ, ὑπὲρ ἧς ταύτην δίκην ὑστάτην ἐξέτισετοῦ εἰς τὴν ἀνεπιάν τὴν οἰκείαν γάμου...). So he died of this {disease. – *B. P.*} at the age of sixty-six after a reign of thirty years, four months, and six days..." [67, pp. 76-77; 75, pp. 269-270; 45].

In the *Short History* of Nicephorus I, we additionally discern the author's disapproval of the iconoclastic emperors, mainly Constantine V (741–775). Nicephorus informs his readers that the pestilence, which suddenly befell the Empire during the reign of this emperor and his father, Leo III (717–741) was perceived as a punishment for the iconoclastic politics of Leo III and his son Constantine V, Nicephorus states: "{Now a great plague – *B. P.*} fell upon the Imperial City and the surrounding lands, and wherever this destructive disease prevailed, it consumed and entirely annihilated all human beings... The pestilence was particularly intense at Byzantium. Frightful

portents were suddenly to be seen: cruciform markings appeared on men's garments and holy cloths, upon doors and door posts, and these phenomena aroused in everyone great fear and consternation as if they were foreshadowing an instant doom... Those who were able to think aright judged that these (misfortunes – B. P.) were inflicted by God's wrath inasmuch as the godless and impious ruler of the day and those who concurred with his lawless purpose dared to lay their hands on the holy images to the disgrace of Christ's Church (ταῦτα ἐκρίνετο τοῖς ὀρθὰ φρονεῖν εἰδόσιν ἐκθείας ἐπισκίπτειν ὀργῆς, ἡνίκα ὁ τότε ἀθέως καὶ δυσσεβῶς κρατῶν, καὶ ὅσοι αὐτῷ συνήνουν τῷ ἀθέσμῳ φρονήματι, τὰς χεῖρας ἐπαφείναι κατὰ τῶν ἁγίων ἀπεικονισμάτων εἰς ὕβριν τῆς τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίας τετολμήκασιν)" [67, pp. 138-141].

A comparable indictment of the iconoclastic emperors is presented in the *Chronicle* of Theophanes¹⁶. Similarly, he provides a detailed account of illnesses that befell the iconoclastic emperors. The historian uses the motif of disease as a means of expressing divine retribution. Theophanes posits that the emperors were deserving of their fate due to their impiety and the peculiarities that ultimately led to their demise. This is exemplified by the case of emperor Constantine V, whom Theophanes refers to as "the persecutor of laws handed down from the fathers, who became emperor by divine judgment because of the multitude of our sins" ([88, pp. 637-638]; for English translation see [11, p. 105]). The ascension of Constantine V to the imperial throne is perceived as a consequence of the misdeeds committed by the 'Romans' (*Rhomaioi*). In his account concerning the end of the emperor's days, Theophanes states: "In this year (775), the emperor sailed forth against the Bulgars in August. At that time his legs were terribly burnt by a God-sent plague, unknown to his doctors, which caused a severe fever... Pitiably dying in his warship he cried out: 'I have been given to unquenchable fire while still alive...' Thus did the autocrator give up his life; he had ruled 34 years, 2 months and 26 days after his father's death. He was defiled by the blood of many Christians, by invocations of demons and sacrifices to them, by persecution of the holy churches and the true and blameless faith, and by the murder of monks and the parceling out of monasteries. He had

done all sorts of wicked deeds, no less than had Diocletian and the tyrants of old" ([88, pp. 693-694]; for English translation see [11, p. 135]). Therefore, it can be concluded that God punished not only the iconoclastic emperors by sending them incurable diseases but also the Byzantines by sending them the emperors who were undeserving of the throne.

In the historical work, *Chronographia*, Michael Psellus¹⁷ provides a detailed account of the reigns of the emperors, starting with Basil II (976–1025) and concluding abruptly with the events dated to the reign of Michael VII Ducas (1071–1078). Psellus was one of the most prolific writers in the Byzantine Empire, who is regarded as one of its greatest minds. He devoted considerable attention to the physical descriptions of the emperors and the portrayals of their diseases. Psellus was also a distinguished connoisseur of medicine [57; 56; 6]. In addition to demonstrating his expertise on the subject, these accounts served another purpose: to illustrate the pervasive corruption and decline of the Empire following the demise of emperor Basil II [82; 71].

It may be advisable to begin with the metaphor of the Empire's illness, presented by Psellus in his *Chronographia*. The author introduces this metaphor at an unspecified point in the description of Isaac I Comnenus's reign (1057–1059). Psellus likens the Empire to a monstrous body, "a body with a multitude of heads, an ugly bull neck, hands so many that they were beyond counting, and just as many feet" (σῶμα τερατείας πάσης μεστὸν, κεφαλαῖς μὲν διαμεμερισμένον πολλαῖς, δυστράχηλόν τε καὶ πολυτράχηλον, χερσίτε οὐκ εὐαριθμήτοις διαπεπρασμένον, καὶ ποσὶν ἰσαρίθμοις χρώμενον). The historian employs medical terminology to point to the patient in a state of severe illness, namely the Empire of the 'Romans' (*Rhomaioi*). As we learn from his narrative, it was Isaac I Comnenus who attempted to implement the aforementioned remedy (καὶ οὕτως ἐπάγων τὸ φάρμακον). However, the emperor did not select an optimal moment for this course of action. Had he done so, the state apparatus (τὸ πολιτικὸν σῶμα) would not have been brought to complete ruin ([55, pp. 231-232]; for English translation see [12, pp. 154-155]; on Isaac's illness see [32]). Psellus elucidates the manner in which the body of the state became so corrupted and assumed

the shape of a monster. To achieve his purpose, the historian presents an overview of imperial reigns, commencing with Basil II. Psellus notes that Basil II bequeathed a vast and prosperous empire to his successors. The brother of Basil II, Constantine VIII (962–1028), “plunged into a life of pleasure, determined to squander and spend everything... He was the first emperor to corrupt and swell out the body of the state (οὗτος μὲν δὴ πρώτως τὸ σῶμα τῆς πολιτείας κακοῦντε καὶ ἐξογκοῦν ἤρξατο), partly by fattening some of his subjects with great wealth, partly by raising them to positions of honor and giving them opportunities to live in depravity and vice” ([55, p. 232]; for English translation see [12, p. 155]). Following the demise of Constantine VIII, the throne was bestowed upon his son-in-law, Romanus III Argyrus (1028–1034), who, wanting to secure the throne for the members of his own family, continued distributing the wealth, “adding to a body which was already gross, and aggravating the disease, and filling the corrupted part with superfluous fat” (καὶ προστίθησι τῷ περιττεύσαντι σώματι, καὶ αὐξάνει τὴν νόσον, καὶ τὸ διαφθειρόμενον καταπληροῖ ἐκκεχυμένης ποιότητος) ([55, p. 233]; for English translation see [12, p. 155]).

Subsequent to Romanus III, Michael IV (1034–1041) assumed the throne. In his *Chronographia*, Psellus presents Michael IV in a largely positive manner, although even this emperor was not entirely worthy of the throne of Constantine the Great. Psellus acknowledges that Michael IV put a stop to the majority of malevolent activities. At the same time, Psellus criticises Michael IV: “He was not strong enough to deny some small additions of fat to this body, so accustomed to its nourishment of bad juices and unwholesome, fat-making, foods” (οὐ μέντοι γε τοσοῦτον ἐξίσχυσεν ὥστε τολμῆσαι μηδὲ τὸ βραχύτατον ἐκλιπᾶναι τὸ εἰωθὸς σῶμα χυμοῖς ἐκτρέφεσθαι πονηροῖς καὶ διεφθαρμέναις ἐξογκοῦσθαι τροφαῖς) ([55, p. 233]; for English translation see [12, p. 156]).

Psellus proceeds to discuss the rule of Constantine IX Monomachus (1042–1055). The historian writes that the mentioned emperor “first added a host of new limbs and new parts to a body already long-corrupted, injected into its entrails liquids even more unwholesome, and then, having done this, took it out of its

natural state and deprived it of peaceful and civilized existence” (πλεῖστα περιθεις μέρη καὶ μέλη τῷ πάλαι διαφθαρέντι σώματι, καὶ χυμοὺς πονηροτέρους τοῖς σπλάγχχνοις εἰσενεγκὼν, τοῦ μὲν κατὰ φύσιν ἀπήνεγκε, καὶ τῆς ἡμέρου καὶ πολιτικῆς ζωῆς ἀπεστέρησεν) ([55, p. 233]; for English translation see [12, p. 156]). Emperor Constantine IX, whom many subjects referred to as “εὐεργέτης”, exacerbated the already bad situation in the Empire even further. According to Psellus, the emperor also had a detrimental impact on the psychological well-being of his subjects. Constantine IX was followed by Theodora (1042–1056). She further aggravated the empire’s position. Theodora was succeeded by “the old man Michael”, as Psellus remarks for Michael VI (1056–1057). Nevertheless, the new emperor swiftly withdrew from the competition, being unable to withstand the movement of the imperial chariot ([55, p. 234]; for English translation see [12, p. 156]).

When Isaac I Comnenus had come to power, the Empire had already been “fattened up to such an extent that it was necessary to administer purgative drugs, and that in considerable doses. A second course of treatment was demanded – I mean, of course, surgical operations, cauterization, and cathartics. The opportunity for healing recurred and Isaac Comnenus, wearing his crown, climbed into the Roman chariot” ([55, p. 234]; for English translation see [12, p. 156]). Not even Isaac was able to effect a resolution at the time he attempted to do so. Psellus presents this emperor as a man who devoted himself to the philosophic life. The emperor abhorred anything that was physically diseased or corrupt (Ἦν δὲ οὗτος βίου μὲν ἐραστής φιλοσόφου, καὶ τὸ νοσοῦν ἅπαν καὶ διεφθαρμένον ἀποστρεφόμενος τῆς ζωῆς). Psellus suggests that the prevailing circumstances within the Empire disheartened Isaac. Furthermore, the emperor observed a predominance of disease and festering sores. The historian provides an explanation for the premature actions of Isaac I by employing medical terminology once again. Psellus writes: “...he (Isaac – *B. P.*) ought to have waited for the appropriate moment before he applied surgical remedies and cautery; it was wrong to operate on the internal organs with the surgeon’s heated iron without reasonable premeditation... But Isaac wanted to see the sick body restored to health immediately” ([55,

pp. 234-235]; for English translation see [12, pp. 156-157]).

As Psellus recounts in *Chronographia*, the successors of Basil II are held responsible for the politics of the Empire. They put it at the brink of ruin. The metaphorical representation of Psellus indicates that Basil’s successors precipitated imperial decline. It was exceptionally challenging to reverse the decay of the Empire. The sole emperor who attempted to implement the prescribed remedies was Isaac Comnenus, albeit in a misguided manner and at an inopportune time. Psellus reiterates elsewhere the negative characterisations of the emperors described in a lengthy passage of his *Chronographia*. In this way the author, having indirectly demonstrated the portrayal of these diseases, educated his readers [82, p. 346].

In *Chronographia*, there are three idealised portraits of Byzantine emperors: Basil II, Constantine X Ducas (1059–1067) and Michael VII Ducas [82, p. 337]. Psellus asserts that all of these three emperors died peacefully and happily. In the case of Basil II, the writer emphasises the emperor’s longevity and his long reign [55, pp. 1-23], whereas John Skylitzes makes reference to the emperor’s illness at the end of his life [30, pp. 368-369]. According to Psellus, Constantine X Ducas lived a more glorious life and died more contented. However, Michael Attaliates also provides information regarding an illness that afflicted this emperor towards the end of his life [36, pp. 166-167]. It seems likely that Psellus omitted any mention of the diseases of the named emperors in order to present these rulers as the ones worthy of the Byzantine throne. They had actually earned such a peaceful death, without suffering from any illness [82, p. 339]. In this light, the descriptions of the diseases that other emperors suffered from during their lifetime assume even greater significance in terms of Psellus’s skilful rhetoric and ironic portrayal of the characters in *Chronographia* [83].

Constantine VIII is represented as an antipode of his brother and predecessor, Basil II. Constantine’s physical appearance provided an initial insight into the description of gout. The emperor suffered from the illness, caused by laziness and sexual passions ([55, p. 28]; for English translation see [12, p. 23])¹⁸. Of Romanus III, Psellus relates: “An illness of

all unusual and painful character befell Romanos. Actually, the whole of his body became festering and corrupted inside. At any rate, from then onwards, he lost most of his appetite, and sleep, poised on his eyelids, quickly flitted away. All the ill-humors fell upon him together – harshness of character, peevishness of spirit, anger and wrath and shouting, things unknown in him before. All his life, from his earliest years, he had been a friendly sort of man; now, it became not only hard to get into his presence, but hard to get civil reply to one’s questions. Laughter deserted him, and his former graciousness and pleasant nature. He trusted nobody at all, nor did he seem to others trustworthy himself. Each party suspected and was suspected by the other. His lack of generosity now became more pronounced. The distributions of money that he made were niggardly in any case, and he was savagely angry at every request for it” ([55, pp. 47-48]; for English translation see [12, p. 34]). It would appear prudent to pay attention to the terminology employed in descriptions of the Romanus’s illness. Psellus makes use of compound nouns derived from the term “ἦθος” which refers to an individual’s intrinsic character [37, pp. 23-28]. The historian reiterates these nouns even twice in the same sentence, firstly to designate the unusualness of Romanus’s disease (νόσημα τῶν ἀήθων) and, secondly, to describe the decay of his body (κακόηθες αὐτῷ ἐγγένοι καὶ ὕπουλον). The term “κακοήθης” is applicable in both medical contexts and the portrayal of diseases. However, it is primarily used to describe a morally corrupt character. Therefore, Psellus’s use of wordplay imbues this text with a dual meaning: a straightforward depiction of Romanus’s physical condition and a portrayal revealing the character of the emperor in question [82, pp. 340-341]. In addition, it is evident from this account that Romanus III was gradually losing the qualities that are typically associated with an emperor.

In the account of Constantine IX, Psellus presents the illness of the emperor. The historian makes a contrast between the conditions of the emperor’s body at the beginning of the reign and its subsequent deterioration. The affected beauty and strength of the emperor’s body is associated by the historian with the onset of arthritis. Without doubt, this metaphor provides an explanation for the deterioration of the state in

which the Empire found itself during the reign of Constantine IX. Psellus asserts that Monomachus was a suitable candidate for the imperial throne, yet his subsequent conduct soon demonstrated his inappropriateness. The emperor's indifference concerning the welfare of the Empire and his sexual appetites were met with retribution in the form of gout [82, p. 342].

Psellus offers the following description of character flaws that he perceives in Constantine: "A healthy animal, with a thoroughly strong constitution, is not altered in a moment at the first symptoms of illness. So with the empire in the reign of Constantine: it was by no means moribund and its breathing was still energetic; the neglect from which it was suffering seemed an insignificant item, until, by slow degrees, the malady grew, and reaching a crisis, threw the patient into utter confusion, complete disorder. This later stage, however, had not yet been approached, and the emperor, taking little share in the anxieties of power, but seeking recreation in a multitude of pleasures, was preparing the then healthy body of his empire for a thousand maladies destined to attack it in the future" ([55, p. 126]; for English translation see [12, p. 84]). It is evident that emperor Constantine IX lacked the fortitude and determination (ζῆλος), which could have enabled him to prevail over his ailment, as espoused by Christian doctrine [54, p. 303; 71, pp. 88; 34]. The bouts of illness only served to exacerbate the situation, when enemies from within and without imperilled the very existence of the Empire. The only emperor who was able to maintain control over its condition during a period of significant instability was Michael IV. He suffered from epilepsy [46]¹⁹. At the time of Petar Deljan's rebellion in 1040, the emperor demonstrated resilience and vitality. He overcame the attacks of his illness and exhibited a timely response in suppressing the uprising. For this reason, Psellus commended Michael IV. Despite the generally favourable portrayal of the emperor in the *Chronographia*, Michael IV's representation served as a basis for his disqualification from the throne [82, p. 343; 53, p. 384].

Michael Psellus developed the motif of diseases even further and brought it into a whole new level. He made use of medical terminology in his *Chronographia*. Psellus presents the inability

of rulers to address the internal and external challenges they face. Also, the portrayal of the emperors in the *Chronographia* illustrates the gradual dissipation of their *joie de vivre*. The rulers of the Empire would undergo a transformation into corrupt and unworthy of their position. Initially depicted as merry characters, the emperors would subsequently become rotten, unmerciful individuals. With time, their personalities would deteriorate, and they would lose the qualities that initially made them worthy of the throne.

Other Byzantine historians similarly utilised this literary motif to illustrate that certain people were unsuitable for the roles they played. In an account of the rebellion of Nicephorus Bryennius²⁰ in November 1077, Michael Attaleiates²¹ seeks to present his own involvement in the events surrounding this uprising. At the end, he writes about his attempts to offer counsel to logothetes (logothete) Nicephorus (Nicephoritzes)²². Michael Attaleiates states: "I... advised... that he (Nicephoritzes – *B. P.*) should speedily bring calm to Raideustos with a chrysoboullon and secure its loyalty with displays of compassion and understanding and do likewise with the other cities, all the while calling up the army for the same purpose, to stem the flow of so many people toward the rebel... But the logothetes, responding with a smile to all that I had earnestly proposed to him, procrastinated and put off matters that could not be afforded even a short postponement, so that by the time he tried to apply a remedy, the disease was most inflamed (ἕως τοῦ πάθους φλεγμαίνοντος τὴν ἰατρειάν ἐπεχείρησε μὲν). Then he realised the futility of trying to move the immovable, and at that point I again sensed that few of the men among us were able to use good in order to cure evil (τὸ κακὸν ἰᾶσθαι)" [36, p. 449]. As previously remarked, the term "disease" was sometimes used to designate the external and internal adversaries. Nonetheless, Attaleiates employed it not only to indicate the threat posed by Bryennius but primarily to highlight the incompetency of logothetes Nicephoritzes, who was assigned the task to confront the rebel Bryennius.

The arthritis or gout and epilepsy were prevalent ailments throughout the Middle Ages²³. The gout was frequently associated with a life of indulgence and excess by the Byzantine historians. We know well that emperor Alexius I

Comnenus (1081–1118) suffered from this disease. In the *Alexiad*, Anna Comnene²⁴ suggests a number of reasons to explain the emperor's condition. The princess initially writes about an injury that her father sustained several years earlier, and hereupon his illness was precipitated. Anna Comnene emphatically rejects the notion of any association concerning the disease of Alexius, which would allude to his lifestyle. He is portrayed as an unblemished hero [81, pp. 102–103]. Although it is evident that Anna had a comprehensive understanding of medicine, she introduces the third reason for Alexius's ailments. Anna relates: "The man I am speaking of must be introduced at this point and considered a third reason of the emperor's illness, not merely as the immediate cause, but also the most effective cause (to use the doctors' terms). He did not attack once and for all and then disappear, but remained with him, a constant companion like the most pernicious humors in the veins. Worse than that, if one reflects on the man's character, he was not only a cause of the disease, but he was himself a malady and its most troublesome symptom (οὐ μόνον αἰτία νοσήματος ἦν, ἀλλὰ καὶ ἄντικρυς νόσημα καὶ βαρύτατον σύμπτωμα). But I must bite my tongue and say no more" [4, p. 442]; for English translation see [3, p. 374]. Although the princess does not explicitly identify the individual in question, it is clear that Anna Comnene is referring to her brother and heir to the throne, John II Comnenus²⁵. As this example demonstrates, the use of the diseases as a metaphor for a person was sometimes employed by the author to discredit the individual in question.

A number of additional examples of diseases are provided by the Byzantine writers in their portrayal of the Middle Byzantine Empire. In his historical work, Nicetas Choniates, a well-known Byzantine historian of the 12th–13th century²⁶, wrote about Theodore Kastamonites. He was the prominent financial expert of the reign of emperor Isaac II Angelus (1185–1195) and the emperor's maternal uncle. Choniates criticised the government of emperor Isaac II for his inability to address the multifarious challenges confronting the Empire²⁷. Consequently, Isaac II transferred the administration of all public affairs to Theodore Kastamonites. Choniates vividly describes: "Nothing was done without his knowledge, and no one in authority was allowed

to sit down with Kastamonites but must stand in his presence in a servile attitude". Furthermore, Choniates discusses the events in question, remarking that the emperor remained entirely undisturbed by these developments. Conversely, Isaac II even permitted Kastamonites to wear the imperial purple garments and wear the purple military cloak. The latter was authorised to affix his signature to public decrees and rescripts in the same color. Nevertheless, Kastamonites was punished with an illness, which Choniates depicts as merciful (νόσος φιλόανθρωπος), because it relieved his countrymen from this man. The gout which afflicted Kastamonites was, therefore, used like a metaphor to illustrate the comprehensive decline of the Empire's political circumstances in the reign of Isaac II. The emperor's uncle is subsequently punished, dying after having suffered a sudden attack of the disease that "spread to other parts of the body, leaving his buttocks covered with sores" ([64, pp. 437–438]; for English translation see [13, p. 241]).

A similar affliction befell emperor Alexius III Angelus (1195–1203). The severity of his arthritis attacks was increased at the time of conflicts with external adversaries of the Empire. One of the descriptions of these attacks is worthy of particular mention. In the account that shed light on the sufferings of Alexius III, Choniates expresses his sorrow for the fate of the Empire. After the emperor's death, there were no male successors to claim the throne ([64, pp. 497–498]; for English translation see [13, pp. 273–274])²⁸.

According to the opinion of Nicetas Choniates, another patient suffering from the same disease was Philokales, the father-in-law of emperor Alexius V Ducas Mourtzouflos (1204). Philokales exploited the illness for his political purposes. Emperor Alexius V dismissed Choniates from his office, the logothetes of the sekreta, and promoted Philokales in this place. It is unsurprising that the historian depicted this individual in a negative light. In his account Choniates states: "This man, wholly unprepared to make himself known and precariously exceeding propriety because of inordinate ambition, ...fooled some by affecting the gout, as if his brain had flowed down into his feet with the disease, and so, with his wits wandering, he neglected his duties" ([64, p. 565]; for English translation see [13, p. 311]). Choniates sought to persuade his audience that Philokales

was driven by a desire for political advancement. Yet, the historian also writes how Philokales used his affliction with gout. The proof in this regard is scarce, thus rendering it impossible to verify the veracity of Choniates's testimony. Hence, this example also proves that the Empire's state of affairs would worsen further with the appointment of unsuitable individuals to positions of authority, as well as the implementation of ineffective governance.

2.3. Late Byzantine period

The following examples of late Byzantine historical narratives will be presented in order to provide a comprehensive account of the utilisation of illnesses as a literary motif that expressed internal strife within the Empire. We commence on the most renowned epileptic among the Byzantine emperors, Theodore II Lascaris (1254–1258) [47]. The sources diverge in the portrayal of this ruler and in the narration about his illness. It is evident that the historians employ the emperor's disease as a means of articulating their attitudes towards the two dynasties (the Lascarids and the Palaeologus), which intertwined following the death of Theodore II.

George Acropolites, the emperor's contemporary and one of his closest collaborators, but later also the emperor's most prominent adversary, offers the explicit commentary on this issue²⁹. Theodore's frequent changes of mood were attributed by Acropolites to his illness, which was believed to be epilepsy. The same disease also afflicted his father, John III Vatatzes (1221–1254)³⁰. The episode concerning the punishment meted out to the great logothetes Acropolites is well-known. The story about him relates to the emperor's illness and his occasional insanity. Still, this episode is only recorded in the work of Acropolites [22, pp. 130-131], whereas neither Theodore Skoutariotes³¹ nor George Pachymeres³² make any mention of it, and therefore neither does Nicephorus Gregoras³³. This fact, though, does not provide sufficient grounds to challenge the veracity of Acropolites's testimony. George Pachymeres writes a candid account of the emperor's illness, noting that Theodore II exhibited a pronounced inclination towards superstition and even attributed his afflictions to the machinations of a malevolent force [21, p. 53]. Nicephorus Gregoras does

not explicitly mention Theodore's disease, but he does report on the emperor's sharp character and unpredictable nature, which some feared. The most significant consequences of the emperor's illness, evidenced in historical works, were detrimental to his own well-being. As a consequence of his illness, the emperor's subjects, predominantly members of the aristocracy with whom the Nicaean emperors often conflicted, were adversely affected [10, pp. 351-352].

The accounts of emperor Theodore's death presented in the works of George Acropolites and Nicephorus Gregoras merit further examination. Theodore II Lascaris, afflicted by a serious illness, ultimately succumbed to it. Despite the efforts of the attending physicians, the emperor ultimately yielded to his illness and passed away. The terminology employed by Gregoras in his story about the emperor's demise is worthy of particular attention. The illness is described as carrying with it the weapons of death (ὄπλα θανάτου). This phrase contains an intriguing choice of words. The disease set various siege devices against the emperor's body (ἡ δὲ καὶ ποικίλας τὰς ἐλεπόλεις κατὰ τοῦ βασιλικοῦ σώματος ἀντηστήσασα) and did not allow itself to be vanquished until it had brought about the death of the emperor himself [61, pp. 61-62].

At the same time, Acropolites, portraying Theodore II, sought to accentuate the shortcomings of the ruler. Thereby the historian paves the way for a more favourable characterisation of Michael VIII Palaeologus (1259–1282). He was arguably the most laudable of all the Palaeologus rulers. In contrast, Pachymeres, who had previously expressed strong criticism of the first Palaeologus, presented the Lascarid emperors in a highly favourable light. Then again, Pachymeres did not conceal the fact that Theodore II was suffering from illness. Nicephorus Gregoras depicted the mildest portrait of the named emperor in the narrative about these events. The historian offers no praise for Theodore II and makes no criticism of him. Gregoras suggests a reconciliation between the contrasting aspects of the emperor's character [73]³⁴.

The Roman History of Nicephorus Gregoras presents Gregory Palamas, the renowned hesychast of his time, as the most negative figure. The historian depicts the disease from which Palamas suffered in a particular manner.

Nicephorus Gregoras asserts that Palamas was punished with a fatal illness for his impiety. This viewpoint of Gregoras aligns with his opposition to the hesychast movement. Gregoras even refers to the followers of Palamas as “παλαμναῖοι”, which can be translated with the word “murderers.” The historian states that Palamas’s demise was marked by bitterness and dishonour (πικρὸν τε καὶ αἴσχιστον). His intestines were frequently twisted, resulting in the excretion of matter through his mouth that was intended to emerge from the other end. Palamas exhibited behaviour consistent with that of a madman as a result of an inflammatory condition affecting the brain (καὶ πρὸς γε μανιώδει φρενίτιδι), which ultimately led him to death [63, p. 549]³⁵. Although Gregoras’s description may be considered to be somewhat exaggerated, it should not be dismissed as being entirely inaccurate. It can be ascertained from the *Vita* of Palamas and the *Collection of miracles* written by Philotheus Kokkinos that the saint did, in fact, suffer from severe stomach problems towards the end of his life (νόσῳ βαρεῖα περιπίπτει τῶν σπλάγγων, ἦτις αὐτὸν μετὰ βραχὺ καὶ τῆς ζωῆς ὑπεξάγει) [59, p. 322].

Emperor John VI Cantacuzenus (1347–1354) was also subjected to censure for his support of Palamas and his followers. The Black Death, the epidemic of the plague that devastated the Empire in the mid-14th century, resulted in the passing of his youngest son, Andronicus. The death of the young Andronicus Cantacuzenus is placed in two sections of Gregoras’s *Roman History*. The first instance in which Gregoras makes reference to Andronicus, the historian merely states that Cantacuzenus’s son died of the plague. Subsequently, in the books written post Gregoras’s condemnation at the Council of Constantinople in 1351, when the hesychasts emerged triumphant, Gregoras recalls Andronicus and his demise. This fact should be situated in direct correlation to his father’s transgressions, namely, his endorsement of the hesychasts [62, pp. 797-798, 804-813]³⁶.

The employment of diseases as a metaphor for the decay of the Empire is exemplified in the work of the historian of the Fall, Ducas [28, pp. 490-494; 41, pp. 270-314; 60, pp. 298-301]. In the context of the threat posed by the Ottoman Turks, emperor John V Palaeologus (1341–1391), as documented by Ducas, “...was unable to

retaliate (he {John V Palaeologus – B. P.} was bedridden and suffering from gout in his feet, half-dead, so to speak, from gluttony, excessive drinking, and luxurious living...) After the bitter and nefarious ultimatum had been accomplished, the emperor in the throes of excruciating physical pain, died” ([15, p. 77]; for English translation see [52, p. 82]). In general, Ducas is highly critical of the Byzantine emperors, but he particularly disapproves of John V Palaeologus. This assertion can be supported by different facts. First of all, it is necessary to take into account the observation of Ducas regarding the gout suffered by John VIII Palaeologus (1425–1448). Ducas identifies a number of additional factors that contributed to the development of the emperor’s illness, rather than attributing it solely to the effects of debauchery ([15, p. 279; for English translation see [52, p. 186]). Additionally, the negative portrayal of John V Palaeologus in the historical narrative of Ducas can be ascribed to his sympathies towards John VI Cantacuzenus. It is a well-documented fact that Ducas’s grandfather provided support to Cantacuzenus in his military campaign of 1341–1347 against the regency of dowager empress Ann of Savoy, the patriarch John XIV Calecas (1334–1347), and the *mezas doux* (grand duke) Alexios Apocaucus in Constantinople, who ruled in the name of the minor emperor, John V Palaeologus. The grandfather of Ducas was among the prisoners and participants of the uprising against the *mezas doux* Alexios Apocaucus in 1345. This information is corroborated by the testimony of Nicephorus Gregoras, as well as John Cantacuzenus [62, p. 729; 29, p. 542]³⁷.

The aforementioned examples irrefutably illustrate that the Byzantine authors utilised the motif of diseases as a literary device throughout Byzantine history. The historians have offered their own interpretations of the characters in question. The authors did not fabricate the facts about the illnesses from which a person was suffering. The Byzantine historians did not want to subject the entirety of their testimonies to rigorous scrutiny. The historians made use of the extant facts and interpreted them in a manner that was the most advantageous to their argument. In the case of the diseases, they were employed as a means of illustrating the just recompense meted out to those who had sinned. More explicitly, these facts were used as a metaphor to show the punishment

inflicted for heretical beliefs and to highlight the overall decline and corruption within the Empire. The metaphor of diseases also served as a method to caution against the external and internal threats Byzantium was faced with.

2.4. “The trial of righteous Job”³⁸

The story of righteous Job and his sufferings has long been regarded as an exemplar of the idea that God subjects us to various trials with the intention of testing and strengthening our will and faith. While examples of this literary motif are scarce, it can be observed in this context in two Byzantine historical texts: in the *History* of Michael Attaleiates and the work of Skylitzes’s successor [7, pp. 5-13; 60, pp. 155-161]. Both examples make reference to emperor Romanus IV Diogenes (1068–1071), who was defeated in the battle of Manzikert in 1071, despite having fought bravely against the Seldjok Turks and their sultan Alp Arslan. This defeat resulted in the emperor being not only imprisoned by the Turks but also stripped of his throne. The opposing faction in Constantinople exploited the situation to proclaim Michael VII Ducas as emperor and compelled his mother Eudocia, the empress and wife of Romanus IV, to enter a monastery. Following the signing of the agreement with the Turks, Romanus IV was released from captivity. Subsequently, a struggle for the imperial throne ensued, resulting in Romanus’s defeat at the hands of the Ducas. In contravention of the agreement with the former emperor, John Ducas, the new emperor’s uncle, cruelly blinded Romanus Diogenes in 1072. He succumbed to his injuries, which had become infected due to the lack of medical treatment. Michael Attaleiates provides a particularly detailed and vivid account of these events. He asserts that Romanus was a pitiable and pathetic sight that evoked an uncontrollable emotional response in all who beheld it. The emperor’s misfortunes were the consequence of actions undertaken with the intention of benefiting the ‘Romans’ (*Rhomaioi*). The historian provides a detailed account of the former emperor’s condition, describing him as a rotting corpse with gouged-out eyes and a swollen head and face. As a result of the infection, maggots were observed to be dropping off his body. Romanus died a few days later in excruciating pain. The surrounding area was permeated by

a foul odour. In his account, Attaleiates makes the following observation: “Romanus left to posterity a record of sufferings exceeding those of Job, but the most amazing and at the same time noble thing for which he is remembered is that throughout all these enormous trials and unparalleled evils he never uttered a blasphemous or petty word but always gave thanks and asked to spend more time in misfortune simply in order, as he put it, to be able to please his Maker by traversing the path of self-denial in an even more challenging way” [36, pp. 324-325]. Romanus IV Diogenes, in opposition to the initial persecutors of the Christians who perished in gruesome circumstances as a consequence of an illness-induced infection, meets his demise in a manner alike righteous Job. The emperor’s infected wound served to illustrate the ungratefulness of the Byzantines towards their emperor, who had endeavoured to provide them with protection and security.

Similarly, John Skylitzes or his successor makes reference to the final days of Romanus Diogenes, concluding his portrayal with the following words: “In the course of such great and towering evils, not a single blasphemous or unseemly word did he utter, but he continued to give thanks and readily bear that had befallen him” [7, p. 133].

The concise portrayal of the hardships emperor Romanus IV Diogenes had to endure at the end of his life in the writings of Attaleiates and Skylitzes’s successor offers a markedly distinct application of the illnesses motif. Thus it was necessary to differentiate this example from the preceding ones. The illness and subsequent death of Diogenes were employed as a means of apostrophising and underscoring the positive attributes of this emperor in relation to his opponents, particularly the *genos* of the Ducas.

Conclusion

The Byzantine historians made use of a highly sophisticated rhetorical and literary apparatus in their narrative style. They exercised great care while composing their characters, structuring their narratives around the reigns of the emperors, which were always in the focus of their attention. The rulers were subjected to criticism, either overt or covert, through a variety of means. This included disapproval of

the officials they appointed, the use of literary motifs and condemnation of certain imperial acts and moves. In this manner, the motif of diseases was employed to indicate the moral decline and decadence of the society in which they lived. The Byzantine emperors or other prominent political figures were susceptible to illnesses perceived as a divine retribution. Such diseases were regarded as a just punishment for the wrongdoings and the sins of the afflicted individuals. Furthermore, the described conditions were not only perceived as the transgressions of the characters in question but also as collective faults of the 'Romans' (*Rhomaioi*).

This propensity to critique imperial politics through the utilisation of the aforementioned motif can be discerned from the earliest centuries of Byzantine historiography, extending to the 15th century. It is evident that the forms in which this tendency manifested itself varied considerably depending on the authors in question, their personal views, their education and literary skills, as well as their intentions and the audience to which the author was addressing. In order to ensure the veracity of their accounts, the Byzantine historians did not fabricate the ailments of their characters, which can be substantiated by other sources. Furthermore, although only two examples have been identified thus far, the motif of diseases was also exploited to illustrate the afflictions of the virtuous. As a result, it is pertinent to enquire whether there were any characters depicted as entirely healthy whose condition was utilised to suggest the contrary, namely that the Empire was in a state of stability and prosperity. As our research has shown, this answer can only be given in the case of Psellus's *Chronographia* for emperors Basil II, Constantine X Ducas and Michael VII Ducas. However, it would be reasonable to conclude that this issue remains open to further analysis.

NOTES

¹ This paper was presented at the Nikos Oikonomides seminar organised by the National and Kapodistrian University of Athens, Department for Byzantine Studies and National Hellenic Research Foundation, Institute for Mediaeval Studies, Department of Byzantine Studies, in May 2023. For an overview on the topic, see also [35]. The scientific editing is realised by Yury Vin.

² Although we are well aware that there is a numerous bibliography for each of the historians that will be presented, we shall refer to those titles that give a general overview of Byzantine historiography.

³ Eusebius's *Vita Constantini* can be considered a historical work written to describe the era of Constantine I [90, pp. 41-46; 17, pp. 27-34].

⁴ For a general overview of Constantine I's reign see [68].

⁵ The illness of Constantine I, followed by his miraculous healing after his baptism by the pope Silvester, is described in detail in the chronicle of John Zonaras (Zonaras. History. Book XIII; for English translation see [27, pp. 150-151]).

⁶ About Socrates see: [38, pp. 114-142; 90, pp. 134-145; 93].

⁷ About Procopius of Caesarea see: [28, pp. 291-299; 38, pp. 369-419; 90, pp. 176-226; 8].

⁸ About Agathias see: [28, pp. 303-308; 38, pp. 432-448; 90, pp. 279-290].

⁹ Evagrius describes the plague as well ([16, pp. 229-232]; about Evagrius see also: [38, pp. 232-249; 90, pp. 299-307; 9]).

¹⁰ About the monophysites see: [19].

¹¹ About John of Ephesus see: [28, S. 312; 38, pp. 472-474; 90, pp. 308-310].

¹² It has been established that the severe urological problems can cause psychiatric disorders, even schizophrenia [58; 23]. However, some authors do not bring the mental illness of Justin II and his urological problems into connection [75, pp. 270-271]. With the aim of establishing the interconnection between the two maladies of emperor Justin II, a more thorough study must be conducted.

¹³ For the Byzantine-Persian wars and the narrative sources describing the developments under the reign of Justin II see: [85, pp. 135-150].

¹⁴ About Theophylact Simocatta see: [28, S. 313-319; 38, pp. 475-510; 90, pp. 329-339; 60, pp. 47-51].

¹⁵ About patriarch Nicephorus I see: [39, pp. 61-88; 91, pp. 26-30; 60, pp. 72-77].

¹⁶ About Theophanes see: [28, S. 334-339; 39, pp. 117-188; 91, pp. 38-77; 60, pp. 61-71].

¹⁷ About Michael Psellus see: [28, pp. 372-382; 40, pp. 59-186; 91, pp. 271-308; 60, pp. 137-146].

¹⁸ For the illness of Constantine VIII see: [74, pp. 407-409].

¹⁹ The epilepsy of Michael IV is also corroborated by the statements of Michael Attaleiates [36, pp. 12-14].

²⁰ About Nicephorus Bryennius see: [69, pp. 330-331].

²¹ About Michael Attaleiates see: [28, pp. 382-389; 40, pp. 187-238; 91, pp. 312-328; 60, pp. 150-154].

²² About logothetes (logothete) Nicephorus (Nicephoritzes) see: [70, p. 1475].

²³ On the diseases in question see: [53; 31; 33; 44; 46; 49; 80].

²⁴ About Anna Comnene and her work see just basic literature [28, pp. 400-409; 40, pp. 397-464; 91, pp. 354-386; 60, pp. 174-185].

²⁵ It is a familiar fact that Anna strived to usurp the throne after her father's death. Having no success in this endeavour, she tried to present her brother and her nephew, emperor Manuel I Comnenus, in a very bad manner in her historical work [51].

²⁶ About Nicetas Choniates see: [28, pp. 429-441; 40, pp. 699-788; 91, pp. 422-456; 86; 60, pp. 219-225].

²⁷ Emperor Isaac II Angelus is consistently portrayed as incompetent, slothful, greedy and vain [86, p. 170].

²⁸ The other attack of illness occurred during the rebellion of Manuel Kamytzes and his son-in-law Chrysos and the rebellion of John Spyridonakes in 1201 ([64, pp. 533-534; for English translation see 13, p. 293]).

²⁹ About George Acropolites see [28, pp. 442-447; 41, pp. 32-59; 60, pp. 226-231].

³⁰ It should not be excluded that the emperors John III Vatatzes and Theodore II Lascaris suffered from a heart disease, which could have caused the epileptic seizures. This is explained in the *History of George Pachymeres* ([21, p. 23]; about him see n. 32; on epilepsy see also [81, pp. 121-123]).

³¹ About Theodore Skoutariotes see: [41, pp. 430-435; 60, p. 232-236].

³² About George Pachymeres see: [28, pp. 447-453; 41, pp. 60-98; 60, pp. 237-242].

³³ About Nicephorus Gregoras and his work see [28, pp. 453-465; 41, pp. 137-186; 60, pp. 243-248].

³⁴ Nicephorus Gregoras presents us with an emotional portrayal of the last hours of Theodore II's life, writing that the emperor died in tears, seeking repentance. On the display of emotions in Byzantine literature see [24; 25].

³⁵ For the chronology of Palamas's death see: [66, p. 161, n. 96; 5, pp. 151-152; 84].

³⁶ For the depiction of Gregory Palamas in the historical work of Gregoras see: [72].

³⁷ On the portrayals of John VI Cantacuzenus and John V Palaeologus in Ducas's history see: [20].

³⁸ I would hereby like to express my warmest gratitude to my colleague, Dr. Jovana Šijaković, for pointing out this aspect of the employment of diseases as a literary motif.

REFERENCES

1. Keydell R., Hrsg. *Agathiae Myrinaei Historiarum Libri Quinque*. Berolini, De Gruyter, 1967. xl, 232 S.

2. Frendo J.D., ed. *Agathias: The Histories*. Berlin, New York, De Gruyter, 1975. xiv, 170 p.

3. Anna Comnena. *The Alexiad*. London, Penguin Books, 2003. 560 p.

4. Reinsch D.R., Kambylis A., et al., eds. *Annae Comnenae Alexias. In 2 vol. Vol. 1*. Berlin, New York, De Gruyter, 2001. viii, 58, 506 p.

5. Beyer H.-V. Eine Chronologie der Lebensgeschichte des Nikephoros Gregoras. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 1978, Bd. 27, S. 127-155.

6. Bouras-Vallianatos P. A New Witness to Michael Psellos' Poem "On Medicine" ("De medicina"). *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 2015, Bd. 65, pp. 9-12.

7. McGeer E., Nesbitt J.W., eds. *Byzantium in the Time of Troubles. The Continuation of the Chronicle of John Skylitzes (1057-1079)*. Leiden, Boston, Brill, 2020. xvi, 216 p.

8. Cameron A. *Procopius and the Sixth Century*. London, New York, Routledge, 2005. xiv, 297 p.

9. Casiday A.M. *Evagrius Ponticus*. London, New York, Routledge, 2006. xii, 252 p.

10. Charanis P. The Aristocracy of Byzantium in the Thirteenth Century. Coleman-Norton P.R. et al., eds. *Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A.C. Johnson*. Princeton, Princeton Univ. Pr., 1951, pp. 336-355.

11. Turtledove H., ed. *The Chronicle of Theophanes. Anni mundi 6095-6305 (A.D. 602-813)*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Pr., 1982. xxiv, 204 p.

12. Sewter E.R.A., Hussey J.M., eds. *The Chronographia of Michael Psellus*. London, Routledge & Kegan Paul, 1953. viii, 320 p.

13. Magoulias H.J., ed. *O City of Byzantium, Annals of Niketas Choniates*. Detroit, Wayne State Univ. Pr., 1984. xxxiv, 442 p.

14. Cook P. Lactantius on the Death of Galerius: A Re-Reading of De Mortibus Persecutorum 33. *Vigiliae Christianae*, 2019, vol. 73, no. 4, pp. 385-403.

15. Grecu B., ed. *Doucas. Istoria turco-bizantină (1341-1462)*. București, Ed. Acad. R.P.R., 1958. 503 p.

16. Whitby M., ed. *The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus*. Liverpool, Liverpool Univ. Pr., 2000. lxiii, 390 p.

17. Eusebius. *Life of Constantine*. Oxford, Clarendon Press, 1999. XVII, 395 p.

18. Winkelmann F., Hrsg. *Eusebius. Vita Constantini*. Berlin, Akademie-Verlag, 1975. lxx, 266 S. (Die griechischen christlichen Schriftsteller, Eusebius, Werke, 1/1).

19. Friend W.H.C. *The Rise of the Monophysite Movement. Chapters in the History of the Church in*

the Fifth and Sixth Centuries. Cambridge, James Clark & Co, 2008. xviii, 406 p.

20. Gašić D. Portreti vizantijskih tsareva XIV veka. Jovan V Paleolog i Jovan VI Kantakuzin – literarni antipodi Dukine istorije [Portraits of the Byzantine Emperors in the Fourteenth Century. John V Palaeologus and John VI Cantacuzenus – Literary Antipodes in Ducas' History]. *Zbornik Matitse srpske za istoriju* [The Collection of Matica Srpska for History], 2018, vol. 97, no. 1, pp. 9-27.

21. Failler A., éd. *Georges Pachymérès. Relations historiques. In 4 Vols. Vol. 1*. Paris, La soc. d'éd. "Les belles lettres", 1984. xxxvi, 326 p.

22. Heisenberg A., Wirth P., eds. *Georgii Acropolitae Opera. In 2. Bd. Bd. 1*. Stuttgartiae, B.G. Teubneri, 1978. xxviii, 366 S.

23. Graham K.L., Carson C.M., Ezeoke A., Buckley P.F., Miller B.J. Urinary Tract Infections in Acute Psychosis. *Journal Clinical Psychiatry*, 2014, vol. 75, no. 4, pp. 379-385.

24. Hinterberger M. Emotions in Byzantium. James L., ed. *A Companion to Byzantium*. Chichester, U.K., Wiley-Blackwell Publ. Ltd, 2010, pp. 123-134.

25. Hinterberger M. Tränen in der byzantinsichen Literatur. Ein Beitrag zur Geschichte der Emotionen. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 2006, Bd. 56, S. 27-51.

26. Whitby Mich., Whitby M. *The History of Theophylact Simocatta*. Oxford, New York, Clarendon Pr., Oxford Univ. Pr., p. 1986. xxx, 258 p.

27. Banchich T.M., Lane E.N., eds. *The History of Zonaras. From Alexander Severus to the death of Theodosius the Great*. London, New York, Routledge, 2009. x, 317 p.

28. Hunger H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. In 2. Bd. Bd. 1*. München, Verl. C. H. Beck, 1978. xxvi, 542 S.

29. Schopen L., ed. *Ioannis Cantacuzeni, eximperatoris historiarum libri IV. In 3 Vols. Vol. 2*. Bonnae, ed. Weberi, 1831. viii, 615 p.

30. Thurn I., ed. *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. Berlin, New York, De Gruyter, 1973. lvi, 580 p.

31. Jeanselme E. La goutte à Byzance. *Bulletin de la Société française d'histoire de la médecine*, 1920, vol. 14, pp. 137-164.

32. Jeanselme E. La pleurésie du basileus Isaac Comnène (1059), d'après le récit de Psellos. *Bulletin de la Société française d'histoire de la médecine*, 1924, vol. 18, pp. 89-97.

33. Jeanselme E. L'épilepsie sur le trône de Byzance. *Bulletin de la Société française d'histoire de la médecine*, 1924, vol. 18, pp. 225-274.

34. Jouanno C. Le corps du prince dans la Chronographie de Michel Psellos, *Kentron, Revue pluridisciplinaire du monde antique*, 2003, vol. 19, pp. 205-221.

35. Józsa L. Beteg uralkodók Bizánc trónján [Ill-Conditioned Rules on the Throne of Byzantium]. *Orvostörténeti közlemények / Communicationes de historia artis medicinae*, 2003, vol. 48, no. 1-4 (182-185), pp. 35-56.

36. Kaldellis A., Krallis D., eds. *The History of Michael Attaleiates*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Pr., 2012. xx, 636 p.

37. Kaldellis A. *The Argument of Psellos' Chronographia*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 1999. ix, 223 p.

38. Karpozēlos A. *Byzantinoi historikoi kai chronographoi. In 4 vol. Vol. 1, 4th – 7th c.* [Byzantine Historians and Chronographers. In 4 Vol. Vol. 1, 4th – 7th c.]. Athens, Ekd. Kanakē, 1997. 642 p.

39. Karpozēlos A. *Byzantinoi historikoi kai chronographoi. In 4 Vols. Vol. 2, 8th – 10th c.* [Byzantine Historians and Chronographers. In 4 Vols. Vol. 2, 8th – 10th c.]. Athens, Ekd. Kanakē, 2002. 656 p.

40. Karpozēlos A. *Byzantinoi historikoi kai chronographoi. In 4 Vols. Vol. 3, 11th – 12th c.* [Byzantine Historians and Chronographers. In 4 Vols. Vol. 3, 11th – 12th c.]. Athens, Ekd. Kanakē, 2009. 832 p.

41. Karpozēlos A. *Byzantinoi historikoi kai chronographoi. In 4 Vols. Vol. 4, 13th – 15th c.* [Byzantine Historians and Chronographers. In 4 Vols. Vol. 4, 13th – 15th c.]. Athens, Ekd. Kanakē, 2015. 640 p.

42. Kazhdan A.P., Epstein A.W. *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries*. Berkeley, Los Angeles, London, Univer. of California Pr., 1990. xxii, 287 p.

43. Creed J.L., ed. *Lactantius, De mortibus persecutorum*. New York, Oxford, Clarendon Pr., Oxford Univ. Pr., 1984. xlvi, 148 p.

44. Lascaratos J. "Arthritis" in Byzantium (AD 324–1453): Unknown Information from Non-Medical Literary Sources. *Annals of the Rheumatic Diseases*, 1995, vol. 54, no. 12, pp. 951-957.

45. Lascaratos J., Poulakou-Rembelakou E., Rempelakos A., Marketos S. The First Case of Epispadias: An Unknown Disease of the Byzantine Emperor Heraclius (610–641 AD). *British Journal Urology*, 1995, vol. 76, pp. 380-383.

46. Lascaratos J., Zis P.V. The Epilepsy of the Emperor Michael IV Paphlagon (1034–1041 A. D.): Accounts of Byzantine Historians and Physicians. *Epilepsia*, 2000, vol. 41, iss. 7, pp. 913-917.

47. Lascaratos J., Zis P.V. The Epilepsy of the Emperor Theodore II Laskaris (1254–1258). *Journal of Epilepsy*, 1998, vol. 11, no. 6, pp. 296-300.

48. Lauritzen F. *The Depiction of Character in the Chronographia of Michael Psellos. Studies in Byzantine History and Civilization*. Turnhout, Brepols Publ., 2013. x, 260 p.

49. Leven K.-H. Die "unheilige" Krankheit – epilepsia, Mondsucht und Besessenheit in Byzanz. *Würzburger medizinhistorische Mitteilungen*, 1995, Bd. 13, S. 17-57.
50. Ljubarskij J.N. Man in Byzantine Historiography from John Malalas to Michael Psellos. *Dumbarton Oaks Papers*. Washington, DO, 1992, vol. 46, pp. 177-186.
51. Magdalino P. The Pen of the Aunt: Echoes of the Mid-Twelfth Century in the Alexiad. Gouma-Peterson T., ed. *Anna Komnene and Her Times*. New York, Routledge, 2000, pp. 15-44.
52. Magoulias H.J. *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks by Doukas: An Annotated Translation of "Historia Turco-Byzantina"*. Detroit, Wayne State Univ. Pr., 1975. 347 p.
53. Makris G. Zur Epilepsie in Byzanz. *Byzantinische Zeitschrift*, 2009, Bd. 88, Tl. 2, S. 363-404.
54. Mešanović S. Govor tela u Pselovoj "Hronographiji" [Body Language in the "Chronography" of Psellus]. Maksimović Lj., Radošević N., Radulović E., eds. *Treća jugoslovenska konferencija vizantologa* [The Third Yugoslav Conference of Byzantine Studies]. Beograd, Kruševac, Vizantološki institut SANU, Narodni muzej, 2002, pp. 299-306.
55. Reinsch D.R., ed. *Michaelis Pselli Chronographia. In 2 Vol. Vol. 1*. Berlin, New York, De Gruyter, 2014. xlix, 540 p.
56. Westernik L.G., Hrsg. *Michaelis Pselli Poemata*. Stuttgart, Leipzig, Teubner, 1992. xlv, 550 S.
57. Michael Psellos. De medicina. Boissonade J.F., ed. *Anecdota Graeca. In 5 Vols. Vol. 1*. Parisiis, in Regio typographeo, 1829, pp. 175-232.
58. Miller B.J., Graham K.L., Bodenheimer C.M., Culpepper N.H., Waller J.L., Buckley P.F. A Prevalence Study of Urinary Tract Infections in Acute Relapse of Schizophrenia. *Journal Clinical Psychiatry*, 2013, vol. 74, no. 3, pp. 271-277.
59. Talbot A.-M., Johnson S.F., eds. *Miracle Tales from Byzantium*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Pr., 2012. xxiv, 448 p.
60. Neville L. *Guide to Byzantine Historical Writing*. Cambridge, Cambridge Univ. Pr., 2018. x, 322 p.
61. Schopen L., ed. *Nicephori Gregorae Byzantina Historia. In 3 Vols. Vol. 1*. Bonnae, ed. Weberi, 1829. cii, 568 p.
62. Schopen L., ed. *Nicephori Gregorae Byzantina Historia. In 3 Vols. Vol. 2*. Bonnae, ed. Weberi, 1830. 569-1385, 816 p.
63. Schopen L., ed. *Nicephori Gregorae Byzantina Historia. In 3 Vols. Vol. 3*. Bonnae, ed. Weberi, 1855. viii, 587 p.
64. Dieten I.L., van, ed. *Nicetae Choniatae Historia. In 2 Pts. Pt. 1*. Berlin, New York, De Gruyter, 1975. cxix, 656 p.
65. Nicol D.M. Byzantine Political Thought. Burns J.H., ed. *The Cambridge History of Medieval Political Thought, c. 350 – c. 1450*. Cambridge, Cambridge Univ. Pr., 2008, pp. 49-80.
66. Dieten J.L., van, Hrsg. *Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte / Historia Rhomaike. In 6 Tl. Tl. 6. (Kapitel XXX–XXXVII)*. Stuttgart, Anton Hiersemann, 2007. x, 215 S.
67. Mango C., ed. *Nikephoros Patriarch of Constantinople Short History. Breviarum Historicum*. Washington, D.C., Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard Univ. Research Library and Collection, 1990. xiv, 247 p.
68. Odahl Ch.M. *Constantine and the Christian Empire*. London, New York, Routledge, 2004. xviii, 400 p.
69. Kazhdan A.P. et al., eds. *Oxford Dictionary of Byzantium. In 3 Vols. Vol. 1*. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. liv, 728 p.
70. Kazhdan A.P. et al., eds. *The Oxford Dictionary of Byzantium. In 3 Vols. Vol. 3*. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. xxxiii, 1475-2232 p.
71. Pantić M. Bolesti vizantijskih tsareva [Byzantine Emperors' Diseases]. *NOEMA, časopis za društvenu i humanističku misao* [NOEMA. The Journal for Social and Human Thought], 2018, vol. 6, pp. 81-110.
72. Pavlović B. Grigoriye Palama u Romejskoj istoriji Nićifora Grigore: teološki disput i stvaranje lične istorije [Gregory Palamas in the Roman History of Nikephorus Gregoras: Theological Dispute and the Creation of Personal History]. Knežević M., Kisić R., Krcunović D., eds. *Philosophos – Philotheos – Philoponos. Studies and Essays as Charisteria in Honor of Professor Bogoljub Šijaković on the Occasion of His 65th Birthday*, Belgrade/Podgoritsa, Gnomon – Centre for the Humanities/Matitsa srpska – Društvo članova u Crnoj Gori, 2021, pp. 343-362.
73. Pavlović B.D. Some Remarks on the Divergences in the Narrative of George Akropolites and Theodore Skoutariotes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 150-172. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.13>
74. Poulakou-Rebelakou E., Kalantzis G., Tsiamis C., Ploumpidis D. Dementia on the Byzantine Throne (AD 330–1453). *Geriatrics & Gerontology International*, 2012, vol. 12, no. 3, pp. 405-412.
75. Poulakou-Rebelakou E., Karamanou M., Androutsos G. Urological Diseases of Byzantine

Emperors (330–1453). *Urology. Intern. Society of Urology*, Ridgewood, N. J., 2011, vol. 77, no. 2, pp. 269-273.

76. Procopius. *Historia quae dicitur arcana*. Haury J., Wirth G., Hrsg. *Procopii Caesariensis Opera Omnia*. In 4 Bd. Bd. 3. Monachii, Lipsiae, K.G. Saur Verl., 2001. xxxiii, 221 S. (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).

77. Greatrex J., ed. *Procopius of Caesarea, The Persian Wars*. Cambridge, Cambridge University Press, 2022. 251 p.

78. Kaldellis A., ed. *Prokopios. The Secret History with Related Texts*. Cambridge, Indianapolis, Hackett Pub. Co., 2010. lxxix, 195 p.

79. Procopius. *Works. In 6 Vols. Vol. 1. History of the Wars, Books I and II*. London, William Heinemann, New York, The Macmillan Co., 1914. xvi, 583 p.

80. Radić R. Kostobolja u istorijskim delima Mihaila Psela i Ane Komnine [The Podagra in Historical Works of Michael Psell and Anna Comnena]. *Časopis za književnost, umetnost i kulturu* [Journal of Literature, Science and Culture], 2003, vol. 3, pp. 140-151.

81. Radić R. *Strah u poznoj Vizantiji (1180–1453)*. In 2 Vols. Vol. 1 [The Fear in Late Byzantium. In 2 Vols. Vol. 1]. Beograd, Stubovi kulture, 2000, p. 286.

82. Repajić M. Bolesti careva u Hronografiji Mihaila Psela [Emperors' Illnesses in the Chronographia of Michael Psellos]. Maksimović Lj., Krsmanović B., Radić R., eds. *Vizantijski svet na Balkanu. In 2 Vols. Vol. 2* [Byzantine World in the Balkans]. Beograd, Vizantološki institut SANU, 2012, pp. 333-348.

83. Repajić M., Žanr u funkciji ironije: Literarna osveta Mihaila Psela [The Genre in the Function of

Irony: Literary Revenge of Michael Psellos]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 2015, vol. 52, pp. 57-89.

84. Rigo A. Il canonizzazione di Gregorio Palama (1368) ed alcune altre questioni. *Rivista di studi bizantini e neoellenici*, 1993, vol. 30, pp. 155-201.

85. Greatrex G., Lieu S.N.C., eds. *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part II, AD 363–630. A Narrative Source Book*. London, New York, Routledge, 2002. xxxii, 373 p.

86. Simpson A. *Niketas Choniates: A Historiographical Study*. Oxford, Oxford Univ. Pr., 2013. xvi, 372 p.

87. Hansen G.C., Hrsg. *Sokrates Kirchengeschichte*. Berlin, Akademie Verl., 1995. lxii, 501 S.

88. Classenus I., ed. *Theophanis Chronographia. In 2 Vols. Vol. 1*. Bonnae, Ed. Weberi, 1839. liv, 786 p.

89. Smith R.P., transl. *The Third Part of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus*. Oxford, Oxford Univ. Pr., 1860. xlvi, 463, 1, 16 p.

90. Treadgold W. *The Early Byzantine Historians*. New York, Palgrave Macmillan, 2007. xvii, 431 p.

91. Treadgold W. *The Middle Byzantine Historians*. New York, Palgrave Macmillan, 2013. xvii, 546 p.

92. Treadgold W. The Unwritten Rules for Writing Byzantine History. Marjanović-Dušanić S., ed. *Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies: Plenary Papers*. Belgrade, the Serbian National Committee of AIEB, 2016, pp. 277-292.

93. Urbainczyk T. *Socrates of Constantinople, Historian of Church and State*. Ann Arbor, The Univ. of Michigan Pr., 1997. xi, 215 p.

Information About the Author

Bojana D. Pavlović, PhD, Doctor of Sciences (History), Research Assistant, Institute for Byzantine Studies of Serbian Academy of Sciences and Arts, Knyazya Mihaila St, 35, 11000 Belgrade, Republic of Serbia, bojana.pavlovic85@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4408-9110>

Информация об авторе

Божана Драган Павлович, PhD, доктор исторических наук, научный ассистент, Институт византийских исследований Сербской академии наук и искусств, ул. Князя Михаила, 35, 11000 г. Белград, Республика Сербия, bojana.pavlovic85@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4408-9110>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.14>

UDC 94“04/14”:930.2

LBC 63.3(0)4-9

Submitted: 15.06.2024

Accepted: 07.10.2024

THE CONCEPT “IMPROVEMENT” (“ΒΕΛΤΙΩΣΙΣ” – “ΒΕΛΤΙΩΜΑ”) OF BYZANTINE DOCUMENTS: THE PRELIMINARY SURVEY

Yury Ya. Vin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The most important sources for studying “improvements” throughout the Byzantine Middle Ages remain acts and documents. In them, ideas about “improvement,” no matter how they were expressed, were given a special, comprehensive significance. The terminological meaning of “improvements” in agriculture is predetermined by the cultivation of the soil and conscientious care of plantings. The main object of any improvements was clearly identified as the landlord’s estate and the farms of the landowners, which required additional costs. The economic component of “improvements” is also obvious in rental cases. The concept of “improvement” has become the main criterion in calculating the costs actually incurred by both parties and payments made, as well as the fulfillment of obligations assumed by tenants. The scope of the “improvements” made due to the construction and reconstruction of houses, especially in estates and urban estates, was quite significant. In many acts, the concept of “improvement” became one of the components of the instructions of the authorities, whether secular or spiritual, which concerned the way of life of various groups of Byzantine society. The standard, at first glance, formulaic clauses of acts acquired a special meaning when the settlement of private law problems, crossing the conventional boundaries of public administration, covered the sphere of public law. There are numerous examples when “improvements” directly concern churches, monasteries and other church buildings and institutions. Depending on the conditions described, the content of the notion “improvement” acquires additional connotations. They were determined by the influence of various factors, from fiscal and legal significance to moral and ethical assessments. Everything that has been said about the concept of “improvement” in its entirety testifies to the sociocultural significance of the ideas and concepts considered regardless of the lexical methods of their expression. Directly or indirectly, ideas about “improvement” permeated all layers of medieval Byzantine society. The study of this concept undoubtedly serves to reveal the essence of social and, more specifically, both local and communal relations among the medieval Byzantines, as well as to clarify the role of the spiritual principles in their everyday behavior. The article consists of an Introduction, a number of sections (General Views, Methods of Expression, Distribution, Pragmatics, Perception, Socio-cultural Significance), characterizing the specificities of perception and the socio-cultural significance of “improvements” in Byzantine society, and the Conclusion.

Key words: improvement/amelioration, arrangement, alms, prosperity, Byzantine concepts, notions, terms.

Citation. Vin Yu.Ya. The Concept “Improvement” (“βελτίωσις” – “βελτίωμα”) of Byzantine Documents: The Preliminary Survey. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 192-214. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.14>

УДК 94“04/14”:930.2

ББК 63.3(0)4-9

Дата поступления статьи: 15.06.2024

Дата принятия статьи: 07.10.2024

КОНЦЕПТ «УЛУЧШЕНИЕ» («ΒΕΛΤΙΩΣΙΣ» – «ΒΕΛΤΙΩΜΑ») ВИЗАНТИЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ

Юрий Яковлевич Вин

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Важнейшими источниками изучения «улучшений» на протяжении всего византийского Средневековья остаются акты и документы. В них представлениям об «улучшениях», каким бы образом они не были выражены, придавалась особая, всеобъемлющая значимость. Терминологическое значение «улучшений» в сельском хозяйстве предопределяло возделывание почвы и добросовестный уход за насажде-

ниями. В качестве главного объекта каких-либо улучшений вполне ясно определилось господское поместье и хозяйства земельных собственников, требующие дополнительных затрат. Экономическая составляющая «улучшений» очевидна также в случаях аренды. Понятие «улучшение» стало главным критерием при исчислении реально понесенных обеими сторонами издержек и сделанных выплат, равно исполнения принятых арендаторами обязательств. Размах производимых «улучшений», обусловленных строительством и перестройкой домов, особенно в поместье и городских усадьбах, бывал весьма существенен. Во многих актах концепт «улучшение» становится одним из компонентов предписаний властей, светских ли, или духовных, которые касались образа жизни различных групп византийского социума. Трафаретные, на первый взгляд, формулярные клаузулы актов получали особый смысл, когда урегулирование частнопроводимых проблем, переходя условные границы государственного администрирования, охватывало сферу публичного права. Известны многочисленные примеры, когда заботы и «улучшения» напрямую касаются храмов, монастырей и других церковных строений и учреждений. В зависимости от описываемых условий содержание понятия «улучшение» приобретает дополнительные коннотации. Их обуславливало влияние разнообразных факторов, начиная с фискально-юридической значимости и кончая морально-этическими оценками. Все сказанное о концепте «улучшение» в своей совокупности свидетельствует о социокультурной значимости рассмотренных в этой связи идей и понятий, независимо от лексических способов их выражения. Прямо или косвенно, представления об «улучшении» пронизывали все слои средневекового византийского социума. Изучение названного концепта, без сомнения, служит раскрытию существа социальных и, говоря конкретнее, как поместных, так и общинных отношений в среде средневековых византийцев, равно уяснению роли духовных начал их повседневного поведения. Статья состоит из Введения, ряда разделов (Общие представления, Способы выражения, Распространение, Прагматика, Восприятие, Социокультурная значимость), характеризующих особенности восприятия и социокультурную значимость «улучшений» в византийском обществе, и Заключения.

Ключевые слова: улучшение, устроение, подаяние, преуспевание, византийские понятия, концепты, термины.

Цитирование. Вин Ю. Я. Концепт «улучшение» («βελτίωσις» – «βελτίωμα») византийских документов: предварительные изыскания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 192–214. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.14>

*Светлой памяти
Николая Дмитриевича Барбанова*

Введение. В последние годы российское право и законодательство обогатило новое юридическое понятие «неотделимые улучшения» объекта соглашения, в первую очередь жилья и земельных участков (ГК РФ. Ст. 623; Федеральный закон. 20.07.2012, ред. 25.12.2023. № 125-ФЗ. Ст. 6; 28.06.2022. № 204-ФЗ. Ст. 6). В этом свете выглядит вполне логичным обращение к социокультурному содержанию отвечающего тому византийского аналога – концепта «улучшение».

Раскрывая содержание названного концепта, безусловно, следовало бы повторить многое, что было сказано о методологической значимости и социокультурной природе важнейших концептов средневековых византийцев. Их изучение позволяет достигать ясного понимания особенностей и способов изъяснения современниками изучаемой эпохи свойственных им общественных воззрений,

начиная от пространственно-временных постулатов и завершая экологическими и этическими взглядами. Об этом свидетельствует, в частности, изучение концепта «δουλεία» («служба», «работа» и т. п.) [2]. И если репрезентация концепта «улучшение» чем-нибудь отлична от концепта «служба» и многих других, равных тому по их социокультурной значимости понятий и представлений византийцев, то прежде всего минимальной изученностью современными учеными. Практически она сводится к довольно редким, а главное – разрозненным, за некоторыми исключениями, отсылкам отдельных ведущих византинистов на понятие «улучшение» (improvement, amelioration), которое в их научных трудах далеко не всегда бывает прямо соотнесено с его греческими прототипами¹. Они, надо признать, позволяют А.Е. Лаиу и ее коллегам оценивать социальную активность и способы хозяйствования византийцев на основе понятийно-терминологического анализа, имеются в виду прежде всего сведения

о том или ином «улучшении» («βελτίωσις») [39, p. 352–353 etc.; 42, p. 23, 25–26, 29–30]. Говоря о наблюдаемом в Византии XI–XII вв. экономическом росте сельскохозяйственного производства, а также экономических переменах последующих столетий, названная византистка соотносит «улучшения» с проблемой как эффективной эксплуатации и продуктивности культивируемой земли, так и технологических средств производства, в первую очередь мельниц. В предпринимаемых владельцами поместьев и крестьянами «улучшениях» специалистка усматривает образчик экономического поведения византийцев, что само по себе неоспоримо, и вкладываемые в сельскохозяйственное производство инвестиции [41, p. 104–105, 106–107, esp. p. 108–109 etc., 114, 175–176 etc.; 40, p. 458–462].

Соответствующую тому идею на самом деле выражали два греческих понятия с семантикой «улучшение» (βελτίωσις – βελτίωμα). Их можно отыскать в законодательных памятниках, в частности, «Василиках» (В.А.LVI.14.001.07; В.А.LVI.14.009) и Схольях к ним (В.В.XII.02.006.P.002; В.В.XXVIII.08.007.F;Pa.063), а также ряде других правовых сборниках и компиляциях, таких как «Типукейтос» судьи Пациса (PT.XX.02.002; PT.XLIV.27.003), «Синописисы Василик» (SB.Alpha.20.001; SB.Epsilon.21.002; SB.Epsilon.40.003; SBM.Epsilon.012; SBM.Ksi.001; SBM.Omikron.002; SBM.Chi.022; PA.08.111), «Эклога Василик» (EB.Schol.II.02.076), «Прохирон ауктум» (PA.08.132), «Шестикнижие» Константина Арменопула (АНВ.I.13.020; АНВ.II.01.009; АНВ.II.01.035; АНВ.II.10.005; АНВ.Schol.IV.10.001), где могут быть отмечены оба указанных понятия.

Однако важнейшими источниками изучения «улучшений» на протяжении всего византийского Средневековья остаются акты и документы. Поэтому вместо обширного историографического предисловия уместно перейти к изложению фактических материалов и наблюдениям над особенностями названного концепта. Он отображал в представлениях византийцев не только практическую деятельность в сфере сельского хозяйства, в особенности земледелия, но и мотивацию необходимости уже упоминавшихся так называемых улучшений. И в аргументации

указанных посылок состоит, пожалуй, главная задача настоящего исследования, которое является предварительной ступенью изучения поставленной проблемы.

Общие представления. На первый взгляд, прекрасным подтверждением положениям об «улучшениях», высказанным в современной византистике, мог бы служить «Типик» Григория Пакуриана, который известен также как «Устав Петрицонского монастыря», то есть монастыря Св. Богородицы Петрицитисы (конец XI в.)². В обширном перечне перечисленных в составе этого «Типика» актов, в том числе жалованных монастырю и его привилегированному учредителю, Григорию Пакуриану, грамот, удостоверяющих права монастыря на его владения, выделяется упоминание «хрисовула об улучшениях в моих имениях, строительстве крепостей, и хорионов, и монастырей» (Χρυσοβούλλιον περὶ τῶν ἐν τοῖς κτήμασί μου βελτιώσεων, οἰκοδομῆς κάστρων, χωρίων τε καὶ μοναστηρίων), который пожаловал своему военачальнику Алексей I Комнин [57, p. 248.27–28]³.

Вместе с тем, без какого-либо сомнения, представлениям об «улучшениях», каким бы образом они не были выражены, придавалась особая, всеобъемлющая значимость. Она проявляется в наставлениях Христула братии Патмоского монастыря, противопоставившего в 1091 г. «духовное улучшение» и «телесную автаркию» («ψυχικῆς βελτιώσεως καὶ σωματικῆς αὐταρκείας») [12, p. 71–72]. Тот же мотив, несомненно, присущ раскрытию идеи достижения «лучшего» в преамбуле хрисовула 1324 г. Андроника II Палеолога. Здесь воспроизводится образ легендарного Давида, царя Израиля, как «в особенности преуспевшего в лучшем предка» («μάλιστα γὰρ τοῦ βελτίστου προφθάνον») [23, № 62.1–4 etc.]. Эта пафосная характеристика, думается, оправдывает нарушение хронологического порядка изложения. Она не лишена своеобразного прагматизма, с которым средневековые византийцы описывали проделанные ими улучшения, включая процитированный хрисовул. Впрочем, в качестве очевидного доказательства превосходного владения «высоким штилем» среди составителей риторических введений императорских грамот вполне может служить и вагопедский хрисовул 1301 г. названного василевса. Пре-

амбулу этого акта завершает не вызывающий никакой двусмысленности метафоричный призыв к святогорским насельникам преуспевать «в полезном увеличении и улучшении» («εἰς αὐξήν προχωροῦντα χρηστὴν καὶ βελτίωσιν») ([23, № 31.20–23 etc.]; также см.: [23, Append. III.12–13 etc.]).

В свою очередь о прагматичном понимании современниками афонского прота Никифора «улучшений» свидетельствует его назидание в акте 1018 г., составленном по случаю утверждения Ватопедского монастыря во владении обителю Просфорион [23, № 5]. На общеафонском совете прот наставлял святогорцев блюсти нерушимо проделанные «все улучшения и обновления» (βελτιώσεις καὶ καινοτομίας ἀπάσας), как и получаемые от них доходы, без нарушения законов и божественных канонов [23, № 5.39–40 etc.]. Подобный лейтмотив звучит также столетия спустя в некоторых арендных договорах. Заключавшие их арендаторы принимали на себя обязательство «выпасть из улучшения (τῆς βελτιώσεως ἐκπέσῃ) по распоряжению (διαταγήν) божественного закона» [23, № 59.18–20; 24, № 84.21–22 etc.].

Несмотря на весь прагматизм византийцев, он даже в последний период существования страны явно уступал велеречивым распоряжениям хрисовула Андроника II Палеолога. Тогда, в 1294 г., государь озаботился восстановлением афонского монастыря Каракаллы, которому василевс возвращал утраченные прежде имения и имущества [49, № 1]. Указывая на то, что монастырские владения оставались доселе в небрежении, Андроник II в соответствии с принятой в ту пору фабулой документа предписывает монахам проявить «такое рвение» в «восстановлении (исправлении), и улучшении и устройении» изъятых «имений» («ἀνόρθωσιν καὶ βελτίωσιν ταύτης σπουδᾶς καὶ σύστασιν» – sic!) [49, № 1.21–23]. Ведь василевсу была ясна цель его предписаний – «самое лучшее и выгодное (τὰ βέλτιστα λυσιτελεῖ τε) царственности моей» [49, № 1.20–51].

Способы выражения. Многие, в особенности поздневизантийские, акты были буквально испещрены упоминаниями, сделанными в той или иной лексической форме, даже если они представлены элементами формуляра, о производимых здесь и там во

владениях и хозяйствах их «улучшениях» (например, см.: [23, № 3.14–15, 29–30, 35–36; № 35.9; 24, № 84.21–23; № 86.14–15 etc., 18–20; № 87.16 etc.; № 89.16 etc.; 25, № 162.6; № 163.39–40; № 180.4, 26–27; № 184.5, 6–7]). Они не пресекались на протяжении столетий, становясь предметом государственного регулирования, которое удастся проследить, по крайней мере, с периода правления императоров Македонской династии вплоть до поздневизантийского времени ([55, № 9. Vers. I, p. 170.27–30 etc.; Vers. II, p. 171.15–17 etc.; № 14. Vers. I, p. 204. 74–77; Vers. II, p. 205.85–89]; также см.: [38, p. 291, 311, 704–705]). Немалое число ссылок на «улучшения» касается не только наиболее крупных афонских монастырей, но и церковных учреждений других регионов как европейской (например, см.: [9, p. 238; 10, p. 304, 347, 378; 11, p. 91, 266, 272]), так и азиатской частей страны (например, см.: [10, p. 37 etc., 53, 56 etc., 97, 110, 285–286 etc.]), включая Патмосский монастырь (например, см.: [12, p. 186, 193, 194, 209, 223, 231–232, 240–241 etc.]; также см.: [35, № 75.18–19 etc.; parart., p. 242.12–13]). А сведения актов Константинопольского патриархата, охватывая практически весь спектр проблематики «улучшений», вполне могли бы стать основой для специального исследования⁴.

Во множестве актов представления византийцев о проделанных ими или предстоящих улучшениях выражены как посредством указанных понятий, так и глагольными формами в их сочетании с разнообразными соответствующими отглагольными производными, которые встречаются в неисчислимом количестве словоупотреблений, включая формулярные предписания⁵. Они в какой-то мере являются развитием идеи «улучшения», получившей отображение в известном «Трактате об обложении» ([36]; также см.: [48, p. 2017]). Обустройство хориона и его территории, как проистекает из текста названного трактата, было обусловлено перераспределением там производительных сил. А решение вызванных потребностями сельского хозяйства задач, судя по их описанию в трактате, у византийцев прямо ли, или косвенно ассоциировалось с представлениями о «развитии» и «результатирующих», как утверждает Ж. Лефор, «улучшениях» [43, p. 272]. Поэтому вовсе не случайно,

следует полагать, в трактате подразумеваются земледельцы, «возделывавшие и населившие» (καλλιεργήσαντας καὶ ἐκατοικήσαντας) хорион [36, р. 115.24–28 u. a.]. Их, вероятно, имеет в виду составитель трактата, когда сообщает о наблюдаемых переменах, говоря буквально: «улучшившие (βελτιώσαμενοι) место в агридии» [36, р. 115.30–33]. Несомненно, «подобным образом улучшившие (βελτιώσαμενοι) то, что они сделали», добивались подъема производительных сил на периферии села [36, р. 115.33–37]. Согласно описанию дальнейших преобразований хориона, какая-то часть его территории была изъята или отчуждена иным способом, и она, по словам составителя названного трактата, «таким образом была населена и улучшена (ἐνοικισθῆ καὶ βελτιωθῆ)» [36, р. 116.10–17 u. a.].

Что же касается актов, то прежде всего хотелось бы отметить те из них, где словесные изъявления об «улучшении» представлены лексическими сочетаниями в различных грамматических формах. По существу, тем самым поставлен вопрос об «улучшениях» в имениях представителей господствующего класса, которые отобразил хрисовул 1344 г. Иоанна V Палеолога. Он подтверждает неотъемлемые права монахини Ксении Султанины, вдовы Алексея Султана Палеолога, на доходы от пронии (икономии) покойного ее супруга. Тогда как фактическим их получателем являлся его сын, монахиня просила соблюдать владельческие права и в ее отношении [24, № 89]. При этом императорская грамота содержит экивок на собственнические права фессалоникийцев. Отображение их юрисдикции в актах, надо сказать, стало практически атрибутом их формуляра. В соответствии с ним, имея в виду рассматриваемый хрисовул, за родными детьми горожан признаны права распоряжения наследственными имениями по собственному усмотрению. И наряду с правом производить отчуждение собственности наследники обладали юридическими полномочиями «обустроить и улучшить ее» («συνιστᾶν καὶ βελτιοῦ αὐτήν»), а также допустимым и возможным образом «проделать превосходящее и лучшее» («τὸ κρεῖττον καὶ βέλτιον προάγειν»). Одновременно родным детям и наследникам разрешалось передавать как саму собственность, так и «совершенные

на ней улучшения» («τὰς ἐν αὐτῇ γενησομένας βελτιώσεις») [24, № 89.10–18].

Конечно, подобные формулярные предписания отнюдь не уникальны, встречаясь в целом ряде других актов указанного времени, регулирующих права не только владельцев проний, но и многих других собственников. Еще в практике 1342 г. «служитель» василевса Михаил Папулас Романос усердно дублировал и развивал приведенную фразеологию, предписывая землевладельцу, монастырю Каракаллы, «обустроить и улучшать» («συνιστᾶν καὶ βελτιοῦ») находившиеся под его опекой имения, чтобы «проделать превосходящее и лучшее» («τὸ κρεῖττον καὶ βέλτιον προάγειν») вместе с «совершенными на ней улучшениями и устройствами» («τῶν ἐπ' αὐτῇ γενησομένων βελτιώσεων τε καὶ συστημάτων») [49, № 4.4–6 etc., 44–47 etc.]. Помимо того схожие формулировки в несколько сокращенном виде содержит, скажем, филофейский хрисовул 1344 г. Иоанна V Палеолога стратопедарху Иоанну Хумну [21, № VIII.28–37 etc.] и даже обнародованный двумя годами позднее хрисовул Стефана Душана [21, № IX.94–98]. Сообразно тому хрисовул 1362 г. Андроника V Палеолога предоставляет Ватопедскому монастырю метох на Лемносе, согласно которому новое владение надлежит «обустроить и улучшить его» («συνιστᾶν καὶ βελτιοῦν αὐτὸ»), проделывая все это «к лучшему» («ἐπὶ τὸ κρεῖττον προάγειν») [24, № 117.20 etc.]. Очевидно, что подобные риторические формулы и их постоянные повторы, как характерная черта средневековой ментальности, получившая наглядное отображение в императорских актах и иных документах, к тому времени были столь приняты, что они воспроизводятся даже в фальсификациях грамот византийского правителя. Это доказывает, к примеру, подложный хрисовул Андроника V Палеолога, касающийся ватопедского метоха Просфорион [24, Append. IV.14–16]. Тому отвечает воспроизведение формулярных клише, представляющих выражение идеи «улучшения» не только посредством глагольных образований, но и самого названного понятия (βελτίωσις – βελτίωμα) в некоторых других средневековых фальсифицированных документах, допустим, Зографского монастыря (например, см.: [50, Fals. № 3.19–20; № 5.38–39 etc.; № 6.32–34 etc.]).

Распространение. Раскрывая фактические стороны «улучшений» в византийском социуме в целом, в первую очередь, несомненно, следует указать на соглашение 982 г., по которому жители Иериссо вернули Ивирскому монастырю, признанному собственником, находившийся в их распоряжении доселе земельный клин, несмотря на сделанные ими в этом самом месте «улучшения» [28, № 4.61–62]. В определенном смысле слова показательна продажа в 1001 г. земель монастыря Филадельфу, воздвигнутого в непосредственной близости к владениям Ватопедского монастыря, что служило причиной, судя по объяснению Иосифа, настоятеля обители Филадельфу, постоянных трений между братьями двух богоугодных прибежищ [23, № 3]. Уступая недвижимое свое монастыря, Иосиф указал прежде всего на землю, где был отстроен оплот божественной благодати, его виноградники и сады. А затем святой отец упомянул «улучшения», цена которых («τὴν δὲ τῆς βελτιώσεως τιμὴν») была уплачена продавцу [23, № 3.13–15]. Сделку подкрепляли последующие клаузулы составленного тогда акта. В нем Иосиф удостоверял размеры денежной суммы, выплаченной ему за «улучшение» виноградников. Далее настоятель уточнил, что речь идет о лесе, улучшениях, земле, виноградниках, садах и пахотных участках. Там производились, как остается предполагать, упоминаемые «улучшения» [23, № 3.29–31 etc., 35–37 etc.].

В последующие столетия ссылки на «улучшения» становятся систематическими. Правда, многие из них составляют неотъемлемый компонент формул предостережения от нарушения прав собственников, требующих возмещения за посягательство на чужие владения (например, см.: [28, № 20.39–40; № 21.28–29; № 26.29–30; 27, № 1.25–26]). Одна из таких «гарантий» предусматривала бдительность «улучшение» «неизбывно» (ἀνεπιλήθως) [22, № 2.47], а другая противопоставляла «улучшение» допущенному «опустошению» (κενοτομίας) имущества [22, № 4.31–32].

Сами по себе подобные формулярные предписания оказывались востребованы и в поздневизантийский период независимо от видов собственности, к которым прилагалось в случае нарушений обязательство компенсации произведенных «улучшений» (например,

см.: [18, № 85.17–19 etc.; № 86.17–19 etc.; № 87.20–22 etc.; 26, № 8.45–49 etc.; № 24.32–33 etc.; 50, Auth. № 58.6–8]). Так, акт отчуждения в 1373 г. супругой великого домостика Димитрия Палеолога Анной Кантакузиной ее имения Мариана (Амариана) Дохиарскому монастырю содержал клаузулу, предусматривающую выплату ему в случае нарушения достигнутого соглашения двойной компенсации всех расходов за произведенные тут «улучшение и обустройство» (ἐπὶ βελτιώσει καὶ συστάσει) [14, № 42.78–79 etc.]. Очевидно, все подобные отсылки изначально подразумевали «улучшение» «имущество» (τῶν... πραγμάτων) в самом общем понимании этого слова даже в случаях отсутствия прямых упоминаний их видов, ставших объектом сделки (например, см.: [23, № 34.11–12]).

Раскрывая характер концепта «улучшение», нельзя не признать того, что в течение столетий существования средневековой Византии в качестве главного объекта каких-либо улучшений вполне ясно определилось господское поместье, иначе говоря, «кtima», то есть «имение». В этом, наиболее обобщающем смысле названного понятия, показательный образчик его использования предлагает указ 1265 г. Михаила VIII Палеолога. Он, ссылаясь на принадлежащие Ватопедскому монастырю «имения», предписывает его насельникам во имя соблюдения ими монашеского образа жизни (политии) «как нужно для увеличения и улучшения восстанавливать все в ней» («ὡς δεῖ καὶ πρὸς αὐξήσιν καὶ βελτιώσιν ἀποκαθιστᾶν τὰ περὶ αὐτὴν ἅπαντα») [23, № 59.32–34]. С не меньшей выразительностью вырисовывается пример сопряжения понятий «имение» и «улучшения» в указе 1347 г. Иоанна VI Кантакузина [24, № 95]. Он, утверждая Ватопедский монастырь в управлении и опеке над столичной обителью Богоматери Психосотрии, предписывает афонским насельникам заботиться о названной обители. Ее преуспеяние призваны поддерживать духовное попечение, «гносис», высшее знание, и сила «подаяния» («τῆς ἐπιδόσεως»), благодаря которому имения и имущества константинопольского метоха надлежало привести «к лучшему в улучшении (πρὸς τὸ κρεῖττον βελτιώσεως)» [24, № 95.19–20]. Надо сказать, Иоанну Кантакузину следует в изложении идеи «улучшения»

патриарх Исидор, обнародовавший в 1347 г. свою грамоту [24, № 96]. В ней патриарх обращается к святогорцам с наставлением заботиться и опекать их метох. Исидор уповает не только на продвижение к лучшему и подаяние («τῆς ἐπὶ τὸ κρεῖττον προκοπῆς καὶ ἐλιδόσεως»), а еще, как говорится в патриаршей грамоте, на выполнение «улучшения и обустройства» («βελτιώσεως καὶ συστάσεως») «имений и имуществ» обители Богоматери Психосострии [24, № 96.22–23].

Равным образом уместно упомянуть и о передаче Ватопедскому монастырю «имений и вещей» фессалоникского монастырька Христа Спасителя по наименованию Кюркюру, что подтверждал в 1364 г. хрисовул Иоанна V Паллеолога [24, № 119]. Согласно тому василевс удовлетворил тем самым прошение Манассиса Тарханиота. Он, пребывая в фессалоникской обители в ожидании своей кончины, озаботился о том, чтобы после нее находившийся под его опекой монастырек перешел под надзор афонских монахов. Сообразно сделанному тогда распоряжению во имя заботы об их «духовной политике» и «времяпрепровождении» в монашеском уединении на них возлагалось попечение о «состоянии и улучшении, и подаянии для лучшего» («τῆς συστάσεως καὶ βελτιώσεως, ἐπὶ τὸ κρεῖττον ἐλιδόσεως») принадлежащих фессалоникскому монастырю, а стало быть Тарханиоту, «имений и вещей и остальных прав» («κτημάτων καὶ πραγμάτων καὶ λοιπῶν δικαίων») [24, № 119.12–18 etc.].

Говоря о существовании «улучшений», хотелось бы выделить акт 1085 г., освещающий поземельное урегулирование Ивирского монастыря с Феодулом, епископом Едзевы, согласно которому допускалась возможность притязаний на «улучшение» (βελτιότης ἐπιζητεῖν – sic!), касавшегося спорного виноградника [29, № 43.36–38]. В свою очередь акт продажи в 1097 г. Иоанном и его сестрой Марией недвижимых имуществ, и в первую очередь виноградника, гарантировал покупателю с передачей ему собственности права распоряжения ею, включая не только право дарить, давать в приданое и обменивать, но и «улучшать залежь» (βελτοιεῖν τὸ χέρσον – sic!) [17, № 53.23–24 etc.], иначе говоря – возделывать примыкавший к винограднику засушливый участок. Одновременно запражная

1097 г., как показывают дальнейшие в ней распоряжения, предусматривала штрафные санкции, решение о которых зиждилось на признании понесенных покупателем «всех твоих расходов и улучшений (βελτιώσεων)» [17, № 53.29–31 etc.]. Это наблюдение сопоставимо и со сведениями акта 1108 г., когда Лавра Афанасия была восстановлена в правах на издавна принадлежавшую ей на Афоне келью Профурни. В результате Лавра получила в свое распоряжение развалины, расположенные в невозделанном и заросшем кустарником месте. Оно, согласно пенальной клаузуле, будучи «улучшено» (βελτιωθέν) самой Лаврой, независимо от того, полностью или частично, требовало ее издержек, в чем, собственно говоря, афонский прот и настоятели монастырей видели существо «улучшения» [17, № 57.31–37]. Аналогично тому в 1112 г. дополнение к акту продажи Дохиарскому монастырю проастия Исон или Врион относительно недвижимого имущества, которое, судя по объяснениям, ранее было передано в монастырскую ипотеку, связывает сделанные тогда «улучшения» с израсходованными издержками [14, № 3.68–69]. Афонский же прот Феодор ставил в 1257 г. вопрос об «улучшении», которое предполагало восстановление пришедшей в упадок обители и ее земельной недвижимости. При урегулировании спора святогорских монастырей речь шла об оставшемся невыполненным требованием денежной компенсации [16, № 2.12–14 etc.].

К общему ряду возможных направлений хозяйственных и социально-экономических «улучшений» на селе, которые были немислимы без дополнительного финансирования, относится возведение укреплений. К примеру, акт святогорского прота Дорофея, описывая в 1363 г. восстановление разрушенной врагами так называемой жилой башни, то есть оборонительной постройки Пантелеймонова монастыря, сообщает о решении, чтобы он получил от Карейского совета «подаяние и улучшение» (ἐλιδοσιν καὶ βελτιωσιν – sic!) принадлежащего обители имущества. Благодаря, видимо, тому, в конечном счете также «иное все продвинулось к лучшему (πρὸς τὸ βέλτιον)» [22, № 13.1–8].

Между тем требует внимания составленный в начале XIV в. арендный договор

фессалоникской аристократки и другого горожанина. Ему предоставлялся земельный участок с садом принадлежавшего собственнице по наследству женского монастыря, где предполагалось строительство жилых домов. Договор ставил вопрос об «улучшении» в один ряд с порядком внесения арендной платы на основе длительного – рассчитанного на двадцать пять лет – соглашения и его продления на последующий период [26, № 7.19–22 etc.]. Аналогичным образом должен быть назван акт отказа в пользу Ивирского монастыря со стороны Константина Мармара от приобретенных им во втором десятилетии XIV в. в Фессалонике домов. Согласно сведениям документа, там размещались три виноградные давальни (μετὰ πατητηρίων). Налицо убедительное свидетельство того, что их владелец получал реальную компенсацию за произведенное им «все улучшение» (πᾶσαν βελτίωσιν). Оно, судя по предварительным разъяснениям, потребовало значительных расходов ([30, № 73.21–22]; ср.: [30, № 73.6]). В свою очередь, запродажная фессалоникской домовладелицы Феодоры Горгены, чье жилище было куплено в 1310 г. Ксенофоновым монастырем, предусматривала компенсацию за все расходы по «улучшению и устройению» недвижимости [26, № 9.45–48]. Схожие сведения содержат акты, составленные в сделках 1315 г., когда супружеская чета Никифора Кладона уступила свои дома в Фессалонике Ксенофонову монастырю, и 1326 г. – тогда Георгий Вутзин продал расположенную там же недвижимость Ивирскому монастырю. В этих документах предполагаемое «улучшение» ассоциировалось с клаузулой о неустойке и возмещении всех реально понесенных расходов (соответственно, см.: [26, № 10.36–38; 30, № 84.48–50]). Недаром в некоторых подобных случаях фабульные отсылки бывают обусловлены и «дачей» уплаты, и издержками вследствие понесенных «равным образом в отношении улучшения всех таковых расходов» («καταβληθησομένων ἴσως ἐπὶ βελτιώσει τούτων πασῶν ἐξόδων») и т. п. (например, см.: [50, Auth. № 27.38–40; № 32.71–74 etc.]).

Можно предполагать, что размах производимых в подобных случаях «улучшений», обусловленных строительством и перестройкой домов, бывал, по крайней мере в среде за-

житочных городских землевладельцев, весьма существенен. На это предположение наводят сведения пространного завещания 1325 г. вельможного Феодора Сарантина [23, № 64]. Принадлежавшие ему имения, даже если его землевладения не были очень обширными, складывались из десятков объектов недвижимости в городе и на селе, в Веррие и ее окрестностях, которые последовательно описаны в этом завещании. Оно воспроизводит довольно длинный перечень земель и прочих имуществ, большая часть которых была завещана в память о родителях и родне завещателя, согласно рассматриваемому документу, местному монастырю Иоанна Продрома. Несмотря на это обстоятельство, вопрос о произведенных там «улучшениях» поставлен лишь единожды вслед за сообщением о городских владениях Феодора Сарантина. Имеется в виду усадьба с жилыми и хозяйственными строениями, доставшаяся Феодору, судя по всему, от ближайшего родственника, обозначенная как «двор» (αὐλή). Он был выкуплен у некоей Кунали, и представлял, по всей вероятности, усадьбу в центре города с вновь выстроенными домами, а также сад с «кельями». Именно перестройка и обновление «всех» («ἀπάντων»), как подчеркивает Феодор Сарантин, описанных тут зданий и построек, побудили его «кратко сказать обо всех (“πάσας”) моих всецело в них улучшениях» [23, № 64.91–99].

Напротив, аренда в 1358 г. у монастыря Богородицы Петриотиссы, согласно заключенному тогда с его монахами соглашению кира Георгия Цимискиса и его семейства об аренде усадьбы в Фессалонике, точнее говоря, домов, которые нуждались, по всей видимости, в восстановлении и ремонте, потребовала выдвижения на передний план вопросов, затрагивавших их многократно упоминаемого «улучшения» [24, № 110]. Опуская второстепенные детали договора, следует отметить, что он предполагал пожизненное владение жилыми зданиями их арендаторов, самого Георгия Цимискиса, его супруги и ребенка, на условии последующего возврата домов их собственнику, монастырю, вместе с предстоящим в них «улучшением» («τῆς ἐν αὐτοῖς γενησομένης βελτιώσεως»), о чем заявлено в первой части документа [24, № 110.1–9 etc.]. Уже здесь арендаторы были названы как «улучшающие» («βελτιοῦντες»)

и «устраивающие» («συνιστῶντες»), а их обязательства практически уточняют условия аренды. Она предполагала «улучшения» («μετὰ τῶν γενησομένων βελτιώσεων») с указанием размеров и источников арендной платы [24, № 110.10 etc., esp. ll. 10–11, 12–13 etc.]. Эти описания востребованных «улучшений» повторены далее, в основной части документа, после того как его составитель от имени членов семьи арендаторов заявляет об их обязательстве «улучшать и обустраивать» их дома «по-местному» («κατὰ τὸ ἐγχωροῦν») [24, № 110.34–37 etc.]. Этим посылкам сопутствуют дальнейшие уверения в осуществлении «улучшений» супругами («τῶν ἐν αὐτοῖς γενησομένων παρ' ἡμῶν βελτιώσεων») [24, № 110.39–40 etc.]. Они в этом смысле уподоблены преемникам «братьев монастыря», то есть монастыским насельникам, которые ранее, как подразумевается, были заняты улучшением («ὡς ἂν βελτιώσαντες») жилищ «во всех отношениях» [24, № 110.43–47 etc.]. С этой точки зрения вновь формулируется обязанность членов семьи Георгия Цимиския вернуть после кончины арендованные дома монастырю вместе с предполагаемыми «улучшениями» [24, № 110.50–52]. Крайне показательно, что при этом предусмотрительно обусловлен взаимный отказ сторон по возвращению монахам их домов от взыскания какой-либо компенсации за «улучшения» («περὶ τὰς βελτιώσεις»), как и собственно ежегодных поборов в свою пользу или в пользу третьих лиц [24, № 110.53–57]. Иначе говоря, в отмеченном плане сами по себе проделанные улучшения уподоблялись аренде, которая подлежала ежегодной оплате.

Экономическую составляющую «улучшений», пожалуй, наиболее очевидным образом отобразило митрополичье постановление 1419 г., которое содержало решение относительно споров Ксенофонтова монастыря с их арендаторами из-за домов в Фессалонике, а главное эргастриев, где, по всей видимости, заготавливали и продавали соленья и производилась виноторговля [26, № 32]. Благодаря усилиям арендаторов доходность указанных заведений многократно выросла и к тому же возникла угроза полного отчуждения монастырской собственности. Монахи, узнав об этом, требовали уплаты крупных денежных сумм и возвращения принадлежавшей мона-

стырю недвижимости, тогда как арендаторы отвергали их претензии. Эти взаимные упреки в экономическом плане выражало понятие «улучшение», которое находило прямое приложение не только в пылу риторической полемики, когда игумен, экклесиарх и эконом заявили об «устроении», «улучшении» и «самого лучшего» подаяния» (Ἐπὶ συστάσει γὰρ καὶ βελτιώσει καὶ ἐπὶ τὸ κρεῖττον ἐλπίδῳσει) в пользу своего монастыря [26, № 32.20–21]. Понятие «улучшение» стало главным критерием и при исчислении реально понесенных обеими сторонами издержек и сделанных выплат [26, № 32.26–28, 36–37]. С иных позиций, но под тем же углом зрения характер «улучшений» вырисовывается в акте 1432 г. относительно аренды принадлежавшего в Фессалониках патриаршему монастырю Неа Мони эргастирия по изготовлению льняного масла (λίνελαίου). Новый арендатор берет на себя обязательство «устраивать и улучшать» (συνιστᾶν καὶ βελτιοῦν) процесс отжима и заботиться об «устроении и улучшении» (συστάσεως καὶ βελτιώσεως) эргастирия так, чтобы в конце жизни арендатора монастырю его имущества вернуть «устроенными и улучшенными» (συνισταμένα καὶ βεβελτιωμένα). С этой целью выражается готовность наряду с уплатой арендной платы израсходовать средства, необходимые для поддержания арендованного предприятия в рабочем состоянии [19, № 168.5–6 etc., 10–15 etc.].

Во многих актах рассматриваемые понятия становились одним из компонентов предписаний властей, светских ли, или духовных, которые касались образа жизни различных групп византийского социума. Разумеется, в первую очередь свидетельства монастырских актов относились к жизни самих монашествующих. Так, афонский прот Нифон передает Ватопедскому монастырю своим актом 1347 г. келью Калеци ввиду угрозы ее уничтожения из-за безвременья и нападения варваров. Келья была построена во имя «устроения и улучшения», которыми-де, увы, протат «не воспользовался в течение самого кратчайшего времени» («ὧν οὐδὲ τὸ βραχύτατον ἀλώνατο») [24, № 94.15–18 etc.]. А далее, продолжая, прот подчеркивает, что новому обладателю кельи, Ватопедскому монастырю, предстоит удостоить заботы («пронии») и задать направление

своему кормилу («κυβερνήσεως») на сохранение домов и «имений», прежде отстроенных к «лучшему и более превосходящему» («τὸ βέλτιον καὶ κρείττον»), что подразумевало саму жизнь пребывавших там святогорцев [24, № 94.25–31 etc.]. Сообразно тому, Иоанн V Палеолог в своем хрисовуле 1355 г. призывает филофейских насельников, избравших жизнь в Боге и живущих боголюбиво, «улучшать души» («ψυχὰς βελτιοῦν») и побуждает их устраивать свою «политию» в обители так, чтобы идти по пути от «улучшенного» ими к «более превосходящему» («βελτιωθὲν περὶ τὸ κρείττον») [21, № X.38–39 etc., 176–177].

Подобные наставления не отменяли вопроса о сохранности господских имений и имуществ. Подтверждение можно найти, допустим, в жалованном хрисовуле 1357 г. Иоанна V Палеолога монастырю Пантократора относительно келии Равдуха. Согласно тому утвержденным в качестве ее ктиторов великому примикирию Алексею и его брату севастократору Иоанну вменялась забота о «хорошем учреждении и боголюбивой политии», равно и «устроении к лучшему и улучшении» (τῆς ἐπὶ τὸ κρείττον σὺστασεως καὶ βελτιώσεως) принадлежавших святогорцам «имений и имуществ» [20, № 4.12–16 etc.]. Соответственно тогда же патриарх Каллист I признал названных ктиторов «устривающими и улучшающими» по всему их боголюбивому намерению и воле [20, № 5.31–32 etc.]. В свою очередь, лишённая «всего улучшения» и заботы отшельническая келья Каллиграфу на Афоне в середине XIV в. была продана корейским советом Дохиарскому монастырю с назиданием «обустроить и улучшить» прилегающую к ней территорию, что в целом поддержал и патриарх Каллист ([14, № 24.56–57 etc., 65–66 etc.]; также см.: [14, № 30.31–32]). А полуторадесятью лет ранее вышеназванный василевс утвердил Лавру Афанасия в правах «устривать... и улучшать» (συνιστᾶν... καὶ βελτιοῦν) переданные ей столичные имения, в том числе богодельню и странноприимный дом, предусматривая возможность производить там «...все приращение, и увеличение, и улучшение» (ἐπὶ... πᾶσιν ἐπίδοσιν καὶ ἐπιαύξησιν καὶ βελτιώσιν) [19, № 123.187–188; 190–192].

Прагматика. В целом аналогичные распоряжения насаждают определенный,

соразмерный представлениям собственников порядок жизни, исполненной «приращения и улучшения» (например, см.: [18, № 115.24–25]) и стремления «увеличивать» (αὐξάνειν), «устривать и улучшать» (например, см.: [26, № 17.64–65; 13, № 3.15–16; 16, № 17.38; № 25.15; 31, № 94.56–58 etc.]; также см.: [13, № 9.26–27; 16, № 23.19 etc.; № 27.10–13; № 29.12–13]). Афонский прот Исаак, передавая 1325 г. под опеку насельников Алипийского монастыря заброшенную келью, характеризует их нынешнего и всех предшествующих настоятелей, как подвижников «в... увеличении, и подаянии (ἐπίδοσιν), и улучшении», обращенном, в конечном счете, на монастырское имение [16, № 12.7–8 etc.]. Те же самые мотивы «заботы в отношении лучшего (πρὸς τὸ κρείττον) подаяния» сопутствуют идее «улучшения» и в сделанном в 1330 г. заявлении монастырского ктитора Матфея, вдохновленного объединением его обители с Кутлумушским монастырем, которое по существу касалось всего образа жизни братии [16, № 16.10–13 etc.].

Трафаретные, казалось бы, на первый взгляд, формулярные предписания актов получали особый смысл, когда урегулирование частноправовых проблем, переходя условные границы государственного администрирования, охватывало сферу публичного права. В этой связи, наверное, надо отметить подобного рода грамоты, как, например, хрисовул 1351 г. Иоанна VI Кантакузина. Он, подтверждая права Ивирского монастыря на его имения, предусматривает для их содержания соблюдение принципа «устроения, и увеличения, и улучшения» (συστάσεως, αὐξήσεως τε καὶ βελτιώσεως) [31, № 91.78–79].

В этом свете беспрецедентным образчиком соблюдения прав в отношении «улучшений» демонстрирует опускающее, к сожалению, не только собственные имена главных персонажей, но и прочие подробности, требование митрополита Лариссы к эконому ватопедского метоха Св. Маманта выполнить решение вселенских судей, касающееся незаконно построенной в землевладении великого гетериарха (ἐταρειάρχου) водяной мельницы [24, № 104] ⁶. Суд, вынося свое решение, вероятно, учел и общественные позиции афонского монастыря, которому подчинен метох,

и высокий ранг армейского командующего. И потому было предложено, с одной стороны, чтобы «улучшение водяной мельницы» («ἡ βελτίωσις τοῦ ὑδρομύλωνος») получило оценку видных мужей с целью выплаты его «цены» (τὴν τιμὴν), которую должен был компенсировать сановник, если сооружение еще не разрушено и строительные материалы не были возвращены метоху. С другой стороны, монахам надлежало самим разобрать строение и забрать строительные материалы с «места», на котором стояла мельница, в установленный срок, в течение 33 дней. В противном случае военачальнику предоставлялось право самому произвести разборку мельницы и очистить от строительных материалов принадлежащее собственнику «место», как подразумевается, без компенсации указанного «улучшения» [24, № 104.2–4 etc.]. Очевидно, оно само по себе заключалось в сооружении мельницы, требовавшего в процессе строительства расходов.

Безусловно, в урегулировании подобных описанному судебному делу конфликтов играли свою роль иммунитетные права крупных собственников. Сведения об их полномочиях содержат, к примеру, некоторые хрисовулы Андроника II Палеолога. Один из них в 1321 г. подтвердил прежние и пожаловал новые иммунитетные привилегии супруге серрского митрополита, касающиеся выделенного ей орфанотрофом Кедриним земельного клина Опсара в хорионе Кенургииций [16, № 10] ⁷. Поэтому все формулярные предписания указанной грамоты «устраивать и улучшать по их возможности», выполнять «улучшение и увеличение» с правом передачи земли вместе с возможным ее «улучшением» детям и наследникам так или иначе оставались в сфере контроля податных чиновников, которым вменялось соблюдение прав землевладельцев [16, № 10.11–22 etc., 52–64 etc., 71–75 etc.]. Аналогичные меры предписаны и в хрисовуле 1322 г., налагающем ограничения на действия местных властей в отношении произведенного «улучшения» (ἐπὶ τῇ γενησομένη ἐπὶ τοῦτοισ βελτιώσει) в землевладениях Алипийского монастыря в ряде сел долины Стримона [16, № 11.37–39].

Впоследствии Стефан Душан наделял афонские монастыри, в частности Ивирский монастырь, правом «устраивать и улучшать»

(συνιστᾶν καὶ βελτιοῖν) монастырские имения и метохии. В их ряду перечислялись такие села, как Радоливо, Овило, Добробикия, Гомату и другие поместные поселки, чтобы «все в них улучшенное в будущем» (τὰ ἐν αὐτοῖς βελτιωθησόμενα) находилось под незыблемой властью обители [31, № 90.1–7 etc., esp. II. 54–56 etc.]. Позднее Иоанн VI Кантакузин, жалую находившегося на императорской службе Димитрия Кавасилу в 1347 г. доходами «от сел», проводил эту акцию в сфере публичного управления. Это нашло отображение в клаузуле хрисовула, гарантирующей права распоряжения, наряду с предписанием «устраивать и улучшать» переданную сподвижнику василевса «посотис» (денежный доход). Одновременно для ее получателя грамота предусматривала право передать полученную «посотис» детям и преемникам «вместе и с тем, что в ней будет улучшено» (μετὰ καὶ ἐν αὐτῇ βελτιωθησομένων) [13, № 2.41–46 etc., 52–56 etc.]. Само по себе это пожалование обретало подлинное общественное значение. Оно, пожалование, прилагалось к селам так же, как еще один из хрисовулов Стефана Душана в полном соответствии с византийской традицией предоставлял Эсфигменскому монастырю не только право «устраивать и улучшать» свое хозяйство в хорионе Портарея «в соответствии с местным и возможным» для обители «образом». Тогда Стефан Душан предписывал обладать тем, что «будет улучшено» в предоставленных ей частях села (τὰ ἐν τοῦτοισ βελτιωθησόμενα), с «подобной властью и защитой», а также неприкосновенно [27, № 22.35–38].

Действительно, такие задачи обычно сочетаются с требованием блюсти проделанные «улучшения» неколебимо, словно сами недвижимые имения [19, № 127.19–20, 21–22, 25–26]. Ими надлежало по праву «владеть, увеличивать их и улучшать, словно мощь (ὡς ἡ δύναμις), и из них весь и всяческий извлекать доход» [15, № 6.20–21]. Так, Ватопедскому монастырю предписывалось, как это сделал, скажем, Иоанн V Палеолог, прибегнув в своем хрисовуле 1356 г. к довольно витиеватой формулировке, и монастырскими метохами, и прочими имениями, включая села, владеть «вместе с улучшениями в них» нерушимо и так далее, равно беспрепятственно собирать там подати и платежи [24, № 106.52–58 etc.].

Здесь хотелось бы сослаться на сигиллий Иоанна V Палеолога, который в 1342 г. жаловал «через экономию» денежным «посотисом» страгиотов-«клазоменитов»⁸. При этом византийский правитель вменял им «по праву устраивать и улучшать» их капиталы, равно и «для вящего и лучшего (ἐπὶ τὸ κρεῖττον καὶ βέλτιον) проводить», сообразуясь с дозволенным и возможным образом действия [16, № 20.8–9 etc.]. Показательно, что страгиотам надлежало все «будущие улучшения» (τὰς... γενησομένης βελτιώσεως) «отказать» своим родным детям и наследникам [16, № 20.10–12, 15–17 etc.]. Собственники же сами давали своим правопреемникам назидание «...увеличивать, и улучшать, и делать все кажущееся правильным...» (...αὐξεῖν καὶ βελτιοῦν καὶ ποιεῖν πάντα τὰ δοκοῦντα...) [31, № 96.10–11 etc.].

Иногда ссылки на «улучшения» приобретают откровенно конвенциональный характер, который соответствует состоянию финансов у инициаторов производимых в их владениях «улучшений». Касаясь этой стороны вопроса о них, было бы опрометчиво упустить из виду продажу комфортабельно отстроенного дома в Фессалонике, который продала в 1327 г. Феодоти, супруга Иоанна Фалкона. Покупателем дома выступил Иоанникий Паизос, монах Ватопедского монастыря, который выложил покупателем довольно значительную денежную сумму [23, № 65]. При этом заключительная клаузула составленного тогда акта продажи, обуславливая нерушимость совершенной сделки, закрепляла обязательство продавца в случае его отказа от продажи вернуть покупателю не только двойную сумму приобретения, но и компенсации за его предполагаемые издержки «в отношении улучшения и устройства» («περὶ βελτιώσεως καὶ συστάσεως») проданного имущества, не говоря уже о штрафе, взимаемом «из имущества и ипостаси» нарушителя сделки [23, № 65.35–37 etc.].

Аналогичны также условия продажи в 1374 г. домов в одном из кварталов Фессалоники метоху Ватопедского монастыря. Их продавец, Иоанн Раматас, который, получив деньги, своим актом продажи гарантировал покупателю не только право собственности, включая владение, отчуждение и наследование, но и возможность «улучшать» здания [24, № 140.47–50 etc.]. И потому логичным выгля-

дят обязательства подавца в случае нарушения им договора продажи вернуть монастырю двойную цену домов, равно как компенсировать все понесенные покупателем расходы за «улучшение и состояние» («ἐπὶ βελτιώσεως καὶ συστάσεως») приобретений, не говоря уже о штрафе [24, № 140.60–65 etc.].

В любом случае ненадлежащее соблюдение условий сделок и договоров, в частности, арендных соглашений, как уже отмечено, влечет их разрыв «согласно распоряжению божественного закона». Так, Константин Клоба, по всей вероятности, житель Фессалоники, принимая в 1323 г. на себя обязательство возделывать виноградник в топотесии Неохорион, берется соблюдать условия заключенного соглашения. В ряду прочих его требований обозначено положение, по которому нарушение договора арендатором влечет расторжение соглашения. Константин Клоба обязывается буквально «выпасть из улучшения (τῆς βελτιώσεως ἐκπέσωεν)» [23, № 59.18–20]. Такую же клаузулу содержит и ватопедский акт 1339 г., заключенный с Димитрием Палатисом также с целью аренды земли для возделывания виноградника. Согласно повторенному здесь почти в точности положению, арендатор обязуется равным образом «выпасть (ἐκπέσωεν) из улучшения» [24, № 84.21–22 etc.]. Подобная же судьба ожидала тех арендаторов, кто не озаботился и не потрудился в соответствии с требованием заключенных соглашений сохранить свое «улучшение целым» («τῆς βελτιώσεως ἀμειώτου περιωζομένης») как условия продления аренды по истечении срока договора [24, № 86.14–15 etc., 18–20 etc.]. В свой черед выполнение указанного обязательства о сохранении «улучшения» открывало возможность продления договорных отношений на заранее оговоренных, правда, довольно жестких условиях выплаты телоса [24, Vatop. II. № 87.16 etc.; № 90.14–15 etc.; № 106.22–25 etc.].

Совершенно иная, на первый взгляд, картина возмещения за «улучшения» представлена в ватопедском акте 1401 г. аренды [25, № 186]. Несмотря на несомненно кабальные ее условия, этот акт со всей очевидностью свидетельствует, что некий Мануил Потос решил на арендувание монастырской водяной мельницы в Веррие. Он принял на себя обя-

зательство поддерживать мельницу в рабочем состоянии, а также был вынужден согласиться, если мельница выйдет из строя, полностью возместить арендодателю недополученную им прибыль за счет своих собственных средств даже в случае собственной кончины. При этом арендатор допускал возможность «обнаружения» какого-либо сделанного им «улучшения» («ἂν εὐρεθείῃ ἔχων βελτιώσεως τῆς παρ' ἐμοῦ γενησαμένης»), которое преемнику арендатора надлежало вернуть монастырю [25, Vatop. III. № 186.4–16, esp. ll. 13–15].

Восприятие. Раскрывая содержание понятия «улучшение» с различных сторон, необходимо признать, что оно в зависимости от описываемых условий приобретает дополнительные коннотации. Их обуславливало влияние разнообразных факторов, начиная с фискально-юридической значимости и кончая морально-этическими оценками. Они определенным образом сказывались на значении соответствующих глагольно-сказуемых высказываний типа «улучшать» и тому подобных выражений в распорядительных юридических формулах и клаузулах актов, касающихся прав и обязанностей правопреемников. Им вменялись права отчуждать и возделывать их владения (подробнее см.: [4, с. 144; 5, с. 85 и далее]). Соответственно в одном ряду с обозначениями таких прав собственников, как «продавать», «дарить», «обменивать» и прочими формами отчуждения имущества, предписывалось их «улучшать» (например, см.: [17, № 63.40–41; 26, № 7.31–32 etc.; № 8.30–32 etc.; № 9.29–31 etc.; № 24.22–24 etc.; 20, № 7.9–11 etc.; 30, № 78.31–33 etc.]). Это касается также сферы собственно крестьянского землевладения, что обнаруживается в процессе производимых мелкими земельными собственниками отчуждений земельных участков или иной недвижимости, когда покупатель наряду с прочими правами распоряжения своим новым наделом получает санкцию его «улучшать» (например, см.: [30, № 64.13–14 etc., 30–31, 47–48 etc.]).

С другой стороны, подобные изъявления издревле заключали в себе морально-этические аффекты, вызванные прямыми требованиями к собственнику оказывать «заботу» о собственности. С этой точки зрения может быть рассмотрена позднейшая копия дарственной известного ивирского игумена

Евфимия (XI в.) его духовному сыну Иоанну. Независимо от того, подлинный это документ, или, может быть, нет, Евфимию приписаны наставления вершить «заботу» о переданном духовному восприемнику для его кельи земельном участке (τοῦ πρόνοιάν σοι τόπον εἰς οὐστάσιν κελλίου ποιήσασθαι), который Иоанну надлежало возделывать. Поэтому последующие распоряжения Евфимия в этом документе весьма предусмотрительно допускают возможность возврата Ивирской лавре участка и произведенных на нем улучшений (τὰ ἐν αὐτῷ βελτιωθέντα) [17, Append. VI.9–11 etc., 19–20 etc., 23–24].

Наиболее очевидны в данном плане, как показывает грамота 1369 г., наставления патриарха Филофея. Он увещивает своих последователей проявлять «крепкое попечение» и «всяческий уход» (προνοιάν ποιεῖσθαι ἰσχυρὰν παντοίαν καὶ ἐπιμέλειαν), в результате которых имения «улучшаются и увеличиваются» (βελτιῶνται καὶ αὐξῶνται) [20, № 8.16–18]. Сходное наблюдение возможно сделать, обратившись и к акту святогорского прота Исаака, составленному во второй четверти XIV в. ввиду объединения Кутлумушского монастыря с небольшой обителью. Отправляясь от риторичного вопроса о богоугодном деянии, которое претворяется как реорганизация «всех и всячески в общность и многообразно и создаваемых, и улучшаемых (πολυτρόπως οἰκοδομημένων τε καὶ βελτιουμένων)», прот переходит к прагматическому рассмотрению хозяйственного обустройства обители, направленного на ее «устройство, и увеличение, и улучшение» [16, № 15.21–25, 47–52]. Через столетие, после объединения Кутлумушского и Алипийского монастырей, в заботе предотвратить упадок и разорение названной обители патриарх Иосиф II вместе с другими иерархами не просто требует от афонских насельников того, чтобы в будущем она обновлялась «во всех отношениях» и улучшалась (ἀνακαινισθήσεται πάντως καὶ βελτιωθήσεται) [16, № 44.19–22]. Для этого владыка, определяя условия слияния двух монашеских общин в одну братию, одновременно вменяет подвижникам заботу и об «устройении и улучшении по возможности же» одного монастыря, и равно имениях, имуществах и утвари другого – во имя его «улучшения, и по всяческому образу

подавания (ἐπιδοσεως) их и увеличения» [16, № 44.28–30 etc.].

На фоне хозяйственных же преобразований определяется и роль «улучшений», произведенных стратиотом Георгием Контостефаном Каламеа. Он в 1309 г. вместе со своей супругой оставил близ Мелника в дар Ивирскому монастырю целое поместье: виноградник, хорафии, луг, двор и сооруженные владельцем строения, включая мельницу и храм ([30, № 71]; также см.: [30, № 72.134–135]). Во всяком случае даритель не удержался от того, чтобы указать на размах «улучшений»: «это и настолько в них улучшил» (ταῦτα καὶ ὅσα ἐν αὐτοῖς ἐβελτίωσα) [30, № 71.24]. Однако остается не ясным, относится ли упоминаемое в дарственной «улучшение» только к насаждениям, или также, что следует предполагать, к постройкам, в том числе – храму [30, № 71.31–33]. Одновременно хотелось бы обратиться к акту 1313 г., когда севаст Константин Панкал, приняв монашеский постриг под именем Косма, посвятил в константинопольский монастырь Пантократора все свои немалые имущества. Они включали дома, хозяйственные постройки, земли и культовые здания в г. Серры и его окрестностях [16, № 8]. Поскольку многие из строений были вельможей отстроены заново или восстановлены наравне с насаженными виноградниками, составитель акта определяет, чтобы названный монастырь владел «всеми нашими имуществами и улучшениями» (τὰ ἡμέτερα πάντα καὶ βελτιώσεις), относящимися к церкви (ὅσα πάντα προσήλωσα τῇ ἐκκλησίᾳ). Под ней подразумевается выстроенный в Серрах храм [16, № 8.32].

Действительно, как отчасти уже показано, известны многочисленные примеры, когда заботы и «улучшения» напрямую касаются храмов, монастырей и других церковных строений и учреждений. Такого рода факты обнаруживаются с непреложной ясностью, скажем, в ряде актов Патмосского монастыря (например, см.: [12, р. 186, 193, 194, 209, 223, 231–232, 240–241 etc.]; также см.: [35, № 75.18–19 etc.; рагаг., р. 242.12–13]). Подобные ссылки на концепт «βελτίωσις», обладавший, надо признать, широким содержанием, встречаются и в актах Лемвиотисского монастыря. Здесь названный концепт перемежается с семантически близкими понятиями в целом ряде фавуль-

ных лексических формулировок. Они требуют внимания, в особенности тогда, когда предполагают «устройство и улучшение». Последнее предусматривает обустройство интерьеров храмов в метохах и в самом Лемвиотисском монастыре (например, см.: [10, р. 53, 56, 97, 110, 285–286 etc.]). Аналогичные закономерности обнаруживаются в актах Латрского монастыря, Макринитиссы, Новой Петры и других монастырей [10, р. 304, 347, 378]. А в афонских актах предметом одной из достигнутых по обсуждаемому поводу договоренностей, в частности, стала «святая церковь улучшенная и устроенная» (ἡ... ἁγία ἐκκλησία βεβελτιωμένη καὶ συνισταμένη), в то время как равным образом приходилось «устраивать» и «улучшать» и другие храмы и монастыри, производить «все» для их «устройства и улучшения» ([30, № 60.18–19]; также см.: [30, № 68.30–33 etc.; 16, № 30.29–30; 19, № 150.4–5]). Так, в 1325 г. афонский прот Исаак, решая дальнейшую судьбу сильно пострадавшего от захвата иноплеменниками села Комитисса, на владение которым претендовали Ватопедский и Хиландарский монастыри, отдает названное селение последнему. Святогорский управитель, надо сказать, руководствовался не столько состоянием хориона, сколько благополучием афонских обителей, демонстрируя заботу, по крайней мере, об одной из них. Иначе трудно объяснить упоминание в составленном тогда документе об «улучшении монастырька» («τῆς τοῦ μονυδρίου βελτιώσεως») [23, № 63.45–54 etc.]. Аналогичные мотивы обнаруживаются и в случаях организации адельфатов [50, Auth. № 56.27–28 etc.]⁹. В свою очередь, основатель одного из богоугодных учреждений в первой трети XIV в. напутствует своих сподвижников и воспреемников заботиться о спасении, духовном преуспении (προκοπῆς) и «улучшении (βελτιώσεως) монастыря к лучшему» [14, № 17.17 etc.].

Равным образом в 1343 г. фессалоникский митрополит, уступая Ксенофонтону монастырю в одном из центральных городских кварталов служившую прибежищем смиренному старцу небольшую «кельицу», наставляет заботиться о ней, «улучшать и устраивать». Владыка призывает к исполнению всего «в улучшение и увеличение благоденствующего», а также предписывает по кончине

укрывающегося в сей обители иеромонаха его преемнику владеть кельей так, чтобы «улучшать и устраивать, как может», подобно посвятившим себя богу избранным мужам [26, № 26.16 etc., 23 etc., 29–30 etc.]. Десятилетием же ранее афонский прот Исаак, описывая состояние обители Неакиту, признает, что она столь значительно утратила ныне «и красоты, и улучшения» (πλεῖστον ὄσον ἡλαττωμένη τῆς νῦν καλλοῦντος τε καὶ βελτιώσεως). Потому единственным добавлением к сказанному служит только предположение о широком понимании смысла слова «улучшение» в акте названного главы святогорцев [15, 4.7–10 etc.]. С указанных позиций надлежит рассматривать также передачу в 1357 г. от монастыря Каракаллу насельникам Зографского монастыря храма Св. Николая с тем, чтобы они заботились об его «устройении и улучшении». Новым поручителям названного храма вменялось в обязанность по сути дела содержать находящегося здесь «духовного мужа» во имя выправления его прегрешений [50, Auth. № 39.9–16].

По всей вероятности, равнозначное отношение к предусмотренным «улучшениям», которые оказывались так или иначе сопряженными с возможными «увеличениями» (ἐλαύξεις), демонстрировали монастырские настоятели и в принятом ими под председательством прота Саввы решении 1371 г. передать один из афонских монастырьков сербскому деспоту Иоанну Углеши [26, № 31.6–7, 9–10]. Тогда же святогорский протат передал Ватопедскому монастырю заброшенную келью Триполиту. Ее останки нуждались в «восстановлении, и улучшении, и местном попечении» («ἀνάκτησιν καὶ βελτίωσιν καὶ τὴν ἐγχοροῦσαν ἐπιμέλειαν») [24, № 138.4–6]. А в конце XIV в. старец Илия по своей немощи не смог, видимо, ничего предпринять «для улучшения» находящегося в нужде небольшого монастырька Христа Спасителя, где насельник нашел себе приют. Поэтому афонский протат под эгидой Иеремии принял постановление о незамедлительной передаче названной обители Кутлумушскому монастырю [16, № 42.10–11].

Наконец, требует внимания распорядительная клаузула составленного в первой трети XV в. акта посвящения монастырю Дионисия храма Св. Николая в крепости Котзинон на

Лемносе. Этот документ предписывает от имени ктитора, выражая его мысль на «сочном», если допустимо так говорить, языке, названную церковь «возулучшить» (ἀναβελτιοῦν) и, «по возможности», «увеличить» [13, № 12.33]. Во второй четверти XV в., в 1438 г., фессалоникский митрополит Григорий санкционировал передачу под попечительство семейства (отца и его двух сыновей), по всей видимости, обеспеченных горожан, пришедшую из-за бедности местного монастыря в ненадлежащее состояние церковь Св. Параскевы. Сделав на этом упор, митрополит выразил надежду на помощь со стороны новых покровителей, которые, по всей видимости, обещали произвести «улучшение по силе» («βελτιώσεως κατὰ δύναμιν»). Несомненно, эта словесная формула подразумевает финансовые возможности покровителей, поскольку далее речь заходит об уплате ими в пользу митрополии налога и выполнения прочих церковных поборов [25, № 224.10–11 etc.].

Еще в 1280-х гг. афонский прот Иоанн, может быть, в более скромных выражениях, чем это делали впоследствии, обосновал решение передать Лавре Афанасия пришедшую в упадок обитель Амальфитян заботой об «обновлении» (ἀνακάτισιν – sic!), «сбережении» (περιποίησιν) и «улучшении» как самой Лавры, так и приданого ей монастыря [18, № 79.6 etc., 9–10, 14–15 etc.]. Тогда утверждая указанное решение, патриарх Григорий II равным образом руководствовался заботой и «прибавлением к лучшему», с чем, видимо, неотъемлемым образом ассоциировалось «улучшение» [18, № 80.13–15], а василевс Андроник II Палеолог уповал на «улучшение и всяческое устройство» [18, № 81.9–10, 12–13]. При схожих обстоятельствах патриарх Афанасий I в заботе об обителях призывал к преуспению «в высокой цене улучшения» (ἐπὶ τῷ πολλῷ βελτιώσεως προκόψει) [18, № 82.9–10]. В свою очередь названный император полагался на «успех в лучшей форме и улучшение» (τῆς ἐπὶ τὸ κρεῖττον προχωρήσεως καὶ βελτιώσεως) [18, № 103.41–42 etc.], не забывая, однако, как и в предшествующем своем пожаловании, об «устройении и улучшении» [18, № 115.14–17].

Не вызывает сомнений и воспроизведенный в митрополичьем постановлении 1365 г. рассказ эсфигменского монаха кира Манаси

о храме Св. Георгия в монастырском имении в хорионе Зинтзу. Здесь, согласно дополнениям других свидетелей, лет двадцать тому назад отстроил сельскую церковь, начиная с фундамента, именитый, правда, ныне покойный, ктитор Каппадок. Он, как подчеркнул Манаси, «и улучшил, и населил» это «место», прежде «пустынное» и «во всех отношениях бесполезное» [27, № 27.4–6 etc.].

Нельзя не сослаться также на акт 1335 г. о подтверждении прав Ксенофонта монастыря на переданные ему от прониаров земли на территории хориона Заварникия. Там стоял храм, который монастырь в течение двадцати лет «улучшал в... улучшение немалое» (ἐβελτίωσεν ἐπ' αὐτοῖς βελτίωσιν). Впрочем, нет никакой ясности, распространялись ли предпринятые меры на описываемые тут же земельные участки, а также водяную мельницу с прилегающими садами и виноградниками [26, № 23.9–19]. К сожалению, лишь косвенные указания позволяют признать предположение о том, что сделанные «улучшения» касались не только сельского храма, но и прочей недвижимости. В соответствии с дальнейшими предписаниями межевщика монастырю предстояло заботиться и об «улучшенном», и о том, что «будет улучшено» (μετὰ τῶν ἐν αὐτῇ βελτιωμένων καὶ βελτιωθησομένων) [26, № 23.49–53 etc.]. С другой стороны, сказанное не отменяет заботы святогорцев о насущном. К примеру, в первом десятилетии XV в. афонский прот Иеремия предоставил ватопедской братии часовню Св. Василия с «ливадием» для того, чтобы монастырь, испытывая нужду в меде и воске, «улучшил» («βελτιοῦν») свою пасеку [25, № 193.1–4 etc., 21–22 etc.].

В действительности постоянные ссылки на «улучшения» нередко одновременно перемежаются с наставлениями и предписаниями «улучшать», возделывая земельные наделы. Так, в 1287 г. святогорский прота Иоанн, удовлетворяя прошение монахов Кутлумушского монастыря, вспомнил о том, сколь они были успешны в «улучшении» и восстановлении скита Св. Илии и поля, на котором он стоял [16, № 3.3–5 etc., 12 etc.]. В этом плане довольно показательны признания афонского прота Исаака в акте 1317 г. о том, что на Святой горе в течение длительного времени множество мелких монастырьков и часовен

пришли в упадок. Необходимость заботы о них обращается их передачей под власть сохранившихся обитателей, которым вменяется «всей мощью опустошенное улучшать (βελτιοῦν)» и отстраивать [15, № 3.1–7]. Взявшие на себя труды в отношении заброшенного метоха Скамандрину и его пустынной и заросшей земли кутлумушские монахи, как о них рассказывает постановление протата, усердно заботятся, работают, «улучшают» (βελτιοῦντες), насаждают, строят дома и иное делают «к поддержанию» (πρὸς σύστασιν) названного монастыря, а главное – «очень хорошо и трудолюбиво возделали (καλλιεργήσαντες)» издревле принадлежавшее метоху «масличное поле», уплатив немалые издержки «к его улучшению» (πρὸς τὴν τοῦτου βελτίωσιν). И это все в своей совокупности Исаак и его сподвижники по святогорскому совету характеризуют как «великую... помощь» [15, № 3.17–20].

Наиболее убедительным красноречием, наверное, исполнен акт 1392 г. афонского прота Иеремии. Он, подтверждая монастырю Пантократора права на земельные имения, не просто признал обладание ими «удивительным – самым вожеленным и предпочтительным в том, чтобы приобретать самое лучшее из всего» (τὸ θαυμάσιον εὐκταϊότατον καὶ τὸ πρὸς τὰ βέλτιστα ἐπεκτείνεσθαι πάντων προτιμότερον ἦν) [20, № 14.22–23]. Прот увещевал святогорцев «...доколе настоящий век удовлетворял бы, имея право возделывать, улучшать и производить прибавление в самом лучшем» (...μέχρις ἂν ὁ παρὼν διαρκοίῃ αἰὼν, ἄδειαν ἔχουσα καλλιεργεῖν, βελτιοῦν καὶ πρὸς τὴν τῶν βελτίστων ἐπανάγειν ἐπίδοσιν...) [20, № 14.28–30]. В свою очередь другой афонский прот в конце XIV в., рассуждая о древнем обычае предоставлять наиболее чтимым насельникам Святой горы кельи, наставляет игуменов передавать монастырские кельи «неразрушенными», и не находящимися в заброшенном состоянии из-за небрежения («ἀδιάφορα»), но «улучшенные» («βελτιωμένα»), приносящими пользу для здоровья и доход от вина, оливкового масла и фруктов [25, № 182.А.3–4; № 182.В.2–4].

Правда, любые «улучшения» подразумевали упорный труд. Поэтому протостатор, предположительно, Синадин, делая во второй четверти XIV в. вклад в Алипийский мона-

стырь, не только говорит о своем стремлении его «устроить и улучшить» сообразно своим возможностям (ὡς ἔχω δυνάμειος), но и уповает, что его насельники равным образом будут «устраивать и улучшать», то есть насаждать в обители виноградники «в сбережение и улучшение» ее монастырских (τῶν... μονηδρίων) [16, № 14.4–5, 13–15]. Повседневная действительность, как обнаруживают акты прота Даниила, составленные в конце первой трети XV в. по поводу принадлежности скита Св. Стефана приобретшим его насельникам, требовала от святогорских отшельников, как от простых селян, возделывать прилегавшие к их келье и храму сад и виноградник «вместе с самыми маленькими маслинами», более того – подымать залежь. Поэтому слова о «всей возможности устройства их и улучшения», равно и о заботе обо «всяком их устройении и улучшении» в контексте рассматриваемых документов становятся наряду с прочими доказательствами весомым доводом для утверждения прав владения названным скитом [13, № 23.6–13 etc., 16–20 etc.; № 24.5–13 etc., 21–26 etc.]. Иначе говоря, подразумевается возможность устраивать и «улучшать» как монашескую келью, так и заботиться об «улучшении» названного монастыря.

С наибольшей последовательностью роль «улучшений» в хозяйственной деятельности византийцев, без какого-либо сомнения, раскрывает содержание известного судебного постановления 1421 г. о притязаниях Аргиропулов на арендованные ими в Фессалонике сады ивирских монахов, где возделывались разнообразные сельскохозяйственные культуры: от лука и капусты до дынь и цветов [31, № 97; 33, № 102] ¹⁰. Согласно показаниям тяжущихся сторон, повод для судебного разбирательства дали сами «улучшения» прежде всего в виду понесенных арендаторами расходов [31, № 97.7 etc., 31–33]. При этом свидетели подробно описали работы – буквально «улучшенное» («τὰ... βελτιούμενα»), что было произведено арендаторами в «улучшение сада», начиная с прорытия и расширения рвов, переустройства пашенного поля и углубления колодца и завершая расчисткой участков [31, № 97.34–35 etc.]. В конечном счете самое решение суда мотивировано признанием того, что монастырские имения были обработаны

и «улучшены» (ἐνεργούμενα καὶ βελτιούμενα) [31, № 97.61–63 etc.]. В то же время нельзя оставить без внимания предписание хрисовула 1408 г., который Иоанн VII Палеолог направил монастырю Дионисия по поводу возобновления палеохориона Мариский. Там «должны... быть улучшены» (ὀφείλουσι... βελτιωθῆναι), как гласит распоряжение василевса, предоставленные святогорцам зевгари (пашенные упряжки) и, следовательно, требование «улучшения» в данном случае напрямую соотносится с развитием в названном поселке хлебопашества [13, № 10.7–9 etc.]. Через десятилетие деспот Андроник Палеолог, утверждая на будущее поселение там работников, подчеркивает, что их надлежит использовать «к улучшению того места» [13, № 17.8–9 etc.].

Социокультурная значимость. Итак, по крайней мере с конца Раннего Средневековья, понятие «βελτίωσις», сопрягаясь с представлениями собственников об их правах распоряжения недвижимостью, а также ее «устройства» и «увеличения», стяжает терминологическое значение «улучшений», предопределенных возделыванием почвы и добросовестным уходом за насаждениями. Вполне возможно именно предполагающая выполнение аналогичных задач рекультивация имеется в виду в хрисовуле Михаила Палеолога, который в 80-х гг. XIII в. предписал насельникам Дохиарского монастыря «улучшать и обустроить» (βελτιοῦν καὶ συνιστᾶν), как они хотят. Задачей являлось произвести «устройство и улучшение» (σύστασιν καὶ βελτίωσιν) в пожалованном монахам ранее на полуострове Кассандра зимовище вместе с палеохорионом и других их «личных имениях» [14, № 9.26–28 etc., 41–42].

Особую значимость, несомненно, обретают свидетельства актов об «улучшениях» в господских владениях, которые сопрягаются с освещением положения зависимого крестьянства. В этом смысле, наверное, показателен уже привлекавшийся ватопедский хрисовул 1324 г. Андроника II Палеолога. Он раскрывает примечательные обстоятельства разрешения поселить на пожертвованной Феодором Сарантином веррийскому монастырю Иоанна Продрома в селе Крициста пастбищной земле, которая была признана «свободной», крестьян соответствующих категорий, «элевтеров» и «неизвестных (анепигностов) казне». В дан-

ном случае важно отметить, что василевс, озаботившись дальнейшей судьбой крестьян, предусмотрительно запретил производящим контроль над ними чиновникам беспокоить поселенцев вместе «со всем иным улучшением (βελτιώσεως)» [23, № 62.51 etc., esp. ll. 53–61 etc.]. Тот факт, что указанное «улучшение» обусловлено именно поселением на монастырской земле крестьянства, подкрепляет последующее предписание. Согласно ему монастырю позволено и далее производить «улучшение» на той же земле, точнее говоря, чтобы она «была улучшена» (βελτιωθῆναι), а это, видимо, предполагало право монахов селить здесь новых земледельцев названных категорий, освобождая их от повинностей и поборов [23, № 62.66–68 etc.].

К числу подобных примеров принадлежали и сведения об имении Розейон и земельном клине в Диаволокампоне. Здесь дохиарским монахам надлежало, согласно хрисовулу 1343 г. Иоанна V Палеолога, «обустроить и улучшать», приводить все «к лучшему и более благому» в соответствии с их желанием и неколебимо «владеть» проделанными «улучшениями» вместе с поселенными там проскафименами [14, № 21.30–34]. Весьма схожие предписания содержит хрисовул названного василевса середины XIV в., даровавший сановному проиару Георгию Кацаре право передать своим детям «ради их службы» землю Патрикона с расположенной на ней катедрой и произведенными тут «улучшениями» [14, № 27.16–20, 24–28 etc.]¹¹. А в 1378 г. василевс Андроник IV Палеолог хрисовулом жалует своего приближенного Мануила Тарханиота хорионом Лоротон с «жилой башней», признавая право передать сыну сановника на условии несения службы названное село вместе с произведенными его владельцем «законным образом» (δικαίως) «улучшениями» [19, № 149.9–15 etc.].

Наглядным подтверждением правовой обусловленности «улучшений» в поздневизантийском обществе, без сомнения, можно считать любые примеры, подобные клаузуле уже рассмотренного хрисовула 1380 г., пожалованного ватопедским монахам. Здесь говорится об их «праве устанавливать и улучшать» («ἐπ' ἀδείας συνιστᾶν καὶ βελτιοῦν») свои поместья, в которых монастырь поселяет

зависимых от него проскафименов для того, чтобы приводить монастырское хозяйство к «лучшему» [25, № 161.10–12 etc.]. С другой стороны, хотелось бы отметить иск 1380 г. знатного семейства, оспорившего земли в палеохорионе Св. Николая в Ермилее, принадлежавшие свояку из семейства Доблицинов (Деблицинов). Этот иск, надо сказать, затрагивал имущественные интересы Ватопедского монастыря. В рассматриваемом документе ясно сопоставлено право представителей господствующего класса на их недвижимость и произведенные в их владениях улучшения. Решающая, по мнению истцов, аргументация интегрирована воедино в сжатой юридической формуле выражения «всякого права и всего улучшения» («παντὸς δικαίου καὶ πάσης βελτιώσεως») в отношении принадлежащего им имущества [25, № 162.6]. Фактическим обоснованием указанной формулы допустимо считать последующее заявление истцов, изложенное, следует подчеркнуть, в весьма риторичной форме, о понесенных ими расходах и вложенных в свои имения «больших трудах», и даже пролитых «потах» («κόπους... πολλοὺς καὶ ἰδρώτας»), дабы вырвать свои имущества из рук жадных захватчиков [25, № 162.9–10 etc.]. С этой точки зрения не столько важны бесплодные результаты возбужденного иска, сколь доминирующие в ментальности господствующих кругов поздневизантийского социума умонастроения, касающиеся их отношения к производимым в их поместьях «улучшениям». Сказанное подкрепляет и позиция ответчика, изъятая тремя годами позже при продаже его имения Ватопедскому монастырю. Заключение в то время акт продажи содержит взаимное обязательство сторон относительно всех выплат, которые будут сделаны в связи с «улучшением» («ἐπὶ βελτιώσει») в проданном имении [25, № 163.39–40].

Одновременно нельзя не вспомнить о дарственной Богдана Фронима, землевладельца, который в 1400 г. «отказал» Ватопедскому монастырю в пригородах Фессалоник приобретенную ранее у него землю вместе с его, Богдана Фронима, «собственными людьми» и «всем улучшением» («πᾶσαν βελτιώσιν»). Оно было сделано собственником на своей земле постольку, поскольку Богдан Фроним считал себя полноправным обладателем

«права» на нее и поселенных там крестьян [25, № 184.3–4]. В этом свете предстает вопрос о характере сделанного собственником «всякого тут улучшения собственного моего и всех прав, сколько я имел» («πᾶσαν τὴν αὐτόθι βελτίωσιν τὴν ἰδικὴν μου καὶ πάντα τὰ δίκαια ὅσα εἶχον ἐγὼ») [25, № 184.4–7 etc.].

Альтернативы. Наряду с понятием «βελτίωσις» требуется охарактеризовать также понятие «βελτίωμα», которое сигиллий 1267 г. Михаила VIII Палеолога в сочетании со ссылкой на «восстановление» (ἐξ ἀναστήματα καὶ βελτιώματα) соотносит с «правами» (τὰ δίκαια) Дохиарского монастыря на пожалованные ему имущества [14, № 8.13–15 etc.]. Указанные понятия отличает глубокая синонимичность при определенной семантической широте их понимания византийцами. В частности, «восстановление» может подразумевать ввод в сельскохозяйственный оборот и виноградника (например, см.: [40, № 77.172–173; 18, № 109.560–562]), и мельницы [30, № 74.300]. В свою очередь, содержание понятия «улучшение» более ясно коррелирует с проблемой «внутренней колонизации», проведением земледельческих и других сельскохозяйственных работ. К такому содержанию понятия «улучшение» тяготеет его семантика в документах XIII в., относящихся к юго-западным районам Малой Азии, в частности, поселку Сфурно и соседних селений, где встречается ряд упоминаний «βελτίωμα», включая «наследственные улучшения» («τῶν γονικῶν ἤμῶν βελτιωμάτων») (например, см.: [10, р. 37]). Именно в этой связи судебное решение конца XIII в. по поводу спора между Ивирским монастырем и его арендатором, иереем Николаем Платискалито, прибегает к понятию «βελτίωσις» и термину «βελτίωμα». Здесь первое из названных видов «улучшений» ассоциируется с уплатой пакта за предоставленный в аренду земельный надел с насаждениями виноградника, а второе практически опосредует этим видом аренды, собственно говоря, обозначение земельного участка [30, № 67.28–30 etc., 59 etc.].

С другой стороны, Андроник III Палеолог соотносит свое признание проделанных афонскими насельниками «улучшений» (τῶν βελτιωμάτων) с имениями и метохами, например, в грамоте, пожалованной в 1328 г. Зографскому монастырю, где говорится о

принадлежащем ему селе и податном обложении поселенных там крестьян, ранее переданных под начало проиара [50, Auth. № 30.46–49 etc.]. Равным образом следует отметить в клаузуле хрисовула 1329 г. Андроника III Палеолога ссылку на «имения» и метохи Ватопедского монастыря, с которыми сопоставлено упоминание «улучшений» (τῶν βελτιωμάτων), очевидным образом относящихся к состоянию монастырских мельниц, виноградников и прочих владений вместе с их «правами» [23, № 68.105–109]. Подобную формулу можно, наверное, признать показательной или даже типичной, поскольку она практически повторена в решении 1375 г. суда Фессалоник. Его постановление предусматривает возврат Ватопедскому монастырю ранее отошедшей ему веррийской обители Иоанна Крестителя, по названию Петры. В судебном акте цитируется прошение ватопедских насельников, где вопрос о принадлежащих им «имениях» и метохах сочетается с аргументом об «улучшениях» (τῶν βελτιωμάτων) мельниц и виноградников, а также прочих монастырских владений наряду с «правами» на них [24, № 144.103–104 etc.].

Особый интерес вызывают сведения ватопедского акта 1376 г., раскрывающие подробности аренды городских владений монастыря в составленных по этому случаю арендных договорах. В них наряду, собственно говоря, с содержанием заключенных пактов и их условиями на передний план выходит проблема «улучшений». Она получает отображение в сочетании, кажется, всех лексических средств, ставших предметом внимания. Согласно первому из этих актов, Ватопедский сдал в пожизненную аренду садовый участок в Веррие императорскому «служителю» Алексею Цамплакону [24, № 149]. Заключенная им сделка предусматривала обязанность арендатора не просто «улучшить и устроить» (βελτιῶν καὶ συνιστῶν) сад с тем, чтобы вернуть его собственнику вместе с проделанными там «улучшениями» (βελτιωμάτων). Их гарантией, по всей видимости, служила описанная в акте аренды задача сажать плодоносные деревья, по словам Алексея Цамплакона, «собственными руками», а также упомянутые в пакте дважды «имения» арендатора [24, № 149.11–16 etc., 20–23 etc.].

Второй арендный договор 1376 г. был заключен Ватопедским монастырем с Константином Киприаносом и касался «подворья» (αὐλή) в одном из кварталов Фессалоник, которое перешло монастырскому метоху от великого папы Цамплакона [24, № 150]. Здесь речь сразу же зашла об «улучшениях» (βελτιώσεις), которые предстояло выполнить ввиду необходимости, как следует понимать, уплаты телоса, основного налога. Константин сразу же приступил к работам, в ходе которых арендатор принялся «улучшать» («ἐβελτίωσα») подворье для его приведения в «более лучшее (βελτίωνα) и более духовное состояние» [24, № 150.5–9 etc.]. Константин, будучи исполнен «христианского и православного» пафоса, и далее продолжает рассуждать о «горнем», но сделанные обещания побуждают арендатора действовать прагматично. И потому на передний план выходит заявление Константина «строить и улучшать (ἀνοικοδομήσω καὶ βελτιώσω) дома» и вообще содержать храм и «все, что будет осуществлено» на подворье «под моими улучшениями» («ὕπ' ἐμοῦ βελτιώματα») [24, № 150.14–16]. Предусматривается также возможность для арендатора передать храм и подворье вместе с выполненными там «улучшениями и обустройством» («βελτιώματα καὶ συστήματα μου») какому-либо преемнику [24, № 150.16–18]. А после его кончины и храм, и подворье, и все, что будет там «сделано и улучшено» («γενησόμενά τε καὶ βελτιωθησόμενα»), надлежит возратить «под собственность и господство» монастыря [24, № 150.18–20 etc.]. И словно подводя итог, в заключение своей договоренности Константин Киприанос от своего имени и имени своего преемника подкрепляет обещание монастырю не нарушать его права в отношении храма и тех «улучшений и домов», которые будут там сделаны и построены («γενησομένων βελτιωμάτων καὶ οἰκοδομημάτων») [24, № 150.29–31].

Анализируемые наблюдения, надо признать, не вносят полной ясности по вопросу об отличиях между двумя разновидностями обозначений «улучшений», имеются в виду понятия «βελτιώσεις» и «βελτιώματα». Тем не менее, как демонстрируют документы последующих лет, можно предположить определенные семантические различия между этими двумя понятиями. В частности, указ 1429 г. деспота

Димитрия Палеолога относительно имений Лавры Афанасия на Лемносе подтверждает, что понятие «βελτιώσεις» неотделимо от сферы налогообложения и податных изъятий, куда вовлечено зависимое крестьянство [19, № 167.14–17, 17–19 etc.]. Весьма вероятно, таково было обозначение процесса проведения улучшений, о чем свидетельствует пожалованный еще раньше Иоанном II Палеологом хрисовул 1404 г. относительно податного обложения хориона Дримосирта. Согласно этому указу монахам Лавры надлежало получать содействие «в улучшении и увеличении их села». Подобного рода содействие предполагало ограничение чиновников фиска, касающееся недопустимых взысканий и прочих податных претензий [19, № 155.31–32 etc., 40–42]. В то же время термин «βελτιώματα», предположительно, служил для обозначения результатов проделанных «улучшений». К этой оценке понятия «βελτιώματα» побуждает склоняться еще один акт. Так, Иоанн Кантакузин пожаловал в 1350 г. хрисовул монемвасийскому монастырю Св. Марии Мегаспелион, где в формулярных распоряжениях относительно статуса его имений со ссылкой на предшествующие акты в качестве обозначения ранее выполненных «улучшений» использовано именно понятие «βελτιώματα» [11, p. 192].

Заключение. Итак, несмотря на тот факт, что большая часть собранных свидетельств является неохватимой частью формуляра изученных документов, они говорят о широком распространении у средневековых византийцев представлений об «улучшениях». Прямо или косвенно соответствующие воззрения пронизывали все слои средневекового социума. Изучение концепта «улучшения» и терминологической сущности отвечающих тому понятий, без сомнения, служит раскрытию подлинной природы не только экономических и социальных, говоря конкретнее, поместных и общинных отношений. Социокультурная значимость рассмотренных в этой связи понятий, аккумулировавших идею «улучшения» независимо от лексических способов ее выражения, очевидно велика. Разносторонний анализ концепта «улучшение» доказывает, что свойственная названному понятию прагматика тесно соприкасалась с духовными началами повседневного поведения средневековых ви-

зантийцев. Оно отнюдь не было ограничено только религиозными установками, а проецировалось на образ жизни современников рассматриваемой исторической эпохи в широком спектре различных смысловых оттенков понятия «улучшения».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, см.: [37, p. 33; 43, p. 235–236, 259, 272, 284, 295, 299, 302, 309; 39, p. 352–364, esp. p. 352–353 etc., 357, 358–359, 361; 56, p. 379–381; 40, p. 458–462; 45, p. 830, 873; 41, p. 96 etc., 104–105, 106–107, 108–109 etc., 114, 175–176 etc., 177; 42, p. 23, 25–26, 29–30, 32–33, 43; 34, p. 19–20, 442 etc., 468, 470–471].

² Подробнее «Типике» Григория Пакуриана см.: [6]. Там же указана основная литература. Также см.: [1].

³ О характере предполагаемых указанным хрисовулом «улучшений», как о проведении «земледельческих мероприятий» и «строительной деятельности» Григория Пакуриана, а также об атрибуции данного хрисовула подробнее см.: [6, с. 221].

⁴ Например, см.: [52, № 50.49–50; № 53.63–67 etc.; № 55.30–33 etc.; № 71.10–12, 15–18, 35–40 etc.; № 93.35–36 etc.; № 106.113–115; 53, № 124.21–29 etc.; № 139.23–28 etc.; № 151.72–75 etc., 127–128 etc.; 54, № 184.64–69; № 209.9–11, 21–23 etc.; № 258.18–19 etc., 23–25 etc.]; также см.: [7, p. 72, 78, 81, 100 etc., 138 etc., 167, 194, 231, 281–282 etc., 314, 329–330, 423–424, 454–455, 487 etc., 502–503, 516, 568–569, 571; 8, p. 65–66, 96–97, 152–153, 222, 272, 321, 323, 388–389, 399, 410–411, 414–415, 467 etc., 496, 525–526].

⁵ Например, см.: [23, № 41.19–20; № 42.27, 33, 43; № 62.66; № 66.4, 11–12; 24, № 89.13–15; № 110.10–11, 36–37, 44 etc.; № 116.2–4; № 117.20 etc.; № 121.10–12 etc.; № 123.7–9 etc.; № 140.49–50 etc.; № 149.20 etc.; № 150.6–7 etc., 14–15 etc., 18–20 etc.; 25, № 161.12 etc.; № 193.21 etc.; № 210.11; 13, № 2.46; № 3.15; 49, № 3.60; № 4.4 etc., 44 etc.; 50, Auth. № 26.38–39; № 27.29; № 39.4; 32, № 2.5, 10–12, 17–18; № 4.15–17; № 8.12–13, 20–22; № 26.56 etc.; № 30.19–20; № 32.8–10, 11–14, 15–16; № 34.18–21; № 40.9–10; 10, p. 17; 11, p. 77–80, 157, 162, 259, 266 etc.].

⁶ О гетериархе см.: [47, p. 925–926].

⁷ Предполагается, что Андроник II имеет в виду орфанотрофа Трифона Кедрина; о нем см.: [51, № 11604]. О чине орфанотрофа см.: [48, p. 1537–1538].

⁸ О статусе солдат-«клазоменитов» подробнее см.: [34, p. 346–348, 428 etc., 467–468]; там же см. основную литературу.

⁹ Об адельфатах см.: [46, p. 19].

¹⁰ Также см.: [31, № 98; 33, № 24]; о существовании спора Ивирского монастыря и Аргиропулов подробнее см.: [44, p. 159–175]; там же см. основную библиографию.

¹¹ О термине «катедра» подробнее см.: [3].

REFERENCES

1. Arutyunova-Fidanyan V.A. «Povestvovanie o delakh armyanskikh» (VII v.) i «Tipik Grigoriya Pakuriana» (XI v.): grecheskiy yazyk armyano-khalkedonitskikh pamyatnikov [“The Narration About the Matters Armenian” (VII v.) and “Typic of Gregorius Pakurian” (XI v.): The Greek Language of the Armenian-Chalcedon Monuments]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [The Journal of Orthodox Saint-Tikhon Humanitarian University], 2014, no. 5 (40), pp. 9-21.

2. Vin Yu.Ya. Ponyatiye «douleβa» kak sotsiokulturnyy kontsept v reprezentatsii vizantiyskikh aktov [The Notion «δουλεβα» as a Sociocultural Concept in Presentation of Byzantine Acts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 149-161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.15>

3. Vin Yu.Ya. Sotsialno-ekonomicheskoe sodержanie termina «kathedra» vizantiyskikh dokumentov [The Social and Economic Contents of Term “kathedra” of the Byzantine Documents]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1983, vol. 44, pp. 202-211.

4. Medvedev I.P. Diplomatika chastnogo vizantiyskogo akta [The Diplomats of Byzantine Acts]. *Problemy istochnikovedeniya zapadnoevropeyskogo srednevekovya* [The Problems of Studies of Sources of West Middle Ages]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 124-147.

5. Medvedev I.P. *Ocherki vizantiyskoy diplomatiki: (chastnopravovoy akt)* [The Essays of Byzantine Diplomats: (The Civil Act)]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 262 p.

6. Arutyunova-Fidanyan V.A., ed. *Tipik Grigoriya Pakuriana* [Typic of Gregory Pakurian]. Yerevan, AN ArmSSR, 1978. 249 p.

7. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. In 6 Vols. Vol. 1.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1860. x, 607 p.

8. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. In 6 Vols. Vol. 2.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1862. 608 p.

9. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. In 6 Vols. Vol. 3.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1865. xxii, 395 p.

10. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. In 6 Vols. Vol. 4, T. 1.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1871. xiv, 441 p.
11. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. In 6 Vols. Vol. 5, T. 2.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1887. 481 p.
12. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. In 6 Vols. Vol. 6, T. 3.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1890. viii, 452 p.
13. Oikonomidès N., ed. *Actes de Dionysiou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1968. xi, 251 p.
14. Oikonomidès N., ed. *Actes de Docheiariou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1984. xiv, 397 p.
15. Oikonomidès N., ed. *Actes de Kastamonitou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1978. xi, 129 p.
16. Lemerle P., ed. *Actes de Kutlumus. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1988. x, 478 p.
17. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. In 4 Vols. Vol. 1.* Paris, P. Lethielleux, 1970. x, 447 p.
18. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. In 4 Vols. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 1977. xvi, 316 p.
19. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. In 4 Vols. Vol. 3.* Paris, P. Lethielleux, 1979. xx, 230 p.
20. Kravari V., ed. *Actes de Pantocrator. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1991. xvi, 232 p.
21. Regel W., Kurts E., Korablev B., eds. *Actes de Philothée. A. Actes Grecs. Vizantiysky vremennik [Byzantina chronika], vol. XX. Prilozhenie I [The Addition 1], pp. iv, 1-39. (esp. pagination)*
22. Lemerle P., Dagron G., Ćirković S., eds. *Actes de Saint-Pantéléémôn. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1982, xii, 238 p.
23. Bompaire J., Lefort J., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Vatopédi. Texte. In 3 Vols. Vol. 1.* Paris, P. Lethielleux, 2001, xx, 475 p.
24. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., eds. *Actes de Vatopédi. Texte. In 3 Vols. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 2006, xviii, 525 p.
25. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., Gómez R.E., eds. *Actes de Vatopédi. Texte. In 3 Vols. Vol. 3.* Paris, Peeters, 2019, xx, 550 p.
26. Papachryssanthou D., ed. *Actes de Xénophon. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1986, xvi, 399 p.
27. Lefort J., ed. *Actes d'Esphigménou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1973. xiv, 250 p.
28. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Métrévéli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 Vols. Vol. 1.* Paris, P. Lethielleux, 1985. xiv, 318 p.
29. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Métrévéli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 Vols. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 1990. xiv, 368 p.
30. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Métrévéli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 vol. Vol. 3.* Paris, P. Lethielleux, 1994. xiv, 412 p.
31. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Métrévéli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 Vol. Vol. 4.* Paris, P. Lethielleux, 1995. xii, 260 p.
32. Guillou A., ed. *Les archives de Saint-Jean Prodrome sur le mont Ménécée.* Paris, Pr. univ. de France, 1955. 220 p.
33. Dölger F., ed. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. Textband.* München, Verl. Bisch. F. Bruckmann, 1948. 363 S.
34. Bartusis M.C. *The Land and Privilege in Byzantium: The Institution of Pronoia.* Cambridge, Cambridge Univ. Pr., 2012. xlv, 697 p.
35. Nystazopoulou-Pelekidou M., ed. *Byzantina eggrapha tēs monēs Patmou [The Byzantine Documents of Monasterium Patmos].* Athens, EIE, 1980, vol. 2, Demosiôn leitourgôn [The State Services], xx, 309 p.
36. Dölger F. *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. 2. Aufl.* Hildesheim, Georg Olms Verl., 1960. 165 p.
37. Geyer B. Physical Factors in the Evolution of the Landscape and Land Use. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh Through the Fifteenth Century. In 3 Vols. Vol. 1.* Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 31-45.
38. Zachariae à Lingenthal C.E., ed. *Jus graecoromanum. In 7 Vols. Vol. 3.* Lipsiae, T.O. Weigel, 1857. xxxiv, 748 p.
39. Laiou A.E. The Agrarian Economy, Thirteenth-Fifteenth Centuries. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh Through the Fifteenth Century. In 3 vol. Vol. 1.* Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 352-375.
40. Laiou A.E. The Church, Economic Thought and Economic Practice. Morrisson C., Dorin R., eds. Laiou A.E. *Economic Thought and Economic Life in Byzantium.* Farnham, Surrey, Ashgate, 2013, pt. ii, pp. 435-464. (esp. pagination)
41. Laiou A.E., Morrisson C. *The Byzantine Economy.* Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2007. 270 p.
42. Laiou A.E., Simon D. Of Mills and Monks: The Case of the Mill Chantax. Morrisson C., Dorin R., eds. Laiou A.E. *Economic Thought and Economic Life in Byzantium.* Farnham, Surrey, Ashgate, 2013, pt. x, pp. 1-50. (esp. pagination)
43. Lefort J. The Rural Economy, Seventh-Twelfth Centuries. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh Through the Fifteenth Century. In 3 vol. Vol. 1.* Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 231-310.

44. Matschke K. P. *Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert: Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354*. Berlin, Akad. Verl., 1971, 264 p.

45. Morrisson C., Cheynet J. C. Prices and Wages in the Byzantine World. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh Through the Fifteenth Century*. In 3 Vols. Vol. 2. Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 815-878.

46. Kazhdan A.P. et al., eds. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. In 3 Vols. Vol. 1. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. LIV, 728 p.

47. Kazhdan A.P. et al., eds. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. In 3 Vols. Vol. 2. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. xxxiii, 727-1474 p.

48. Kazhdan A.P. et al., eds. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. In 3 Vols. Vol. 3. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. xxxiii, 1475-2232 p.

49. Pavlikianov C. *The Byzantine Documents of the Athonite Monastery of Karakallou and Selected Acts from the Ottoman Period (1294–1835)*. Critical Edition and Commentary of the Texts. Sofia, “St. Kliment Ohridsky” Univ. Pr., 2015, 295 p.

50. Pavlikianov C. *The Mediaeval Greek and Bulgarian Documents of the Athonite Monastery of Zographou (980–1600)*. Critical Edition and Commentary of the Texts. Sofia, “St. Kliment Ohridski” Univ. Pr., 2014. 912 p.

51. Trapp E. u. a., ed. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. In 12 fasz. Fasz. 5. Wien, Verl. d. Österreichisch. Akad. d. Wissensch., 1981. 231 p.

52. Hunger H., Kresten O., eds. *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel*. In 10 Tl. Tl. 1. Wien, Verl. der Österreich. Akad. d. Wissensch., 1981. 624 p.

53. Hunger H., Kresten O., Koder J., Kislinger E., Cupane C., eds. *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel*. In 10 Tl. Tl. 2. Wien, Verl. der Österreich. Akad. d. Wissensch., 1995. 519 p.

54. Koder J., Hinterberger M., Kresten O., eds. *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel*. In 10 Tl. Tl. 3. Wien, Verl. der Österreich. Akad. d. Wissensch., 2001. 609 p.

55. Svoronos N. *Les Nouvelles des empereurs Macédoniens, concernant la terre et les stratiotes*. Athènes, Centre de recherches byzantines, FNRS; Fondation culturelle de Banque nationale, 1994. xvi, 297 p.

56. Toubert P. Byzantium and the Mediterranean Agrarian Civilization. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century*. In 3 vol. Vol. 1. Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 377-391.

57. Typicon Gregorii Pacuriani. Kauhkchischvili S.G., ed. *Svedeniya vizantiyskikh pisateley o Grusiya* [The Information of Byzantine Writers on Georgia]. Tbilisi, Publ. of AS Georgia SSR, 1963, vol. 5, pp. 97-301. (Georgica: Scriptorum byzantinorum excerpta ad Georgiam pertinentia; vol. 5).

Information About the Author

Yury Ya. Vin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32a, 991119 Moscow, Russian Federation, hkn@igh.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-4123>

Информация об авторе

Юрий Яковлевич Вин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 991119 г. Москва, Российская Федерация, hkn@igh.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-4123>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.15>

UDC 94(495).01+262.5+262.12+262.13+281.1+281.4+281.911+282
LBC 63.3(0)4

Submitted: 07.05.2024
Accepted: 21.10.2024

TWO PIECES OF IMPERIAL CORRESPONDENCE FROM THE *COLLECTIO THESSALONICENSIS*: ISSUES OF THEIR AUTHENTICITY AND CONTENTS

Mikhail V. Gratsianskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The *Collectio Thessalonicensis* is a collection of documents compiled in the 9th century, in which, in addition to papal letters to the bishops of Illyricum and to the Patriarchs of Constantinople, Proclus and Anatolius, two lengthy fragments have been preserved, representing a letter from the Western Emperor Honorius (395–423) to the Eastern Emperor Theodosius II (408–450) and the latter’s response. The correspondence apparently took place in 422 and is devoted to the privileges of the Roman see in Eastern Illyricum, which shortly before had become a prefecture of the Eastern Roman Empire with its capital at Thessalonica. The authenticity of these letters has long been rejected in the scholarly literature. As a consequence, the task of the article is to present the arguments of the old literature, provide new evidence of the authenticity of both fragments, and highlight the ecclesiastical-political and ecclesiastical-administrative situation that they reflect. *Analysis.* The arguments of J. Friedrich, Th. Mommsen, and E. Chrysos in favour of the forgery of these fragments are considered. These arguments range from complete denial to partial acceptance of their authenticity, with speculation about the motives for the falsification and the timing of its implementation. The author of the article points out the inconsistency of these arguments. The newest casual arguments of P. Riedlberger, which deny their authenticity, are also refuted. Based on ascertaining the authenticity of these documents, the author reconstructs the circumstances of the correspondence between the two emperors and the motives of both correspondents in recognising the authority of the Roman see in Eastern Illyricum. The text of the messages and their connections with other similar imperial documents are analysed, and the factor of influence on their composition of the ecclesiastical circles of the West and the East is determined. *Results.* Contrary to the old literature, the authenticity of fragments of correspondence between Honorius and Theodosius II on the issue of church and administrative affiliation of Eastern Illyricum has been put beyond doubt. The letters fit well into the context of other surviving imperial documents that did not have a legislative nature but related to issues of church policy and church governance. From them it is clear that church and administrative issues were entirely under the jurisdiction of the emperors: neither the Pope nor the Patriarch of Constantinople had the means to obtain jurisdiction in a particular region, bypassing the opinion of the emperors. *Funding.* The research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement no. 075-15-2022-1130. Research is conducted on the basis of Sevastopol State University.

Key words: *Collectio Thessalonicensis*, Emperor Honorius, Emperor Theodosius II, Eastern Illyricum, Thessalonica, imperial correspondence, Patriarchate of Constantinople, Bishop of Rome.

Citation. Gratsianskiy M.V. Two Pieces of Imperial Correspondence from the *Collectio Thessalonicensis*: Issues of Their Authenticity and Contents. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 215-230. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.15>

**ДВА ИМПЕРАТОРСКИХ ПИСЬМА ИЗ «ФЕССАЛОНИКСКОГО СОБРАНИЯ»:
ПРОБЛЕМЫ ПОДЛИННОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ****Михаил Вячеславович Грацианский**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация;
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* «Фессалоникское собрание» – составленная в IX в. подборка документов, в которой помимо папских посланий к епископам Иллирика и к константинопольским патриархам Проклу и Анатолию сохранилось два пространных фрагмента, представляющих собой письмо западного императора Гонория (395–423) восточному императору Феодосию II (408–450) и ответ последнего. Переписка состоялась, по-видимому, в 422 г. и посвящена привилегиям римской кафедры в Восточном Иллирике, который незадолго до того стал префектурой Восточной Римской империи со столицей в Фессалонике. Подлинность этих писем долгое время отвергалась в научной литературе. Как следствие, задачей статьи является представление аргументов старой литературы, приведение новых доказательств подлинности обоих фрагментов и освещение той церковно-политической и церковно-административной ситуации, которую они отражают. *Анализ.* Рассматриваются аргументы И. Фридриха, Т. Моммзена и Е. Хрисоса в пользу подложности данных фрагментов. Эти аргументы варьируются от полного отрицания к частичному признанию их подлинности с предположениями о мотивах фальсификации и времени ее осуществления. Автором статьи последовательно указывается на несостоятельность этих аргументов. В том числе опровергаются и новейшие, сделанные походя рассуждения П. Ридльбергера, отрицающие подлинность фрагментов. На основе констатации подлинности документов автором дается реконструкция обстоятельств переписки двух императоров и мотивов обоих корреспондентов в деле признания авторитета римской кафедры в Восточном Иллирике. Анализируется текст посланий, их связи с другими аналогичными императорскими документами, определяется фактор влияния на их составление церковных кругов Запада и Востока. *Результаты.* Вопреки старой литературе подлинность фрагментов переписки Гонория и Феодосия II по вопросу церковно-административной принадлежности Восточного Иллирика несомненна. Послания хорошо встраиваются в контекст других сохранившихся императорских посланий, не имевших законодательного характера, но касающихся вопросов церковной политики и церковного управления. Из них явствует, что высшей инстанцией по рассмотрению церковно-административных споров были императоры: ни римский папа, ни константинопольский патриарх не имели инструментов для получения юрисдикции в том или ином регионе в обход мнения императоров. *Финансирование.* Работа подготовлена в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2022-1130.

Ключевые слова: «Фессалоникское собрание», император Гонорий, император Феодосий II, Восточный Иллирик, Фессалоника, императорская переписка, константинопольский патриархат, римский епископ.

Цитирование. Грацианский М. В. Два императорских письма из «Фессалоникского собрания»: проблемы подлинности и содержания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 215–230. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.15>

Введение. «Фессалоникское собрание» – подборка из 27 писем, посвященных в абсолютном своем большинстве иллюстрации политики римской кафедры в отношении Восточного Иллирика от времени папы Дамаса (366–384) до Льва Великого (440–461)¹. Эта подборка писем присоединена к актам собрания римского клира, состоявшегося в ян-

варе 531 г. под председательством папы Бонифация II (530–532) [5; 42; 46; 41; 21; 23, S. 101–106, 511–514; 25; 32; 10, p. 270–282; 30; 1; 3]. Среди этих писем находятся также два пространных фрагмента посланий, представляющих собой переписку между западно-римским императором Гонорием (395–423) и восточно-римским Феодосием II (408–450).

Эти письма посвящены обсуждению вопроса о прерогативах римской кафедры в пределах Восточного Иллирика – территории, юрисдикцию восточного двора над которой западный двор оспаривал [11, р. 106–173; 27, р. 60–66; 40, р. 189–195].

К 20-м гг. V в. территория Восточного Иллирика в составе двух диоцезов Дакии и Македонии была административно оформлена как префектура Восточной Римской империи, однако окончательно ее положение было урегулировано западным и восточным двором, предположительно, лишь в 437 г. [39]. Столицей вновь созданной префектуры стал город Фессалоника, епископы которого вместе с прочим епископатом региона традиционно в своей церковной политике ориентировались на западные центры – Медиолан и Рим. «Фессалоникское собрание» фиксирует для нас дату первой попытки создания особого церковно-административного округа на территории двух диоцезов, первенствующим епископом которого должен был стать фессалоникский митрополит, который, в свою очередь, должен был признать определенную зависимость от римского епископа – 17 июня 412 года. Эта дата, так же, как и форма подчинения Восточного Иллирика верховной юрисдикции римского папы, была прописана в послании папы Иннокентия I (402–418) к Руфу Фессалоникскому и впоследствии многократно подтверждалась последующими папами, письма которых также сохранило для нас главным образом «Фессалоникское собрание».

В 421 г. император Феодосий II своим эдиктом установил церковную юрисдикцию над Иллириком константинопольского патриарха и его Собора, однако в результате состоявшейся в 422 г. переписки со своим западным коллегой Гонорием изменил церковно-административный статус региона, фактически признав право юрисдикции в нем римского епископа.

Целью настоящей работы является исследование вопроса подлинности фрагментов письма Гонория и ответного послания Феодосия ², а также изучение их содержания на предмет выяснения того, чем руководствовались оба императора, предоставляя римскому епископу право юрисдикции в регионе, никогда не подчинявшемся в церковном отношении Риму.

Методы. Работа основана на применении историко-критического метода обработки данных текста источников, используемых в оригинале на латинском языке.

Анализ. 14 июля 421 г. на Востоке был опубликован эдикт Феодосия II на имя префекта претория Иллирика Филиппа, который впоследствии был включен в Кодекс этого императора, а затем воспроизведен в Кодексе Юстиниана. Приведем его текст в нашем переводе: «Отменяя всякое нововведение, мы предписываем, чтобы во всех провинциях Иллирика блюлась древность и старинные церковные каноны, которые удерживались вплоть доныне. Потому, если возникнет какое-либо сомнение, да будет необходимо предоставить его священническому собранию и святому суду не без ведома достопочтеннейшего мужа, предстоятеля священного закона константинопольского града, который радуется прерогативам старого Рима»³.

Данный закон, принятый в патриаршество Аттика Константинопольского (406–425/426) ⁴, очевидным образом лежал в русле укрепления власти столичного епископа на прилегающих территориях, причем это укрепление происходило посредством императорского законодательства в той же мере, в какой создание и укрепление юрисдикции римского епископа в Италии и Галлии происходило на основе законодательства западных императоров. Восточное и западное императорское законодательство осуществлялось по представлениям священства ⁵, в двух примечательных случаях обращавшегося к императорам с просьбой об «увеличении чести» епископов Рима и Константинополя. В случае Рима это имело место в 378 г., когда с прошением к императорам обратились члены Римского собора, а в случае Константинополя это было 3-е правило Константинопольского собора 381 г., даровавшее восточной столице как Новому Риму ⁶ «преимущества чести» после римского епископа в соответствии с прошением епископского собрания, представлявшего практически все регионы Восточной Римской империи. Как следствие, в 378/379 г. папе Дамасу было дано личное пожалование вершить церковный суд в Италии и Галлии.

С Константинополем дело обстоит несколько сложнее ⁷, однако при Иоанне Златоу-

сте (398–404) мы имеем многочисленные факты управления константинопольским предстоятелем церковными делами Малой Азии, а применительно к Аттике мы уже имеем точные сведения об императорском законодательстве в отношении прерогатив столичного епископа: церковный историк Сократ Схоластик сообщает об императорском указе, который наделял Аттику личными полномочиями в отношении утверждения епископских кандидатур⁸. Таким образом, у нас имеются надежные свидетельства того, что в годы, следующие за делегированием папой Иннокентием полномочий по церковному управлению Иллириком Руфу Фессалоникскому в 412 г., императором Феодосием начинает законодательно закрепляться и поощряться процесс консолидации под властью константинопольской кафедры регионов, не входивших в юрисдикцию александрийской и антиохийской кафедр, прерванный кризисом вокруг Иоанна Златоуста [15].

Как можно удостовериться, Феодосий прежде всего требует соблюдения в Иллирике «древности и старинных церковных канонов». Предписание имеет общий характер, и очевидно, что речь идет о соблюдении всей совокупности принятых канонов, прежде всего апостольских и «канонов святых отцов», то есть никейских. Очевидно, что по умолчанию этот канонический корпус включает каноны относительно провинциального церковного устройства во главе с митрополитами, соблюдения прав митрополитов в деле рукоположения епископов и возглавления провинциальных Соборов. Поскольку вопрос о прерогативах митрополитов и решении вопросов на сверхпровинциальном уровне был в тот момент основным как на Востоке, так и на Западе, то очевидно, что под следованием канонам понималось именно соблюдение прав митрополитов и их Соборов при отсутствии вмешательства со стороны посторонних кафедр. Как апелляционная инстанция предлагалась Константинополь, однако никакой проблемы в этом не было, поскольку столица в силу своей географической близости являлась совершенно естественным центром решения сверхпровинциальных дел: Фессалоника была несколько ближе, но и Константинополь не был чрезмерно отдален. Кроме того, как место пребыва-

ния императорской власти столица была более предпочтительным центром для решения всего спектра возникающих вопросов: для епископов как представителей городов, часто выполнявших миссии вполне светского характера, возможность обратиться к высшей власти или осуществить в столице «лоббирование» через влиятельных людей была важным фактором.

Также, как можно видеть, императорский указ создавал в Иллирике вполне льготный режим для существования митрополий, поскольку не наделял константинопольского предстоятеля и столичный Собор какими-либо атрибутами власти над Церквами иллирийских провинций: вмешательства в дела митрополий, права рукоположений и обжалования решений провинциальных Соборов со стороны константинопольского архиепископа указ не предусматривает. Поскольку в это же время со стороны Запада запускается процесс институционализации церковного контроля над Иллириком, то вполне естественно, что в него через некоторое время напрямую вмешивается и западный император, поскольку очевидно, что без его помощи сохранение Иллирика в церковно-политической орбите Запада в сложившихся обстоятельствах не имело перспективы.

Прежде чем приступить далее к анализу факта обмена письмами между Гонорием и Феодосием, представляется необходимым дать краткий историографический очерк дискуссии о подлинности содержащихся в «Фессалоникском собрании» фрагментов переписки между августейшими коллегами. Необходимость вызвана тем, что начало научно-критического изучения как «Фессалоникского собрания» в целом, так и фрагментов переписки императоров было положено заявлением об их неподлинности, сделанным немецким ученым Иоганном Фридрихом [19].

И. Фридрих отмечал тот факт, что эдикт Феодосия от 421 г. не был отменен после переписки Гонория и Феодосия в 422 г. и в дальнейшем фигурирует как в Кодексе Феодосия, так и Юстиниана. Письма папы Бонифация, составленные после императорской переписки и как бы по ее следам, никак не упоминают ни ее, ни предшествующий эдикт Феодосия. По мнению Фридриха, составление этих писем следует

считать фальсификатом VI в. времен папы Агапита (535–536), нацеленным на то, чтобы повлиять на политику Юстиниана в отношении папства, которое во время возобновления отношений с Востоком после «Феликианской схизмы» в 519 г. попыталось восстановить свое влияние в Иллирике. Подозрительным Фридриху также кажется в рескрипте Феодосия Гонорию упоминание во множественном числе «префектов Иллирика», в то время как префект должен был быть один, поскольку Западный Иллирик не относился к Восточной империи: по мнению Фридриха, это соответствовало реалиям юстинианова времени, когда после создания в Иллирике города Первой Юстинианы в ней был поставлен отдельный префект. Дополнительно Фридрих отмечает, что если в письме папы Николая I (858–867) есть сведения, позволяющие судить о том, что ему были известны письма в Иллирик римских пап, то об императорских письмах он в нем не упоминает [19, S. 860–861, 884–886].

Наблюдения И. Фридриха поддержал Теодор Моммзен [28]. Признавая в целом вывод Фридриха о наличии в «Фессалоникском собрании» поддельных документов, великий германский антиковед специально высказал устные аргументы в поддержку тезиса о неподлинности императорских писем. По его мнению, эти экземпляры могут считаться подложными по формальным основаниям: 1) они противоречат принципу совместного издания законов императорами в обеих частях империи, в силу чего отмена эдикта 421 г. должна была быть произведена совместным законом обоих императоров; 2) переписка между императорами за пределами законодательных актов не зафиксирована источниками; единственным примером, по Моммзену, может считаться письмо Феодосия II к Валентиниану III по поводу публикации на Западе одного эдикта, изданного для Востока (Theod. II.2.1); изданный в удовлетворение этой просьбы Валентиниана III эдикт уже по всей форме содержит упоминание обоих императоров (nov. Val. III. 25); 3) в силу этого письмо Гонория также должно было быть опубликовано, а рескрипт Феодосия должен был быть оформлен в виде указа от имени двух императоров.

По мнению Моммзена, этих формальных замечаний достаточно, чтобы считать пись-

ма императоров поддельными. Что касается цели фальсификатора, то едва ли она состояла в том, чтобы противодействовать включению указа Феодосия от 421 г. в Кодекс Юстиниана, поскольку в этом случае фальсификация была бы слишком заметной. Как следствие, в качестве времени ее создания Моммзен предлагает считать период до издания юстинианова Кодекса или время, когда тот еще не получил распространения в Италии. Однако он признает, что для времени Юстиниана в целом подложность документов была слишком «прозрачной» (*durchsichtig*).

В дальнейшей историографии мнения Фридриха и Моммзена не получили поддержки. В особенности католическая историография приложила усилия к тому, чтобы однозначно заявить о подлинности всего собрания, однако наиболее аргументировано против мнений Фридриха выступил русский исследователь, впоследствии протоиерей Петр Иванович Лепорский в своей монографии [5].

Несмотря на утвердившийся с определенного времени консенсус относительно подлинности частей «Фессалоникского собрания», в 1971 г. греческий исследователь Евангелос Хрисос вновь обратился к этому вопросу и уже с других позиций попытался продемонстрировать правоту мнений Фридриха и Моммзена относительно императорских писем в составе собрания [13]⁹.

Что касается краткой работы Е. Хрисоса, то он, в целом присоединяясь к мнениям Фридриха и Моммзена, намеревается уточнить их тезисы и предложить собственные соображения. Прежде всего, он считает подлинным текст письма Гонория к Феодосию в составе «Фессалоникского собрания» по причине наличия в нем важного пересечения с письмом папы Бонифация, не находящимся в составе «Собрания» и отмеченного в свое время Эрихом Каспаром [13, S. 244]. При этом он полагает, что рескрипт Феодосия можно вполне считать подложным на основе аргументов, предложенных главным образом Моммзенем. Среди высказываний Фридриха Хрисос выделяет замечание относительно упоминания Феодосием префектов претория Иллирика во множественном числе [13, S. 245].

Затем Е. Хрисос переходит к изложению собственных аргументов. Их два. Во-первых,

исследователь считает невозможным использование римским императором первой четверти V в. латинского слова «*regnum*» («царство») применительно к описанию собственной власти. Констатируя, что использование греческого эквивалента этого слова (*βασίλεια*) было совершенно нормальным уже в это время и даже ранее, он утверждает, что в латинском узусе оно было недопустимо и не встречается в источниках вплоть до юстинианова времени: «...однако слово *regnum* на всем протяжении истории Римской республики и ее фиктивного продолжения в императорское время было настолько обесценено, что ни в коем случае не могло быть использовано в императорском документе»¹⁰ ранее утверждения в Италии остготского королевства: первое упоминание слова «*regnum*» применительно к императорской власти Хрисос фиксирует в обращении папы Иоанна к императору Юстиниану в 534 году.

Вторым аргументом Е. Хрисоса является анахронистическое, по его мнению, использование в рескрипте Феодосия понятия «*sanctissima urbs*» применительно к Риму. Вполне уместным он считает такой эпитет в христианском Средневековье, которое он отсчитывает на Западе с VI в., поскольку именно тогда этот город принял «*sanctitas*» от «*sanctissima prima sedes*», то есть папского престола. Между тем в V в. дело обстояло совсем иначе, во всяком случае, для императорской канцелярии. Хрисос констатирует, что для языческого Рима вполне обычным было определение «*sacratissima Roma*», как его называет, к примеру, Тит Ливий. Тем не менее на это Хрисос замечает следующее: «Однако от несущего на себе языческий отпечаток понятия “*sacratissima Roma*” до перенесения понятия “*sanctus*” в христианской коннотации на город Петра и пап – долгий путь, на который в начале V в. и конкретно на Востоке еще не вступили»¹¹. Соответственно других примеров применения этого термина к Риму, согласно утверждению Хрисоса, в указанную эпоху не имеется. Отметим здесь, что, хотя выражение «*sacratissima Roma*» восходит к языческим временам и нехристианскому восприятию священного, в наших источниках оно присутствует. Так, сам император Гонорий назвал Рим «*sacratissima urbs*» в своем пись-

ме к префекту города Симмаху от 15 марта 419 г., сохранившемся в «Авеллановом собрании» [17, р. 68.24]. В последнем вообще представлены довольно многочисленные случаи приложения к Риму эпитета «*sacratissima*» со стороны христианских императоров.

Таким образом, исследователь считает возможным уточнить мнение Моммзена: рескрипт Феодосия является продуктом более позднего времени. Досадный пробел в доказательствах Римом своих прерогатив в отношении Иллирика был восполнен при составлении «Фессалоникского собрания» подложной вставкой одного документа, который должен был устранить «законную силу» (*Rechtskraft*) эдикта 421 г. о предоставлении Константинополю юрисдикции в отношении церковных дел Восточного Иллирика. В качестве *terminus post quem* фальсификации Е. Хрисос предлагает 534 г. – год появления Кодекса Юстиниана, в состав которого данный эдикт был включен как действующая норма [13, S. 247].

Свои аргументы относительно мнений И. Фридриха, а также, главным образом, Т. Моммзена и Е. Хрисоса, мы изложим ниже в ходе анализа эдикта Феодосия II от 421 г. и переписки западного и восточного соправителей, состоявшейся предположительно в 422 г., а пока перейдем к анализу послания Гонория, запустившего эту переписку.

Итак, в неопределенное, но скорое время после издания Феодосием Младшим указа в пользу константинопольского предстоятеля, император Гонорий направил своему племяннику-соправителю послание следующего содержания¹²: «Не можем мы отрицать, что во всех делах, в которых требуется наша помощь, ходатайство перед слухом твоей милости будет полезным, но по необходимости большая наша забота и усердие причитается тому, что содержится в пожеланиях святого апостольского престола. Ведь поскольку наша Империя всегда управляется благоволением Божиим, не подлежит сомнению, что следует выказывать особое почитание Церкви того града, из которого [и] мы получили и Римскую державу, и священство – начало. Тем самым ничего другого направленное нашим благочестием посольство не потребует, кроме того, что согласно с учением и справедливос-

тью католической веры: ведь оно добивается, чтобы те привилегии, которые встарь были установлены отцами и вплоть до наших времен соблюдались, пребывали непоколебленными. В каковой части твоя тихость¹³, о господин священный сын, досточтимый август, усматривает, что совершенно [ничего] нельзя изымать из старых постановлений, если они записаны в канонические правила, и уязвлять почитание стольких веков новоявленными превратными суждениями. Посему твое величество, изучив обращения нашего благочестия и помня о христианстве, которое было влито в наши груди небесным милосердием, устранив все, что, как говорят, притязаниями различных епископов было достигнуто в Иллирике, да укажет, чтобы сохранялся древний порядок, дабы Римская Церковь при христианских принципах не утратила того, чего она не потеряла [даже] при других императорах».

Прежде чем перейти к анализу содержания письма Гонория, разберем приведенные выше аргументы И. Фридриха и Т. Моммзена, доказывавших его неподлинность. Аргументация Фридриха строится в основном вокруг того, что никаких указаний на переписку между императорами и ее итоги нет в письмах папы Бонифация, составленных непосредственно после того, как она состоялась. Других доказательств в работе Фридриха мы, по сути дела, не обнаруживаем, и тем самым вопрос о подлинности письма западного императора стоит в связи с вопросом подлинности писем Бонифация, которую Фридрих оспаривает. По его мнению, подложность писем Бонифация является доказательством того, что и императорское письмо является подложным.

Большой интерес представляют аргументы Т. Моммзена. На основании собственной колоссальной начитанности в источниках данного периода он высказывает общее соображение о нехарактерности такого жанра переписки для законодательных собраний V–VI вв. и находит ему только одно соответствие в Кодексе Феодосия и связанных с ним документах. Мы, со своей стороны, полагаем, что утверждение Моммзена неверно по той причине, что в поиске аналогий он произвольно сузил круг источников и не совсем верно квалифицировал жанр писем, отнеся их к законодательному. При этом Моммзен не учел зна-

чительный пласт сохранившейся деловой переписки императоров, содержащей распоряжения, не имевшие силу закона, однако представляющие собой распорядительные документы по текущим делам, составленные в виде рескриптов – директив, направленных в ответ на запросы исполнительных властей низшего ранга. Таковые в достаточном количестве представлены в собраниях актов Вселенских соборов и тех, которые по определению Эдуарда Шварца называются «публицистическими собраниями» (*publizistische Sammlungen*), наподобие «Авелланова», которое содержит множество примеров распорядительных императорских документов, не имеющих статус закона¹⁴. В ряду таких документов есть и примеры переписки между западным и восточным императорами: упомянем здесь два письма Гонория к Аркадию по поводу низложения Иоанна Златоуста [36, col. 507–510, 511–512] и переписку 450 г. между западным и восточным дворами по поводу пересмотра итогов Эфесского собора 449 года¹⁵. Показательно, что тексты этой переписки сохраняются как раз внутри церковного документооборота, поскольку относятся к сфере ситуативного регулирования внутрицерковных отношений, в силу чего именно церковная среда оказывается заинтересованной в ее сохранении. Письмо Гонория к Феодосию по поводу Иллирика ничем на этом фоне не выделяется. Таким образом, мы имеем достаточный объем переписки между западным и восточным императорами, чтобы утверждать, что тезис Т. Моммзена оказывается по существу неверен.

Возвращаясь теперь к самому тексту письма Гонория, мы можем констатировать, что оно совершенно очевидным образом реагирует на эдикт Феодосия от 421 г. [32, p. 1117–1118; 15, p. 44–45]. Как указание на повод к появлению последнего следует понимать высказывание западного императора о «новоявленных превратных суждениях»; привилегии римской кафедры Гонорий противопоставляет «притязаниям различных священников», что, по нашему мнению, также красноречиво свидетельствует о том, что он имеет в виду указ 421 г., поскольку кроме «константинопольского предстоятеля», которого требовалось только держать в курсе происходящего,

в нем упоминалось «священническое собрание», которое собственно и должно было творить суд. Упоминание многих акторов, таким образом, давало Гонорию возможность говорить не об одном столичном архиепископе, а о «различных епископах», в том числе, очевидно, и иллирийских. Восприятие императором Римской Церкви достаточно примечательно: Рим для него одновременно и начало Империи, и начало священства [12, S. 375]. «Начало» (*principium*) священства явно относится ко временам «других», нехристианских, императоров, которых Гонорий упоминает в самом конце послания.

Указания на изначальное, восходящее еще к языческим временам, присущее Риму особое церковное положение, казалось бы, должно было быть достаточно, однако Гонорий указывает и на другой источник церковных прерогатив Рима – «старые постановления, записанные в канонические правила», на основе которых в отношении Рима имеется «почитание стольких веков». Вполне понятно, что единственные каноны, которые мог иметь в виду западный император, – это фальсифицированные в Риме каноны Никейского собора, среди которых можно предполагать и наличие официально озвученной в 451 г. прибавки в 6-е никейское правило «Римская Церковь всегда имела первенство» [2, с. 245–247]. Тем самым не исключено, что воззрения Гонория на древность и «первоначальность» римского священства строились как раз на осмыслении этой подложной фразы. Показательно, что с помощью этих рассуждений Гонорий обосновывает «принадлежность» Иллирика к церковной юрисдикции Рима: она, по его мнению, основывается на старых привилегиях, установленных канонами, и именно в этом заключается «древний порядок» в отношении статуса иллирийских Церквей.

То, что письмо Гонория вызвано непосредственными нуждами и затруднениями папы Бонифация [5, с. 88–89], можно косвенно установить по одному примечательному совпадению, на которое впервые обратил внимание Эрих Каспар [12, S. 608–609; 13, S. 244]. Тезис Гонория о том, что свои привилегии, – явно, что и в отношении Иллирика, – Римская Церковь имела и не утрачивала даже во времена нехристианских императоров, не

только поразительно антиисторичен¹⁶, но и крайне нехарактерен для всей истории римских претензий на церковное главенство в изучаемый период.

Единственное, по нашим наблюдениям, соответствие этому тезису встречается как раз в это время в послании папы Бонифация, который ввиду своей болезни 1 июля 420 г.¹⁷ обратился к императору Гонорию с просьбой способствовать в случае его кончины мирному и законному избранию нового понтифика. В этом послании встречается следующая фраза¹⁸: «Ведь пока по благоволению Господа ты как почитатель божественной религии председательствуешь в человеческих делах, будет нашей виной, если под Вашей славой, которая, как точно [известно], всегда с большой готовностью благоволила божественным делам, не будет соблюдаться на основе прочного и устойчивого права то, что она (Церковь. – *М. Г.*) обрела на протяжении такой череды лет и даже при таких принципсах, которые не были связаны никакой заботой о нашей религии, то есть при языческих, и под властью Вашей милости не будет вызывать никакого опасения то, что незаконно».

Именно в это время Бонифаций уже находился в переписке с епископатом Иллирика и соответственно, когда пришла необходимость реагировать на принятое в Константинополе решение относительно влияния столичного предстоятеля на церковные дела Иллирика, в Риме и Равенне им был запущен параллельный процесс, который состоял в том, чтобы оказать воздействие на иллирийских епископов и на восточный двор по линии папского престола и по линии западного императора¹⁹.

Итак, в «Фессалоникском собрании» представлен и ответ императора Феодосия на письмо своего западного коллеги. Приведем здесь его перевод²⁰: «Заслуживает достойного суждения всякий, кто окажется доносящим до нашей милости обращения вечного принципса, о господин священнейший отец, досточтимый август, и особенно в рассуждении христианской религии, которая досточтимым чувствам твоего величества была внушена таким образом, что, весьма широко простертая, сохраняется в нашем сердце. Ведь Бог-Творец поставил предстоятелей после христианских принципсов, так чтобы с устра-

нением всякого домогательства сохранялось то, что установлено нашими предками. И хотя не только ради того, что сохранило неповрежденными божественные суды, блюдутся нами обращения твоей вечности и заслуживают быть воспринятыми в быстром порыве со всяким преклонением, но [и] в особенности [ради] того, что во спасение всего века и нашего царства до сих пор хранит [в себе] имя того славного города. Посему, устранив всякое домогательство ходатайствующих епископов Иллирика, мы постановляем, чтобы соблюдалось то, что провозглашают древнее апостольское предание и старые каноны. О каком-то деле по образцу повеления твоей вечности мы обратили наши послания к сиятельным мужам префектам претория Иллирика, чтобы с прекращением домогательств епископов, они заставили особо соблюдать древний порядок, дабы чтимая Церковь святейшего города не утратила установленные старшими привилегии, которые для нас освятила своим именем вечная держава».

Как и в случае с письмом Гонория, обратимся здесь, прежде всего, к рассмотрению аргументов, высказанных исследователями против подлинности данного текста. По поводу возражений Т. Моммзена, которые в равной степени касались и письма Гонория, и ответа на него Феодосия, мы изложили наши соображения выше: они в равной степени применимы и к случаю рескрипта Феодосия. Иначе дело обстоит с аргументами Е. Хрисоса, который, признавая подлинность письма Гонория, привел собственные доказательства подложности рескрипта Феодосия. Первый из них: употребление латинского слова «*regnum*» в императорском документе он считает невозможным, поскольку принятым в официальном делопроизводстве оно становится не раньше юстинианова времени: в документах V в. оно для описания императорской власти не встречается.

Мнение Е. Хрисоса является ошибочным: понятие «*regnum*» как синоним термина «*imperium*» входит в оборот как раз в первой половине V в., и вместе со своими производными (например, прилагательным «*regalis*») встречается в документах этого времени. В 431–432 гг. папа Целестин в письмах к императору Феодосию несколько раз употребляет

этот термин [6, р. 25.21, 28; 88.26, 33], а затем и папа Лев в 449–458 гг. многократно употребляет его в письмах к Феодосию, Маркиану и Льву I [8, р. 4.18; 11.26; 21.6; 41.17; 42.30; 48.13, 24; 69.9; 90.10; 91.9; 94.16; 111.35; 119.12]. В 447 г. оно встречается в новелле Феодосия [24, р. 6.6: *in alterius quoque principis regno*], а затем в двух новеллах Майориана 458 г. [24, р. 156.3: *propitia divinitas, quae regni nostri augeat pro vestra et publica utilitate successus*; 157.3: *regni nostri novitas*]. Уже в указе Валента, Грациана и Валентиниана II от 14 сентября 379 г. встречается выражение «*regalis aula*» [43, р. 743], а в новелле Феодосия от 26 июня 441 г. – «*fundi regales*» [24, р. 15.6]. Таким образом, употребление этого слова в рескрипте Феодосия к Гонорию вполне укладывается во временной контекст и может считаться его первым по времени зафиксированным употреблением.

Что касается второго аргумента Е. Хрисоса относительно того, что употребление Феодосием выражения «*святейший город*» (*sanctissima urbs*) применительно к Риму является анахронизмом, то этот аргумент мы считаем целиком произвольным. Как будет показано выше, в своем послании Феодосий широко употреблял традиционную, восходящую к дохристианским временам, топику в отношении Вечного Города и тем самым «*sanctissima urbs*» в его устах могло употребляться как вполне естественный вариант традиционных эпитетов Рима, таких как «*urbs sacra*» или «*urbs sacratissima*»: в сущности, нам совершенно не ясно, что могло помешать Феодосию назвать Рим таким образом. В качестве сравнительного материала приведем указ императора Маркиана от 7 февраля 452 г., в котором уже Константинополь называется «*sanctissima urbs*» [6, р. 22.19]. Поскольку очевидно, что у восточной столицы с точки зрения церковно-политических отношений было меньше оснований именоваться таким титулом, то совершенно очевидно, что этот титул применялся к нему в силу того, что город имел статус имперской столицы, императорской резиденции и обладал прочими священными атрибутами центра римской государственности. Титулатура Константинополя, отраженная в актах Вселенских соборов, в подавляющем большинстве копирует традиционную титула-

туру, применяемую к императорской столице и своими корнями также уходящую в доконстантиновское время [9, p. 90–91]. Помимо этого, императоры Феодосий и Маркиан не раз именовали Константинополь другим традиционным для Рима титулом «sacratissima urbs» [24, p. 91.19 (nov. X); p. 107 (nov. XX); p. 187.29 (nov. II)]. Со своей стороны, тот же эпитет уже к самому Риму прилагал Валентиниан III [24, p. 127 (nov. XXVIII)]. Ввиду этих данных, по нашему мнению, не может вызывать сомнения то, что Феодосий II в ту же эпоху вполне мог применить этот титул и к Риму²¹.

Отдельно обратим внимание на позицию, представленную по интересующему нас вопросу в недавнем исследовании Петера Ридльбергера [33, S. 111, Anm. 165]. Указав на ошибочность мнения Е. Хрисоса на основании приведенных выше свидетельств новелл Феодосия и Майориана, где присутствует слово «*regnit*», исследователь, тем не менее, решительно заявил о подложности писем императоров [33, S. 111, Anm. 165: “Dagegen ist der angebliche Briefwechsel zwischen Honorius und Theodosius fraglos unecht”]. Содержательное совпадение пассажей в письме Гонория и письме папы Бонифация о прерогативах римской кафедры, восходящих якобы к языческим временам, он считает вовсе неубедительным (*überzeugt gar nicht*) как аргумент в пользу подлинности первого²². Впрочем, свою позицию исследователь аргументирует далее исключительно на основе общих субъективных соображений: он полагает, что «раскланивание» (Kotau) императоров перед Римской Церковью в такой форме невероятно для того времени (*zeitgenössisch unwahrscheinlich*). Очевидно, что он при этом забывает о таких текстах, как рескрипт 378/379 г. о судебных полномочиях римской кафедры, конституции Грациана, Валентиниана II и Феодосия от 380 г., где заявляется о вере папы Дамаса, об указе Валентиниана III 444 г. о судебных прерогативах римской кафедры в Галлии, которые содержат многочисленные восхваления в ее адрес.

Далее П. Ридльбергер полагает, что с языковой точки зрения (*sprachlich*) оба послания слишком «просты» (*viel zu schlicht*) для подлинных императорских посланий и «кто прочтет внимательно по-настоящему подлинные послания императоров, а затем сравнит

их с этими, едва ли сможет не заметить разницы в стиле» [33, S. 112, Anm. 165: “wer die sicher echten Kaiserschreiben aufmerksam durchliest und dann CN 375 II/III vergleicht, wird den Stilunterschied kaum übersehen können”]. По нашему мнению, эти высказывания – вообще не аргументация. Мы, обладая определенной начитанностью в посланиях императоров по делам Церкви, находящихся за пределами законодательных сводов Феодосия и Юстиниана, не видим, чем принципиально отличается по стилю переписка Гонория и Феодосия, скажем, от посланий Гонория к Аркадию по делу Иоанна Златоуста или переписки западного императорского семейства с Феодосием II в 450 г. и тем самым не понимаем, в силу чего для П. Ридльбергера возвышенный стиль, которым пользуется, к примеру, Феодосий в своем рескрипте, оказывается «слишком простым». Кроме того, не ссылаясь на И. Фридриха и Т. Моммзена, П. Ридльбергер воспроизводит их аргументы. Первый, что «затронутая там регламентация относительно Иллирии в то время не существует» [33, S. 111, Anm. 165: “Die darin getroffene Regelung hinsichtlich Illyrien ist kontemporär inexistent”], и второй – у Феодосия упомянуты «префекты претория Иллирика», хотя должен быть один префект. Понятно, что педантичные германские ученые не могут помыслить о том, что законодательный процесс мог дать сбой: если сказано, что будет рескрипт на имя «префектов Иллирика», значит он «*muß sein*»: между тем причин, почему он не появился, может быть бесконечное множество. Повторим наш тезис: Феодосий мог не спешить с изданием рескрипта на имя префекта Иллирика, а ввиду наступившей 15 августа 423 г. смерти Гонория и начала очередной смуты на Западе Феодосий счел уже ненужным издавать его, поскольку выполнение личной договоренности с почившим дядей, на которую он пошел, вероятно, из пиетета, было для него в целом невыгодным. А если он его даже и издал, то мог не включать в Кодекс 438 г. именно по той же причине, что эдикт 421 г. был для Восточной империи более выгодным. Что же касается упоминания Феодосием во множественном числе «префектов претория», то серьезность, с которой немецкие ученые считают это суще-

ственным аргументом против подлинности послания, вызывает удивление ввиду изобилия примеров, когда в латинской прозе в целях художественной деконкретизации вместо единственного числа существительных используется множественное: а ответ Феодосия Гонорию написан стилем довольно высокопарным²³.

Таким образом, выдвинув аргументы против всего спектра опубликованных возражений в отношении подлинности рескрипта Феодосия, мы можем приступить к его анализу как подлинного документа²⁴.

Итак, вывод при чтении этого текста очевиден – восточный император удовлетворяет запрос своего западного коллеги и отзывает свое решение относительно подсудности иллирийских провинций²⁵. Однако этот текст содержит и определенные существенные нюансы. Прежде всего, почти половина текста в довольно выпяченных выражениях передает идею того, что уступка Феодосия вызвана ничем иным, кроме уважения, с одной стороны, лично к Гонорию, а с другой – к «славному» и «святейшему» городу. Феодосий явно подчеркивает особый статус города, причем фразеология письма подобрана так, что до конца остается не вполне понятно, имеет ли восточный император в виду христианское или миродержавное значение Рима. Он не упоминает апостола Петра, апостольский престол, первенство священства и тому подобные папские идеологемы, на которых в значительной мере строится послание Гонория. «Имя славного города», а отнюдь не его христианско-религиозные качества и потенции – вот что является залогом «спасения (*sospitas*) века и царства», однако это скорее можно понять в смысле своеобразной «имперской эсхатологии» (*Reichseschatologie*). Именно в силу того, что Рим – это вечный Рим, а не, скажем, город святого Петра, а также из уважения к просьбе дяди Феодосий соглашается с тем, что «древний порядок» может быть в отношении Рима соблюден на основе неких привилегий²⁶. Далее следует довольно двусмысленная фраза: «которые для нас освятила своим именем вечная держава». Под «вечной державой» – «*perenne imperium*» – можно понимать и царствие небесное в христианском смысле, и вечную Римскую империю: в дан-

ном случае Феодосий продолжает сохранять присущую его письму двусмысленность²⁷. Соответственно его фразу можно двояко и понимать: с одной стороны, привилегии Церкви Рима освящены вечной державой («империей») Бога, а с другой стороны – вечной державой, то есть Римской империей. Последний вариант отражает вполне обычную государственно-политическую практику императорского утверждения всех общецерковных канонических постановлений, в том числе касающихся привилегий «великих престолов», и в целом выглядит более естественно, если судить по тому, что он выражен в терминологии, присущей описанию именно Империи и императорской власти.

Помимо этого, в послании Феодосия присутствует и другой любопытный аспект: восточный император упоминает о наличии ходатайств со стороны епископов Иллирика, которые, вне всякого сомнения, стали поводом к изданию эдикта от 14 июля 421 года. Этим самым император между прочим указывает своему коллеге, что его законодательная инициатива, как это полагалось, была ответом на прошения «снизу» и тем самым отражала чаяния иллирийского епископата, включая, очевидно, и провинциальных митрополитов, которые, как это будет показано ниже, имели достаточно поводов для недовольства той системой, которую папы начали продвигать в Иллирике²⁸. Указание на ходатайство иллирийских епископов является единственным указанием на то, кто инициировал данное императорское распоряжение. Феодосий при этом четко заявляет, что, издавая свой указ относительно церковной юрисдикции, он был в своем праве, поскольку «Бог-Творец поставил предстоятелей после христианских принцепсов» – то есть императоры имеют «предстояние» или первенство по отношению к епископату. Тем самым он дополнительно обосновывает право императоров на церковное законодательство в удобном им ключе, тем более что оно удовлетворяет конкретные пожелания подданных. Оставить теперь ходатайство иллирийских епископов без удовлетворения Феодосий выражает готовность в качестве личной услуги своему старшему соправителю и из уважения к миродержавной роли города Рима. Если Гонорий в своем письме

заявил, что руководствовался «пожеланиями святого апостольского престола»²⁹, то Феодосий отметил, что действовал в русле пожеланий иллирийских епископов. Однако в ситуации столкновения интересов Феодосий ожидаемым образом выказал уважение своему сопроводителю и Вечному Городу³⁰.

Впрочем, единственное косвенное указание на апостольский статус Рима встречается в письме восточного императора там, где он говорит о «древнем апостольском предании и старых канонах», причем следует отметить, что в то время, как папская идеология настаивала на неразрывной связи того и другого, Феодосий эти два понятия разделяет: у него апостольское предание не связано со старыми канонами, а стоит особо или наряду с последними. Как следствие, высказывание о соблюдении «древнего порядка» он перенимает из письма Гонория, не подвергая его пересмотру и не запрашивая о конкретизации. Этот «древний порядок» Феодосий и сам оставляет без конкретизации, не уточняя, какие именно привилегии он готов признать за Римской Церковью, и только указание на обращение к префектам Иллирика указывает на то, что речь идет об этом регионе.

В завершении кратко обратимся к вопросу о том, почему несмотря на готовность Феодосия «восстановить» привилегии Римской Церкви и издать новый указ на имя префекта претория Иллирика, указ от 421 г. все же присутствует в Кодексе Феодосия, а затем воспроизводится в Кодексе Юстиниана. По нашему мнению, наиболее правдоподобным образом этот вопрос решается Эрихом Каспаром. Он отмечает, что переписка между Гонорием и Феодосием по этому вопросу была завершена рескриптом Феодосия и тем самым не привела к изданию от имени обоих императоров соответствующего закона³¹. В силу этого эдикт 421 г. сохранил статус действующего закона, в то время как указ Феодосия на имя префекта претория Иллирика, который бы закреплял церковные привилегии Рима в регионе, или не сохранился, или же не был вовсе составлен, поскольку уже в 423 г. Гонорий скончался [12, S. 376].

Результаты. Таким образом, несмотря на возражения, представленные в старой литературе, подлинность фрагментов переписки

императоров Гонория и Феодосия по вопросу церковно-административной принадлежности Восточного Иллирика представляется несомненной. Данные послания хорошо встраиваются в контекст других сохранившихся императорских посланий, не имевших распорядительного характера, однако затрагивающих вопросы церковной политики и церковного управления. На основе их анализа можно сделать однозначный вывод, что высшей инстанцией по церковно-административным вопросам являлись именно императоры: ни римский папа, ни константинопольский патриарх не имели инструментов для получения юрисдикции в том или ином регионе в обход мнения последних.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Современное критическое издание: [18].

² Письма Гонория и Феодосия сохранились только в той части, где затрагивалось существо вопроса, в то время как все элементы актового оформления были опущены. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, и эта практика является вполне обычной даже в рамках официальной кодификации.

³ [43, p. 852]: “Omni innovatione cessante vetustatem et canones pristinos ecclesiasticos, qui nunc usque tenuerunt, per omnes Illyrici provincias servari praecipimus. Tum si quid dubietatis emerit, id oporteat non absque scientia viri reverentissimi sacrosanctae legis antistitis urbis Constantinopolitanae, quae Romae veteris praerogativa laetatur, conventui sacerdotali sanctoque iudicio reservari”. Ср. перевод Г.Е. Захарова в: [4, с. 80, примеч. 1].

⁴ Католическая историография практически единогласно, однако безосновательно, утверждает, что этот закон был принят по наущению Аттика Константинопольского: [12, S. 375; 32, p. 1105; 45, S. 50–52]. Впрочем, это же мнение высказывал и отечественный исследователь П.И. Лепорский: [5, с. 86–87]. См. также более обширную библиографию по этому вопросу в: [4, с. 79, примеч. 2].

⁵ В источниках изучаемого нами периода, а также и в более поздних, под «священниками» (sacerdotes, ἱερεῖς) понимались исключительно епископы, а под «священством» (sacerdotium, ἱεροσύνη) – епископство или епископат. Таким образом, понятия «священник» и «епископ» в V в. употреблялись синонимически.

⁶ О возвышении Константинополя как восточной столицы и Нового Рима: [14, p. 43–60].

⁷ См. о росте влияния константинопольского епископа после 381 г.: [22, p. 52–80; 14, p. 161–173].

⁸ Сократ упоминает о наличии этого «закона» в контексте событий в западно-малоазийской провинции Геллеспонт: [38, p. 376.26–377.1].

⁹ Современная историография, в значительной мере по-прежнему представленная католическими учеными, продолжила изучение частей «Фессалоникского собрания» как подлинных, упоминая работы и мнения Фридриха, Моммзена и Хрисоса, но почти не рассматривая по существу выдвинутые ими аргументы.

¹⁰ [13, S. 246]: “doch das Wort *regnum* ist in der ganzen römischen Geschichte der Republik und ihrer fiktiven Fortsetzung in der Kaiserzeit so abgewertet, daß es auf keinen Fall in einem kaiserlichen Dokument gebraucht werden konnte”.

¹¹ [13, S. 246]: “Vom heidnisch geprägten Begriff der *sacratissima* Roma jedoch bis zur Übertragung des Begriffes *sanctus* christlicher Prägung auf die Stadt Petri und der Päpste ist ein langer Weg, der im beginnenden 5. Jahrhundert und zwar im Osten noch nicht beschritten worden war”.

¹² [18, p. 43.4–44.24]: “Omnibus quidem causis in quibus nostrum postulatur auxilium, intercessionem apud aures tuae clementiae profuturam negare non possumus, sed his maiorem necessario curam studiumque debemus, quibus sanctae sedis apostolicae desideria continentur. Nam cum favore divino nostrum semper gubernatur imperium, procul dubio illius urbis ecclesia speciali nobis cultu veneranda est, ex qua et Romanum accepimus <imperium>, et principium sacerdotium. Siquidem nihil aliud a pietate nostra postulaverit missa legatio, nisi quod catholicae fidei disciplina et aequitate concordet. Petit enim ut haec privilegia, quae dudum a patribus constituta usque ad tempora nostra servata sunt, inconcussa perdurent. In qua parte perspicit serenitas tua, nihil vetustis decretis, si quae canonicis conscripta sint regulis, penitus derogandum, nec tot saeculorum reuerentiam novellis praeiudiciis sauciendam, domine <sacratissime fili, auguste venerabilis>. Unde maiestas tua recensitis nostrae pietatis affatibus, christianitatis memor, quam pectoribus nostris misericordia caelestis infundit, universis remotis, quae diversorum episcoporum subreptionibus per Illyricum impetrata dicuntur, antiquum ordinem praecipiat custodiri, ne sub principibus christianis Romana perdat ecclesia, quod <sub> aliis imperatoribus non amisit”.

¹³ Serenitas tua. О титуле см.: [34, S. 51].

¹⁴ К примеру, переписка самого императора Гонория, Галлы Плацидии и магистра Констанция с префектом Симмахом и другими лицами по поводу конфликта в Риме из-за одновременного избрания двух пап – Евлалия и Бонифация. См. о ней: [16; 1].

¹⁵ Она представлена письмами Валентиниана III, его жены Евдоксии и матери Галлы Плацидии к

Феодосию, письмом Галлы Плацидии к августу Пульхерии и ответами Феодосия первым трем. См.: [7, p. 13–17].

¹⁶ “Unhistorisch”, согласно Э. Каспару: [12, S. 376].

¹⁷ Год устанавливается гипотетически, поскольку в сохранившейся датировке присутствует только указание на календы июля. 419 г. представляется издателю менее вероятным. См.: [37, col. 765. N. b.].

¹⁸ [35, col. 766A–B]: “Cum enim humanis rebus divinae cultor religionis Domino favente praesideas, nostra culpa erit, si non id sub vestra gloria, quam certum est divinis semper rebus animo promptiore favisse, firmo et stabili jure custodiatur quod per tot annorum seriem et sub illis etiam principibus obtinuit, quos nulla nostrae religionis cura constrinxit, id est ethnicis, et sub vestrae Imperio clementiae minime quae sunt illicita formidentur”.

¹⁹ См. также о временном соотношении писем Бонифация и переписке между императорами: [15, p. 49].

²⁰ [18, p. 44.4–45.24]: “Dignum meretur iudicium, quisquis perennis principis affatus ad nostram videtur deferre clementiam, domine sacratissime pater, auguste venerabilis, tum praecipue christianae religionis intuitu, quae venerandis sensibus maiestatis tuae ita infusa est, ut per nostra corda latius porrecta servetur. Deus enim auctor ideo praesules fecit christianorum principum posteros, ut omni subreptione frustrata, id quod a maioribus nostris constitutum est, reservetur. Et quanquam non solum in his quae divina suffragia incorrupta servarunt, affatus perennitatis tuae a nobis reserventur, mereanturque affectu celeri omni veneratione suscipi, tum praecipue haec res, quae ad saeculi totiusque regni nostri sospitatem illius inclitae urbis nomen hactenus servat. Unde omni supplicantium episcoporum per Illyricum subreptione remota, statuimus observari, quod prisca apostolica disciplina et canones veteres eloquuntur. Super quam rem secundum formam oraculi perennitatis tuae ad viros illustres praefectos praetorii Illyrici nostri scripta porreximus, ut cessantibus episcoporum subreptionibus, antiquum ordinem specialiter faciant custodiri, ne venerabilis ecclesia sanctissimae urbis privilegia a veteribus constituta amittat, quae perenne nobis suo nomine consecravit imperium”.

²¹ О традиционной титулатуре Рима см.: [29; 26].

²² Отметим, что мы, наоборот, считаем это очень весомым аргументом, поскольку: 1) письма Бонифация и Гонория – одного и того же года; 2) Гонорий действует в интересах папства и Бонифация относительно хорошо задокументированной иллирийской политики; 3) озвученный в письмах общий тезис встречается только в этих двух письмах и более нигде. Естественно, что П. Ридльбергер второго

пункта знать не может, поскольку специально папскими письмами не занимался. А с учетом этого пункта вопрос о подлинности послания Гонория можно считать закрытым.

²³ Вопрос о двух префектах затрагивается также в: [44, р. 153–154]. Автор полагает, что речь идет о префектах восточной и западной частей Иллирика, подчиненных восточному и западному императору соответственно.

²⁴ См. также аргументы П.И. Лепорского вопреки И. Фридриху в поддержку подлинности писем императоров, выдвинутые в завершение первого этапа научно-критического изучения «Фессалоникского собрания»: [5, с. 249–253].

²⁵ Предположения о контексте отношений между Феодосием и его дядей Гонорием, в котором появилось письмо Феодосия: [32, р. 1110, н. 2; 1114–1115; 15, р. 53]. Впрочем, до Пьетри и Данна об этом сказал уже Лепорский.

²⁶ Отметим как довольно примечательный нюанс: Феодосий в своем письме ни разу не упоминает слово «Рим».

²⁷ См. о соотношении языческого и христианского в восприятии идеи Рима в этот период: [20].

²⁸ Этот вывод, впрочем, озвучил уже П.И. Лепорский: [5, с. 69–70].

²⁹ Это отметил Ш. Пьетри: [32, р. 1117, н. 1].

³⁰ Уступка со стороны Феодосия представляется Ш. Пьетри необъяснимой и подозрительной: он ищет в ней политическую подоплеку. См.: [32, р. 1118].

³¹ Это хорошо соотносится и с общей логикой рассуждений Т. Моммзена, несмотря на то что он в них отрицал подлинность переписки между соправителями.

REFERENCES

1. Gratsianskiy M.V. «Milost gosudarya utverdila Bonifatsiya episkopom goroda Rima»: imperator Gonoriy i krizis legitimnosti v Rimskoy tserkvi v 419 g. [“Mercy of the Prince Has Confirmed Boniface as Bishop of the City of Rome”: Emperor Honorius and the Legitimacy Crisis in the Church of Rome in 419]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2021, vol. 23, no. 2, pp. 9–26. DOI: <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.022>

2. Gratsianskiy M.V. Protsedura vozvysheniya konstantinopolskoy kafedry na IV Vselenskom sobore v Khalkidone [The Elevation of the See of Constantinople at the Council of Chalcedon: The Course of the Procedure]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*

[Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 236–251. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.19>

3. Gratsianskiy M.V. Akty 531 g. kak obramlenie “Fessalonikskogo sobraniya”: ekklesiologicheskie i kanonicheskie aspekty dela Stefana Larisskogo [Acts of 531 as a Framework for Collectio Thessalonicensis: Ecclesiological and Canonical Aspects of the Case of Stephanus of Larissa]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 2020, vol. 92, pp. 19–38. DOI: 10.15382/sturII202092.19-38

4. Zakharov G.E. Ekklesiologicheskie osnovaniya i istoricheskie istoki Fessalonikskogo vikariata [Ecclesiological Foundations and Historical Origins of the Vicariate of Thessalonica]. Zakharov G.E., Anashkin A.V., eds. *Ekklesiologicheskaya traditsiya i tserkovnaya organizatsiya Illirika v kontse IV – pervoy polovine V v. Issledovaniya i perevody* [Ecclesiological Tradition Ecclesiastical Organization of Illyricum at the End of the 4th – the First Half of the 5th Centuries. Studies and Translations]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2022, pp. 69–114.

5. Leporskiy P. *Istoriya Fessalonikskogo ekzarkhata do vremeni prisoedineniya k Konstantinopolskomu patriarkhatu* [History of the Exarchate of Thessalonica Until Its Integration into the Patriarchate of Constantinople]. Saint Petersburg, Tip. M.I. Akinfiyeva i N.V. Leontyeva, 1901. xiv, 352 p.

6. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. I. Vol. 2*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1925–1926. xii, 128 p.

7. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 1*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1935. xviii, 259 p.

8. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. IV*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1932. xxxvi, 192 p.

9. Schieffer R., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. Index tomorum I–III. T. IV. Vol. 3. Pars 2*. Berlin, Walter de Gruyter, 1984. xii, 509 p.

10. Blaudeau Ph. *Le siège de Rome et l’Orient (448–536). Étude géo-ecclésiologique*. Rome, École française de Rome, 2012. x, 415 p. (Collection de l’École française de Rome; 460).

11. Bury J.B. *History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I. to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565)*. London, Macmillan and Co, 1931, vol. 1. xxv, 471 p.

12. Caspar E. *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Vol. 1*. Tübingen, Verlag von J.C.B. Mohr (Caul Siebeck), 1930. xv, 633 S.

13. Chrysos E. Zur Echtheit des “Rescriptum Theodosii ad Honorium” in der “Collectio

Thessalonicensis". *Κληρονομία*, 1972, vol. 4/2, pp. 240-250.

14. Dagron G. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris, Presses universitaires de France, 1975. 578 p.

15. Dunn G.D. Church and State in the Dispute Over the Vicariate of Thessaloniki During the Pontificate of Boniface I. *Journal of Early Christian History*, vol. 10, no. 1, pp. 37-60.

16. Dunn G.D. Imperial Intervention in the Disputed Roman Episcopal Election of 418/419. *Journal of Religious History*, 2015, vol. 39, no. 1, pp. 1-13.

17. Günther O., ed. *Epistulae imperatorum pontificum aliorum inde ab a. CCCLXVII usque ad a. DLIII datae. Avellana quae dicitur collectio. Pars I*. Prag, Wien, Leipzig, 1895. lxxxix, 493 p. (Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum; 35).

18. Silva-Tarouca C., ed. *Epistularum Romanorum Pontificum ad vicarios per Illyricum aliosque episcopos Collectio Thessalonicensis*. Romae, Pontificia Universitas Gregoriana, 1937. Xiii, 87 p. (Textus et documenta in usum exercitationum et praelectionum academicarum; 22).

19. Friedrich J. Über die Sammlung der Kirche von Thessalonich und das päpstliche Vikariat für Illyricum. *Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der königlichen bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. Jahrgang 1891*. München, Verlag der Königlichen Akademie, 1892, pp. 771-887.

20. Fuhrmann M. Die Romidee der Spätantike. *Historische Zeitschrift*, 1968, vol. 207, no. 1, pp. 529-561.

21. Greenslade S.L. The Illyrian Churches and the Vicariate of Thessalonica, 378–395. *The Journal of Theological Studies*, 1945, vol. 46, no. 181–182, pp. 17-30.

22. Hajjar P.J. *Le synode permanent (σύνδοκος ἐνδημοῦσα) dans l'église byzantine des origines au XIe siècle*. Roma, Pontificum institutum orientalium studiorum, 1962. vii, 230 p. (Orientalia Christiana Analecta; 164).

23. Haller J. *Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit. Vol. 1*. Urach, Stuttgart, Port Verlag, 1950. xvi, 560 S.

24. Mommsen Th., Meyer P.M., eds. *Leges Novellae ad ad Theodosianum Pertinentes. Theodosiani libri XVI*. Berolini, apud Weidmannos, 1905, vol. 2, cix, 219 p.

25. Macdonald J. Who Instituted the Papal Vicariate of Thessalonica? *Studia Patristica*, 1961, vol. 4, pp. 478-482.

26. Mazza M. Eternità ed universalità dell'impero romano: da Costantino a Giustiniano. Catalano P., Siniscalco P., eds. *Da Roma alla terza Roma*.

Documenti e Studi. Vol 1. Napoli, Edizioni scientifiche italiane, 1983, pp. 267-293.

27. Mazzarino S. *Stilicone. La crisi imperiale dopo Teodosio*. Roma, Angelo Signorelli Editore, 1942. viii, 401 p.

28. Mommsen Th. Nachricht 47. *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellschriften deutscher Geschichten des Mittelalters*, 1893, vol. 18, pp. 357-358.

29. Moore F.G. On Urbs Aeterna and Urbs Sacra. *Transactions of the American Philological Association*, 1894, vol. 25, pp. 34-60.

30. Moreau D. La partitio imperii et la géographie des Balkans: entre géopolitique et géo-ecclésiologie. *Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: Dalle chiese 'principali' alle chiese patriarcali. XLIII Incontro di Studiosi dell' Antichita Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015)*. Roma, Pontificum Institutum Augustinianum, 2017, pp. 255-285. (Studia Ephemeridis Augustinianum; 149).

31. Pietri Ch. La géographie de l'Illyricum ecclésiastique et ses relations avec l'Église de Rome (V^e–VIe siècles). *Villes et peuplement dans l'Illyricum protobyzantin. Actes du colloque de Rome (12–14 mai 1982)*. Rome, École française de Rome, 1984, pp. 21-62. (Publications de l'École française de Rome; 77).

32. Pietri Ch. *Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)*. Rome, École française de Rome, 1976. xiii, 1792 p. (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome; 224).

33. Riedlberger P. *Prolegomena zu den spätantiken Konstitutionen. Nebst einer Analyse der erbrechtlichen und verwandten Sanktionen gegen Heterodoxe*. Stuttgart, Bad Cannstatt, frommann-holzboog, 2020. 898 p.

34. Rösch G. *ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit*. Wien, Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978. 179 p. (Byzantina Vindobonensia; 10).

35. Migne J.-P., ed. *Sancti Bonifatii papae Epistulae et decreta*. Paris, 1845, col. 749–792. (Patrologiae cursus completus. Series Latina; T. 20).

36. Migne J.-P., ed. *Sancti Innocentii papae Epistulae et decreta*. Paris, 1845, col. 463–638. (Patrologiae cursus completus. Series Latina; T. 20).

37. Migne J.-P., ed. *Sancti Leonis Magni Romani pontificis operum genuinorum pars altera, continens S. Patris epistolas*. Paris, 1846, col. 551–1218. (Patrologiae cursus completus. Series Latina; T. 54).

38. Hansen G.Ch., ed. *Sokrates Kirchengeschichte*. Berlin, Akademie Verlag, 1995. lxii, 501 p.

39. Stein E. Der Verzicht der Galla Placidia auf die Präfektur Illyricum. *Wiener Studien*, 1914, vol. 36, pp. 344-347.

40. Stein E. *Histoire du Bas-Empire. Vol. 1*. Paris, Brussels, Amsterdam, Desclée de Brouwer, 1959. xvi, 406 p.

41. Streichhan F. Nochmals die Anfänge des Vikariats von Thessalonich. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*, 1928, vol. 17, no. 1, pp. 538-548.

42. Streichhan F. Die Anfänge des Vikariates von Thessalonich. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*, 1922, vol. 12, no. 1, pp. 330-384.

43. Mommsen Th., Meyer P.M., eds. *Theodosiani libri XVI. Vol. 1. Pars 1*. Berolini, apud Weidmannos, 1905. ccclxxx, 931 p.

44. Turlej S. *Justiniana Prima. An Underestimated Aspect of Justinian's Church Policy*. Krakow, Jagiellonian University Press, 2016. 241 p.

45. Ullmann W. *Gelasius I. (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter*. Stuttgart, Anton Hiersemann, 1981. xii, 317 p. (Päpste und Papsttum; 18).

46. Zeiller J. Une ébauche de vicariat pontifical sous le pape Zosime. *Revue Historique*, 1927, vol. 155, no. 2, pp. 326-332.

Information About the Author

Mikhail V. Gratsianskiy, Candidate of Sciences (History), PhD, Leading Researcher, Centre of Byzantine and the Black Sea Region Studies, Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovsky, 27, Bld. 4, 119192 Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>

Информация об авторе

Михаил Вячеславович Грацианский, кандидат исторических наук, PhD, ведущий научный сотрудник, Лаборатория по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119192 г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Историко-археологическая лаборатория по комплексному изучению византийского Причерноморья, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.16>

UDC 902(653):904
LBC 63.444(235)-428

Submitted: 15.06.2024
Accepted: 14.10.2024

TO THE READING OF THE GREEK NOVGOROD BIRCHBARK LETTER No. 552

Aleksei S. Shchhavelev

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper proposes a clarification of the reading of the only birchbark letter No. 552 written in Greek. The correct (in general) reading of this text, proposed in the publication of the letter and accepted in the historiography, nevertheless raises a number of questions that make it reconsidered by the methods of paleography and communication aim interpretation. According to the results of the analysis, it is assumed that letter No. 552 is a memorable note by the icon painter Olisej Petrovič Grečin, who indicated that on the icon it was necessary to paint St. Mercurius precisely in the image of a holy warrior, but not in the image of a martyr. All the words in this mini-text stand in the nominative case; it uses three ligatures and two end-of-word contractions. Judging by the brevity combined with the elegance of the execution, this entry “for myself” is a Greek autograph of the Olisej Grečin.

Key words: birchbark letters, Middle Greek language, Rhomaioi and Rus', Byzantium and Rus', Olisej Grečin, icon painter, St. Mercurius.

Citation. Shchhavelev A.S. To the Reading of the Greek Novgorod Birchbark Letter No. 552. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 231-235. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.16>

УДК 902(653):904
ББК 63.444(235)-428

Дата поступления статьи: 15.06.2024
Дата принятия статьи: 14.10.2024

К ПРОЧТЕНИЮ ГРЕЧЕСКОЙ НОВГОРОДСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЫ № 552

Алексей Сергеевич Щавелев

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье предлагается уточнение прочтения единственной берестяной грамоты № 552, написанной на греческом языке. В целом верное прочтение этого текста, предложенное в публикации грамоты и принятое в историографии, тем не менее, вызывает целый ряд вопросов, которые заставляют его пересмотреть. По итогам анализа предполагается, что грамота № 552 является памятной записью иконописца Олисея Петровича Гречина, которая указывала, что на иконе нужно было нарисовать св. Меркурия обязательно в образе святого воина, а не в образе мученика. Все слова в этом мини-тексте стоят в номинативе, в нем использовано три лигатуры и два сокращения окончаний слов. Судя по лаконичности в сочетании с элегантностью исполнения, эта запись «для себя» является греческим автографом Олисея Гречина.

Ключевые слова: берестяные грамоты, среднегреческий язык, ромей и русь, Византия и Русь, Олисей Гречин, иконописец, св. Меркурий.

Цитирование. Щавелев А. С. К прочтению греческой новгородской берестяной грамоты № 552 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 231–235. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.16>

Введение. Центральной темой в научном творчестве Николая Дмитриевича Барбанова было изучение так называемой «народной религиозности», повседневных ритуальных практик и сакрально-магических артефактов в Византии и на Руси [9]. Помимо прочего, он рассматривал различные способы взаимодействия священнослужителей и прихожан с иконами [2]. Заказ иконы у мастера-иконописца был как раз одной из типичных ситуаций, в которой переплетались официально-церковные, социокультурно-нормативные и личностные моменты повседневного благочестия [8].

Единственная берестяная грамота № 552, написанная на греческом языке, входит в комплекс, который связан с усадьбой, где жил иконописец Олисей Петрович Гречин, и, по-видимому, она была связана с принятым им заказом на икону. Стратиграфическая дата грамоты – рубеж XII–XIII вв., или 1180–1200 гг. [5; 11, с. 25].

Первое прочтение текста грамоты было предложено В.Л. Яниным и А.А. Зализняком: «М(Ε)ΡΚΟΥΡΙΟ Τ | Ο ΣΤΡΑΤΙΛΑΤΙ» [11, с. 25], что должно было отражать регулярное греческое «Μερκούριω τῷ Στρατηλάτῃ». Такое чтение было принято С. Франклином в его обзоре грекоязычных текстов «домонгольской» Руси [13, р. 75–76], повторено в сводке неславянских берестяных грамот Й. Схакена [16, р. 137, 175–177] и воспроизведено в онлайн-базе данных «Древнерусские берестяные грамоты» (<http://gramoty.ru/birchbark/document/show/povgorod/552/>) [5]. Понятно, что здесь написано имя св. Меркурия Кесарийского [3; 11, с. 25] и указано, что он военачальник высокого ранга – стратилат (греч. ὁ στρατηλάτης). Между тем данное прочтение вызывает целый ряд вопросов, попытка ответить на которые ставит его под сомнение. Во-первых, совершенно не ясно, почему эти два слова стоят в дативе. Конечно, можно предполагать, что здесь указывается, кому должна быть посвящена икона, но это уже некая произвольная интерпретация *ad hoc*. В других записях на бересте имена святых, которых нужно изобразить на иконах, стоят в именительном или винительном падежах [11, с. 26–28]. Во-вторых, не ясно, почему артикль «τῷ» разделен между двумя строками, хотя, очевидно, что места для его написания вполне достаточно как в первой, так и во

второй строке. В-третьих, две замены буквы *omega* на *omicron* в совокупности с *итацизмом*, которые кажутся публикаторам «характерными и для византийского письма того же времени» [11, с. 25], в столь коротком тексте должны скорее свидетельствовать о низкой культуре письма автора заметки, что противоречит элегантному использованию им трех лигатур и высокой вероятности принадлежности текста достаточно образованному иконописцу. Тем более что *omega* широко использовалась и в берестяных грамотах, написанных по-древнерусски [12, с. 196–199]. Наконец, обращает на себя внимание, что в двух окончаниях датива отсутствует *iota adscriptum*, что делает эту запись далекой от (при всей условности этого понятия) орфографической нормы.

Методы. В статье использованы методы *палеографического* и *филологического* анализа, а также сделана попытка понять *прагматико-коммуникационное назначение этого греческого мини-текста* с учетом его принадлежности к комплексу берестяных грамот, связанных с художником-иконописцем.

Анализ. Текст грамоты написан маюскульными буквами без диакритических знаков с тремя лигатурами. Первая графема, вопреки принятому прочтению, является стяжением не двух букв *mu* и *rho* с выпадением *эпсилона*, а включает в себя все эти три буквы (MEP). Эта лигатура написана почти без отрыва стилоса (писала): сначала хорошо читается *mu*, к которой как бы присоединена открытая *rho*, которая одновременно является нижней частью *эпсилона*, а верхняя часть *эпсилона* выписана выше строки. Далее использованы еще две лигатуры: соединения *omicron* с *ипсилоном* (OY) и *tau* с *rho* (TP). Последняя графема в первой строке должна читаться не как буква *tau*, поскольку у нее отсутствует верхняя перекидина (выше идет только дефект бересты), а как вертикальная черта, обозначающая сокращение окончания слова, в данном случае финальной *сигмы*. Видимо, красиво выписать лунарную *сигму* стилосом на бересте было несколько сложно, и автор записи сократил финал слова. Первая графема второй строки, таким образом, является артиклем именительного падежа единственного числа «ὁ». Последняя вертикальная черта второй строки также является ука-

занием на сокращение окончания «-ης»). Наконец, можно усомниться в том, что в слове «στρατηλάτης» есть *итаизм*, то есть замена *иты* на *йоту*. В этом слове после второй *тау* хорошо виден неясный росчерк, который можно интерпретировать как исправление автоматически написанной *йоты* на грамматически верную *иту*. Таким образом, надпись должна читаться «ΜΕΡΚΟΥΡΙΟ(Σ) | Ο ΣΤΡΑΤΗΛΑΤ(ΗΣ) / Μερκούριος | ὁ στρατηλάτης», то есть «Меркурий стратилат» в именительном падеже.

Можно полностью согласиться с тем, что рассматриваемая берестяная грамота – «запись о заказе» иконы с изображением св. Меркурия [11, с. 25] и, возможно, одновременно заметка о надписи, которая должна сопровождать изображение святого. С ней можно сопоставить грамоту № 546, которая представляет собой «ярлычок» с именем «Грицьнь» [6, с. 408; 11, с. 17]. Можно предположить, что этот «ярлычок» был не просто владельческой биркой, а, возможно, прикреплялся к заказанной иконе и маркировал авторскую принадлежность. К этому же набору грамот, связанных с работой иконописца, относятся грамоты № 546 (просьба от анонимного попа написать две иконки с ангелами, чтобы добавить их в иконостас) и № 558 (требование от попа Мины привезти куда-то «сюда» иконы к Петрову дню) [6, с. 403–409]. А в берестяной грамоте № 553 дан целый перечень имен святых, которые должны были быть изображены на «иконной композиции» [11, с. 26–28].

Обращает на себя внимание отсутствие указания на то, что Меркурий является святым, то есть отсутствие слова «ὁ ἅγιος», которое могло бы быть обозначено максимально коротко сокращением из двух букв *микрон* и *альфа*. В письме от заказчика такое нарушение формуляра в обозначении святого вряд ли было возможно, а вот в записи иконописца «для себя» как раз ожидаемо.

Вполне очевидно, что, поскольку в рассматриваемое время св. Меркурий – единственный святой с этим именем [3; 18, р. 101–108], то уточнение «ὁ στρατηλάτης» должно указывать на иконографический тип будущего изображения. Действительно, св. Меркурий мог изображаться как святой воин со всеми

воинскими атрибутами (мечом, другим оружием и доспехами), а мог изображаться как мученик в обычной одежде и с крестом в руках [10, с. 83–86; 14; 18, р. 101–108]. Примечательно, что на левом поле оклада второй половины XI – первой половины XII в. (его датировки разнятся, но для нашей темы сути дела это не меняет) иконы «Богоматерь Одигитрия» из Софийского собора в Новгороде (Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, инв. № 18539) св. Меркурий изображен без воинских атрибутов, просто в «одежде патриция» [7, с. 83–88; 10, с. 86]. Таким образом, рассматриваемая греческая запись на бересте уточняет, что св. Меркурий должен быть представлен на будущей иконе именно в образе *святого воина* и *военачальника высокого ранга* [14].

Хотя в историографии высказан целый ряд аргументов в пользу того, что Олисей Петрович Гречин был русином [4], его ромейскую идентичность или ромейское происхождение тоже нельзя полностью исключать. Несмотря на то что греческое имя Ἐλισσαῖος редкое, Олисей Гречин, если он был выходцем из Византии, не был «единственным греком, носившем это имя» [4, с. 101–102]. Ему можно найти четырех тезок VII–X вв. (РМБЗ № 1508, 1509, 21678, 21679), носивших имя Ἐλισσαῖος (Ἐλισαῖος), причем один из них (№ 21678) был *логофетом геникона*, то есть фактически «министром финансов» Византийской империи [15].

Возможны разные сложные варианты происхождения и идентичности Олисея Гречина. У него вполне могло быть смешанное ромейско-русское происхождение, или он мог иметь грекоязычных старших родственников или предков [17, р. 276–277]. Наконец, он мог быть новгородцем или жителем иного города Руси, прошедшим аккультурацию в Византии, например, через обучение [4, с. 104–105] или длительное проживание с какими-то иными дипломатическими, религиозными или деловыми целями [1]. И, напротив, он мог быть ромеем («греком»), натурализовавшимся в Новгороде на Волхове, например, усыновленным или как-то иначе влившимся в социум русского города.

Заключение. Можно относительно уверенно считать, что грамота № 552 является

памятной записью, которая указывала, какого именно святого (св. Меркурия) и в каком образе (святого воина и военачальника) нужно изобразить на иконе. Все слова в этом мини-тексте самым естественным образом стоят в номинативе, в нем использовано три лигатуры и два сокращения окончаний слов в виде вертикальной черты. Судя по сочетанию экономии усилий и элегантности исполнения, с большой долей вероятности, это была запись, сделанная «для себя», следовательно, это действительно – греческий автограф иконописца Олисея Петровича Гречина.

REFERENCES

1. Artamonov Yu.A., Gippius A.A. Drevnerusskie nadpisi Sofii Konstantinopolskoy [Old Russian Graffiti of Hagia Sophia]. *Slavyanskiy almanakh 2011* [Slavonic Anthology of 2011]. Moscow, Indrik Publ., 2012, pp. 41-52.
2. Barabanov N.D. Kult ikony Odigitrii v Konstantinople v aspekte vizantiyskogo narodnogo blagochestiya [Cult of the Icon of Hodegetria in Constantinople in the Aspect of Byzantine Folk Piety]. *More i berega. K 60-letiyu S.P. Karpova ot kolleg i uchenikov* [Sea and Shores. To the 60th Anniversary of S.P. Karpov from Colleagues and Disciplines]. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 241-258.
3. Blankov Zh. Kto etot Merkurii? (Po povodu berestyany gramoty № 552) [Who Is This Mercurius? (About Birchbark Letter № 552)]. *Berestyanye gramoty: 50 let otkrytiya i izucheniya. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Birchbark Letters: 50 Years of Discovery and Research. Materials of the International Conference]. Moscow, Indrik Publ., 2003, pp. 139-140.
4. Gippius A.A. K biografii Oliseya Grechina [To the Biography of Olisey Grečin]. *Tserkov Spasa na Nereditse: ot Vizantii k Rusi. K 800-letiyu pamyatnika* [The Church of the Saviour on Neredita: From Byzantium to Russia. To the 800th Anniversary of the Monument]. Moscow, Indrik Publ., 2005, pp. 99-114.
5. *Drevnerusskie berestyanye gramoty. Gramota № 552* [Old Russian Birchbark Letters]. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/552/>
6. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskiy dialect* [Old Novgorodian Dialect]. Moscow, YaSK Publ., 2004. 720 p.
7. *Ikony Velikogo Novgoroda XI – nachala XVI veka. Drevnerusskaya zhivopis v muzeyakh Rossii* [Icons of Great Novgorod, the 11th – Early 16th Century, Old Russian Painting in the Museums of Russia]. Moscow, Severnyy palomnik Publ., 2008. 552 p.
8. Konyavskaya E.L. Vizantiyskaya zhivopis i zhivopistsy v «Palomnike» Antoniia Novgorodtsa [Byzantine Painting and Painters in the ‘Pilgrim’ by Anthony the Novgorodian]. *Literatura drevney Rusi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora N.I. Prokofeva* [Literature of Old Rus’. To the 100th Anniversary of Professor N.I. Prokofiev]. Moscow, Prometey Publ., 2011, pp. 45-58.
9. Lysikov P.I., Zykova A.V. «Vizantiya na Volge»: k yubileyu N.D. Barabanova [“Byzantium on the Volga”: To the Anniversary of N.D. Barabanov]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 365-377. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.27>
10. Saenkova E.M., Gerasimenko N.V. *Ikony svyatykh voinov. Obrazy nebesnykh zashchitnikov v vizantiyskom, balkanskom i drevnerusskom iskusstve* [Icons of Holy Warriors. Images of Heavenly Defenders in Byzantine, Balkan and Old Russian Art]. Moscow, Interbuk-biznes Publ., 2008. 271 p.
11. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.). Kommentarii i slovoukazatel k berestyanyim gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.)* [Novgorod Letters on Birchbark (From the Excavations of 1977–1983). Comments and Word Index to the Birchbark Letters (From the Excavations of 1951–1983)]. Moscow, Nauka Publ., 1986, vol. 8. 310 p.
12. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.). Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie* [Novgorod Birchbark Letters (From the Excavations of 1990–1996). Palaeography of Birchbark Letters and Their Extra-Stratigraphic Dating]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, vol. 10. 430 p.
13. Franklin S. Greek in Kievan Rus’. *Dumbarton Oaks Papers. Vol. 46: Homo Byzantinus: Papers in Honor of Alexander Kazhdan*, 1992, pp. 69-81.
14. Grotowski P.Ł. *Arms and Armour of the Warrior Saints. Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261)*. Leiden; Boston, Brill, 2010. 601 p.
15. *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit*. URL: <https://www.degruyter.com/database/pmbz/html#dbPerson/>
16. Schaeken J. *Voices on Birchbark. Everyday Communication in Medieval Russia*. Leiden; Boston, Brill, 2019. 212 p.
17. Vodoff W. Les documents sur écorce de bouleau de Novgorod, Découvertes et travaux récents. *Journal des savants*, 1981, no. 3, pp. 229-281.
18. Walter Ch. *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*. London; New York, Routledge, 2003. 317 p.

Information About the Author

Aleksei S. Shchavelov, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Department of History of Byzantium and Eastern Europe, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskij, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, alexissorel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0997-8235>

Информация об авторе

Алексей Сергеевич Щавелев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел истории Византии и Восточной Европы, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, alexissorel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0997-8235>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.17>

UDC 930.272
LBC 63.223.1

Submitted: 31.05.2024
Accepted: 09.09.2024

CODEX-CONVOLUTES BnF *SUPPLÉMENT GREC* 607: PALEOGRAPHY, CODICOLOGY AND TIME OF MAKING

Marina A. Kurysheva

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The Greek manuscript-convolute BnF *Suppl. gr.* 607, consisting of five parts united under one binding, has not yet been the subject of a comprehensive codicological analysis, nor has a paleographic study of all its individual parts been carried out. In the paper, with the help of paleographic analysis, all these parts were dated: the paper sheet with the owner's inscription and four riddles – the end of the 16th century; fragments of the "History" by Nicetas Choniates from the first half to the middle of the 13th century; fragments of homilies by John Chrysostom from the end of the 11th to the beginning of the 12th century; an incomplete collection of Ancient and Byzantine passages from historians and excerpts from military treatises from the end of the 9th to the beginning of the 10th century; fragments of orator Lysias' speeches from the second half of the 15th to the 16th centuries. On the basis of the analysis of codicology and the data available to us about the activity of its first owner, Minoides Minas, it is concluded that this convolute was made by him himself from the remains of the codices, which were previously separate. And it is concluded that there is no evidence that any parts were combined earlier. The 1510s binding was either acquired separately and used as a folder for valuable fragments of various manuscripts or belonged to one of the five parts, possibly a codex of Lysias' speeches.

Key words: greek manuscripts, paleography, codicology, convolute, BnF *Supplément grec* 607, Minoides Minas.

Citation. Kurysheva M.A. Codex-Convolutus BnF *Supplément Grec* 607: Paleography, Codicology and Time of Making. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 236-245. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.17>

УДК 930.272
ББК 63.223.1

Дата поступления статьи: 31.05.2024
Дата принятия статьи: 09.09.2024

КОДЕКС-КОНВОЛЮТ BnF *SUPPLÉMENT GREC* 607: ПАЛЕОГРАФИЯ, КОДИКОЛОГИЯ И ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ

Марина Александровна Курышева

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Греческая рукопись-конволют BnF *Suppl. gr.* 607, состоящая из пяти частей, объединенных под одним переплетом, еще ни разу не была предметом комплексного кодикологического анализа, точно также не было проведено палеографического изучения всех ее отдельных частей. В статье с помощью анализа палеографии все эти части были датированы: бумажный лист с владельческой надписью и четырем загадками – концом XVI в.; фрагменты «Истории» Никиты Хониата – первой половиной – серединой XIII в., фрагменты гомилий Иоанна Златоуста – концом XI – началом XII в., неполный сборник античных и византийских отрывков из историков и выдержек из военных трактатов – концом IX – началом X в.; фрагменты речей оратора Лисия – второй половиной XV – XVI веком. На основе анализа кодикологии и имеющихся у нас данных о деятельности его первого владельца Миноида Минаса сделан вывод, что этот конволют был собран им самим из остатков кодексов, ранее бытовавших отдельно. И делается вывод, что не существует данных о том, что какие-то части были объединены ранее. Переплет 1510-х гг. был или приобретен отдельно и использовался как папка для ценных фрагментов разных рукописей, или относился к одной из пяти частей, возможно, к кодексу речей Лисия.

Ключевые слова: греческие рукописи, палеография, кодикология, конволют, BnF *Supplément grec* 607, Миноид Минас.

Цитирование. Курышева М. А. Кодекс-конволют BnF *Supplément grec* 607: палеография, кодикология и время создания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, №6. – С. 236–245. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.17>

Введение. Греческая рукопись BnF *Suppl. gr.* 607¹ является конволютом и состоит из пяти частей, объединенных под одним переплетом. Рукопись попала в руки ученых в 1860-е гг. и с тех пор идет дискуссия о времени и историческом контексте ее создания (библиография собрана в статье: [18, р. 71–73]). Она включает в себя фрагменты «Истории» Никиты Хониата, гомилий Иоанна Златоуста, сборника античных и византийских отрывков из историков и выдержек из военных трактатов V в. до н. э. – V в. н. э., а также речей аттического оратора Лисия и лист с владельческой надписью и четырем греческими загадками.

Методы. До сих пор основное внимание историков Византии привлекала только одна, древнейшая, часть, в которой были собраны военные трактаты. Однако не было проведено *системного кодикологического анализа всего кодекса* и не был сделан *палеографический анализ каждой его части*. Кодекс как уникальный артефакт сам по себе практически не исследовался, а все имеющиеся в историографии наблюдения и выводы были сделаны в ходе изучения отдельных тем, которые требовали обращения к его частям. Более того, остались вне внимания исследователей три бумажных листа, один из которых на обороте несет уникальную подпись архиепископа Фессалоники (в будущем константинопольского патриарха) и четыре греческие загадки (см. ниже). Таким образом, конволют описан в историографии как состоящий из четырех частей, тогда как в нем *кодикологически и палеографически* нужно выделять *пять составляющих*.

Попытку выяснить происхождение древнейшей части на современном уровне попытался сделать только А. Немет, который считает, что эта часть рукописи является сборником из энциклопедического проекта Константина VII Багрянородного (византийский император в 913–920, 945–959 гг.) под названием *Excerpta de Strategematibus* или «О руководстве войском» (περὶ στρατηγημάτων) и датирует его 940–950-ми гг. [13, р. 116–118; 14, р. 157–167, 174–175]. Эта гипотеза сейчас

тиражируется во многих работах историков, занимающихся военной историей исследователей [17, р. 290–291, note 1; 1; 21, р. 210, note 21; 212–232], однако данная атрибуция и датировка ошибочны [1].

Анализ. Манускрипт *Suppl. gr.* 607, хранящийся сейчас в Национальной библиотеке Франции, поступил в парижскую Bibliothèque Impériale от наследников известного собирателя греческих рукописей Миноида Минаса (Κωνσταντῖνος Μηνωίδης Μηνάς, 1788–1859) [15, р. 352, note 4, 403]. По имени этого грека-эмигранта, филолога и глубокого знатока греческой культуры манускрипт *Suppl. gr.* 607 в науке носит название «кодекс Минаса» (Mynas-codex). Рукопись была приобретена им на деньги французского правительства во время его миссий на Восток и в Грецию в 1840–1855 годах. По подсчетам А. Омона, в ходе этих миссий М. Минас привез во Францию 206 греческих манускриптов, обогатив тем самым национальное собрание греческих рукописей Франции. Однако не все привезенные тома были сразу еще при жизни Миноида Минаса переданы им на хранение в Национальную библиотеку. В числе исключений была и будущая *Suppl. gr.* 607, которую Минасу в числе немногих других значимых манускриптов было разрешено хранить у себя, возможно, с целью изучения и публикации новых текстов. Тексты из *Suppl. gr.* 607 он не без оснований считал очень ценными и собственноручно снял с них копии, переданные по его завещанию в библиотеку: сейчас это BnF *Suppl. gr.* 485 и *Suppl. gr.* 1253. После смерти М. Минаса оставалось более сотни не отданных в библиотеку рукописей. Все дела с его наследниками и кредиторами были постепенно улажены, и 12 февраля 1864 г. рукописи были наконец возвращены в Национальную библиотеку; и лишь в 1898 г. удалось найти еще тридцать рукописей, которые также поступили в национальное собрание [15, р. 351–352].

Рукопись *Suppl. gr.* 607 сейчас состоит из 129 пергаменных листов (их размер 275 × 203 мм) и является конволютом: под

одним переплетом в ней оказались соединены разные части из четырех, по-видимому, никак не связанных между собой разновременных пергаменных рукописей, и три бумажных листа в начале. В настоящее время рукопись *Suppl. gr. 607* имеет переплет, который был воссоздан реставраторами около 1897–1900 гг. из частей предыдущего ренессансного тисненого кожаного переплета (остались крышки переплета, корешок был полностью заменен). На внутренней стороне нижней переплетной доски сохранилась наклейка с воспроизведением утерянной записи с именем переплетчика греческими буквами: Λουκάς Ουερονενσις ἰλλῆγατορ ληβρορομ βυδενσις ανν // // // // // 5 // // (= Lucas Veronensis illigator librorum Budensis ann... 5...). Сейчас в рукописи сохранилась дублирующая эту запись другая наклейка, на которой рядом даны ссылки на публикации К. Вешера и Г. Шёне [24, р. XV; 20, S. 432 (446)]. Давно установлено, что переплетчик Лукас Короненсис (= Lucas Coronensis) в Буде сделал для рукописи кожаный переплет во второй половине 1510-х годов. Подчеркнем, что этот переплетчик не работал на «библиотеку» венгерского короля Матьяша Корвина (1443–1490), то есть он не был мастером позолоченных корвин, а работал спустя 25 лет после смерти Матьяша. Мотивы тиснения этого переплета соответствуют переплетам других печатных книг этой мастерской в Буде с 1507–1519 годов. Декоративные мотивы этой мастерской не соответствуют мотивам позолоченных кожаных переплетов кодексов, сделанных для короля Матьяша [19, р. 255–258]. Следовательно, гипотеза о том, что весь кодекс или его части входили в эту королевскую библиотеку [14, S. 155–158, 165], не имеет никаких оснований.

Состав кодекса следующий:

1) Три бумажных листа (л. I–III), на обороте первого из которых приклеен лист с «владельческой» пометой конца XVI века. Коричневыми чернилами там поставил свою подпись в виде пробы пера архиепископ Фессалоники Гавриил. Он был архиепископом Фессалоники в 1593–1596 гг., а в 1596 г. под именем Гавриила I шесть месяцев занимал патриарший престол в Константинополе до своей смерти в том же году [16, р. 153–154]. Ниже подписи на том же листе в *Suppl. gr. 607*

Гавриил своей рукой написал текст четырех небольших греческих античных и византийских загадок. Очевидно, что это самостоятельная часть конволюта, по которой его нельзя датировать и считать, что весь кодекс находился в Фессалонике в руках Гавриила.

2) Тетрадь в 7 листов (л. 1–7 об.) с законченным фрагментом из второй книги «Истории» Никиты Хониата († 1217 г. в Никее) про царствование Алексея Дуки Мурцуфла и осаду Константинополя, без начала. Пергамен этого фрагмента не очень хорошей выделки (отчетливо видна разница между мясной и шерстной сторонами пергамена, в котором на л. 5 присутствуют две дыры); к тому же листы этой тетради оказались сильно обрезаны, что видно по сохранившимся остаткам схолий на полях л. 1–4, то есть изначально были большего формата; но при этом писец не экономит пергамен, оставляя в конце пустыми нижнюю часть и оборот л. 6, когда текст заканчивается. Очевидно, что это тетрадь, выпавшая из какой-то полной рукописи «Истории» Хониата. Современными исследователями эта часть рукописи *Suppl. gr. 607* датируется XIV в. [14, S. 157; 18, р. 73–74]. Однако такой вертикальный, даже с небольшим наклоном вправо, почерк должен относиться к XIII в., поскольку в нем еще присутствует влияние почерков так называемой Чикаго-Карахиссарской группы рукописей XII в. (например, имеется свойственная именно для этой группы рукописей ξ в лигатуре εξ, размашистая κ и широкая θ, вторая «ножка» λ спускается вниз под строку, на перекладах маленьких π и τ слева имеются характерные «капли»), но в то же время встречаются элементы так называемого стиля *Fettaugenmode* (выбивающиеся из общего ряда крупные буквы υ, лунарная σ на конце слов, открытая ω, ο, открытая ρ в лигатуре ερ, β), расцвет которого приходится на вторую половину XIII в. и не продолжается позднее первой четверти XIV века. При этом почерк пергаменной тетради с отрывком Хониата из *Suppl. gr. 607* представляется мне более ранним, чем, например, почерк написанной также на пергамене основной рукописи «Истории» Хониата *Paris. gr. 1778*, датируемой обычно XIII в. и лежащей в основе издания Я.-Л. Ван Дитена [8, р. XXX–XXXI]. Таким образом, палеографическая дата этой части – первая

половина – середина XIII в., то есть перед нами ближайший к оригиналу «Истории» список.

3) Тетрадь в 8 листов, кватернион (л. 8–15 об.) с фрагментом трактата «О священстве» Иоанна Златоуста без начала и конца. На л. 8 сохранилась поставленная самим писцом в правом нижнем углу листа сигнатура тетради 22 («κβ'»), что говорит о том, что эта тетрадь изначально находилась в составе полной пергаменной рукописи Златоуста объемом, превышающим 176 листов. А поздняя нумерация этой тетради римскими цифрами «XXI» в центре нижнего поля на том же л. 8 означает, что эта тетрадь стала 21-й при очередном переплете полной рукописи Златоуста из-за потери одной тетради в начале кодекса. Перед очередным переплетом в рукописи были проставлены черными чернилами сигнатуры тетрадей в центре нижнего поля первого листа кватерниона римскими цифрами. Это позволяет нам с определенной долей уверенности думать, что рукопись Златоуста, из которой происходит эта тетрадь, в конце XVI – начале XVII в. находилась в той части восточно-христианского мира, где была принята не греческая, а римская цифирь, то есть, скорее всего, либо на Крите, либо в греческой общине Венеции, либо в западной части Балканского полуострова.

По палеографии А. Немет со ссылкой на мнение Э. Гамильшега датирует тетрадь со Златоустом концом XIII в. [14, р. 157, note 14; 18, р. 74]. Тем не менее такая датировка мне представляется ошибочной, потому что здесь нет никаких характерных признаков литургического минускула конца XIII века. Эту тетрадь следует идентифицировать как написанную *Perlschrift*/ом и датировать такой почерк второй половиной XI – началом XII века. Более того, в пользу такой датировки говорит как типичный для ряда рукописей указанного времени литургический минускул (хотя и не в его каллиграфической форме), так и качество и цвет пергамента и чернил, встречающийся только в византийской книжности второй половины XI в. [12].

На л. 8 об. во втором столбце оставлено пустое место размером в три строки, по-видимому, для заставки, которая так и не была нарисована художником. На л. 9 имеется образующий инициал Т рисунок креста с пти-

цей наверху, который производит впечатление нарисованного чернилами писцом, но позже довольно грубо раскрашенного темно-синей и темно-красной красками. Синяя краска от инициала отпечаталась на предыдущем л. 8 об., поэтому мне представляется, что он был раскрашен, когда тетради уже были сшиты и переплетены в кодекс, то есть не является изначальной декорацией полного кодекса Златоуста. Эта часть по всем палеографическим и кодикологическим признакам датируется второй половиной XI – началом XII века.

4) 87 пергаменных листов (л. 16–103 об.) или 14 тетрадей, разной степени сохранности кватернионов, содержат следующие тексты или их отрывки античных и византийских авторов (Иосиф Флавий, историк Евсевий, Афиной Механик, Битон, Аполлодор из Дамаска, Герон Александрийский, Филострат, Аристомед, Дионисий Галикарнасский, ритор Полиен, Дексипп, Приск Панийский, Арриан Флавий, Полибий, Фукидид, а также медицинский фрагмент [18, р. 85–86] и эпиграмма [7, р. 296, 364]).

Древние сигнатуры тетрадей не сохранились, так как рукопись была сильно обрезана при последующем переплете. Об этом говорят наполовину обрезанная схолия на л. 18 об. и обрезанные заголовки и рисунки на верхнем поле л. 23, 27, 39, 40, 42, 46, 47, 49, 84 об., 86, 87, 88. Поздняя нумерация листов сделана черными чернилами греческими буквами с титлом сверху от «α'» (1) до «πζ'» (87) слева на свободном поле верхней части оборота каждого листа. В двух местах номер пропущен, так как оказалась оторвана верхняя половина листа (л. 32 об., 61 об.). Отмечу одну особенность в этом ряду греческих цифр: л. 35 об. пронумерован греческой цифрой 20 с титлом сверху и с двумя точками по бокам: «·Κ·». Такой прием оформления сигнатуры свойственен латинским манускриптам XII–XIII вв. [6, р. 44, 49]. Судя по написанию некоторых букв (β, ζ, ξ), можно широко датировать эту нумерацию не позже рубежа XIII–XIV веков. Отмечу, что именно эта часть рукописи была еще и реставрирована: л. 16–17, 23 об., 32 б., 81–82 оказались подклеены узкими полосками пергамента от латинской рукописи XII–XIII вв. с текстом богословского трактата, написанном в два столбца. Скорее всего, такая нумерация

на обороте каждого листа и реставрация латинскими пергаменными фрагментами потребовалась в процессе изготовления очередного переплета, который рукопись получила, по-видимому, в XIII веке.

Анализ кодикологии и палеографии этой древнейшей части рукописи *Suppl. gr. 607*, а также подбор аналогий ее графико-орфографическим особенностям у А. Немета [13, p. 117, note 106; 14, p. 170, note 62] содержит целую серию необоснованных допущений и прямых ошибок. Все приведенные им аналогии (рукопись *Paris. gr. 781* писца Стилиана 939 г. и недатированные рукописи, написанные вертикальным минускулом типа *bouletée* [14, p. 170, note 62]) принадлежат к числу парадных кодексов уровня «императорской библиотеки» (об этом типе письма см.: [11, p. 55–66, 693–700]), тогда как почерк этой части *Suppl. gr. 607* относится к типу курсивных, то есть кругу обиходно-деловых, следовательно эта рукопись создавалась в иной малой группе писцов и заказчиков [1]. Точно также не имеют параллелей в *Suppl. gr. 607* и указанные А. Неметом почерки писцов В и В² из знаменитой Палатинской Антологии, состоящей из двух частей: *Universitätsbibliothek Heidelberg, Pal. gr. 23 + VnF Suppl. gr. 384*. Причем, А. Немет исходит из ошибочной датировки этого кодекса серединой X в. [4, p. 45–48], между тем, верная палеографическая дата «между 913/4 и 932 г.» обоснована О. Диллером [9, p. 520–521].

Тот факт, что для рукописи *Suppl. gr. 607* не удастся найти прямых аналогий, сам по себе говорит о том, что этот памятник книжной культуры создан не в классический период Македонского ренессанса, связанного с кругом интеллектуалов императора Константина VII, а в более ранний период. Кроме того, даже с учетом того факта, что в исследуемой «древнейшей части» рукописи есть значительные утраты, в ней нет никаких следов полемологических трактатов отца Константина VII Льва VI Мудрого («*Problemata*», «*Taktika*», «*Sylloge Tacticorum*»). Во всех «императорских» военно-тактических сборниках X в. сочинения Льва VI представлены почти в обязательном порядке [3].

Итак, древнейшая часть рукописи *Suppl. gr. 607* написана относительно редко встреча-

ющимся типом почерка, который можно определить как наклонный курсивный минускул. В рукописи можно выделить границы работы четырех писцов: I писец – л. 16–17, 88–103 (34 строки на странице); II писец – л. 18–61 (от 34 до 40 строк на странице, текст снабжен многочисленными чернильными рисунками, раскрашенными красной и зеленой красками с маюскульными подписями его же рукой); III писец – л. 62–80, 82–83 (34 строки на странице, многочисленные иллюстрации на листах сделаны писцом чернилами); IV писец – л. 81, 83 об.–87 (убористый текст в 36 строк на странице пергамена без разлиновки). Все четыре почерка имеют разной степени наклон вправо. Курсивный характер этого минускула говорит о том, что перед нами проникновение обиходно-делового стиля письма в книжную культуру. Всех их объединяет архаический признак – нерегулярность постановки или иногда полное отсутствие диакритических знаков в тексте. Это сугубо архаический признак [11, p. 62, note 23; 2], который невозможен для X в., но все еще типичен в IX в.: в X в. расстановка диакритики делалась писцами уже автоматически.

Эти четыре писца древнейшей части конволюта *Suppl. gr. 607* в своих почерках демонстрируют черты, присущие константинопольским рукописям с античными текстами, написанным в течение 910–920-х гг., то есть не позже первой четверти X столетия. Однако нерегулярная диакритика заставляет нас думать, что эти почерки все же стоит относить к началу X в., а может быть и ранее, то есть отодвинуть к эпохе раннего Македонского ренессанса и датировать периодом правления императора Льва VI Мудрого (см. подробнее все необходимые аналогии: [1]).

5) 25 пергаменных листов (л. 104–129), или 3 тетради содержат разрозненные *Речи* Лисия (1, 2, 3, 4, 5, 19, 20, 21, 22), листы переплетены в неправильном порядке, текст с лакунами. Эта часть рукописи в историографии обычно датируется XV в. [22, p. 54–55 («around the middle of the fifteenth century»); 14, p. 157, 165–167 («from a mid-fifteenth century»); 10, p. 177–178 (со ссылкой на мнение Д. Харлфингера 1981 г., что рукопись написал «wahrscheinlich ein italienischer Humanist aus der ersten Hälfte des 15. Jh.»)]. Рукопись

написана на пергамене, характер выделки которого указывает на его западное (негреческое) происхождение; такой пергамен часто использовался итальянскими гуманистами при изготовлении списков произведений античной литературы. Все тетради с Лисием из некогда полной рукописи – 1-й, 2-й и 8-й квинионы разной степени сохранности, и это еще один аргумент в пользу предположения об итальянском происхождении манускрипта: многие пергаменные кодексы, создававшиеся греческими книгописцами на Западе в XV–XVI вв., составлены из квинионов. Вместо сигнатур тетрадей употребляются кустоды в нижнем правом углу оборота десятого листа каждой тетради (в рукописи *Suppl. gr.* 607 такие кустоды имеются на л. 112 об. и 113 об., а у л. 129 об., на котором должны была стоять еще одна кустада, нижняя часть оборвана). Постановка таких кустод как сигнатур тетрадей – это достаточно широко распространенное явление в греческой рукописной книге XV–XVII вв., идущее, по-видимому, из практики раннего книгопечатания.

Что касается палеографической датировки, то поскольку рукопись пергаменная, то нет возможности датировать ее с точностью до десятилетия, какая часто предоставляется филигранями бумаги для этого времени. Отмечу, что в этой части рукописи для датирования почерка присутствует очень важный признак – деление на слова, которое в греческих рукописях возникает лишь в конце XVII – XVIII в., а у греков, работавших на итальянских гуманистов под влиянием латинской книжной культуры и раннего книгопечатания, – в самом конце XV – XVI в. (примеры такого греческого письма с разделением на слова см.: [5, р. 62 (начиная с № 53)]). Поэтому до того момента, когда путем отождествления по почерку удастся определить имя писца и тем самым установить хронологию его книгописной деятельности, правильно было бы датировать эту часть более широко XV–XVI вв., причем, можно с большей вероятностью предполагать именно конец XV – первую половину XVI века. Протографом Лисия в *Suppl. gr.* 607 считается рукопись *Vat. gr.* 1366 [22, р. 48, 54–55], написанная в 1453 г. одним из самых известных греческих переписчиков для итальянских гуманистов в середине – второй половине XV в. Иоанном

Фессалийцем Скутариотом (датированные самим писцом рукописи распределяются между 1442–1494 гг.), следовательно, это и есть *terminus post quem* для создания апографа.

Во Флоренции хранится еще одна написанная тем же писцом рукопись в 52 листа – BML, *Plut.* 70.19. Возможно, что 25 листов из *Suppl. gr.* 607 вместе с 52 листами рукописи *Plut.* 70.19 некогда составляли одну рукопись, содержащую помимо *Речей* Лисия сочинение Дионисия Галикарнасского *De Lysia*, речи и письма античных авторов: ораторов Эсхина и Исократа, Сократа и Ксенофонта. Различия пергамена и использование кустод для обозначения тетрадей, 25 строк на странице в обеих рукописях совпадают. Рукопись *Plut.* 70.19 в историографии датируется XV в. и ее происхождение связывается с Флоренцией. Д. Сперанци считает, что заголовки красными чернилами в ней написаны рукой того же Иоанна Фессалийца Скутариота, а на л. 46 об.–47 имеются следы редактуры Анджело Полициано (1454–1494) [23, р. 358]. Эти идентификации почерков мне представляются ошибочными, поскольку в почерках заголовков обеих рукописей нет тех хорошо известных особенностей почерка Скутариота, по которым его можно отождествить: имеются в виду такие яркие черты его почерка, как очень характерная к, соединяющаяся со следующей буквой α под строкой; τ, нижняя часть которой имеет еле заметный «загиб» влево с капелькой на конце, – здесь проявляется так называемый «динамический стереотип» писца, который совершенно не совпадает с привычками писца заголовков ни в парижской, ни во флорентийской рукописях, у которого «загиб» в виде капельки отчетливо происходит вправо; полное отсутствие в почерке Скутариота деления на слова; не говоря уже об общем оформлении заголовков с астериском в начале и декорацией инициалов растительным мотивом, свойственным Скутариоту. То же самое касается и якобы вторжений руки Анджело Полициано, почерк которого имеет совершенно другой «строй», не такое сильно выраженное деление на слова, как на л. 46 об., и он совершенно по-другому пишет и соединяет τ в артиклях [5, р. 59]. Таким образом, датировка XV в. рукописи *Plut.* 70.19 не может быть принята и служить аргументом для датировки *Suppl. gr.* 607.

В части рукописи *Suppl. gr.* 607 с Лисием все же имеется полистная нумерация листов, и она продолжена, как и в третьей части, слева вверху на свободном обороте каждого листа, но сделана уже красными чернилами (карминного цвета) рукой Миноида Минаса. Такая полистная нумерация продолжается по всем пергаменным листам содержащей Лисия четвертой части, но уже красными чернилами и аккуратными небольшими буквами без титла с л. 104 об. (πῆ´ = 88) до л. 129 об. (ρῆ´ = 113).

С точки зрения кодикологии имеющегося у нас конволюта можно сделать следующее заключение о времени и обстоятельствах его создания. Пометы красными чернилами карминного цвета собственноручно оставял в рукописи только сам собиратель Миноид Минас. Причем, весь манускрипт несет много разных его помет и записей. Так, на бумажном л. I об. красными чернилами его рукой сделана выписка из издания Диодора Сицилийского Л. Диндорфа 1828–1831 гг. – след его работы по определению содержания рукописи. Далее на бумажном л. II–II об. он написал своей рукой полное содержание рукописи. На пергаменном л. I на верхнем поле справа оставил свою владельческую помету «Μ. Μυνας», в центре поставил номер «Γ´» (3), что соответствует номеру рукописи в его перечне 1842 года. Он восстанавливал некоторые заголовки и делал пометы про авторство и по содержанию (как на л. 16, 24 об., 56, 59, 100). Особенно тщательно он работал с частью *Речей* Лисия: собственноручно М. Минас расставил полистную нумерацию на оборотах листов, помечая выявленные им лакуны и перестановки листов почти на каждом листе этой пятой части (кроме л. 112) до самого конца рукописи. Анализ помет Миноида Минаса в рукописи неизбежно приводит к мысли, что весь конволют *Suppl. gr.* 607 был собран из разновременных пяти частей им самим, то есть фактически был создан в XIX веке.

Считается, что М. Минас приобрел манускрипт *Suppl. gr.* 607 на Афоне в Ватопедском монастыре в 1843 году. О происхождении этой рукописи в его бумагах как будто бы была найдена такая помета: «Βατοπέδε. Cod. memb. secul. XII. Athenaeus poliorcetica (sic) et alii inediti» (24, р. XVI). Однако мне не удалось найти никаких указаний на Ватопед как на место приобретения этого манускрипта.

В пользу моей версии о создании конволюта М. Минасом говорит и ряд косвенных свидетельств, связанных с его деятельностью по приобретению греческих рукописей. Несомненно, что М. Минас приобрел все его пять частей и переплет, в котором они в итоге оказались, во время своей первой миссии на Востоке с февраля 1840 по март 1843 г. на деньги французского правительства. По другой записи на л. 11 об. в его бумагах из рукописи *Suppl. gr.* 754, изданной А. Омоном, известно, что к августу 1842 г. в Фессалонике этот манускрипт уже был у него. Вот его описание: «Γ´. In-4° grand, membraneux, reliure en bois... α´. Fragment historique sur la prise de Constantinople par Baldouin, comte de Flandre. – β´. Discours de saint Jean Chrysostome περὶ ἱερωσύνης. – γ´. 4 pages sur les machines de guerre. – δ´. Ἀθηναίου περὶ μηχανημάτων jusqu'à la feuille με´. – ε´. Διοπτρικά καὶ πραγματικά, depuis με´ jusqu'à la feuille ξξ´, y comprise la mécanique. – ζ´. Sur Ἐέρξης, Ἀριστόδημος et Θεμιστοκλῆς, sur la vie Ἀπολλώνιος Τυανεύς, et sur Πανσανίας de Sparte, jusqu'à la feuille οα´. – ζ´. Πολιορκητικά διαφόρων πόλεων, dont le dernier: ἐκ τῶν Εὐσεβίου, βιβ. θ´. Πολιορκία Θεσσαλονικῆς ὑπὸ Σκυθῶν, jusqu'à la feuille πζ´. – η´. Discours de Lysias, jusqu'à la feuille ρη´. Magnifique exemplaire. Manuscrit précieux. [*Suppl. grec* 607]» [15, р. 403]. Перевод: «3. В четвертую часть листа, пергаменная, переплет в коже... 1. Исторический фрагмент об осаде Константинополя Балдуином, графом Фландрии. – 2. Речь Иоанна Златоуста о священстве. – 3. Четыре листа о военных машинах. – 4. Афиняе о машинах до листа 45. – 5. Диоптрические и реальные вещи, от листа 45 до листа 67, включая механику. – 6. О Ксерксе, Аристодеме и Фемистокле, о жизни Аполлония Тианского, и о Павсании из Спарты, до листа 71. – 7. Осады разных городов, из которых последняя: из Евсевия, книга 9. Осада Фессалоники скифами, до листа 87. – 8. Беседа Лисия, до листа 113. Великолепный экземпляр. Драгоценная рукопись».

В докладе, поданном М. Минасом министру и опубликованном в газете *Moniteur universel* 5 января 1844 г. (р. 17–19)², находится описание этой рукописи, которая стоит в конце списка «Histoire» под номером 21 и датирована XII в. [15, р. 390–391]:

«Manuscrit du XIIe siècle, intitulé Siège de différentes villes. Sans parler des stratégies et des sièges rapportés par Thucydide, par Arrien et par Polien, ce manuscrit contient: 1° le combat de Pyrrhus avec les Romains, fragment inédit et extrait du vingtième livre de Denys d’Halicarnasse; 2° trois sièges rapportés par Dexippus, écrivain dont nous ne possédons rien jusqu’à présent, si ce n’est ce que Photius en a conservé; 3° deux sièges de l’historien Priscus, morceaux également inédits; 4° les sièges de Syracuse et d’Ambracie, extraits du huitième et du vingt et unième livre de Polybe qui nous manquent; M. Schweighaeuser a publié plusieurs fragmens de cet historien; mais la première moitié du siège d’Ambracie, ainsi que le commencement et la fin du siège de Syracuse, ne se trouvent pas dans son édition; 5° le siège de Platée, par Thucydide; 6° un fragment du siège de Salonique, extrait du neuvième livre de l’historien Eusèbe, dont on ne possédait rien jusqu’ici. Malheureusement il y a une lacune dans ce récit, occasionnée par la perte d’une feuille». Перевод: «Рукопись XII века, озаглавленная *Осады различных городов*. В дополнение к стратегиям и осадам, о которых сообщают Фукидид, Арриан и Полиен, эта рукопись содержит: 1° битва Пирра с римлянами, неопубликованный фрагмент, взятый из двадцатой книги Дионисия Галикарнасского; 2° три осады, о которых сообщает Дексипп, писатель, о котором у нас пока ничего нет, кроме того, что сохранил Фотий; 3° две осады историка Приска, также неопубликованные фрагменты; 4° осады Сиракуз и Амбракии, взятые из восьмой и двадцать первой книг Полибия, которых у нас нет. Господин [Иоганн] Швейггейзер опубликовал несколько фрагментов этого историка, но первая половина осады Амбракии, а также начало и конец осады Сиракуз в его издании отсутствуют; 5° осада Платеи Фукидида; 6° фрагмент осады Салоник, взятый из девятой книги историка Евсевия, о котором мы до сих пор ничего не знаем. К сожалению, в этом изложении имеется лакуна, вызванная потерей одного листа».

Из этого описания 1844 г. получается, что рукопись в тот момент не имела в своем составе трех частей – фрагмента об осаде Константинополя из Никиты Хониата, Златоуста и Лисия. В газетном докладе-отчете М. Минас подробно описал собранные им рукописи,

информируя научную общественность о своих приобретениях на Востоке и буквально рекламируя самые ценные из них, стараясь пробудить интерес к своим открытиям. Таким образом, он не мог не упомянуть здесь выигрышные для рекламы тексты Никиты Хониата или Лисия.

Сравнение этих двух описаний показывает, что переплет 1510-х гг. был или приобретен отдельно и использовался как папка для ценных фрагментов разных рукописей, или некогда относился к одной из пяти частей. Следует только учесть, что самая поздняя пятая часть с Лисием, датированная мной второй половиной XV – XVI в., вполне могла быть той самой рукописью, которая в полном виде и была переплетена в 1510-х гг. в Буде. Поскольку это единственный фрагмент, написание которого хронологически ближе всего ко времени создания переплета. Несомненно еще одно обстоятельство – у М. Минаса переплет был разбит, и все пять частей лежали в нем как в папке, поэтому и потребовалась его реставрация в конце XIX столетия.

Отдельно отметим, что первая часть, содержащая лист с автографом архиепископа Гавриила, – по-видимому, могла быть приобретена М. Минасом непосредственно в Салониках. По опубликованному А. Омоном описанию первой миссии Миноида Минаса, он, будучи родом из провинции Салоника и учась в юности в тех местах, уехал из Константинополя в Салоники и провел там январь и февраль 1841 г., посещая архиепископскую библиотеку и библиотеки монастырей, каталоги которых он составил, после чего отправился в Серры. Затем в апреле снова вернулся и пробыл в Салониках еще три месяца; именно оттуда он с рекомендательными письмами от архиепископа Салоникского и архимандрита временного поверенного в делах Афона направится на Афон. Салоники станут для него перевалочным пунктом между посещением Афонских монастырей и поездками в Константинополь, а затем возвращением 1 сентября 1843 г. в Марсель с ящиками мраморов и манускриптов [15, p. 343–347].

Выводы. Конволют *Suppl. gr.* 607 был собран в XIX в. его первым владельцем Миноидом Минасом, соответственно, все реконструкции истории бытования его пяти частей

не основаны на каких-либо признаках кодического или палеографического характера в самом манускрипте, точно также нет данных о том, что какие-то части были объединены ранее. Каждая часть может быть датирована по палеографическим признакам: 1) концом XVI в.; 2) первой половиной – серединой XV в.; 3) концом XI – началом XII в.; 4) концом IX – началом X в.; 5) второй половиной XV – XVI веком.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рукопись оцифрована на сайте электронной библиотеки Национальной библиотеки Франции *Gallica*: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8593585j/f1.item> (дата обращения: 10.02.2024).

² Газета оцифрована на сайте электронной библиотеки Национальной библиотеки Франции *Gallica*: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4446922d> (дата обращения: 18.03.2024).

REFERENCES

- Kuryshva M.A. Datirovka «drevneyshey» chasti rukopisi BnF Supplément grec 607 s antichnymi voennymi traktatami [Dating of the “Oldest Part” of the Ms BnF Supplément grec 607 with Ancient Military Treatises]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2024, no. 28 (1), pp. 957-963. DOI: 10.30842/ielcp2306901528059
- Kuryshva M.A. K metodike datirovaniya grecheskikh mayuskulnykh rukopisey VIII–IX vv. (na primere Paris. gr. 2389 i Vat. gr. 699) [On the Methods of Dating of Greek Majuscule Manuscripts of the 8th – 9th Centuries (On the Sample of Paris. gr. 2389 and Vat. gr. 699)]. Fonkich B.L. *Vizantiyskiy mayuskul VIII–IX vv. K voprosu o datirovke rukopisey* [Byzantine Majuscule of the 8th – 9th Centuries. On the Question of Dating Manuscripts]. Moscow, LRC Publishing House, 2020, pp. 98-115.
- Kuryshva M.A. K metodike datirovaniya grecheskikh rukopisey 960-kh gg. (na primere Vat. gr. 1164, Paris. gr. 2442 i Barb. gr. 276) [To the Procedure of Dating Greek Manuscripts of 960s (On the Examples of Vat. gr. 1164, Paris. gr. 2442 & Barb. gr. 276)]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal «Istoriya»*, 2020, vol. 11, no. 9 (95). DOI: 10.18254/S207987840012320-1
- Agati M.L. Note paleografiche all’Antologia Palatina. *Bollettino dei Classici*, 1984, vol. 5, pp. 43-59.
- Bernardinello S. *Autografi greci e Greco-latini in Occidente*. Padova, Cedam, 1979. 93 p., 105 rip.
- Clemens G., Graham T. *Introduction to Manuscript Studies*. Ithaca, Cornell University Press, 2007. 301 p.
- Cougny E. *Epigrammatum anthologia Palatina cum Planudeis et appendice nova. Vol. 3*. Paris, Firmin-Didot et Sociis, 1890. 631 p.
- Dieten van J.-L. *Nicetae Choniatae Historia*. Berlin, Walter de Gruyter, 1975. CXV, 655 p.
- Diller Au. The Age of Some Early Greek Classical Manuscripts. Heller J.L., Newman J.K., eds. *Serta Turyniana. Studies in Greek Literature and Palaeography in honor of Alexander Turyn*. Urbana, University of Illinois Press, 1974, pp. 514-524.
- Hosoi A., Yoshikawa H. Manuscripts de Lysias. Hernández Muñoz F.G., ed. *Manuscritos griegos en España y su contexto europeo. Greek Manuscripts in Spain and Their European Context*. Madrid, Clásicos Dykinson Monografías, 2016, pp. 159-200.
- Kavrus-Hoffmann N. From Pre-Bouletée to Bouletée: Scribe Epiphanius and the Codices Mosq. Synod. gr. 103 and Vat. gr. 90. Bravo García A., Pérez Martín I., eds. *The Legacy of Bernard de Montfaucon: Three Hundred Years of Studies on Greek Handwriting. Proceedings of the Seventh International Colloquium of Greek Palaeography (Madrid – Salamanca, 15–20 September 2008)*. Turnhout, Brepols, 2010, pp. 55-66, 693-700.
- Lowden J. *The Jaharis Gospel Lectionary: The Story of a Byzantine Book*. New York, The Metropolitan Museum of Art, 2009. 130 p.
- Németh A. *The Excerpta Constantiniana and the Byzantine Appropriation of the Past*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 338 p.
- Németh A. The Mynas Codex and the Bibliotheca Corviniana. Gastgeber Chr., Mitsiou E., Pop I.A., Popović M., Preiser-Kapeller J., Simon A., eds. *Matthias Corvinus und seine Zeit. Europa am Übergang vom Mittelalter zur Neuzeit zwischen Wien und Konstantinopel*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2011, S. 155-178.
- Omont H. *Minoide Mynas et ses missions en Orient (1840–1855). Mémoires de l’Institut de France*, 1916, vol. 40, no. 1, pp. 337-421.
- Petit L. Les évêques de Thessalonique (Suite.). *Échos d’Orient*, 1902, t. 5, no. 3, pp. 150-156.
- Rance Ph. ‘The Reception of Aineias’ Poliorketika in Byzantine Military Literature’. Pretzler M. and Barley N., eds. *Brill’s Companion to Aineias Tacticus*. Leiden, Boston, Brill, 2017, pp. 290-374. DOI: 10.1163/9789004352858_016
- Rance Ph. An Unpublished Byzantine Medical Fragment (Parisinus Suppl. gr. 607): Pharmaceutical Knowledge and Practice in Tenth-Century Constantinople. *Parekbolai. An Electronic Journal for Byzantine Literature*, 2017, vol. 7, pp. 69-95. DOI: <https://doi.org/10.26262/par.v7i0.5608>

19. Rozsondai M. Sulle legature in cuoio dorato per Mattia Corvino. *Nel segno del Corvo: libri e miniature della biblioteca di Mattia Corvino re d'Ungheria (1443–1490)*. Modena, Il Bulino, 2002, pp. 249-258.

20. Schöne H. Ueber den Mynascodex der griechischen Kriegsschriftsteller in der Pariser Nationalbibliothek. *Rheinisches Museum für Philologie*. Neue Folge, 1898, vol. 53, pp. 432-447.

21. Schoneveld K. Manuscript Illuminations in Military Manuals. Whately C., ed. *Military Lit-*

erature in the Medieval Roman World and Beyond. Leiden, Boston, Brill, 2024, pp. 204-236. DOI: 10.1163/9789004696433_009

22. Sosower M.L. *Palatinus Graecus 88 and the Manuscript Tradition of Lysias*. Amsterdam, Adolf M. Hakkert, 1987. 117 p.

23. Speranzi D. Giano Lascari e i suoi copisti. Gli oratori attici minori tra l'Athos e Firenze. *Medioevo e Rinascimento*, 2010, vol. 24 (n.s. 21), pp. 337-376.

24. Wescher C.M. *Poliorcétique des grecs*. Paris, Imprimerie Impériale, 1867. 388 p.

Information About the Author

Marina A. Kuryшева, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Byzantine and East European History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, kuryшева@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9681-7108>

Информация об авторе

Марина Александровна Курышева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел истории Византии и Восточной Европы, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, kuryшева@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9681-7108>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.18>

UDC 811.14'04:75.052

LBC 81.451-65

Submitted: 15.06.2024

Accepted: 27.09.2024

ACCENTUATION SYSTEMS IN BYZANTINE GREEK INSCRIPTIONS AND GRAFFITI IN CAPPADOCIA

Alexandra A. Evdokimova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* An analysis of fresco inscriptions from different regions of the Byzantine Empire has shown that their spelling may reflect dialectal features. At the same time, the accentuation systems used in them also characterize the author's style and often vary, combining elements of the Alexandrian, Byzantine, and logical systems. *Methods.* Cappadocian inscriptions and graffiti were analyzed according to Jerphanion's publication in comparison with photographs of Cappadocian frescoes from various Internet repositories. *Material.* The article presents the results of the analysis of the use of accentuation marks in 142 inscriptions on frescoes of the 10th–12th centuries and in 19 graffiti. *Results.* The 142 inscriptions on the frescoes reflect a special tradition of using trema that existed in Cappadocia. In addition to the classic case of placing it at the beginning of a series of names, such as John, Jacob, etc., it is often placed in the initial position in place of a thick aspiration. Another variant of its use is to emphasize those cases when iota is written instead of η. In a number of monuments, almost all the inscriptions are accentuated in a system close to the Alexandrian, with marking of unstressed syllables and with a visual display using prosody signs of tone movement. In other inscriptions, the first element of the diphthong is marked with stress, which is characteristic not only of the Alexandrian system. Stresses on abbreviations are also found in the function of logical stress. The authors of 19 graffiti used accentuation signs, including for shortening words and indicating a line break. And the gravis in them often marked words within the framework of the logical accentuation system.

Key words: Greek accentuation, Greek inscriptions of Cappadocia, Greek graffiti of Cappadocia, Byzantine Greek language, Alexandrine accentuation system, Byzantine accentuation system, logical accentuation system.

Citation. Evdokimova A.A. Accentuation Systems in Byzantine Greek Inscriptions and Graffiti in Cappadocia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 246-263. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.18>

УДК 811.14'04:75.052

ББК 81.451-65

Дата поступления статьи: 15.06.2024

Дата принятия статьи: 27.09.2024

СИСТЕМЫ АКЦЕНТУАЦИИ В ВИЗАНТИЙСКИХ ГРЕЧЕСКИХ НАДПИСЯХ И ГРАФФИТИ КАППАДОКИИ

Александра Алексеевна Евдокимова

Институт языкознания РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Анализ надписей на фресках из разных регионов Византийской империи показал, что их орфография может отражать диалектные особенности. При этом используемые в них системы акцентуации также характеризуют манеру автора и часто варьируются, сочетая в себе элементы александрийской, византийской и логической систем. *Методика.* Каппадокийские надписи и граффити были проанализированы по изданию Жерфаньона в сравнении с фотографиями фресок Каппадокии из разных интернет-хранилищ. *Материал.* В статье представлен результат анализа употребления знаков акцентуации в 142 надписях на фресках X–XII вв. и в 19 граффити. *Результаты.* В 142 надписях на фресках отражена бытовавшая в Каппадокии особая традиция использования тремы. Помимо классического случая постановки ее в начале ряда имен, таких как Иоанн, Иаков и т. п., она часто ставится в начальной позиции на месте густого придыхания. Другой вариант ее использования – подчеркивать те случаи, когда йота оказывается написанной вместо η. В ряде памятников почти все надписи акцентуированы в системе, близкой к александрийской, с маркировкой

безударных слогов и с наглядным отображением при помощи знаков просодии движения тона. В других надписях маркирован ударением первый элемент дифтонга, что характерно не только для александрийской системы. Также встречаются ударения на сокращениях, в функции логического ударения. Авторы 19 граффити использовали знаки акцентуации, в том числе для сокращения слов и обозначения переноса на другую строку. А гравис в них часто маркировал слова в рамках логической системы акцентуации.

Ключевые слова: греческая акцентуация, греческие надписи Каппадокии, греческие граффити Каппадокии, византийский греческий язык, александрийская система акцентуации, византийская система акцентуации, логическая система акцентуации.

Цитирование. Евдокимова А. А. Системы акцентуации в византийских греческих надписях и граффити Каппадокии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 246–263. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.18>

Памяти Н.Д. Барабанова

Введение. Анализ орфографии каппадокийских надписей показал, что они имеют ряд особенностей, которые позволяют говорить о фиксации в них каппадокийского диалекта для византийского греческого языка (см.: [1]). Важными особенностями являются предпочтение в позициях итацизма η или ε вместо ι, палатализация согласных, сингармонизм гласных и сохранение звука [i] более длительное время, чем в большей части регионов Византийской империи. Однако знаки акцентуации, сохранившиеся в надписях и граффити Каппадокии, ранее подробно не анализировались, поэтому мы и предлагаем изучить их.

Материал. В корпусе византийских акцентуированных текстов VGAT (см.: [3]) надписи из Каппадокии представлены двумя типами источников: 19 граффити и 142 надписями на фресках. Граффити по содержанию представляют собой молитвенные и поминальные надписи. Некоторые из них спорадически акцентуированы. И в этой статье мы рассмотрим те из них, которые представлены в издании Жерфаньона [9–11]. Надписи на фресках также составляют две категории: цитаты из литургических текстов и подписи к святым. Отдельно мы составили выборку из надписей на фресках одной из церквей с подробно акцентуированными в александрийской системе акцентуации надписям по фотографиям, собранным на разных фотохранилищах в Интернете.

Анализ. На материале граффити мы можем проследить разные варианты спорадической акцентуации, бытовавшей в этом регионе. В 17-й церкви ¹, в Кезлар Каллеси, располагается комплекс граффити [10, р. 489–

490, № 71–74]. В двух из них содержится дата, октябрь 1055 года. В первом граффито (рис. 1) использован гравис в качестве знака сокращения для (ov) в артикле в В.п. м.р. τ̄. Акут над вторым элементом дифтонга вместо циркумфлекса, и, одновременно, знак сокращения встречается в существительном δοῦ(λον). В следующей надписи используется лигатура ϝ (ov) и над ней гравис в конце строки, который совмещает функции сокращения, переноса строки и ударения. В поминальном граффито δοῦλ̄ || имеет гравис в качестве знака для сокращения ov и переноса. В следующем поминальном граффито вместо акута встречается трема над йотой между двумя гласными в названии месяца μαῖου.

В 21-й церкви, располагающейся в регионе церкви с колоннами [10, р. 476, № 60], двойной гравис используется как знак сокращения и ударения над артиклем в В.п. τ̄̄. Двойной знак циркумфлекса появляется дважды: в качестве сокращения над именем Γε(ώργιον) и над местоимением π||αντ̄(). В следующем граффито из этого памятника [10, р. 477, № 62] акут использован в качестве знака сокращения δοῦλ̄ вместо (ov), а также сокращения, переноса и замены сокращенного ударного гласного в существительном αμ[α]ρτολ̄ (ср. подобные явления в афинских граффити: [2]).

В часовне св. Варвары, расписанной согласно донаторской надписи также в XI в. [10, р. 485, № 67] тоже наблюдается использование акута в качестве знака переноса и сокращения одновременно: το̄́ вместо τὸν.

В церкви Св. Евстафия (тур. Gevikli Kilise, долина Soğanlı) в первом граффито, цитате из Луки I, 38 [9, р. 166, № 3], представлено перенесенное ударение с энклитики γενητό μοι, но при этом гравис остался на местоимении

и падает на первый элемент дифтонга (см. рис. 2). Другой гравис строкой выше также сдвинут влево, но оказывается между двумя элементами дифтонга: $\acute{\iota}\delta\upsilon\upsilon\ \acute{\iota}\ \delta[o]\upsilon\lambda\acute{o}\grave{\iota}$. В последней строчке два ударения из трех и гравис в конце строки, который также можно трактовать как знак сокращения: $\kappa\alpha\tau\alpha\ \tau\acute{o}\ \rho\acute{\eta}\mu\alpha\ \sigma^{\prime}(\upsilon\upsilon)$, а предлог оставлен без ударения. Вероятно, все три грависа могли относиться и к логической системе ударения, подчеркивая выделяемые автором слова.

В просторном граффито с датой 1149 г. (рис. 3) вместо знака придыхания акут, который оказывается между вторым элементом дифтонга и следующим за ним согласным. А непосредственно ожидаемый акут попадает уже на согласный: $\epsilon\upsilon^{\prime}\gamma^{\prime}\epsilon||\sigma\tau\epsilon$ [9, р. 166, № 4]. Другие акуты в надписи располагаются ровно над гласными, как и гравис в В.п. артикля м.р. Исключение составляет $\epsilon^{\prime}\beta\rho\sigma$, где акут после первого элемента бывшего дифтонга, у которого второй элемент консонантизировался. Весь текст выглядит следующим образом: $\text{Εἰς λύτρ[ωσ]ῖν γεορ[γίου] διακό[vου] αμαρτ[ὸ]λ[οι]|| σφωδρα εὔ'γ'ε||στε αὐτ' δια τὸν κ(υρίο)v ἰνα ε'βρος|| λύσιν τον πολλων || πτεσματος || εν ... τ[ης] κρίσεως|| ετος στχνζ|| ινδ ΙΒ.$

В третьем граффито из церкви Св. Евстафия [9, р. 168, № 5] над \omicron и η знаки, похожие на знаки сокращения, хотя над \omicron он меньше, возможно, поскольку был использован вместо ударения, которое сместилось влево с $\epsilon\tau\upsilon$ на \omicron для избегания наложения знаков, а над η уже знак сокращения. Акут в значении сокращения над λ в третьей от конца строке. В четвертом граффито в первой строке гравис над \omicron в артикле В.п. м.р., а буква ν пропущена [9, р. 168, № 6]. В третьем граффито двойной акут, лежащий над буквой, используется в качестве знака сокращения и знака переноса $\beta\theta\mu^{\prime}$. Такой же одинарный акут наблюдается и в конце надписи $\kappa^{\prime}\omicron$ [9, р. 168, № 7].

В церкви св. Даниила (тур. Ağaçaltı, X–XI вв.) в первом граффито [9, р. 175, № 19] гравис над $\tau\alpha\upsilon$ как знак сокращения для $\omicron\upsilon$. Гравис также встречается над \omicron и между λ и \omicron . Трема используется над $\acute{\iota}$ после гласной. В издании расшифровка у надписи следующая: $\mu\alpha\delta||\acute{\omicron}\lambda^{\prime}\omicron\gamma\upsilon|| \mu\iota|| \acute{\alpha}\lambda.\alpha$ [9, р. 175, № 20]. В третьем граффито из этой церкви [9, р. 175, № 21] в слове $\delta\omicron\upsilon\lambda\acute{o}$ двойной

гравис, как знак сокращения для $\acute{\omicron}\nu$, стоит над \omicron .

В Баллек Килисе (Balleq Kilise, 2-я половина XI в.) в погребальном граффито Никифора [11, р. 269–270, № 176] трема над $\acute{\iota}$ в цифре после индикта и трема над $\acute{\iota}$ в цифре перед ним. Этот пример можно было бы считать палеографической особенностью надписи и произошедшим под влиянием других надписей, однако остальные $\acute{\iota}$ в надписи не маркированы тремами. В церкви св. Варвары (Tahtali Kilise, долина Soğanlı) в погребальном граффито рабы Божьей имярек трема начертана над $\acute{\iota}$, написанной вместо $\epsilon\tau\upsilon$ в существительном $[\theta]\upsilon\gamma\alpha\tau\acute{\iota}[\rho]$ [11, р. 308, № 181].

В церкви св. Стефана [11, р. 150] трема над $\acute{\iota}$, написанной вместо $\epsilon\tau\upsilon$ в артикле ж.р. в конце слова и в конце строки перед начальной гласной следующего слова: $\text{ΕΓΟ|| ΦΟΝ||Η ΒΟΟ||ΝΤΟС|| ΕΝ ΤΙ|| ΕΡΗΜ||ΟΥ ΤΥ||ΜΑС||ΑΤΕ}$. Явно переписано с образца, где могло быть другое разбиение на строки. В той же церкви граффито [11, р. 153, № 155] акуты стоят над значимыми сокращениями $\theta^{\prime}(\epsilon\omicron)\upsilon$ и $\chi^{\prime}(\rho\acute{\iota}\sigma\tau\omicron)\upsilon$, как принято в логической системе акцентуации.

К северу от Джемалы, в церкви св. Василия, в погребальном граффито [11, № 153] в конце первой строки использован двойной гравис, который можно трактовать как ударение и перенос на следующую строку, в которой продолжение слова, по всей вероятности, идет не сначала строки, а ближе к концу, как и предложил Жерфаньон в издании. Таким образом, мы получаем следующий текст: $\text{ΕΚΙΜΙΘΙ Ο [δ] ΟΥ^{\prime}||\lambda\acute{\omicron}\acute{\iota}^{\prime}\ \Theta[\epsilon\omicron\upsilon]}$, а двойные грависы кроме маркировки ударения указывают на направление чтения, так как плохо интерпретируемая часть надписи во второй и третьей строках, явно относятся к другому тексту.

В церкви св. Георгия в Орта Ке в погребальном граффито [11, р. 242–243, № 165] акцентуированы только некоторые слова. Начальный безударный гласный маркирован грависом: $\acute{\iota}\omicron\omicron\sigma$. Можно было бы считать, что этот знак поставлен вместо придыхания, однако в предпоследней строке придыхание стоит над другим словом. Поэтому мы предполагаем, что этот гравис был поставлен в рамках логической системы акцентуации. В рамках

византийской системы использованы акуты в других лексемах и чаще всего они связаны с сокращениями. Один стоит над η, написанной над μ, и сочетает в себе функции ударения и сокращения: ΜΗ(ΝΙ). Второй над κ и указывает, что следующий за ней ε относится сразу к двум словам: Κ(Ε) и к глаголу Ε||ΘΕΤΩ. Третий маркирует ударный слог и падает на второй элемент дифтонга, а следующие за ним две буквы написаны в верхнем регистре: ΤΑΥ^{ΤΗ}. Густое придыхание в прилагательном смещено вправо и попадает между гласной и согласной: ΑΓΝΑ. Написанное тут же граффито [11, р. 242–243, № 166] также имеет одно ударное слово на весь текст: ΑΝΕΘΕΤΩ, что указывает на логическую систему акцентуации. При этом в последней строке знак сокращения дважды перечеркнут ΜΟ'(νῆ), что можно сравнить с титлами, соединенными со знаками ударения, что часто встречаются в византийской фресковой живописи. В последнем граффито в этом комплексе [11, р. 242–243, № 167] трижды использовано придыхание, дважды ровно над гласной в одном и том же предлоге ΕΝ и один раз между двумя элементами дифтонга ΑΥΤΩ. В этом памятнике также использован знак сокращения, соединенный с ударениями над той же лексемой, что и в предыдущем: ΜΟ'(νῆ). В той же строке мы видим двойной гравис, также в значении сокращения: μὸδ''= μὸδ(τον) с небольшой черточкой у ближайшего к букве грависа, явно имитирующей маленькую йоту после дельты. А в последней строке использовано единственное ударение на весь памятник над ΜΙΑΝ.

Обратимся теперь к подписям к фрескам, которые представлены у Жерфаньона, в том числе в виде прорисовок, и знаки на которых соответствуют найденным в сети фотографиям тех из них, которые дошли до наших дней, что позволяет нам доверять исследователю. В большинстве из этих прорисовок единственным знаком является трема, однако она использована не так, как мы привыкли в византийской системе акцентуации. Рассмотрим эти случаи более детально.

В часовне Богородицы трема над начальной йотой перед гласной в имени святого использована, чтобы избежать консонантизации безударной гласной: ἸΩΑΝΝΟΥ ΤΟΥ ΒΑΥΤΙΣΤΑ [9, р. 122] и ἸΩΑΚΙΜ [9, р. 127].

Похожее употребление, но уже в названии месяца: ἸΟΥΝΗΟΥ ΗΣΤ [9, р. 122]. Там же [9, р. 128] трема стоит над начальной йотой, написанной вместо эты в артикле, возможно, в функции густого придыхания, а также йота здесь маркирует и необходимость раздельного чтения со следующим словом: Ἰ ΠΑΝΑ[γυ] Α ΕΝ|| ΤΟ ΝΑΟ ΛΑ.ΒΑ||ΝΙ ΤΡΟΦ....ΧΙ||ΡΟΣ ΑΓΓΕΛΩ (ср. Протевангелие Иоанна (Prot. Jac) 13.2). В сцене Благовещения в надписи трема появляется над йотой после гласной, с которой она не составляет дифтонг. При этом ι написана вместо η, а перед ней η, написанная вместо ι соответственно: ΓΑΒΡΗΪΛ [9, р. 129 и pl. 35, № 1].

В 8 часовне Гёреме или в часовне Богородицы, св. Иоанна Богослова и св. Георгия в сцене Путешествия в Вифлием [9, р. 130, pl. 35, № 3] и у Иакова над головой (ἸΑΚ[οβ]ΙΟΣ), и в самой сопроводительной надписи ἸΩΣΗΦ ΚΑ||ΤΙΓΑΓΟΝ|| ΜΕ ΕΚ ΤΙΣ|| ΟΝΟΥ – мы видим трему над начальной йотой перед гласной, для избегания ее консонантизации. Там же в сцене Распятия [9, р. 131] в правой надписи в имени Иоанн трема над начальной йотой перед гласной: ἸΩΑΝΗΣ. В левой части надписи трема над начальной йотой, которая идет после имени, заканчивающегося на гласную: ΜΑΡΝΑ ἸΔΕ. Возможно, как показатель необходимости паузы перед глаголом и, скорее всего, было скопировано с образца, где все слова писались без пробелов, то есть выполняет частично функцию слогоразделяющего ударения, как в папирусах (см.: [6; 12]).

В церкви эль Назара в Гёреме, трема 5 раз стоит над йотой перед гласной и после γ, чтобы избежать произношения [ajos]: Ο ΑΓΙΟΣ [9, р. 180], Ο ΑΓΙΟΣ COZON, Ο ΑΓΙΟΣ ΜΑΜΑΣ, Ο ΑΓΙΟΣ ΒΛΑΣΙΟΣ [9, pl 40, № 3]. В той же церкви трема перед гласной после κ используется для маркирования палатализации κ, свойственной каппадокийскому диалекту (см.: [4; 5; 7; 8]): ΕΖΕΚΙΝΛ. Там же трема перед гласной и после γ, трема перед гласной после δ (маркирование позиции палатализации) и трема над йотой между двумя согласными после τ только в одном из имен: Ο ΑΓΙΟΣ ΚΑΤΙΔΙΟΣ, Ο ΑΓΙΟΣ ΚΑΤΙΔΙΑΝΟΣ [9, pl. 41, № 2, pl. 42 № 3]. В подписи другого святого трема над йотой между двумя дельтами ставит вопрос о чтении δ, написанной перед йотой в каппадокийском диалекте: Θ ΚΑΝΔΙΔΟΣ. Там же [9, pl. 40, № 2,

pl. 42, № 3] использована трема над начальной йотой в имени: ἸΣΑΑΚ. Там же уже разобранная выше трема перед гласной и после γ и трема между двумя согласными над безударной йотой, которая в слове первоначально, при этом над следующей йотой, которая вместо η тремы нет: Ο ΑΓΙΟΣ ΝΙΚΙΤΑΣ [9, pl. 40, № 3].

Трема после λ перед гласной использована, чтобы избежать при чтении имени палатализации лямбды: Ι[λ]ἸΑ[ς] [9, p. 181]. В той же церкви дважды трема употребляется перед гласной и после γ, чтобы исключить произношение [aja]: Η ΑΓΙΑ ΕΚΑΤΕΡΙΝΑ. В следующей надписи в имени святой трема поставлена над начальной йотой перед дифтонгом, во избежание ее консонантизации, и трема после λ перед гласной, во избежание консонантизации безударной йоты (перехода в [j]) и палатализации λ: ἸΔΛΙΑΝΙ в надписи: Η ΑΓΙΑ ἸΔΛΙΑΝΙ. В имени святого трема между двумя согласными над первоначальной ударной йотой после τ использована, возможно, для маркировки чтения τ без палатализации, которая характерна для каппадокийского диалекта в подобной позиции (см.: [1]) Θ ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΣ [9, p. 182]. А в названии сцены трема появляется также после τ между двумя согласными над первоначальной предупредительной йотой: Ο ΧΕΡΕΤΙΣΜΟΣ [9, p. 184, pl. 41, № 1] Там же трема над артиклем, где вместо η написана йота перед словом, начинающемся с гласной. А в имени святой тремы используются после λ между двумя согласными и после β на конце слова: Ἰ ΑΓΙΑ ΕΛΙΣΑΒΙ. Оба случая маркируют «слабые» позиции, при которых в каппадокийском греческом происходят изменения согласных (палатализация) или усечение гласных, как после β в конце слова. В том же памятнике трема между двумя согласными после δ поставлена, чтобы избежать свойственной для каппадокийского палатализации: Ι ΠΕΔΙΣΚΙ. При этом над артиклем, где йота написана вместо οι, тремы нет. В другой надписи к святой трема встречается над конечной йотой после μ вместо η: ΣΑ[λο]ΜΙ [9, p. 185]. Трема над артиклем, где вместо η написана йота перед словом, начинающемся с гласной, и в прилагательном трема перед гласной и после γ: [ι] ΑΓΙΑ ΑΝΑ [9, p. 186]. В следующей надписи трема оказывается над начальной йотой перед гласной: ἸΟΑΚ. Такой же случай вместе

с тремой над йотой между двумя согласными, написанной вместо эты, мы видим в имени: ἸΟCΙΦ [9, p. 187]. В том же имени трема над йотой между двумя согласными, написанной вместо эты: ΙΟCΙΦ. И хотя имя то же, но начальная трема отсутствует. Также трема стоит над начальной йотой перед гласной в имени: ἸΑΚ[οβ]Ο[ς] [9, p. 188]. В другой сцене трема после δ перед гласной: Ο ΔΙΟΓΜΟΣ ΕΛΙΣΑΒΕΤ [9, pl. 41, № 2].

Трема перед гласной и после γ и трема над начальной йотой перед гласной использованы при подписи следующего святого: Ο [α]ΓΙΟΣ ΙΟΑΝΙC [9, p. 189]. В том же имени трема еще стоит над йотой между двумя согласными, после ню вместо η, в заударном слоге. В другой сцене трема представлена в классическом употреблении между двумя гласными: Ι ΒΑΙΟΦΟΡΟΣ. В более пространной надписи в левой колонке [9, p. 190] трема стоит над начальной йотой, написанной вместо η под ударением ἸΛΙΟΣ, возможно, в значении густого придыхания, после гласного артикля, в правой над начальной йотой перед τ: ἸΤΑ и над начальной йотой перед δ: ἸΔΟΥ. И над йотой после τ, написанной вместо η в окончании: ΜΑΘΗΤῆΝ. В следующей сцене йота в артикле вместо η оказывается с тремой перед гласной следующего слова, и йота вместо η между двумя сигмами также с тремой, возможно, по аналогии с первой: Ἰ ΑΝΑCΤΑCΙC [9, pl. 41, № 4]. В той же церкви начальная йота перед гласной, скрытой в сокращении, помечена йотой: ἸC ΧC. Там же в имени после β перед θ под ударением: ΔΑΒΒΙΘ.

Трема над йотой между двумя лямбдами поставлена, чтобы избежать палатализации первой из них: ΓΑΛΙΛΕΥ. В следующем слове надписи в ΤΙ трема употреблена над йотой перед гласной следующего слова, в котором трема над йотой после τ (маркирование позиции палатализации) между двумя согласными: ΕCΤΙΚΑΤΕ. И последний случай в этой надписи: трема над начальной йотой, написанной вместо ε: ΑΝΔΡΕC ΓΑΛΙΛΕΥ ΤΙ ΕCΤΙΚΑΤΕ ΒΛΕΠΟΝΤΕC|| ἸC ΤΟΝ ΟΥΡΑΝΟΝ [9, p. 192]. В следующей сцене начальная йота маркирована тремой после гласной артикля и перед сокращенной второй гласной корня: ΘΤΟC Ο ἸCΧC. Также маркированы тремами йота, написанная вместо η между двумя согласными после θ: Ο ΑΝΑ||ΛΙ[Φ]ΘῆC

и йота в начале слова, написанная вместо η , возможно, вместо густого придыхания и в ситуации элизии конечной гласной в предыдущем слове: АФ $\dot{\text{I}}\text{MON}$. При этом знак апострофа не засвидетельствован в рассмотренных нами надписях Каппадокии, и мы можем приписать его функции употреблению тремы в данной позиции. В той же церкви трема встречается над начальной йотой перед гласной для избегания консонантизации в имени $\dot{\text{I}}\text{OAN}\dot{\text{I}}\text{C}$ и в имени $\dot{\text{I}}\text{AKOBOS}$ [9, p. 193].

В церкви Келеджлар Килисе (2-я четверть или середина X в.), начальная υ помечена тремой между двух согласных, возможно, вместо густого придыхания: О АГЮС $\dot{\text{V}}\text{PAT}\dot{\text{I}}\text{OC}$ [9, p. 203]. В такой же функции начальная υ маркирована тремой после конечной гласной артикля: ТО $\dot{\text{V}}\text{DOP TIC ELEGZEOC}$ [9, p. 212, pl. 46, № 1]. Трема над начальной йотой имени, возможно, по аналогии с другими, ранее упомянутыми именами: О АГЮС $\dot{\text{I}}\text{L.V.OC}$ [9, p. 208]. Например, как в случае с именем: $\dot{\text{I}}\text{OVCTOC}$ [9, p. 210] или в имени $\dot{\text{I}}\text{WSH}\Phi$ четырежды [9, p. 212, 214, 216, pl. 47, № 1] или в имени $\dot{\text{I}}\text{AKOBOS}$ дважды [9, p. 215, 231] или в имени: $\dot{\text{I}}\text{WANNHC}$ [9, p. 231] и в другом падеже: $\dot{\text{I}}\text{WANNH EZEL}||\text{ΘE EK TIC EPIM}\delta||\text{ZITICE TO BAV}||\text{TICMA}$ [9, p. 215]. Сочетание обеих отмеченных тенденций представлено во фразе: $\dot{\text{I}}\text{WANNNH BAVTICON ME EGO}||\text{XPIAN EXO VPO CO BAVTICTI NE}||\text{KE ECV EPXI PROS ME}$ [9, p. 217]. В этом памятнике в другой сцене трема встречается и над начальной ударной йотой перед гласной для избегания консонантизации: $\dot{\text{I}}\text{ASIC TOV TV}\Phi\text{LON}$ [9, p. 218, pl. 48, № 2]. Начальная безударная йота после гласной и перед гласной в сокращении маркирована тремой: $\text{K}(\alpha)\text{E CV META}||\text{I}\text{C}\delta\text{ T}\delta\text{ Γ}[\alpha\lambda\iota]||\text{ΛEOV}$ [9, p. 222]. В одной и той же надписи соседствуют трема над начальной йотой, поставленной вместо $\epsilon\tau\upsilon$, в значении густого придыхания $\dot{\text{I}}\text{LHOC}$, и трема над начальной йотой в имени перед гласной: $\dot{\text{I}}\text{WANNHC}$ [9, p. 224]. На другой фреске трема стоит над начальной йотой: $\dot{\text{I}}\text{DE O TO}||\text{POS OP}\delta||\text{EΘIKAN}||\text{AVTON}$ [9, p. 226]. Видимо, списана с образца, где ее наличие объяснялось предыдущим контекстом. В следующей сцене используется трема над йотой, написанной вместо $\epsilon\tau\upsilon$, между двумя согласными после τ : H PENTIKOCTH [9, p. 230, pl. 52, № 1].

В Токале килисе в старой церкви на фресках ранее X в. в заударном слоге трема над йотой, написанной в конце имени вместо η : $\text{C}\dot{\text{A}}\text{LOMI}$ [9, p. 272]. Там же трема над начальной йотой в имени перед гласной дважды: $\dot{\text{I}}\text{OCI}\Phi$ [9, p. 272, 273] и в $\dot{\text{I}}\text{AKOBOS}$ [9, p. 274]. Трема над йотой между гласной предыдущего слова и второй гласной в имени: $\text{EZEL}\Theta\text{E}\dot{\text{I}}\text{O}||\text{ANI ZITICE}||\text{TO BAVTIC}||\text{MA}$ [9, p. 275]. Это же имя в другой сцене содержит еще и трема над йотой между двумя согласными, написанной вместо $\epsilon\tau\upsilon$: $\dot{\text{I}}\text{OAN}\dot{\text{I}}\text{C}$. А в следующей надписи трема оказывается над йотой, написанной вместо η после τ между двумя согласными: $\text{BAPT}\dot{\text{I}}\text{CON ME}||\text{TON ENCAPKON}$. Там же, начальная υ помечена тремой после гласной в конце предыдущего слова, возможно, вместо густого придыхания: $\text{EGO XPIAN E}||\text{XO VPO COV}||\text{BAPTICTI}||\text{NE}$. В другой подписи начальная υ помечена между двумя согласными тремой, возможно, вместо густого придыхания: $\text{PERI TON EZ YDPION}$ [9, p. 277, pl. 66, № 1]. Начальная трема над υ , написанной вместо $\epsilon\tau\upsilon$, после гласной предыдущего слова: $\text{KCEBLOGON}||\text{TOVC PEN}||\text{TE APTOVC}||\text{KE TAC DVO}||\text{YK}\Theta\text{IAS}$ [9, p. 278]. Трема использована, возможно, в значении густого придыхания над υ , который написан вместо $\sigma\tau$ в артикле: $\dot{\text{Y}}\text{PEDES}$ [9, p. 280]. В сцене тайной вечери также трема над υ , который вместо $\sigma\tau$ в артикле и над йотой, написанной вместо η после θ : $\dot{\text{Y}}\text{MA}\Theta\dot{\text{I}}\text{TE}$. В сцене распятия трема над начальным юпсилонем, между гласной артикля и гласной слова, возможно, вместо густого придыхания. HDOY O YOCOY [9, p. 282]. В сцене Преображения трема оказалась над начальной йотой в имени по аналогии: $\dot{\text{I}}\text{LHAC}$ [9, p. 287].

В новой церкви в Токале килисе в строительной надписи об окончании постройки храма в существительном после гласной над йотой стоит трема: $\text{MA}\dot{\text{I}}\text{C}||\text{TOP}$ [10, p. 301, № 31]. В другой строительной надписи трема над йотой оказывается уже перед следующей гласной $\text{NAON IEP}[\omega\tau\alpha\tau\upsilon\nu]$ и над йотой, написанной вместо $\epsilon\iota$ в числительном $\dot{\text{I}}\text{KOC}\text{HN}$ [10, p. 305, № 34]. Там же начальная йота перед гласной помечена тремой в именах: $\dot{\text{I}}\text{WCEI}\Phi$ [10, p. 327, pl. 75, № 1], $\dot{\text{I}}\text{WANNHC}$ [10, p. 349, pl. 84, № 2], $\dot{\text{I}}\text{WHL}$ [10, p. 354]. В той же церкви трема использована над на-

чальной йотой, написанной вместо η, после дифтонга ου в предыдущем слове: ΗΔΘ Ἰ ΜΡ ΣΧ [10, р. 347]. В цитате из деяний апостолов (Act 2,1) трема стоит над начальной йотой, написанной вместо η: Π||ΕΝΤΙΚΟΣΤΗΣ ||ἸΣΑΝ [10, р. 354, pl. 86, № 1]. Чуть ниже в другой цитате из деяний (Act 2,2) трема также оказывается над начальной йотой, написанной вместо эты после конечного дифтонга ου в предыдущем слове ΤΟΝ V||ΚΟΝΘ ἸΣΑΝ и над йотой, написанной вместо η после гласной в глаголе: ΕΠVἸ||ΡΟCΕΝ. В другой надписи также в глаголе после гласной над йотой, написанной вместо η поставлена трема: ΕΠVἸCΑC [10, р. 359] и ελεῖσοΝ [10, р. 361]. Также в глаголе, но над йотой, написанной вместо дифтонга ει: ἸΠΕΝ [10, р. 365]. В том же храме в артикле после гласной над йотой, написанной вместо η: Ἰ ΤΧ ΘV ΕΚΛΙCΙΑ [10, р. 361].

В литургических надписях из Матча в Кварче Беджак (Qarche Bedjaq) [10, р. 505, № 83] конечная йота помечена тремой перед гласной следующего слова: ΕΘNἸ ΗΤΑΣΘΕ. Йота с тремой, написанная вместо эты после усечения гласной в предшествующем предложении, встречается трижды: ΜΕΘ ἸΜΟΝ. Йота вместо эты между двумя согласными в артикле Р.п. ж.р. также помечена тремой: ΤἸΣ ΓΗΣ. Трижды использована йота в конце союза после тау и перед согласной следующего слова: ΟΤἸ Μ[εθ]. Йота с тремой после лямбды между двух согласных: ΠΑΛἸΝ. Начальная йота с тремой после слова, закончившегося на ню: ἸΣΧΥΣΗΤΕ, ἸΤΗΘἸΣΕ||ΣΘΕ, при этом во втором глаголе и после тхеты между двух согласных. В приставке перед йотой после дельты и на конце слова: ΔἸΑΣΚ(α)ΔΑΣἸ. Там же, в надписи № 84 (Жерфаньон ее связывает с Исаей 8,9–14 и пением на ἀλόδειπνον μέγα после серии псалмов) трема над йотой перед гласной следующего слова дважды и после мю между двумя согласными, по аналогии с первым мю: ΜἸ ΕΝΜἸNἸ ΕΝ [10, р. 506, № 84]. Похоже визуально употребление в глаголе: ΛΑΛἸCἸΤΕ, однако обе йоты с тремами на месте эты. В глаголе ΦΟΒἸΘΟΜΕΝ также над йотой, написанной на месте эты. Над начальной йотой, употребленной вместо эты с густым придыханием дважды: ἸΜΟΝ. В отрицании ΜἸ трема над йотой, написанной вместо эты. В союзе ΟΤἸ над конечной йотой трема по-

сле тау перед согласной следующего слова трижды: ΟΤἸ ΜΕΘ ἸΜΟΝ и оба раза после предлога с усеченной гласной местоимение, где начальная йота с тремой на месте эты. После гаммы и перед гласной: Α]ΓἸΑΣΜΟΝ, и просто после гаммы в однокоренном глаголе, но на месте эты: ΑΓἸCΟΜΕΝ. В дважды повторенном ΕCΤΕ ΗΜἸΝ, первый раз трема только над йотой между двумя согласными, второй раз при ошибке в начальной эте и замене ее на йоту, также появляется трема: ἸΜἸ[N.

В надписи [10, р. 507, № 85] трема над йотой после дельты перед гласной в приставке причастия: ΔἸΑΠΕΤΕΤΑΜΕΝΕ. В такой же фонетической позиции только после θ: CΥΝΠΑΘἸΑΣ. Начальная трема в местоимении, где йота написана вместо эты: VΠΕΡ ἸΜΟΝ. И трема над йотой вместо ει между двумя согласными после хи в существительном ΧἸΡΕ(С). В следующей надписи [10, р. 508, № 86], также частично утраченной, трема наблюдается над йотой между двух согласных после тау в глаголе ΕCΤἸΝ и после пи в причастии ΕΛΠἸZΟΝ||ΤΑC. Стоит трема и над начальной йотой, вместо эты после гласной предыдущего слова ΤΧ ΘΧ ἸΜΟΝ и после апострофа ΕΠ ἸΜΑC. Во второй строке следующей надписи, трема над йотой, написанной вместо ει в предложении, после гласной предшествующего слова ΑΤΟ ἸC [10, р. 508, № 87]. И в третьей строке в глаголе ΔΟΡἸΤΕ между двумя согласными трема оказывается над йотой, написанной вместо эты.

В Чавушине в церкви св. Иоанна Пророка в окончании существительного встречается трема над йотой, написанной вместо эты между двумя согласными после хи: ΑΠ ΑΡΧἸC ΤΩΝ ΕΥΑΓΕΛΗΝΟΙ [10, р. 514, № 93].

В Зильве, Гуллю дере, в церкви св. Симеона, в надписи, рассказывающей о св. Симеоне, использована трема над йотой в артикле ж.р., написанной вместо эты, перед гласной следующего слова: ΤἸ ΕCΤἸΝ Ἰ ΑΝΑΓΝΟCΗC [10, р. 558]. Там же трема над йотой, написанной вместо эты в артикле после гласной предыдущего слова: ΑΥΤἸ|| Ἰ ΔΙCΟΔΙΑ. Трема над начальной йотой в глаголе ΑΠΟΔΥCΑΤΕ ΑΥΤΟΝ ἸΔΟΜΕΝ и над конечной йотой, написанной в местоимении ΑΥΤἸ вместо эты после тау и перед капшой следующего слова: ΑΥΤἸ Κ(α) ΑΠΟΔΥCΑΝΤΕC [10, р. 559].

В церкви св. Апостолов, в Синассосе начальная йота с тремой перед гласной в имени:

ἸΩΑΝΝΗ ΕΖΕΛΘΕ ΕΚ ΤΙΣ ΕΡΙ[μου] || ΖΗΤΙ СЕ
ТО ΒΑΥ||ΤΙCMA [11, p. 69]. В Элевре в церкви
Агиос Василиос трема над йотой в конце слова
после ро: CTAВPOC ΕΝ ΑΕΡΙ [11, p. 107].

В церкви Богородицы, расположенной в
окрестностях Синасоса, в молитвенной надпи-
си пресвитера об отпущении грехов [11, p. 115,
№ 143] на первом безударном слоге стоит акут,
сдвинутый влево и попадающий между гласной
и согласной: ΠΡ'ΕC||ΒΥΤΕ||ΡϞ. В той же церкви
в молитвенной надписи раба Божия Сисиния
[11, p. 116, № 144] в известной формуле об от-
пущении грехов использована трема над йотой,
написанной вместо эты между двумя согласны-
ми после тау: COTĭ[ρ]IAC. И там же трема над
йотой, написанной вместо эты в артикле в конце
слова перед гласной следующего слова: ///IKΩY
Tĭ EYΘINϞC..N [11, p. 116, № 145].

В церкви архангела две надписи, цитирую-
щие литургические тексты со спорадическими
знаками акцентуации, которые можно трактовать
как написанные в рамках логической системы
акцентуации [11, p. 142]. Первая из них цитата
из Псалма 106, 16: OTH CINE||TPYEN|| ΠΙΛAC
XAL||XAC KE MO||XΛOYC CI||ΔIPOVC. Первый
акут стоит над существительным ΠΙΛAC, в при-
лагательном XAL||XAC гравис написан вместо
циркумфлекса, как мы бы ожидали согласно ви-
зантйской системе акцентуации. Скорее всего
эти оба знака показывают движение интонации
при чтении надписи. Об этом свидетельствует
последний акут в MO||XΛOYC, который оказы-
вается на безударном слоге. Вполне вероятно,
автор надписи хотел отразить этими знаками
и стихотворный размер этих строк, так как
он его читал. В той же церкви, в цитате из
I Cor 15, 55 акут при сдвиге влево оказывается
на первой половине дифтонга дважды в ΠOY,
как было принято в александрийской системе
акцентуации. Акуты в существительных также
смещены чуть влево и попадают на левый край
гласных: ΠOY COV ΘANATE || TO NHKOC ΠOY
|| COY ADH || TO KEN||TPOC.

В Белли Килисе трема над начальной йо-
той перед гласной для избегания консонанти-
зации в имени святого: O AΓIOC IOYCTOC [11,
p. 275]. Там же [11, p. 280, pl. 286, № 1] гравис
на ударном слоге в конце строки вместо акута,
кроме маркировки ударения также в значении
знака переноса: ZAXA||[ρ]AC ECΦA||Z[ε]TE
EN|| T[o v]AO.

В Кварабач Килисе в надписи [11, p. 353,
№ 198] трема используется после тау между
двух согласных: ΠATĭP, после мю в такой же
позиции, но на месте эты: MĭTPOC. И также
на месте эты между двумя согласными в гла-
голе: E[γεν]IICA. В одном и том же корне по-
сле ро перед гласной: MYPIOYPIΦIC : TON и
MYPIOANAΓAΓON. В той же церкви трема над
конечной йотой встречается дважды в тĭ между
двумя согласными, однако в первый раз это
часть существительного: O : NO||MA : Tĭ, а вто-
рой раз артикль женского рода, где эта оказалась
заменена на йоту Tĭ. Похожая ситуация наблю-
дается и в следующем за ним существительном
ΔV||AMĭ COV [11, p. 355, № 199].

Во многих надписях, где вместо йоты на-
писана эта, трема не используется. Так проис-
ходит, согласно Жерфаньону, в Элмале килисе,
в Чарекле (Tchareqle) килисе, в 16 часовня,
Магчан, в бежин Кхане, в церкви с голубятней,
в часовнях 1, 2, 4 в Зильве, в церкви 40 муче-
нников в Сувеч, в Кварлекв, в Тагхар и в других.
Также, согласно Жерфаньону, в этих церквях
нет и фресковых надписей с ударениями.

Отдельно рассмотрим некоторые надписи
на фресках из церкви св. Иоанна в Гюльшехире
(тур. Karşı Kilise), поскольку большая часть
из них содержит элементы александрийской
системой акцентуации.

В сцене Крещения (рис. 4) подпись к Иоан-
ну Продрому дана без знаков акцентуации. На-
звание самой сцены в александрийской системе
акцентуации, где грависы маркируют безударные
слоги, а акут падает между двумя элементами
дифтонга: H BAVT'HC'H. Ту же систему мы на-
блюдаем и в подписи к святому духу: TO AΓIΩN
ΠNE||MA, где прилагательное соответствует
александрийской системе акцентуации, а су-
ществительное не имеет знаков акцентуации.

В сцене предательства с поцелуем Иуды
(рис. 5а) обе сопроводительные надписи со-
держат часть слов, где грависами маркируются
безударные слоги, как в александрийской си-
стеме акцентуации, а акутами ударные. Некото-
рые знаки отличаются по начертанию и похожи
на знаки музыкальной нотации: XEPÈ'PABI|| KÈ
K'ATE||ΦHΛHCÈN || AVTÒN и O MÀNΦI||ΛIC O'
AVTÒC|| ÈCTH'N KPA||TICATE|| AVTON. Под-
пись (рис. 5б) OY'TOC || EC'TH'N, как и название
сцены (рис. 5в) в александрийской системе
акцентуации: H ΠΡO||DÒ||CIC.

Сцена вознесения (рис. 6а) содержит целый ряд подписей персонажей, так, например, жены мироносицы имеют грависы на безударных слогах и акут на ударном: ΜΗΡὸΦὸ||ΡῚ. А подпись к изображению надгробия акцентуировано в византийской системе акцентуации: Ὁ ΤΑ||ΦΙ||ΟC. Имя святой Параскевы (рис. 6б) немного отличается по своей акцентуации и заударный слог маркирован циркумфлексом ΠΑΡᾶσκέκέβα. Между фигурой ангела и изображением гроба написан текст (рис. 6в) ἮΔΕ ||ΟΤ'Ο||COCO||ΠΟΝ||ἘΘΗ||ΚΑΝ|| ||Τ'||Ο||Ν, который с небольшими пропусками, но акцентуирован в византийской системе акцентуации. А под изображением гроба (рис. 6г) идет надпись в 4 строки, большая часть которой содержит черты александрийской системы акцентуации, с маркировкой грависами безударных слогов: Κ'Ε Ἦ Φ'Ι||ΛΑCὸΝΤῚC|| ΑΠῚΝῚΚ'ΡΟ||ΘῚΝCΑΝ. В надписи между ногами св. Параскевы и Христа в самом начале в первых двух словах ударение падает на первый элемент дифтонга: Πὸν Cὸν. А подпись к лежащему олицетворению Ада почти соответствует византийской системе акцентуации: Ὁ ἌΔΗC.

В сцене в аду (рис. 7) ряд подписей соответствует византийской системе акцентуации: ΤΟ Π'ΙΡ. Но некоторые содержат черты александрийской системы с грависами на безударных слогах: Ο'|| Η'||Ὶ||Δ||ΑC, ΤῚ' CΚὸ||ΤῚ'C ΤΟ||Ἐ' ZΟΤῚ||ΡΟΝ, под мордой дракона фраза: ΔῚντε Ὶ||Φίλη ΜΟΝ C ||Π'ΙCΑΝ.

В следующей под ней сцене с донаторами (рис. 8) написаны три молитвенные надписи вокруг фигуры Христа, благословляющего две фигуры в молитвенной позе и меньшего роста, и подпись к стоящей рядом св. Феодоте Η' || 'Α||Γ||Ι||Α ΘΕὸΔὸτὸν. Несмотря на разную орфографию в молитвенных надписях, они все акцентуированы в основном в александрийской системе акцентуации: ΚΕ ΒΟΙῚΘῚ ΤΗΝ|| ΔῚΛΗ'Ν CΟΥ|| Ἐ'ΡῚΝῚΝ, ΚΕ ΒὸΝΘῚ Τ' || ΔῚΛΙ'Ν CΟΥ|| ΜΑΡΙΑ. Сохранность третьей не позволяет передать знаки.

В имени св. воина Прокопия (рис. 9) ударение поставлено сбоку от имени и больше напоминает знак переноса: ΠΡ||Ο||Κ||Ο' ||Π||Ι||ΩC. Такая же система акцентуации наблюдается и на других подписях к изображениям святых воинов, представленных в церкви св. Иоанна.

На фреске с изображением св. Елены молитвенная надпись Михаила Плакиды (рис. 10) также содержит элементы александрийской системы акцентуации: ΔῚΝCῚ || ΜῚΧΑΙ||ΛῚῚ ΤῚ ΠΛΑ||ΚΙ'ΔΑ.

На изображении св. Сергия, имя не содержит знаков акцентуации, а сокращение для ἄγιος – Θ' не только имеет ударение и густое придыхание, как в самом слове, но и дополнительный знак густого придыхания. Подобная акцентуация этого сокращения, но без дополнительного знака густого придыхания встречается во многих случаях изображения святых воинов и, в частности, примеры тому мы находим в змеиной церкви (тур. Yılanlı Kilise) в долине Ихлара (2-я половина IX – начало X в.), только там знак придыхания имеет характерную для стеатитовых икон, мозаичных надписей и надписей на металле форму, напоминающую половину буквы Η. В часовне Василия Великого (тур. Aziz Basil Şarēli) на изображении Федора Стратилата также используются знаки придыхания и акута ровно над Θ, как и в Темной церкви в Гёреме (тур. Karanlık Kilise) середины XI века. Однако, если сравнить со свитком из Темной церкви, мы увидим использование только характерного для александрийской системы маркирования первого элемента дифтонга ударением: ΧΑΙΡῚ, ΒΑCΗΛῚC (рис. 11). Такая особенность является довольно распространенной практикой в других византийских надписях из разных регионов империи и в более позднее время.

Результаты. Как мы видим, в этой небольшой выборке из 142 надписей на фресках отражена бытовавшая в Каппадокии своя особая традиция использования тремы. Помимо классического случая постановки ее для избегания консонантизации йоты в начале ряда имен, таких как Иоанн, Иаков и т. п., она часто ставится в начальной позиции на месте густого придыхания. Другой вариант ее использования – подчеркивать те случаи, когда йота оказывается написанной вместо η. Также встречаются в некоторых надписях ударения на сокращениях, используемые как логическое ударение. В ряде памятников, как например, в церкви св. Иоанна Гюльшехире (тур. Karşı Kilise) почти все надписи акцентуированы в системе близкой к александрийской, с мар-

кировкой безударных слогов и с наглядным отображением при помощи знаков просодии движения тона. В других надписях, как, например, из Темной церкви маркирован ударением первый элемент дифтонга, что характерно не только для александрийской системы. Авторы рассмотренных 19 граффити использовали знаки акцентуации, в том числе, для сокраще-

ния и обозначения переноса на другую строку. Также гравис в них часто маркировал слова в рамках логической системы акцентуации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее названия памятников приводятся по изданию Жерфаньона с небольшими уточнениями.

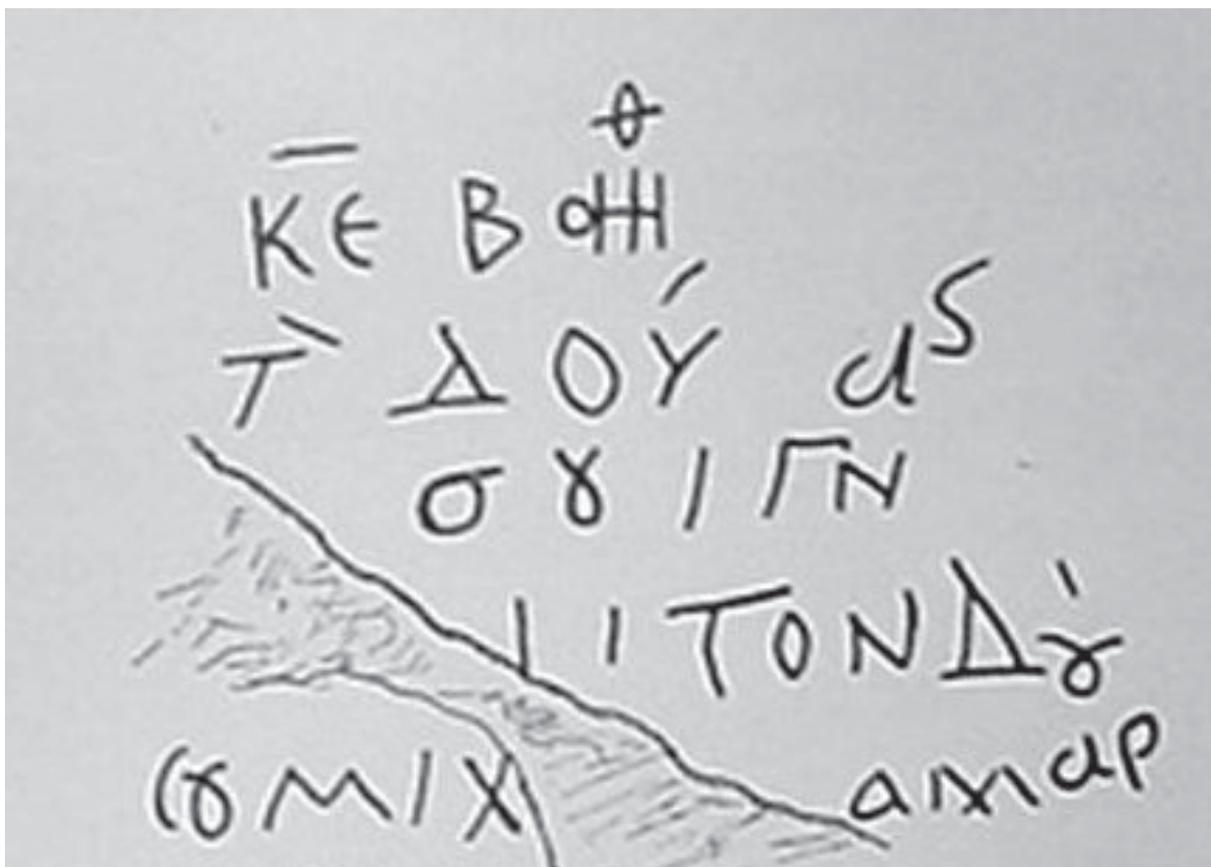

Рис. 1. Первое граффито из 17-й церкви в Кезлар Каллеси

Fig. 1. The first graffito from the 17th church in Kizlar Kalesi

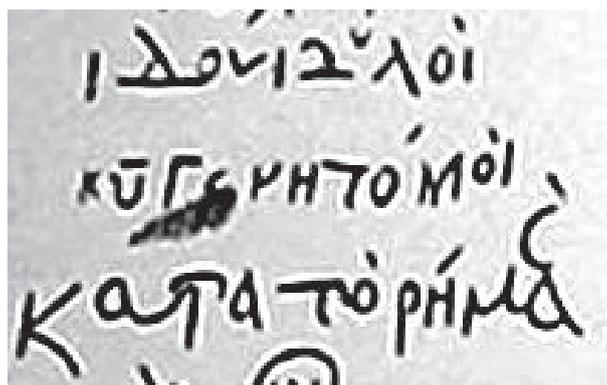

Рис. 2. Граффито из церкви св. Евстафия

Fig. 2. The graffito from the Saint Eustathios church

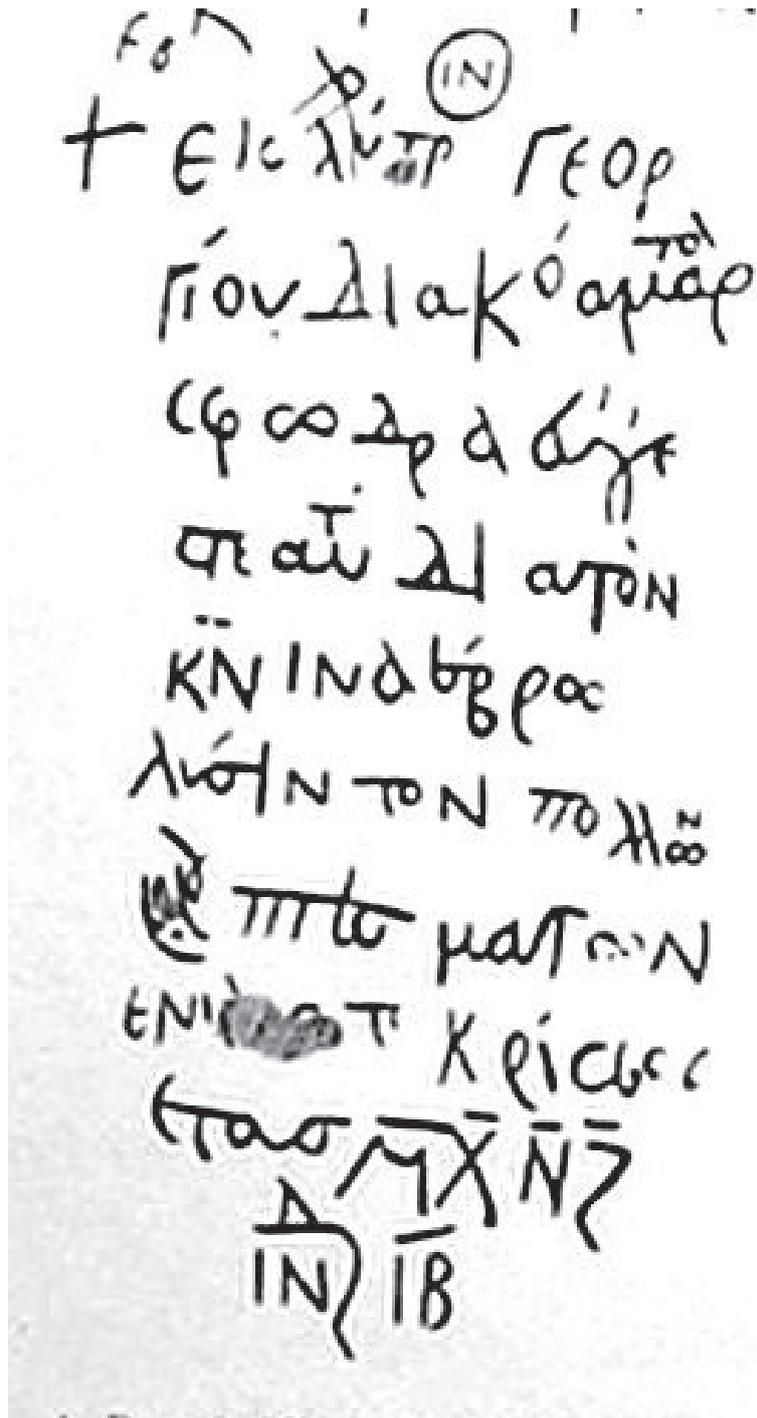

Рис. 3. Граффито с датой из церкви св. Евстафия
Fig. 3. The graffito with the date from the Saint Eustathios church

Рис. 4. Фрагмент сцены Крещения из церкви св. Иоанна в Гюльшехире (тур. Karşı Kilise)
Fig. 4. The fragment of the Baptism scene from the Saint Joann church in Gulshehir (turc. Karşı Kilise)

Рис. 5. Фрагменты сцены предательства Иуды из церкви св. Иоанна в Гюльшехире (тур. Karşı Kilise):
а – центральная часть сцены; б – подпись в сцене; в – название сцены

Fig. 5. The fragments of the Judas' Betrayal scene from the Saint Joann church in Gulshehir (turc. Karşı Kilise):
a – central part of the scene; b – signature in the scene; v – title in the scene

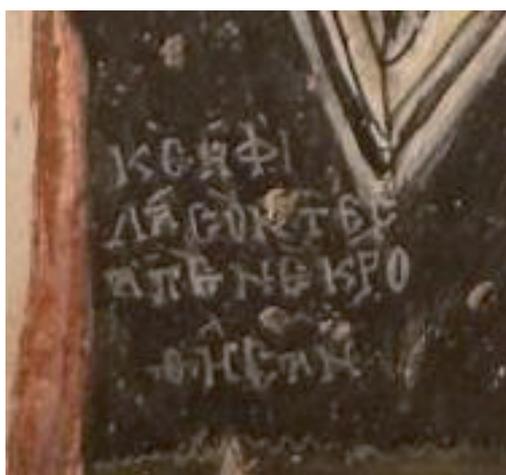
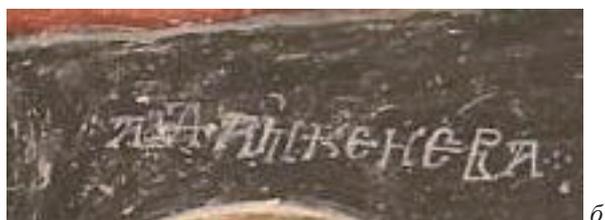

Рис. 6. Фрагменты сцены Вознесения из церкви св. Иоанна в Гюльшехире (тур. Karşı Kilise):

a – верхняя часть сцены; *б* – подпись к святой Параскеве в сцене; *в* – фрагмент с надписью из сцены;
г – фрагмент с надписью под гробом Христа из сцены

Fig. 6. The fragments of the Ascension scene in the Saint Joann church in Gulshehir (turb. Karşı Kilise):

a – upper part of the scene; *b* – signature to the Saint Paraskeva in the scene; *v* – the fragment with inscription from the scene;
g – the fragment with inscription under the tomb of Christ from the scene

Рис. 7. Фрагмент сцены в аду из церкви св. Иоанна в Гюльшехире (тур. Karşı Kilise)
Fig. 7. The fragment of the scene in the hell from the Saint Joann church in Gulshehir (тур. Karşı Kilise)

Рис. 8. Сцена с донаторами из церкви св. Иоанна в Гюльшехире (тур. Karşı Kilise)
Fig. 8. The scene with the donors from the Saint Joann church in Gulshehir (turb. Karşı Kilise)

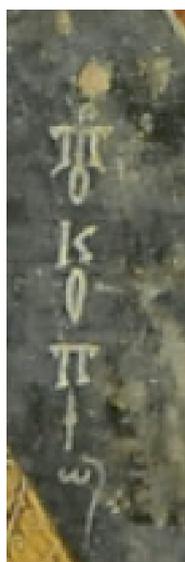

Рис. 9. Подпись рядом с изображением св. Прокопия из церкви св. Иоанна в Гюльшехире (тур. Karşı Kilise)
Fig. 9. Signature near the image of the Saint Procopios from the Saint Joann church in Gulshehir (turb. Karşı Kilise)

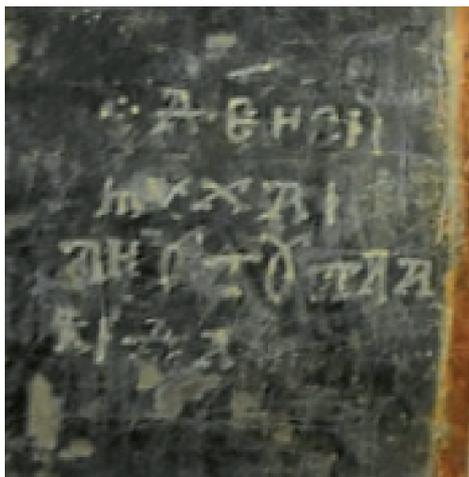

Рис. 10. Фрагмент с фрески со св. Еленой из церкви св. Иоанна в Гюльшехире (тур. Karşı Kilise)
Fig. 10. The fragment from the fresco with Saint Elena from the Saint Joann church in Gulshehir (turb. Karşı Kilise)

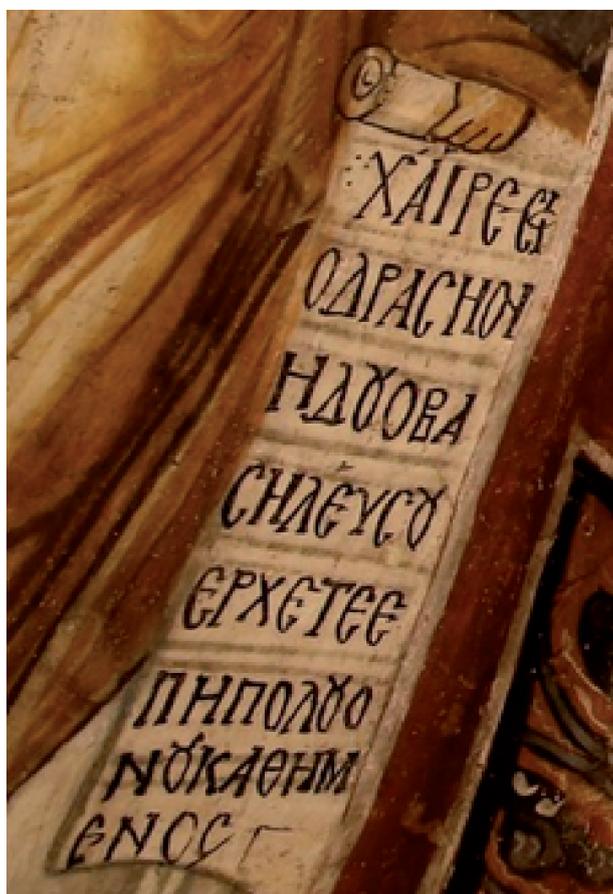

Рис. 11. Свиток с надписью из Темной церкви из Гёреме (тур. Karanlık Kilise)
Fig. 11. The scroll with the inscription from the Dark church from Goreme (turb. Karanlık Kilise)

REFERENCES

1. Evdokimova A.A. *Yazykovye osobennosti grecheskikh graffiti Sofii Kievskoy: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Features of Greek Graffiti of Saint Sophia Cathedral in Kyiv. Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2008. 456 p.
2. Evdokimova A.A. Dialog vizantiyskoy i alexandriyskoy sistem aktsentuatsii v grecheskikh graffiti iz raznykh balkanskikh pamyatnikov [Dialogue of Byzantine and Alexandrine Accentuation Systems in Greek Graffiti from Different Balkan Monuments]. *Balkanskiy tezaurus: kommunikatsiya v slozhno-kulturnykh obshchestvakh na Balkanakh* [Balkan Thesaurus: Communication in Complex Cultural Societies in the Balkans]. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN, 2019, pp. 31-37. (Balkanskie chteniya [Balkan Readings]; vol. 15).
3. Evdokimova A.A. Korpus akcentuirovannykh vizantiyskikh pismennykh pamyantikov i metody ego razmetki [Corpus of Accentuated Byzantine Written Monuments and Methods of Its Markup]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2023"* [Computer Linguistic and Intellectual Technologies. Proceedings of the Scientific Conference "Dialogue 2023"]. Moscow, RGGU Publ., 2023, pp. 1-11.
4. Kisilier M. L. Novogrecheskaya dialektologiya: dostizheniya i problemy [New Greek Dialectology: Achievements and Problems]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], 2013, pp. 83-98.
5. Kisilier M.L., Fedchenko V.V. K voprosu o myagkikh soglasnykh v tsakonskom dialekte novogrecheskogo yazyka [On the Issue of the Palatal Consonants in the Tsakonian Dialect of Modern Greek]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2011, pp. 259-266.
6. Tronskiy I.M. *Drevnegrecheskoe udarenie* [Ancient Greek Accent]. Moscow; Leningrad, Clarendon Press, 1962. 148 p.
7. Baltazani M. et al. Vocoid-driven Processes: Palatalization and Glide Hardening in Greek and Its Dialects. *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 2016, vol. 1, pp. 1-28. DOI: <https://doi.org/10.5334/gjgl.108>.
8. Janse M. Cappadocian Clitics and the Syntax-Morphology Interface. Joseph B.D., Horrocks G., Philippaki-Warbuton I., eds. *Themes in Greek Linguistics II*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 1998, pp. 257-281.
9. De Jerphanion G. *Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. In 2 Vols. Vol. 1, pt. 1 (= IV)*. Paris, Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1925. 297 p.
10. De Jerphanion G. *Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. In 2 Vols. Vol. 1, pt. 2 (= V)*. Paris, Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1932, pp. 297-611.
11. De Jerphanion G. *Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. Vol. II, 1 (= VI)*. Paris, Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1936. 386 p.
12. Laum B. *Das Alexandrinische Akzentuationssystem unter Zugrundelegung der theoretischen Lehren der Grammatiker und mit Heranziehung der praktischen Verwendung in den Papyri*. Paderborn, Druck und Verlag von Ferdinand Schoeningh, 1928. xvi, 523 p.

Information About the Author

Alexandra A. Evdokimova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Department of Applied Linguistics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, B. Kislovsky Lane, 1, Bld. 1, 125009 Moscow, Russian Federation, ae@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6557-2064>

Информация об авторе

Александра Алексеевна Евдокимова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики, Институт языкознания РАН, Б. Кисловский пер., 1, стр. 1, 125009 г. Москва, Российская Федерация, ae@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6557-2064>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.19>

UDC 34(091):348
LBC 67.3(0)414

Submitted: 18.05.2024
Accepted: 09.12.2024

THREE NOVELLAE OF ALEXIUS I COMNENUS IN THE NOMOCANON OF SAINT SAVA ¹

Tamara M. Ilić

Institute for Byzantine Studies of Serbian Academy Sciences and Arts, Belgrade, Republic of Serbia

Abstract. Chapter 46 of the Nomocanon of St. Sava was an important point in establishing the Christian model of marital and premarital relations in the newly founded Archbishopric of Žiča. Together with the rules laid down in Chapters 55, 56, 58, and 59, it was part of the mixed, canonical and secular materials regulating the topic. This paper presents and analyzes the content of Chapter 46, which contains a section with three laws promulgated by Byzantine emperor Alexius I Comnenus. The Novella of 1095 regulates the process of proving freedom for persons descended from “Bulgarians and the like” and introduces mandatory religious marriage, which the scholarship interprets as the full penetration of the Christian notion of grace into this sphere of life. The other two novellae (1084 and 1092) regulate lawful, “genuine” betrothal, per ecclesiastical and secular law. It was to precede marriage and required a religious ceremony of betrothal for persons of age. The Novella 1092 was enacted on the occasion of receiving an *oikonomia* from the previous requirements. These Novellae of Alexius I Comnenus were drawn up in response to the peculiar needs of the Byzantine state and society and the conflicting positions in this branch of law; they also directly led to the writing of numerous church treatises and polemics in Constantinople and the provinces. Some of those writings were included in the Nomocanon of St. Sava. Therefore, although grouped into a separate section, Alexius’ novellae should be seen in the context of other rules on betrothal and marriage adopted upon the establishment of the autocephalous Serbian Church.

Key words: Byzantine law, Saint Sava’s Nomocanon, marriage law, church law, Serbian medieval law.

Citation. Ilić T.M. Three Novellae of Alexius I Comnenus in the Nomocanon of Saint Sava. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 264-275. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.19>

УДК 34(091):348
ББК 67.3(0)414

Дата поступления статьи: 18.05.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

ТРИ НОВЕЛЛЫ АЛЕКСЕЯ I КОМНИНА В НОМОКАНОНЕ Св. САВВЫ ¹

Тамара М. Илич

Институт византийских исследований Сербской академии наук и искусств, г. Белград, Республика Сербия

Аннотация. Глава 46 Номоканона Св. Саввы стала важным шагом в утверждении христианской модели брачных и добрачных отношений во вновь основанном Жичком архиепископстве. Вместе с правилами, изложенными в главах 55, 56, 58 и 59, оно входило в состав смешанных, канонических и светских, материалов, регулирующих предмет обсуждения. В статье представлено и проанализировано содержание 46 главы, содержащей раздел с тремя законами, обнародованными византийским василевсом Алексеем I Комнином. Новелла 1095 г. регламентирует процесс доказательства свободы лиц, происходящих из «болгар и им подобных», и вводит обязательный религиозный брак, который ученые интерпретируют как полное проникновение христианского понятия благодати в эту сферу жизни. Две другие новеллы (1084 и 1092 гг.)

регулируют законное, «подлинное» обручение согласно церковному и светскому праву. Оно должно было предшествовать браку и требовало религиозной церемонии обручения лиц, достигших брачного возраста. Новелла 1092 г. была принята в связи со случаем получения ойкономии, исходя из предшествующих требований. Новеллы Алексея I Комнина были составлены в ответ на особые потребности византийского государства и общества, и противоречивые положения этой отрасли права; они также прямо вели к написанию многочисленных церковных трактатов и полемике в Константинополе и провинциях. Некоторые из этих сочинений вошли в Номоканон Св. Саввы. Поэтому, хотя новеллы Алексея и включены в отдельный раздел, их следует рассматривать в контексте других правил об обручении и браке, принятых при учреждении автокефальной Сербской церкви.

Ключевые слова: византийское право, Номоканон Св. Саввы, брачное право, церковное право, сербское средневековое право.

Цитирование. Илич Т. М. Три новеллы Алексея I Комнина в Номоканоне Св. Саввы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 264–275. – (На англ. яз.) – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.19>

*In loving memory
of my grandfather Ilija Lavrnić
(16 February 1933, Komić, Lika –
6 March 2024, Belgrade)
and his sister Jovanka Šimunović
(15 May 1937, Komić, Lika –
2 March 2024, Podgora, Makarska)*

1. Rules on betrothal and marriage in the Nomocanon of St. Sava: An overview

The mixed, canonical-secular part of the Nomocanon of St. Sava of Serbia, which covers from Chapter 45 to Chapter 64, includes a translation of three writs issued by the Byzantine emperor Alexius I Comnenus (1081–1118). Chapter 46 brings the three novellae in the following order: the Novella of 1095 on the liberation and religious wedding ceremonies for slaves, the Novella of 1084 on legally binding betrothal (engagement), and the Novella of 1092 on the dissolution and legal nature of betrothal. The common theme in all three laws is specifying the church-legal jurisdiction in betrothal and marriage, with the first novella also dealing with proving one's personal freedom (for an overview, see: [54, pp. 288-291]).

The canonical and, even more so, secular content of the Nomocanon of St. Sava, which includes rules on betrothal and marriage, is very extensive. This branch of law gained prominence in Byzantine civil law from the late 10th century onward (see: [61]). Besides the three novellae discussed in this paper, the Nomocanon of St. Sava also included the Old Serbian translation of the entire Byzantine legal manual known as

the Prochiron, renamed *Zakon gradski* in the translation (Chapter 55).

Besides the extensive content of the *Zakon gradski*, the Serbian legislator included a few decisions on betrothal and marital relations in his codex. Their content is given in Chapters 56 and 58 of the Nomocanon. The miscellaneous Chapter 56 first brings the text of the “о беззаконныхъ брацехъ. срѣчь ѿ кровомѣшени” [9, pp. 217-231]. This is the well-known Tomos enacted under Patriarch Sisinnius II of Constantinople (996–998) in 997, which describes prohibited marriages between consanguineous and affinal relatives ([9, pp. 4, 11-19]; the description see [58, N.809]).

Title “отъ(ь) тогожде скоро” [9, pp. 231-233] is followed by a text attributed, based on its stylistic characteristics, to Demetrios Synkellos, Metropolitan Bishop of Cyzicus, on the seventh degree of affinal kinship (ἀγγιστεία – близостьство), at which marriages were allowed and which was equalized with the eighth degree of affinity, and the seventh degree of consanguinity (marriage with a second cousin's daughter), which the laws neither permitted nor prohibited (see: [21, p. 110]), for Old Serbian translation [21, pp. 111-113].

The synodal decision passed under Patriarch Alexius Stoudite (1025–1043), “Писаннїе патриарха изложено отъ(ь) ншан(н)а книгохранителя. ншополнта ѿ поемшнмь вторуюю братоу҃чедоу своєне м(а)т(е)ре. н ѿ под(о)бнѣмь дати юмоу запрѣщенїи”. This decision discussed the case of a marriage at the seventh degree of consanguinity. Under the same patriarch, the following decision was adopted: “Ѡ нѣкоємь съетавшнмь своємоу с(ь)новн бракомь дьщерь нѣкоєго подь властню соуцоу без воле ѿ(т)ца ює”. The present rule examines a marriage with an

underage daughter (below the age of twenty-five), who had married without her father's consent, that was to be considered illicit [66, pp. 37-39; 58, N.845]; Old-Serbian translation [9, pp. 235-238]. The section titled “Љ ТЪХЖДЕ БРАЦЪХЪ” in Old-Serbian translation [9, pp. 238-239] includes the text of the 1038 decision introducing the seventh degree of consanguinity as an impediment to all future marriages. “ЉТЬ ННОЕ ГЛАВЫН” in Old-Serbian [9, pp. 239-242] is a heavily abridged fragment from the text “Μελέτη” by Demetrios Synkellos², Metropolitan Bishop of Cyzicus ([66, pp. 354-355]; cf. [9, p. 242, n. 3]). Chapter 56 ends with an appendix on the classification of prohibited and lawful marriages with consanguineal or affinal relatives, “С ДѢ ИЗВѢСТНОЕ РАЗДѢЛЕНІЕ ВЪЗБРАНЕННЫМЪ И ЗАКОННЫМЪ БРАКОМЪ” [9, pp. 242-250]³, with visual representations and instructions for calculating the degree of kinship.

Some matters concerning marital law were explained in the reply of Nicetas, Metropolitan of Heracleia, preserved in Chapter 58 of the Nomocanon [9, pp. 261-268; 4]. In Chapter 59, the Serbian lawgiver brought the text of the so-called Tomos of Union [9, pp. 268-275]⁴ promulgated under Patriarch Nicholas I that refers to the fourth marriage of the Emperor Leo VI the Wise ([48]; cf. [52]). The Tomos provides explanations concerning first, second, third, and fourth marriages and the epitemia applicable in those cases [9, pp. 4, 11-19].

2. Byzantine sources and the manuscript tradition

As the protograph of the Nomocanon of St. Sava is lost, research relies on the preserved manuscripts. Surviving manuscripts of the Serbian redaction date from the 13th to the 17th centuries. The Ilovica copy (1262) is known to be chronologically closest to the source. This manuscript was published as a phototype edition and is fully read and translated, ensuring optimal conditions for research [8; 10; 11; 9; 23; 7]. The text contains all of the abovementioned elements of the Nomocanon of St. Sava, listed in the designated chapters, suggesting that the protograph possibly had them, too⁵. In addition to Ilovica, the earliest copy, five 14th-century manuscripts containing the Nomocanon of St. Sava have reached us: the Ras, Dečani, Pčinja, Chilandar, and Sarajevo copies. Two are

datable to the 15th century: the Belgrade and Peć nomocanons. Of the nomocanons examined by Prof. S. Troicki, Dečanska, Pčinjska, Sarajevska, Pećka and Savinska Krmčija [24, p. 94], only the Peć manuscript (mid-16th century) does not contain the novellae of Alexius I Comnenus [24, pp. 94-95].

Almost thirty years ago, L. Burgmann proposed that the Nomocanon of St. Sava was similar to a Greek nomocanon that has survived in Codex Vaticanus graecus no. 1167 (13th – 14th centuries) [27]. Although there are sound arguments against the possibility that the two were identical, some degree of similarity is apparent. That is also the case with the material regulating betrothal and marital relations. Namely, the collection discovered in the manuscript from the Vatican Library contains the three novellae of Alexius Comnenus [27, p. 97]⁶ in Chapter 46 of the Nomocanon of St. Sava, reproduced in the same order. The Greek nomocanon also included the Tomos of Union from Chapter 59 [27, p. 95]⁷. The complete content of Chapter 56 in the Nomocanon of St. Sava is missing and is – so to speak – replaced by a set of rules on adultery, debauchery, and third marriages [27, p. 95]⁸, which still include the canons of the Synod of Ancyra and selected rules of St. Basil the Great concerning these matters [27, p. 98]. Chapter 7 brings the replies of Metropolitan Nicetas of Heracleia [27, p. 95]⁹. However, this Greek nomocanon does not include the Byzantine manual Prochiron.

We know of no other Slavic nomocanon that preceded St. Sava's and included translations of the three novellae issued by Alexius I Comnenus. That is understandable, as the first Slavic translations of the Greek nomocanons appeared during the time of Sts. Cyril and Methodius and the Christianized First Bulgarian Empire. Those were the so-called Nomocanon of St. Methodius (see: [49; 67, p. 120]), translations of John Scholastic's Syntagma and Nomocanon in 14 titles (without commentaries), also known as Old Slavic Kormchaja (see: [3; 67, p. 138 sqq.]).

The Nomocanon of St. Sava was highly influential in the development of similar compilations in Russia, to which this legal tradition probably arrived via the Second Bulgarian Empire [24, p. 2]. Among other things, this led to the further expansion of the section

with the three novellae of Alexius I Comnenus. The Ryazan Kormchaja (1284), known to have incorporated the interpretations from the “Old Serbian edition,” brings the three imperial writs in the same order as the Serbian source [20, pp. 70-71; 54, pp. 291-292]. Also, the *Merilo Právednoye* (“Just Measure”), whose earliest copy is datable to the 14th century, contains those three novellae and lists them in the previously seen order (see: [17, pp. 87-88; 25, p. 154]). Among others, this source was used for compiling one of the later redactions of the Kormchaja in the territory of Russia, known as the Chudovo Kormchaja [17, pp. 128-135], whose earliest copy, the Perm copy, dates from the third quarter of the 15th century. This kormchaja includes the three novellae [6; 2, pp. 57-59], as does the version printed in 1653.

The overview suggests that some sections regulating betrothal and marital relations functioned as independent items in the manuscript tradition. However, no source that has reached us can directly confirm the spread of the three novellae of Alexius I Comnenus in Slavic manuscripts produced before the Nomocanon of St. Sava and, consequently, in the Slavic milieu. Their reception opens up other research topics, such as the specific reasons for their inclusion in the Nomocanon of St. Sava. The existence of this block in the one Greek nomocanon nevertheless brings us closer to answering the question of how and why these three imperial laws – and not some other ones – were among the selected material¹⁰. The surviving writings of Demetrius Chomatenus also frequently refer to the legislation on betrothal and marriage enacted by Alexius I Comnenus (see: [30, nos. 19, 21, 34, 124]; cf. [54, p. 163]).

3. The contents of the three included novellae of Alexius I Comnenus

In the order they were listed in the Nomocanon of St. Sava.

3.1. The Novella on the Liberation of Slaves and Church Marriages of Slaves

As the first-listed law, Chapter 46 brings the text of the Novella promulgated by Emperor Alexius I Comnenus in 1095¹¹ and formulated as replies to two petitions appealing to the emperor’s grace – the first sent by Patriarch Nicholas III Grammaticus and the second by Theodulus, Bishop of Thessalonike (see the edition: [50,

pp. 341-346]; see also: [22; 12; 38; 36]). The copies of the Serbian-redaction Nomocanon of St. Sava, the Nomocanon in Codex Vaticanus graecus no. 1167¹², and the nomocanons compiled later based on the Serbian redaction of the Nomocanon reproduce only the reply to the first petition¹³. However, it is the response to the second petition that provides insight into the background of this imperial law.

At the beginning of the reply in the Nomocanon of St. Sava, Alexius I Comnenus writes to Nicholas III Grammaticus, Patriarch of Constantinople, about two contentious matters he had heard about. The first petition concerned the descendants of “Bulgarians and the like” who, at the Church of the Holy Wisdom (“τῷ ἁγίῳ μεγάλῳ καὶ θείῳ ναῷ τῆς τοῦ θεοῦ λόγου”), sought to prove their status as free men¹⁴. These were the freeborn scions of “Bulgarians and the like” that had been sold by their impoverished parents and brought to Constantinople in childhood¹⁵. The text does not specify the geographical region from whence they came. However, referring to them as “Bulgarians and the like” suggests that this must have been a non-Greek-speaking, barbarian population, which probably lived in the territories of the Byzantine Empire (cf. [47; 16; 18]).

In previous cases, the slaves’ demands for liberation were contradicted by their masters’ witnesses, making the lawsuits uncertain and protracted and unlikely to be won by the petitioners. As per the decision enacted by Basil II Boulgaroctonus in 996 ([50, pp. 262-272]; see Cap. I [45]) and the ruling explained in the Novella, testimonies regarding someone’s status as a free person could not be refuted by witnesses testifying on behalf of their influential masters; instead, they would have to find witnesses to testify they had been born free or provide written proof of their freedom, i.e., a letter of manumission ([50, p. 242, ll. 17–18]; cf. [13, pp. 148-149]). Thus the legislator extended protection to this population category, which had become part of the Byzantine *politeia*. The position of Byzantine citizens was regulated in accordance with the rule of Leo VI the Wise that they could not lose their freedom by being sold into debt slavery (Leo VI. Novella no. 59 ([51, pp. 221-223]; cf. [38, p. 164; 59, pp. 175-176]). The Nomocanon of St. Sava brings an intriguing phrasing of one place in the text, which does not appear in the Greek

original published by Lingenthal and the Zepos father and son ¹⁶.

The second topic discussed in the Novella is Christian marriage among enslaved persons. The lawgiver makes the Christian wedding ceremony mandatory for slaves' marital unions, not specifying whether that referred only to persons whose efforts to prove their freedom were previously described or to slaves in general. The text goes on to reveal that it indeed referred to persons accepted into the *politeia*. It states that masters who violated this law would lose power over their slaves, but it also assures them that a Christian wedding ceremony undergone by slaves does not automatically entail manumission (cf. [59, p. 177; 13, p. 146]) ¹⁷. Christian marriage among slaves is described as a gesture of Christian grace extended to this population category ¹⁸. In line with the Novella's overarching theme, we can assume that enslaved foreigners, once the process of proving freedom was made easier, must have benefited from the introduction of mandatory Christian weddings – not merely ideationally or by getting a sense of equality; unless a Christian wedding ceremony took place, the masters would lose their slaves, and if it did, presumably, the masters could no longer alienate or separate persons in a subordinate or enslaved status, which was one of the more challenging aspects of such a status ([42, p. 266 sqq.]; cf. [37, pp. 18-20]) ¹⁹.

3.2. The Novella of 1084 on genuine betrothal

The second novella in Chapter 46 of the Nomocanon of St. Sava was promulgated “М(Ѣ)С(Є)ЦА НЮНИА. ННДНКТА СЕДМАГО. ВЪ ЛѢТ(О) СФѢВЪ.” And set down by “ВЛАДЫ. ХРАНИТЕЛИА ПОЛАТѢ. И ПРЪВЪ-ГО СОУДНІЕ СЛНАГО” ([10, p. 678, ll. 26–32]; see also: [68, pp. 62, 145-156; 47, pp. 150-151]; on Bardas Hikanatos see [14, p. 708]). The Greek text of the Novella does not include this title, listing only the date ([50, pp. 305-309]; no. XXXIV). A title identical to the Old Serbian version appears in Cod. Vat. gr. 1167 [10, p. 678, n. 1] ²⁰.

The topic of the Novella is establishing “КОГДА КЕСТЬ ИСТННОЮ ОБРЪЧЕННІЕ” [10, p. 679, l. 21]; “ὅ τι ποτὲ κυρίως ἐστὶν ἡ μνηστεία” ([50, p. 306, ll. 5–6]; cf. [50, p. 307, l. 10]), meaning a legally binding betrothal, as per ecclesiastical and secular law. The synodal decision, passed under Patriarch John VIII Xiphilinus in 1066 [66, pp. 51-52; 58, N.896] ²¹ and confirmed by

Emperor Nicephorus III Botaneiates in 1080 [50, pp. 338-340], made the impediments to marriage applicable to betrothal, too. These also were the degrees of affinity introduced as impediments to marriage by Patriarch Sisinnius II in 997 (5th and 6th degree), which had, however, never been confirmed in imperial legislation until Alexius' time. With the emperor's affirmation of these rules, betrothal and marriage passed firmly into the hands of the Church, supplementing the rules on Christian wedding ceremonies enacted during the reign of Leo VI the Wise (886–912) (Leo VI. Novellae nos. 74 and 89).

Lawful, “genuine” betrothal was to precede marriage and could not take place at the same time as the wedding. It required a religious ceremony of betrothal for persons of age (twelve years or older for girls and fourteen or older for boys) [10, pp. 684-685; 50, p. 308, l. 13 sq.] ²². This was a departure from the rules instituted in Leo VI the Wise's legislation, which allowed betrothals to be arranged for seven-year-olds (or older) and required a religious betrothal ceremony for twelve- and fourteen-year-olds, just like marriage (Leo VI. Novella no. 109; cf. Ecl. 2, 1; Proch. 4, 2). The 1084 Novella of Alexius I Comnenus fully equalized betrothal and marriage, meaning that its dissolution and subsequent marriage with another was considered adultery (πρѣлюбодѣяннїе, μοιχεїа), as per a canon of the Quinisext Council (see: [10, p. 681, ll. 10–21; 50, p. 307, ll. 3–10]).

The Novella did not specify whether the impediments to marriage, now expanded to include betrothal, referred only to betrothals of persons of age or to all betrothals, including those judged as “imperfect.” One reading argues that the Novella of 1084 limited the application of Patriarch John VIII Xiphilinus' synodal ruling, which had covered all betrothals, restricting it solely to “genuine” betrothals [40, p. 36; 26, p. 409] ²³. Other scholars have proposed opposite views [35]. Be that as it may, shortly after he ascended the throne, Alexius I enacted the 1084 Novella and, via the Church, established control over the formation of alliances between powerful families [40, p. 36].

This Novella forbade notaries to draw up betrothal contracts according to the old rules, and anyone who dared disobey would not be allowed to continue working as a notary [10, p. 685, l. 33; p. 686, l. 14; 50, p. 309, ll. 19–21]. It also ruled

that the chancellery “τῶν οἰκειακῶν” (cf. [44, p. 1105]) would collect a fine for the state treasury (cf. [53, p. 610; 43, p. 353]) from both signatories of such a (betrothal) contract due to breach of law [50, p. 309, ll. 22–25; 10, p. 686, ll. 10–13].

3.3. The Novella of 1092 on the indissolubility of betrothal

The last of the three novellae continues the topic introduced in the preexisting law, enacted by the emperor previously. In the Nomocanon of St. Sava, the 1084 Novella is followed by the Novella issued in March 1092 [50, pp. 319-325; 68, p. 62; 47, pp. 154-156] upon receipt of a report by “хранительѣ полатѣ и великаго стража”, i.e., the couroupalates and grand drungarius of the Vigla (“Watch”) John the Thracesian²⁴. The theme of the report and the resultant imperial Novella is affirming the legal nature of betrothal – in other words, affirming the indissolubility of betrothal. The Novella also provides for the possibility of imperial dispensation (exemption from the rule) when deemed justified.

The senior judicial official named John the Thracesian described to the emperor his experience from the Hippodrome tribunal. The court petitioned by parents who wanted to terminate the betrothal contracts of their children by giving back the assets they had received as part of the engagement. It would have constituted a violation of the preexisting rule on the indissolubility of betrothal. The judge reported disagreements in the courtroom regarding the (in) dissolubility of betrothal and asked the emperor to definitively settle the matter [50, p. 321; 57, no. 1168]. The text of the emperor’s writ reiterated the rule set down in the 1084 Novella, in which betrothal was indissoluble. This Novella required a religious ceremony, and it could not be dissolved by returning the gifts exchanged on the occasion. Patriarch John VIII Xiphilinus’ ruling concerning kinship-related impediments to marriage was to be fully implemented and expands to include betrothal. The source (Synopsis Major, Γ II, 1) reports that, between the two surviving novellae (from 1084 and 1092), in December 1088, Alexius I Comnenus issued another writ. It prohibits marriage at the sixth degree of affinal kinship and expands the previous (secular) definition of illicit marriages ([57, no. 1168]; cf. [47, p. 156])²⁵. Only indirect testimonies

about this law have reached us, but they were not included in the Nomocanon of St. Sava.

The Novella stated that the betrothal contract would not list betrothal gifts. It reiterated the age limit for the affianced, stipulating that, exceptionally, it could be reduced to the age of seven by the emperor’s decision and in line with the legislation of Leo VI the Wise. He provided that the parents ensure a carnal union, which would not take place until the affianced reach sexual maturity. In this case, the consequences were the same as in betrothals entered into by persons of age: if one of the affianced persons died before the wedding, the other party could not enter into betrothal or marriage with their relatives, as per the previously enacted decisions.

The specific case that led to the promulgation of the 1092 Novella is known. The emperor issued a *prostagma* allowing the protoproedros and hetariarches Bardas Xeros [63, p. 137 (h)]: “τοῦ Καταζωτοῦ” to marry a girl at the sixth degree of affinal kinship ([57, no. 1168]; see [40, p. 38])²⁶. The emperor’s decision was presented at a synod chaired by Patriarch Nicholas III Grammaticus, who accepted it ([57, no. 1168; 58, N.954 (961)], cf. [64, pp. 283-284; 65, p. 559; 40, p. 38; 26, p. 410]). Then, according to Theodore Balsamon, this decision was incorporated into the synodal act [58, p. 422]. To prevent any dissent among the senior clergy, the emperor then compiled an explanation (ἐρμηνεία) [66, pp. 59-60]. After that, a new synod was held to reconsider the previous decision and confirm it [58, N.955]. Several sources name the author of a “treatise” as “grand drungarius of the Vigla” Skylitzes, who was, as noted above, the same person as John the Thracesian (Prochiron Auctum, VIII, 50; see Cod. Vindobonensis jur. gr. 13, 87v–91r; cf. [68, p. 331, n. 1; 40, pp. 38-39]). These reports led A. Laiou to assume that this “treatise” was the explanation the emperor presented to the synod [58, N.955, N.963; 40].

At a synod in May 1092, attended by the patriarch and members of the synod as well as seven archons, members of the Senate and judges, including John the Thracesian, Bishop Basil of Philippopolis asked for a ruling on the permissibility of marriage between persons at the sixth degree of affinal relations. The marriage of an uncle and niece with an aunt and nephew is also mentioned in this synodal enactment. It is to

give Bishop Basil guidelines for resolving similar cases in his diocese. The attendees brought up the case of Bardas Xeros and voiced uncertainty about the applicability of the rules of the affinal kinship set down in Patriarch Sisinnius' Tomos [58, N.956; 66, pp. 58-59; 26, p. 410]. A month later, on 14 June 1092, the synod reconvened. The bishops of Bithynia, Caria, and Euchania, who had previously abstained in the voting process, reported that they had examined the imperial, patriarchal, and synodal documents and the "explanation," agreeing with the other senior church officials ([58, N.958; 66, p. 59]; see also [40, pp. 38-39]).

The permissibility of the sixth degree of affinity is established in an individual case based on a *prostagma* issued by Alexius I Comnenus in 1092, with the calculation 3+3 (an uncle and niece from one family marrying an aunt and nephew from another family). It caused a wave of reactions among the clergy in the 12th and 13th centuries, especially in relation to the Tomos rule (4+2; explained above) and a third variant, 5+1 (marriage of a "little" aunt and "little" niece – in the fifth degree with a father and son)²⁷.

4. Conclusion

The 11th and 12th centuries saw the enactment of many secular and church laws on marriage and prenuptial relations in the Byzantine Empire, which *de facto* applied to all its inhabitants. And yet, many sources suggest that these rules were violated not only in the provinces but in Constantinople, too. One can hardly argue against the conclusion of A. Laiou, proposed decades ago, that the promulgation of most of those laws directly or indirectly had to do with controlling powerful family clans and consequently curbing the growth of their property portfolios (cf. [39, p. 282]). Amidst many contradictory and conflicting rulings, at the end of the 11th century, Alexius I Comnenus issued three seemingly straightforward and reasonable laws, veiled as Christian grace and meant to lessen the existing polarization in marriage law. The special circumstances underlying the 1092 Novella on betrothals pertained to the possibility of departing from the preexisting rules based on imperial *oikonomia*²⁸. As we know, the conflict of interest, arising from

the overarching sociological and economic background, did not disappear and, quite the contrary, intensified under Alexius' successors.

At the various laws he chose to include in the significant miscellaneous part of the Nomocanon, the Serbian lawgiver chose the three novellae of the Byzantine emperor Alexius I Comnenus discussed in this paper. Although grouped into a separate section and, judging by the manuscript tradition, a stand-alone block in the scribing tradition, Alexius' novellae should be seen in the context of other rules on betrothal and marriage adopted upon the establishment of the autocephalous Serbian Church. Other vital elements of the miscellaneous part of the Nomocanon show that Serbian bishops were given detailed instructions. They specify which marriages were prohibited, especially when it came to affinal relations. According to those rules, the affinity was ordered to expand on betrothals. The inclusion of tables for calculating kinship degrees and the diagrams of prohibited marriages show that these elements were not adopted merely as dogma but were intended to be used in practice. The Nomocanon of St. Sava reproduces the up-to-date Prochiron (as opposed to the obsolete Ecloga in earlier Slavic nomocanons), the modern material from Alexius' novellae, and the related writings. The second part of the Nomocanon seemed to have been preoccupied with marriage and prenuptial relations, including impediments to marriage (and betrothal). These impediments spring from consanguinity and affinity, which led to the issuing of the novella 1092. It does not seem that the Serbian legislator intended to rectify some existing and deeply embedded undesirable behavior; rather, his insistence on the adopted rules was probably meant to prevent the emergence of the socio-economic problems that already plagued the Empire. However, we can hardly say that the new forms of rules, cited in various sources, were observed with no resistance or confusion. Those writings, like the sources quoting them, emerged from various forms of opposition.

ACKNOWLEDGMENTS

I dedicate this paper and the lecture delivered at the Faculty of Law to my maternal grandfather, Ilija Lavrić, who lovingly supported me, believed in me, and followed my work. I would also like to thank Ms. Miljana Protić for her help in translating my article into English.

NOTES

¹ This paper is a result of the project “From Barbarians to Christians and Rhomaioi. The Process of Byzantinization in the Central Balkans (late 10th – mid-13th century)”, acronym BarByz_10-13, as part of the IDEAS program, 2022–2025, financed by the Science Fund of the Republic of Serbia. A lecture with the same title was delivered on 1 March 2024 at the Faculty of Law, University of Belgrade, as part of a series of lectures organized by the FORVM ROMANVM Club. The scientific editing of this article is realized by Yury Vin. The Serbian proper names and appellations are retained in transcription of author. The author approved suggested English translation of articles and journals on the occasion when the official translations were absent.

² Bishop Demetrios served under emperors Romanus III Argyrus and Michael IV the Paphlagonian in the first half of the 11th century after having previously spent 17 years at the chancellery of the Quaestor mysticus, where he presumably became familiar with legal problems in practice (see: [68, pp. 45, 323]). There are other stand-alone reports about his service at the Great Church (see [32, p. 25]).

³ The earliest known variant of a table for calculating kinship degrees appears in the manuscripts accompanying the Ecloga (Appendix Eclogae, IX); on the Ecloga and the text preceding it (see [28]; for an English translation and commentary, see [41, pp. 104-105]; and the commentary in [34, pp. 138-152]; see also [56, p. 218]).

⁴ A reading and Serbian translation of the text can be found in [9, pp. 268-275].

⁵ However, additional notations are known, including the one on prohibited marriages, which the Ilovica nomocanon does not include. On this and the protograph of the Sarajevo nomocanon, believed to be older than the Ilovica copy (see [9, pp. XI-XIV (esp. pagination)]).

⁶ The three novellae are at positions 63–65 (foll. 119r–125r).

⁷ The Tomos of Union is at position 8 (foll. 24v–26v).

⁸ The set of rules is at position 4 (foll. 18v).

⁹ See foll. 24r/v.

¹⁰ L. Burgmann argued that the Nomocanon of St. Sava was based on an earlier copy or the protograph of the nomocanon in Cod. Vaticanus graecus no. 1167 or a similar text.

¹¹ The year of the reply to the second petition is known because the text lists the date it was issued. However, the answer to the first petition does not, but K.S. Zachariae von Lingenthal believed that it was promulgated in 1095, notwithstanding the contradictory reports in later sources (see: [61, p. 561, n. 31; 36]).

¹² A digitized manuscript of the folios with the three novellae was available to the author courtesy of the Biblioteca Apostolica Vaticana.

¹³ The later nomocanons are described above.

¹⁴ Given that the second petition about the same matter was sent to the emperor by the archbishop of this city, scholars believed, taking their cue from Lingenthal, that those lawsuits had taken place before this church. However, the first petition, which mentions an ecclesiastical court, was sent by the patriarch of Constantinople. The sources explain that the tribunal attached to Hagia Sophia in Constantinople, known as the *ekdikieion*, had jurisdiction in some legal matters. Sources ranging from the 12th to the 15th centuries report that the *protekdikos* had judicial powers in matters concerning debtors, runaway slaves, offenders who had committed manslaughter or premeditated murder, and other persons who sought asylum in Hagia Sophia in Constantinople (see: [45, p. 129; 46, pp. 68-69; 13, p. 151]; cf. [1, p. 147]).

¹⁵ This report appears in the reply to the second petition ([50, p. 344, (B (33α) =, α', l. 3–4)]; see: [22, p. 370; 1, p. 152]; cf. [36]).

¹⁶ The Nomocanon of St. Sava uses the phrase “*ἡμῶν ἐν τῇ βασιλείᾳ τῆς πόλεως ἡμῶν ἐπιπέσει*” in its translation of a spot that in the Greek text contains two different and contradictory variants of the statement “*οὐς εἰς δουλείαν ἢ καθ’ ἡμᾶς παρέλαβε πολιτεία*” and “*οὐς εἰς δουλείαν ἢ καθ’ ἡμᾶς οὐ παρέλαβε πολιτεία*” [11, p. 673]. However, this seems to be a mistake made in the copying process, as the rest of the text leaves no room for ambiguity – the Novella referred to persons accepted into the *politeia* (see: [19, p. 184; 55, pp. 179-180; 36]). About the concept “*δουλεία*” see also [5].

¹⁷ In the Byzantine legal tradition, the act of manumission could take place in a church (*manumissio in ecclesia*), a practice known from the 8th-century codification of the Isaurian dynasty, Ecl. 8, 1, 4 [31].

¹⁸ Christian marriage is known to have been mandatory for the Empire’s free inhabitants starting from the late 10th century and the legislation of Leo the Wise.

¹⁹ I am indebted to Dr. Stanoje Bojanin for pointing out this possibility.

²⁰ M. Petrović also noticed that the title was identical (see [10, p. 678, n. 1]).

²¹ About a year later, on 19 March 1067, a synod confirmed the patriarch’s decision (see: [66, pp. 53-54; 58, N.897]). Interestingly, there is a surviving report of the synodal decision attributed to patriarchs Sisinnius II and Xiphilinus (with 66 years separating their respective pontificates) that the entire body of legislation on marriage applied to betrothal (prenuptial relations) (see [58,*N.812]).

²² There is an unsigned act, attributed to Patriarch Nicholas III Grammaticus, mentioning an imperial law

that introduced an age limit for betrothal. The editor, V. Grumel, thought that this was a reference to the 1084 Novella. For an edition of this act (see: [33]).

²³ The slightly later text by Nicetas, Bishop of Ancyra, compiled at the behest of Alexius I Comnenus, lamented that all betrothals were equalized with marriage, both those that had been blessed and those that had not. (The text was published in [29, pp. 268-275]; see also [40, p. 22].)

²⁴ This was a high-ranking title, and the *droungarios tēs viglēs* (“Drungarius of the Watch”) was the senior judicial position held by the judge who presided over the Court of the Hippodrome in Constantinople, as the commentary in the *Ecloga Basilicorum* from the first half of the 12th century informs us (see [45, p. 124]). W. Seibt proposed that John the Thracesian and John Skylitzes, the author of the famed Byzantine chronicle from the late 11th century, were one and the same; this view is now accepted (see: [62]).

²⁵ On this episode and the possible reasons behind the enactment of such a law, which might have had to do with the birth of John II Comnenus in 1087 and the previous betrothal of the emperor’s daughter Anna Comnena and Constantine Ducas (see: [40, pp. 37-38]; cf. [61 p. 559]). There might be a reference to the Novella of 1088 in the text of Nicetas of Ancyra, who cites the *semioma* of Emperor Alexius Comnenus, which declared seventh-degree consanguinity and sixth-degree affinity to be absolute impediments to marriage [40, p. 22].

²⁶ Although the particular circumstances of the pair’s affinal kinship are unknown, this case was not identical to the cases described in the Tomos of Patriarch Sisinnius as prohibited because the Tomos calculated sixth-degree affinal kinship as 2+4, and in the case of Bardas Xeros, as 3+3. This difference was used to justify the ruling in the dispensation (see: [68, p. 328]). Theodore Balsamon mentions the *prostagma* in his commentary on the Nomocanon of Fourteen Titles (see: [64, pp. 283-284]).

²⁷ A. Laiou describes the reactions of Michael Chumnus, Theodore Balsamon, Demetrios Chomatenus, John Pediasimus, and Matthew Blastares; some of these jurists accepted the emperor’s *prostagma* as a general and others as an individual rule. She also lists the sources that show opposition to the imperial decision among the clergy (Nicholas of Adrianople and Nicetas of Ancyra) (see: [40, p. 40]). For all variants of the sixth degree of affinity and the subsequent secular and ecclesiastical reactions (see: [68, pp. 319-342]; see also: [60, p. 199]).

²⁸ An interesting and relevant recent contribution examines the chronology of the marriage of the Serbian king Stefan Radoslav and Anna Ducena, daughter of Theodore Comnenus Ducas, ruler of Epirus [15]. This

study is based on the fact that the 1092 Novella of Alexius Comnenus on the betrothal process, age limit, departing from the legally prescribed age, and betrothal gifts (originally the Novella of 1084) was valid in the Despotate of Epirus (cf. [54, pp. 95-96]).

REFERENCES

1. Angelov D. Robstvoto v srednovekovna B’lgarija [Slavery in Mediaeval Bulgaria]. *Istoričeski pregled* [Historical Review]. Sofia, 1945–1946, vol. 2, no. 2, pp. 129-156.

2. Belyakova E.V., Moshkova L.V., Opasina T.A., eds. *Kormchaya kniga: ot rukopisnoj traditsii k pervomu pechatnomu izdaniyu* [Kormchaja Book: From Manuscript Tradition to the First Printed Edition]. Moscow, Saint Peterburg, In-t rossijskoy istorii RAN, RGADA, TsGI, 2017. 496 p.

3. Beneshevich V.N. *Kanonicheskiy sbornik XIV titulov so vtoroy chetverti VII v. do 883 g. K drevneyshey istorii istočnikov prava greko-vostochnoy tserkvi* [Canon Collection in 14 Titles from the Second Quarter of the 7th Century to 883. History of a Legal Source of the Orthodox Church]. Saint Peterburg, Saint Peterburg univer., 1905. XIII, 335 p.; Addition, p. 101 (especial pagination).

4. Beneshevich V.N. Otvety Petra Khartofilaksa (kontsa XI veka) [Answers of Peter Chartophylax (End of the 11th Century)]. *Zapiski Imp. Akademii Nauk, Ser. 8, Ist.-Filolog. Otdelen.* [Proceeding of Imp. Academy of Sciences]. Saint Peterburg, 1909, vol. 8, no. 14, pp. 1-19.

5. Vin Yu.Ya. Ponyatie “douleia” kak sotsio-kulturnyy kontsept v reprezentatsii vizantijskikh aktov [The Notion «δουλεία» as a Sociocultural Concept in Presentation of Byzantine Acts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 149-161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.15>

6. Demkova N.S., Yakunina S.A. Kormchaya XV v. iz sobraniya Permskogo pedagogicheskogo instituta [Kormchaja of the 15th Century from the Collection of Perm Pedagogic Institute]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian Literature], 1990, vol. 43, pp. 330-337.

7. Dučić N. Krmčija Moračka. Opis rukopisa. Fotijevi predgovori. Gradski zakon [Kormchaja Moračka. Description of Manuscripts. Gradski zakon], *Glasnik srpskog učenog društva. Drugo odeljenje* [Herald of Serbian Learned Society. Second Section], vol. 8, 1877, pp. 1-134.

8. Petrović M.M., ed. *Zakonopravilo ili Nomokanon Svetoga Save. Ilovički prepis, 1262 godina. Fototipija* [Zakonopravilo or Nomocanon of St. Sava].

Gornji Milanovac, Dečje novine, 1991. 862, XLIX (Fol. 1–400 v.), LI p. (esp. pagination)

9. Petrović M., ed. *Zakonopravilo Svetoga Save* [Zakonopravilo of St. Sava], vol. 2. Beograd, Miodrag M. Petrović, 2020. XI, CXXII, 554 p.

10. Petrović M.M., Štavljanin-Dorđević Lj., eds. *Zakonopravilo Svetoga Save* [Zakonopravilo of St. Sava], vol. 1. Beograd, Istorijski institut, 2005. LII, 729 p.

11. Petrović M.M., ed. *Zakonopravilo Svetoga Save. Na srpskoslovenskom i srpskom jeziku* [Zakonopravilo of St. Sava. In Old Serbian and Serbian Language], vol. 1. Žiča, Eparhija žička, 2004. XLIII, 782 p.

12. Lishev S. et al., eds. *Izvori za bulgarskata istorija XIV* [Sources for the Bulgarian History. In 33 Vols. Vol. 14]. Dujchev I. et al., eds. *Gr ški izvori za bulgarskata istoriya* [Greek Sources for the Bulgarian History. In 7 Vols. Vol. 7]. Sofiya, Izd-vo na BAN, 1968. 300 p.

13. Ilić T., Šijaković J., Pismo Sv. Evstatija Soluskog o oslobađanju robova [Letter of St. Eustathius of Thessalonike Concerning Manumission of Slaves]. Ilić T., Božić M., eds. *Nomophylax. Zbornik u čast Srđana Šarkića* [Nomophylax. Collection of Papers in Honor of Srđan Šarkić]. Beograd, Pravni fakultet UNION-Službeni glasnik, 2020, pp. 129-165.

14. Ilić T. *Pravnoistorijski prilog istraživanju funkcije pretora* [Legal-Historical Contribution to the Research of the Office of Praetor in Byzantium]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 2023, vol. 60, pt. 2, pp. 695-720.

15. Komatina I. *Nevestinska kićenja suncorodne kćeri. Brak Stefana Radoslava i Ane Dukene – nova tumačenja* [Nymphostolisma of the Sunlike Daughter. Marriage of Stefan Radoslav and Anna Doukaina – New Interpretations]. *Istorijski časopis* [Historical Review], 2023, vol. 72, pp. 117-144.

16. Komatina P. *Pojam Bugarske u XI i XII veku i teritorija Ohridske arhiepiskopije* [Term Bulgaria in the 11th and 12th Centuries and the Territory of the Archbishopric of Ochrid]. Maksimović Lj., Krsmanović B., Radić R., eds. *Vizantijski svet na Balkanu* [Byzantine World in the Balkans]. Beograd, Vizantološki institut, 2012, vol. 1, pp. 41-56.

17. Korogodina M.V. *Kormchie knigi XIV – pervoy poloviny XVII veka* [Kormchaja Books of the 14th – the First Half of the 17th Century]. *In 2 Vols. Vol. 1. Issledovanie* [Study]. Moscow, Saint Peterburg, Alyans-Archeo Publ., 2017. 597, (1) p.

18. Krsmanović B. *O odnosu upravne i crkvene organizacije na području Ohridske arhiepiskopije* [On the Relationship of Administrative and Ecclesiastical Organisation in the Territories of the Ohrid Archbishopric]. Maksimović Lj., Krsmanović B., Radić R., eds. *Vizantijski svet na Balkanu* [Byzantine World in the Balkans]. Beograd, Vizantološki in-t, 2012, pp. 17-39.

19. Litavrin G.G. *Bolgariya i Vizantiya v XI–XII vv.* [Bulgaria and Byzantium in the 11th – 12th Cent.]. Moscow, Ripol Klassik, 2013. 480 p.

20. Maksimovich K. *Zakony vizantiyskikh imperatorov v drevnerusskikh yuridicheskikh sbornikakh. Tezisy dokladov uchastnikov V Mezhdunarodnoy konferentsii «Kompleksnyy podhkod v izuchenii Drevney Rusi»* [Laws of Byzantine Emperors in Old Russian Juridical Collections. Theses of the Reports of Participants of the 5th Intern. Conference “Complex Attitude to Studying Old Russia”, State Tretyakov Gallery, 29th September – 1st October 2009]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki* [Old Rus’. Questions of Medieval Studies], 2009, no. 3 (37), pp. 70-72.

21. Pavlov A. *50-ya glava «Kormchey knigi» kak istoricheskiy i prakticheskiy istochnik ruskago brachnago prava* [50th Chapter of “Kormchaya Book” as a Historical and Practical Source of Russian Marriage Law]. Moscow, Univer. Pr. (M. Katkov), 1887. IV, 452 p.

22. Sak’zov I. *Edna novela na Aleksija Komnin’ za robi-bugari* [Novella of Alexius Comnenus on Slaves-Bulgarians]. *Sbornik v’ chest’ na Vasil’ N. Zlatarski po sluchay na 30-godishnata mu nauchna i profesorska deynost’* [Collection in Honor of Vasil N. Zlatarsky on the Occasion of 30th Anniversary of His Scientific and Professorial Work]. Sofija, D’rzhavna pechatnica, 1925, pp. 367-387.

23. Stjepanović S., arh. Jovan, eds. *Sarajevski prepis Zakonopravila Svetoga Save iz XIV vijeka. Fototipija* [Sarajevo’s Copy of Zakonopravilo of St. Sava of the 14th Century. The Phototype]. Dobrunska Rijeka, DABAR – Izdavačka kuća Mitropolije dabrobosanske, 2013. XXXIV, 367 p.

24. Troicki S.V. *Kako treba izdati svetosavsku Krmčiju (Nomokanon sa tumačenjima)* [In Which Way Nomocanon of St Sava Should Be Edited (Nomocanon with Interpretations)]. Beograd, SAN, 1952. IV, 2, 114 p., 10 fol. ill. (Spomenik SAN [“Spomenik” of the SAS]; vol. 102; Odeljenje društvenih nauka. Nova ser. [Section of Social Sciences. New Ser.]; vol. 4).

25. Shchapov Ya.N. *Vizantiyskoe i yuzhnoslavjanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv.* [Byzantine and South-Slavic Legal Heritage in Russia in the 11th – 13th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 291 p.

26. Angold M. *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261*. Cambridge, Camb. Univ. Pr., 2000. XVI, 604 p.

27. Burgmann L. *Der Codex Vaticanus graecus 1167 und der serbische Nomokanon. Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 1995, vol. 34, pp. 91-106.

28. Burgmann L., Troianos S., Appendix Eclogae. Simon D., ed. *Appendix Eclogae. Fontes Minores. Vol. 3*. Frankfurt am Main, Klostermann, 1979, pp. 24-125. (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte; vol. 4).

29. Darrouzès J. *Document inédits d'ecclésiologie byzantine. Textes édités, traduits et annotés*. Paris, Institut Français d'Études Byzantines, 1966. 442 p.
30. Prinzing G., ed. *Ponemata Diaphora*. Berolini, Walter de Gruyter, 2002. XIV, 388*, 535 p.
31. Burgmann L., ed. *Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V*. Frankfurt a/Main, Löwenklau-Gesellschaft E.V., 1983. XVII, 282 p.
32. Ficker G. *Erlasse des Patriarchen von Konstantinopel Alexios Studites. Festschrift der Univ. Kiel zur Feier des Geburtsfestes S.M. des Kaiser und Königs Wilhelm II*. Kiel, Lipsius und Tischer, 1911. 58 p.
33. Grumel V. Un document canonique inédit du patriarche Nicolas III Grammatikos. Les réponses à l'évêque de Zétounion. *Echos d'Orient*, 1941, vol. 39, no. 199–200, pp. 342-348.
34. Humphreys M.T.G. *Law, Power and Imperial Ideology in the Iconoclast Era, c. 680–850*. Oxford, Oxford Univ. Pr., 2015. XX, 312 p.
35. Hunger H. Christliches und Nichtchristliches im byzantinischen Eherecht. *Österreichisches Archiv für Kirchenrecht*, 1967, vol. 18, pp. 305-325.
36. Ilić T. Reconsidering the 1095 Novella of Alexios I Komnenos: A Testimony to the Byzantinization of the Slavic population. *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 2024, vol. 61. (forthcoming).
37. Köpstein H. Sklaven in der Peira. *Fontes minores. Vol. 9*. Frankfurt a/Main, Klostermann, 1993, pp. 1-33. (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte; vol. 19).
38. Köpstein H. Zur Novelle des Alexios Komnenos zum Sklavenstatus (1095). *Actes du XVe Congrès international d'Études Byzantines. Athènes, Septembre, 1976. In 4 vols. Vol. 4*. Athènes, Ass. Intern. des Études byzantines, 1980, pp. 160-172.
39. Laiou A. O thesmos tēs mnēsteias sto dekatō trito aiōna [Institute of Betrothal in 13th Century]. Kremmydas V., Maltezou H., Panagiōtakēs N.M., eds. *Aferōta ston Niko Sborōno* [Collection in Honor of Niko Svoronos]. Rhethymno, Panepistēmio Krētēs. 1986, vol. 1, pp. 280-298.
40. Laiou A. *Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe–XIIe siècles*. Paris, De Boccard. 1992. 209 p.
41. Humphreys M., ed. *The Laws of the Isaurian Era. The Ecloga and Its Appendices*. Liverpool, Liverpool Univ. Pr., 2017. X, 182 p.
42. Leidholm N. Parents and Children, Servants and Master: Slaves, Freedman, and the Family in Byzantium. Stewart M., Parnell D., Whately C., eds. *The Routledge Handbook on Identity in Byzantium*. London, Routledge, 2022, pp. 263-281.
43. Trapp E. et al., eds. *Lexikon zur byzantinischen Gräzität. Bd. 1, Fasz. 2*. Wien, Verlag der ÖAW, 1996, pp. 193-416. (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik; vol. 6., fasz. 2).
44. Trapp E. et al., eds. *Lexikon zur byzantinischen Gräzität. Bd. 2, Fasz. 5*. Wien, Verl. der ÖAW, 2005, pp. 907-1178. (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik; vol. 6. fasz. 5).
45. Macrides R. The Competent Court. Macrides R., ed. *Kinship and Justice in Byzantium, 11th–15th Centuries*. Aldershot, Hmps., Brookfield, Vt., Ashgate, Variorum, Routledge, 1999, pt. VI, pp. 117-130.
46. Macrides R., Nomos and Kanon on Paper and in Court. R. Macrides, ed. *Kinship and Justice in Byzantium, 11th–15th Centuries*. Aldershot, Hmps., Brookfield, Vt., Ashgate, Variorum, Routledge, 1999, pt. II, pp. 61-86.
47. Mortreuil J.A.B. *Histoire du droit byzantin, ou du droit romain dans l'Empire d'Orient: depuis la mort de Justinien jusqu'à la prise de Constantinople en 1453. In 3 vols. Vol. 3*. Paris, Gustave Thorel, 1847. 508 p.
48. Westerink L.G., ed. *Nicholas I Patriarch of Constantinople. Miscellaneous Writings, Greek Text and English Transl.* Washington, Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, trast. for Harvard Univ., 1981. XXIV, 175 p.
49. Vašica J., Haderka K. [eds.]. Nomokanon – Nomokanon. Havlík L., Bartoňková D. et al., eds. *Magnae Moraviae fontes historici. In 5 Vols. Vol. 4. Leges, Textus iuridici, Supplementa*. Brno, Univer. J.E. Purkyně, 1971, pp. 205-363.
50. Zepos J., Zepos P., eds. *Novellae et aureae bullae imperatorum post Justinianum, ex editione C.E. Zachariae von Lingenthal, Jus Graecoromanum. In 8 Vols. Vol. 1*. Aalen, Scientia Verl., 1962. XXXIV, 742 p.
51. Noailles P., Dain A., eds. *Les Nouvelles de Léon VI de Sage*. Paris, Les Belles Lettres, 1944. LXIII, 383 p.
52. Oikonomides N. Leo VI's Legislation of 907 Forbidding Fourth Marriages: An Interpolation in the "Procheiros Nomos" (IV, 25–27). *Dumbarton Oaks Papers*, 1976, vol. 30, pp. 173-193.
53. Kazhdan A. et al., eds. *Oxford Dictionary of Byzantium. In 3 Vols. Vol. 1*. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. LIV, 728 p.
54. Papadatos S. *Peri tēs mnēsteias eis to byzantinon dikaion* [About the Betrothal in the Byzantiny Law]. Athēna, Grafeion Dēmosiumatōn tēs Akadēmias Athēnōn, 1984. 368 p.
55. Prinzing G. Slavery in Byzantium from 566 to 1453. Krsmanović B., Milanović Lj., Pavlović B., eds. *Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies, Round Tables*. Belgrade, The Serbian National Committee of AIEB. 2016, pp. 179-181.
56. Pitsakēs K. «Paizontes eis allotrious biou». Dikaio kai praktikē tōn gamikōn kōlymatōn sto Byzantio: hē tomē ["Playing in Other People's Lives". Law and Practice of Marital Impediments in Byzantium: The Tomos]. Angelidi H., ed. *Hē kathēmerinē zōē sto*

Byzantino. Tomes kai syneheies stēn hellenistikē kai rōmaikē paradosē [Daily Life in Byzantium: Intersections and Continuities in Hellenistic and Roman Tradition]. Athēna, Kentro Byzantinōn Ereunōn, 1989, pp. 217-237.

57. Dölger F., Wirth P., eds. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453*. München, C.H. Beck, 1995. LIII, 381 p.

58. Grumel V., ed. *Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol 1. Les Actes des Patriarches. Fasc. 2 et 3. Les Regestes de 715 à 1206*. Paris, Institut français d'études byzantines, 1989. XL, 612, 15 p.

59. Rotman Y. *Byzantine Slavery and the Mediterranean World*. Harvard, Harvard Univer. Pr., 2009. XII, 307 p.

60. Schminck A. Drei Patriarchalschreiben aus der ersten Hälfte des 13. Jahrhunderts. *Fontes minores. Vol. 5*. Frankfurt a/Main, Klostermann, 1982, pp. 193-214. (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte; vol. 8).

61. Schminck A. Zur Entwicklung des Eherechts in der Komnenenepoche. Oikonomidēs N., ed. *To Byzantio kata ton 12o aiōna. Kanoniko dikaio, kratos kai koinōnia* [Byzantium in 12th Century. Canonical Law, Power and Society]. Athēna, Etaireia byzantinōn kai metabyzantinōn meletōn, 1991, pp. 555-587.

62. Seibt W. Ioannes Skylitzes. Zur Person des Chronisten. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Wien, Verl. der ÖAW, 1976, vol. 25, pp. 80-85.

63. Synopsis Basilicorum. Zepos J., Zepos P., eds. *Jus Graecoromanum. In 8 Bd. Bd. 5*. Aalen, Scientia Verl. 1962. 600 p.

64. Rhallēs G.A., Potlēs M., eds. *Syntagma tōn theiōn kai ierōn kanonōn tōn te Agiōn kai paneuphēmōn Apostolon, kai tōn Ierōn kai Oikoumenikōn kai topikōn Synodōn, kai tōn kata meros Agiōn Paterōn* [Syntagma of Divine and Sacred Canons. In 6 Vols. Vol. 1]. Athēna, Ek tēs Typografias G. Hartophylakos, 1852. XX, 403 p.

65. Rhallēs G.A., Potlēs M., eds. *Syntagma tōn theiōn kai ierōn kanonōn tōn te Agiōn kai paneuphēmōn Apostolon, kai tōn Ierōn kai Oikoumenikōn kai topikōn Synodōn, kai tōn kata meros Agiōn Paterōn* [Syntagma of Divine and Sacred Canons. In 6 Vol. Vol. 4]. Athēna, Ek tēs Typografias G. Hartophylakos, 1854. VIII, 640 p.

66. Rhallēs G.A., Potlēs M., eds. *Syntagma tōn theiōn kai ierōn kanonōn tōn te Agiōn kai paneuphēmōn Apostolon, kai tōn Ierōn kai Oikoumenikōn kai topikōn Synodōn, kai tōn kata meros Agiōn Paterōn* [Syntagma of Divine and Sacred Canons. In 6 Vol. Vol. 5]. Athēna, Ek tēs Typografias G. Hartophylakos, 1855. XVI, 638 p.

67. Troianos S. Byzantine Canon Law to 1100. Hartmann W., Pennington K., eds. *The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500*. Washington, The Catholic University of America Press, 2012, pp. 115-169.

68. Zhishman J. *Das Eherecht der orientalischen Kirche*. Wien, W. Braumüller, 1864. XVI, 826 p.

Information About the Author

Tamara M. Ilić, Doctor of Sciences (History), Researcher, Associate Professor, Institute for Byzantine Studies of Serbian Academy Sciences and Arts, Knyazya Mihaila St, 35/III, 11000 Belgrade, Republic of Serbia, tamaramat5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7740-428X>

Информация об авторе

Тамара М. Илич, доктор исторических наук, научный сотрудник, доцент, Институт византийских исследований Сербской академии наук и искусств, ул. Князя Михаила, 35/III, 11000 г. Белград, Республика Сербия, tamaramat5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7740-428X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.20>

UDC 94

LBC 63.3(0)+63.2

Submitted: 15.06.2024

Accepted: 14.09.2024

**ABBA DANIEL OF SCETIS. I. ABBA DANIEL FROM SCETIS (BHG 2100)
AND THE ABBA MARK THE FOOL (BHG 2255)**

(Introduction, translation from Greek and commentary by Anton A. Voytenko)

Anton A. Voytenko

Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The publication is a translation into Russian (and commentary) of two tales from the Greek/ Byzantine version of the collection concerning Daniel of Scetis (BHG 2100; BHG 2255). In addition to the Greek version, the tales from the collection survive (in different files) in Coptic (Bohairic), Ethiopian (Ge'ez), Syriac, Armenian, Georgian, Latin and Old Church Slavonic. The introduction to the translation outlines the problems facing the researcher of these texts. The main ones are: 1) determination of the initial phase of the tales; 2) the primary composition of the collection; 3) the confessional affiliation of Daniel, the “abbot of Scetis”; 4) the texts traditions in different areas of the Christian world. The author of the publication puts forward a number of new statements. From his point of view, the most effective method of compositional studies of the collection is the analysis of literary forms, or *Formgeschichte*. Studies of literary forms suggest that initially the tales of Eulogius the Stonecutter (BHG 618) and of the patrician Anastasia (BHG 79–80) were added to the “story of Daniel” (BHG 2100). At the second stage of the cycle’s formation, it most likely included “Alexandrian” tales (Mark the holy fool (BHG 2255), on the blind man (BHG 2102), on Thomaïs (BHG 2453)) and the story concerning a nun pretending to be a drunkard (BHG 2101). The final stage of the main “core” formation of the collection was an addition of the account concerning Andronicus and Athanasia (BHG 121–122). The author of the publication also proposes a classification of the manuscript tradition, reflecting the cultural adoption of the collection in different areas of the Christian world: 1) the tradition of *apophthegmata*; 2) the *Vita* tradition; 3) the *Menaion* tradition. Among all three types, only the *Vita* tradition, which took place among the Copts and Ethiopians, demonstrates a desire for further “integration” of texts. The most “centrifugal” tradition is the *Menaion* one, especially in the Byzantine area, where the original version of a tale (for example, of the patrician Anastasia) could be subject to significant literary treatment. The Russian translation is based on the publication by B. Dahlman (Uppsala, 2007). The commentary takes into account the notes to the English translations by B. Dahlman and by T. Vivian – D. Wortley (Kalamazoo/MI, 2008).

Key words: abba Daniel of Scetis, Mark the Holy Fool, Egyptian monasticism, Byzantine hagiography, Early Byzantine Christianity.

Citation. Voytenko A.A. Abba Daniel of Scetis. I. Abba Daniel from Scetis (BHG 2100) and the Abba Mark the Fool (BHG 2255) (Introduction, Translation from Greek and Commentary by Anton A. Voytenko). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 276–290. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.20>

РАССКАЗЫ О ДАНИИЛЕ СКИТСКОМ. I. ДАНИИЛ СКИТСКИЙ (ВНГ 2100) И ЮРОДИВЫЙ МАРК (ВНГ 2255)

(Введение, перевод с греческого и комментарии А.А. Войтенко)

Антон Анатольевич Войтенко

Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Публикация представляет собой комментированный перевод на русский язык двух рассказов из греческой версии сборника Даниила Скитского (ВНГ 2100; ВНГ 2255). Помимо греческой версии рассказы из этого сборника сохранились (в разных конфигурациях) на коптском (бохайрский диалект), эфиопском (геэз), сирийском, армянском, грузинском, латинском и церковнославянском языках. Во введении к переводу очерчен круг проблем, стоящих перед исследователем этих текстов. Основные из них: определение начального этапа бытования рассказов, начальный состав сборника, конфессиональная принадлежность «игумена Скита» Даниила, особенности рецепции рассказов сборника в разных регионах христианского мира. Автор публикации выдвигает ряд новых положений. С его точки зрения, наиболее продуктивным методом при рассмотрении истории сборника является анализ литературных форм, или Formgeschichte. Анализ литературных форм позволяет предположить, что изначально к «истории Даниила» (ВНГ 2100) были присоединены рассказы о Евлогии камнетесе (ВНГ 618) и патрикии Анастасии (ВНГ 79–80). На втором этапе формирования цикла в него, скорее всего, были включены «александрийские» рассказы (о юродивом Марке (ВНГ 2255), о слепце (ВНГ 2102), о Фомаиде (ВНГ 2453)) и рассказ о монахине, притворявшейся пьяницей (ВНГ 2101). Завершающим этапом формирования основного «ядра» сборника было присоединение к нему истории об Андронике и Афанасии (ВНГ 121–122). Автор также предложил классификацию рукописной традиции, отражающей культурную рецепцию сборника в разных областях христианского мира: 1) традиция апофтегм; 2) «житийная» традиция; 3) традиция миней. Среди всех трех типов только «житийная» традиция, которая имела место у коптов и эфиопов, демонстрирует стремление к дальнейшей «интеграции» текстов. Наиболее центробежной является традиция миней, особенно в Византии, где первоначальная версия рассказа (например, о патрикии Анастасии) могла быть подвержена значительной литературной обработке. Перевод сделан по изданию Б. Далман (Uppsala, 2007). В комментариях учтены примечания к английским переводам Б. Далман и Т. Вивиана – Д. Уортли (Kalamazoo/MI, 2008).

Ключевые слова: Даниил Скитский, юродивый Марк, египетское монашество, византийская агиография, ранневизантийское христианство.

Цитирование. Войтенко А. А. Рассказы о Данииле Скитском. I. Даниил Скитский (ВНГ 2100) и юродивый Марк (ВНГ 2255) (Введение, перевод с греческого и комментарии А.А. Войтенко) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 276–290. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.20>

Введение. Цикл рассказов, связанных с «игуменом Скита» Даниилом, стал известен ученому сообществу более века назад, с публикации эфиопской (геэз) версии текста, осуществленной в 1897 г. Л. Голдшмидтом и Ф.М. Эштевешем Перейрой [16]. На сегодняшний день эта традиция известна (в разных текстовых конфигурациях) на греческом, коптском, эфиопском, сирийском, армянском, грузинском, арабском, латинском и церковнославянском языках (см.: [24, р. 1, 8, 104, 130, 182, 209, 244, 263, 270, 272]).

Нельзя сказать, что более чем столетнее знакомство с этими текстами привело ученых

к ясному пониманию их происхождения, основных принципов их соединения в одну традицию и особенностей их бытования в разных областях христианского мира. Мы по-прежнему можем, слегка перефразировав слова М. Бонне, назвать сборник Даниила одним из самых загадочных текстов восточного христианства (ср.: [8, р. 166]).

Пожалуй, только в одном вопросе достигнут безусловный научный консенсус: языком оригинала этого сборника был греческий, хотя до сих пор не понятно, можем ли мы однозначно считать, что дошедшая до нас греческая традиция адекватно отражает (и в текстуаль-

ном, и в идеологическом плане) самый ранний период существования этого цикла.

Первое издание греческого текста сборника осуществил французский ученый Л. Клюнье, сначала в журнальных публикациях [9], а потом и отдельной книгой [10]. Это издание можно назвать скорее дипломатическим, чем критическим, хотя оно и содержит аппарат различий. Клюнье идентифицировал 11 рассказов (включая варианты) и опубликовал их рукописные и минейные версии. Основой для издания Клюнье послужили рукописи из Парижского собрания (Par. Coisl. 282, Par. Coisl. 283, Par. gr. 914, Par. Suppl. gr. 241 и др.), а также тексты из греческой Миней, изданной в Венеции в 1895 г. (см.: [11, p. 43–45]). Такой подход вызвал резко негативные отклики его коллеги, М. Бонне, который указал, что публикация, сделанная эдиционно неверно и плохо, самим фактом своего появления мешает попыткам подготовить хорошее издание [8, p. 167] (ср.: [24, p. 5]). Вероятно, столь резкая оценка имела и личные коннотации: раздражение более удачливым конкурентом (Бонне сам занимался сборником Даниила, но так и не смог довести до конца свою публикацию) (см.: [24, p. 298]). Тем не менее в рецензии Бонне содержался ряд ценных замечаний, определивших стратегию дальнейших текстологических исследований сборника (см.: [11, p. 45]).

Текст Клюнье долгое время оставался единственным доступным греческим изданием цикла Даниила и до сих пор не потерял своей ценности для исследования вариативности этих текстов и их последующей эволюции. В 2007 г. Б. Далман предприняла новую публикацию сборника, которую с некоторыми оговорками можно считать критическим изданием [11]. В деле изучения цикла Даниила публикацию Далман можно считать этапной. Из всей рукописной традиции она выделила четыре рукописи (cod. Scor. R II.1 (Revilla 21); Par. gr. 919; Mosq. Syn. gr. 345 (Vlad. 342); Vat. gr. 858), содержащие сборник как часть одной из коллекций *Aporphthegmata Patrum*, представляющих более поздние редакции апофтегм, нежели хорошо известные алфавитно-анонимное и систематическое собрания. С легкой руки Ж.-К. Ги их стали обозначать *collections dérivées* (см.: [17, p. 201–230]). И именно эту группу текстов, в

полном виде представляющую собой 8 рассказов, Далман сочла наиболее ранним и наиболее аутентичным этапом бытования сборника. Но поскольку самая древняя (московская) рукопись с таким собранием датируется X или первой половиной XI в. (см.: [11, p. 92, note 5]), то от предполагаемого времени его создания нас отделяют более четырех столетий, а значит, о самом раннем этапе истории этих текстов можно строить лишь более-менее обоснованные догадки.

Содержание текстов позволяет предполагать, что изначально они возникли отдельно друг от друга и лишь затем были объединены под именем «игумена Скита» и сведены в один сборник. В свое время Ж. Гарритт высказал очень ценную гипотезу о том, что часть рассказов в большей степени имеет отношение к фольклору Александрии, чем к фольклору Скита [13, col. 71]. По сути, эти рассказы (о юродивом Марке, о слепце (ВНГ 2102), о Фомаиде (ВНГ 2453)) очень сходны по композиции и могут быть выделены в отдельный блок.

Вопрос о подлинности участия Даниила в историях, объединенных вокруг его имени, рискует, на наш взгляд, довольно быстро превратиться в схоластический спор. Наиболее верным методом исследования здесь является анализ литературных форм (*Formgeschichte*), отправной точкой для которого может служить предположение, что к рассказу об «игумене Скита» (в греческой традиции – ВНГ 2100) поэтапно присоединялись другие истории. Основным критерием в данном случае может выступать степень вовлеченности Даниила в сюжетную и композиционную структуру иных, не связанных с его биографией частей. Самую большую степень проникновения Даниила (как персонажа) в ткань рассказа демонстрируют два из них: о Евлогии камнетесе (ВНГ 618) и о патрикии Анастасии (ВНГ 79–80). Обе истории содержат одну и ту же сюжетную схему: Даниил и его ученик встречаются главного героя повествования, который, как быстро выясняется, является носителем некоей тайны. Эту тайну во второй части истории Даниил раскрывает своему ученику, используя прием рассказа в рассказе. Безусловно, в сюжетном построении двух историй есть нюансы: Евлогия они встречаются во время путешествия, а Афанасию, выдающую себя за евнуха, ученик посещает

регулярно, принося ей кувшин с водой (и т. д.), но на общую схему они не влияют.

Хронологически нелинейное повествование и рассказ в рассказе выдают изначально фольклорную основу этих нарративов. На наш взгляд, именно они должны были самыми первыми присоединиться к собственно истории Даниила. Косвенным подтверждением этого является версия Копто-арабского синаксаря под 8 башанса (см.: [24, р. 124–125]) и, безусловно, происходящая от нее версия Эфиопского синаксаря под 8 гэнбота (см.: [24, р. 155–156]), где только эти две истории ассоциируются с именем Даниила.

Меньшую, хотя и значительную степень вовлечения Даниила в повествование демонстрирует «александрийский» блок и история о монахине, притворившейся пьяницей (ВНГ 2101). Сюжетная схема рассказов о Марке и о слепце идентична: Даниил с учеником путешествуют, происходит встреча с главным героем, Даниил с учеником следят за ним, открывают его святость (в случае со слепым – через исцеление), происходит чествование героя, его кончина и погребение. Рассказ о притворившейся пьяницей немного отходит от этой схемы: главная героиня, после того как ее святость открыта, не умирает, а тайно покидает монастырь. В случае с Фомаидой события происходят рядом с Александрией и хронологически параллельно с посещением города Даниилом (любопытно, что в эфиопской версии события, связанные с Фомаидой, также происходят в Александрии, а не рядом с ней; см.: [24, р. 140]). Даниил, знающий о святости Фомаиды, велит похоронить ее рядом с монахами, а ее святость открывается через чудо. Такое композиционное построение, при определенных оговорках, стоит достаточно близко к сюжетной схеме остальных рассказов. Действие во всех случаях происходит линейно, только в истории с юродивым мы имеем рассказ в рассказе, но исполнен он не Даниилом, а самим Марком. Следует предположить, что «александрийский» блок и рассказ о «пьяной» монахине были присоединены к циклу позже.

Из всех рассказов, гипотетически представляющих начальную версию цикла, Даниил менее всего вовлечен в повествование об Андронике и Афанасии (ВНГ 121–122).

Действие протекает линейно и лишено каких-либо флешбэков. Даниил возникает лишь во второй части повествования, являясь второстепенным персонажем, который может быть легко заменен на другого. Давно уже замечено (см.: [23, р. 26]), что сюжетная схема истории Андроника и Афанасии во многом совпадает с коптским «Житием Иларию» [12, р. 1–13, 69–82, 139–148]. Памбо (Памво), второстепенный герой «Жития Иларию», выполняет в рассказе ту же роль, которую и Даниил в истории с Афанасией: он принимает бежавшую из царского дворца аристократку, переодевает ее в мужскую одежду и является тайным свидетелем ее святости. Вероятнее всего, история Андроника была присоединена к циклу позже всех. Одной из причин ее включения могло послужить сюжетное сходство рассказа об Афанасии с историей патрикии Анастасии.

Можно ли установить время складывания основного «ядра» цикла? Только гипотетически, основываясь на некоторых допущениях. Наиболее ранним свидетельством «текста Даниила» является палестино-сирийский палимпсест (с рассказом о Евлогии и фрагментом истории о патрикии Анастасии), который его первый издатель, А. Смит-Льюис, датирует VII в. [21, р. IX–X]. Рассказы о Евлогии и Анастасии имеют надежные хронологические «реперы», позволяющие отнести время появления известных нам их редакций ко времени не ранее правления Юстиниана (527–565), а в коптской и эфиопской версии указано, что время кончины Даниила приходится на постюстинианово время. Таким образом, «ядро» цикла могло быть сформировано довольно быстро: в последние десятилетия VI века.

Два рассказа, которые, помимо уже обозначенных, были включены Л. Ключе в цикл Даниила, с точки зрения «формального» анализа стоят от него еще дальше. Изданная версия истории о монахе, ложно обвиненном в воровстве (ВНГ 2101a) [10, р. 64–68], представляет собой «матрешку» (ср. ВНГ 2021b–c). Она вводится фразой «рассказал авва Даниил, что» (διηγήσατο ὁ ἀββᾶς Δανιὴλ ὅτι) после чего следует повествование от лица аввы Дулы, вводимое глагольной формой φησὶν. Заглавие рассказа в рукописи (Ἐπὶ τοῦ ἀββᾶ Δουλά) [10, р. 64], не оставляет сомнений в том, что изначально он был атрибутирован Дуле и

лишь после, с помощью нехитрой вводной «надстройки», оказался переатрибутированным Даниилу. Рассказ о монахе и двух бесах (ВНГ 2102а) [10, р. 1–2] вводится фразой διηγήσατο ὁ ἀββᾶς Δανιήλ ὁ σκητιώτης ὅτι [10, р. 1]. Подобная формула встречается в сборнике апофтегм другого Даниила, подвижника из Скита V в. и ученика аввы Арсения. Исходя из этого, можно полагать, что присоединение этого рассказа к циклу Даниила, по сути, случайно. Еще один рассказ (о монахе и его сестре) сохранился в краткой (ВНГ 2102е) и пространной (ВНГ 1438h, 1438hb) версиях (ср.: [24, р. 87–90]). В краткой версии монаха зовут Даниил [11, р. 52], остальные версии не имеют отношения к «игумену Скита», и лишь в сирийском тексте рассказ получает такую формальную атрибуцию через вводную «надстройку» (см.: [24, р. 202]).

Существует ли некая идея, благодаря которой рассказы были объединены в один цикл? П. ван Кавенберг отвечал отрицательно, утверждая, что это – «собрание бессвязных анекдотов» [23, р. 27]. Тем не менее он, наряду с Л. Ключье, Х. Эвелином Уайтом, Ж. Гроссидье де Матоном соглашался, что Даниил во всех текстах сборника обладает исключительным даром пронизательности (см.: [11, р. 70]). Б. Далман выделила четыре основные темы (themes) или мотива (motives) цикла: 1) тайная святость; 2) юродство; 3) ξενιτεία; 4) девиантное поведение (по большей части, переодевание женщин в мужскую одежду) [11, р. 70]. С ее точки зрения, основным мотивом, объединяющим весь цикл, является первый [11, р. 70–89]. Близко к ней оказывается и Т. Вивиан, полагающий, что функция Даниила – это роль свидетеля святости (communicator of holiness) [24, р. 39–40]. Далман указывает на евангельские обоснования этого феномена (Мф 16: 20; Мф 6: 16; Мк 1: 44) [11, р. 88], забывая, правда, при этом упомянуть, что тайная святость находится в сложных отношениях с другим известным евангельским высказыванием (Мф 5: 15).

Версия Б. Далман является на сегодняшний день самой правдоподобной, хотя и нуждается в уточнении. Если воспользоваться аналогией из лингвистики, то можно сказать так: Даниил – это «детерминатив» тайной святости. Его функция (если продолжить

евангельскую аллегория) заключается в том, чтобы поставить горящую свечу на подсвечник, диалектически «сняв» оппозицию между тайным слугой Божиим и необходимостью его прославления. Его роль чем-то напоминает функцию второго главного персонажа из «житий-путешествий» (Житие св. Онуфрия Великого, Житие св. Марии Египетской и др.), который посещает дальнюю пустыню и тем самым делает известными подвиги отшельников, подвизающихся в ней. Именно этим можно объяснить формальное присоединение к циклу некоторых рассказов (например, ВНГ 2101а): рассказ переатрибутирован Даниилу как «детерминативу» святости невинно пострадавшего монаха.

Можно ли каким-то образом описать жанровое своеобразие цикла? Относительно недавние исследования дают для этого основания. Оттолкнувшись от греческого обозначения (διήγησις/διήγημα) их можно назвать «агиографическими рассказами». Принятое в современной науке обозначение (narrationes animae utiles / spiritually beneficial tales) является слишком общим и не совсем адекватно отражающим их особенности. Д. Уортли насчитывает семь сборников душеполезных рассказов: Historia monachorum in Aegypto, «Лавсаик», два основных собрания Apophthegmata Patrum, сборник Даниила Скитского, «Луг Духовный» и сборник рассказов св. Анастасия Синаита [27, р. 25–26; 26, р. IX–X; 11, р. 42]. Если говорить именно об агиографическом, а не о душеполезном рассказе вообще, этот список следует откорректировать. Сюда, оставаясь в рамках византийской традиции, нужно добавить «Историю боголюбцев» блж. Феодорита Кирского и указать на достаточно сложный характер собраний апофтегм, где наряду с агиографическими рассказами присутствуют просто высказывания (= нарратив без действия) или просто spiritually beneficial tales, где для обучения правильному душевному расположению и поведению (то есть ортопраксии) предлагаются отрицательные примеры. Отчасти это справедливо и для труда Иоанна Мосха.

Принцип, который определял дальнейшую эволюцию и рецепцию сборника в различных областях христианского мира, может быть сформулирован так: центробежные тенденции преобладали над центростреми-

тельными. Косвенно это подтверждает предположение об изначальной гетерогенности текстов: рассказы, созданные как отдельные, в конце концов отдельными и становятся. В одном случае мы имеем и более глубокий уровень дезинтеграции: эпизод об избавившемся от блудных искушений монахе на могиле Фомаиды отделяется от общего текста и становится самостоятельным коротким рассказом (ВНГ 2453b) [10, p. 21–22].

Всего можно выделить три стратегии последующего бытования текстов цикла: 1) традиция апофтегм; 2) «житийная» традиция; 3) традиция миней. Первая является самой распространенной: отдельные рассказы цикла переписываются и сохраняются в сборниках апофтегм (и иных компиляциях, типологически с ними сходных). Порядок их соединения между собой может быть самым произвольным. Вторая традиция – единственная, которая имеет интеграционный характер. Она объединяет разные рассказы цикла в один житийный текст. Но ее следы обнаруживаются только у коптов и эфиопов [10, p. 83–114; 16]. Совершенно не следует соглашаться с мнением Т. Вивиана, полагающего, что коптское и эфиопское Житие Даниила – это не житие, а энкомий или проповедь [24, p. 97, 127] (ср.: [11, p. 56]). Эти тексты по своим жанрово-стилистическим особенностям не имеют ничего общего с агиографической проповедью или агиографическим энкомием, достаточно хорошо представленными в коптской литературе. Житие Даниила демонстрирует явное сходство с коптскими Житиями свв. Макариев (Египетского и Александрийского). И там, и здесь имеет место один и тот же алгоритм – соединение отдельных рассказов в единое повествование (в случае с Житиями свв. Макариев начальным материалом были апофтегмы и агиографические рассказы из «Лавсаика» (см.: [3]). Судя по текстуальным параллелям в начале Жития (прооимии) и некоторым другим данным, коптский и эфиопский текст представляют собой разные версии одного оригинала, коптская – краткий, а эфиопская – пространный его вариант. Основной проблемой здесь является различный день памяти святого: 8 пашонса (3 мая по юлианскому календарю) в коптском тексте, 7 тахсаса (3 декабря по юлианскому календарю) в эфиопском.

Традиция миней – максимально центробежная. Она стремится отделить рассказы цикла друг от друга и переработать их в краткие житийные версии. Единственным исключением здесь можно считать копто-арабскую (под 8 башанса) и эфиопские (под 7 тахсаса и под 8 гэнбота) сообщения о Данииле, представляющие собой «интегрированные» версии (см.: [24, p. 124–125, 152–156]). Наиболее показательной в этом смысле является византийская традиция. Минейная версия рассказа о патрикии Афанасии [10, p. 8–12; 24, p. 74–76] «выпрямляет» повествование, перенося домонашескую часть жизни Анастасии в начало рассказа и добавляя к нему необходимые для нормативного жития данные о родителях святой и ее добродетелях. Еще одним характерным примером унификации является версия об Андронике и Афанасии (Par. Coisl. 283, ff. 291v-295), которая получает именование жития (Βίος) [10, p. 52]. Агиографический рассказ о святых супругах – наиболее «биографический» из всех частей цикла, поэтому не удивительно, что он со временем, без существенного изменения нарратива, обретает формальные рамки жития и помещается в mineю под 9 октября.

Историческая ценность цикла Даниила понимается по-разному. Наиболее оптимистичен Т. Вивиан, который признает подлинность ряда событий, приводимых там, историчность Даниила и его ученика, Анастасии, Евлогия и Марка, полагая при этом, что неразрешимая на сегодняшний день трудность заключается в попытках отличить реальный исторический субстрат рассказов от его агиографической трансформации (overlay/inlay) [24, p. 19]. В отдельных пунктах это мнение разделяют Т. Орланди [20] и П. ван Кавенберг [23, p. 24]. Б. Далман придерживается традиционной точки зрения на ценность агиографии, считая, что эти рассказы, главным образом, предоставляют важные сведения о повседневной жизни (одежда, еда, обычаи, церемонии, особенности церковного и гражданского управления и т. д.) [11, p. 67]. Мнения остальных исследователей можно кратко резюмировать словами Э. Випшицкой: эти тексты – собрание агиографических топосов, они не имеют значения для истории монашества в конкретном месте и в конкретное время, но могут быть интересны для изучения монашеского менталитета [25,

р. 320–321]. Однако, как мы полагаем, такая оценка обусловлена довольно поверхностным взглядом на текст, предполагающий неспешное чтение между строк.

Приведем только два примера. В тексте Даниил называется «игуменом Скита» и это выражение является его постоянным эпитетом. Эфиопская синаксарная традиция, помимо прочего, называет Даниила игуменом монастыря св. Макария (см.: [24, р. 152–155]). В рассказе о юродивом Марке указано об обычном ежегодном пасхальном посещении Александрийского патриарха «игуменом Скита». Как известно, с IV в. Скит представлял собой монашескую «агломерацию», состоящую из четырех монастырей (со своими настоятелями). Таким образом, текст цикла Даниила достаточно четко ставит вопрос о возможно большей, чем в предшествующие столетия, интеграции этой «агломерации». География путешествий Даниила ясно показывает связи Скита VI в. с Александрией и монашескими центрами вокруг нее (прежде всего это Пемптон, Энатон и Октокайдекатон). Также она демонстрирует контакты Скита VI в. с монашескими общинами Верхнего Египта: греческий текст указывает на Гермопольский ном, а эфиопская традиция содержит сведения, что путешествия Даниила могли простираться до Гермонтиса (район современного Луксора) (см.: [24, р. 141, 351]). Описания этих путешествий, даже если мы не забываем об условностях агиографического текста, намекают на то, что контакты скетиотов с некоторыми другими монашескими общинами Египта были довольно тесными. Таким образом, речь может идти о неплохо функционирующей в VI в. монашеской «сети» (или «ризоме»). Вопрос заключается только в том, была ли она целиком миафизитской или гетеродоксальной.

Два первых рассказа цикла (по нумерации Б. Далман), перевод которых представлен ниже, ставят ряд более конкретных вопросов. Греческая версия рассказа о Данииле помогает понять, почему именно его фигура стала «детерминативом» тайной святости. В рассказе Даниил выступает кающимся и совершающим тайный подвиг (ухаживание за прокаженным). На наш взгляд, такой профиль святости как магнитом мог притягивать к нему другие рассказы о тайных слугах Божиих (ср.: [11, р. 87–89]).

Другим, более важным вопросом является конфессиональная принадлежность Даниила. Сохранившаяся греческая традиция представляет его конфессионально индифферентным, тогда как коптское и эфиопское Жития включают ряд дополнительных эпизодов, где Даниил представлен строгим миафизитом, с гневом отвергшим «Томос» папы Льва (распространенное в коптской агиографии «клише», под которым в данном случае следует понимать униональные предложения Юстиниана). Мнения ученых разделились. Одни (Л. Ключье, Х. Эвелин Уайт) полагали, что греческая традиция является аутентичной, а миафизитские эпизоды Жития – позднее дополнение, цель которого – сделать Даниила миафизитом. Другие (П. ван Кавенберг, Л. МакКоул) полагали, что Даниил был антихалкидонитом, а греческая традиция впоследствии исключила свидетельства о его миафизитстве. В пользу аутентичности коптских свидетельств о Данииле высказывался и Т. Орланди [20].

Основные аргументы сторонников греческой (халкидонской) традиции, если их суммировать, были следующими: 1) другие истории цикла не демонстрируют антихалкидонских тенденций; 2) миафизитские эпизоды отсутствуют в сирийской и арабской традициях; 3) образ Даниила остальных частей противоречит его агрессивному поведению в отношении «Томоса» Льва; 4) миафизитские эпизоды не согласуются хронологически с историей Анастасии; 5) нет четких свидетельств, что Юстиниан проводил в Египте политику принуждения и запугивания; 6) антихалкидонский манифест Даниила подозрительно сильно напоминает соответствующее место из миафизитского «Жития Самуила из Каламун» (см.: [11, р. 57; 24, р. 98]). Контраргументы их противников включали два принципиальных соображения: 1) во время Юстиниана в Египте существовало сильное монашеское сопротивление Халкидонскому собору; 2) Даниила нет в византийском церковном календаре (в отличие, например, от Анастасии), что говорит о его изначально неправославном статусе (см.: [11, р. 58]).

Следует отметить, что основные аргументы в пользу аутентичности халкидонской традиции были выдвинуты почти сто лет назад, когда некоторые важные коптские источники еще не были полноценно введены в научный

оборот, а также не было ясного понимания особенностей бытования традиции о Данииле у сирийцев и арабо-христиан. Последующие исследования выявили данные, подтверждающие высказывание Иоанна Никиусского о том, что в Египте при Юстиниане имели место репрессии в отношении нехалкидонитов (*Io. Nic. Chron.* XCIV. 18) (ср.: [24, р. 99–101]). На сегодняшний момент нельзя со всей определенностью сказать, какая из двух традиций (халкидонская или миафизитская) является верной. Однако при современном уровне знаний, аргументы защитников халкидонской версии выглядят довольно шаткими, а миафизитская версия – более предпочтительной. Подробный разбор этого вопроса занял бы много места, поэтому мы просто приведем мнение Б. Далман, с которым полностью согласны: более вероятно то, что миафизитские эпизоды первоначально были написаны на греческом и не сохранились (как значительная часть греческой антихалкидонской литературы), чем то, что они были сочинены позже и вставлены в коптское и эфиопское Жития [11, р. 58]. Однако если конфессиональная логика удаления из текста неудобных мест (или – наоборот – дописывания некоего *optatum*) вполне понятна, то неясным пока остается вопрос о причинах отсутствия у коптов и эфиопов остальных греческих частей «биографии» Даниила (то есть историй об убийстве и уходе за прокаженным).

Рассказ о юродивом Марке сообщает ряд значимых подробностей о топографии Александрии: там упоминаются тетрапилон (*τὸ Τετράπυλον μέγα*) и здание, обозначенное как Гипп (*Ἴππος*), функция которого не до конца понятна. Но самым интересным остается вопрос, можем ли мы считать Марка подлинным христианским юродивым. Более ранние примеры симуляции сумасшествия (напр., *Palladius. Hist. Laus. Cap.* 34) – это, как принято полагать, предыстория вопроса, своего рода «протоюрродство». Несмотря на то что монашеский генезис этой аскетической практики сомнений не вызывает, социальный контекст классического юродивого – это городская среда, а не монастырь.

Б. Далман указывает на два обстоятельства, которые позволяют усомниться в том, что Марк является полноценным христианским *σαλός* (хотя в тексте он назван именно так, а не просто «тайным слугой» (*κρυπτός δοῦλος*)). Во-первых, Марк – монах-неудачник, принимающий на себя подвиг городского сумасшедшего, поскольку ему так и не удалось побороть блудные помыслы в пустыне. В отличие от него образцовый юродивый VI в., Симеон Эмесский, вступает на свою стезю, уже достигнув совершенства в монастыре. Во-вторых, Марк, по ее мнению, в своей аскезе недостаточно провокативен и агрессивен: он «всего лишь» нищенствует, ходит в одной набедренной повязке и ворует вещи на рынке (чтобы раздать их настоящим слабоумным). Провокации Симеона куда более радикальны и скандальны: он таскает по улицам дохлую собаку, прилюдно испражняется, водит хороводы с проститутками, кидается орехами в церкви во время службы [11, р. 78–79]. Но сама Далман при этом признает определенную вариативность в подвиге юродства, приводя еще один пример кающегося *σαλός* [11, р. 79–80]. Различия в поведении Марка и Симеона, на наш взгляд, – это отличия не качественные, а количественные. Стоит вспомнить, что один – египтянин, а другой – сириец. Монашеская аскеза в Сирии местами носила куда более радикальный характер, чем более умеренная египетская. Однако вряд ли кто-то на этом основании рискнет назвать египетских подвижников «недомонахами» по отношению к их сирийским собратьям.

Перевод выполнен по изданию Б. Далман. Нумерация рассказов также дана по нему (издание Л. Ключье и английские переводы Т. Вивиана-Д. Уортли имеют другую нумерацию). В круглых скобках вставлены слова, которых нет в греческом тексте, но они необходимы для лучшего понимания смысла или по стилистическим соображениям. В комментариях мы учли разночтения по критическому аппарату Б. Далман, а также примечания к ее английскому переводу и переводу Т. Вивиана-Д. Уортли.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Об авве Данииле Скитском

Сей авва Даниил с детства был ¹ в Скиту. Сначала пребывал он сорок лет в общине ², а затем стал подвизаться отдельно. И напавшие (на Скит) варвары взяли его в плен. И был он у них два года. Но один христоролюбивый человек ³ спас его от варваров. А через короткое время ⁴ вновь вернулись варвары и (снова) увели его (в плен). И вновь, пробыв у них шесть месяцев, сбежал он от них. Но снова, в третий раз, напали варвары (на Скит) и взяли Даниила в плен ⁵. Они унижали его и мучили беспощадно. Но однажды он, дождавшись удобного случая ⁶, взял камень и ударил (им) чужестранца, и тот от удара умер. А авва Даниил спасся бегством.

И, раскаявшись в убийстве, которое он совершил, пошел Даниил в Александрию и рассказал архиепископу Тимофею ⁷ о случившемся. Архиепископ же судил ⁸ его, говоря: «Разве Тот, Кто спас тебя дважды, не смог бы снова тебя спасти? Но все же не совершил ты убийства, ибо убил зверя». Приплыв в Рим, авва Даниил вновь рассказал об убийстве (на этот раз) римскому папе ⁹, и тот ответил авве то же самое. Побывав же в Константинополе, в Эфесе ¹⁰, в Иерусалиме и в Антиохии, поведаль он (тамошним) патриархам об убийстве, и все они в один голос ответили ему то же самое.

Снова вернувшись в Александрию, сказал он себе: «Даниил, Даниил, тот, кто убил, будет убит». И, придя в преторий ¹¹, он предал себя властям ¹², сказав им: «Я подрался с одним (человеком) и, охваченный гневом, ударил его камнем и убил. Призываю вас передать (меня) правителю ¹³ и казнить за убийство, которое я совершил, чтобы избежать мне грядущего наказания ¹⁴». Они, услышав это, бросили его в темницу. И спустя тридцать дней рассказали о нем правителю. Правитель освободил его из темницы и допросил по поводу убийства. Даниил поведал ему всю правду. Правитель удивился рассудительности ¹⁵ аввы Даниила и отпустил его со словами: «Иди и помолись обо мне, авва, хорошо, если бы ты убил и других семерых ¹⁶ из них».

Старец сказал себе: «Уповаю на человеколюбие Божие, (на то) что благодать Его не вменит мне убийство. Отныне я клянусь Христу, что все дни жизни моей буду прислуживать прокаженному ¹⁷ (в наказание) за убийство, которое совершил». И взял он одного прокаженного в (свою) келью. И сказал себе Даниил: «Если этот (прокаженный) умрет, я пойду в Египет ¹⁸ и возьму другого вместо него».

И все монахи Скита ¹⁹ узнали, что старец взял прокаженного, но никто не мог видеть лица его, кроме самого старца. Однажды около шестого часа ²⁰ позвал старец своего ученика для какой-то надобности, и по промыслу Божию так случилось, что оставил старец дверь в келью открытой. И сел авва под солнцем, осматривая прокаженного. И был тот весь покрыт язвами. Ученик старца, вернувшись после (исполнения) дела, обнаружил дверь открытой и заметил, как старец ухаживает за прокаженным. Поскольку тот был весь гноющийся, (авва) разминал ²¹ пищу и вкладывал ее ему в рот ²².

Увидев то странное дело, которое совершал старец, ученик поразился (ему) и восславил Бога, даровавшего столь великое смирение старцу, так заботящемуся о прокаженном.

2. Об авве Марке юродивом

С этим учеником его ²³ короткое время подвизался один брат по имени Сергей, (а затем) упокоился в Господе. После кончины аввы Сергия дал авва Даниил ученику его свободу (говорить откровенно) ²⁴, ибо любил его.

Однажды старец взял его и поднялся в Александрию ²⁵. Ибо был обычай у игумена Скита ²⁶ посещать патриарха ²⁷ на великий праздник ²⁸. Они прибыли в город около одиннадцатого часа ²⁹, и, когда они шли по улице, увидели нагого ³⁰ брата, чресла ³¹ которого были обвиты куском ткани ³². Этот брат претворялся безумным и были с ним другие ненормальные ³³. Он ходил вокруг подобно безумцу и сумасшедшему ³⁴, хватая то, что было на рынке, и отдавая (это) другим ненормальным. Звали его Марк из Гиппа ³⁵. Гиппом же называли (одно) общественное здание ³⁶ (в городе). Там и трудился юродивый ³⁷ Марк, и зарабатывал сто нуммий ³⁸ в день, там же он ночевал на скамьях. Из этой сотни нуммий он покупал себе еды ³⁹ на двенадцать ⁴⁰ монет, а прочее отдавал другим полоумным. Весь город знал Марка из Гиппа из-за безумия его.

Сказал старец ученику своему: «Иди посмотри, где остановится этот юродивый». Ученик, отойдя, спросил и сказали ему: «В Гиппе, ибо он безумец». После прощания с патриархом, на следующий день, по промыслу Божию увидел Даниил юродивого Марка возле Великих ворот ⁴¹, и, подбежав, старец схватил (его) и начал кричать: «Мужи александрийские, помогите!». Юродивый (же) издевался над старцем. Собралась вокруг них большая толпа. Ученик из-за предосторожности стоял вдалеке. И все говорили старцу: «Не обращай внимания ⁴², он безумен». Сказал же им старец: «Это вы безумны, нынче я не нашел ни одного (нормального) человека ⁴³ в этом городе, кроме него».

Пришли клирики церкви, знавшие старца, и спросили его: «Что же сделал тебе этот безумный?». Ответил им старец: «Отведите его (со) мной к патриарху». И они увели его. И сказал старец патриарху: «Ныне

в этом городе нет такого вот сосуда (избранного)». Патриарх, знавший, что старцу открыто было от Бога о юродивом, пал к нему в ноги, и начал молить открыть ему и остальным, кто он.

Тот, перестав прикидываться ⁴⁴, открыл ему (правду), сказав: «Был я монахом и властвовал надо мной пятнадцать лет бес блуда. Когда пришел я в себя, то сказал себе: “Марк, пятнадцать лет ты был рабом врага ⁴⁵, так сделайся точно так же рабом Христа”. И ушел я в Пемптон ⁴⁶, и пребывал там восемь лет, и после восьми лет сказал себе: “Иди-ка ты в город ⁴⁷ и сделайся безумным, чтобы стал ты свободен от греха своего ⁴⁸”. И вот, ныне закончились восемь лет моего безумства». И възрыдали все, услышавшие это, и восславили Бога.

Переночевал Марк в покоях патриарха вместе со старцем. А рано утром сказал старец своему ученику: «Позови мне авву Марка, чтобы сотворить нам молитву о нашем (успешном) возвращении в келью нашу». И ученик, придя (к юродивому), увидел, что тот упокоился в Господе. Старец сообщил об этом патриарху, патриарх – властям ⁴⁹, и они повелели остановить городскую жизнь ⁵⁰. И отослал старец ученика своего в Скит ⁵¹ со словами: «Бей в било ⁵², и собирай (всех) отцов и скажи им: “Приходите, чтобы благословиться от старца”».

И пришел ⁵³ весь Скит, имея на себе белые одежды ⁵⁴, с пальмовыми ветвями ⁵⁵, (пришли) также и Энатон ⁵⁶, и Келлии ⁵⁷, и те, кто (были) на Нитрийской горе ⁵⁸, и все лавры рядом с Александрией ⁵⁹. По этой причине останки (святого) не могли предать земле пять дней, и (власти) были вынуждены умащать останки блаженного Марка благовониями ⁶⁰. И так весь город и монахи (из окрестных монастырей) со свечами и фимиамом ⁶¹, омывая слезами главную улицу ⁶², хоронили честные останки блаженного юродивого Марка, славя и хваля человеколюбивого Бога, удостоившего столь великой славы и милости любящих Его и ныне и в грядущем веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В греч. тексте стоит форма глагола ἀποτάσσω, одно из значений которого «отвергать мир» или «становиться монахом». Здесь интересно указание на то, что Даниил пребывал в Скиту с детства. О детях в Скиту известно из апофтегм (см., например: [7, с. 49–53]). В Житии св. Марии Египетской указано, что Зосима пребывал в монастыре «с пеленок» (PG t. 27. Col. 3697c). Нельзя исключать того, что Даниил был передан его родителями младенцем в монастырь – известно, что такая практика существовала в позднеантичном Египте.

² В оригинале стоит греческое слово κοιτώβιον, которое часто обозначает киновию или общежительный монастырь. Однако известно, что в Скиту киновий не было.

³ В Par. Coisl. 282 добавлено слово ναύκληρος, то есть «судовладелец» или «кормчий». Б. Далман отмечает, что богобоязненный кормчий – хорошо известный персонаж в раннехристианской литературе [11, р. 192]. Кормчий фигурирует и в иных монашеских рассказах (см.: [24, р. 313]).

⁴ В рукописи Par. Coisl. 282 стоит точная цифра: μετὰ δύο ἔτη, то есть спустя два года.

⁵ Это место любопытно с исторической точки зрения, поскольку содержит сведения о нескольких нападениях кочевников на Скит. К сожалению, невозможно точно установить ни дату этих событий, ни этническую принадлежность варваров. Из других источников известно о разрушении Скита в 407–408 гг. и в 570–580 годах. Во второй раз Скит был заброшен, а оставшиеся монахи рассеялись по другим местам и вернулись обратно только через несколько лет. Однако то, что сообщает рассказ о Данииле, не может хронологически совпадать со временем полного запустения Скита (570–580 гг.), поскольку далее по тексту указано, что Даниил посещает патриарха Тимофея, то есть Тимофея III/IV, занимавшего александрийскую кафедру с 517 по 535 г. (см.: [11, р. 191–192]).

⁶ Рукопись Par. Coisl. 282 содержит более ясное описание этого места: «И один из захвативших его в плен сидел возле воды». Как полагает Б. Далман, это описание, вместе с уточнением о кормчем (см. примеч. 3) позволяет предположить, что варвары пришли из Мармарики (то есть прибрежной территории между Египтом и Киреной) и пустыни Барка (к западу от Кирены), где жили племена, промышлявшие разбойными нападениями. Но, по ее мнению, речь вряд ли идет о побережье Средиземного моря, а, скорее, о канале с проточной водой, причем пресной, поскольку целью варвара было утолить жажду. В любом случае Даниил улучил удобный момент, чтобы застать варвара врасплох и убить. Именно поэтому все

последующее время он старался искупить свою вину (см.: [11, р. 193]).

⁷ Вероятнее всего, Тимофей III/IV, см. примечание 5. С патриархом Тимофеем Даниила связывает также рассказ о Лонгине чудотворце (ВНГ 2102f) (ср.: [24, р. 313]). И здесь – интересная логическая нестыковка. Даниил идет каяться к миафизитскому патриарху (в коптской Церкви он известен как Тимофей III, поскольку она не признает халкидонита Тимофея III Салофакиола), а затем с тем же плывет к римскому папе, который по определению был халкидонитом (ср.: [24, р. 313]).

⁸ Употребленный здесь глагол καταγγυνώσκα, помимо прочего, имеет значение «винить», «поприцать», «обвинять», «выносить обвинительный приговор». Б. Далман переводит его как commit [11, р. 115]. Но, судя по контексту, речь идет о том, что патриарх просто вынес свое суждение по этому вопросу.

⁹ За время патриаршества Тимофея III в Риме сменилось 6 пап: Ормузд (514–523), Иоанн I (523–526), Феликс IV (III) (526–530), Бонифаций II (530–532), Иоанн II (533–535) и Агапит I (535–536). Какой именно из них имеется в виду, остается неясным.

¹⁰ Эфес в этом списке выглядит несколько странно, поскольку, в отличие от других упомянутых городов, там не было патриаршей кафедры, он был частью Константинопольской патриархии. Но в Эфесе был архиепископ. Вероятно, здесь имеет место некоторая путаница в тексте. Рукопись Par. Coisl. 282 упоминает только архиепископов. Сходный рассказ о покаянном путешествии содержит одна ватиканская рукопись (Vat. gr. 2592, f. 235r-v). Один дьякон был запрещен священником в служении за совершенный в его отношении грех. Священник умер, не освободив дьякона от прещения. После этого дьякон предпринял путешествия в Константинополь, Рим, Иерусалим, к отцам пустыни, но все оказалось напрасно (см.: [11, р. 193]).

¹¹ В данном случае имеется в виду резиденция префекта Египта.

¹² Греч. τοῖς κομენტαρησίοις. Здесь в тексте, как и в случае с преторием (πραιτόριον = praetorium), употреблен латинизм (κομენტαρῆσιος = commentariensis), означающий секретаря или делопроизводителя, в том числе и ответственного за уголовное делопроизводство.

¹³ Здесь и далее употребляется слово ἄρχων, вероятнее всего, означающее префекта Египта.

¹⁴ Б. Далман полагает, что данная фраза построена по модели формул из документов (см.: [11, р. 193–194]). Но ее можно истолковать и по-другому: Даниил просит наказать его земным судом, чтобы избежать посмертного наказания.

¹⁵ В греч. тексте стоит слово διάκρισις. Б. Далман переводит его как scrupulousness [11, р. 117].

Т. Вивиан в переводе придерживается версии Далман, но в комментарии предлагает другой вариант перевода: *discernment* [24, p. 46, 134]. Для нас нет никаких сомнений, что в данном случае имеется в виду именно рассудительность, возможно, с определенными монашеским коннотациями (то есть как способность к различению духов).

¹⁶ Это место явно указывает на пропуски в тексте, изданном Б. Далман. Нигде ранее о числе варваров, у которых находился в плену Даниил, не упоминалось.

¹⁷ Греч. *λελωβημένος*, буквальный перевод – «увечный», хотя возможен и перевод «оскверненный». Б. Далман полагает, что речь идет о прокаженном, поскольку проказа считалась священной болезнью, а прокаженный уподоблялся библейскому Лазарю (Лк 16) и символизировал страдающего бедняка, отвергнутого обществом из-за боязни заразиться.

¹⁸ То есть в населенные земли, в отличие от пустыни, где обычно располагались монастыри. Более подробно о семантике слова «Египет» в раннемонашеской литературе см.: [4, с. 68].

¹⁹ Греч.: *οἱ Σκητιῶται*. Б. Далман переводит эту фразу как «the people in Sketis» [11, p. 117], что имеет более общее значение и на наш взгляд является не совсем точным переводом по смыслу – вряд ли в данном месте речь идет о других категориях людей, кроме монахов (например, о паломниках и т. п.).

²⁰ То есть около полудня.

²¹ В издании Б. Далман стоит *κατέμασσε*. Однако она предполагает, что это порченное чтение и в оригинале было *κατέμασησε* (то есть пережевывал), что более подходит к контексту рассказа. Далман предполагает, что такая практика существовала в Античности, но примеров она найти не смогла. Единственный пример, который она приводит, – это отрывок из пятой проповеди Михаила Хониата, византийского автора XII – начала XIII в., где автор говорит, что проповедует просто и ясно, дабы сказанное служило слушающим пищей, которую он разжевывает также, как это делают няньки для младенцев (см.: [11, p. 195]).

²² В Par. Coisl. 282 эта сцена описана более детально: «Старец вошел в келью и вынул мелко молотую муку, и кормил (немошного) сам, ибо не было у того рук, и не мог он сам брать еду, поскольку был он весь гноющийся» (см.: [11, p. 195]). Ср. данные рукописи Par. Gr. 914 [10, p. 29]. Однако в обоих рукописях затем стоит странная фраза: *Ὁ δὲ γέρων κατέμασσεν τὸ στόμα τοῦ λελωβημένου ταῖς ἰδίαις χερσὶν καὶ ἔβαλλεν εἰς τὸ ἴδιον αὐτοῦ στόμα* [11, p. 195; 10, p. 29]. Либо здесь следует признать ошибочным чтение *τὸ στόμα*, либо понимать глагол *κατέμασσω* в значении «вытирать».

²³ Не совсем понятно, к кому относится местоимение «его» – Сергию или Даниилу. В Par.

Coisl. 282 этот рассказ начинается словами «Был в Скиту старец по имени Даниил» и стоит на первом месте (см.: [11, p. 99]). Вивиан полагает, что именно этот рассказ открывал весь сборник, тогда как рассказ о Данииле – апофтегма (см.: [24, p. 309]).

²⁴ Греч.: *ἔδωκεν... παρρησίαν*. Слово *παρρησία* в христианской литературе довольно многозначно (см.: [19, p. 1044–1045]). Укажем два смысла его употребления в Новом Завете: 1) говорить прямо, без иносказаний (Ин 16: 25); 2) иметь дерзновение (1 Ин 3: 21) (ср.: [24, p. 309]).

²⁵ Скит (совр. Вади-эн-Нагрун) представляет собой впадину, поэтому употребление здесь глагола *ἀνέρχουαι* со значением «подниматься» вполне оправдано.

²⁶ Эта фраза указывает на игуменство Даниила (см. выше во введении). На это же указывает заглавие коптского Жития [10, p. 83, 100] (ср.: [24, p. 105]).

²⁷ В тексте (здесь и далее) в качестве обозначения александрийского патриарха употребляется слово *πάπας*, то есть папа. Помимо папы римского этот титул прилагался к александрийскому и иерусалимскому патриархам.

²⁸ Имеется в виду Пасха (ср.: [24, p. 309]).

²⁹ То есть около полудня. В Par. Coisl. 283 указан не одиннадцатый, а десятый час (см.: [11, p. 197]).

³⁰ В данном случае (как видно из дальнейшего описания) слово *γυμνός* означает полуодетого человека или человека в нижнем белье (ср.: [11, p. 197]).

³¹ В некоторых рукописях вместо «чресел» (*ψυῶν*) стоит «плечи» (*ὄμων*). Б. Далман предполагает порчу текста: ошибочное написание *ω* вместо *ψ* и *μ* вместо *ν* [11, p. 198].

³² Как предполагает Б. Далман, греческое слово *καμψαρκόν*, стоящее здесь, происходит от слова *καμψάριος/καψάριος*, которое является латинизмом (= *carsarius*). Слово *carsarius* означало раба, носившего школьные принадлежности детей хозяина, гардеробщика в бане или изготовителя футляров [5, с. 120]. Греческое *καμψαρκόν* могло означать набедренную повязку, которую носит банщик [19, p. 700] (ср.: [11, p. 197]).

³³ И Марк, и бывшие с ним в греческом тексте одинаково обозначены словом *σαλός*. Б. Далман справедливо полагает, что речь идет о реальных сумасшедших, поскольку в тексте рассказа нет ни одного намека, что они тоже юродивые. Поэтому в переводе мы сочли возможным обозначить безумие Марка и его «компаньонов» с помощью разных слов. Похоже, что в тексте история рассказана с разных перспектив. Автор сообщает читателю истину и вместе с тем точку зрения людей на Марка и его окружение. Все остальные, кроме Марка, показаны как истинные безумцы (ср.: [11, p. 198]).

³⁴ В греч. тексте стоит причастная форма от глагола *ἐξηρέω*, основные значения которого «про-

износить», «петь», «звучать». Однако в более позднее время он мог употребляться в значении «быть безумным» [22, р. 483], ср. русское «кликуша».

³⁵ Греч. ἵπλος, буквально: лошадь, жеребец.

³⁶ Таково значение стоящего здесь греч. слова δημόσιον. Б. Далман предполагает, что речь идет об общественной бане (ср.: [22, р. 356]). Однако Л. Клинье, П. ван Кавенберг, Д. Крюгер и о. Люсьен Ренье предполагают, что речь идет об ипподроме. В поддержку своей интерпретации Далман приводит такой аргумент: в поздней Античности и Византии мытье в бане было принято, но большие термы считались местом разврата и роскоши, которые вызывали у монахов резкую антипатию [11, р. 199]. Однако ипподром мог также считаться несправедливым местом, поэтому, как нам представляется, невозможно определить с точностью, что именно (ипподром или баня) имеется в виду, хотя в пользу мнения Далман говорит то, что одежда Марка обозначена как повязка банщика (см. выше).

³⁷ В греч. тексте здесь и далее (в аналогичных случаях) – σαλός.

³⁸ Латинизм (νοῦμια = nummi) – мелкая медная монета. После денежной реформы Анастасия I (491–518) было 4 вида медных денег: фоллий, достоинством 40 нумий, а также монеты достоинством 20, 19 и 5 нумий. В Александрии эта монета начала ходить при Юстине I (518–527), но имела другие достоинства: 12, 6 и 3 нуммии. В грекоязычной литературе медные деньги обозначались как «нуммий», «фоллий», «фоллера», «обол», «лепта» без ясного различия. Сумма заработка Марка кажется довольно высокой. Б. Далман предполагает, что цифра в сто нуммий символическая [11, р. 199–200].

³⁹ В тексте употреблен латинизм (ἀννώνα = annona), означающий годовой урожай, но затем это слово стали использовать в значении «продовольствие», «съестные припасы».

⁴⁰ В Parg. Coisl. 282 стоит цифра десять (δέκα), а не двенадцать (δώδεκα). Вероятно, цифра двенадцать более правильная, а цифру десять можно объяснить пропуском слога δω- переписчиком (см.: [11, р. 200]).

⁴¹ В греч. тексте: τὸ Τετραπύλλον τὸ μέγα. Тетрапилон – сооружение в виде четырехсторонней арки находилось возле городской агоры. О нем упоминает Иоанн Мосх (*Io. Mosh. Prat. Spig. 77*): «Местность Тетрапила в большом уважении у александрийцев. Говорят, что основатель города Александр, взявши из Египта останки пророка Иеремии, похоронил их там» [6, с. 94]. К. Хаас считает, что александрийский тетрапилон немного напоминал современный ему тетрапилон в Фессалониках (так называемую арку Галерия), который был расположен в центральном районе города [18, р. 368, n. 27].

⁴² Греч.: μή πάσχε ὄβριον.

⁴³ Мотив поиска человека (оппозиция «человек – толпа») имеет параллели в рассказах о философах (знаменитое «ищу человека» Диогена Синопского) и в рассказе про Эзопа (*Vita G, 66*) (см.: [11, р. 201]).

⁴⁴ Букв.: придя в себя.

⁴⁵ Греческое слово ἐχθρός, которое здесь употребляется, является одним из наиболее частых синонимов беса в монашеской литературе.

⁴⁶ Пемптон – монашеский центр, находившийся на расстоянии пяти миль от Александрии, отсюда и название. О нем см.: [15]. В окрестностях Александрии было несколько монашеских центров, название которых означало их удаленность от столицы Египта. Это Пемптон, Энатон (то есть монастырь на девятой миле) и Октокайдекатон (то есть монастырь на восемнадцатой миле).

⁴⁷ То есть в Александрию.

⁴⁸ В рукописи Parg. Coisl. 282 добавление: ἄλλα ὀκτὸ ἔτη [10, р. 13], то есть на другие восемь лет. Это место может указывать на то, что данная рукопись содержит более исправный текст, чем тот, который издала Б. Далман. Из него становится понятно, откуда появились те истекшие восемь лет в городе, о которых далее говорит юродивый.

⁴⁹ В тексте стоит слово στρατηλάτης, то есть военачальник. Обычно так обозначали чиновника, осуществлявшего военную власть в Египте, по-латински именуемого *dux*. Однако в агиографических текстах «стратилат» мог означать и собственно префекта Египта, тем более что разделение на военную и светскую власть не всегда соблюдалось. Подробнее об этом см. [1, с. 182–184].

⁵⁰ Греч. ἄπρακτα γενέσθαι. Далман переводит эту фразу как «(ordered) work to cease (in the city)» [11, р. 123]. Можно предполагать, что данное выражение означало объявление траура, когда вводился особый режим функционирования городской жизни.

⁵¹ В коптской версии, изданной И. Гвиди, Даниил посылает ученика не в Скит, а в Энатон [10, р. 85, 101] (ср.: [24, р. 106]).

⁵² Греч. κροῦσατε κροῦσμα, выражение, по всей видимости, означающее просьбу подать сигнал (ср. перевод Далман: *sound the signal* [11, р. 123]). В монастырях и церквях обычно эту функцию выполняют колокола. В позднеантичном Египте колоколов не было, их заменяло специальное сигнальное устройство из дерева, по-русски именуемое «било».

⁵³ Греч. ἀνέβη.

⁵⁴ Греч. ἀσπροφοῦντες. До сих пор не ясно, когда именно одежда египетских монахов регламентируется и становится черного цвета. Предположительно, до конца IV в. их одежда мало чем отличалась от повседневной (туника / колловий /

левитон) и белый цвет преобладал (см.: [7, с. 68–73]). Т. Вивиан считает, что белая одежда на тот момент (VI в.) уже не была у египетских монахов обычной [24, р. 312]. Можно предположить, что белые одежды стали знаком траура.

⁵⁵ Греч. μετὰ κλάδων καὶ βραίων, что выглядит как плеоназм. Возможно, суть фразы в том, что монахи вышли с ветвями финиковой пальмы, на которых были листья, поскольку было различимо по смыслу, покрыты ли черенки листьями либо же они от них очищены (в современном Египте такие очищенные от листвы черенки именуются «геридом»). Ветви финиковой пальмы до сих пор в Египте используются как часть погребального обряда, а воткнутые пучки таких ветвей можно видеть на современных исламских кладбищах (например, в Фаюме).

⁵⁶ Энатон в V–VII вв. представлял собой «агломерацию» монашеских общин. Был одним из центров антихалкидонитов, однако по некоторым данным там могли быть и халкидонские общины. Об Энатоне см., напр.: [14].

⁵⁷ Один из самых известных монашеских центров Египта поздней Античности. Географически Келлии хорошо локализованы, их археологическим изучением занимались французская и швейцарская экспедиции. К настоящему моменту раскопки полностью завершены, а материалы изданы.

⁵⁸ Еще один из самых известных монашеских центров Египта данного периода. К сожалению, с его локализацией дело обстоит не так хорошо, как с Келлиями или Скитом, масштабных раскопок Нитрии не проводилось. Подробнее о монашеской организации Нитрии см., напр.: [1, с. 110–113, 138–139]. Нитрия, Келии и Скит в IV в., судя по всему, представляли собой одну монашескую «конгломерацию» (или достаточно плотную «сеть»), их насельники поддерживали тесные связи между собой. Информации о том, как функционировала эта «конгломерация» после халкидонского раскола, практически не сохранилось.

⁵⁹ Греч. αἱ λαῦραι αἱ κατὰ Ἀλεξάνδρειαν. Фразу можно понять двояко – и как монастыри / лавры в Александрии и как обители вокруг Александрии. Последующая фраза, что Марка вышли хоронить «город и монахи» подразумевает, скорее, что монастыри находились не в самом городе, а в его окрестностях. Б. Далман ссылается на мнение К. Хааса, что первоначально александрийские христиане собирались на кладбищах в пригородных зонах, где вскоре и возникли монастыри [18, р. 261] (ср.: [11, р. 204]). Но нам не известно, подтверждается ли эта гипотеза археологическими свидетельствами.

⁶⁰ В греческом тексте стоит форма глагола σμυρνίζω, основное значение которого «приправлять миррой или смирной». Однако Б. Далман пере-

водит его глаголом embalm, видимо, подразумевая, что останки Марка были мумифицированы. Подробнее о вопросе см., напр.: [2, с. 61].

⁶¹ Свечи и благовония, так же как и псалмопения были частью погребального обряда. Перед дрогами или катафалком священники могли нести свечи, а дьяконы – курильницы с фимиамом. Интересно, что в Par. Coisl. 282 и Par. Coisl. 283 фраза другая: μετὰ κλάδων καὶ κηρῶν, то есть «с ветвями и свечами» (см.: [11, р. 204]).

⁶² В греч. тексте стоит слово μέση, что буквально следует понимать, как путь или улицу, находящуюся посередине. Б. Далман предполагает, что речь может идти о Via Canopica, центральной улице Александрии, расположенной между Вратами Солнца и Вратами Луны (с западным некрополем). Улица пересекала город с востока на запад. Свидетельство о ней оставил Диодор Сицилийский (*Diod. Hist. XVII. 52.3*). По этой улице часто проходили важные городские процессии, поэтому вполне логично предположить, что именно по ней пронесли останки Марка. Стоит отметить и то, что центральная улица Константинополя называлась ἡ Μέση (см.: [11, р. 205]).

REFERENCES

1. Voytenko A.A. *Egipetskoe monashestvo v IV v.: Zhitie prep. Antoniya Velikogo, Lavsaik, Istoriya monakhov* [Life of St Antony, the Lausiak History, the History of Monks in Egypt and Egyptian Monasticism at the 4th Century]. Moscow, CES RAS, 2012. 320 p.
2. Voytenko A.A. Koptskiy pogrebalnyy ritual po pismennym istochnikam [Coptic Burial Customs After the Written Sources]. *Aeternitas: sb. st. po greko-rimskomu i khristianskomu Egiptu* [Aeternitas. Collection of Articles on Greco-Roman and Christian Egypt]. Moscow, CES RAS, 2012, pp. 38-70.
3. Voytenko A.A. Koptskie fragmenty «Lavsaika» [Coptic Fragments of *Historia Lausiaca*]. *Theodulos: sb. st. pamyati I.S. Chichurova* [Theodulos. Collection of Articles in Memory of Igor S. Chichurov]. Moscow, St. Tikhon's Orthodox University, 2012, pp. 57-72.
4. Voytenko A.A. Nekotorye osobennosti vospriyatiya prostranstva v koptskikh monasheskikh zhitiyakh [Some Features of the Spatial Perception in Coptic Monastic Lives]. *Vestnik MGPU*, 2015, no. 2 (18), pp. 67-76.
5. Dvoretzkiy I.Kh. *Latinsko-russkiy slovar* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1996. 846 p.
6. Khitrov M.I., ed. *Lug dukhovnyy, tvorenie Ioanna Moskha* [Spiritual Meadow by John Moschos]. Sergiev Posad, Svyato-Troitskaya Lavra, 1915. 282 p.
7. Regnault L. *Povsednevnyaya zhizn otsov-pustynnikov IV v.* [Everyday Life of the 4th Century

Desert Fathers]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008. 334 p.

8. Bonnet M. Review on Clugnet L. Vie (et récits) de l'abbé Daniel le Scétiote (VIe siècle). Paris, Picard et fils, 1901. *Byzantinische Zeitschrift*, 1904, Bd. 13, S. 166-171.

9. Clugnet L., ed. Vie et récits de l'abbé Daniel le Scétiote (VIe siècle). *Revue de l'Orient Chrétien*, 1900, vol. 5, pp. 49-73, 254-271, 370-391; 1901, vol. 6, pp. 56-87.

10. Clugnet L. et al., eds. *Bios tou abba Daniēl tou Skētiōtou / Vie (et récits) de l'abbé Daniel le Scétiote (VIe siècle)*. Paris, Librairie A. Picard, 1901. 117 p.

11. Dahlman B. *Saint Daniel of Sketis. A Group of Hagiographic Texts Edited with Introduction, Translation, and Commentary*. Uppsala, Uppsala University Library, 2007. 260 p.

12. Drescher J., ed. *Three Coptic Legends. Hilaria. Archellites. The Seven Sleepers*. Le Caire, IFAO, 1947. VIII, 179 p., 12 Pl.

13. Garitte G. Daniel de Scète. *Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques*, 1960, vol. 14, cols. 70-72.

14. Gascou J. Enaton, The. *Coptic Encyclopedia. Vol. 3*. New York, Macmillan Publ. Co., 1991, pp. 954-958.

15. Gascou J. Pempton. *Coptic Encyclopedia. Vol. 6*. New York, Macmillan Publ. Co., 1991, p. 1931.

16. Goldschmidt L., Esteves Pereira F.M., eds. *Vida do abba Daniel do mosteiro de Sceté. Versão ethiopica*. Lisboa, Imprensa nacional, 1897. XXII + 58 p.

17. Guy J.-C. *Recherches sur la tradition grecque des Apophthegmata Patrum*. Bruxelles, Societe des bollandistes, 1963. 275 p.

18. Haas Ch. *Alexandria in Late Antiquity. Topography and Social Conflict*. Baltimore/MD; London, The Johns Hopkins University Press, 1997. 494 p.

19. Lampe G.W.H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1961. XLIX, 1568 p.

20. Orlandi T. Daniel of Scetis. *Coptic Encyclopedia. Vol. 3*. New York, Macmillan Publ. Co., 1991, p. 692.

21. Smith Lewis A., ed. *The Forty Martyrs of the Sinai Desert and the Story of Eulogius from a Palestinian Syriac and Arabic Palimpsest*. Cambridge, University Press, 1912. 52, 82 p., pl.

22. Sophocles E.A., ed. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (from B.C. 146 to A.D. 1100)*. Hildesheim; Zürich; New York, Georg Olms Verlag, 1992. 1188 p.

23. Van Cauwenbergh P. *Étude sur les moines d'Égypte depuis le concile de Chalcedoine (451) jusqu'à l'invasion arabe (640)*. Paris, Imprimerie nationale, 1914. X, 199 p.

24. Vivian T., ed. *Witness to holiness: Abba Daniel of Scetis*. Kalamazoo/MI, Cistercian Publications, 2008. 399 p.

25. Wipszycka E. *Études sur le christianisme dans l'Égypte de l'antiquité tardive*. Roma, Institutum Patristicum Augustinianum, 1996. 452 p.

26. Wortley J., ed. *The Spiritual Meadow (Pratum Spirituale) by John Moschos (also known as John Eviratus)*. Kalamazoo/MI, Cistercian Publications, 1992. XX, 287 p.

27. Wortley J., ed. *The Spiritually Beneficial Tales of Paul, Bishop of Monembasia and of Other Authors*. Kalamazoo/MI, Cistercian Publications, 1996. 225 p.

Information About the Author

Anton A. Voytenko, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 29, Bld. 8, 119071 Moscow, Russian Federation, voytenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-9909>

Информация об авторе

Антон Анатольевич Войтенко, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН, просп. Ленинский, 29, стр. 8, 119071 г. Москва, Российская Федерация, voytenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-9909>

**IN MEMORY OF NIKOLAY D. BARABANOV
(MARCH 2, 1956 – MAY 27, 2024)**

**ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ДМИТРИЕВИЧА БАРАБАНОВА
(02.03.1956–27.05.2024)**

27 мая 2024 г. ушел из жизни бессменный выпускающий редактор византийского номера Вестника ВолГУ Николай Дмитриевич Барабанов – один из ведущих отечественных специалистов по истории Православной Церкви и народной религиозности в Византии, на Руси и средневековой Западной Европе, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета. Полтора года Николай Дмитриевич мужественно и стойко сражался с тяжелым недугом, спровоцированным эпидемией, продолжал упорно работать до последних минут жизни, несмотря на невыносимую боль... К несчастью, недуг оказался сильнее, и подготовку к печати этого выпуска завершали уже его ученики.

Николай Дмитриевич родился 2 марта 1956 г. в городе Свердловске (ныне – Екатеринбург) в семье военного. Образование получил в лучшей в Свердловске средней школе № 5 с углубленным изучением математики и иностранных языков. В восьмом классе увлекся археологией, посещал археологический кружок на кафедре археологии исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького, куда поступил в 1973 году. Его первым научным руководителем стал основатель Уральской археологической школы Владимир Федорович Генинг. Каждый год Николай Дмитриевич ездил в археологические экспедиции, где и встретил свою любовь на всю жизнь. Второй курс университета оказался поворотным в судьбе Николая Дмитриевича. Знакомство с трудами основателя Уральской школы византиноведения Михаила Яковлевича Сюзюмова, его ученика профессора В.А. Сметанина, с зарубежной литературой пробудили в нем интерес к истории Византии. Он нашел в себе мужество объясниться с научным руководителем и стал специализироваться у крупного специалиста по византийской эпистографии Валентина Александровича Сметанина (1938–2018). Тот год оказался поворотным и в личной жизни Николая Дмитриевича. Он женился на Ольге Олеговне Свиныной – коллеге по археологическим экспедициям.

Византиноведение – история государства, которого уже пять веков нет, по меткому замечанию специалистов, является уделом либо очень богатых людей, либо преданных науке ученых-бессребренников. Н.Д. Барабанов принадлежал ко второй категории византинистов. В 1978 г. он с красным дипломом окончил полный университетский курс обучения на историческом факультете, защитил дипломную работу «Взаимоотношение государства и церкви в Византии в правление патриарха Афанасия I» и поступил в аспирантуру к основателю Уральской школы византиноведения, выдающемуся советскому ученому М.Я. Сюзюмову. Новый научный руководитель попытался направить нового ученика на разработку близкой ему темы, но тот установил тесные связи с известными учеными-византинистами Георгием Львовичем Курбатовым, Сергеем Павловичем Карповым, Иоанном Мейендорфом, Элис-Мери Толбот, Альбером Файе и добился, казалось бы, невозможного: заведующий отделом рукописей Ватиканской библиотеки Поль Канар, по просьбе зарубежных коллег, прислал ему микрофильм неизданных рукописных текстов патриарха Афанасия I. В распоряжении Н.Д. Барабанова впервые оказалась весьма репрезентативная источниковая база по теме его исследования, которой грех было не воспользоваться, поэтому М.Я. Сюзюмов согласился с выбором ученика.

В то время аспиранты – античники и медиевисты, чтобы сдать кандидатский минимум, должны были сначала изучить и получить зачеты по древнегреческому и латинскому языкам. Благодаря знаниям, приобретенным в школе и университете, Николай Дмитриевич успешно преодолел и эту ступеньку мастерства историка. Помимо древнегреческого и латинского он читал литературу на шести европейских языках, что позволило ему стать уникальным специалистом и сразу же войти в курс проблематики не только советского, но и мирового византиноведения.

В советское время аспирант, как правило, получал обязательное распределение в один из вузов СССР. Н.Д. Барабанов повезло. Ему дали возможность выбрать между уже сложившимся Челябинским и открытым в 1980 г. Волгоградским государственными университетами. Глава молодой семьи, у которой в 1980 г. появился сын Илья, выбрал Волгоград, так как ректор М.М. Загорюлько мог решить главный для Барабановых вопрос – предоставить современную квартиру. 1 декабря 1981 г. Николай Дмитриевич поступил на должность ассистента формирующейся кафедры истории Волгоградского государственного университета. 4 июня 1982 г. Н.Д. Барабанов с блеском защитил кандидатскую диссертацию по теме «Идейно-политическая борьба в Византии на рубеже XIII–XIV вв. (по данным писем патриарха Афанасия I)» и в 1982 г. был избран по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры всеобщей истории, в 1983 г. Барабановы получили квартиру, а в 1986 г. у них родился второй сын Олег.

Некоторые преподаватели, получив в Волгограде в свои руки ключи от квартиры, тут же их меняли и возвращались в Москву, Ленинград, Саратов, Свердловск и т. д. Николай Дмитриевич был человеком слова и чести, поэтому посвятил всю свою жизнь Волгоградскому государственному университету. В 1988 г. ему было присвоено ученое звание доцента. Он прошел научную стажировку в Кёльнском университете в семинаре профессора Петера Шрайнера.

В 1991 г. Н.Д. Барабанов попробовал себя на административной стезе – принял предложение декана исторического факультета, автора этих строк, и вступил в должность заместителя декана. Развал СССР ревизионистским руководством КПСС в одночасье лишил работы преподавателей общественных наук на кафедрах научного коммунизма, истории КПСС, социальной философии. Факультет пришлось реформировать и найти решение, которое позволило бы избежать ломки человеческих судеб и потерь. После долгой проработки вопроса удалось соединить кафедры истории СССР и истории КПСС и образовать из них кафедры истории дореволюционной России (проф. В.А. Китаев) и Истории СССР (проф. В.Д. Зими́на); кафедра всеобщей истории была объединена с кафедрой научного коммунизма и на их основе созданы кафедры археологии, древней и средневековой истории (проф. А.С. Скрипки́н) и нового и новейшего времени (проф. Д.М. Туган-Барановский). Кафедра социальной философии (проф. С.Э. Крапивенский) позднее была преобразована в философский факультет. На кафедре археологии, древней и средневековой истории была сформирована секция истории средних веков, которую возглавил Н.Д. Барабанов. В учебный процесс по опыту столичных вузов были внедрены «сквозные спец-

семинары профессоров, в которых трудились их ученики от студента первого курса до аспиранта, расширена и углублена источниковедческая подготовка: отечественная история (И.О. Тюменцев), зарубежное источниковедение (А.С. Скрипкин, Н.Д. Барабанов и др.), преподавание вспомогательных исторических дисциплин (И.Г. Тинин). В 1993 г. завершена компьютеризация факультета, расширены международные связи и изучение иностранных языков. Административная работа отвлекала от научных штудий и требовала много сил и времени. Н.Д. Барабанов сделал выбор в пользу науки и через год после вступления в должность вернулся к преподавательской работе. Его преемник А.А. Бессолицын помог нам завершить начатые преобразования, но, к нашему глубокому разочарованию, вскоре в подготовке историков был взят курс на бакалавриацию и удешевление исторического образования, плоды которого мы ныне пожинаем.

В 1995–1997 гг. Н.Д. Барабанов являлся первым самым крупным грантодержателем Российского гуманитарного научного фонда (№ 95-06-17160а) в ВолГУ «Средневековое Православие от прихода до Патриархата. Византия и Русь», а автор этих строк – ответственным исполнителем. Итогом работ по гранту стали два сборника с одноименным названием (Волгоград, 1997–1998).

От административной работы Н.Д. Барабанову уйти так и не удалось. В 90-х гг. XX в., будучи православным человеком, по просьбе и благословию митрополита Волгоградского и Камышинского Германа, Николай Дмитриевич принял самое активное участие в создании Царицынского Православного университета и Царицынского Духовного училища, став одним из первых его преподавателей и проректором по научной и учебной работе. Он трудился на этом поприще около 25 лет, совмещая с работой в ВолГУ. Подготовил целую плеяду церковнослужителей для епархии. Создал и редактировал епархиальный научный сборник «Мир Православия» (10 выпусков, 1997–2019). К сожалению, это начинание митрополита ныне заглохло. Остался только Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии РПЦ. Вклад Николая Дмитриевича в развитие народного и духовного образования в Волгограде велик и высоко оценен Русской Православной Церковью, наградившей его орденом Святителя Макария, митрополита Московского (III степени), Патриаршим знаком «700-летие Преподобного Сергия Радонежского».

Во второй половине 90-х гг. прошлого века Николай Дмитриевич определился с темой будущей докторской диссертации «Народная религиозность в Византии». Работа потребовала много времени и сил, так как по различным вопросам и аспектам темы постоянно выходили публикации источников и литературы, которые он не мог пропустить и тщательно изучал. Полученные результаты историк постоянно апробировал в научных статьях и на международных и всероссийских конференциях. Предложения, увещевания, просьбы автора этих строк неизменно наталкивались на твердое «нет», «рано» и «еще немного».

К настоящему времени Н.Д. Барабанов являлся автором более 114 научных и научно-методических работ, его труды издавались в крупнейших зарубежных и российских изданиях и высоко оценены коллегами. Он был главным редактором ряда серийных изданий и сборников научных статей, посвященных истории Византии в целом и истории Церкви (помимо указанных выше): «Византия: общество и церковь» (2005), «Власть, общество и церковь в Византии» (2007), «Στρατιῆς: сб. ст. в честь Владимира Васильевича Кучмы» (2008), «Πολεμολόγος: сб. ст. памяти профессора В.В. Кучмы» (2012). К сожалению, монография Н.Д. Барабанова, посвященная народной религиозности в Византии, как и докторская диссертация, осталась незаконченной. Семья, коллеги, ученики планируют издать творческое наследие Николая Дмитриевича.

Много внимания Н.Д. Барабанов уделял учебно-методической работе. Особенно требователен он был к ученикам. Такие качества Николая Дмитриевича, как строгость и требовательность обеспечили высокий уровень защищаемых работ. Лишь немногие ученики Н.Д. Барабанова смогли пройти его школу и связать свою жизнь с наукой и преподаванием. Под руководством Н.Д. Барабанова защищены 3 диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Николай Дмитриевич часто выступал с научными докладами на профильных зарубежных, международных, российских и региональных научных конференциях. С 2009 г. был непременным участником Византийского семинара «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис», который про-

водится в Севастополе в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический».

В мае 2015 г. Н.Д. Барабановым была организована первая международная конференция по византистике в Волгограде под названием «Мир Православия. Византийская цивилизация и ее наследие», которая собрала в стенах ВолГУ и Царицынского православного университета большое количество специалистов из России и Европы по истории Византии и Византийской Церкви. Проведение столь масштабного события в Волгограде положило начало тематическому номеру по истории Византии Вестника Волгоградского государственного университета. Серия 4, бес-
сменным выпускающим редактором которого являлся Н.Д. Барабанов.

Мало кто знает, что Н.Д. Барабанов – внешне чисто городской человек – прошел проверку горами. Много лет мы семьями ходили летом в походы и забирались в такие места, где были только «медвежьи козьи тропы». В критических ситуациях он не терял твердости духа и никогда не жаловался на тяготы «первобытной» жизни.

Настоящий 10-й, юбилейный Византийский Вестник, в последний раз выходит под редакцией Н.Д. Барабанова. Отныне выпускающим редактором этого тематического номера станет один из его учеников.

*Главный редактор, выпускающий редактор тематического номера,
доктор исторических наук, профессор И.О. Тюменцев*

IGOR P. MEDVEDEV
(NOVEMBER 1, 1935 – AUGUST 31, 2024)

ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ МЕДВЕДЕВ
(01.11.1935–31.08.2024)

Игорь Павлович Медведев, действительный член РАН, ушел из жизни накануне проведения конференции в ознаменование 150-летнего юбилея В.Н. Бенешевича – великого отечественного ученого. Изучению его судьбы и творчества И.П. Медведев посвятил многие труды, обращаясь в течение своей долгой жизни к наследию знаменитого предшественника многократно.

Многочисленные книги, сотни статей и других публикаций И.П. Медведева знаменовали этапы творческого роста ученого, охватившего своими исследованиями широкий хронологический диапазон, начиная с первых столетий византийской истории вплоть до нынешнего столетия.

Творческий путь И.П. Медведева начинался с публикаций результатов его исследований истории и культуры поздневизантийской Мистры (1973 г.) и основных проблем византийского гуманизма XIV–XV вв. (1976 г.). Символическим рубиконом на указанном пути стала подготовка к изданию византийского «Земледельческого закона». Его публикация (1984 г.) явилась словно бы претворением в жизнь давнего замысла В.Н. Бенешевича осуществить подлинно критическое издание «Земледельческого закона». Оно бесспорно вводит И.П. Медведева, превзошедшего своего научного руководителя и многоуважаемую старшую коллегу в деле изучения «Земледельческого закона» Е.Э. Липшиц, в круг ведущих мировых византинистов. В общем ряду специальных трудов

Примечание. Фотография И.П. Медведева воспроизведена по изданию: *Spicilegium Byzantino-Rossicum: сб. ст. к 80-летию члена-корреспондента РАН И.П. Медведева* / под ред. Л.А. Герд. М.; СПб.: Индрик, 2015.

нельзя выпустить из виду очерки византийской дипломатики (1988 г.), монографическое исследование, хорошо известное специалистам. Заметной вехой на многотрудном восхождении ученого к вершинам науки стала монография «Правовая культура Византийской империи» (2001 г.). В этой книге И.П. Медведев обобщил опыт изучения византийского права видными отечественными и зарубежными правоведами разных поколений. К этому времени в поле зрения И.П. Медведева попали важнейшие стороны и русско-византийских, и греческо-российских научных и культурных связей, многие аспекты которых доселе оставались малоизвестны широкой научной общественности. Ее требовательным запросам в большей степени отвечали архивные изыскания и публикаторская деятельность И.П. Медведева в сфере изучения исторического наследия наших предшественников. Их имена, порой находящиеся у нас на слуху, иногда малоизвестные, будучи упомянуты на страницах многих трудов И.П. Медведева, составляют обширный перечень. Он сам по себе прекрасно характеризует академический уровень научных интересов ученого.

Последние десятилетия жизни И.П. Медведева отмечены выходом в свет ряда книг – публикаций архивных материалов, фундаментальных исследований и сборников трудов по истории науки. И.П. Медведев показал себя ее пытливым исследователем, выступая в роли автора, ответственного редактора и членом редакционной коллегии крупных научных изданий. Общенаучная значимость побуждает назвать не единожды важнейшие труды, связанные с именем И.П. Медведева. В первую очередь следует отметить его монографию «Петербургское византиноведение: страницы истории» (2006 г.) и сборники статей «Судьба ученого: Владимир Николаевич Бенешевич» (2020 г.); «Историки в истории: поиски и решения» (2022 г.). Равным образом высокую научную значимость стяжали сборники исследований, выполненных И.П. Медведевым и сплоченной когортой его ближайших соратников: «Архивы русских византинистов» (1995 г.) и «Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга» (1999 г.). К ним примыкают очерки о судьбах и научном наследии ученых «Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга» (2004 г.) и «Деятели русской науки XIX–XX веков: исторические очерки» (2000 г.). Перечисленные труды получили достойное признание научного сообщества.

Уважение со стороны коллег выражают посвященные ученому публикации, собранные в памятном ему посвящении «Spicilegium Byzantino-Rossicum: сборник статей к 80-летию И.П. Медведева» (2015 г.). Статус ведущего научного деятеля подчеркивают также разного рода библиографические справочники, включая издание «Игорь Павлович Медведев», выпущенное в серии «Материалы к биобиблиографии ученых» (2024 г.).

И.П. Медведев несомненно стяжал общественный авторитет. Он позволил ученому в одной из его публикаций, подводившей итоги развития российской византистики в прошлом столетии, выказать не только откровенное неудовольствие ее современным состоянием, но одновременно дать решительную отповедь злобным нападкам на отечественную науку со стороны зарубежных оппонентов. Многочисленные научные звания, премии и награды не становились препятствием для повседневного дружеского общения И.П. Медведева со всеми коллегами, независимо от их ученых степеней и занимаемой должности, для проявления постоянного живого внимания к их научным занятиям. Именно И.П. Медведев одобрил в 2015 г. издание Византийского выпуска Вестника Волгоградского государственного университета. Став постоянным членом редакционного совета, И.П. Медведев и в дальнейшем всемерно оказывал свою поддержку новому византиноведческому изданию как специалист самого широкого профиля и высочайшего профессионализма. Защита научных достижений российской науки, гуманизм, приверженность твердым научным убеждениям и самоотверженная увлеченность научным творчеством – таковы главные черты, которые характеризуют И.П. Медведева как успешного ученого и как Человека с большой буквы, преданного науке.

Таким останется в памяти поколений своих преемников Игорь Павлович Медведев.

Редколлегия

РЕЦЕНЗЕНТЫ ЖУРНАЛА В 2024 г.

Редакция журнала благодарит ученых, выступивших в роли анонимных рецензентов статей в 2024 году:

к.и.н., ст. науч. сотр. *П.А. Аваков* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)

д.и.н., проф. *В.Л. Агапов* (ДВФУ, Владивосток, РФ)

д.и.н., проф. *А.И. Агафонов* (ДГТУ, Ростов н/Д, РФ)

к.и.н., доц. *Р.С. Айриян* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *А.В. Акоюн* (ИВ РАН, Москва, РФ)

д.и.н. *А.И. Алексеев* (РНБ, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф., вед. науч. сотр. *Е.В. Алексеева* (УрО РАН, Екатеринбург, РФ)

к.и.н., вед. науч. сотр. *Н.А. Алексеенко* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)

к.и.н., доц. *И.В. Анисимова* (АлтГУ, Барнаул, РФ)

к.иск. *С.А. Аргасцева* (Музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *Е.В. Архитова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., вед. науч. сотр. *К.В. Асмолов* (ИКСА РАН, Москва, РФ)

д.и.н., д.полит.н., проф. *А.В. Баранов* (КубГУ, Краснодар, РФ)

д.полит.н., доц. *А.И. Бардаков* (ВИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Волгоград, РФ)

д.и.н., гл. науч. сотр. *В.И. Батюк* (ИСКРАН, Москва, РФ)

д.и.н., доц., ст. науч. сотр. *Н.В. Башнин* (СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)

д.полит.н., проф. *В.К. Белозеров* (МГЛУ, Москва, РФ)

д.и.н., доц. *С.С. Белоусов* (КалМНЦ РАН, Элиста, РФ)

к.и.н., доц. *Н.Ю. Бикеева* (КФУ, Казань, РФ)

к.и.н., доц., вед. науч. сотр. *С.Г. Бочаров* (СевГУ, Севастополь, РФ)

д.филол.н., доц. *Н.А. Добронравин* (Кунсткамера, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *Е.Ю. Болотова* (ВГСПУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., доц., проф. *В.А. Бондарев* (ДГТУ, Ростов н/Д, РФ)

приглашенный преподаватель *К.А. Бондаренко* (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *А.Ю. Борзова* (РУДН, Москва, РФ)

к.и.н. *Л.И. Будченко* (ЦДНИВО, Волгоград, РФ)

к.и.н. *Н.В. Булавинцев* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)

д.и.н., проф., вед. науч. сотр. *Т.А. Булыгина* (СКФУ, Ставрополь, РФ)

д.и.н., проф. *Е.А. Бурдин* (УлГПУ, Ульяновск, РФ)

д.и.н., гл. науч. сотр. *М.Д. Бухарин* (ИВИ РАН, Москва, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *А.Ю. Быков* (ИВ РАН, Москва, РФ)

к.и.н. *А.Б. Ванькова* (ПСТГУ, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *Д.В. Васильев* (МГПУ, Москва, РФ)

д.социол.н. *Е.Н. Васильева* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н. *И.Н. Веденеев* (ИВ РАН, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *В.В. Ведерников* (СПбГТИ (ТУ), Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *А.В. Венков* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)

к.и.н., доц. *Л.Н. Величко* (СКФУ, Ставрополь, РФ)

д.полит.н., проф. *А.А. Вилков* (СГУ, Саратов, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (ИВИ РАН, Москва, РФ)

к.и.н., д.филол.н., проф. *А.Ю. Виноградов* (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)

доктор наук *Во Хуан Вин* (Институт исследований Юго-Восточной Азии, Ханой, Вьетнам)

д.и.н., вед. науч. сотр. *А.А. Войтенко* (ЦЕИ РАН, Москва, РФ)

д.и.н., доц. *А.А. Волвенко* (РГЭУ (РИНХ), Таганрог, РФ)

к.и.н. доц. *Э.А. Воробьева* (НГТУ, Новосибирск, РФ)

к.иск. *А.А. Воронова* (ПСТГУ, Москва, РФ)

к.и.н., науч. сотр. *А.Н. Ворошилов* (ИА РАН, Москва, РФ)

д.и.н., доц. *И.М. Гарскова* (МГУ, Москва, РФ)

д.ю.н., проф. *Я.И. Гилинский* (Университет прокуратуры РФ (филиал), Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф., вед. науч. сотр. *Т.В. Гимон* (ИВИ РАН, Москва, РФ)

науч. сотр. *Н.В. Гинькут* (ИВ РАН, Москва, РФ; ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)

д.и.н., проф. *В.Н. Глазьев* (ВГУ, Воронеж, РФ)

д.полит.н. *А.В. Глухова* (ВГУ, Воронеж, РФ)

д.полит.н., проф. *Ю.А. Головин* (ЯрГУ, Ярославль, РФ)

к.и.н. *В.А. Горелкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., PhD, вед. науч. сотр. *М.В. Грацианский* (МГУ, Москва, РФ; СевГУ, Севастополь, РФ)

к.и.н., доц. *И.В. Грибков* (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, РФ)

к.пед.н., доц. *В.А. Грузевский* (РГУП, Москва, РФ)

д.и.н., доц. *А.А. Гуменюк* (Саратовский национально-исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, РФ)

к.и.н., доц. *М.И. Гуров* (РГЭУ (РИНХ), Таганрог, РФ)

к.культурологии, науч. сотр. *Л.С. Гуцын* (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, РФ)

д.филос.н., доц. *Р.А. Данакари* (ВолгГАУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., проф. *И.Н. Данилевский* (независимый исследователь, Москва)

д.и.н., проф. *В.Н. Данилов* (СГУ, Саратов, РФ)

д.и.н., проф. *П.К. Дашковский* (АлтГУ, Барнаул, РФ)

д.и.н., чл.-корр. РАН *М.В. Добровольская* (ИА РАН, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *Т.В. Евдокимова* (ВГСПУ, Волгоград, РФ)

д.полит.н., к.и.н., проф. *Н.В. Еремина* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., доц. *М.В. Жолудов* (РГУ, Рязань, РФ)

д.и.н., проф. *В.В. Запарий* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)

к.и.н., доц., ст. науч. сотр. *Г.Е. Захаров* (ПСТГУ, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *А.В. Захарченко* (Финуниверситет, Москва, РФ)

к.и.н. *С.В. Зверев* (Музеи Московского Кремля, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *В.А. Золотовский* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.э.н., проф. *Т.Б. Иванова* (ВИУ – РАНХиГС, Волгоград, РФ)

д.и.н., доц., проф. *И.Г. Иванцов* (КВВУ им. С.М. Штеменко, Краснодар, РФ)

к.и.н. *С.А. Исаев* (СПб ИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н. *С.С. Исмаилов* (КРУ им. А. Байтурсынова, Костанай, Казахстан)

к.полит.н., доц. *И.А. Истомин* (МГИМО, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *Г.Т. Камалова* (ЮУГУ (НИУ), Челябинск, РФ)

д.и.н., проф., акад. РАН *С.П. Карнов* (МГУ, Москва, РФ)

к.и.н. *Г.Н. Каменева* (Ставропольский государственный музей-заповедник, Ставрополь, РФ)

д.и.н., к.воен.н., доц. *А.В. Карташев* (СГМУ, Ставрополь, РФ)

к.и.н., доц. *И.В. Киселев* (Краснодарское ВВАУЛ, Краснодар, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *Б.Н. Ковалев* (СПБ ИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н. *А.Л. Клейтман* (ИИЕТ РАН, Москва, РФ)

к.филос.н., доц. *К.Я. Кожурин* (РГПУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., доц. *А.С. Козлов* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)

д.и.н., проф. *В.Н. Козляков* (ИРИ РАН, Москва, РФ)

А.И. Колтакиди (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

д.полит.н., проф. *С.Б. Кожирова* (ИВ РАН, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *Е.В. Комиссарова* (ВолГМУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.В. Коровин* (ЮЗГУ, Курск, РФ)
 д.филол.н., гл. науч. сотр. *В.А. Котельников* (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *Е.Е. Красноженова* (СПБПУ им. Петра Великого, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н. *М.В. Кривошеев* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 д.и.н., проф. *П.А. Кротов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.А. Кручинина* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *А.Б. Крылов* (НИИ МЭМО РАН им. Е.М. Примакова, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *О.В. Кузнецов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *К.Е. Кузьмин* (ИГУ, Иркутск, РФ)
 к.э.н., науч. сотр. *П.В. Кульнева* (ИВ РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.В. Куприянова* (ЧелГУ, Челябинск, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *М.А. Курышева* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 д.биол.н., ст. науч. сотр. *В.В. Куфтерин* (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *Т.В. Куц* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 к.э.н., вед. науч. сотр. *Е.О. Лабецкая* (ИМЭМО РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., доц. *И.А. Ладынин* (МГУ, Москва, РФ)
 к.полит.н., доц. *Ю.И. Лаптева* (РАНХиГС, Воронежский филиал, Орел, РФ)
 к.и.н., доц. *А.Э. Ларионов* (Технологический университет, Москва, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *М.В. Лескинен* (ИС РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *С.И. Линец* (ПГУ, Пятигорск, РФ)
 д.и.н. *Д.В. Лисейцев* (ИРИ РАН, Москва, РФ)
 к.и.н. *Т.В. Лохова* (НПИ (филиал) КубГТУ, Новороссийск, РФ)
 д.и.н., доц. *С.И. Лукьяшко* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 д.ю.н., к.и.н., проф. *С.Г. Лысенков* (СПВИ войск национальной гвардии РФ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., доц. *Д.А. Ляпин* (ЕГУ, Елец, РФ)

д.и.н. *В.В. Майко* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)
 д.филос.н., доц. *Д.И. Макаров* (УГК, Екатеринбург, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.Н. Макарова* (МГТУ им. Г.И. Носова, Магнитогорск, РФ)
 к.и.н., доц., ст. науч. сотр. *С.Н. Малахов* (ИИА РСО – А, Владикавказ, РФ)
 д.и.н. *С.Г. Малкин* (СГСПУ, Самара, РФ)
 к.и.н., вед. науч. сотр. *С.М. Маркедонов* (МГИМО, Москва, РФ)
 к.и.н. *Т.В. Мармونتова* (ЦАИ «Евразийский мониторинг», Астана, Казахстан)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *М.Б. Медникова* (ИА РАН, Москва, РФ)
 д.и.н. *С.А. Мезин* (СГУ, Саратов, РФ)
 к.и.н., науч. сотр. *С.Г. Мелконян* (ИКСА РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *Н.Н. Мельников* (ИИА УрО РАН, Екатеринбург, РФ)
 д.и.н., доц. *Е.А. Мехмадиев* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *К.Е. Мецераков* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н. *А.И. Минеев* (ЧГУ им. И.Н. Ульянова, Чебоксары, РФ)
 д.и.н., проф. *Н.А. Мининков* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
 д.э.н., проф. *И.В. Митрофанова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 PhD, доц. *О.А. Моргунова* (РУДН, Москва, РФ)
 д.полит.н., доц. *И.Л. Морозов* (ВИУ – РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 к.полит.н., доц. *С.И. Морозов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.филос.н., проф., вед. науч. сотр. *Е.В. Морозова* (АГУ, Астрахань, РФ; КубГУ, Краснодар, РФ)
 к.и.н., доц. *А.В. Морохин* (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *С.Р. Муратова* (ТКНСУрО РАН, Тобольск, РФ)
 д.и.н., проф. *А.С. Мухагалиева* (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан)
 к.и.н., доц. *Г.Г. Нагиев* (МГАВМиБ им. К.И. Скрябина, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Т.П. Назарова* (ВолГАУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *В.Е. Науменко* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)

д.и.н., проф. *В.В. Наухацкий* (РГЭУ (РИНХ), Ростов н/Д, РФ)
 к.и.н., доц. *И.В. Невзорова* (ОГПУ, Оренбург, РФ)
 д.и.н., доц. *Л.Ф. Недашковский* (КФУ, Казань, РФ)
 к.и.н. *Т.В. Нелин* (ГБУ «ВОНПЦ по охране памятников», Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.Ю. Николаев* (ВГС ВПИ (филиал) ВолгГТУ, Волжский, РФ)
 д.и.н., проф. *М.В. Новиков* (ЯГПУ, Ярославль, РФ)
 д.филос.н., доц. *Ю.С. Обидина* (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород, РФ)
 к.и.н., доц. *М.Н. Опалев* (ВГПУ (филиал), Волжский, РФ)
 д.и.н., проф. *А.А. Орлов* (МПГУ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *И.Б. Орлов* (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
 д.и.н., доц., гл. науч. сотр. *У.Б. Очиров* (КалмНЦ РАН, Элиста, РФ)
 д.и.н., проф. *А.П. Павлов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н. *Н.В. Панасюк* (РУДН, Москва, РФ)
 д.полит.н., проф. *С.А. Панкратов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.богосл., PhD, доц. *В.Г. Патрин* (ВолГУ, Волгоград, РФ; ЦПЦС Волгоградской епархии, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *А.В. Пачкалов* (Финуниверситет, Москва, РФ)
 к.филос.н., доц. *Е.С. Пашарина* (ВГАФК, Волгоград, РФ)
 к.филос.н. *И.В. Пащенко* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 д.и.н., проф. *А.В. Петров* (СПбДА, Санкт-Петербург, РФ)
 д.филос.н., проф. *И.А. Петрова* (ВолгГМУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *И.С. Петрова* (ГАВО, Волгоград, РФ)
 д.и.н., доц. *Л.В. Печалова* (АНО БУКЭП (филиал), Ставрополь, РФ)
 д.филол.н., проф. *И.А. Подюков* (ПГГПУ, Пермь, РФ)
 д.и.н., проф. *Д.И. Польшанский* (ИвГУ, Иваново, РФ)
 к.и.н., доц. *Т.И. Понька* (РУДН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *А.Д. Попов* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
 к.иск. *А.С. Преображенский* (ГИИ, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *С.В. Пышнограев* (ВГПУ, Воронеж, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Н. Ракачев* (КубГУ, Краснодар, РФ)
 д.и.н., доц. *О.В. Рвачева* (ВИУ – РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 д.филос.н., проф. *В.М. Родачин* (РосНОУ, Москва, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *А.А. Роменский* (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.В. Рыбалко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *М.А. Рыблова* (ВолГУ, Волгоград, РФ; ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 д.полит.н., проф. *М.И. Рыхтик* (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *А.И. Рупасов* (СПИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)
 к.культурологии *А.В. Рябов* (СПУГПС МЧС России, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *С.И. Рябов* (ВА МВД, Волгоград, РФ)
 д.и.н., доц. *А.В. Сагимбаев* (БГУ, Брянск, РФ)
 к.полит.н., доц., вед. науч. сотр. *И.А. Сафранчук* (МГИМО, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *Н.А. Самойлов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н. *Д.Л. Семушин* (EADaуly, Москва, РФ)
 к.филос.н., ст. науч. сотр. *Т.А. Сенина* (СИ ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц., вед. науч. сотр. *Б.У. Серазетдинов* (ИРИ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., д.полит.н., проф. *А.А. Сергунин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., доц. *В.В. Серов* (АлтГУ, Барнаул, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *И.В. Сидорчук* (ТГУ, Томск, РФ; СПбПУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *Ф.Л. Симицын* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., д.филос.н., проф. *А.П. Скорик* (ЮРГПУ (НПИ), Новочеркасск, РФ)
 к.и.н., доц. *В.Г. Соколов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., доц. *И.А. Соков* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *И.В. Ставров* (ДВО РАН, Владивосток, РФ)
 к.и.н. *Д.Н. Старостин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.В. Стельник* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.П. Степаненко* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)

к.и.н., вед. науч. сотр. *Е.В. Степанова* (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.Н. Стрекалова* (СКФУ, Ставрополь, РФ)
 к.и.н., доц. *А.И. Суздальцев* (ВШЭ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *О.А. Сухова* (ПГУ, Пенза, РФ)
 PhD, доц. *Р.В. Сысоева* (МУА, Астана, Казахстан)
 д.и.н., доц. *Л.В. Табунищикова* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
 к.и.н. *И.Г. Тажидинова* (независимый исследователь, Краснодар, РФ)
 к.и.н., доц. *И.Е. Татаринов* (ЛГУ, Луганск, РФ)
 д.и.н., доц. *Е.Д. Твердюкова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.полит.н., доц. *И.Н. Тимофеев* (МГИМО, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.П. Тимофеева* (ВИВТ, Воронеж, РФ)
 к.и.н., проф. *З.П. Тинина* (ВГИИК, Волгоград, РФ)
 д.и.н., доц. *С.А. Толмачева* (БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь)
 д.и.н., проф. *Е.Ф. Троицкий* (ТГУ, Томск, РФ)
 д.и.н., проф. *Р.Ю. Турсунова* (УМЭД, Ташкент, Узбекистан)
 к.и.н., к.ю.н., доц. *И.В. Тушканов* (Северо-Кавказский филиал РГУП, Краснодар, РФ)
 д.и.н., проф. *И.О. Тюменцев* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ; ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.Е. Тюменцева* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *А.Т. Урушадзе* (ЕУСПб, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *О.Г. Усенко* (ТвГУ, Тверь, РФ)
 к.и.н. *Б.Г. Усик* (Центр по изучению Сталинградской битвы, Волгоград, РФ)
 д.и.н., доц., проф. *К.А. Ушмаева* (СФ КрУ МВД России, Краснодар, РФ)
 к.и.н., доц. *А.Г. Фирсов* (ПГУПС, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н. *А.Р. Фофанова* (МГУ, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.Л. Фурман* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н. *Э.А. Хайреддинова* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)
 д.и.н., проф. *Р.Р. Хисамутдинова* (ОГПУ, Оренбург, РФ)

д.и.н., доц. *А.А. Хохлов* (СГСПУ, Самара, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Л. Хейфец* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *И.Н. Храпунов* (КФУ, Симферополь, РФ)
 к.и.н., доц. *И.Ю. Хрулева* (МГУ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *С.А. Хубулова* (РАНХиГС (филиал), Пятигорск, РФ)
 к.и.н., доц. *И.А. Цветков* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *К.Н. Цимбаев* (РГТУ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *И.С. Цыремпилова* (ВСГАКИ, Улан-Уде, РФ)
 к.и.н., доц. *Ю.Н. Цыряпкина* (АГПУ, Барнаул, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *С.З. Чернов* (ИА РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., доц. *Н.В. Чернышева* (ФНИСЦ РАН, Москва, РФ)
 к.и.н. *О.С. Чикризова* (РУДН, Москва, РФ)
 к.и.н. *В.Н. Чхаидзе* (ИВ РАН, Москва, РФ)
 PhD in Economics and Social Sciences *И.А. Чувывычкина* (ИНИОН РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., науч. сотр. *А.К. Шабунина* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., ст. науч. сотр. *А.В. Шадрина* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 к.и.н., доц. *Т.И. Щербаклова* (МГУ им. Н.П. Огарева, Саранск, РФ)
 к.и.н. *Т.А. Шеркова* (Центр египтологических исследований РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *Л.И. Шерстова* (ТГУ, Томск, РФ)
 к.архит., доц. *О.А. Шипицына* (УрГАХУ, Екатеринбург, РФ)
 к.и.н., проф. *Д.В. Шуняков* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *А.С. Щавелев* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *Т.В. Юдина* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Т. Юнгблюд* (ВятГУ, Киров, РФ)
 к.и.н., доц., ст. науч. сотр. *Л.В. Яворская* (ИА РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *С.В. Януш* (Краснодарское ВВАУЛ, Краснодар, РФ)

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 4, Истор. Регионовед. Междунар. отнош. 2024. Том 29. № 6. 1–303.